3 1761 08821403 6

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso05koro

LR
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
... Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
В. Г. КОРОЛЕНКО.

v. 5

ТОМЪ ПЯТЫЙ

489678
12. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

(Наблюденія и замѣтки изъ дневника).

Вмѣсто предисловія.

Въ концѣ февраля 1892 г., въ ясный морозный вечеръ, я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода по арзамасскому тракту. Со мною было около тысячи рублей, отданныхъ добрыми людьми въ мое распоряженіе для непосредственной помощи голодающимъ, и открытый листъ отъ губернскаго благотворительнаго комитета, которому угодно было, съ своей стороны, снабдить меня порученіями, совершенно совпадавшими съ моими намѣреніями. Такимъ образомъ, при своей поѣздкѣ я предполагалъ совмѣстить двѣ задачи: наблюденіе и практическую работу. Для того и другого я, какъ оказалось, очень наивно, отвелъ себѣ одинъ мѣсяцъ...

Вмѣсто одного — три мѣсяца пришлось мнѣ провести въ уѣздѣ, не отрываясь отъ этой затягивающей работы, и затѣмъ опять вернуться туда, до новаго урожая... Теперь передо мною мелко исписанная книжка. Это — мой дневникъ: факты, картины, мысли и впечатлѣнія, которыя я, усталый и порой глубоко потрясенный всѣмъ, что доводилось видѣть и чувствовать за день, заносилъ вечеромъ, по старой профессіональной привычкѣ, въ эту истрепавшуюся дорогой книжонку, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, въ гостиницѣ уѣзднаго города, въ помѣщичьей экономіи. Возстановляя ихъ теперь, я надѣюсь, что они не лишены нѣкотораго интереса. Пусть это неполно, сбивчиво, необработано и нецѣльно. За то, — это прямое отраженіе той самой жизни, которая, со всѣми своими парадоксами, проходила передъ моими глазами...

Я знаю, чего ждетъ читатель отъ корреспондента изъ голодныхъ мѣстностей, въ особенности отъ корреспондента-беллетриста: сгущенной яркой картины, которая сразу заста-

вила бы его, городского жителя, пережить и перечувствовать весь ужасъ голода, растворила бы его сердце, заставила бы раскрыться его кошелекъ... Я знаю умныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ столицъ и съ удивленіемъ замѣчавшихъ, что, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ на улицахъ не замѣтно никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы сразу догадаться, что это — центръ одной изъ голодающихъ губерній. Такіе же умные (безъ всякой ироніи) люди привозили изъ деревень въ Нижній-Новгородъ самыя противорѣчивыя и спутанныя извѣстія... Даже на мѣстѣ, въ волостяхъ, только привычный глазъ отличитъ по первому взгляду голодающую деревню отъ сравнительно благополучной. Ребятишки катаются съ горъ на салазкахъ, курится надъ трубами жидкій дымокъ, въ окна глядятъ на проѣзжаго равнодушныя лица... А гдѣ же самый голодъ?

Я знаю, что, прочитывая мои листки, читатель будетъ, пожалуй, не разъ спрашивать съ такимъ же удивленіемъ: а гдѣ же голодъ? голодъ, который долженъ потрясти, ошеломить, вывернуть человѣка на изнанку? „Голодъ, это — когда матери пожираютъ своихъ дѣтей“, — писалъ еще недавно одинъ господинъ. При Борисѣ Годуновѣ матери, дѣйствительно, ѣли дѣтей; на базарахъ, по свидѣтельству историковъ, продавали порой человѣческое мясо; три женщины въ Москвѣ заманили мужика съ дровами во дворъ, убили его, разрубили на части и посолили... Вотъ голодъ!..

Съ этого времени мы прожили почти три столѣтія, но и тогда напрасно было бы подозрѣвать каждую мать въ пожираніи дѣтей, и не каждый мужикъ съ дровами подвергался опасности быть убитымъ и съѣденнымъ, а если бы тогда были корреспонденты, то и имъ пришлось бы отмѣчать факты далеко не на каждомъ шагу. Человѣческое воображеніе устроено такимъ образомъ, что все исключительное, выходящее изъ ряда, запечатлѣвается въ немъ сильнѣе и ярче. Когда нынѣшнее бѣдствіе отодвинется въ прошлое, то навѣрное, оглядываясь на него, мы увидимъ надъ общимъ уровнемъ мрачные памятники, символы, которыми народная память отмѣтитъ современную невзгоду. Дай Богъ, чтобы въ концѣ девятнадцатаго вѣка они не были такъ ужасны, какъ три вѣка назадъ. Надо, однако, помнить, что это именно только символы, траурные кресты, которыми отмѣчены крайнія грани бѣдствія, а главная масса народнаго горя, сущность явленія не въ нихъ. Поменьше свирѣпости, господа!.. Нужно, наконецъ, научиться признавать и видѣть народное горе и бѣдствіе тамъ, гдѣ ни одна мать не съѣла еще своего ребенка... Я не имѣлъ несчастія присутствовать при агоніи голодной

смерти и не намѣренъ нарочно разыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя.

А голодъ, въ его настоящемъ значеніи, я все-таки видѣлъ и хочу разсказать здѣсь, что именно я видѣлъ, какъ люди голодали, какъ людямъ помогали или отказывали въ помощи, какія при этотъ возможны ошибки и отчего онѣ происходили...

Въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ, странствуя приблизительно тѣми же мѣстами, я, случайный наблюдатель-беллетристъ, имѣлъ случай отмѣтить грозные признаки. Съ какою-то систематическою безпощадностью, которая невольно внушаетъ суевѣрную идею сознательной преднамѣренности и кары, природа преслѣдовала человѣка. По изсыхающимъ нивамъ то и дѣло проходили причты съ молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводныя и скупыя. Съ нижегородскихъ горъ безпрестанно виднѣлись въ Заволжьи огни и дымъ пожаровъ. Лѣса горѣли все лѣто, загорались сами собою; огонь притаивался на зиму въ буреломахъ и тлѣлъ подъ снѣгомъ, чтобы на слѣдующую весну, съ первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы. Помню, какъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль изъ Нижняго видны были на горизонтѣ надъ лѣсами огненные столбы въ вышинѣ, надъ густой пеленой темнаго дыма. Днемъ дымъ клубился, какъ мглистое море, а ночью будто невидимыя руки подымали къ небу зажженные факелы...

Голодъ подкрадывался къ намъ среди этого зноя и дыма, среди этой засухи; онъ былъ у насъ, ходилъ по деревнямъ уже два года, но мы его не замѣчали, потому что еще ни одна мать не съѣла своихъ дѣтей. Статистическое бюро губернской земской управы получило въ томъ году болѣе 740 корреспонденцій отъ мѣстныхъ жителей изъ селъ и деревень. Кромѣ обычныхъ рубрикъ для цифровыхъ отвѣтовъ, каждая карточка, посылаемая корреспонденту, имѣла уже значительное мѣсто для особыхъ отмѣтокъ. Листки вернулись обратно, сплошь покрытые „особыми отмѣтками“ самаго мрачнаго свойства. Деревенская интеллигенція, независимая въ своихъ мнѣніяхъ по данному вопросу и не заинтересованная въ томъ, чтобы все казалось „благополучно“, первая почуяла надвигающуюся грозу. Она не привыкла дѣлиться своими мыслями и опасеніями, не имѣя для нихъ привычнаго исхода. Когда всѣ 744 отвѣта были сведены въ одно цѣлое, получилось ужасающее изображеніе паденія хозяйства, промысловъ, инвентаря, а съ весны истекшаго года изъ-подъ всего этого проглянулъ уже страшный обликъ настоящаго голода...

Вотъ картина, въ которой простодушная рѣчь одного изъ корреспондентовъ губернской управы, сельскаго священника, возвышается порой, подъ вліяніемъ приближающагося бѣдствія, до истиннаго воодушевленія. Заполнивъ цифрами соотвѣтствующія рубрики карточки и обращаясь къ изображенію близко извѣстнаго ему быта, корреспондентъ пишетъ, между прочимъ:

„Въ заключеніе, по поводу недорода хлѣбовъ въ нашей мѣстности и лѣсныхъ пожаровъ, какъ священникъ, проповѣдникъ евангельской истины, скажу слѣдующее: недородъ хлѣба ощущается третій годъ, идетъ бѣда за бѣдой на обывателей земли за беззаконія. Явилась гусеница, ѣстъ хлѣбъ саранча, ѣдятъ черви, доѣдаютъ жуки, погибла жатва въ полѣ, истлѣли зерна подъ глыбами земли, опустѣли житницы, не стало хлѣба. Стонетъ скотъ и падаетъ, уныло ходятъ стада воловъ, томятся овцы, нѣтъ для нихъ пажити... Милліоны деревьевъ, десятокъ тысячъ лѣсныхъ дачъ погорѣли. Огненная стѣна и столбы дыма были кругомъ. Кто виновникъ всего этого? Хотя сверкали полосы молній съ неба во время грозъ, но не жгли и не убивали...

„Слышится голосъ пророка (Софонія 1, 2—3): „Все истреблю съ лица земли, говоритъ Господь: истреблю людей, скотъ и звѣрей, истреблю птицъ пернатыхъ и рыбъ...“ И сколько погибло пернатаго царства во время лѣсныхъ пожаровъ, сколько рыбы въ прудахъ отъ мелкой воды и отъ тяжести льда, а равно и отъ мочки мочалъ“...

Остановившись на время, чтобы высказать нѣсколько совершенно основательныхъ соображеній по частному вопросу о мочкѣ мочалъ въ прудахъ, корреспондентъ продолжаетъ опять въ прежнемъ тонѣ:

„Скрылись отъ предѣлъ нашихъ лоси, убѣжала куница, погибла бѣлка. Заключилось небо и стало мѣдяно, нѣтъ росы, пришли засуха и огонь. Погибли плодовыя травы и цвѣты, нѣтъ ни малины, ни черники, ни клюквы, ни морошки, ни брусники, всѣ торфяники и болота выгорѣли и погибли.

„Землемѣрная вервь, — восклицаетъ онъ въ заключеніе, — куда ты идешь? Измѣрить долготу и широту пожарища-пустыни. Гдѣ ты, зелень лѣсная, свѣжесть воздуха, ароматъ бальзама сосноваго лѣса, которымъ исцѣлялись больные? Все погибло!“

Я привелъ эти выдержки, какъ чрезвычайно характерныя и рисующія настроеніе живого человѣка, въ душу котораго заглянулъ ужасъ надвигающагося бѣдствія. 744 мѣстныхъ жителя разнообразныхъ профессій въ 744 почти единогласныхъ отзывахъ нарисовали картину, впечатлѣніе которой об-

общилъ авторъ цитированныхъ строкъ. „Что чувствую, то и говорю, — пишетъ онъ въ концѣ, вспоминая внезапно, что онъ не ветхозавѣтный пророкъ, а русскій безправный человѣкъ, подлежащій административнымъ воздѣйствіямъ и пишущій вдобавокъ на оффиціальномъ бланкѣ, — о чемъ спрашиваютъ, то и отвѣчаю: прошу за откровенное слово не подвергать меня отвѣтственности“. Опасеніе на этотъ разъ, пожалуй, напрасное: то, что чувствовалъ авторъ отвѣта, чувствовали съ нимъ вмѣстѣ почти всѣ, кому доводилось видѣть вблизи нивы и деревни.

Замѣчательно единодушіе въ этомъ отношеніи, которое водворилось на короткое, впрочемъ, время. „Бѣдствіе ужасно, необходимы самыя широкія и быстрыя мѣры“, — говорилъ съ необычайнымъ одушевленіемъ въ губернскомъ собраніи предсѣдатель васильской уѣздной управы А. А. Демидовъ. Въ іюлѣ на экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи въ Лукояновѣ необходимая цифра ссуды была исчислена въ 4.700.000 р. (для одного уѣзда!). Я привожу эти два случая, какъ наиболѣе характеризующіе настроеніе того времени, когда „урожай 1891 года“ былъ еще на поляхъ и всякій могъ его видѣть. Это печальное зрѣлище убѣждало всякаго. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ тотъ же предсѣдатель васильской управы, А. А. Демидовъ, извѣстный мѣстный ретроградъ, возражалъ противъ всякой помощи съ той самоувѣренностью, которая присуща подобнымъ господамъ: „Господа! мы давно уже слышимъ это нытье и печалованіе о нуждѣ и грозномъ голодѣ. Мы слышали это уже и прошлой весной въ нашемъ уѣздѣ. Знаете ли, какъ мы распорядились (съ удареніемъ и разстановкой): не дали ни зерна, никто не умеръ, и поля оказались засѣянными“. И вотъ, этотъ же самый человѣкъ и въ той же залѣ самъ уже бьетъ тревожный набатъ, и теперь всѣ, конечно, вѣрятъ, что бѣдствіе идетъ ужасное, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, не всѣ поля оказались засѣянными и въ прошломъ году...

Да, это былъ какой-то испугъ. Чудовищную цифру въ четыре милліона слишкомъ для Лукояновскаго уѣзда высчитали и отстаивали въ земскомъ собраніи двое вліятельныхъ гласныхъ, земскіе начальники гг. Пушкинъ и Струговщиковъ. Нужно признаться, что статистическіе пріемы гг. земскихъ начальниковъ были ребячески наивны. Признавъ полный неурожай, они отрицали наличность какихъ бы то ни было запасовъ, и потому могущихъ прокормиться собственными средствами считали не болѣе 1%. На остальныхъ 99% населенія была разсчитана ссуда по 30 фунтовъ, прибавлены

сѣмена, и вотъ передъ собраніемъ встала чудовищная цифра, отъ которой въ Нижнемъ пришли въ ужасъ. Къ счастію, губернская управа располагаетъ статистическими данными, болѣе точными, и статистическое бюро быстро свело размѣры лукояновской нужды до болѣе благоразумныхъ предѣловъ (600 тысячъ). Интересно, однако, что первоначальныя тревожныя свѣдѣнія энергично поддерживались земскими начальниками, съ уѣзднымъ предводителемъ М. А. Философовымъ во главѣ. Послѣдній въ письмѣ своемъ къ начальнику губерніи особенно подчеркивалъ „разстройство хозяйства и истощеніе запасовъ въ предыдущіе годы". „Можно безошибочно сказать,—писалъ онъ 1 іюня 1891 г.,—что, если помощь не придетъ своевременно, то, кромѣ голодной смерти, преступленій и пр.,—ожидать ничего нельзя" *). Но еще интереснѣе, что тѣ же лица явились вскорѣ главными дѣятелями въ уѣздной продовольственной комиссіи, которая пріобрѣла такую извѣстность именно отрицаніемъ голода. И во главѣ ея выступилъ опять... тотъ же Философовъ!

Жатва убрана, поля обнажены, „урожай" печально уѣхалъ на возахъ въ закрома, и земля ничего уже не говоритъ глазу... Не знаю, правъ ли я, или нужно искать какихъ-нибудь другихъ, менѣе извинительныхъ мотивовъ, но только съ этихъ именно поръ очевидность нужды и необходимость милліоновъ сразу замѣняются въ убѣжденіи земцевъ-дворянъ представленіемъ объ особенномъ благополучіи уѣзда. Поля убраны, ничтожная жатва свезена, цифра урожая закрѣплена въ свѣдѣніяхъ статистическаго бюро, обсуждена представителями земскихъ управъ (въ томъ числѣ лукояновской), признана единогласно въ губернскомъ собраніи (въ томъ числѣ лукояновскими гласными), предложена и принята въ уѣздныхъ продовольственныхъ комиссіяхъ, — и въ томъ числѣ опять въ лукояновской, сдѣлавшей съ своей стороны частныя замѣчанія, еще усилившія безотрадную картину... Однимъ словомъ, цифры урожая признаны всѣми компетентными учрежденіями въ губерніи...

Но къ этому времени совершенно неожиданно стали вновь раздаваться на Руси „трезвые" голоса, программу которыхъ съ такой характеристичной краткостью формулировалъ одинъ изъ щедринскихъ героевъ: „ёнъ достанетъ!" Читателю хорошо извѣстна эта нота по многоголосому хору ретроградной печати. Сначала, впрочемъ, она звучала довольно неувѣренно въ письмахъ (покойнаго нынѣ) Фета.

---

*) См. журналъ Нижег. Продов. Ком. отъ 8 марта 1892 г.

Въ октябрѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое письмо Фета, въ которомъ онъ дѣлился съ редакціей и съ публикой свѣдѣніями о мужикахъ той мѣстности, гдѣ находится его имѣніе. Оказалось, что „обычный пьяный разгулъ“ въ этомъ году превзошелъ прежніе годы, что кабатчики во всѣ стороны посылали на тройкахъ за водкой, такъ какъ обычнаго запаса въ этотъ годъ не хватило; что безобразія заставляютъ трепетать передъ возможностью пожаровъ, но, — что всего важнѣе, — инженеры (строющейся желѣзной дороги), „изготовивъ тачки и лопаты, предложили мѣстнымъ крестьянамъ работать по 23 рубля въ мѣсяцъ пѣшему крестьянину и 35 рублей конному рабочему. Явились рабочіе, но на третій день, сказавъ: „мы не каторжные“, ушли съ работы, говоря: „я по міру отправлюсь и наберу рубль въ день, и лошадь накормлю, да еще и водочки выпью“.

Это была какъ бы программа дальнѣйшей невѣжественно консервативной лжи по вопросу о голодѣ: вмѣсто голодающаго народа, въ ней выдвигался образъ лѣнтяя, обманщика, пьяницы и попрошайки. Вслѣдъ за этимъ крестьяне были обвинены въ поджогахъ, и обвинитель спрашивалъ, неужели продовольствіе будетъ доставляться и въ тѣ селенія, которыхъ жители „съ увлеченіемъ предаются истребленію уцѣлѣвшихъ запасовъ?“

Все это шагъ за шагомъ было опровергнуто фактами и цифрами изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ. Мѣстный губернаторъ написалъ о желѣзной дорогѣ: оказалось, что на ней нѣтъ отбою отъ рабочихъ, хотя плата совсѣмъ не такъ выгодна, какъ казалось г-ну Фету; земскій начальникъ Землянскаго уѣзда реабилитировалъ мужиковъ отъ повальнаго пьянства и увлеченія поджогами. Всего превосходнѣе, однако, для характеристики всего послѣдующаго, — отвѣтъ поэта землянскому земскому начальнику. Признавая весьма отраднымъ фактъ личнаго присутствія земскаго начальника въ якобы пьяномъ селѣ (гдѣ „онъ не видѣлъ ни одного пьянаго и даже по виду нельзя было сказать, что здѣсь было престольное празднованіе“), — авторъ писемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ всетаки разсчитываетъ, что его оппонентъ „станетъ на его сторону“, и вотъ по какимъ тончайшимъ соображеніямъ: „мы хотимъ сказать, что народная жизнь состоитъ изъ двухъ водъ, изъ которыхъ одна, подобно Ронѣ, пробѣгаетъ черезъ Женевское озеро, не смѣшиваясь съ его струями. Продолжая сравненіе, мы всякое созданіе ощутительныхъ экономическихъ цѣнностей приравняемъ къ Женевскому озеру, а міръ отвлеченныхъ знаковъ (?!) тѣхъ же цѣнностей сравнимъ

съ Роной. Для первыхъ (?) цѣнности представляютъ основу, а денежные знаки—цѣль; для другихъ, наоборотъ, денежные знаки основа, а цѣнности—цѣль"... и т. д. Какъ видите, понять что-нибудь въ этомъ замѣчательномъ отвѣтѣ совершенно невозможно. Ясно только, что все это старый отблескъ крѣпостническихъ традицій. Въ этомъ смыслѣ эта наивная полемика крѣпостника-поэта заслуживаетъ помѣщенія въ хрестоматіяхъ. Всюду, гдѣ бы ни приходилось намъ, провинціальнымъ наблюдателямъ, встрѣчаться съ подобными отрицаніями очевиднаго факта, всюду видимъ мы тѣ же типическія черты. Первая изъ нихъ, это — легкость, съ какой люди дѣлаютъ (по счастливому выраженію Н. Ѳ. Анненскаго) „массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій"... Вторая — невѣжественное презрѣніе къ цифрамъ, обобщающимъ, наоборотъ, массовыя наблюденія въ единичные осторожные выводы; затѣмъ явная фактическая неправда и, — наконецъ, на всѣ доказательства упрямое бормотаніе о какихъ-то „двухъ водахъ", противопоставляемое всякимъ очевидностямъ... И все это, освѣщенное блудящими „вечерними огнями", при свѣтѣ которыхъ все еще бродятъ на Руси призраки крѣпостного прошлаго...

У насъ, въ Нижегородской губерніи, которую я буду имѣть почти исключительно въ виду на протяженіи этихъ очерковъ, тоже встали вдругъ эти призраки. Они разсѣяны всюду, нельзя даже сказать, чтобы „понемногу", — но главный пріютъ ихъ, это — дальній уголъ нашей губерніи, по рѣкамъ Алатырю, Тешѣ и Руднѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Если г. Фетъ, съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла, спорилъ даже съ администраціей своей губерніи, то дѣятелямъ лукояновскаго уѣзда нужно было еще болѣе рѣшительности: они вступили въ споръ сами съ собою. Отъ цифры 4.700.000 компанія земскихъ начальниковъ съ предводителемъ во главѣ быстро спустилась внизъ, не остановившись даже на цифрѣ губернскаго земства... Затѣмъ имена гг. Философова, Пушкина, Струговщикова и другихъ членовъ продовольственной комиссіи украсили собою постановленіе, которымъ отъ уѣзда, „безъ объясненія причинъ", отстранялась половина ассигнованной правительствомъ ссуды (300 тысячъ).

Теперь лукояновская полемика давно уже закончена, и если вы дадите себѣ трудъ просмотрѣть ее всю хоть бы по журналамъ нижегородской продовольственной комиссіи, то передъ вами предстанетъ замѣчательная картина маловѣроятнаго спора: вначалѣ земскіе начальники бьютъ тревогу и требуютъ $4^1/_2$ милліона. Земство, съ цифрами и выкладками въ ру-

кахъ, успокаиваетъ ихъ и сводитъ ужасающую цифру до размѣра 600 тысячъ (въ 7½ разъ меньше!). Тогда земскіе начальники, признавъ всѣ цифры, не возражая противъ выкладокъ,—внезапно, по какому-то необъяснимому капризу,— не желаютъ уже 600 тысячъ и требуютъ только 300. Почему? Напрасно у нихъ просятъ хоть какого-нибудь объясненія... „Въ Женевскомъ озерѣ двѣ воды“... — писалъ г. Фетъ. „У Бога всего много“ — благочестиво заявляетъ г. Философовъ, предсѣдатель лукояновской уѣздной комиссіи. Всякихъ цифръ онъ избѣгаетъ... Самое требованіе доказательствъ гг. лукояновцы считаютъ за оскорбленіе; лукояновская комиссія приводитъ въ движеніе небо и землю, апеллируетъ къ кн. Мещерскому, отвергаетъ 300 тысячъ, отказывается даже отъ предложенія взять хоть 50 тысячъ пудовъ про запасъ, на всякій случай, во избѣжаніе возможныхъ послѣдствій ошибки...

И вотъ, вся читающая Россія присутствуетъ при замѣчательномъ примѣрѣ какой-то особенной уѣздной автономіи въ продовольственномъ вопросѣ. Внезапно, неожиданно и вслѣдствіе совершенно необъяснимыхъ побужденій, уѣздный продовольственный комитетъ (учрежденіе, замѣтимъ въ скобкахъ, тоже совершенно импровизированное и тогда еще законами не предусмотрѣнное) опровергаетъ самъ себя, противъ каждаго положенія своихъ же членовъ выдвигаетъ противоположеніе, опрокидываетъ всѣ разсчеты, принятые въ губерніи, устанавливаетъ свои „физіологически-необходимыя“ нормы питанія и вступаетъ въ систематическую и упорную борьбу съ губернскимъ центромъ... И взгляды всѣхъ мужико-ненавистниковъ во всей Россіи обращаются съ надеждой на дальній уѣздъ, гдѣ кучка земскихъ начальниковъ съ предводителемъ во главѣ храбро борется за отстраненіе помощи отъ голодающаго народа...

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія, которая въ шутку называлась у насъ „исторіей отложенія Лукояновскаго уѣзда“, но которая наводитъ несомнѣнно на размышленія совсѣмъ не шуточнаго свойства... „Какъ солнце въ малой каплѣ водъ“,—въ этой исторіи отражаются глубокіе признаки крѣпостническо-дворянской реакціи въ нашемъ „пореформенномъ строѣ“.

Губернаторомъ въ Нижнемъ въ этотъ памятный годъ былъ весьма извѣстный генералъ Н. М. Барановъ, морякъ, „герой Весты“ и громкаго процесса, окончившагося его отставкой; потомъ адъютантъ генералъ-губернатора Гурко, петербургскій градоначальникъ, почти опальный архангельскій губернаторъ...

человѣкъ несомнѣнно даровитый, фигура блестящая, но очень „сложная“, съ самыми неожиданными переходами настроеній и взглядовъ... Еще въ декабрѣ и началѣ января онъ самъ стоялъ почти на лукояновской точкѣ зрѣнія, и потому командированные имъ чиновники въ своихъ „докладахъ“ опровергали „необычайный голодъ“ и подтверждали „необычайное пьянство“. Но къ февралю начальникъ губерніи круто перемѣнилъ свои взгляды, согласился съ неопровержимыми выводами земской статистики (во главѣ которой стоялъ Н. Ѳ. Анненскій) и перешелъ на сторону „кормленія“. Съ этихъ поръ и его чиновники стали опровергать необычайное пьянство и подтверждать наличность голода... Такъ какъ лукояновскіе дѣятели, наоборотъ, отъ признанія голода перешли къ его отрицанію, то губернія вступила въ конфликтъ съ уѣздомъ.

Это былъ періодъ „возрожденія дворянства“. Новый институтъ земскихъ начальниковъ привлекалъ вниманіе и возбуждалъ крѣпостническія надежды. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ покойный Дурново, самъ изъ „предводителей“. Поэтому трудно было сказать, кто останется побѣдителемъ въ этомъ спорѣ.

Узнавъ, что я намѣренъ отправиться именно въ Лукояновскій уѣздъ, чтобы тамъ открыть столовыя на деньги, поступившія въ мое распоряженіе черезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“, генералъ Барановъ сильно поморщился.

— Но вѣдь вы знаете... уѣздъ совершенно крѣпостническій... Будутъ доносы... исправника Рубинскаго я уже смѣнилъ, но вся полиція на ихъ сторонѣ...

У генерала Баранова былъ для меня готовъ другой планъ. Одинъ изъ его родственниковъ, камергеръ, отправлялся въ экспедицію по Васильскому, Сергачскому и Княгининскому уѣздамъ. Результаты этой экспедиціи онъ намѣревался представить въ видѣ доклада въ какія-то высоко оффиціозныя сферы. Если бы я захотѣлъ помочь въ составленіи этого доклада...

Я поблагодарилъ генерала Баранова, но рѣшительно отклонилъ планъ „удобнаго путешествія“ въ свитѣ камергера. По моему мнѣнію, „крѣпостническій уѣздъ“ наиболѣе нуждался въ частной помощи и представлялъ наиболѣе интереса для наблюденія. Кромѣ того, я предпочиталъ пуститься въ это плаваніе подъ собственнымъ флагомъ.

Въ концѣ февраля я выѣхалъ изъ Нижняго по направленію къ крѣпостническому уѣзду, куда и приглашаю за собою читателя... За исключеніемъ небольшихъ, необходимыхъ по ходу повѣствованія, отступленій, читатель найдетъ здѣсь по-

длинное отраженіе того, что я видѣлъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Голодъ въ деревнѣ и борьба уѣзда съ губерніей,—такова основная канва, на которой располагаются мои впечатлѣнія этого тяжелаго года...

I.

Дорогой.—Тайное общество.—„Міръ“ и помощь.

Полночь 25 февраля... Наша утомленная тройка остановилась въ д. Бѣленькой, на арзамасскомъ трактѣ. Холодный вѣтеръ гналъ высоко по небу бѣлыя облака; луна свѣтила прямо въ темныя окна спящей, занесенной снѣгомъ избы, куда стучался нашъ ямщикъ, выкрикивая какъ-то безнадежно: „хозявы, а хозявы, хо-зя-вы!..“

Кругомъ избы на улицѣ стоитъ множество саней съ хлѣбомъ. Въ избѣ хоть топоръ вѣшай. Отовсюду, съ полатей, съ лавокъ, снизу и сверху несется богатырскій храпъ. Это возчики, везущіе хлѣбъ въ Лукояновъ... Пока хозяинъ суется съ просонокъ съ фонаремъ по темному двору, вяло снаряжая насъ въ дальнѣйшій путь, а мой попутчикъ отдыхаетъ на полатяхъ, пока покормятъ лошадей,—я сажусь къ столу, на которомъ коптитъ плохенькая керосиновая лампа, чтобы набросать въ своемъ дневникѣ эти первыя строки.

Я не думалъ, что мнѣ придется раскрыть свою книжку такъ скоро, но судьба сразу же вводитъ меня въ кругъ „продовольственныхъ“ встрѣчъ и впечатлѣній. Сегодня утромъ, когда я явился на дворъ, гдѣ нанимаютъ „вольныхъ ямщиковъ“,—къ хозяину, торговавшемуся со мной, какъ-то бокомъ подошелъ мужичокъ, съ лица очень похожій на татарина, и, внимательно прислушавшись къ нашему разговору, предложилъ мнѣ себя въ попутчики. Хозяинъ сначала очень холодно отклонилъ это предложеніе, однако, когда къ моему крыльцу подъ вечеръ подъѣхали сани,—я увидѣлъ въ нихъ этого самаго Потапа Ивановича Семенова, котораго встрѣтилъ утромъ. Оказалось, что я не сумѣлъ поторговаться и заплатилъ значительно дороже, чѣмъ бы слѣдовало съ одного. Это дало возможность сбавить плату Семенову, и общая цифра достигла нормы. Такимъ образомъ, Потапъ Ивановичъ ѣдетъ до нѣкоторой степени на мой счетъ, что подало ему поводъ свалить на меня же и плату ямщикамъ на чаекъ и т. п. мелкіе расходы. Изъ этого я долженъ былъ понять, что Потапъ Ивановичъ человѣкъ благоразумный и обстоятельный...

Въ теченіе двадцати минутъ, которыя я употребилъ на сборы и на прощаніе, Потапъ Ивановичъ тоже не терялъ

времени даромъ. Онъ успѣлъ расположить багажъ въ повозкѣ такимъ образомъ, что кованный уголъ его чемодана пришелся какъ разъ у меня за спиной, а моя подушка—за спиной Потапа Ивановича. Это было устроено съ такой быстротой и увѣренностью, что понравилось даже мнѣ самому... Я очень люблю цѣльность подобныхъ типовъ и наивную непосредственность ихъ почти дѣтскаго эгоизма. Поэтому въ теченіе перваго же получаса пути мы разговорились, какъ старые знакомые.

Я узналъ, во-первыхъ, что Потапъ Ивановичъ вовсе не татаринъ, а крестьянинъ изъ-подъ Арзамаса, вѣроятный потомокъ какого-нибудь „эрзи". Во-вторыхъ, что онъ очень религіозенъ и мечтаетъ о посѣщеніи Кіева.

— Мощи тамъ хорошенькія, — говоритъ онъ. — Пуще всего, — жена донимаетъ: вези, да вези. Такъ ея душа желаетъ...

Потапъ Ивановичъ не прочь удовлетворить это благочестивое желаніе, если только на нихъ обоихъ выдадутъ удешевленные билеты.

— Можно это? — спрашиваетъ онъ, уставляясь въ меня своими острыми глазками.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Сказываютъ, голодающимъ даютъ, на заработки.

— Такъ вѣдь это голодающимъ и на заработки!

— Ну, ничего! Авось выдадутъ.

Боже мой! Потапъ Ивановичъ и не подозрѣваетъ, очевидно, сколько самыхъ жестокихъ выводовъ относительно „якобы голодающихъ" мужичковъ можно бы, при желаніи, вывести изъ его наивнаго притязанія на дешевый проѣздъ къ „хорошенькимъ мощамъ"... Вотъ и выдавай этимъ „мошенникамъ" даровые билеты!..

Дальше я узналъ отъ Потапа Ивановича, что онъ мясникъ, деревенскій богачъ, дѣлающій хорошія дѣла съ дешевой скотиной, которой онъ прирѣзалъ съ осени и на зиму „не есть числа", и, кромѣ того, что онъ состоитъ членомъ одного тайнаго общества.

Да, не шутя! Въ селѣ Остоженкѣ *) образовано,—по иниціативѣ, впрочемъ, г-на земскаго начальника, — настоящее тайное общество, засѣданія котораго происходятъ въ самой таинственной обстановкѣ. Общество носитъ названіе „сельскаго попечительства" и имѣетъ цѣлью составленіе и исправленіе списковъ на предметъ выдачи земской ссуды.

— У насъ, — говоритъ мнѣ Потапъ Ивановичъ не безъ

*) Собственныя имена какъ этой деревни, такъ и Потапа Ивановича вымышлены.

самодовольства, — отлично устроено: священникъ, староста, хорошихъ мужиковъ съ пятокъ. Совѣтуемъ... Собираемся мы разъ въ недѣлю, у меня, у священника, иной разъ хоть и въ конторѣ. И сейчасъ, братъ ты мой, не то что двери — оконницы на запоръ. Ник-кого чтобы ни подъ какимъ видомъ ни ногой! Никто не моги слышать, что говоримъ мы. Клятву тоже промежъ себя положили, икону снимали.

— Это все зачѣмъ же?

— А чтобы проносу не было, какъ же! У насъ такъ: у кого нога ногу мало-мало еще минуетъ, — тому не даемъ. Сейчасъ я, напримѣръ, говорю: Ивану Малаеву не надо, продышитъ... Такъ вѣдь онъ, Малаевъ, узнаетъ, злобиться на меня будетъ. Такъ вотъ гля этого, гля, собственно, злобы... А то, братъ, нонѣ народъ такой,—меланхолически и какъ-то таинственно прибавилъ онъ: — нонѣшнія времена народъ не годится вовсе. Священнику вонъ окна побили.

— За что?

— А за то! Сказалъ: тому не надо, другому не надо. Больно смѣло говорилъ. Теперь осторожнѣе сталъ. Не знаю, молъ,—попечительство такъ издѣлало, больше ничего... На всѣхъ злобись... Нонѣ, братъ, народъ не прежній: по селу ѣдешь и то тебѣ изъ окна кулакомъ грозятъ... Хорошо это?

— Ну, а это за что?

— Ни за что,—еще болѣе меланхолично прибавилъ онъ.— За то, что работаю и имѣю достатокъ. Меня, напримѣрно сказать, одна-те зоря на работу гонитъ, другая выгонитъ, вотъ я и богатъ... А они этого не понимаютъ...

Я вспомнилъ о сундукѣ и подушкѣ и подумалъ, что если въ деревенской жизни Потапъ Ивановичъ располагаетъ вещи по той же системѣ, то, пожалуй, можно бы найти и другія причины столь краснорѣчивыхъ доказательствъ любви къ нему односельцевъ. Однако, я промолчалъ. Разсказъ о тайныхъ засѣданіяхъ сельскаго попечительства, состоящаго изъ такихъ же Потаповъ Ивановичей и вершающаго судьбу большинства, которое ждетъ рѣшенія съ замираніемъ сердца и съ затаенной злобой, — показался мнѣ и поучительнымъ, и интереснымъ. Такъ вотъ что значатъ порой сельскія попечительства!!.

— Ну, а себѣ вы назначили пособіе?—спросилъ я.

— Нѣ... Мнѣ дай Богъ и свое-то пріѣсть.

— Хорошо! А круговая порука?

— А развѣ будетъ круговая-те?—какъ-то вдругъ насторожившись, спросилъ онъ.

— Я не знаю. А вамъ развѣ не объявляли?

— Нѣтъ! У насъ не вычитывали. Ежели-бъ круговую объявили, мы тогда какъ-никакъ отбились бы и отъ пособія!

— То есть, какъ же это?

— Такъ, не дали бы приговору, богатые-те мужики...

— А бѣдняки?

— А бѣдняки какъ знаютъ. Намъ развѣ охота за нихъ платить... судите сами.

Онъ помолчалъ, закрываясь шубой отъ рѣзкаго вѣтра, и потомъ прибавилъ:

— Нѣтъ, пожалуй, нынѣшній годъ не отбиться бы. Вотъ чѣмъ не отбиться, что народъ разлютуется. Нонѣ, братъ, такъ бываетъ, что овинъ безъ хлѣба, и сушить бы нечего, а горитъ... Понялъ?

Я понялъ. Опять мы ѣдемъ молча, то и дѣло обгоняя обозы. Сани стучатъ отводами объ отводы, лошади жмутся на узкой колеѣ, пристяжка то и дѣло утопаетъ въ сугробахъ. И это по всей дорогѣ отъ самаго Нижняго.

— Боже ты мой, какую силу хлѣба везутъ! — замѣчаетъ Потапъ Ивановичъ.

— А что,—спрашиваю я,—ежели бы этого хлѣба не везли вовсе?..

— То-то вотъ, — съ озабоченностью на выразительномъ лицѣ говоритъ онъ.—Бѣда бы. Я такъ полагаю: большое количество народу извелось бы... Который человѣкъ съ роду не воровалъ—и тотъ сталъ бы похватывать, а кто прежде воровалъ, тотъ ужъ пошелъ бы на грабежъ, на разбойство, на этаки вотъ штуки пустились бы... Надо бы ужъ какъ-нибудь въ острогъ попадать, кормиться нечѣмъ...

— А вы вотъ хотѣли бы отъ ссуды отбиться...

— То-то не отбиться бы. Да у насъ, слава Богу, не вычитывали круговой-то. А то было бы здору въ обществѣ, не приведи Богъ! Общество у насъ несмирное, вдобавокъ...

— Хорошо. А кто же тогда платить будетъ за ссуду? Вѣдь отдавать ее придется...

— Отдавать,—замялся онъ...—Такъ вотъ вы говорите—отдавать! А не возьмутъ!

— То есть, кто же не возьметъ?

— Да никто и не возьметъ, потому, что взять нечего. Я вотъ вамъ скажу, только бы мнѣ въ сторонѣ остаться, а то почему не сказать... Народъ больно изгадился, не годится вовсе. У меня бабушка померла лѣтъ съ восемь назадъ, а была древняя: француза помнила и имѣла прозорливость. Говорила такъ: пойдетъ по міру змѣй огненный, весь свѣтъ исхрещетъ. Стало быть,—генеральская межéва или вотъ еще тянитьё...

— Это что за тянитьё?

— Вотъ,—указалъ онъ на телеграфную проволоку, звенѣвшую на вѣтру у дороги.—Потомъ, слышь, стала кричать съ печки: ай воля, ай воля! Не чаяли мы и волѣ быть, а пришла, по ея слову. Потомъ, опять, насчетъ вина: „ай вольно вино!“ И вѣрно: вышла воля вину... зинули народы-те на винище, а тамъ, говоритъ, и послѣднимъ временамъ не долго ужъ стоять, послѣ воли-те...

Онъ остановился, видимо, самъ запутавшись въ этомъ мрачномъ лабиринтѣ изъ тянитья, межеванія, воли, винища, выкрикиваній бабушки и собственныхъ соображеній... Сколько, однако, публицистовъ, которые, обсуждая нынѣшнюю невзгоду, не могутъ выбраться изъ того же лабиринта! Это соображеніе заставило меня терпѣливо выслушать несвязную рѣчь деревенскаго философа, разсуждающаго о недугахъ деревни, и затѣмъ я направилъ разговоръ на прежнюю тему.

— Такъ почему же всетаки не отдадутъ ссуды?

— Гдѣ отдать! Мы вотъ мясничаемъ, по дворамъ ходимъ, такъ намъ видно: гдѣ прежде бывало двѣ коровы, два теленка, двѣ лошади, два жеребенка, свинья, пять-шесть овецъ,—однимъ словомъ, весь дворъ во скотѣ...—теперь пусто: одна лошадь, одна корова, а много и такихъ: нѣтъ ничего. Теперь годовъ пять-шесть вотъ какого урожаю нужно, чтобы народу-те мало-мало на крестьянскую степень стать безъ возврату ссуды. А то гдѣ ужъ... Съ круговой-то порукой и то не взыскать бы, а безъ поруки подавно... Эхъ, вѣтеръ-то какой, проносный!..

Дальше мы ѣдемъ уже молча, Потапъ Ивановичъ все запахивался, ворча и жалуясь на „проносный“ вѣтеръ, который все время свистѣлъ намъ въ уши, кидалъ въ лицо мелкою, острою морозною пылью, застилавшей неясныя дали глубокой ночи. Гдѣ-то далеко и смутно темнѣли лѣса. По дорогѣ, сплошь избитой „шиблями“, какъ здѣсь называютъ ухабы, — мы то и дѣло обгоняли обозы. Впереди, назади, почти безъ перерыва тянутся они темными лентами, теряясь въ холодной мглѣ... Куда они идутъ, какъ распредѣлятся, кому принесутъ помощь?.. И воображеніе невольно бѣжитъ за этими вереницами темныхъ точекъ, ныряющихъ по ухабамъ и утопающихъ въ неопредѣленной мглѣ.

Воля, „генеральское межеваніе“, винище, телеграфная проволока... Поговорите съ любымъ „умственнымъ человѣкомъ“ стараго закала, и едва ли онъ представитъ вамъ что-либо болѣе связное для объясненія нынѣшняго бѣдствія. Все это, конечно, пустяки, туманъ мысли, случайныя ассоціаціи, въ

лучшемъ случаѣ,—симптомы, поставленные на мѣсто причинъ и механически связанные наивною деревенскою мудростію. Не пустяки, однако, то обстоятельство, что и народная мысль часто связываетъ все это въ извѣстную перспективу, которая тянется отъ прошлаго къ будущему, отодвигая начало бѣдствія подальше стихійныхъ случайностей одного-двухъ годовъ. Не пустяки этотъ разсказъ о тайныхъ засѣданіяхъ попечительства, о разбитыхъ окнахъ, самовозгорающихся овинахъ. Правда, Потапъ Ивановичъ, какъ и вообще люди, привыкшіе, проѣзжая по селу, видѣть сжатые кулаки въ окнахъ своихъ добрыхъ сосѣдей, склоненъ, повидимому, къ нѣкоторой нервности и преувеличеніямъ. По общему отзыву, количество преступленій въ нынѣшнемъ году даже уменьшилось. Однако, глубокая рознь, разъѣдающая деревенскій міръ, составляетъ несомнѣнный фактъ, и иллюстрируется онъ далеко не одними Потапами Ивановичами...

Много столѣтій мы, „командующіе классы“, только брали отъ крестьянскаго міра все, что надлежало. Для этого многовѣковая практика выработала отличный приводъ, называющійся круговой порукой. Предполагая въ общинѣ нѣчто цѣльное, съ полною гармоніей внутреннихъ интересовъ, мы брали, что надлежало, съ перваго Ивана, у котораго можно взять, предоставляя всѣмъ имъ установить равновѣсіе, какъ знаютъ. И деревенскій міръ устанавливалъ эту гармонію, все равно какъ, хорошо или худо. Въ этомъ, приблизительно, сущность круговой поруки.

Но вотъ, наступило время, когда роли помѣнялись. Давать, давать сейчасъ, непосредственно, приходится уже намъ, а принимать—крестьянскому міру. Мы должны помочь той его части, которая болѣе всего въ этомъ нуждается. Какъ найти истинную нужду, кому именно дать ссуду и сколько? Кто же знаетъ это лучше самихъ крестьянъ? И вотъ механизмъ начинаетъ дѣйствовать въ обратномъ порядкѣ: мы даемъ „міру“, міръ долженъ распредѣлить въ своей средѣ. Оказывается, однако, что это дѣло гораздо болѣе трудное. Приводъ, какъ шестерня съ задерживающимъ рычагомъ, дѣйствуетъ хорошо только въ одну сторону. Брать этимъ способомъ легко, давать—трудно. Отовсюду мы слышимъ жалобы: гармонія интересовъ въ средѣ крестьянскаго міра оказывается фикціей! Помощь попадаетъ не туда, куда надо, получаютъ не тѣ, кому, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ получить. Міръ въ цѣломъ, со своимъ „равненіемъ по душамъ“, становится между голытьбой и помощью. Первую партію муки, присланной въ началѣ осени, крестьяне тотчасъ же раздробили на микроско-

пическія доли. Досталось каждому по 5 фунтовъ! „Пошло на распылъ“, — острили по этому поводу. Въ одномъ уѣздѣ исправникъ, получивъ 100 руб. отъ благотворительнаго комитета, сдалъ ихъ на руки властямъ большого села для помощи наиболѣе нуждающимся. „Міръ“ съ быстротой паровой машины раздѣлилъ деньги опять „по душамъ“: пришлось на душу по 7 к. Земскіе начальники разстроили себѣ нервы, провѣряя списки. „Провѣрка списковъ“—это домовые обыски у любого мужика, провинившагося только въ томъ, что онъ проситъ ссуду; это — заглядываніе въ горшки, это взломъ половицъ, это экскурсіи въ подполья... Представьте только себѣ взаимныя отношенія на этой почвѣ. Одинъ земскій начальникъ нашей губерніи, огорченный всей этой процедурой до окончательной потери терпѣнія, приговорилъ старуху, „неправильно просившую ссуду“, по статьѣ о незаконномъ прошеніи милостыни и настаивалъ въ съѣздѣ на обвиненіи... Сколько горькихъ рѣчей, сколько желчи и укоровъ по адресу народа!.. Они обманываютъ, они скрываютъ хлѣбъ, у такого-то найдена мука, у такого-то картофель... А между тѣмъ, если бы, вмѣсто гоньбы по закромамъ и преслѣдованія частныхъ случаевъ, захотѣли лучше вдуматься въ систему самыхъ отношеній къ народу, то, навѣрное, пришли бы къ заключенію, что деревня не такъ ужъ виновата. Вся эта система требуетъ живого обновленія. У деревни привыкли брать, давать не умѣютъ. Хотятъ дать однимъ, которые не въ состояніи платить, а уплаты требуютъ съ другихъ. Представьте только, что въ городѣ, гдѣ вы живете, ввели бы принудительныя и при томъ довольно крупныя пожертвованія, и скажите, какъ бы вы отнеслись къ этому. Деревня жертвуетъ не мало, — по своему и добровольно. Посмотрите на эти массы нищихъ, у каждаго окна получающихъ кусокъ хлѣба... Но принудительнаго пожертвованія, хотя бы и въ пользу своихъ односельцевъ, она избѣгаетъ тѣми средствами, какія у нея подъ руками. Въ этомъ отношеніи средній деревенскій мужикъ похожъ на средняго горожанина: онъ хочетъ платить только за себя... А такъ какъ ссуду потребуютъ со всего міра, т. е. съ плательщика, то и взять ее считаетъ себя вправѣ плательщикъ, которому, вдобавокъ, тоже пришлось очень плохо. Полумистическое представленіе о какомъ-то особенномъ народномъ „укладѣ“, гдѣ богатый или средній членъ общины охотно и сознательно беретъ на себя бремя своего неимущаго собрата,—увы!— только фикція. Фактъ состоитъ въ томъ, что и въ общинѣ кипитъ уже разладъ и антагонизмъ интересовъ, что теперь это явленіе проступаетъ съ особенной яркостью, что съ нимъ надо считаться...

Однако, — фактъ, хотя и совсѣмъ другого рода, состоитъ также и въ томъ, что хозяинъ, сонный и сердитый, вошелъ уже со своимъ фонаремъ со двора, гдѣ онъ налаживалъ что-то очень долго, — и сообщаетъ, что все готово. Потапъ Ивановичъ съ недовольной и кислой миной лѣзетъ съ теплыхъ полатей, возчики начинаютъ шевелиться. Итакъ, надо кончать. Вѣроятно, мнѣ придется еще не разъ возвращаться къ этому вопросу, такъ какъ въ немъ, сколько я могу судить, общій фонъ нынѣшнихъ отношеній... То обстоятельство, что мнѣ, беллетристу по профессіи, приходится набрасывать въ деревенской избѣ эти торопливыя строки объ общинѣ и круговой порукѣ, а читателю придется ихъ перечитывать,—тоже, быть можетъ, является фактомъ, заслуживающимъ нѣкотораго вниманія. Да, надвигаются вновь эти неотвязные вопросы сѣрой мужицкой жизни, основательно забытые, отодвигаемые на задній планъ даже въ литературѣ и теперь такъ властно заявившіе вновь о себѣ...

Опять дорога, опять морозная мгла, еще темнѣе, такъ какъ луна закатилась, опять обозы, то и дѣло стучащіе отводами по нашимъ санямъ...

— Куда?

— Въ Лукояновъ съ сѣменами...

Ну, и мнѣ тоже въ Лукояновъ...

II.

Въ Арзамасѣ. — Земскій начальникъ. — Опять дорожныя впечатлѣнія. — Нѣчто объ оппозиціи и фантастическія размышленія на границѣ уѣзда.

Часа въ два слѣдующаго дня я въ Арзамасѣ. Скучно. Ночь безъ сна, день — продолженіе ночи. Тѣ же холодныя тучи, сѣрое небо и „проносный“ вѣтеръ. Вдобавокъ, трудно найти городъ скучнѣе и тоскливѣе Арзамаса. Видавшій нѣкогда лучшіе дни, но оставленный внѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходнаго сообщенія,—городъ падаетъ и пустѣетъ. Вотъ почему Арзамасъ въ лицѣ своихъ представителей все брюзжитъ въ губернскихъ собраніяхъ и жалуется на судьбу. Арзамасъ забытъ, интересы Арзамаса приносятся въ жертву... Въ послѣднее время мелькнула надежда: общественныя работы... Почему бы не провести Арзамасскую линію? Увы, напрасно! Арзамасу нужна желѣзная дорога, но... Арзамасъ едва ли нуженъ желѣзной дорогѣ *).

Широкія улицы, громадная площадь и церкви, церкви, —

*) Теперь черезъ Арзамасъ прошла уже желѣзнодорожная линія.

весь городъ уставленъ огромными церквями. На улицахъ пусто, кое-гдѣ мелькнетъ рѣдкая фигура прохожаго, праздничные флаги треплются на вѣтру, дѣлая это зрѣлище унылаго города еще болѣе тоскливымъ.

Двѣ гостиницы. Въ одной,—какъ говорилъ мой спутникъ,—останавливается „разносословіе“, грязно и шумно. Въ другой пусто и скучно. Ужасный воздухъ, занавѣски съ траурными каймами пыли во всякой складкѣ; въ вентиляторѣ, когда я попытался открыть его, оказалось еще прошлогоднее птичье гнѣздо. За то въ корридорахъ стѣны украшены старыми изодранными картинами: это работа Ступинской художественной школы, пользовавшейся широкой извѣстностью въ началѣ XIX-го столѣтія. Въ лучшія времена Арзамасъ былъ пріютомъ музъ... Все прошло, и изодранныя картины въ промозгломъ корридорѣ еще усугубляютъ ощущеніе дремотной арзамасской тоски.

На черной доскѣ въ корридорѣ я прочиталъ знакомую фамилію: Бронскій, и на слѣдующее утро имѣлъ удовольствіе видѣть у себя перваго еще земскаго начальника, такъ сказать, на мѣстѣ дѣйствія. Молодой человѣкъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ, онъ только нѣсколько дней назадъ принялъ должность. Не знаю, какъ это дѣлается въ другихъ губерніяхъ, но у насъ на земскихъ начальниковъ возложено все продовольственное дѣло на мѣстахъ. Очень можетъ быть, что это нѣсколько неожиданно съ точки зрѣнія закона, который предполагаетъ въ уѣздѣ другіе хозяйственные органы, но у насъ такъ это выработалось практикой этихъ мѣсяцевъ: земскій начальникъ—изслѣдователь, хозяинъ, опекунъ, благотворитель. Онъ составляетъ списки, онъ ихъ провѣряетъ, онъ организуетъ у себя склады хлѣба, онъ его раздаетъ. Теперь представьте себѣ въ этомъ положеніи человѣка, который знаетъ деревню и ея быть настолько, насколько можно его знать тому, кто сначала учился въ гимназіи или корпусѣ, потомъ въ военномъ училищѣ, въ академіи или въ университетѣ. Деревня, это—каникулы или дача на лѣтніе мѣсяцы; и вотъ съ такой подготовкой человѣкъ очутился въ разгарѣ самыхъ жгучихъ и сложныхъ вопросовъ деревенскаго быта...

Я видѣлъ отставныхъ корнетовъ, которые чувствовали себя въ этомъ положеніи совершенно беззаботно. Г. Бронскій, котораго я встрѣтилъ въ Арзамасѣ, наоборотъ, повидимому, сильно угнетенъ и встревоженъ, что я приписываю вліянію болѣе серьезной теоретической подготовки. По его мнѣнію, дѣло поставлено плохо. Списки нуждающихся составлены безобразно. При первой же провѣркѣ наткнулся на богатаго му-

жика, получающаго по первому разряду. Разсердился и, разумѣется, посадилъ подъ арестъ. На слѣдующій день приходитъ жена, плачетъ, проситъ отпустить: мужикъ вовсе и не просилъ ссуды, его внесли въ списокъ по мірскому равненію, онъ только не отказался... Очевидно, надо отпустить. Списки составляли сельскія попечительства или комитеты изъ деревенскихъ „оптиматовъ". Выходитъ плохо,—значитъ, прежде всего нужно упразднить комитеты, Но чѣмъ же замѣнить ихъ, чтобы вышло хорошо? Въ селѣ Остоженкѣ (вымышленное мною названіе того самаго села, о тайныхъ засѣданіяхъ въ которомъ разсказывалъ мнѣ Потапъ Ивановичъ) обратился къ священнику. Староста составитъ списокъ, священникъ сдѣлаетъ свои отмѣтки. Тотъ и руками и ногами. Во-первыхъ, онъ самъ членъ того же попечительства, а во-вторыхъ, у него уже побили окна, хотя онъ могъ прикрываться попечительствомъ *). Что же будетъ, когда онъ возьметъ всю отвѣтственность за правильность списковъ на себя?

Г. Бронскій склоненъ къ простѣйшему бюрократическому способу: лучшими помощниками онъ считаетъ старшинъ, которые, получая жалованье, дорожатъ мѣстами. Старосты въ одинъ голосъ умоляютъ объ одномъ: „Ради Бога, нельзя ли какъ уволиться?" Иные изъ нихъ получаютъ 10 р. въ годъ, другіе по 12 въ мѣсяцъ. Порой на огромное село—староста одинъ; другой разъ въ небольшой деревушкѣ четверо старостъ. На структурѣ деревни отражается до сихъ поръ крѣпостное прошлое: въ огромномъ селѣ былъ одинъ владѣлецъ, образовалось одно общество, и одинъ староста выбивается изъ силъ; въ деревенькѣ было 4 помѣщика, и вотъ она до сихъ поръ сохраняетъ это дѣленіе, и каждое общество выбираетъ своего старосту...

Это замѣчаніе кажется мнѣ характернымъ: застой, который мы такъ ясно ощущаемъ во всѣхъ сферахъ нашей жизни, быть можетъ, съ особенной силой проявляется въ деревнѣ. Свободное развитіе и творчество новыхъ формъ жизни остановилось на актѣ освобожденія, и теперь сдавленная со всѣхъ сторонъ жизнь деревни застыла въ старыхъ перегородкахъ...

— Итакъ,—спросилъ я въ заключеніе,—какъ же всетаки быть?

— Самъ еще не знаю... Надо измѣнить систему... Одно для

---

*) Изъ пѣсни слова не выкинешь,—потому я заношу этотъ характерный фактъ, засвидѣтельствованный мнѣ съ двухъ сторонъ. Однако, не объясняется ли онъ какими-нибудь мѣстными особенностями остоженскаго попечительства?

меня и теперь очевидно: обысковъ слѣдуетъ положительно избѣгать.

— Позвольте,—о какихъ обыскахъ вы говорите?

— Объ обыскахъ въ домахъ у крестьянъ, въ амбарахъ, ну, всюду, гдѣ можетъ быть хлѣбъ. Это называется провѣркой имущества... Недавно у бабенки при такой провѣркѣ отыскали хлѣбъ... Стала кричать: „ваше ли дѣло по подклѣтямъ шарить!“... Конечно,—закончилъ земскій начальникъ со вздохомъ:—посадилъ подъ арестъ, а всетаки... дѣйствительно, скверность...

Выпивъ наскоро стаканъ чаю, унывающій земскій начальникъ торопливо простился и побѣжалъ куда-то по неотложному дѣлу, оставивъ меня съ увѣренностью, что никакой общей системы не существуетъ. Все дѣлаютъ земскіе начальники, отъ нихъ все и зависитъ. Пожелаетъ кормить,—накормитъ, не пожелаетъ,—проморитъ голодомъ. Захочетъ устроить попечительство,—устроитъ; захочетъ уничтожить уже существующее, — уничтожитъ. У каждаго „своя система“... Въ одномъ участкѣ съ 12 іюля до десяти разъ мѣнялись земскіе начальники. Итакъ, пережить десять смѣнъ разныхъ болѣе или менѣе мудрыхъ системъ. Несчастный, должно быть, участокъ...

Днемъ я посѣтилъ лѣсничаго Россова, съ которымъ познакомился во время одного изъ своихъ путешествій по нижегородскому краю. У воротъ его дома толпа мужиковъ; просятъ „уволить отъ работы“. Это — по части общественныхъ работъ. Лѣнтяи и пьяницы? Совсѣмъ нѣтъ. Въ продовольственной комиссіи нашли справедливымъ „наряжать“ рабочихъ поровну изъ разныхъ земскихъ участковъ. Такимъ образомъ, наряду съ привычными лѣсными работниками очутились коренные земледѣльцы, не умѣющіе направить надлежащимъ образомъ пилу. Приходятъ они верстъ за 90, и въ то время, какъ другіе зарабатываютъ коп. 40 — 50, они могутъ выработать не болѣе 10—15, тогда какъ прокормиться стоитъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, коп. 20. Разумѣется, просятъ „уволить“, и нельзя не уволить, потому что работа, дѣйствительно, требуетъ сноровки. А самовольный уходъ можетъ повлечь лишеніе пособія, какъ уклонившихся отъ предлагаемаго заработка...

По разсказамъ г. Россова и его жены, до начала выдачи ссуды въ городъ хлынули нищіе изъ деревень... Женщины съ грудными дѣтьми, старшія дѣти хватаются за платье, плачутъ, просятъ, падаютъ въ ноги... Вотъ что устранено пособіями, а вѣдь это было только начало...

— Страшно и подумать, что было бы, если бы не эти обозы, сказалъ г. Россовъ, указывая въ окно на возы, которые и во время нашего разговора тянулись, скрипя, по засыпающимъ улицамъ Арзамаса...

28-го въ часъ дня, я опять выѣзжаю изъ Арзамаса и опять на вольныхъ. Мой новый попутчикъ—крестьянинъ, хлѣбо- и лѣсоторговецъ, возвращающійся домой послѣ разсчетовъ съ одной изъ уѣздныхъ управъ. Фигура топорная, сколоченная грубо, но добродушная. Человѣкъ солидный, думающій и неглупый.

День свѣтлый, лошади бѣгутъ тихой рысцой, — станція длинная. Мы опять говоримъ о голодѣ и о деревнѣ. На этотъ разъ я имѣю дѣло съ человѣкомъ довольно развитымъ, и потому „тянитьё“ и выкрикиванія бабушекъ въ разговорѣ отсутствуютъ. Иныя сужденія моего собесѣдника мѣтки и характеристичны, но и здѣсь, какъ всегда, деревенская мысль не поднимается выше непосредственныхъ наблюденій.

— Самое есть первое зло въ деревнѣ—кабакъ... Вотъ вѣрно написано въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“. Ужъ именно кто-то написалъ—практичный человѣкъ: „Прежде, говоритъ, работали мы на барина, на помѣщика... Страдали! Теперь, говоритъ, работаемъ уже на барыню (это водочка!). Слово съ ней сказать — семь копѣекъ. Два слова — вдвое“. То-есть это такъ вѣрно написано, — въ аккуратъ! Второе есть зло, что хуже прежняго разбою... Какъ бы умно вамъ это высказать,—процентъ! На рубль теперича процентщикъ беретъ три копѣйки, пять копѣекъ въ мѣсяцъ подъ залогъ. А что составляетъ залогъ? Хлѣбъ на корню, озими. Не поплатился въ срокъ—озими отнимаетъ въ свою пользу... Теперь вотъ Господь и ихъ ударилъ порядочно.

— А что?

— Да какъ же! Подъ озими у нихъ задано по три рубля, а озими не уродились: ну, мужички поступились: берите, батюшки...

Онъ смѣется въ воротникъ своей шубы... Въ это время мы минуемъ большое село. Внизу, по суходолу, въ сторонѣ отъ дороги вытянулся небольшой порядочекъ. Крохотныя оконца крохотныхъ избушекъ, безъ дворовъ и огородовъ, отсвѣчиваютъ въ синеватой мглѣ наступающаго зимняго вечера... Это кельи.

— Третье есть зло,—говоритъ мой спутникъ, указывая на нихъ, — вотъ эти самыя кельи. Это вотъ проживаютъ тутъ солдатки, безмужницы, дѣвки старыя, вдовы и тому подобныя, безъ надѣлу которыя женщины... Вотъ онѣ у себя

устраиваютъ всякія штуки... Самая язва тутъ и есть. Тутъ, въ избахъ этихъ, пряники ѣдятъ, сѣмячки щелкаютъ, на гармоніяхъ зудятъ, пѣсни играютъ и даже, хуже всего — водку пьютъ... Дѣвки пятнадцати-шестнадцати лѣтъ—и тѣ балуются. Вотъ зло какое, вотъ бы что искоренить!.. Грѣха тутъ сколько. Отецъ не пускать, мать опять, слабостью, заступаться! Раздоръ! А тамъ за дѣвкой пріударитъ какой-нибудь молодецъ, богатаго отца сынъ. Матери-то и лестно: думаетъ — женихъ, а онъ вовсе и не женихъ, ищетъ себѣ одного расположенія. Возьметъ свое и отчаливаетъ. Эхъ, и говорить неохота, скверность! Лѣтъ не болѣе пятнадцати, какъ это гнѣздо у насъ завелось, а теперь вотъ въ нашемъ селѣ врядъ наберется домовъ 20, гдѣ хозяева держатъ свой домъ въ рукахъ. А то... Даже, скажу вамъ, незаконнаго младенца дѣвушка принесетъ, и то за стыдъ не считаютъ. Дескать, не моя одна, вонъ и у такихъ-то, и у такихъ-то...

Порядочекъ съ кельями, вызвавшій эти страстныя обличенія, и все село давно скрылись изъ виду, а мой спутникъ все еще продолжаетъ негодующія рѣчи...

— А отчего же завелось это гнѣздо?—спрашиваю я.

— Надзору нѣтъ...

— А земскіе начальники?

Онъ отворачивается и смолкаетъ. Въ молчаніи чувствуется „политика“. Во всѣхъ оффиціальныхъ обращеніяхъ „институтъ земскихъ начальниковъ“ выставляется, какъ актъ особенной царской заботы о народѣ, но деревня, повидимому, воспринимаетъ его иначе. Люди, подобные моему спутнику, уже отвыкли отъ „патріархальнаго обращенія“. Даже полиція относится къ нимъ съ извѣстной почтительностію. И вотъ теперь земскій начальникъ, отставной корнетъ или прогорѣвшій мѣстный дворянинъ, можетъ,—въ упоеніи своей новоявленной власти,—тыкать его, посадить въ кутузку, оттаскать за бороду. Примѣры бывали: рѣзвая дворянская молодежь на первыхъ же порахъ показала и свою власть, и полную безотвѣтственность. Поэтому, какъ самая реформа, такъ и первые шаги земскихъ начальниковъ глубоко оскорбили деревенскихъ людей того типа, какъ мой спутникъ. Они сами порой вздыхаютъ о какомъ-то особенномъ „надзорѣ“. Но это надзоръ какихъ-то утопическихъ патріарховъ, благочестивыхъ, солидныхъ, умѣющихъ вести свои дѣла и могущихъ научить другихъ... А тутъ власть дана людямъ, нерѣдко безпутничавшимъ и разгорявшимся на глазахъ у такихъ вотъ деревенскихъ философовъ... И деревенскіе философы чувствуютъ, что съ реформой, вмѣсто укрѣпленія строгихъ нравовъ и ста-

риннаго порядка, идетъ что-то совсѣмъ другое... А громко выражать свое мнѣніе по нынѣшнимъ временамъ опасно...

Солнце закатывается, снѣга синѣютъ, кой-гдѣ сверкаютъ замерзшія проталины. Дорога развертываетъ все новые виды и картины. Для человѣка, который умѣетъ читать эту книгу, она говоритъ много.

Вотъ, качаясь, точно челнокъ на волнахъ, ползетъ навстрѣчу возъ соломы. Тощая лошадь, усталый мужикъ, жалкій возишко...

— Откуда?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Изъ Голицына.

— Голицыно-то за Лукояновымъ 40 верстъ, — поясняетъ онъ мнѣ,—да до дому ему верстъ еще 30... Вотъ и судите: это онъ за 70 верстъ съѣздилъ, взадъ-впередъ 140 верстъ, да за возъ заплатилъ рубля три. Вотъ оно что стоитъ нынѣ скотину-то сберечи. Изъ плохихъ годовъ самый плохой этотъ годъ. Въ прошломъ годѣ плохо же было, такъ хоть корма-то были, скотина дышала. Нынѣ такъ соткнулось съ обѣихъ сторонъ, что ни людямъ, ни скотинѣ продышать нечѣмъ... Ударилъ Господь-Батюшка, по всему народу ударилъ. Присмирѣли православные...

— А говорятъ, въ вашемъ уѣздѣ пьютъ больше прежняго?

— Пустое говорятъ. Унялись, кабаковъ сколько позакрыли. Да вотъ, посмотрите: вонъ обозъ ѣдетъ съ куделью. Хвощане это. Каждый годъ кудель отъ насъ возятъ. Ежели бы вы ихъ въ прежніе годы посмотрѣли,—то и дѣло пьяные попадались. Лежитъ себѣ, да еще поперекъ воза, и пѣсни оретъ. Кинетъ его на шиблѣ,—онъ и летитъ съ возу торчкомъ. А нынѣ поглядите-ка: ни одного пьянаго. Нѣтъ, что тутъ пустяки толковать: присмирѣли, всѣ присмирѣли подъ гнѣвомъ Господнимъ... Потускнѣлъ народъ... Такъ потускнѣлъ, иной разъ и смотрѣть-то жалко...

Послѣ этого мы нѣкоторое время ѣхали молча...

Зимняя заря погасла далеко впереди, снѣга посинѣли, луна ныряетъ межъ высокими, холодными облаками... Какія-то летучія тѣни пробѣгаютъ по снѣжнымъ полямъ и сугробамъ, отблески по подмерзшимъ гладкимъ проталинамъ вспыхиваютъ и гаснутъ. Холодный вѣтеръ шипитъ, кидаетъ мелкимъ снѣжкомъ, забирается подъ шубу, наводитъ тоску.

— Граница уѣзду близко,—говоритъ Брыкаловъ, кутаясь въ свою шубу.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ, за второй гатью, подъ лѣсомъ.

Еще съ версту... Только теперь, у этой границы, я начи-

наю ясно чувствовать томящую неопредѣленность своего положенія... Куда я ѣду? Что стану дѣлать, съ чего начинать, у кого просить содѣйствія и помощи въ незнакомомъ мѣстѣ, въ непривычномъ дѣлѣ?

Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Нижняго я узналъ, что лукояновская продовольственная комиссія и уѣздное благотворительное попечительство (два учрежденія, состоящія изъ однихъ и тѣхъ же членовъ) высказались противъ учрежденія столовыхъ въ уѣздѣ. Высказались сначала неясно и глухо. „Признавая въ принципѣ полезнымъ", — комиссія находитъ, что для столовыхъ нужны деньги и люди. Денегъ нѣтъ, людей тоже нѣтъ, значитъ, и дѣлать нечего... Тогда изъ губерніи указаны на мѣстѣ люди, которые согласились взять на себя веденіе столовыхъ, и этимъ людямъ, по представленіи ими смѣтъ, высланы черезъ уѣздное попечительство деньги на открытіе столовыхъ. Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ уже неожиданное: попечительство, вмѣсто того, чтобы передать деньги по назначенію, секвестровало ихъ и раздѣлило по земскимъ участкамъ. Вышло такъ, что люди, найденные въ уѣздѣ стараніями губернскаго комитета, оказались безъ денегъ, которыя именно имъ высылались; деньги, посланныя на опредѣленное дѣло, оказались изолированными отъ людей, которые ихъ просили. Было ясно, что дѣло столовыхъ въ уѣздѣ далеко не въ авантажѣ, и что тѣ же невѣдомые мотивы, которые заставили отстранить отъ уѣзда триста тысячъ пудовъ казенной ссуды, отстраняютъ теперь отъ населенія и благотворительную помощь. Къ печальному настроенію, вызванному во мнѣ безотрадными картинами и свистомъ холоднаго вѣтра, присоединилось нерадостное соображеніе, что вотъ за той чертой, въ концѣ длинной гати я силою судебъ окажусь въ невольной оппозиціи къ мѣстнымъ уѣзднымъ властямъ...

Оппозиція,—какое, право, страшное слово! Я написалъ его въ своемъ дневникѣ и невольно думаю: ужъ не вычеркнуть ли, въ самомъ дѣлѣ?.. Но нѣтъ, не вычеркну, а лучше поясню, что значитъ это слово въ провинціи, да, пожалуй, и не въ одной только провинціи. Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ добрый знакомый „изъ оппозиціи" нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я только еще знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, гдѣ судьба заставила меня свить прочное гнѣздо:

— Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиція, партіи, консерваторы, либералы. Ничего вы съ ними у насъ не разберете. Смотрите проще: одни у насъ воруютъ и желаютъ сохранить за собой эту возможность: это нашъ консерватизмъ.

А мы и желали бы прекратить воровство, да не можемъ. Вотъ вамъ и вся либеральная оппозиція.

Событія показали, что это самобытное опредѣленіе совершенно справедливо. Одно время вся русская пресса говорила о хищеніяхъ, произведенныхъ г. Андреевымъ, нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ уѣздной управы. Четыре должности занималъ этотъ видный дворянинъ и по четыремъ должностямъ совершилъ растраты, констатированныя гласно. Событія, наконецъ, назрѣли, закипѣла борьба, отголоски которой отражались даже въ столичной прессѣ. Въ концѣ концовъ, „оппозиція“ какъ будто восторжествовала: Андреевъ, окончательно уличенный въ воровствѣ, удалился въ лоно частной жизни, не забывъ произнести стереотипную, отчасти даже избитую отъ частаго употребленія фразу, которая для этихъ случаевъ, такъ сказать, освящена традиціей:

— Теперь я слагаю отвѣтственность... Не ручаюсь за спокойствіе уѣзда... — А вскорѣ послѣ этого онъ получилъ очень хорошее казенное мѣсто...

Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что „уѣздная оппозиція“—дѣло, вообще говоря, довольно безобидное. Лукояновская же оппозиція по вопросу—кормить голодающихъ или усиленно взыскивать съ нихъ недоимки,—ставитъ самихъ лукояновскихъ дѣятелей въ оппозицію къ губернскому центру. Итакъ, я окажусь, за этой пограничной чертой, въ оппозиціи къ уѣздной оппозиціи... Трудно даже разобрать, что это, въ самомъ дѣлѣ, выйдетъ: благонадежно это или неблагонадежно?.. Страшно или совсѣмъ не страшно?.. И являюсь ли я въ уѣздъ въ качествѣ благонамѣреннаго человѣка, дѣйствующаго „согласно съ видами начальства“, или въ качествѣ неблагонадежнаго крамольника?.. Предводитель дворянства и тѣсно сплоченный отрядъ земскихъ начальниковъ—власть, и при томъ особо покровительствуемая свыше... Значитъ, мнѣ придется идти противъ власти. Это опасно... Губернаторъ тоже власть, и на сей разъ я дѣйствую до извѣстной степени согласно съ его видами... Это успокоительно... Но жандармскій генералъ Познанскій — завѣдомый противникъ кормленія... Хлѣбъ онъ приравниваетъ къ прокламаціямъ, а столовыя считаетъ очагами революціи... И въ этомъ смыслѣ пишетъ доклады министру внутреннихъ дѣлъ, недавнему предводителю дворянства изъ ретроградного лагеря...

Всѣ эти разнородныя и противорѣчивыя соображенія заволакивали для меня „политическій горизонтъ“ такой же неопредѣленной игрой тѣней, какая пробѣгала передъ моими

глазами по снѣжной равнинѣ... Конечно, предпріятіе мое совершенно законно... Но что такое законъ въ нашей русской жизни, особенно, въ сколько-нибудь тревожные періоды? Это только препятствіе, связывающее энергію власти,—одна изъ категорій „крамолы“, которую нужно прежде всего убрать съ дороги. „Знаете ли, — спрашивалъ меня одинъ наблюдательный человѣкъ, — кто болѣе всѣхъ пострадалъ отъ неурожая, кромѣ, конечно, мужика?“

— Не могу догадаться.

— Законъ.

И это вѣрно: какъ только голодъ былъ признанъ, такъ и началось усиленное упраздненіе существующихъ законовъ въ пользу чисто щедринскаго кустарнаго законодательства мѣстныхъ властей. Такъ, вятскій губернаторъ, знаменитый въ свое время Анастасьинъ, объявилъ, нимало не медля, сепаратную таможенную политику для „своей“ губерніи. На границѣ были разставлены „таможенные“ мужики съ здоровенными дубинами, которые, по приказу мудраго властителя, ловили „контрабандистовъ“ съ купленнымъ на базарахъ хлѣбомъ *)... Въ одно изъ засѣданій нижегородской продовольственной комиссіи явился посолъ сосѣдней Костромской губерніи для переговоровъ о закупкѣ хлѣба на нижегородскихъ базарахъ. У насъ запретительнаго законодательства не было. Но представителю костромской державы пришлось выслушать нѣсколько горькихъ упрековъ въ отсутствіи таможенной взаимности, такъ какъ и на западной границѣ нашей губерніи тоже оказалась цѣпь таможенныхъ съ дубинами **)... Костромской посланникъ оправдывался тѣмъ, что общаго закона по всей губерніи не было, но какой-то земскій начальникъ объявилъ сепаратную таможенную систему въ одномъ своемъ участкѣ...

---

*) См. протоколъ нижегород. губ. продов. комиссіи отъ 8 дек. 1891 г., стр. 8—9: „Н. М. Барановъ сообщаетъ, что по извѣстіямъ отъ васильской земской упр., *не смотря на распоряженіе мин. вн. дѣлъ*, хлѣбъ изъ Вятской губерніи, закупаемый тамъ крестьянами Васильскаго уѣзда, не выпускается поставленными на дорогахъ кордонами“...

**) Тамъ же (журналъ 10 ноября 1891 г.), докладъ макарьевскаго уѣзднаго предводит. дворянства: „Населеніе ветлужской стороны Макарьевскаго уѣзда ежегодно закупаетъ хлѣба до 240 тыс. пудовъ изъ Костромской и Вятской губ. Въ настоящемъ году *вывозъ изъ этихъ губ. воспрещенъ*. Многіе изъ крестьянъ жаловались, что за вывозъ изъ Костромской губ. *берутъ пошлину!*“

Только уже въ январѣ 1902 г. вятскій законодатель Анастасьинъ милостиво сообщилъ, что „запретительныя мѣры“ имъ сняты. (Журналъ 9 января 1902 г.).

Таковы причуды россійской законности... Сколько почтенныхъ и совершенно „лояльныхъ“ обывателей, живя въ „сердцѣ Россіи“, и не подозрѣвали, что могутъ когда-нибудь стать контрабандистами. А довелось. Ночь, вьюга, на небѣ тучи, перекликаются дозорные, а глухими и неудобными дорогами прокрадываются контрабандисты съ кулями русскаго хлѣба черезъ границу... двухъ смежныхъ русскихъ губерній!.. Представьте себѣ теперь положеніе закона, „передъ лицо“ котораго эти своеобразные таможенные привели бы этихъ неожиданныхъ контрабандистовъ. Гдѣ составъ преступленія, какъ поставить обвиненіе, кто, наконецъ, обвиняемый, обвинитель, преступникъ?.. Кого судить: таможеннаго мужика съ дубиной или контрабандиста, такого же мужика съ кулемъ хлѣба?... Первый поставленъ своимъ уѣзднымъ мѣстнымъ начальствомъ. Да... но и второй тоже отправился съ благословенія своего начальника и даже имѣетъ билетъ... А законъ? Да есть ли еще, полно, какіе-нибудь общеобязательные законы въ Россіи?

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ пока нѣтъ таможенной стражи на границѣ, однако, когда я, проѣхавъ длинную-длинную гать, приблизился къ границѣ Арзамасскаго и Лукояновскаго уѣздовъ, — въ головѣ у меня роились самыя странныя мысли. Было это, если не ошибаюсь, въ самую полночь,—часъ фантастическій! По небу быстро неслись бѣлыя, легкія и причудливыя облака, а по снѣгамъ бѣжали ихъ летучія, неуловимыя тѣни. Унылая равнина, болото съ кустарникомъ, перерѣзанное длинною гатью, а за ней — покосившійся столбикъ, обозначающій „мысленную черту“, раздѣляющую два уѣзда... И мнѣ вспомнились дикіе толки, ходившіе въ послѣднее время по Нижнему о Лукояновѣ. Говорили, между прочимъ, о какой-то диктаторской власти, которою облекся г. Философовъ... Прибавляли при этомъ, что самъ губернаторъ неосторожно облекъ уѣзднаго предводителя этой опереточной диктатурой, а предводитель обратилъ ее противъ губернатора, и теперь М. А. Философовъ къ каждому своему распоряженію прибавляетъ магическую фразу: „на основаніи данной мнѣ неограниченной (!) власти“... Магическая фраза гипнотизируетъ и величественнаго предводителя, и обывателя, привыкшаго смотрѣть на всякія неожиданности власти, какъ на мистическое насланіе свыше. И меня, скромнаго корреспондента, предупреждали совершенно серьезно, что моя нехитрая миссія потерпитъ неудачу. Находясь въ оппозиціи съ губерніей,—Лукояновъ понимаетъ все навыворотъ; такъ до мысленной черты за гатью и далѣе по рубежу, напримѣръ, въ Сергачскомъ

уѣздѣ, — выдается пособіе въ размѣрѣ одного пуда на человѣка, а столовыя насаждаются усердіемъ мѣстной администраціи. Кто пожелалъ бы препятствовать этому, — оказался бы неизбѣжно въ оппозиціи мѣстнымъ властямъ. Но за мысленной чертой, къ которой подвигала меня тройка вольныхъ лошадей, выдаютъ вдвое и втрое меньше, и всякій, кто желаетъ открыть столовую,—столь же неизбѣжно попадаетъ въ оппозицію властямъ лукояновскимъ. Далѣе: въ губерніи признана полезной просвѣщенная гласность, которой открыты всѣ двери: пріиди и виждь! За мысленной чертой, пролегающей передо мною на равнинѣ, на гласность смотрятъ недружелюбнымъ окомъ и, во имя „спокойствія уѣзда“, желали бы закрыть для нея границу. И вотъ, когда, наконецъ, уныло звеня колокольцомъ надъ спящимъ болотомъ, тройка подвинула меня вплоть къ покосившемуся пограничному столбику, мнѣ вспомнились ходившіе еще въ Нижнемъ толки, будто моей скромной особѣ оказано спеціальное вниманіе и, на основаніи фантастической „диктаторской власти“, гласность въ моемъ лицѣ не будетъ впущена „за границу уѣзда“. Нелѣпость, разумѣется... Не бо̀льшая, однако, чѣмъ таможенные кордоны на границахъ двухъ уѣздовъ, чѣмъ многое, о чемъ мнѣ придется повѣствовать въ этой скорбной книгѣ... И—что хотите, а я всетаки скользнулъ взглядомъ за мысленную черту, окаймленную кустарникомъ, и въ моемъ воображеніи мелькнула фантастическая картина: „Стой, кто ѣдетъ черезъ границу?“ — Гласность.—„На основаніи диктаторской власти,— поворачивайте оглобли“...

Однако,—никого... Черта пустынна, и только летучія пятна скользятъ по снѣжной равнинѣ. Я вздохнулъ. „Нелѣпость“ казалась мнѣ одно мгновеніе довольно заманчивой. Что станете дѣлать, — все характерное кажется порой привлекательнымъ съ профессіональной точки зрѣнія. И гать, и столбики остались назади... Я — „на мѣстѣ“ и думаю про себя, что стыдно заниматься подобными фантазіями въ такое время, когда надо дѣлать насущное и трезвое дѣло... Но я рѣшился быть откровеннымъ: пусть читатель знаетъ, какія нелѣпости бродятъ порой въ головѣ провинціальнаго бытописателя въ глухую полночь на границѣ иного уѣзда...

Пока я предавался этимъ фантастическимъ и печальнымъ размышленіямъ, впереди замелькали рѣдкіе огоньки у подножья темнаго широкаго бугра, а въ небѣ зарисовались силуэты вѣтряныхъ мельницъ.

— Это что за село?—спросилъ я у моего спутника.

Онъ выглянулъ изъ-за своего воротника.

— Это? Да это Лукояновъ. Поближе-то вонъ приселочекъ, а подальше и городъ...

III.

Въ Лукояновѣ.—Лукинскіе номера и „конспиративная квартира“.—Злобы дня уѣзднаго города; исправникъ Рубинскій и предсѣдатель Валовъ. — Нѣчто о лукояновскомъ юморѣ, о земствѣ и о столовыхъ.—Еще одинъ недоумѣвающій земскій начальникъ.

Итакъ, я въ Лукояновѣ!

Когда я проснулся на слѣдующее утро, зимнее солнце весело глядѣло въ окна, покрытыя сплошными узорами отъ крѣпкаго мороза. Кругомъ было какъ-то удивительно тихо, только гдѣ-то поскрипывалъ вентиляторъ, да въ дальней комнатѣ стучала половая шетка. Очевидно, во всей гостиницѣ я былъ единственный „проѣзжающій“.

Гостиница эта очень оригинальна. Принадлежитъ она Н. Д. Лукину, мѣстному городскому головѣ, и существуетъ, повидимому, для одного лишь базарнаго дня, когда деревня затопляетъ городъ сѣрою массой полушубковъ. Въ эти дни впослѣдствіи я очень любилъ изъ своего якобы „номера“ сквозь неплотно притворенную дверь слушать нестройный гулъ и говоръ мужицкой толпы, грубый, несвязный и простодушный, прерываемый порой то внезапнымъ и шумнымъ споромъ, то обрывкомъ тотчасъ же смолкавшей пѣсни, то чьей-нибудь жалобой, то чьими-нибудь воплями и слезами. Остальную недѣлю въ гостиницѣ царитъ та самая удивительная тишина, которая охватила меня въ первое мое „лукояновское“ утро. „Чистой публики“ совсѣмъ мало; проѣзжающіе, въ родѣ меня—залетная случайность, вызванная „тревожными обстоятельствами“ голоднаго года. Вчера ночью, когда мои вещи внесли наверхъ по широкой лѣстницѣ, я былъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, вмѣсто обычной обстановки „номеровъ для пріѣзжающихъ“, попалъ непосредственно въ билліардную. Какое-то неуклюжее и довольно жалкое сооруженіе на тощихъ ногахъ, съ жестоко изодраннымъ сукномъ, занимало середину комнаты. Вдоль стѣнъ стояли небольшіе трактирные столики, покрытые скатертями, съ неизбѣжными спичечницами и перечницами, а также стулья. Кругомъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ, виднѣлись такія же точно комнаты, съ той же обстановкой, кромѣ, впрочемъ, билліарда.

— А гдѣ же номера? — спросилъ я.

— Сьчасъ!

Двое сильно заспавшихся, но весьма радушныхъ парня, съ очень толстыми физіономіями, способными привести въ

соблазнъ какого-нибудь „изслѣдователя голода“ (центръ голодающаго уѣзда и вдругъ—такія щеки!), проворно вытащили изъ угловой комнаты одинъ столикъ и нѣсколько стульевъ, водрузили на ихъ мѣсто желѣзную кровать съ матрацомъ,— и номеръ оказался къ моимъ услугамъ... Долженъ сказать, впрочемъ, что онъ оставилъ во мнѣ самыя лучшія воспоминанія: выбѣленныя известкой стѣны, печка, разрисованная по желѣзу „пукетами“, и довольно чистый воздухъ—показались мнѣ гораздо лучше обоевъ съ клопами, пыльныхъ гардинъ и промозглой атмосферы обыкновенныхъ уѣздныхъ да и губернскихъ „номеровъ для господъ пріѣзжающихъ“... Раза два во все мое пребываніе здѣсь военные писаря приходили „чкалить“ на билліардѣ, да разъ въ недѣлю, по базарнымъ днямъ, вся гостиница густо насыщалась запахомъ овчины, онучей, водки и пота — специфическимъ запахомъ сѣраго мужика, постепенно вывѣтривавшимся и выгоняемымъ въ теченіе недѣли въ вентиляторы, трубы и форточки... Вотъ и все „безпокойство“ моего своеобразнаго и тихаго, въ сущности, пріюта.

Впослѣдствіи, когда „тревожныя обстоятельства“ усилились, и въ Лукояновъ стали наѣзжать все новые и новые „члены по продовольственной части“, — еще нѣсколько столовъ и стульевъ должны были уступить мѣсто кроватямъ, еще двѣ-три горницы превращены въ „номера“. Тогда „мужика“ перестали вовсе пускать наверхъ, — о чемъ я очень жалѣлъ,— и весь говоръ и шумъ, споры и разсчеты, жалобы, ругань и дружескія изліянія подъ хмѣлькомъ, — однимъ словомъ, весь мужицкій гомонъ и всѣ мужичьи запахи пріютились внизу, на черной половинѣ, но за то они стояли тамъ такъ плотно и густо, что мнѣ казалось, будто нашу пустую и легковѣсную чистую половину наверху, со всѣми „членами“, занимавшими каждый по номеру, — когда-нибудь можетъ просто взорвать на воздухъ... Билліардная въ это время тоже пустовала и служила нейтральнымъ мѣстомъ встрѣчи для насъ, обитателей „номеровъ“, мѣстомъ, гдѣ мы оглядывали другъ друга, знакомились и осторожно заговаривали о „тонкихъ матеріяхъ“ мѣстной политики, нащупывая почву и вывѣдывая постепенно, съ какому „лагерю“ тяготѣетъ тотъ или другой новый сосѣдъ... Впрочемъ, лукинскіе номера, какъ и городской домъ со въѣзжей квартирой, вскорѣ какъ-то естественно и по ходу вещей приняли опредѣленную окраску: ихъ наѣзжая публика стояла рѣшительно за губернію, то-есть за кормленіе, за лѣченіе и за столовыя... Другой лагерь составляли приверженцы мѣстной автономіи, обладавшіе особеннымъ помѣщеніемъ, называвшимся въ шутку „конспиративной квартирой“. Названіе

было, впрочемъ, очень мѣтко. Дѣло въ томъ, что лагерь этотъ былъ весьма не обширный и совершенно замкнутый въ себѣ, но за то чрезвычайно предпріимчивый и сплоченный. Квартира была нанята уѣзднымъ предводителемъ М. А. Философовымъ, и здѣсь останавливались гг. земскіе начальники (кромѣ одного), а также происходили засѣданія уѣздной продовольственной комиссіи и благотворительнаго попечительства— двухъ учрежденій, состоявшихъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, и въ которыя никто изъ постороннихъ не допускался рѣшительно. Это было нѣчто въ родѣ „совѣта десяти", устанавливавшаго въ секретнѣйшихъ засѣданіяхъ и уѣздную политику, и взгляды, обязательные для города и обывателей... И долгое время городъ робко внималъ предписаніямъ конспиративной квартиры... Однажды, во время объѣзда членомъ губ. присутствія І. П. Кутлубицкимъ губерніи съ цѣлью ревизіи, податной инспекторъ г. Золотиловъ сообщилъ ему, что въ селѣ Атингѣевѣ существуютъ какія-то заболѣванія, весьма похожія на тифозныя. Впослѣдствіи оказалось, что въ уѣздѣ свирѣпствуетъ дѣйствительный тифъ, въ томъ числѣ и въ селѣ Атингѣевѣ. Однако, въ то время обыватели объ этомъ говорили только шопотомъ, и данный разговоръ происходилъ между двумя чиновниками съ глазу на глазъ, за стаканомъ чаю. Представьте же себѣ удивленіе г. Золотилова, когда онъ узнаетъ, что объ его словахъ имѣлось „сужденіе" въ конспиративной квартирѣ, и „въ засѣданіи 28 января читано письмо земскаго начальника 6 участка отъ 24 января, № 144, о томъ, что, по заявленію г-на под. инспектора Золотилова г-ну Кутлубицкому, въ селѣ Атингѣевѣ люди умираютъ отъ голода (!), между тѣмъ, по тщательномъ изслѣдованіи, это заявленіе не подтвердилось и, кромѣ того, въ томъ селѣ имѣется безплатная столовая удѣльнаго вѣдомства"... Постановлено: „принять къ свѣдѣнію" *).

Только! Однако, этотъ „политическій актъ" поразилъ обывателей, какъ громомъ, и поднялъ чрезвычайно престижъ конспиративной квартиры. Во-первыхъ, обыватель убѣдился, что и „стѣны имѣютъ уши". Во-вторыхъ, онѣ всетаки могутъ не дослышать и на мѣсто несомнѣннаго факта подставить „ложные слухи"... Въ-третьихъ,—да, въ-третьихъ, г. Золотиловъ счелъ себя вынужденнымъ написать своему начальству предупредительное объясненіе, а въ городѣ о щекотливыхъ предметахъ остерегались съ тѣхъ поръ говорить даже и шопотомъ.

*) Журналъ засѣданія лукояновской уѣздной продовольственной комиссіи отъ 28 января 1892 года.

Какъ видите, „конспиративная квартира“ держала себя, какъ настоящій тайный совѣтъ десяти (не сочла даже нужнымъ спросить самого податного инспектора, что именно онъ говорилъ и на какомъ основаніи), а впослѣдствіи, уже при мнѣ, здѣсь были задуманы, обсуждены, редактированы и пущены въ ходъ самыя ядовитыя „политическія ноты“ и противъ губерніи, и противъ обитателей скромнаго Лукинскаго дома,—ноты, высиженныя въ глубокой тайнѣ, и о коихъ заинтересованныя лица узнавали по большой части лишь долго спустя... Это были своего рода навѣсные выстрѣлы. Появится дымокъ, въ противномъ лагерѣ водворяется смутная тревога: что-то опять задумано, пущенъ какой-то новый выстрѣлъ. Одинъ изъ такихъ выстрѣловъ, имѣвшій цѣлью бѣдную прессу, отдался эхомъ далеко за предѣлами губерніи, и „конспиративная квартира“ неожиданно очутилась подъ убійственнымъ огнемъ, открывшимся по всей газетной линіи... Это было начало печальной извѣстности „лукояновцевъ“. Пишущая и читающая Россія оказалась на сторонѣ лукинскаго дома и противъ „конспиративной квартиры“.

Да,—такова была эта комическая война... Очень жаль, что разыгрывалась она на слишкомъ трагическомъ фонѣ и что бѣдному обывателю, по обязанностямъ совѣсти или службы не имѣвшему порой возможности стать внѣ дѣйствія этихъ „двухъ огней“,—приходилось порой такъ плохо... что вотъ, напримѣръ, земскій врачъ С—въ послѣ голоднаго года попалъ прямо въ лѣчебницу для душевно-больныхъ.

Лукояновъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, многочисленныхъ у насъ на Руси, по первому взгляду на которые вы не отличите—городъ это или просто большое село. Раскинувшись довольно широко по склону отлогаго холма, вокругъ единственной церкви, занимающей середину огромной площади,—онъ разбѣгается просторными, мало застроенными улицами и по окраинамъ переходитъ уже прямо въ деревню, заселенную крестьянами землепашцами. Центръ чисто-земледѣльческаго уѣзда, онъ не щеголяетъ, какъ Арзамасъ, постройками, и только развѣ традиціонное зданіе съ желѣзной крышей, каменной оградой, рѣшетчатыми воротами и часовымъ, глядящее изъ-за рѣки Теши предостерегающимъ взглядомъ,—сразу заставляетъ догадаться, что это „населенное мѣсто“ должно считаться административнымъ центромъ. Вокругъ города по холмамъ стоятъ вѣтрянки, изрѣдка лѣниво помахивающія крыльями (отдыхъ этимъ крыльямъ въ нынѣшнюю зиму!), широкій трактъ съ аракчеевскими березами ухо-

дитъ вдаль, взбираясь красивою лентой съ возвышенія на возвышеніе, и лежатъ волнистыя поля, покрытыя снѣгомъ... Тиха и невзрачна столица дальняго, сѣраго земледѣльческаго уѣзда...

Вдобавокъ, и званіе столицы оспаривается у Лукоянова другимъ центромъ—Починками. Это большое село, расположенное южнѣе и не забывающее своего титула „заштатный городъ". Тамъ издавна пріютились и канцелярія предводителя, и воинское присутствіе, и земская управа, оттуда, собственно, исходитъ по меньшей мѣрѣ половина тѣхъ „политическихъ мѣръ", которыя доставили уѣзду всероссійскую извѣстность. На этомъ основаніи лукояновскій городской голова, Н. Д. Лукинъ, съ которымъ я познакомился вскорѣ по пріѣздѣ, горячо настаиваетъ на отстраненіи отъ Лукоянова этой чести, всецѣло уступая ее Починкамъ...

Въ Лукояновѣ въ это время было затишье, и городъ отдыхалъ отъ непривычнаго обилія впечатлѣній. Правда, недавнее еще устраненіе, въ видахъ продовольственной политики, исправника Рубинскаго, примкнувшаго къ „предводительской партіи",—произвело „волненіе умовъ", которое еще не вполнѣ улеглось. Но изъ главныхъ руководителей уѣздной оппозиціи никого не было на лицо, и потому назрѣвающія событія еще дремали въ ожиданіи ближайшаго съѣзда (назначеннаго на 7 марта), и городокъ (сочувствовавшій, впрочемъ, губерніи) пассивно ждалъ.

Г. Рубинскій—своего рода лукояновская достопримѣчательность. Это даже не человѣкъ,—а цѣлая программа! Старый полицейскій служака весьма распространеннаго типа, до мозга костей проникнутый извѣстной формулой „все благополучно", видавшій всякіе виды, судившійся и осужденный (кажется, даже не однажды), между прочимъ, и за превышеніе власти, крутой и не дающій потачки мужику, на котораго, конечно, смотритъ, какъ на сплошного пьяницу и лѣтняя,—онъ органически не способенъ былъ выносить никогда еще невиданнаго въ уѣздѣ зрѣлища: „пьяницу и лѣнтяя" собираются кормить; говорятъ, у него, исправника, въ уѣздѣ — голодъ и болѣзни. Какъ,—значитъ, исправникъ допустилъ!.. Значитъ, у исправника неблагополучно? И у стараго полицейскаго служаки зачесались руки. Голодъ, болѣзни!.. Пусть только дадутъ исправнику волю,—онъ *ему* (пьяницѣ и лѣнтяю) покажетъ лѣченіе! Перепороть полъ-уѣзда („такъ бывало у насъ въ старину")—и голодъ какъ рукой сниметъ! И *онъ* внесетъ не только подати, но еще и недоимки. Я думаю, это былъ у г. Рубинскаго совершенно безкорыстный, органическій, утробный порывъ, протестъ уѣздно-полицейской традиціи

противъ невиданнаго баловства, нѣжностей, безпорядка... И если бы, въ угоду исправнику Рубинскому, губернія отступила отъ своихъ взглядовъ, бросила бы „нѣжности“ и признала свою ошибку, то г-нъ Рубинскій навѣрное бы успокоился... Но губернія полагала, что исправникъ есть лишь власть исполнительная, и что, скорѣе, онъ обязанъ подчиниться общему направленію... Оно, пожалуй, и правда, но всѣ 25 лѣтъ полицейской службы со всѣми осужденными и неосужденными превышеніями власти поднимались въ немъ глухимъ протестомъ...

Въ уѣздѣ начались странныя вещи. Съ одной стороны — первоначальныя очень мрачныя свѣдѣнія предводителя и земскихъ начальниковъ, подтверждаемыя многочисленными свидѣтелями, а также цифрами урожая, заставляютъ предполагать, что дѣло очень плохо. Съ другой — всѣ „изслѣдователи“, проѣзжающіе черезъ уѣздъ на почтовыхъ и пользующіеся любезно сообщаемыми свѣдѣніями полиціи, — свидѣтельствуютъ единогласно, что вмѣсто голода замѣчаются разгулъ и развитіе роскоши. Проглянетъ гдѣ-нибудь тифъ... И вдругъ—нѣтъ никакого тифа. Оффиціально, на бумагѣ, даже и въ первоначальныхъ рапортахъ той же полиціи — нужда. Въ натурѣ—благополучіе. Дѣло доходило въ этой занимательной игрѣ до истинныхъ курьезовъ. Получается, напримѣръ, отъ пріѣхавшаго въ уѣздъ помощника врачебнаго инспектора, Рѣшетилло, телеграмма о томъ, что въ большомъ селѣ Саитовкѣ—страшный тифъ. Цифры—поражающія! Ѣдетъ въ уѣздъ отправленный тотчасъ же губернаторомъ врачебный инспекторъ г. Ершовъ (тоже „старый служака“),—и удивленная губернія получаетъ извѣстіе, что никакого тифа нѣтъ, общая цифра больныхъ ничтожна и вообще „санитарное состояніе уѣзда благополучно“. Подписалъ докторъ Ершовъ, подписалъ мѣстный земскій врачъ г. Эрбштейнъ, подписалъ, наконецъ... самъ докторъ Рѣшетилло! А затѣмъ — новыя извѣстія, и опять тифъ показывается въ другомъ мѣстѣ, чтобы опять исчезнуть по волшебному манію полиціи... Таково чудотворное дѣйствіе старой традиціонной формулы „все благополучно“.

Кто же, однако, былъ правъ, и которая подпись послушнаго доктора Рѣшетилло удостовѣряла истину (надо замѣтить, что г. Рѣшетилло тоже въ свое время привозилъ въ губернію самыя свѣжія полицейскія свѣдѣнія о полномъ благополучіи уѣзда)? Впослѣдствіи ген. Барановъ публично въ засѣданіи комиссіи извинялся передъ докторомъ Рѣшетилло въ томъ, что не повѣрилъ *первой* его телеграммѣ о тифѣ. Однако, еще убѣдительнѣе свидѣтельство противной стороны.

Былъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ старый земскій врачъ, г. Эрбштейнъ, цѣликомъ примкнувшій къ „предводителю“. Мнѣ пришлось выслушать его рѣчь въ собраніи, гдѣ онъ „опровергалъ“ мнѣніе о тяжеломъ положеніи уѣзда.

„Вы думаете, — страстно говорилъ онъ, обращаясь къ отсутствовавшимъ въ земскомъ собраніи противникамъ, — что вы открыли намъ что-нибудь новое! Да вѣдь у насъ это давно“.

И онъ привелъ рядъ цифръ слѣдующаго содержанія. Оказывается, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ тифъ свилъ себѣ прочное гнѣздо еще съ 1885 г., а съ 1886 г. идетъ непрерывное возрастаніе эпидеміи:

	заболѣло	умерло	% смертности
Въ 1886 году . . .	398 ч.	24 ч.	6,7
„ 1887 „ . . .	462 „	28 „	6
„ 1888 „ . . .	1.083 „	55 „	5
„ 1889 „ . . .	1.115 „	69 „	6
„ 1890 „ . . .	993 „	68 „	5
„ 1891 „ . . .	3.731 „	198 „	5
„ 1892 „ (за 4 м-ца) . . .	3.988 „	200 „	5

Это цифры заболѣваній отъ одного тифа и при томъ цифры оффиціальныя!.. Признаюсь, когда я выслушалъ эту удивительную таблицу, то сначала не вѣрилъ своему слуху.—„Да что же, собственно, доказываетъ г. Эрбштейнъ?“ — спросилъ я у ближайшаго своего сосѣда изъ публики.—Онъ говоритъ, кажется, что все благополучно и что санитарные отряды присланы напрасно...

Сначала въ устахъ земскаго врача это показалось мнѣ превосходящимъ всякое пониманіе, но только сначала. Впослѣдствіи я имѣлъ случай познакомиться и съ самимъ врачомъ Эрбштейномъ. Мнѣ показалось, что это человѣкъ, быть можетъ, и недурной, но... врачъ несомнѣнно „лукояновскій“, а этимъ сказано много. Для него „все это“ перестало быть новостью. „Не новость“ — въ этомъ все разрѣшеніе загадки. Вы, свѣжій человѣкъ, натыкаетесь на деревню съ десятками тифозныхъ больныхъ, видите, какъ больная мать склоняется надъ колыбелью больного ребенка, чтобы покормить его, теряетъ сознаніе и лежитъ надъ нимъ, а помочь некому, потому что мужъ на полу бормочетъ въ безсвязномъ бреду. И вы приходите въ ужасъ. А „старый служака“ привыкъ. Онъ уже пережилъ это, онъ ужасался двадцать лѣтъ назадъ, переболѣлъ, перекипѣлъ и успокоился. Да развѣ это новость? Онъ вамъ тотчасъ же разскажетъ такія картины, передъ которыми ваша—блѣдная виньетка. И ему странно, что вы го-

рячитесь, и ему непріятно... Неужели онъ виноватъ въ чемъ-то? Тифъ? Да вѣдь у насъ это всегда! Лебеда? Да у насъ это каждый годъ! И давно отупѣвшіе нервы „стараго служаки“ уже ничего не воспринимаютъ изъ этой области, и даже тотъ фактъ, что въ неурожайный годъ цифра заболѣваній за три мѣсяца превысила уже всю прошлогоднюю, — его не останавливаетъ и ничего не говоритъ его чувству! А когда онъ видитъ суету и хлопоты свѣжихъ людей („попробовали бы, дескать, погорячиться этакъ тридцать лѣтъ“), его это искренно сердитъ... Ну, и происходятъ чудеса, съ появленіемъ и исчезновеніемъ эпидеміи!

Однако, конечно, это было очень неудобно, такъ какъ нужно же на чемъ-нибудь утвердиться. Губернія слышала раньше изъ уѣзда ужасные вопли о голодѣ, и губернская земская управа сама успокаивала напуганныхъ: не бойтесь, не 4½ милліона, — вамъ нужно только 600 тысячъ. Теперь уѣздъ вдругъ успокоился и успокоился такъ излишне, что не желаетъ уже и 600 тыс. Давайте ему триста, и при томъ безъ всякихъ резоновъ. И это — въ то самое время, когда губернія уже признала наличность голода и „развиваетъ энергію“ въ борьбѣ съ бѣдствіемъ. Губернія насторожилась и начала терять терпѣніе.

Въ это-то время и разыгрался эпизодъ, роковой для „стараго служаки“ исправника. Въ уѣздѣ побывалъ управляющій контрольной палаты г. Алфераки и, вернувшись, передалъ губернатору, что тамъ все благополучно: веселятся, выпиваютъ, покупаютъ наряды, а ссуда...—тратится государствомъ совершенно напрасно... Откуда сіе? Изъ разговоровъ съ полиціей и земскими начальниками.

Это превысило мѣру губернскаго терпѣнія. Н. М. Барановъ потребовалъ объясненій: когда именно лукояновскія власти вводили губернію въ заблужденіе,—тогда ли, когда сами писали о бѣдствіи и требовали помощи, или теперь, когда находятъ ссуду напраснымъ раззореніемъ государства. Разговоръ съ г. Алфераки поставленъ былъ оффиціально, игра была раскрыта. Низшіе полицейскіе уступили, исправникъ Рубинскій палъ...

Такъ была на сей разъ побѣждена, въ лицѣ лукояновскаго исправника, традиціонная формула „все благополучно“, старая, добрая формула, которою Русь жила столь многіе годы... Исправникъ Рубинскій палъ за нее, за то самое, чѣмъ жилъ и чѣмъ выслуживался во всю свою длинную и многотрудную карьеру...

———

Есть въ городѣ и еще одна знаменитость, еще одна жертва тревожныхъ обстоятельствъ голоднаго года. Это Н. Д. Валовъ, отстраненный, по высочайшему повелѣнію, отъ должности предсѣдателя уѣздной земской управы. Исторія эта въ свое время облетѣла всѣ газеты, и Валовъ пріобрѣлъ всероссійскую весьма позорную извѣстность.

Ночью, когда я въѣхалъ въ Лукояновъ,—мой спутникъ указалъ мнѣ крайній домъ, довольно скромнаго вида, въ которомъ сквозь занавѣску, несмотря на поздній часъ ночи, мерцалъ свѣтъ...

— Домъ Валова,—многозначительно сказалъ онъ.—Послалъ человѣку Господь испытаніе... Старуха-мать убивается шибко.

Я съ любопытствомъ взглянулъ въ окно, свѣтившее одинокимъ огонькомъ на пустую и спящую улицу... Да, что чувствуютъ тамъ, за этой занавѣской, въ этомъ домѣ, надъ которымъ нависла тяжесть всенароднаго позора!..

Впослѣдствіи оказалось, что никакой особенной вины за Валовымъ не было, и онъ сталъ жертвой своеобразной „уѣздной политики“. Въ разгаръ пресловутой „новой дворянской эры“ господа дворяне чаяли, какъ ея завершенія,—полнаго упраздненія земства. Вражда къ земскимъ учрежденіямъ высказывалась цинично и открыто: одинъ земскій начальникъ А. Л. Пушкинъ, племянникъ великаго поэта, закрылъ собственной властью нѣсколько десятковъ земскихъ школъ, придравшись къ „недостаточному кубическому содержанію воздуха“. Это „кубическое содержаніе“ гг. лукояновскіе дворяне находили очень остроумнымъ. Платить земскіе сборы считалось чуть не измѣной сословію. Одинъ М. А. Философовъ, предводитель дворянства, накопилъ земской недоимки 18 тысячъ, и гг. лукояновцы только злорадно улыбались, когда, подъ предсѣдательствомъ этого доблестнаго предводителя, земское собраніе билось надъ мучительнымъ вопросомъ: откуда взять денегъ для уплаты голодающимъ учителямъ и другимъ земскимъ работникамъ.

Подъ вліяніемъ такого настроенія и радужныхъ надеждъ господа дворяне рѣшили, что будетъ всего лучше, если въ земской управѣ будутъ, пока что, стоять „три пустыхъ стула“. Эти „три пустыхъ стула“ стали лозунгомъ выборной кампаніи. При благосклонной и—надо прибавить—совершенно незаконной поддержкѣ губернатора (увы! — все того же Н. М. Баранова!) „либеральную партію“ въ уѣздѣ удалось разгромить *), и вмѣсто дѣятельныхъ и энергичныхъ прежнихъ

*) Въ октябрѣ 1889 года третья часть уѣзда оставлена была безъ представителей въ земскомъ собраніи. Предлогомъ послужило то обстоятельство, что выборы на съѣздахъ прошли безъ баллотировки шарами. Помимо того,

земцевъ въ управѣ (какъ разъ передъ голоднымъ годомъ!) дѣйствительно оказались три пустыхъ стула, на коихъ возсѣдали три ничтожества, дворянскіе ставленники изъ купцовъ. Н. Д. Валовъ смиренно принялъ изъ „господскихъ рукъ“ роль перваго нуля въ опустошенномъ земствѣ и, по словамъ моего спутника, очень гордился милостію къ нему дворянъ. Однако, когда началась продовольственная кампанія, когда гг. лукояновцы требовали на свой уѣздъ $4^1/_2$ милліона, и возникъ вопросъ: кто будетъ распоряжаться закупками: земская управа или земскіе начальники и предводители, то тѣ же лица, которыя провели Валова въ предсѣдатели и изъ власти которыхъ онъ не выходилъ все время, — рѣшили устранить его и замѣнить „своимъ“, дворяниномъ. Они выдвинули противъ Валова тяжелыя и совершенно неосновательныя обвиненія въ недобросовѣстности...

Н. М. Барановъ еще разъ сыгралъ въ руку лукояновскихъ дворянъ: не выслушавъ Валова, не попытавшись даже провѣрить тяжелыя обвиненія, онъ „всеподданнѣйше доложилъ“ извѣты его неожиданныхъ противниковъ, и 4 ноября 1891 года появилось высочайшее повелѣніе объ устраненіи Валова. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось губернскому собранію разслѣдовать дѣло „на предметъ преданія Валова суду“...

Предполагалось, разумѣется, что данныя для преданія суду и для обвинительнаго приговора, несомнѣнно, существуютъ, иначе губернаторъ не рѣшился бы испрашивать высочайшее повелѣніе.

Губернское земство очень серьезно отнеслось къ своей задачѣ. Оно командировало одного изъ своихъ гласныхъ, юриста по профессіи, А. М. Меморскаго, въ Лукояновскій уѣздъ съ порученіемъ собрать всѣ матеріалы по дѣлу и истребовать у обвинителей доказательства злоупотребленій Валова. Привезенный г. Меморскимъ обильный матеріалъ далъ совершенно неожиданные результаты: впередъ обвиненный, отягченный страшнымъ позоромъ человѣкъ оказался невиннымъ въ какихъ бы то ни было злоупотребленіяхъ. Губернское земское собраніе, болѣе чѣмъ на половину состоявшее изъ земскихъ начальниковъ и предводителей, высказалось *единогласно* въ

что выборы шарами въ сельскихъ съѣздахъ вообще большая рѣдкость, оставленные за флагомъ гласные тщетно указывали, что и въ другихъ участкахъ выборы происходили такъ же, и просили о назначеніи новыхъ выборовъ. Эта совершенно законная просьба оставлена была въ угоду лукояновской дворянской партіи безъ послѣдствій. Наиболѣе самостоятельная демократическая часть земства отпала, остальная была деморализована. и... наступила лукояновщина.

оправдательномъ смыслѣ и,—что всего интереснѣе,—въ этомъ рѣшеніи участвовали тѣ самые лукояновскіе дѣятели, — гг. Пушкинъ, Струговщиковъ, Приклонскій, — которые впервые выдвинули ложное обвиненіе.

Въ январѣ 1894 года Валову объявлено оффиціально, что „высочайшее повелѣніе отъ 4-го ноября 1891 года не будетъ имѣть послѣдствій для его дальнѣйшей государственной и общественной службы“ *).

— Только тѣмъ и виноватъ, что довѣрился дворянамъ,— говорилъ мнѣ мой спутникъ, указавшій въ ночь моего пріѣзда огонекъ въ окнѣ Валова...

И за это болѣе двухъ лѣтъ надъ нимъ тяготѣло позорное обвиненіе, впослѣдствіи оффиціально признанное неосновательнымъ, а во главѣ лукояновскаго земства на мѣсто безличнаго Валова былъ водворенъ А. В. Приклонскій, открыто заявлявшій о своей враждѣ къ земству. Интересно, что созданію этого „порядка вещей“ содѣйствовалъ внѣ-законными средствами тотъ самый Н. М. Барановъ, которому вскорѣ послѣ этого пришлось вступить въ борьбу съ тѣсно сплоченной котеріей мужико-ненавистническаго дворянства... Но, быть можетъ, еще интереснѣе, что никому не пришло въ голову разслѣдовать виновность тѣхъ, кто ложнымъ и непровѣреннымъ обвиненіемъ вызвалъ „высочайшее повелѣніе“, которое пришлось отмѣнять...

Однако, я забѣжалъ впередъ. А пока, скромный городишко, никогда не мечтавшій о такой широкой извѣстности—пустыненъ и тихъ. Активная политика отхлынула, разсѣявшись по уѣзду, и гдѣ-нибудь въ усадьбахъ, можетъ быть, надумываются новыя „мѣропріятія“; но въ городѣ злобы дня затихли, и единственная новость — скромное торжество въ „городскомъ домѣ“—открытіе лукояновской столовой, на которое я получилъ отъ городского головы Н. Д. Лукина любезное приглашеніе... Это была еще первая столовая, которую мнѣ довелось видѣть, и, признаюсь, зрѣлище показалось мнѣ довольно невзрачнымъ (въ то время я не представлялъ еще себѣ, какихъ столовыхъ я самъ наоткрываю въ уѣздѣ и какова будетъ ихъ обстановка!). Посѣтители — сгорбленныя старухи, старики, убогіе, дѣти—съ испитыми лицами и въ лохмотьяхъ. По этой жалкой толпѣ я составилъ себѣ наглядное понятіе о

---

*) См. газету „Волгарь“, № 19—1894 г. То же: „Нижегор. Губ. Вѣдомости“. Валовъ просилъ всетаки о преданіи суду, для полной реабилитаціи. Процессъ могъ бы быть очень интересенъ, но добиться суда Валову не удалось.

будущемъ контингентѣ моихъ нахлѣбниковъ... Такъ вотъ кого мы будемъ кормить въ столовыхъ!.. Какой нелѣпостью сразу же, съ перваго взгляда представились мнѣ всѣ толки о томъ, что столовыя отвлекаютъ отъ работы! Кого?.. Вотъ этихъ убогихъ и увѣчныхъ?

Однако, и это жалкое учрежденіе, открытое первоначально на 49 человѣкъ, потребовало не мало усилій со стороны городского головы и вызвало цѣлую переписку. Дѣло въ томъ, что противъ этой необычной формы помощи существовало даже и въ губерніи нѣкоторое предубѣжденіе. Если не ошибаюсь, первоначально у насъ появились столовыя для учащихся, по иниціативѣ мѣстнаго общества грамотности. Это симпатичное начинаніе не встрѣтило никакихъ возраженій и, наоборотъ, вызвало полное сочувствіе. Впрочемъ, виноватъ: возраженіе было и шло опять-таки изъ Лукояновскаго уѣзда. На просьбу о содѣйствіи, обращенную къ земскому начальнику и члену продовольственной комиссіи А. Л. Пушкину (племяннику великаго поэта!) и сопровождаемую высылкой денегъ (такъ были увѣрены въ успѣхѣ просьбы) — послѣдовалъ отвѣтъ, насквозь проникнутый тѣмъ своеобразнымъ юморомъ мѣстнаго лукояновскаго свойства, о которомъ я упоминалъ уже выше. Прочитанный, къ великому изумленію присутствовавшихъ, въ оффиціальномъ засѣданіи общества— отвѣтъ этотъ сдѣлался затѣмъ достояніемъ печати. Г. Пушкинъ въ шутливомъ тонѣ сообщалъ, что деньги высылаетъ обратно, такъ какъ въ кормленіи учениковъ не видитъ ни малѣйшей надобности... Къ тому же ихъ вообще слишкомъ много учатъ, и потому стараніями г-на Пушкина число учениковъ въ той школѣ, гдѣ онъ состоитъ попечителемъ, уже доведено съ шестидесяти до сорока *)!..

Затѣмъ появились столовыя отъ удѣловъ, и, наконецъ, извѣстное сообщеніе Особаго Комитета, оказавшее громадную услугу дѣлу частной благотворительности, значительно расчистило ей дорогу, въ томъ числѣ и въ формѣ столовыхъ. Губернаторъ ген. Барановъ безповоротно отказался послѣ этого отъ первоначальнаго предубѣжденія и, наоборотъ, стремился всюду оказать нужное содѣйствіе. Уступая обстоятельствамъ и какъ будто еще не собравшись съ мыслями, лукояновское попечительство согласилось въ принципѣ допустить столовую сначала въ Починкахъ, затѣмъ, послѣ изрядной переписки—и въ Лукояновѣ. Мысль о городской столовой, настоятельно необходимой еще съ осени, настойчиво прово-

---

*) Фактъ, оглашенный въ свое время „Волжскимъ Вѣстникомъ“.

дилась городскимъ головой, который,—замѣтимъ кстати,—не имѣлъ высокой чести присутствовать въ попечительствѣ и былъ вынужденъ являться въ качествѣ простого сторонняго просителя. Такъ какъ словесныя просьбы дѣла не подвигали, то г. Лукинъ началъ писать. Въ уѣздное попечительство онъ обратился въ январѣ. Казалось бы, можно отпустить деньги для начала и затѣмъ потребовать смѣту и отчеты. Дѣло такое нехитрое и при томъ вѣдь рѣчь идетъ не о теоретическихъ выкладкахъ, а о голоданіи живыхъ людей. Но попечительство,—хотя и не канцелярія, — отнеслось къ дѣлу совершенно по канцелярски: оно затребовало предварительную смѣту и подробнѣйшія свѣдѣнія, а затѣмъ... „разъѣхалось" на двѣ недѣли!.. Нужно замѣтить, что засѣданія происходили два раза въ мѣсяцъ, а въ промежуткахъ центральный органъ лукояновской благотворительности отсутствовалъ совершенно. Смѣта г-на Лукина идетъ затѣмъ въ заштатный городъ Починки (такъ какъ попечительство собиралось поочередно то въ одной, то въ другой столицѣ). Оттуда — новый запросъ — и опять пауза на двѣ недѣли. А голодные ждутъ.

Наконецъ, 1 марта столовая Н. Д. Лукина всетаки открыта. Гораздо болѣе затрудненій встрѣтило предпріятіе того же рода г-на Филатова, и, познакомившись съ нимъ, я нашелъ его въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Дѣло въ томъ, что понемногу лукояновское попечительство собралось съ мыслями и, въ противоположность съ губерніей, окончательно утвердилось въ мнѣніи, что задача благотворительнаго попечительства состоитъ въ посильныхъ препятствіяхъ открытію столовыхъ. Уже 19 февраля на просьбу г-на Струговщикова о разрѣшеніи новыхъ столовыхъ около Починокъ,—послѣдовало весьма характеристическое постановленіе: „Такъ какъ,— говорится въ журналѣ уѣзднаго попечительства, — принятіе этого предложенія вызоветъ необходимость въ открытіи повсемѣстно столовыхъ, а по невозможности открыть таковыя вездѣ вызоветъ несправедливое распредѣленіе благотворительныхъ суммъ между нуждающимися (?!), вызывая неудовольствіе населенія и нареканія на лицъ, обязанныхъ наблюдать за правильностію веденія дѣла",—то „постановили" предложеніе г-на Струговщикова отклонить. Затѣмъ рѣшено вблизи Лукоянова столовыхъ не открывать и вообще все это дѣло поставить подъ непосредственное вѣдѣніе земскихъ начальниковъ. Постановленіе это было весьма предупредительно направлено противъ попытки г-на Филатова, принявшаго предложеніе губернскаго комитета и представившаго смѣту на 6

столовыхъ. Деньги, присланныя на этотъ предметъ г-ну Филатову, попечительство секвестровало.

Г-нъ Филатовъ написалъ объ этомъ члену губ. присутствія І. П. Кутлубицкому, и это письмо нѣсколько для него неожиданно появилось въ печатныхъ журналахъ Нижегородскаго губ. благотворительнаго комитета. Такимъ образомъ, совершенно невольно, г. Филатовъ самымъ фактомъ принятія невиннѣйшаго предложенія и дальнѣйшимъ естественнымъ ходомъ вещей поставленъ въ нѣкую оппозицію на мѣстѣ. Таковы бываютъ неожиданныя и часто неудобныя послѣдствія запутанной мѣстной политики!

Какъ бы то ни было, г. Филатовъ недоумѣваетъ и ждетъ слѣдующаго засѣданія — седьмого марта. До седьмого марта уѣздное попечительство обмерло: предводитель — въ имѣніи, земскіе начальники—въ участкахъ, земская управа—въ Починкахъ, да она, вдобавокъ, ничего не значитъ. Уѣздъ имѣетъ два центра, но продовольственное дѣло не имѣетъ ни одного центра, дѣйствующаго постоянно. Это самымъ горестнымъ образомъ испытываютъ на себѣ бѣдняги-возчики земскаго хлѣба. По арзамасской дорогѣ, изъ-за рѣки Теши въ городъ въѣзжаютъ возы за возами... Это тѣ самые обозы, которые я обгонялъ недавно. Они вливаются въ улицы, стягиваются къ площади, и... мужики въ недоумѣніи суются по городу, останавливаютъ прохожихъ, разспрашиваютъ... Никто ихъ не встрѣчаетъ, никто не привѣчаетъ, какъ будто они никому не нужны...

Исторія этихъ обозовъ оказывается тоже довольно интересной. Уѣздная продовольственная комиссія телеграфировала, что въ уѣздѣ нѣтъ возчиковъ, и... мирно разъѣхалась до слѣдующаго засѣданія. Тогда губернаторъ съ обычной быстротой нашелъ возчиковъ и сразу двинулъ эту рѣку хлѣба. Рѣка хлынула, и вотъ она на площади... Но уѣздной комиссіи нѣтъ, ея представителя въ городѣ нѣтъ, хлѣбъ принимать некому, деньги за извозъ платить тоже некому...

Дѣло, наконецъ, уладилось. Получена телеграмма и деньги для расплаты изъ губерніи на имя земскаго начальника г-на Костина. Онъ долженъ принять всѣ эти сотни тысячъ пудовъ и отпустить весь этотъ народъ, заполнившій своимъ безпомощнымъ недоумѣніемъ и улицы, и площадь города. Почему именно г. Костинъ (это одинъ изъ многихъ земскихъ начальниковъ, смѣнявшихъ послѣдовательно другъ друга въ злополучномъ 1-мъ участкѣ)? Да просто потому, что онъ въ городѣ, во-первыхъ, и что, какъ пріѣзжій, переведенный на время изъ Балахнинскаго уѣзда, не участвуетъ въ мѣстной

обструкціонной политикѣ. Но судьба самого г. Костина поистинѣ плачевна: нужно провѣрять списки, нужно выдавать ссуду голоднымъ, толпами осаждающимъ его квартиру, нужно самому разобраться въ этой огромной и сложной операціи, наконецъ, и судебно-административныя дѣла, связанныя „столпами“,—глядятъ на него изъ угла и тревожатъ: можетъ быть, здѣсь есть что-нибудь спѣшное, безотлагательное, угрожающее. А тутъ г. Костинъ внезапно превращается въ пріемщика сотенъ тысячъ пудовъ хлѣба, который нужно взвѣшивать, выдавать квитанціи, разсчитываться!.. И вдобавокъ еще—забота о собственномъ, брошенномъ участкѣ въ Балахнинскомъ уѣздѣ... Положеніе, которому, я увѣренъ, не позавидовалъ бы даже и земскій начальникъ, видѣнный мною въ Арзамасѣ. А между тѣмъ, законъ предполагаетъ другіе хозяйственные органы въ уѣздѣ, — органы, не обремененные вовсе ни судебными, ни административными дѣлами...

Однако, читатель, надѣюсь, получилъ уже достаточное понятіе о злобахъ дня, густо насытившихъ атмосферу столицы уѣзда... Будетъ пока о городѣ, пора и въ деревню.

IV.

Новые землевладѣльцы.—Мерлиновка и мерлиновская трагедія.—На Бѣлецкомъ хуторѣ.—Первые списки.

Подъ вечеръ, 2 марта, я выѣхалъ изъ Лукоянова на Федоровскій (или, иначе, Бѣлецкій) хуторъ землевладѣльцевъ гг. Ненюковыхъ, къ новому моему знакомому П. А. Горинову, охотно согласившемуся руководить моими первыми, неопытными еще шагами и оказавшему мнѣ впослѣдствіи большія услуги своимъ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и доброжелательной готовностію къ помощи.

Въ 30-хъ годахъ водворилась въ уѣздѣ видная фамилія Лубяновскихъ. Вообще, Лукояновскій уѣздъ считалъ въ рядахъ своихъ помѣщиковъ не мало блестящихъ и очень извѣстныхъ фамилій: Разумовскіе, Рѣпнины, Кочубеи, Витгенштейны... Повидимому, однако, землями надъ Тешей и Рудней въ дальнихъ и глухихъ краяхъ не особенно дорожили. По крайней мѣрѣ, изъ этихъ фамилій до настоящаго времени сохранили здѣсь крупныя владѣнія одни Кочубеи, а, напр., князь Витгенштейнъ уступилъ въ 30-хъ годахъ уже настоящаго столѣтія пять селеній Ѳ. П. Лубяновскому за какія-то услуги по установленію права владѣнія князя въ польскихъ маетностяхъ. Новый владѣлецъ, по свидѣтельству знающихъ людей, былъ настоящій хозяинъ дореформеннаго, крѣпостного

типа. „Вступивъ въ управленіе имѣніемъ, — пишетъ о немъ мѣстный авторъ, о. Г. Г—въ, — онъ прежде всего обратилъ вниманіе на бытъ крестьянъ, на ихъ житье, стараясь, по возможности, поддержать его и исправить недостатки. Напримѣръ, не было у крестьянина лошади, онъ покупалъ ему, изба была ветха и плоха,—онъ обществомъ заставлялъ строить“ и т. д. За то „лѣнтяевъ и пьяницъ ни мало не жалѣлъ, отдавая безъ разбора цѣлыя семьи въ солдаты“. Однимъ словомъ, образъ Ѳ. П. Лубяновскаго рисуется и въ этомъ описаніи и въ устныхъ разсказахъ о немъ въ видѣ извѣстной типической фигуры „попечительнаго помѣщика“ и крѣпостного благодѣтеля своихъ крестьянъ, входившаго во всѣ ихъ нужды. Даже и религіозное чувство народа подлежало этой регламентаціи и особымъ „нарядамъ“. „Заботясь о матеріальномъ положеніи ихъ, быть можетъ, даже съ излишкомъ,—пишетъ тотъ же авторъ, — помѣщикъ обращалъ вниманіе и на религіозный бытъ прихода. Напримѣръ, вотчинная контора иногда дѣлала наряды, чтобы крестьяне шли къ исповѣди и причастію или молебствовать по случаю бездождія. Впрочемъ,—прибавляетъ авторъ,—иначе и быть не могло“. Крестьянинъ, какъ не свободный, не могъ располагать своимъ временемъ даже и для молитвы: „издѣльная господская работа, хотя и отбывалась въ три дня недѣли, но бывали случаи, что на нее наряжали не въ очередь, и крестьяне не могли отказаться. Потому-то время для говѣнія и указывала вотчинная контора“.

Картина, здѣсь нарисованная, соблазняетъ очень многихъ *). Стало общимъ мѣстомъ, — что крѣпостныя времена совсѣмъ не знали голодовокъ. Людей продавали, какъ скотину, людей гоняли даже въ храмъ Божій, какъ безвольное стадо, но за то люди были сыты, тоже какъ стадо у хорошаго хозяина. Однако, многія общія мѣста показываютъ только, что у насъ очень короткая память. Крѣпостная Россія тоже голодала; голодовки эти подъ конецъ крѣпостного строя становились тяжелѣе и чаще, и это обстоятельство служило даже однимъ изъ аргументовъ въ пользу необходимости реформы. Не пускаясь здѣсь въ подробности этой исторіи (которыя читатель можетъ найти, между прочимъ, въ интересныхъ статьяхъ г-на Шафранова о „Неурожаяхъ хлѣбовъ въ Россіи“) **), позволю себѣ привести только одинъ краснорѣчивый отзывъ знаменитаго адмирала Мордвинова.

---

*) Писано въ разгаръ крѣпостническо-дворянской реакціи.

**) См. „Русск. Богатство“, 1898, кн. V, VI, VII.

„Настоящее дѣло,—писалъ Мордвиновъ по поводу споровъ о голодѣ 1822 года, совершенно подобныхъ нашимъ современнымъ спорамъ, — можетъ быть изложено въ краткихъ словахъ:

„Голодные просятъ хлѣба на прокормленіе и зеренъ на обсѣвъ полей... Г-нъ сенаторъ Барановъ, посланный въ Бѣлоруссію для дознанія нуждъ жителей ея, предлагаетъ не давать голоднымъ ни хлѣба, ни денегъ на покупку онаго. Точныя слова его суть: „денежное и хлѣбное пособіе дворянскимъ имѣніямъ отнюдь доставлять не должно". Вмѣсто же требуемаго помѣщиками для прокормленія крестьянъ своихъ пособія, сенаторъ сей признаетъ за лучшую мѣру употребить противъ нихъ (т. е. помѣщиковъ) жестокія строгости, съ приведеніемъ оныхъ въ дѣйство безъ всякаго отлагательства" *)...

Какъ видитъ читатель,—это въ сжатомъ видѣ та же современная исторія. Только при крѣпостномъ правѣ казна имѣла дѣло съ дворянами-душевладѣльцами, просившими пособій для прокормленія „своихъ" крестьянъ. Теперь же „жестокія строгости, съ приведеніемъ оныхъ въ дѣйство безъ отлагательства" отрицатели голода желаютъ направить непосредственно противъ крестьянской массы... Сущность явленія та же: массовое голоданіе и нежеланіе признать печальную истину. И если прежде голодовки указывали на застой отжившаго крѣпостного строя, то и теперь онѣ указываютъ на такой же застой, требующій столь же радикальнаго обновленія... Законъ жизни есть безостановочное движеніе впередъ...

. . . . . .

Въ данномъ случаѣ, отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ, — имѣніе Ѳ. П. Лубяновскаго рушилось вскорѣ же послѣ смерти первоначальнаго владѣльца. Наслѣдники въ имѣніяхъ не жили, хозяйство пришло въ полное разстройство, на мѣстѣ неустойчиваго благополучія и изобилія появились прорѣхи, непорядки и раззореніе. Наконецъ, лѣтъ 13 назадъ огромное нѣкогда и цѣльное имѣніе пошло съ молотка, какъ безнадежно заложенное въ Петербургскомъ банкѣ.

Покупать земли въ глухомъ и дальнемъ уѣздѣ охотниковъ было немного, мѣстное дворянство само перезаложилось и ждало той же участи, и потому имѣнія, разбитыя на отдѣльные участки, пошли „въ розницу". Покупщиками явилась цѣлая группа лицъ недворянскаго происхожденія, не побоявшихся приняться за реставрацію упавшихъ и запущенныхъ

---

*) См. „Чтенія въ О-вѣ Исторіи и древностей Россійскихъ", 1859, кн. III. Статья: „Мнѣнія адм. Мордвинова".

экономій; дѣло требовало, несомнѣнно, бодрости и энергіи, но за то земли достались очень дешево.

Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ уѣзда появились „хутора“ новыхъ землевладѣльцевъ,—на мѣстѣ развалившихся усадебъ выросли новые дома, провалившіяся крыши задѣланы, появились каменные скотные дворы. При первомъ взглядѣ на такой хуторъ вы видите, что это нѣчто новое, возникающее, еще не вполнѣ установившееся, но растущее, не обомшѣлое, но уже кое-гдѣ пріобрѣтающее бытовой тонъ и слившееся съ окружающей мѣстностью, какъ ея органическая составная часть. А затѣмъ новая группа стала пріобрѣтать въ уѣздѣ силу и значеніе. Такъ, Влад. Адріановичъ Гориновъ, владѣлецъ именно такого хутора (Ушаковскаго) и бывшій управляющій хутора гг. Ненюковыхъ, — выбранъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы.

Я знаю, что въ умѣ читателя уже встаетъ яркая фигура Колупаева или Дерунова. На сей разъ, однако, напрасно, и говоря по совѣсти, я думаю, что набросанная геніальною кистью, — эта фигура слишкомъ ужъ выдвинута на первый планъ въ литературѣ и публицистикѣ и потому нѣсколько извращаетъ настоящую перспективу. Что касается до меня, то, говоря относительно, я не вижу особыхъ причинъ для предпочтенія стараго типа землевладѣльца типу новому. Если же брать спеціально тотъ уголокъ Россіи, который я стараюсь по возможности правдиво изобразить передъ читателемъ, то здѣсь еще менѣе причинъ для такого предпочтенія.

Я знаю, напримѣръ, что г-ну Пушкину даже славная семейная традиція не помѣшала написать извѣстное уже юмористическое письмо о томъ, что учениковъ не надо кормить и что ихъ „слишкомъ много учатъ“, а также — употребить „кубическое содержаніе“, какъ предлогъ для закрытія школъ! Я знаю также, что школы и больницы до самаго послѣдняго времени подвергались систематическимъ нападкамъ со стороны именно противниковъ „гориновской партіи“, и паденіе гориновской управы разсматривалось въ уѣздѣ, какъ начало истребленія „гориновщины“, то есть училищъ, больницъ и врачебныхъ пунктовъ...

Наконецъ... Когда подъ-вечеръ тройка хуторскихъ лошадей вынесла насъ за-городъ, то въ нѣсколькихъ верстахъ у самаго тракта мы въѣхали въ убогую деревушку. На краю деревни чернымъ пятномъ на снѣгу выдѣлялось пожарище, торчала труба, печально глядѣли обгорѣлыя стѣны какого-то завода.

— Что это?—спросилъ я, пораженный печальнымъ видомъ этой руины.

Мой спутникъ, П. А. Гориновъ, братъ бывшаго предсѣдателя, улыбнулся какъ-то многозначительно и сказалъ:

— Мерлиновка!—А это бывшій панютинскій заводъ...

Я съ любопытствомъ глядѣлъ на утопавшее въ сумеркахъ печальное зрѣлище. Какая тяжелая, грустная, какая, наконецъ, отвратительная драма витаетъ надъ этой развалиной...

Вся читающая Россія помнитъ недавнее еще крушеніе „нижегородскаго дворянскаго банка“, и теперь передо мной разстилалась арена одного изъ самыхъ непривлекательныхъ эпизодовъ этой банковой эпопеи. 12 ноября 1889 г. въ этомъ мѣстѣ, въ пустующемъ заводѣ, вспыхнулъ пожаръ. Имѣніе принадлежало дворянину Панютину, директору банка, одному изъ самыхъ видныхъ дворянъ не только своего уѣзда, но и всей губерніи. Въ это время уже было извѣстно, что въ банкѣ неладно и, между прочимъ, много говорили о томъ, что Мерлиновка заложена незаконно въ суммѣ, вдвое превышавшей ея покупную стоимость. Приближались выборы, о неладахъ въ банкѣ начинали толковать газеты, дѣло всплывало. Залогъ во что бы то ни стало нужно было очистить отъ этого незаконнаго излишка. Въ это время въ имѣніи появился нѣкто Балаковъ, арендаторъ. Два бездѣйствующіе завода (винный и крахмальный) со всѣми строеніями были заложены торопливо, съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, въ суммѣ, гораздо выше ихъ настоящей цѣны, и, какъ только сдѣлка была заключена, надъ крышей завода взвился въ темнотѣ огонь... Огонь не далъ себѣ труда выждать годъ, мѣсяцъ, недѣлю... Никого это, впрочемъ, не удивило, а сила и значеніе дворянъ вообще и Панютина въ частности были таковы, что никто не ожидалъ отъ этого никакихъ послѣдствій. Однако, черезъ нѣсколько дней какъ-то внезапно въ уѣздѣ появился губернскій прокуроръ... Арендаторъ съ приказчикомъ были арестованы... Затѣмъ губернія была взволнована извѣстіемъ объ арестѣ самого директора... Толковали, волновались, негодовали, грозили, хлопотали, но драма развертывалась быстро и до конца: въ банкѣ сразу открылись огромныя хищенія, грубыя, шитыя бѣлыми нитками, торопливыя... Жена Панютина отравилась тотчасъ послѣ его ареста. Самъ онъ умеръ въ тюрьмѣ отъ тифа, банкъ взятъ въ правительственное завѣдываніе...

Затѣмъ (уже въ 1893 году) въ Арзамасѣ послѣдовалъ приговоръ присяжныхъ: поджогъ признанъ, признано также участіе въ немъ умершаго владѣльца... „Къ сожалѣнію, — писали по этому поводу въ газетахъ *), — какъ и всегда въ

*) „Русскія Вѣдомости“ 1893 г., № 31.

подобныхъ случаяхъ,—хроникеру этого періода въ жизни нашего края приходится отмѣчать факты, хотя и побочные, но подчасъ болѣе некрасивые, чѣмъ самое дѣло, подавшее къ нимъ поводъ. Провинціальное болото всколыхнулось, и тотчасъ изъ глубины его выглянулъ специфическій продуктъ провинціальной жизни — ложный доносъ. Теперь, когда все пришло къ своему лирическому концу, когда событія завершились, стало извѣстно также, сколько гнусностей было написано и послано по этому поводу приверженцами очень сильной еще тогда партіи банковскихъ воротилъ, надѣявшихся на могущественное дѣйствіе тайныхъ извѣтовъ. Такъ, одинъ изъ лукояновскихъ же землемѣровъ (г. Столыпинъ), не ограничиваясь прокуратурой и слѣдственной властью, побужденія которыхъ заподозрѣвались вообще самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, — подалъ ложный доносъ даже на свидѣтелей по дѣлу, доносъ, нынѣ выглянувшій на свѣтъ Божій"... Но дѣло шло своимъ чередомъ, тайные доносы не могли закрыть явныхъ хищеній, представители судебной власти не отступили передъ подпольной борьбой и шли своей дорогой... Слѣдствіе обнаружило попутно грандіозныя злоупотребленія, и Панютинъ самъ сознался въ подлогахъ... На мѣстѣ губернской фееріи водворилась трагедія. Когда подлогъ сталъ признаннымъ фактомъ,—поджогъ сдѣлался по меньшей мѣрѣ вѣроятностью, и общественное мнѣніе отвернулось и отъ Панютина, и отъ его защитниковъ.

Такова печальная исторія мерлиновскаго пожарища, мимо котораго несла насъ наша тройка... Судьбѣ угодно было, чтобы и эта дворянская драма центромъ своимъ принадлежала тому же злополучному Лукояновскому уѣзду...

Прелестное яркое утро 3 марта застаетъ меня на Бѣлецкомъ хуторѣ. Расположенный на „вершинкѣ" *), подъ лѣсомъ, хуторъ весь занесенъ снѣгами. Въ окно видѣнъ снѣговой валъ, чуть-чуть торчатъ рядами верхушки плодовыхъ деревьевъ засыпаннаго мятелями сада, и вдаль тянется березовая аллея, запушенная инеемъ. По аллеѣ, осторожно ступая по снѣгу почти вровень съ крышей, осторожно пробирается лошадь, запряженная въ сани. Въ саняхъ сидитъ священникъ въ шубѣ и „чапанѣ" поверхъ шубы. Лошадь взбирается на самый гребень вала, раздумываетъ одну минуту, потомъ, внезапно рѣшившись, пускается внизъ съ такимъ видомъ, какъ

*) „Вершинками" называютъ здѣсь верхушки овраговъ или ручьевъ, поросшія лѣсомъ или кустарникомъ.

будто ей предстоитъ ринуться въ пропасть. Черезъ минуту сельскій батюшка изъ села Пичингушъ отряхаетъ иней съ шапки и съ своей бороды и радушно здоровается со мною. Онъ уже знаетъ, зачѣмъ именно я пріѣхалъ, и, справившись кое съ какими дѣлами по сосѣдству, заѣхалъ нарочно пораньше, чтобы не уступить меня. Батюшка явился, чтобы походатайствовать о своей голодающей паствѣ.

Меня это пріятно удивляетъ. Я раздумывалъ еще такъ недавно о печальномъ „отсутствіи людей“ въ Лукояновскомъ уѣздѣ, и вотъ оказывается, что теперь люди сами ищутъ меня. На хуторѣ, принадлежащемъ г-жѣ Ненюковой и управляемомъ ея родственникомъ, П. А. Гориновымъ, меня встрѣтили очень радушно, и я сразу почувствовалъ себя точно дома. Моихъ „лукояновскихъ“ сомнѣній и непріятнаго ощущенія одиночества какъ не бывало. Здѣсь на дѣло смотрятъ просто, готовы оказать всякую услугу... А вотъ и сельскій батюшка съ опасностью, если не для жизни, то для саней, пробирается на хуторъ, черезъ валы и сугробы.

Въ тотъ же день, извѣстивъ письмомъ г-на земскаго начальника о намѣреніи своемъ открыть нѣсколько столовыхъ въ его участкѣ *), я вмѣстѣ съ Петромъ Адріановичемъ и съ мѣстнымъ священникомъ составилъ списокъ въ большомъ селѣ Елфимовѣ. Оттуда уже вчера вечеромъ приходили крестьяне съ просьбой не миновать ихъ села. Составленіе списка прошло быстро, гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ я ожидалъ. Такъ какъ у меня пока денегъ не много, то я ясно ставлю себѣ цѣль—вначалѣ дѣйствовать осторожно и подбирать самые крайніе слои нужды, которымъ прежде всего грозятъ послѣдствія голода. Для первыхъ двухъ селъ мы опредѣлили приблизительно цифры около 40 въ каждомъ. Объяснивъ „старикамъ“ цѣль своего пріѣзда, мы приступили къ дѣлу. Писарь далъ намъ два списка: одинъ такъ называемый „посемейный“, по которому священникъ читаетъ фамиліи домохозяевъ по порядку. Въ другомъ—я разыскиваю цифры выдаваемой на семью ссуды. Этотъ послѣдній списокъ носитъ характерное заглавіе: „Списокъ крестьянамъ села Елфимова, нужда коихъ дѣйствительно граничитъ съ голодомъ“. Цифры ссуды людямъ, „нужда коихъ дѣйствительно граничитъ съ голодомъ“,—невольно обращаютъ вниманіе. На 1650 человѣкъ (мужского и женскаго пола) въ селѣ Елфимовѣ до марта мѣсяца полная ссуда (30 фунтовъ) выдавалась лишь... шести человѣкамъ! Въ мартѣ и эти счастливцы ис-

*) Теперь (1907 г.) это назвали бы „явочнымъ порядкомъ“.

чезли. Теперь они плакали, спрашивали меня о причинѣ этого обстоятельства. Оказалось впослѣдствіи, что они переведены на даровую ссуду изъ комитета Наслѣдника Цесаревича, при чемъ этотъ случай найденъ удобнымъ для сокращенія имъ выдачи до 15 фунтовъ *)... Вообще, ознакомившись впервые въ елфимовскимъ спискомъ, я понялъ, на что разсчитывала „лукояновская оппозиція", отказываясь отъ 600 тысячъ первоначальной смѣты, и впечатлѣніе отъ ближайшаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ становилось все тяжелѣе... Дѣйствовалъ тутъ опять „племянникъ великаго поэта", А. Л. Пушкинъ.

Когда нашъ списокъ былъ оконченъ, я всталъ.

— Ну, спасибо, старики, что помогли,—сказалъ я.

— Благодаримъ и васъ, что потрудились, ваше благородіе!..

Я увидѣлъ, что толпа сомкнулась вокругъ меня, какъ будто разочарованная и ожидая еще чего-то... Наконецъ, нѣсколько голосовъ заговорило сразу:

— А кто же поможетъ намъ, мужикамъ-те, прочіимъ жителямъ, ваше благородіе?..

Я увидѣлъ, что здѣсь есть недоразумѣніе. Село ждало больше отъ моего пріѣзда, и впослѣдствіи священникъ передавалъ мнѣ отзывы нѣсколькихъ мужиковъ, что я пріѣхалъ съ пустяками. Къ сожалѣнію, это была правда: что значили мои 40 человѣкъ изъ 1650 голодающихъ, изъ которыхъ только шесть человѣкъ получали по 30 фунтовъ. Затѣмъ непонятныя и не мотивированныя сокращенія ссуды на мартъ и видимое стремленіе ограничить и эту скудную помощь, все это вызвало цѣлый потокъ ропота, стоновъ и жалобъ...

Не желая принимать на себя самозванную роль, я постарался разсѣять иллюзію елфимовскаго міра: я не благородіе, жалобъ принимать не могу, власти измѣнить эти порядки не имѣю. Все, что могу сдѣлать, — это... посовѣтовать обратиться съ просьбой къ г-ну земскому начальнику и въ продовольственную комиссію.

Мы вышли изъ сборной избы среди тяжелаго молчанія...

На слѣдующій день мы опять составляли списки въ селѣ Пичингушахъ — томъ самомъ, откуда ко мнѣ пріѣзжалъ священникъ. Здѣсь картина та же въ общемъ, только значительно болѣе бурная. Мордва народъ вообще менѣе сдержанный, и при томъ дѣло здѣсь усложняется несомнѣнными злоупотребленіями сельскихъ властей. Въ избѣ стоитъ гулъ жа-

*) Въ засѣданіи уѣзднаго попечительства, уполномоченный отъ особаго комитета К. Г. Рутницкій счелъ нужнымъ заявить свой протестъ противъ такого сокращенія.

лобъ, которыхъ я никакъ не могу прекратить. На мои заявленія, что я не правѣ принимать ихъ жалобы, что я пріѣхалъ только по своему дѣлу для открытія столовой, — мордва находитъ очень остроумный отвѣтъ: мы не вамъ говоримъ, мы такъ, промежду себя... И жалобы, упреки, ѣдкія замѣчанія стоятъ въ воздухѣ во все время моей работы. Мордва, очевидно, надѣется, что пріѣзжій „его благородіе“ всетаки кое-что запишетъ...

Здѣсь впервые пришлось мнѣ узнать, что самъ земскій начальникъ даже въ такихъ большихъ селахъ, каковы Пичингуши, — лично не былъ ни одного разу! Но кто же тогда составлялъ эти списки, послужившіе основаніемъ для общей лукояновской смѣты и для самонадѣяннаго лукояновскаго спора съ статистикой губернской управы, руководившейся точными данными? Неужели вотъ этотъ самый плутоватый староста-мордвинъ и этотъ писарекъ, его сынъ, которые теперь жмутся, не зная, куда дѣвать глаза подъ градомъ упрековъ, которыми ихъ засыпали ободренные моимъ присутствіемъ односельцы?.. Да, несомнѣнно, — именно они... Итакъ, подъ этимъ „практическимъ знаніемъ своего участка“ скрывалась все она, старая знакомая статистика волостныхъ и сельскихъ писарей, о которой было столько, по большей части, юмористическихъ разговоровъ!.. Открытіе довольно, признаться, печальное: — почти всѣ списки въ уѣздѣ составлены старостами и старшинами и никѣмъ не провѣрены на мѣстахъ!

— Князькинъ, Максимъ,—читаю я по списку.

— Бѣдный,—иронически кричатъ со всѣхъ сторонъ.—Пособіе получаетъ на всѣхъ! Или вотъ еще Кирдяновъ, тоже бѣдный. У одного сынъ въ Елабугѣ первый приказчикъ, другой получаетъ 200 рублей, безъ чаю не садится... Кумъ старостѣ, вотъ главная причина.

Я останавливаюсь и смотрю на старосту. Хитрый мордвинъ потупился, мальчишка-писарь испуганъ. Очевидно, оба раздумываютъ, могу или не могу я принимать эти жалобы, власть я или не власть...

— Что-о, скажешь, неправда! — кричатъ мужики, — неси сюда почтовую книгу, мы тебѣ покажемъ, кто у тебя получаетъ... А бѣдному не нужно!.. Бѣдный виномъ не поитъ, бѣдному не даете по нападкѣ...

Староста молчитъ...

Я опять стараюсь прекратить всѣ эти жалобы и опять внутренно долженъ признать всю ихъ справедливость: ссуды получаютъ богатые и состоятельные, а сокращенія ложатся

на бѣдноту... По словамъ старосты, во всей Маресевской волости съ марта никто уже не получаетъ полной ссуды (т. е. по 30 фунтовъ). Почему?—неизвѣстно. Вотъ старуха Еремаева, 74 лѣтъ, слѣпая. Отзывъ о ней: „кабы не пріютилъ ее Михайло Тимофеевъ, должна бы она страдать подъ небомъ“. Не получаетъ. Почему?—опять неизвѣстно. Вотъ Нуйкинъ Андрей, отставной солдатъ. Сынъ ушелъ безъ вѣсти („такой лобанъ, негодяй“), старикъ еле ходитъ, остались на рукахъ сноха и дѣти... Получили въ февралѣ по 20 фунтовъ, на мартъ отказано... Вотъ Паськинъ Степанъ. Семья—10 человѣкъ. Въ декабрѣ и январѣ получалъ на 8 ѣдоковъ (4 пуда), въ февралѣ на 6, на мартъ назначено $1^1/_2$ пуда. Опять почему? — не можетъ объяснить, даже староста смотритъ на этотъ фактъ съ тупымъ недоумѣніемъ. Очевидно, списки, составляемые этими экономистами, подвергаются еще сокращеніямъ въ участковомъ или волостномъ центрѣ, уже прямо „со-слѣпу“, какъ говорили мужики, на основаніи какихъ-то отвлеченныхъ соображеній земскаго начальника... Все это производитъ невѣроятную кутерьму.

— У насъ тутъ такъ набуторено, самъ архіерей не разберетъ,—такъ обобщилъ одинъ изъ стариковъ общее впечатлѣніе этого сельскаго списка...

V.

Бунтовщики-василевцы.

Ясный день съ признаками весны. Мы направляемся въ „заштатный городъ Починки“, отчасти для того, чтобы прицѣниться къ хлѣбу для столовыхъ, частью же меня влечетъ любопытство: по средамъ и четвергамъ въ Починкахъ—знаменитый въ уѣздѣ базаръ, смущавшій многихъ своей грандіозностью и обиліемъ продажнаго хлѣба „въ голодающемъ уѣздѣ“.

Тройка хуторскихъ лошадей, запряженная гусемъ, выноситъ насъ изъ сугробовъ полевой дороги на просторъ „починковскаго“ тракта. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ большое село, Василевъ-Майданъ, населенный „кочубействомъ“. Съ этой интересной этнографической группой (давними переселенцами изъ Западнаго края), рѣзко отличающейся отъ коренного населенія, я еще надѣюсь познакомить читателя въ дальнѣйшихъ очеркахъ, а пока остановлюсь на нѣкоторыхъ чертахъ изъ исторіи Василева-Майдана, отмѣченныхъ тоже своего рода оригинальной типичностью.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ огромномъ селѣ живутъ искон-

ные „бунтовщики“, давно извѣстные въ уѣздѣ. Съ самаго освобожденія крестьянъ василевцы не платятъ выкупныхъ платежей (внося, впрочемъ, государственныя и земскія повинности), а съ 1878 года, когда они переведены на обязательный выкупъ,—уплатили всего 9 р. 60 коп. этого сбора. Исторія эта, отчасти разсказанная нынѣ мѣстнымъ лѣтописцемъ на страницахъ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, прошла черезъ нѣсколько разнообразныхъ періодовъ и до настоящаго времени мало подвинулась къ какому бы то ни было рѣшенію. Василевцевъ убѣждали, василевцевъ приводили къ покорности, василевцевъ сѣкли... А василевцы знаютъ одно: бунтуютъ да и только. И бунтъ, и укрощеніе бунта равно отмѣчены чертами несомнѣнной самобытности и даже, если хотите, почти безсознательнаго юмора. Однажды, лѣтъ, если не ошибаюсь, 18 назадъ *), за василевцевъ рѣшили приняться вплотную. Нужно были достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, заставить василевцевъ фактически принять надѣлъ, во-вторыхъ, изъ этого логически должна была истекать необходимость платить выкупныя. И вотъ въ село „нагнали“ особо организованную команду сотскихъ, цѣлый сермяжный баталіонъ, который расквартировали на иждивеніе василевцевъ, подлежавшихъ усмиренію. Мѣры усмиренія состояли въ слѣдующемъ. Рано утромъ сотскіе запрягали лошадей въ сохи и выводили хозяина. Одинъ изъ „усмирителей“ велъ подъ уздцы лошадь, другіе два тащили за сохой ея владѣльца. Въ такомъ видѣ оригинальный отрядъ выѣзжалъ на надѣльную землю. Здѣсь усмиряемыхъ разводили по полосамъ, затѣмъ сошникъ вставлялся въ землю, передній сотскій бралъ опять лошадь подъ-уздцы, двое другихъ клали руки хозяина на разсоху. Видя, что такимъ образомъ дѣло клонится къ нѣкоему символу „обработки надѣла“, василевецъ производилъ, съ своей стороны, нѣкій символъ бунта: чтобы доказать, что онъ „надѣлу не принимаетъ“ и желаетъ бунтовать, невольный пахарь, вмѣсто того, чтобы идти за сохой, ложился на землю. Тогда надъ „бунтующимъ“ тотчасъ же открывалось засѣданіе волостного суда, который, по распоряженію „энергичнаго“ губернатора, выѣзжалъ для этого на василевскія поля. Живо составлялся соотвѣтствующій приговоръ, который тутъ же, пользуясь удобнымъ положеніемъ бунтовщика, и приводили въ исполненіе: василевца драли, потомъ поднимали подъ руки и опять ставили къ сохѣ, а онъ опять ложился. И такъ далѣе. При этомъ, и ложась, и подни-

*) При губернаторѣ гр. Кутайсовѣ.

маясь, василевецъ имѣлъ сомнительное удовольствіе видѣть кругомъ, на нивахъ, своихъ односельцевъ-мірянъ, „бунтовавшихъ“ съ такимъ же благодушіемъ и усмиряемыхъ съ такимъ же успѣхомъ... Къ вечеру и усмиряемые-василевцы, и усмирители-сотскіе возвращались съ оригинальной работы домой и болѣе или менѣе мирно садились за общій ужинъ...

Сколько времени длились эти экзекуціи,—сказать трудно, во всякомъ случаѣ, „бунтъ“ продолжается до сихъ поръ. Откуда и какъ онъ начался? Быть можетъ, удастся въ архивахъ разыскать письменную исторію этого истинно-русскаго „возмущенія“. Теперь же приходится довольствоваться сѣдыми и, надо сказать, почти легендарными преданіями. Имѣніе нѣкогда принадлежало очень крупному землевладѣльцу Лубяновскому, о которомъ говорилось выше. При выкупѣ произошли пререканія. Крестьяне, сначала не соглашавшіеся на предложенныя условія, вынуждены были впослѣдствіи мириться съ худшими. Какъ передаютъ они сами,—имъ отвели въ надѣлъ пеньки изъ-подъ вырубленной лѣсной площади, вмѣсто удобной земли. Правда ли это, или нѣтъ, — не знаю. Во всякомъ случаѣ, вышла какая-то путаница и замѣшательство, которыя крестьяне понимаютъ именно въ этомъ смыслѣ. Далѣе темное преданіе говоритъ о какихъ-то двухъ таинственныхъ личностяхъ, которыя, будто бы, явились въ село, оставили тутъ „золотую грамоту“ и уѣхали. Уѣхали и потонули „въ туманѣ минувшаго“. А василевцы грамоту прочли, поняли изъ нея, что помѣщику уступать не слѣдуетъ, и на томъ себя утвердили. И съ тѣхъ поръ „бунтуютъ“.

Были ли на самомъ дѣлѣ эти два таинственныхъ незнакомца, или ихъ вовсе не было? Признаюсь, послѣ того, какъ мнѣ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми чертами лукояновской исторіи вообще,—я сильно сомнѣваюсь въ реальности этихъ фигуръ. Въ глухихъ мѣстахъ бродятъ слишкомъ часто разные призраки, своего рода олицетворенія таинственной путаницы, въ которой некому разобраться. Къ тому же, въ лукояновскихъ уѣздахъ, кажется, слишкомъ ужъ склонны къ изобрѣтенію такихъ удобныхъ незнакомцевъ...

Авторъ статьи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, о которой я говорилъ выше, приводитъ еще одну своеобразную черту василевской исторіи. Въ нѣкоторое время въ обществѣ явился расколъ: одна часть крестьянъ, которой надоѣло бунтовать, рѣшила покориться и выказала готовность платить. Тогда... это совершенно естественно — мѣстной полиціи представился случай обнаружить распорядительность. И недоимки стали поступать все успѣшнѣе, пока... не остановились вовсе. Ока-

залось, что къ поддавшимся василевцамъ была примѣнена круговая порука, и съ нихъ стали брать, что было можно, за остальныхъ. Увидало тогда меньшинство, что „бунтовать“ во всякомъ случаѣ выгоднѣе, и опять перестало платить.

Каковы же, однако, сами эти „бунтовщики“ въ остальныхъ отношеніяхъ? Мѣстный священникъ, благочинный Г. Н. Гуляевъ, пастырь непокорнаго стада (и при томъ, — позволю себѣ прибавить,—пастырь въ истинномъ значеніи этого слова), рекомендуетъ ихъ, какъ отличныхъ прихожанъ, смирныхъ и кроткихъ людей. Неправда ли, это опять неожиданная черта во всей этой оригинальной исторіи?.. Какъ бы то ни было, по пословицѣ: „добрая слава лежитъ, худая бѣжитъ“, василевцы пользуются своей бунтовской репутаціей не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Годы этого „бунта“ и этихъ усмиреній легли бременемъ на василевцевъ, хозяйство расшатано, валится кое-какъ, черезъ пень-колоду, и василевскіе нищіе ходятъ съ сумами далеко по окрестностямъ, даже въ обыкновенные годы.

Какъ же избавиться отъ этого хроническаго недоразумѣнія? У лукояновской продовольственной комиссіи явилась на этотъ счетъ своя „идея“, заимствованная, очевидно, у почтеннаго Мымрецова: василевцевъ рѣшено „не пущать“, и съ 1873 года имъ не выдаютъ паспортовъ на отхожіе заработки. Теперь они вновь обратились въ уѣздный съѣздъ земскихъ начальниковъ съ просьбой, въ виду неурожая, разрѣшить имъ отходъ на промысла, но 9 октября земскій начальникъ извѣстилъ волостное правленіе, что въ этой просьбѣ съѣздомъ отказано. Года за два василевцевъ вдобавокъ посѣтилъ страшный пожаръ (пламя „слизнуло“ почти все село цѣликомъ). За пожаромъ пришелъ и голодъ, и вотъ эта минута сочтена удобной для окончательнаго усмиренія. Предполагалось лишить бунтовщиковъ огня и воды, не выдавать ни паспортовъ, ни зерна ссуды... Боже мой, но вѣдь они уже доказали свою закоренѣлость и теперь могли добунтоваться прямо до голодной смерти!

Къ счастью для василевцевъ и къ чести губернскихъ властей, проектъ отвергнутъ, выдача паспортовъ разрѣшена губернаторомъ, и рука помощи не минула непокорнаго села. Нѣсколько лѣтъ назадъ, кто-то, кажется, именно кто-то изъ бывшихъ земцевъ, человѣкъ простой и умѣющій говорить съ мужикомъ по-человѣчьи, убѣдилъ василевцевъ, что ихъ положеніе не ухудшится, если они станутъ пахать надѣльную землю. И они стали пахать, но выкупныхъ всетаки не платятъ, тѣмъ болѣе, что не имѣютъ надежды уплатить всю на-

копившуюся годами недоимку... Такимъ образомъ, первая половина программы, надъ которой такъ долго и тщетно трудилась нѣкогда почтенная команда кутайсовскихъ сотскихъ, все же исполнена. Теперь вдобавокъ василевецъ видѣлъ руку помощи, протянутую къ нему среди невзгоды. Послужитъ ли это къ прекращенію „бунта“? Едва ли, конечно, если не будетъ сдѣлана попытка устраненія коренныхъ причинъ неурядицы...

VI.

„Заштатный городъ“. — „Столовая“. — Опять „спокойствіе уѣзда“:—Базаръ и парадоксы голоднаго года.

„Заштатный городъ“ Починки былъ настоящимъ городомъ при Екатеринѣ. Въ архивѣ одной изъ мѣстныхъ церквей недавно найденъ документъ, въ которомъ протоіерей Георгій Алексѣевъ описываетъ сильными чертами „бывшій въ 1795 году мая 3 дня происходившій въ первомъ, во второмъ и въ третьемъ часахъ пополудни превеличайшій, престрашнѣйшій пожаръ въ городѣ Починкахъ, въ которомъ по сгореніи собора, двухъ церквей, духовнаго правленія, соляныхъ амбаровъ, полиціи, цейгауса и разнаго строенія до шести сотъ дворовъ, оказалось, что въ огненномъ пламени жизнь свою положили два священника, Александръ и Іоаннъ, и крестьянъ обоего пола 30 человѣкъ, да обжегшихся по причинѣ отвсюду разлившихся пламени съ вѣтромъ и вихремъ человѣкъ до 40... Въ которое время и я, грѣшный протопопъ, хотя опаленъ былъ огнемъ, однако, Богу, давшему мнѣ силу и способность, благодареніе: ибо между самаго горящаго строенія пробѣжавъ къ рѣкѣ Руднѣ, жизнь свою спасъ“ *).

Надо думать, что именно этотъ пожаръ рѣшилъ участь Починокъ и обратилъ ихъ въ село. Однако, Починки не забываютъ прошлаго и предпочитаютъ именоваться „заштатнымъ городомъ“. Въ немъ помѣщается уѣздная земская управа, происходятъ собранія земства и — одинъ разъ въ мѣсяцъ — засѣданія уѣздной продовольственной комиссіи. Такимъ образомъ, Починки по праву могутъ считаться второй столицей Лукояновскаго уѣзда, и, говорятъ, отсюда, собственно, исходитъ то, что впослѣдствіи стали называть „лукояновскимъ духомъ“.

Духъ этотъ чувствуется здѣсь и сильнѣе, и гуще. Въ Починкахъ гг. лукояновскіе дворяне собираются охотнѣе, чѣмъ

---

*) Въ 1894 г. Починки опять постигнуты страшнымъ пожаромъ: сгорѣло до 200 домовъ.

въ Лукояновѣ, тутъ имъ и уютнѣе, и свободнѣе. Здѣсь, въ особомъ домѣ помѣщается канцелярія предводителя дворянства, М. А. Философова. Здѣсь же пребываетъ и дѣйствуетъ коллежскій совѣтникъ Ильинъ, письмоводитель предводителя, онъ же секретарь воинскаго присутствія, онъ же непремѣнный членъ всѣхъ учрежденій, куда только можетъ проникнуть ловкій человѣкъ, считающійся „правой рукой“ самого предводителя. Отъ усиленныхъ пріемовъ какого-то лѣкарства лицо его пріобрѣло темно-синій цвѣтъ, и потому его зовутъ „синимъ письмоводителемъ“. Кличка, отчасти напоминающая „Синюю бороду“, звучитъ чѣмъ-то таинственнымъ и грознымъ. И дѣйствительно, это особа грозная для злополучныхъ сельскихъ властей. Если г-нъ Философовъ получилъ свою опереточную диктатуру отъ генерала Баранова, то диктатура, которою облеченъ его письмоводитель, является уже далеко не опереточной для крестьянскаго населенія. Онъ облагаетъ это „подвластное населеніе“ данями и пошлинами, которыя порой оффиціально требуются канцеляріей предводителя. Такъ, онъ открыто взимаетъ съ волостныхъ правленій плату за призывные бланки, которые по закону разсылаются даромъ. Онъ обложилъ пяти-копѣечнымъ сборомъ всѣхъ призывныхъ, вынувшихъ дальній жребій, наконецъ, отъ времени до времени, раза два-три въ годъ онъ циркулярно разсылаетъ по волостнымъ правленіямъ билеты на лоттерею, на которой разыгрываются какія-то невѣдомаго происхожденія муфты, ротонды и тому подобные предметы... „Приказано брать и берешь“ — со вздохомъ говорятъ старосты, которымъ „синій письмоводитель“ предоставляетъ рѣдкій случай выиграть дамскую муфту или шляпку городского фасона. Гг. лукояновскіе дворяне усердно закрывали школы и больницы. Нельзя, однако, не признать, что наряду съ этимъ канцелярія ихъ представителя стремилась ввести въ деревню „городскую культуру“...

Домъ, гдѣ помѣщается канцелярія предводителя, принадлежитъ крестьянскому обществу, у котораго онъ былъ снятъ въ аренду. Любопытно, однако, что общество ничего не получаетъ за это помѣщеніе: „письмоводитель“, заплативъ за первый годъ, затѣмъ прекратилъ это баловство, а всякому, кто заикался о правахъ общества, умѣлъ зажать ротъ и дать почувствовать, что, съ наступленіемъ „новой дворянской эры“, оспаривать завоеванія „первенствующаго сословія“ довольно неудобно.

Впослѣдствіи, отчасти благодаря „голодному году“, все это выплыло на свѣтъ Божій. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ,

г. Бобоѣдовъ, состоялъ въ открытой враждѣ съ г-мъ Философовымъ и „уѣздной продовольственной комиссіей“. По этому самому онъ пользовался поддержкой „губерніи“. Во время одного изъ объѣздовъ своего участка, онъ наткнулся на слѣды незаконныхъ поборовъ со стороны канцеляріи предводителя. Простодушные старшины, какъ оказалось, заносили ихъ въ оффиціальныя книги! Началось дѣло, и, наконецъ, въ октябрѣ 1894 года коллежскій совѣтникъ Ильинъ предсталъ передъ судомъ. Къ удивленію публики, собравшейся на засѣданіи суда, на скамьѣ подсудимыхъ оказался уже не коллежскій совѣтникъ Ильинъ, а рясофорный инокъ Арзамасскаго Высокогорскаго монастыря. Почтенный отшельникъ не отрицалъ незаконныхъ сборовъ и, нимало не щадя своихъ покровителей, доказывалъ только, что незаконные сборы были завѣдомымъ обычаемъ въ лукояновскихъ дворянскихъ учрежденіяхъ. Судъ вынесъ смиренному монаху обвинительный приговоръ, отчасти, быть можетъ, смягченный тѣмъ, что подсудимый уже удалился отъ грѣховнаго міра *). Во всякомъ случаѣ, коллежскій совѣтникъ Ильинъ сошелъ со сцены, а крестьянскому обществу удалось отвоевать свой домъ, чуть не перешедшій, благодаря давности владѣнія, въ собственность первенствующаго лукояновскаго сословія...

Однако, вернемся къ прерванному повѣствованію...

Въ Починкахъ (если не ошибаюсь, по иниціативѣ г-жи Е. Н. Струговщиковой) открыта огромная столовая на 250 человѣкъ. У двери ея — цѣлая толпа: нищіе, нищенки, старики, старухи, дѣти. Это еще не попавшіе или не имѣющіе надежды попасть въ столовую. Вотъ захожій странникъ, сгорбленный подъ котомкой, съ посохомъ въ рукѣ, съ огромной бородой и острыми, внимательными глазами. Много исходилъ онъ свѣту, но, видимо, здѣсь наткнулся на новое, еще невиданное учрежденіе и изслѣдуетъ его своимъ наблюдательнымъ взглядомъ, оцѣнивая шансы поживиться и на свою странницкую долю. А вотъ и простодушныя лица дѣтей... Они плохо сознаютъ, что происходитъ кругомъ. Они только голодны и смотрятъ на хлѣбъ безхитростными, грустными, широко открытыми глазами.

Ни наружнаго вида, ни подробностей организаціи этой столовой я описывать не стану. Все это уже извѣстно читающей публикѣ изъ брошюры Л. Н. Толстого и многихъ

---

*) Любопытно, что въ то время онъ не имѣлъ еще права на монашеское одѣяніе, такъ какъ принятъ въ послушники только въ 1896 году. Все это было оглашено въ газетахъ („Русская Жизнь“, 1893 г., № 33. „Нижегор. Лист.“, „Русск. Вѣд.“).

другихъ описаній. Всѣ столовыя болѣе или менѣе повторяли въ главномъ свой первообразъ. Здѣсь же я напомню только, что самое возникновеніе этого „опаснаго“ учрежденія въ средоточіи лукояновской оппозиціи — слѣдуетъ считать результатомъ минутной слабости уѣзднаго попечительства. На дальнѣйшія просьбы о разрѣшеніи новыхъ столовыхъ, оно отвѣчало уже рѣшительнымъ отказомъ, — „для избѣжанія нареканій на лицъ, завѣдующихъ продовольствіемъ въ уѣздѣ“.

Теперь нѣсколько словъ о знаменитомъ базарѣ.

Впрочемъ, и тутъ я не стану повторять всѣмъ извѣстныхъ описаній сельскаго базара: скажу только, что базаръ въ Починкахъ, дѣйствительно, огромный, а къ веснѣ, передъ началомъ распутицы, на немъ стали появляться сотни возовъ овса...

Вотъ въ этомъ все дѣло; овесъ есть всетаки хлѣбъ. Итакъ, въ голодающемъ уѣздѣ на базарѣ появляется хлѣбъ. Это зрѣлище поистинѣ соблазнительное, и вотъ почему „починковскій базаръ“ сталъ вдругъ фигурировать во всѣхъ донесеніяхъ изъ Лукояновскаго уѣзда и каждый разъ, какъ кто-либо изъ „губерніи“ пріѣзжалъ, чтобы „увидѣть голодъ“ въ уѣздѣ, гг. лукояновскіе дѣятели вели его на этотъ базаръ: смотрите! И пріѣзжіе изъ губерніи по большой части смущались: въ самомъ дѣлѣ—продаютъ, покупаютъ, толпы народа, сотни возовъ овса!

По этому поводу я опять позволю себѣ небольшое отступленіе.

Былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, у насъ голодъ, былъ ли у насъ подлинно страшный неурожай, была ли необходимость въ помощи населенію 20 губерній? Повидимому, совершенно праздный вопросъ! Однако, положа руку на сердце, знаемъ ли мы теперь правду о голодѣ? Можемъ ли мы,—читающая, мыслящая, разсуждающая и даже „командующая“ часть русскаго общества,—можемъ ли мы сказать, что имѣемъ окончательное и безповоротное мнѣніе по этому вопросу, знаемъ это такъ, что уже не остается мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ, ни спорамъ? Было ли нашествіе двунадесяти языкъ въ 1812 году? Да, было, въ этомъ мы всѣ увѣрены совершенно. Но когда отодвинется нѣсколько трудный нашъ годъ, когда „голодъ“ сойдетъ съ газетныхъ столбцовъ, когда закроются всѣ комитеты и прекратятся оффиціально разрѣшенные сборы, — скажемъ ли мы тогда съ такою же увѣренностью: недавно на Руси было великое бѣдствіе, которое должно намъ послужить урокомъ. Или же фактъ останется опять въ обла-

сти спорныхъ вопросовъ? Одни станутъ говорить: „былъ голодъ“, а другіе—„была только либеральная или какая-нибудь другая интрига“.

Кто-то, кажется, г. Авсѣенко въ одномъ изъ своихъ романовъ сравнилъ нашу русскую жизнь съ гороховымъ киселемъ: какъ глубоко ни хлестни по этому киселю,—борозду мигомъ затянетъ, и никакого слѣда не будетъ... Нѣтъ, слѣды, конечно, будутъ, слѣды не могутъ не остаться въ самой глубинѣ народной жизни, но наверху, въ сознаніи „господствующихъ“ слоевъ общества, возможно и то, и другое...

Прежде всего, признали ли мы единодушно существованіе бѣдствія теперь, когда собираемъ пожертвованія, говоримъ, открываемъ столовыя и раздаемъ ссуды? Вотъ небольшой, но характерный фактъ. Уже въ Лукояновѣ я получилъ письмо отъ лица, живущаго въ Нижегородской губ., въ уѣздѣ, постигнутомъ неурожаемъ. Письмо слѣдующаго содержанія: „Посылаю ваыъ 45 р., полученныхъ со спектакля въ пользу голодающихъ. Живо представляю себѣ ваше удивленіе, а можетъ быть и иное чувство передъ нашимъ личнымъ неумѣніемъ оказать помощь непосредственно... Но вѣдь такъ трудно разобраться во всѣхъ этихъ фактахъ. Вотъ я, напримѣръ, видѣлъ печеный хлѣбъ изъ N—ской волости. Глядѣть жутко; какая-то тяжелая, клейкая масса изъ разной дряни. Но черезъ нѣсколько дней меня увѣряютъ, что это былъ обманъ: нарочно испекли для начальства! Къ одному изъ земскихъ начальниковъ являются и говорятъ, что умираютъ съ голоду. Онъ ѣдетъ въ деревню, посѣщаетъ подрядъ дома и привозитъ отличный ржаной хлѣбъ и порядочный пшеничный. „Я самъ отвѣдывалъ“... и т. д.

Я попрошу читателя пока замѣтить одну характеристическую черту: „посѣтилъ подрядъ дома и привезъ порядочный хлѣбъ“... Подрядъ изъ всѣхъ, или изъ половины домовъ, или изъ одного-двухъ, — объ этомъ даже не упоминается. Нашелъ хлѣбъ, можетъ быть, въ одномъ домѣ... И довольно!

Далѣе. Не такъ давно, въ Нижнемъ, меня встрѣтилъ на улицѣ знакомый помѣщикъ и обрадовалъ извѣстіемъ, что „голода рѣшительно нѣтъ“.

— Помилуйте, самъ думалъ, что есть, но теперь имѣлъ случай убѣдиться. И разубѣдилъ меня мужичокъ, односелецъ. Считался бѣднякомъ, получалъ ссуду, и я самъ зналъ его, какъ бѣдняка. Что же вы думаете: недавно приходитъ ко мнѣ покупать лошадь. „Да откуда же у тебя деньги?“ — А сколько надо?—„Тридцать пять рублей“...—Извольте!—Заво-

рачиваетъ полу и, къ моему удивленію, вынимаетъ 35 руб. Вотъ вамъ и голодающій!

А шедшій со мной, чисто уже городской, скептикъ прибавилъ:

— Вотъ видите, а вѣдь это помѣщикъ и видѣлъ самъ.

Этотъ пріемъ мы уже нѣсколько знаемъ: это „массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій". Одинъ единственный фактъ, который человѣкъ видѣлъ самъ, сразу закрываетъ для него тысячи фактовъ, обставленныхъ какими угодно достовѣрностями, но о которыхъ онъ только „читалъ въ книгѣ", или которые видѣли другіе. А вотъ и еще: мнѣ пришлось купить у мужика 275 пуд. хлѣба для столовыхъ, по 1 р. 70 к. Цѣна ужасная, и уже ея одной достаточно, кажется, чтобы представить себѣ положеніе массы людей, вынужденныхъ покупать хлѣбъ по такой цѣнѣ. Но это сообщеніе общаго характера и потому рѣдко привлекаетъ вниманіе. А вотъ то обстоятельство, что хлѣбъ купленъ у мужика, тотчасъ же кидается въ глаза.

— У мужика — 275 пудовъ! Ну, какіе же они голодающіе!

Я былъ изумленъ неожиданностью заключенія, но теперь уже не удивляюсь. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ: ѣдемъ деревней. День морозный, на току раздаются гулкіе удары цѣповъ. Молотятъ рожь, разбирая для этого старыя одонья.

— Кто молотитъ?

— Мужикъ.

— Чей хлѣбъ?

— Свой.

И вотъ опять поводъ для изумленія: какіе же они голодающіе?

Если вскрыть этотъ весьма ходячій и весьма простой силлогизмъ, то онъ представится въ слѣдующемъ несложномъ видѣ: „Кто продалъ хлѣбъ для столовой?"—Мужикъ.—„Кто будетъ обѣдать въ столовой?"—Мужикъ.

Итакъ, мужикъ продавалъ свой хлѣбъ и мужикъ идетъ въ даровую столовую. Мужикъ молотитъ старыя одонья и мужикъ проситъ ссуду. Обманщики!

Однако, стоитъ только немного договорить:

— Тотъ самый мужикъ, который продалъ хлѣбъ, пойдетъ въ столовую? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не тотъ самый, что хлѣбъ продалъ Ѳедотъ, а въ столовую пойдетъ Иванъ, а если и Ѳедотъ, такъ не тотъ, а другой... Въ томъ-то и дѣло, что „мужика", единаго и нераздѣльнаго, просто му-

жика—совсѣмъ нѣтъ; есть Ѳедоты, Иваны, бѣдняки, богачи, нищіе и кулаки, добродѣтельные и порочные, заботливые и пьяницы, живущіе на полномъ надѣлѣ и дарственники, съ надѣлами въ одинъ лапоть, хозяева и работники... Въ томъ-то и дѣло, что намъ народъ кажется весь на одно лицо, и по первому мужику мы судимъ о всѣхъ мужикахъ. Когда мы съ нимъ кокетничали, когда у насъ были въ модѣ славянофильство и народность, тогда стоило первому трактирному половому, первому прасолу изречь какую-нибудь болѣе или менѣе характерную сентенцію,—и мы уже кричали: вотъ что думаетъ, вотъ какъ судитъ мудрый русскій народъ... ну, хоть о либерализмѣ. И этого было достаточно, чтобы умилиться передъ „народною мудростью“ и чтобы посрамить либерализмъ на основаніи столь высокаго авторитета. Теперь время другое, и, увидя у перваго кабака перваго пьяницу, мы уже готовы кричать: „Вотъ онъ, русскій народъ! Пьяница и оболтусъ! Русскій народъ спился, русскій народъ не голодаетъ, а пропиваетъ ссуды...“

— Ахъ, вы изъ уѣзда?—Ну, что, скажите: видѣли голодъ?

Вдумайтесь въ тонъ и смыслъ этого вопроса, и вы опять увидите подъ нимъ представленіе о чемъ-то единомъ, простомъ, цѣльномъ и несложномъ, какъ статуя.—Видѣли монументъ Пушкина на Тверскомъ бульварѣ?—Да, видѣлъ. Дѣйствительно, стоитъ на Тверскомъ бульварѣ, и откуда ни зайди,—отовсюду ясно, что это именно монументъ, единый и цѣльный, отлитый изъ металла.—А голодъ? Нѣтъ, помилуйте, гдѣ онъ?

Такъ разговариваемъ мы въ губернскомъ городѣ, въ краѣ, постигнутомъ неурожаемъ, съ пріѣзжими изъ уѣздовъ. И сколько людей—столько отвѣтовъ, и все слагаемыя, которыя мы,—по крайней мѣрѣ, значительная, если не большая часть нашего общества, не умѣетъ суммировать. „Иванъ Ивановичъ видѣлъ настоящій голодъ въ такой-то волости: сидитъ въ печальной позѣ и проливаетъ горькія слезы.—„Помилуйте, да Семенъ Семеновичъ самъ былъ въ этой волости: никакой тамъ голодъ не сидитъ и слезъ не проливаетъ, а наоборотъ—„народное пьянство“ распѣваетъ разгульныя пѣсни. Онъ самъ видѣлъ, какъ мужикъ Семенъ Гордѣевъ валялся пьянъ на улицѣ“.—А стоитъ губернскому жителю явиться въ столицу—и тамъ накидываются на него, какъ на настоящаго эксперта изъ голодающей губерніи.—Скажите, наконецъ, правду: есть голодъ?.. — Я у себя въ губернскомъ городѣ не видалъ... — Не видали, странно...

Теперь возвратимся въ починковскому базару. Огромная

площадь, толпа народа. Рядъ деревянный, рядъ „краснаго товара“, рядъ желѣзный, конный, наконецъ—возы овса. Представьте себѣ теперь, что на такую площадь попадаетъ „изслѣдователь“ съ такими же представленіями о голодѣ, съ такимъ же представленіемъ о мужикѣ, какъ о единомъ и всегда себѣ равномъ субъектѣ, всегда „на одно лицо“ и съ одинаковыми свойствами. И вотъ, вмѣсто пустыни, по которой бродятъ одни только истомленные скелеты, такой наблюдатель видитъ базаръ, а на базарѣ возы, а на возахъ овесъ. Боже мой, какъ не обрадоваться этому открытію! И онъ ѣдетъ въ губернію съ отраднымъ извѣстіемъ: „самъ видѣлъ возы съ овсомъ!“ А „практики, знающіе близко народную жизнь“ пожимаютъ плечами: „Мы говорили! Охота вѣрить статистикѣ или газетчикамъ!..“ И при этомъ непремѣнно забудутъ, что сами тоже еще недавно били тревогу...

Я увѣренъ, что эти исторіи, и именно такъ, происходили по всей неурожайной полосѣ и что онѣ посѣяли много сомнѣній. У насъ, по крайней мѣрѣ, починковскій базаръ расплодилъ ихъ безчисленное множество.

Вотъ почему стоитъ немного остановиться на этомъ явленіи.

Гг. „знающіе близко народную жизнь“ сдѣлали открытіе: въ уѣздѣ есть овесъ! Однако, — если бы они предварительно ознакомились въ самой лишь необходимой мѣрѣ съ тѣмъ, что для нихъ знать было обязательно, то они увидѣли бы, что другимъ это давно было извѣстно. На стр. XVIII изданнаго губернской земской управой труда „Урожай 1891 года“ они нашли бы даже точную цифру: на однѣхъ крестьянскихъ земляхъ чистый сборъ овса по уѣзду показанъ въ 70½ тысячъ четвертей или 423 тысячи пудовъ. Прибавьте къ этому овесъ изъ экономій, запасы крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, разложите все это на возы, и вы получите такой обозъ, котораго хватитъ не на одну починковскую базарную площадь... Такимъ образомъ, со своимъ шумнымъ открытіемъ „практическое знаніе народной жизни“ стучалось въ давно открытую дверь и открывало давно открытую Америку.

Однако, въ работахъ статистиковъ есть и другія цифры.— Въ оффиціальномъ „Сборникѣ центральнаго статистич. комитета“ (Урожай 1891 года) вы увидите въ таблицѣ, показывающей сборъ ржи (табл. III), краснорѣчивую цифру 60 противъ Лукояновскаго уѣзда. Сборникъ губ. управы даетъ цифру нѣсколько высшую, но во всякомъ случаѣ—совершенно ничтожную...

Итакъ, статистика ясно говоритъ господамъ „знающимъ практически народную жизнь“: у васъ есть овесъ и нѣтъ

ржи, поэтому населеніе станетъ продавать овесъ и спрашивать рожь. И дѣйствительно, овесъ выѣзжаетъ на базары и становится рядами телѣгъ, а мѣсто ржи занимаютъ мѣшки съ лебедой... Но господа практики чему-то удивляются и почему-то торжествуютъ...

Теперь статистика продолжаетъ: но вашего овса не хватитъ на покупку необходимаго количества ржи. Разсчетъ очень простой: у васъ 168 тысячъ человѣкъ въ уѣздѣ. Считая весьма умѣренно по пуду ржи на человѣка, вамъ нужно 168 тысячъ пуд. въ мѣсяцъ, а до 1-го марта (когда происходитъ этотъ разговоръ),—нужно было бы 1.200.000 пудовъ. Вы выдали до этого времени всего 69 тысячъ. Итакъ, свыше милліона пудовъ ржи населеніе должно вымѣнять на свой овесъ. Для этого (считая 2 пуда овса за пудъ ржи) — необходимо болѣе 2 милліоновъ пудовъ овса. А у васъ его только 423 тысячи! Это-то мы и называемъ нуждой.

Результатъ очевиденъ. Къ веснѣ, когда тайные и явные, скрытые и открытые запасы хлѣба уже исчезли, — овесъ съ лихорадочной поспѣшностью вывозится на базары. Статистика видитъ въ этомъ исполненіе своихъ предсказаній и рекомендуетъ увеличеніе ссудъ, чтобы помочь бѣдному овсу, изнемогающему отъ обилія предложенія и теряющему цѣну, въ то время, какъ гордая рожь становится все недоступнѣе и дороже... А господа практики въ базарномъ изобиліи овса усматриваютъ признакъ довольства и... сокращаютъ ссуды!..

Дальнѣйшее еще болѣе понятно. Овесъ напрягаетъ послѣднія усилія, и сѣмена въ свою очередь наводняютъ рынокъ. Статистика скорбитъ, „практика“ еще болѣе торжествуетъ, въ деревняхъ ѣдятъ лебеду и... мрутъ „натуральною“, только отчего-то ужасно возрастающею смертностью... А овесъ все плыветъ на базары, и когда подходитъ время посѣва, то оказывается, что теперь необходимо уже выдавать въ ссуду овесъ на обсѣмененіе полей, покупая его по дорогой цѣнѣ у скупщиковъ, которые подобрали его очень дешево въ періодъ базарнаго изобилія!

Вотъ каковы эти „голодные парадоксы“, и вотъ какъ трудно приступать къ нимъ съ однимъ глазомѣромъ, съ одною рѣшительностью, съ презрѣніемъ къ истинному знанію, основанному на наблюденіи и обобщеніи, съ однимъ невѣжествомъ, состоящимъ въ незнаніи собственнаго незнанія...

И вотъ откуда эти колебанія и сомнѣнія,—былъ ли у насъ голодъ: каждое отдѣльное наблюденіе (самъ видѣлъ) обобщается и опрокидываетъ первоначальныя представленія, а статистика частью заблаговременно уже искоренена, частью же

находится не въ авантажѣ... У насъ, въ губерніи, она не искоренена и сдѣлала свое дѣло тамъ, гдѣ ее захотѣли слушать. И, однако, достаточно было немотивированнаго мнѣнія лукояновскихъ „знатоковъ народной жизни“, чтобы точная и несомнѣнная смѣта уступила въ уѣздѣ мѣсто фантазіямъ, основаннымъ, какъ мы уже видѣли, на ученыхъ трудахъ волостныхъ писарей и „живыхъ наблюденіяхъ“ по кабакамъ и базарамъ...

Отчего это такъ вышло, объ этомъ мы поговоримъ еще въ главѣ объ организаціи продовольственнаго дѣла.

Часа въ четыре мы выѣхали изъ Починокъ. Базаръ порѣдѣлъ. Ѣдемъ тихо: на дорогѣ много „обгону“, пристяжка то и дѣло вязнетъ въ глубокомъ снѣгу... Пьяныхъ, какъ и на базарѣ, не видно; не слышно пѣсни: возвращаются налегкѣ, — видно, что продавцовъ на базарѣ больше, чѣмъ покупателей.

Вотъ на дорогѣ остановка: распряженныя сани съ незначительной кладью, на саняхъ сидитъ мужикъ, на снѣгу лежитъ лошадь, положивъ, какъ собака, голову на переднія ноги, и по временамъ тяжело, глубоко вздыхаетъ... Возы осторожно объѣзжаютъ застигнутаго бѣдой мужика, наши лошади пугливо жмутся и, объѣхавъ, подхватываютъ сразу, убѣгая въ паникѣ отъ молчаливой драмы, понятной даже и лошадиному сердцу.

Я оборачиваюсь назадъ. Неуклюжая починковская колокольня еще видна надъ снѣгами, по дорогамъ тянутся черными точками возы разъѣзжающагося базара... Въ лицо дуетъ холодѣющій вѣтеръ... Къ ночи еще будетъ морозъ. Двѣ-три ночи теплыхъ,—и дороги станутъ непроѣзжими, и уже трудно будетъ доставлять хлѣбъ туда, куда—по ошибкѣ ли, или по принципу, вольно или невольно—не успѣютъ доставить его раньше.

Вотъ опять красивая перспектива непокорнаго Василева-Майдана, съ церковью на высокомъ холмѣ... Вечерняя заря угасаетъ за синѣющими снѣгами. Вѣтряныя мельницы стоятъ, рисуясь на золотѣ заката, не шелохнувъ крылами, точно въ самомъ дѣлѣ мертвые великаны. Ямщикъ развлекаетъ меня разсказомъ о томъ, какъ нынѣ дешево можно жениться, да кстати, не подозрѣвая этого, разрѣшаетъ еще одинъ парадоксъ голоднаго года. Говорятъ, въ уѣздѣ много свадебъ. Это опять фактически невѣрно: свадебъ меньше, но все же женятся. И что всего страннѣе: женятся бѣдняки. Ямщикъ безхитростно разрѣшаетъ загадку: дѣвки дешевы. Въ тѣхъ

мѣстахъ за нихъ берутъ „кладку“ рублей по 50, по 100. Теперь можно взять дѣвку изъ хорошей семьи за безцѣнокъ, только съ хлѣба долой. Подумывалъ-было сына женить,—теперь не женишь, потомъ опять вздорожаютъ.

— Такъ что же?

— Неохота ее-то по міру пускать... Первый-то годъ лелѣемъ мы все таки ихъ, а тутъ въ домѣ, кромѣ лебеды, ничего! Нехорошо!

Такъ вотъ комментарій къ этому „обилію свадебъ“, которое тоже приводилось, въ качествѣ аргумента, въ пользу „благосостоянія уѣзда“ и которое, вдобавокъ, по точной справкѣ, оказывается такой же уткой, какъ и усиленіе пьянства, какъ и хорошая торговля *).

VII.

Наканунѣ сраженія.—Губернскій благотворительный комитетъ и уѣздное „попечительство“.

6 марта, т. е. уже на слѣдующій день послѣ описаннаго въ прошлой главѣ базара,—я тащился по рыхлой дорогѣ въ Лукояновъ, съ чувствомъ той неопредѣленности и какъ будто тоски, которая обыкновенно сопровождаетъ первые шаги въ незнакомомъ мѣстѣ и по незнакомому дѣлу. На слѣдующій день, въ „конспиративной квартирѣ“ предстояло засѣданіе, о которомъ въ уѣздѣ носились глухіе толки. Возвращаясь вчера съ базара, я встрѣтилъ двѣ тройки, увязавшія въ снѣгу. Ямщики были украшены бляхами, обозы торопливо сворачивали съ наѣзженной колеи, и мужики обѣими руками сволакивали съ головъ свои шапки. Мнѣ объяснили, что это мѣстное начальство всякихъ ранговъ выѣзжало на границу уѣзда встрѣчать губернатора. Тревога оказалась фальшивой: губернаторъ остановился „на Ваду“, недалеко отъ лукояновской границы, въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Дороги быстро портились, и потому на сей разъ все дѣло ограничилось этой диверсіей со стороны губерніи. За то говорили, что со стороны уѣзда готовится какой-то новый и уже генеральный сюрпризъ по адресу губерніи, имѣющій разразиться въ ближайшемъ засѣданіи. Это, конечно, подстрекало въ значительной степени мое любопытство, но мое званіе „писателя и корреспондента“ внушало моимъ новымъ знакомымъ сильныя сомнѣнія („неужто допустятъ?“). Фантасмагорія, которую я уже описывалъ („на границѣ уѣзда“)—все еще продолжалась, и это придавало

*) Теперь (1906—7 годъ) въ голодающихъ мѣстностяхъ отцы продаютъ дочерей торговцамъ живого товара. Прогрессъ русскаго голода очевидный.

моей поѣздкѣ въ Лукояновъ, на склонѣ зимняго дня, 6 марта, нѣкоторый интересъ своего рода „политической“ пикантности, которая во мнѣ лично, признаюсь, возбуждала въ гораздо большей степени ощущеніе весьма понятнаго любопытства, нежели удовольствія. Такія своеобразныя упражненія уѣздныхъ политиковъ гораздо пріятнѣе наблюдать со стороны, не становясь въ то же время лично мишенью для этой политики...

Какъ бы то ни было, въ сѣрый денекъ, около 3 часовъ. почтовая пара втащила меня на обнажившійся уже изъ-подъ снѣга пригорокъ, на которомъ стоятъ знакомые читателю „номера“, и тотъ же знакомый читателю молодой человѣкъ съ цвѣтущею физіономіей встрѣтилъ меня съ какимъ-то таинственнымъ видомъ.

— А вашъ номерокъ угловой-съ... занятъ.

— Кѣмъ?

— Члены по продовольственной части-съ... Изъ Москвы, изъ Петербурга и изъ Арзамасу...

Какъ ни было мнѣ досадно, что мой номерокъ оказался занятъ, но я очень обрадовался, узнавъ, кто эти члены: это были Александръ Ивановичъ Гучковъ съ братомъ и на время пріѣхавшій изъ сосѣдняго уѣзда земскій начальникъ г. Штевенъ.

А. И. Гучковъ—сынъ московскаго фабриканта, „почетный судья города Москвы“, кандидатъ московскаго университета и вольнослушатель университета берлинскаго — очутился въ дальнемъ уѣздѣ нижегородскаго края, благодаря случайностямъ голоднаго года. Узнавъ, что въ Россіи голодъ, онъ пріѣхалъ изъ-за границы и обратился къ генералу Баранову съ просьбой дать ему какую-нибудь работу на мѣстѣ, въ деревнѣ. Долгое время, однако, ген. Барановъ удерживалъ его въ Нижнемъ. Затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ статистикомъ Д. И. Звѣревымъ, принималъ участіе въ объѣздѣ по ревизіи продовольственнаго дѣла въ группѣ І. П. Кутлубицкаго, которая впервые и обратила вниманіе на нѣкоторыя своеобразныя стороны продовольственной дѣятельности лукояновской комиссіи *). Впослѣдствіи, когда обстоятельства развертывались въ своей логической послѣдовательности,—г. Гучковъ оказался въ положеніи довольно оригинальномъ: почетный мировой судья города Москвы и вольнослушатель берлинскаго университета

*) Любопытно, что въ своеобразномъ стилѣ лукояновской полемики фамилія г-на Звѣрева стала послѣ этого нарицательной: вмѣсто „гг. статистики“, лукояновскій продовольственный комитетъ писалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ: „гг. Звѣревы“.

очутился завѣдующимъ продовольственнымъ участкомъ. Сначала ген. Барановъ незаконно отнялъ продовольственное дѣло у земства и передалъ его земскимъ начальникамъ. Теперь онъ отнималъ его у одного изъ земскихъ начальниковъ и передавалъ „вольнослушателю берлинскаго университета". Обстоятельство это на сей разъ оказалось для участка довольно благодѣтельнымъ, такъ какъ земскій начальникъ Ж—въ распоряжался очень недобросовѣстно... Но законныхъ основаній для этихъ послѣдовательныхъ передачъ, конечно, не взялся бы разыскать самый тонкій знатокъ земскаго положенія и продовольственныхъ уставовъ...

Съ А. И. Гучковымъ пріѣхалъ его братъ, уѣхавшій, впрочемъ, дня черезъ два, и К. Г. Рутницкій, уполномоченный отъ Особаго Комитета. Такимъ образомъ, мое одиночество кончилось. Я былъ уже не единственнымъ заѣзжимъ представителемъ „столоваго принципа" въ воюющемъ уѣздѣ,—и въ тотъ же вечеръ мы смѣялись вмѣстѣ надъ своимъ положеніемъ наканунѣ объявленія войны: если лукояновская держава тотчасъ же по объявленіи независимости пожелаетъ, подобно державѣ турецкой, заключить васъ, бѣдныхъ посланниковъ благотворительнаго комитета, въ какой-нибудь семи- или четырехъ-башенный замокъ,—то, по крайней мѣрѣ, мы будемъ въ пріятной компаніи...

Бываютъ такіе странные вопросы. Всѣмъ кажется до времени, что они давно рѣшены окончательно и безповоротно и въ этомъ видѣ, какъ бы окончательно и навсегда рѣшенныхъ — ни въ комъ уже не возбуждаютъ они ни сомнѣній, ни интереса. И такъ десятки лѣтъ они дремлютъ въ глубинѣ нашей и вообще-то не вполнѣ опредѣлившейся жизни, пока сила обстоятельствъ не вызоветъ ихъ изъ области теоретическихъ отвлеченій на арену практической дѣйствительности. А тогда они внезапно пробуждаются, но, къ удивленію, не въ качествѣ давно рѣшенныхъ и безспорныхъ, а наоборотъ, во всей первоначальной свѣжести и неприкосновенности... То, что казалось непререкаемымъ, встаетъ вновь въ видѣ проблемы и вопроса, около котораго вновь закипаютъ давно замолкшіе споры, разногласія, раздоры, и это въ то самое время, когда уже необходимо дѣйствовать, а не спорить и препираться...

Такимъ, между прочимъ, явился и вопросъ о правѣ частнаго благотворенія въ голодающихъ мѣстностяхъ: мѣстныя начальства рѣшали его самымъ различнымъ образомъ, по губерніямъ и даже по уѣздамъ... Въ одной губерніи или уѣздѣ всѣ имущіе и желающіе люди призывались къ работѣ, и частная

иниціатива встрѣчала одобреніе и поддержку; въ другомъ— она только терпѣлась, въ третьемъ — не допускалась вовсе; наконецъ, нѣкоторые уголки нашего обширнаго отечества, какъ это извѣстно изъ газетъ, прославились тѣмъ, что частнымъ благотворителямъ, явившимся туда для непосредственной помощи населенію, было предложено „оставить предѣлы губерніи“...

Какъ уже было сказано, ген. Барановъ сначала стоялъ на той же запретительной точкѣ зрѣнія. Такъ, напр., изъ журнала губернской продовольственной комиссіи отъ 17 ноября 1891 г. мы узнаемъ, что... „существуетъ въ уѣздахъ и городахъ губерніи наклонность у отдѣльныхъ лицъ и негласныхъ кружковъ собирать пожертвованія и раздавать ихъ голодающимъ самостоятельно... Вслѣдствіе этого генералъ Барановъ предполагаетъ (если, впрочемъ, намѣреніе это будетъ одобрено комиссіей)—сдѣлать распоряженіе, чтобы никто безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать эти суммы помимо съ этой цѣлью организованныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ необходимымъ воспретить лицамъ, желающимъ получить помощь, обращаться непосредственно въ какія бы то ни было учрежденія... помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства“ (курсивы наши) *). Затѣмъ первое предложеніе объ открытіи столовой на частныя средства было встрѣчено очень сухо. Генералъ Барановъ находилъ необходимымъ установить наблюденіе, чтобы кормленіе въ столовой было не хуже, но и не лучше выдаваемаго остальнымъ нуждающимся казеннаго пособія. Комиссія съ обоими предложеніями согласилась, и, такимъ образомъ, нижегородское „кустарное законодательство“ прибавило къ существующимъ два новыя законоположенія; отнынѣ въ предѣлахъ нижегородскаго края состоятельные люди лишались права кормить досыта посѣтителей своихъ столовыхъ, а сами голодающіе не могли обращаться со своей нуждой ни къ кому, кромѣ „своего непосредственнаго начальства“ (?!). Все дѣло благотворенія вгонялось, такимъ образомъ, въ узкія, чисто бюрократическія рамки.

Въ декабрѣ 1891 года появилось извѣстное сообщеніе Особаго Комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ На-

*) См. Журналъ Нижегор. губ. продовольств. комиссіи отъ 18 ноября 1891 г., стр. 3. Такимъ образомъ, человѣкъ, получившій завѣдомо недостаточную помощь въ одномъ учрежденіи, лишался права просить помощи въ другомъ. Такова очень часто эта „воспретительная“ логика!

слѣдника Цесаревича. Въ немъ среди другихъ, порой довольно противорѣчивыхъ положеній, выставлялось, между прочимъ, начало, что „дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнимъ, дѣлу помощи нуждающимся, отнюдь не должна быть стѣсняема“. Положенія этого сообщенія, разбитыя на отдѣльные параграфы и приведенныя въ форму устава (впослѣдствіи утвержденнаго Особымъ Комитетомъ), легли въ основу губернскаго благотворительнаго комитета, объединившаго въ себѣ дѣятельность оффиціальныхъ благотворительныхъ учрежденій и развязывавшаго въ то же время руки частной иниціативѣ.

Въ губернскомъ центрѣ послѣ этого исчезаютъ признаки указаннаго выше недоразумѣнія, и частная иниціатива принимается съ доброжелательствомъ. Однако, — характерная черта провинціальной жизни: всякое „воспрещеніе“ и „ограниченіе“ осуществляется у насъ быстро, полно и рѣшительно, точно по телеграфу. Наоборотъ, всякое „разрѣшеніе“ и „дозволеніе“ ползетъ на долгихъ, и даже послѣ того, какъ оно уже проникаетъ въ самые дальніе административные закоулки, на него все еще недовѣрчиво косятся и не спѣшатъ съ его осуществленіемъ, какъ бы предчувствуя, что оно просуществуетъ недолго, а „воспрещеніе“, незаконное, неосмысленное и прямо нелѣпое, воспрянетъ опять во всей силѣ живучаго факта.

Такъ именно было, въ данномъ случаѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ *). Проектъ инструкціи, о которомъ идетъ рѣчь, напечатанъ въ протоколахъ губернской комиссіи 20 декабря, а 3 января онъ уже былъ одобренъ Особымъ Комитетомъ. Между тѣмъ, взгляды лукояновскаго уѣзднаго попечительства продолжали опредѣляться въ прежнемъ, совершенно противоположномъ направленіи. „Дѣятельность частныхъ лицъ“ устранялась рѣшительно и безповоротно, а уѣздное „попечительство“ строго замкнулось: составъ его опредѣлился наличнымъ числомъ земскихъ начальниковъ, предводителемъ дворянства и... изъ уѣздной земской управы въ него былъ допущенъ одинъ лишь „свой человѣкъ“, предсѣдатель, дворянинъ А. В. Приклонскій. Постановленіемъ этого комитета отъ 19 февраля частный благотворитель г. Филатовъ ставился въ извѣстность, что столовыя могутъ быть открываемы только гг. земскими начальниками (то есть: не будутъ открываемы вовсе).

*) Къ сожалѣнію, такъ именно случилось впослѣдствіи и для всей Россіи съ „новымъ продовольственнымъ уставомъ“, совершенно устранившимъ фактически всякую частную иниціативу въ дѣлѣ помощи голодающимъ. А теперь, уже къ выходу 5-го изданія этой книги, вся Россія обращена въ этомъ отношеніи въ сплошной Лукояновскій уѣздъ.

Такимъ образомъ, изъявивъ согласіе на предложеніе губернскаго комитета, выславшаго ему и деньги, г. Филатовъ узналъ отъ уѣзднаго попечительства, что онъ долженъ вновь просить разрѣшенія у земскаго начальника, „съ изъясненіемъ, по каждой столовой, причины открытія“ (какъ будто голодъ недостаточная причина!). Г. земскій начальникъ, въ свою очередь, обратится съ представленіемъ въ „уѣздное попечительство“, которое, впрочемъ, уже заранѣе (19 февраля) опредѣлило, чтобы именно въ тѣхъ мѣстахъ (вблизи Лукоянова), гдѣ г. Филатовъ согласился работать, столовыхъ отнюдь не открывать, такъ какъ въ городѣ уже есть столовая (на 49 человѣкъ), что, повидимому, должно было служить нѣкоторымъ платоническимъ утѣшеніемъ жителямъ окрестныхъ деревень. Наконецъ, попечительство предоставило еще себѣ особое право „утверждать“ или „не утверждать“ помощниковъ г-на Филатова, точно завѣдываніе столовыми важная государственная должность!..

Таково было „содѣйствіе“, которое уѣздное попечительство оказывало по отношенію къ лицамъ, занимавшимъ въ уѣздѣ видное положеніе (не мѣшаетъ замѣтить, что г. Филатовъ — уѣздный членъ суда при лукояновскомъ съѣздѣ тѣхъ же земскихъ начальниковъ). Читатель, вѣроятно, согласится, что я не имѣлъ никакихъ основаній разсчитывать на большее вниманіе къ моей скромной особѣ, и вотъ почему я предпочелъ сразу же встать подъ защиту того параграфа утвержденной Особымъ Комитетомъ инструкціи, который гласилъ о „дѣятельности частныхъ лицъ“, не подлежавшей стѣсненію.

Остановившись на этомъ рѣшеніи и намѣтивъ первыя два селенія, въ которыхъ предстояло открытіе столовыхъ,—я написалъ о своихъ намѣреніяхъ г-ну земскому начальнику II участка. Затѣмъ я хотѣлъ воспользоваться засѣданіемъ уѣзднаго попечительства, когда гг. земскіе начальники будутъ въ сборѣ, чтобы сразу въ собраніи ознакомить ихъ съ дальнѣйшимъ планомъ моихъ дѣйствій,—разумѣется, только „для свѣдѣнія“, но безъ всякихъ, съ моей стороны, притязаній на какое бы то ни было „содѣйствіе“ моимъ партикулярнымъ предпріятіямъ...

VIII.

Губернская и уѣздная продовольственная комиссіи. — Законъ и практика.—Земство и администрація въ продовольственномъ дѣлѣ.

Однако, прежде, чѣмъ вести читателя далѣе среди запутанныхъ неожиданностей уѣздной политики „голоднаго года“, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ органи-

заціи собственно продовольственнаго дѣла въ нашемъ краѣ и о значеніи терминовъ: „губернская и уѣздная продовольственныя комиссіи“, о томъ, какъ онѣ возникли, изъ кого состояли, что изъ этого выходило, и какъ могло случиться что въ одной части Лукояновскаго, напримѣръ, уѣзда обязанности по продовольствію населенія легли, наконецъ, на „почетнаго мирового судью города Москвы“ и вольнослушателя берлинскаго университета.

Прежде всего маленькая историческая справка.

Въ старину, во время крѣпостного права, у насъ дѣйствовалъ уставъ о народномъ продовольствіи, устанавливавшій, между прочимъ, существованіе особыхъ комиссій продовольствія, которыя отразили на себѣ явные слѣды крѣпостной структуры тогдашней русской жизни. Состояли онѣ, конечно, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Помѣстное дворянство, за которымъ стояла темная и безличная крѣпостная масса, имѣло своего представителя въ лицѣ губернскаго предводителя и, по особому приглашенію, предводителей уѣздныхъ. Интересы крестьянъ государственныхъ представлялись управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ (удѣльные въ продовольственномъ дѣлѣ стояли особо). Кромѣ того, въ комиссіи присутствовалъ губернскій прокуроръ, а дворянство могло выбирать отъ себя еще непремѣнныхъ членовъ „съ жалованьемъ по штату“.

Великая реформа, уничтожившая рабство, съ одной стороны, сглаживала перегородки между сословіями, съ другой—совершенно уничтожала ихъ въ средѣ самихъ крестьянъ. Понятно, что съ этимъ вмѣстѣ исчезала всякая надобность въ дореформенныхъ смѣшанныхъ комиссіяхъ. И дѣйствительно, новый законъ упразднилъ ихъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, а завѣдываніе дѣломъ по обезпеченію народнаго продовольствія и оказаніе пособій нуждающемуся населенію отнесено къ предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Главный мѣстный надзоръ за соблюденіемъ предписанныхъ закономъ правилъ для обезпеченія народнаго продовольствія возложенъ на главныхъ начальниковъ губерній и областей. Наконецъ, общее попеченіе о народномъ продовольствіи принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ *).

Такимъ образомъ, если бы законы имѣли должную силу въ

*) См. уставъ о народномъ продовольствіи, изд. 1889 года, ст. 2, 3 и 4, и положеніе о земскихъ учрежд. 12 іюня 1890 г., ст. 2. III. Цитирую изъ записки Н. Ѳ. Анненскаго, внесенной въ нижегородскую губ. продовольственную комиссію 27 мая 1892 г.

мѣстной жизни, то программа борьбы съ послѣдствіями неурожая была бы ими дана впередъ, въ очень опредѣленныхъ и твердыхъ очертаніяхъ, и всякому органу мѣстнаго управленія оставалось бы только сразу и безъ колебаній стать на свое мѣсто и взяться за свое дѣло. Хозяйственная сторона дѣла, вмѣстѣ съ законною отвѣтственностью за его веденіе, ложилась несомнѣнно на земство. Но, быть можетъ, это не по силамъ наличному составу земскихъ органовъ? Законъ это предвидѣлъ, и потому земства имѣютъ возможность расширять наличныя силы своихъ управъ нужнымъ количествомъ новыхъ членовъ. Оставалось это исполнить, раздѣлить уѣзды на земскіе участки и приступить прямо къ дѣлу. На мѣстную же администрацію возложена обязанность наблюденія и контроля: охрана интересовъ казны, выдающей ссуду на извѣстныхъ условіяхъ, съ одной стороны, и защита населенія отъ возможныхъ посягательствъ и злоупотребленій, съ другой—таково содержаніе того „мѣстнаго надзора", о которомъ такъ ясно говорится въ законѣ.

Къ сожалѣнію, какъ это мнѣ приходилось уже указывать, послѣ побитыхъ засухою нивъ и ихъ обездоленнаго владѣльца-мужика, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая является именно ни въ чемъ неповинный законъ. Одна изъ прискорбнѣйшихъ фикцій, гуляющихъ въ наше переходное время по обширнымъ пажитямъ провинціальной жизни, состоитъ въ странномъ представленіи, будто „сила власти" выражается не въ строгомъ и точномъ осуществленіи предписаній закона, а въ томъ, чтобы всюду въ мѣстной жизни администрація пѣла непремѣнно первую партію. Даже и тогда, когда это не требуется ни по нотамъ, ни по самому ходу исполняемой пьесы...

Я не могу забыть небольшого, но очень характернаго эпизода, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть въ губернской продовольственной комиссіи *). Васильскій уѣздный предводитель дворянства, П. П. Зубовъ, предложилъ комиссіи поддержать его ходатайство о томъ, чтобы извѣстная и очень немалая сумма была отпущена министерствомъ, помимо земства, въ непосредственное распоряженіе состоявшей подъ его предсѣдательствомъ уѣздной продовольственной комиссіи, для осуществленія нѣкоего премудраго сепаратнаго продовольственнаго плана, изобрѣтеннаго на скорую руку самимъ г. Зубовымъ. На скромное замѣчаніе предсѣдателя губернской земской управы, что такой порядокъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы требованіямъ закона, ораторъ, безпечно играя своимъ пенснэ, отвѣтилъ:

---

*) Засѣд. 24 ноября 1892 г.

— Мнѣ тоже нѣсколько извѣстны статьи, на которыя ссылается многоуважаемый Александръ Васильевичъ. Но, господа, неужели мы собрались сюда для того, чтобы заниматься теоретическими соображеніями?

Это превосходное изреченіе, отводящее закону скромное мѣстечко среди теоретическихъ соображеній, которыя обязаны безпрекословно сторониться передъ великолѣпіемъ личнаго творчества любого уѣзднаго „практика",—я тогда же занесъ въ свою записную книжку, какъ сжатую, ясную и во всѣхъ отношеніяхъ неподражаемую характеристику въ двухъ словахъ цѣлаго теченія.

Законъ—это просто теоретическое соображеніе!

Хуже того: законъ—это бюрократическая мертвечина, это лишь канцелярская перепись, это №№ „входящихъ и исходящихъ"!

Генералъ Барановъ былъ очень склоненъ къ такому же взгляду и очень ярко выразилъ это въ одномъ циркулярѣ къ земскимъ начальникамъ въ началѣ продовольственной кампаніи. Заподозривъ, повидимому, этихъ почтенныхъ дѣятелей въ излишнемъ пристрастіи къ законности, онъ счелъ необходимымъ предупредить ихъ, что „...земскій начальникъ во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, гдѣ онъ видитъ необходимость поступиться буквой того или другого правила или постановленія для достиженія успѣха дѣла, долженъ принять на себя это отступленіе, при чемъ смѣло можетъ разсчитывать найти во мнѣ не только защитника, но и товарища по раздѣленію отвѣтственности". Дальше высказывалось предположеніе, что „трудно примѣняемыя статьи тѣхъ или другихъ кодексовъ" могутъ „довести простолюдина до голодной смерти, что не будетъ оправдано никакими ссылками на №№ входящихъ и исходящихъ". Предполагалось, такимъ образомъ, что первая опасность злополучному „простолюдину" грозитъ именно со стороны „кодексовъ" (предоставляющихъ продовольственное дѣло земству). Самъ ген. Барановъ нимало съ кодексами не стѣснялся, обезсиливъ земство; издавалъ собственные законы, отмѣнилъ въ своей губерніи круговую поруку, создавалъ, для блага простолюдиновъ, предводительскія диктатуры, приглашалъ къ такому же образу дѣйствій гг. земскихъ начальниковъ и имѣлъ случай убѣдиться на многихъ лукояновскихъ примѣрахъ, что безъ кодексовъ „простолюдину" пришлось еще гораздо хуже... Характерно, что ген. Барановъ подъ законностію разумѣлъ лишь канцелярщину и номера входящихъ и исходящихъ.

Прошу у читателя прощенія за это отступленіе, состоящее

при томъ, изъ сплошныхъ трюизмовъ. Но что же дѣлать, если и эти вопросы, давно порѣшенные и занесенные въ „уставы“, дремавшіе на полкахъ и ни въ комъ не возбуждавшіе сомнѣній,—внезапно, въ самое горячее время, воскресли не въ видѣ трюизмовъ, а въ формѣ новыхъ проблемъ! И, вмѣсто того, чтобы сразу думать, какъ нужно дѣлать настоятельное дѣло, пришлось опять рѣшать старый и давно порѣшенный вопросъ: кто его долженъ дѣлать?

Характерная черта исторіи „голоднаго года“ въ нашемъ краѣ состоитъ въ томъ, что первые громкіе возгласы о грозящемъ голодѣ раздались изъ консервативнаго лагеря. Земская управа собирала еще точныя свѣдѣнія, подготовляла матеріалы, въ уѣздахъ созывались экстренныя собранія, чтобы обсудить мѣры борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ и степень предстоящей нужды,—какъ уже изъ Васильскаго уѣзда, пріюта нашего воинствующаго консерватизма, были посланы губернатору ген. Баранову категорическія заявленія, что голодъ уже тутъ, на мѣстѣ, и именно тотъ голодъ, „когда матери пожираютъ младенцевъ“. Избранныя мѣста изъ этихъ „васильскихъ писемъ“ сдѣлались достояніемъ молвы, передавались изъ устъ въ уста, и при этомъ прибавлялось: „ну, и достается же земству!“ И дѣйствительно, бѣдное земство, стоявшее тогда въ томъ мѣстѣ, куда именно валятся всѣ шишки, очутилось въ положеніи бѣднаго Макара. Перевернешься—бьютъ, и не довернешься—бьютъ. Извѣстно, что пессимизмъ и „крики о голодѣ“ составляютъ исконную вину „либераловъ“ литературы и земства, и въ томъ же Васильскомъ уѣздѣ относились къ нимъ столь высокомѣрно, что на всѣ предупрежденія еще полгода назадъ отвѣчали очень опредѣленно: не дадимъ ни зерна, никто не умретъ. Все это было признано „теоріей“, выдумкой разныхъ статистиковъ. Трезвая же практика увѣряла въ радостной истинѣ, что „онъ еще достанетъ“. Понятно поэтому, что земству весьма и весьма надлежало собраться съ духомъ прежде, чѣмъ вновь затягивать унылую пѣсню. Но пока оно собиралось съ духомъ, вооружалось данными и цифрами, чтобы отстоять свои заключенія отъ гг. практиковъ, въ томъ числѣ и васильскихъ, эти послѣдніе пустились неожиданно въ походъ налегкѣ, заскакали много впередъ, и имъ доставляла немалое удовольствіе блестящая идея: повернуть обычную, по ихъ мнѣнію, земскую артиллерію противъ самого земства: земство прозѣвало голодъ! Они его открывали.

Это отразилось на первыхъ мѣрахъ борьбы съ голодомъ и наложило на нихъ специфическій отпечатокъ. Когда, вслѣд-

ствіе васильскаго набата, ген. Барановымъ были закуплены первыя партіи хлѣба (впослѣдствіи введенныя въ общую цифру земскаго долга), то распоряженіе этимъ хлѣбомъ губернаторъ, вопреки всякимъ „кодексамъ“, передалъ въ руки П. П. Зубова, васильскаго предводителя дворянства. Остальнымъ, даже отдаленнымъ уѣздамъ было предложено обращаться къ новоявленному „продовольственному диктатору“ за указаніями и инструкціями. При этомъ оказалось, разумѣется, что „личная система“ васильскаго предводителя достоинствами не блистала и подтвердила еще разъ, что никакими личными, наскоро состряпанными системами нельзя замѣнить закономѣрной коллективной работы общественныхъ учрежденій. Гг. предводители и земскіе начальники наскоро выдавали пособія, а „міръ“ еще быстрѣе, съ точностью уравнительной машины, дѣлилъ „способіе по душамъ“... „Шло на распылъ“, доставалось по 5 фунтовъ на мірскую душу, богатымъ и бѣднымъ одинаково...

Этотъ прецедентъ породилъ, однако, немалое смущеніе. Значительно дискредитированное земство стояло совершенно въ сторонѣ въ этомъ предварительномъ эпизодѣ, играя, такъ сказать, роль свидѣтеля въ дѣлѣ, гдѣ отвѣтственность все таки возлагалась на него и на его плательщиковъ. Въ обществѣ, точно пчелы, жужжали всевозможные толки и слухи о близкомъ и полномъ отстраненіи земства отъ всего продовольственнаго дѣла. Если читатель припомнитъ, что это совпало съ переходнымъ періодомъ, на закатѣ стараго земства, то станетъ понятнымъ и настроеніе, среди котораго открылось, въ началѣ іюля 1891 года, экстренное засѣданіе губернскаго земскаго собранія.

Уже наканунѣ появились совершенно опредѣленные слухи о какомъ-то (тогда еще не существовавшемъ въ дѣйствительности) указѣ или циркулярѣ, который отнималъ яко бы у земства распоряженіе всѣми продовольственными средствами и передавалъ ихъ администраціи. Откуда пошли эти слухи? Явились ли они случайно, или были пущены съ намѣреніемъ, — сказать трудно, но объ нихъ говорили всюду. Чиновники передавали ихъ съ видомъ торжества, реакціонеры-дворяне—съ злорадствомъ, земцы—съ тревогой. Въ день собранія гласные, заранѣе толпившіеся въ колонной залѣ дворянскаго дома, обсуждали въ смущенныхъ кучкахъ вѣроятность и законность такой мѣры. Реакція прошлаго царствованія была въ разгарѣ, поэтому вѣроятность была большая, а о законности тогда заботились мало.

Съ давнихъ уже поръ, быть можетъ, даже съ самаго

открытія земскихъ учрежденій, собраніе гласныхъ не вслушивалось съ такимъ захватывающимъ вниманіемъ въ каждое слово губернаторской рѣчи при открытіи сессіи. Минута была изъ тѣхъ, въ которыхъ чувствуется драма, и воспоминаніе о первыхъ годахъ земства возникало невольно въ умѣ. Мнѣ навсегда врѣзалась въ память эта кучка черныхъ сюртуковъ, столпившихся вокругъ эффектной фигуры ген. Баранова, въ военномъ мундирѣ. Много ли здѣсь было людей, сохранившихъ въ чистотѣ земскія традиціи? Не одни уста, произносившія много лѣтъ пылкія рѣчи въ той же залѣ,—теперь раскрываются лишь для того, чтобы уничтожать плоды прежней работы и въ земскомъ собраніи подрывать земскія начала... Но все же я увѣренъ, даже и въ этихъ сердцахъ не могли не отозваться тупою болью самые толки объ отнятіи у земства его законныхъ полномочій наканунѣ общенародной бѣды...

Въ рѣчи губернатора всѣ услышали подтвержденіе тревожныхъ слуховъ. Какъ это случилось, сказать трудно, но только и гласные, и публика на хорахъ, и представители мѣстной прессы—всѣ слышали, что губернаторъ сообщилъ объ образованіи, подъ его предсѣдательствомъ, особой комиссіи „для помощи нуждающимся и для исходатайствованія у правительства необходимыхъ для этого средствъ“, т. е. именно для того, что должно дѣлать земство... Такъ это было напечатано и въ мѣстной газетѣ *).

Это оффиціальное заявленіе губернатора внесло въ работу земскаго собранія смуту и недоумѣніе. Губернская управа заготовила обстоятельные доклады, основанные на превосходно выполненныхъ работахъ статистическаго бюро. Но... если то, о чемъ говорили наканунѣ и что находило подтвержденіе въ губернаторской рѣчи, — правда, то всѣ эти доклады собранію не нужны. Огромныя средства поступятъ въ распоряженіе генерала Баранова, а земству придется, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, присутствовать при ихъ распредѣленіи. До какой степени доходило это „недоразумѣніе“, видно изъ того, что даже одинъ изъ членовъ управы (А. П. Михайловъ) заявилъ, что послѣ рѣчи губернатора „для земскаго собранія какія бы то ни было мѣропріятія являются излишними или, по крайней мѣрѣ, съ ними надо обождать до выясненія рѣшеній упомянутаго губернаторомъ

---

*) Нужно замѣтить, что тексты губернаторскихъ рѣчей всегда цензуруются съ особымъ вниманіемъ, и, значитъ, печатный текстъ рѣчи былъ признанъ совершенно точнымъ.

комитета... Земскія комиссіи излишни, такъ какъ земство очевидно, устраняется отъ принадлежащей ему роли“ *).

Эта рѣчь члена управы и стараго земца была несомнѣнно тактической ошибкой: если предварительные слухи, распущенные чиновниками, и двусмысленный тонъ губернаторской рѣчи не были случайностью, то они и были разсчитаны на то, что земство, обезкураженное и озадаченное, само выпуститъ дѣло изъ своихъ рукъ и примирится съ ролью совѣщательнаго органа при губернаторѣ... Тогда въ Нижегородской губерніи сразу же водворился бы тотъ порядокъ, который впослѣдствіи былъ дѣйствительно введенъ новымъ продовольственнымъ уставомъ...

Но въ то время дѣйствовали еще прежніе законы, и, къ счастію, въ собраніи нашлись люди, которые напомнили, что законы не отмѣняются ни министерскими циркулярами, ни губернаторскими рѣчами. Это напоминаніе значительно прояснило положеніе. Голосъ Васильскаго уѣзда, въ лицѣ его ретроградного предсѣдателя А. А. Демидова, пытался еще ограничить роль земства однимъ только „выясненіемъ степени нужды“, но стало все-таки очевидно, что собраніе принимаетъ свою задачу въ ея полномъ объемѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что и министерскій циркуляръ предлагалъ лишь для совмѣстнаго съ земствомъ труда по продовольствію образовать при губернаторѣ особое продовольственное совѣщаніе, которое, однако, не должно было, по смыслу циркуляра, умалять финансовую и хозяйственную компетенцію земства. Черезъ два дня въ этомъ смыслѣ былъ исправленъ и напечатанный ранѣе текстъ рѣчи ген. Баранова. Шутники говорили по этому поводу, что компетенція земства повисла на одной запятой и легко можетъ сорваться. Какъ бы то ни было, земство удержало позицію: съ своей стороны, собраніе рѣшило образовать комиссію въ помощь своей управѣ, въ которую постановлено пригласить и г-на губернатора... Итакъ, возникли параллельно двѣ комиссіи. Въ виду этого комитетъ при губернаторѣ тотчасъ же закрылся, и образовалась губернская земская продовольственная комиссія (дѣйствовавшая съ іюля по октябрь мѣсяцы и имѣвшая за это время 7 засѣданій).

Однако, и генералъ Барановъ не отказался отъ попытокъ захватить огромное дѣло въ свои властныя руки: въ ноябрѣ онъ счелъ необходимымъ возобновить вновь закрытое „совѣщаніе“, хотя и подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ.

---

*) „Нижегор. Бирж. Листокъ“, 4 іюля 1891 г., № 151.

Земство въ декабрѣ закрыло свою комиссію, подчеркнувъ такимъ образомъ, что всю отвѣтственность оно возлагаетъ на управу. Послѣ этого на аренѣ продовольственныхъ операцій остались: съ одной стороны—губернская земская управа, съ ея правами и отвѣтственностью, съ другой — новая комиссія смѣшаннаго характера, съ неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ составомъ. Земцы въ ней составляли ничтожное меньшинство. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ они всетаки присутствовали на ея засѣданіяхъ, то генер. Барановъ пытался придать ея рѣшеніямъ значеніе, обязательное и для земства. На этой почвѣ разыгрывались впослѣдствіи бурныя атаки „барановцевъ" противъ губернскаго земства.

Это и была „Нижегородская губернская продовольственная комиссія", получившая въ свое время громкую и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ блестящую извѣстность. Впрочемъ, во всѣхъ бумагахъ, приходившихъ изъ министерства, она именовалась гораздо скромнѣе: „продовольственнымъ совѣщаніемъ при нижегородскомъ губернаторѣ".

Я не имѣю надежды исчерпать здѣсь любопытные матеріалы, которыми мы обязаны „просвѣщенной гласности", допущенной во всѣ работы продовольственной комиссіи. Тому, кто возьмется со временемъ за эту работу, придется отмѣтить немало интересныхъ страницъ, однако, несомнѣнно, что подъ этими цвѣтами и блескомъ скрывалась старая и давно упраздненная жизнью дореформенная сущность. Съ одной стороны—это было какъ будто только совѣщаніе, безъ рѣшающаго и исполнительнаго характера, съ другой—оно стремилось возродить компетенцію дореформенныхъ комиссій продовольствія. Положеніе выходило въ краткихъ чертахъ такое: отвѣтственность ложилась на управу, состоявшую изъ 4-хъ человѣкъ. Распоряжаться могли бы нѣсколько десятковъ людей, случайныхъ и никакой отвѣтственностью не обремененныхъ. Очевидно, рѣшенія этого измѣнчиваго и зависимаго большинства обращались въ какую-то фикцію и совершенно отпадали, а въ полѣ дѣйствія оставались двѣ реальности: земская управа и глава мѣстной администраціи — властный, своенравный, не считавшійся съ законами губернаторъ Барановъ.

Вскорѣ же начались рѣзкія столкновенія... На очереди стояли вопросы огромной и самой „практической" важности. Земская управа рѣшила перенести центръ тяжести хлѣбныхъ закупокъ на дальніе рынки и для этого командировала своихъ агентовъ, преимущественно статистиковъ-агрономовъ, на югъ

и на Кавказъ, а также завязала связи на мѣстахъ съ общественными и земскими учрежденіями. Управа справедливо опасалась обрушить всю тяжесть огромнаго спроса на мѣстные рынки, боясь страшнаго поднятія цѣнъ въ губерніи, а также опасаясь очутиться во власти мѣстныхъ крупныхъ торговцевъ. При выполненіи своего плана управа разсчитывала на земскую взаимность, на строгій выборъ и извѣстный нравственный цензъ своихъ агентовъ и на содѣйствіе общественныхъ учрежденій на мѣстахъ закупокъ. Послѣдствія показали, что она не ошиблась въ этихъ разсчетахъ. Генералъ Барановъ являлся, наоборотъ, сторонникомъ веденія всего дѣла черезъ крупныя мѣстныя торговыя фирмы, а за генераломъ Барановымъ шло и большинство комиссіи. Планъ управы считался „непрактическимъ“ и слишкомъ „идеальнымъ“. Предсказывались неумѣлость и ошибки со стороны „земскихъ агрономовъ“ (кличка до извѣстной степени ироническая), не искушенныхъ въ изворотахъ хлѣбной торговли. Но на мѣсто управской теоріи тотчасъ же выдвигалась своя теорія, гораздо болѣе утопическая и прямо опасная. Предполагалось, какъ будто, что крупные хлѣбные торговцы — люди сплошь отмѣннаго самоотверженія и патріотизма, „доблестные истинно русскіе люди“, сгорающіе однимъ только желаніемъ — доставить нуждающемуся населенію хлѣбъ какъ можно лучше и дешевле и отнюдь не помышляющіе объ увеличеніи своихъ барышей до возможныхъ предѣловъ. Разумѣется, эта утопія гораздо утопичнѣе земской. Такія вещи очень хороши въ застольныхъ рѣчахъ, но на нихъ нельзя строить обширныхъ торговыхъ предпріятій. Генералъ Барановъ указывалъ, что между крупными хлѣбными торговцами, о которыхъ шла рѣчь, есть почтенныя имена извѣстныхъ мѣстныхъ „жертвователей“ и филантроповъ. Но, во-первыхъ, далеко не всѣ и даже не очень много, а, во-вторыхъ, — возражали земцы, — филантропія и торговое дѣло — двѣ вещи, которыя смѣшивать и неудобно, и опасно. Пожертвованія въ одной области возможны, именно, на барыши въ другой. Торговля держится барышомъ, а барышъ—спросомъ и предложеніемъ. „Умѣлости“ хлѣбныхъ торговцевъ отрицать невозможно. Но чтобы это профессіональное умѣнье обратилось исключительно на пользу покупщика-земства, когда послѣднее окажется въ полной зависимости отъ своихъ комиссіонеровъ на ограниченномъ рынкѣ, съ огромнымъ спросомъ и небольшимъ предложеніемъ, — въ этомъ, конечно, позволительно было сомнѣваться. Крупныя земскія закупки у мѣстныхъ земскихъ тузовъ тотчасъ же подняли бы мѣстныя

цѣны. А тогда, разумѣется, и цѣна привознаго хлѣба сообразовалась бы съ мѣстной. Страшно подумать, до чего могла бы дойти эта игра цѣнъ и въ какомъ положеніи очутилась бы та часть населенія, которая не могла разсчитывать на ссуду, если бы „система“ ген. Баранова отдала весь край на милость и немилость доблестныхъ хлѣботорговцевъ.

На этой почвѣ въ средѣ губернской продовольственной комиссіи возникла борьба, принимавшая одно время очень острый характеръ. Земская управа твердо стояла на своемъ, генералъ Барановъ тоже упорно добивался своей цѣли. Можно думать даже, что ему улыбался опять пріемъ, примѣненный къ Н. Д. Валову, т. е. устраненіе губ. управы по высочайшему повелѣнію. Дѣло доходило до того, что земскія закупки объявлялись публично „сплошною фальсификаціей“, неизвѣстно кѣмъ произведенной *), — обвиненіе, совершенно и завѣдомо ложное, проникшее, однако, въ печать и подхваченное тотчасъ же громкимъ хоромъ, вопіявшимъ и глаголавшимъ противъ земства. Чрезвычайно интересно отмѣтить, кстати, что въ этомъ хорѣ очень замѣтны были на страницахъ газетъ извѣстнаго лагеря именно голоса хлѣбныхъ торговцевъ **). Эти „доблестные русскіе люди“ явились судьями земской нравственности въ торговомъ дѣлѣ, и мнѣ кажется, что бѣдное подсудимое земство могло бы въ данномъ случаѣ воспользоваться несомнѣннымъ правомъ „отвода“. Какъ бы то ни было, однако, старое земство можно поздравить: оно съ честью вышло изъ труднаго испытанія. Въ настоящее время общимъ результатамъ операціи давно подведенъ итогъ. За исключеніемъ небольшого числа случаевъ, неизбѣжныхъ въ сложномъ и спѣшномъ дѣлѣ, въ особенности при условіяхъ тогдашняго хлѣбнаго рынка, земскія закупки, выполненныя на основаніи „идеальныхъ теорій“, оказалось совершенно удовлетворительными, и при томъ, въ общемъ онѣ обошлись земству дешевле той части, которая произведена крупными торговцами-комиссіонерами... Если же прибавить къ этому, что онѣ увеличивали общее количество хлѣба въ губерніи и, такимъ образомъ, остановили дальнѣйшее повышеніе цѣнъ на мѣстныхъ рынкахъ, то становится несомнѣннымъ, что въ этомъ вопросѣ „оппозиція“ земской управы завоевательнымъ стремленіямъ генерала Баранова, оппозиція, отстранившая

*) См. Журналъ Нижегор. губ. продов. комиссіи отъ 15 янв. 1892 г. Слова ген. Баранова: „но что же мы видимъ? Однѣ поддѣлки, кѣмъ сдѣланныя — все равно!!“.

**) Въ томъ числѣ, между другими, — „извѣстнаго“ г-на Иванюшенкова.

въ роковое время монополію хлѣбныхъ торговцевъ,—оказала всему краю огромную услугу.

Но это ясно теперь. А въ то время было ясно далеко не всѣмъ, и въ управѣ, подавленной въ комиссіи безформеннымъ и безотвѣтственнымъ большинствомъ, закиданной довольно-таки пристрастными заключеніями экспертной комиссіи, порой въ обличительномъ усердіи доходившей до истинныхъ курьезовъ *), пришлось апеллировать къ своимъ законнымъ правамъ, связаннымъ съ законной отвѣтственностью. Твердость, съ какой, наконецъ, была сдѣлана эта апелляція, разрѣшила на этотъ разъ запутанное положеніе. Съ этихъ поръ комиссія вводится въ свои настоящіе предѣлы, и дѣло идетъ нормальнымъ порядкомъ. Самая критика закупокъ со стороны „экспертовъ“ становится спокойнѣе и въ общемъ приноситъ свою долю пользы, какъ всякая критика; нѣсколько второстепенныхъ промаховъ земской управы исправлено, а за то общій характеръ ея дѣятельности, послѣ строгаго испытанія, выступаетъ съ полною ясностью: старое земство, въ лицѣ предсѣдателя А. В. Баженова, получило въ новой губернаторской рѣчи, открывавшей (въ 1893 г.) первое засѣданіе уже реформированнаго земскаго собранія, полное и блестящее удовлетвореніе **).

Этимъ короткимъ очеркомъ взаимныхъ отношеній губернскаго земства и администраціи въ продовольственномъ дѣлѣ я до нѣкоторой степени уплачиваю долгъ печати по отношенію къ органу нашего земства, надъ которымъ одно время тяготѣли тяжелыя и совершенно незаслуженныя обвиненія. Это не мѣшаетъ, однако, признать, что внѣ этого и нѣкоторыхъ еще, правда, часто очень существенныхъ „недоразумѣній“—продовольственная комиссія, какъ совѣщаніе, оказала дѣлу нѣкоторыя услуги, и уже одна гласность продовольственнаго дѣла въ нижегородскомъ краѣ является чертой, заслуживающей подражанія ***).

---

*) Замѣтимъ кстати, что главнымъ дѣятелемъ въ этой комиссіи явился докторъ Д. Ф. Рѣшетилло, который, какъ мы видѣли выше, нашелъ возможность украсить своею подписью два прямо противоположныя заключенія о санитарномъ состояніи села Сантовки (впослѣдствіи этотъ „дѣятель“ сошелъ со сцены послѣ оглашенія самыхъ некрасивыхъ продѣлокъ по службѣ).

**) См. „Волгарь“ 1893 г., № 16. Указавъ на „длинный рядъ заслугъ“ А. В. Баженова (въ томъ числѣ организацію статистич. бюро, „матеріалы котораго и безпримѣрная дѣятельность статистиковъ оказали неисчислимую пользу дѣлу борьбы съ невзгодой“), ген. Барановъ закончилъ пожеланіемъ, „чтобы будущіе выборы поставили у земскихъ дѣлъ такихъ же дѣятелей“... Этимъ, очевидно, ген. Барановъ бралъ назадъ свои страстныя и слишкомъ торопливыя обвиненія по адресу земства.

***) Къ сожалѣнію только,—на послѣдующемъ ходѣ продовольственнаго дѣла не замѣтно поучительнаго вліянія этого опыта. Скорѣе наоборотъ:

Такимъ образомъ, въ губерніи законный хозяйственный органъ, въ концѣ концовъ, сохранилъ (на нѣкоторое время) свою компетенцію... Губернская же продовольственная комиссія хотя и представила въ значительной мѣрѣ „пережитокъ“ дореформеннаго періода, но все же это былъ пережитокъ блестящій и такъ сказать „просвѣщенный“,—настолько блестящій и просвѣщенный, что нѣкоторые неособенно проницательные люди разныхъ лагерей приписывали ему не однажды характеръ либерализма. Одни говорили это въ похвалу, другіе—въ осужденіе, но теперь ясно, что и тѣ, и другіе были неправы въ самой квалификаціи... По существу это былъ всетаки шагъ назадъ, къ дореформеннымъ порядкамъ.

Въ уѣздахъ эта сущность выступала безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякой просвѣщенности и „либерализма“.

Быть можетъ, самой замѣтною чертой нашего строя слѣдуетъ признать пренебреженіе къ знанію и наукѣ, ко всякой теоріи и правильному обобщенію, ко всему, что только выдвигается изъ уровня такъ называемой „практики“, въ ея сыромъ и самомъ непосредственномъ видѣ. Просмотрите консервативныя газеты того времени, и вы будете удивлены обиліемъ практическихъ псевдонимовъ. Практическій человѣкъ и практическій хозяинъ, истинно-практическій человѣкъ и истинно-практическій хозяинъ, наконецъ, истинно-практическій и вдобавокъ еще русскій человѣкъ и таковой же хозяинъ!.. Сторонитесь передъ практическимъ человѣкомъ, потому что онъ свободенъ отъ европейскихъ теорій и пренебрегъ всѣ законы—вотъ главный лозунгъ этого отряда, заполняющаго прессу и выступающаго на завоеваніе современности. Большаго ругательства, какъ человѣкъ „теоріи или науки“, для нихъ не существуетъ, но при этомъ каждый изъ нихъ непремѣнно несетъ свою собственную теорію, только эта теорія „практичная“. Правда также, что эта практичная теорія тотчасъ же и на тѣхъ же столбцахъ сталкивается неизбѣжно съ другою теоріей, уже истинно-практичной, и обѣ онѣ подвергаются натиску со стороны третьей,—истинно-практичной и русской, вооруженной всѣми эпитетами, которые должны ей доставить побѣду и одолѣніе... Хаосъ получается, конечно, необычайный, но столичный читатель улыбается и проходитъ мимо. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это кажется такъ невинно: если эти забавные практики опровергаютъ другъ друга, то очевидно, что общее имъ всѣмъ притязаніе на немедленную

заимствованы какъ разъ лишь однѣ отрицательныя стороны Барановской системы. Результаты теперь (1907 г.) на лицо, въ видѣ гг. Гурко, Лидваля, Фредерикса.

ломку всего существующаго во имя ихъ собственныхъ теорій никоимъ образомъ не можетъ подлежать удовлетворенію.

Но это вамъ только такъ кажется, читатель! А мы-то, провинціалы, имѣемъ всѣхъ этихъ практичныхъ и истинно-практичныхъ господъ въ натурѣ, и то, что вамъ представляется забавной игрой въ доморощенныя теоріи,—мы воспринимаемъ со всею непосредственностію практики. „Въ моемъ уѣздѣ я дѣлаю то-то и такъ-то“,—вотъ въ какомъ видѣ является намъ эта истинно-практичная мудрость. Сведенныя даже на газетномъ столбцѣ, эти мудрости уже поѣдаются взаимно. Ну, а въ моемъ уѣздѣ, моя мудрость царитъ на всей своей волѣ, и ничто не можетъ противостоять ея творческой силѣ, пока уѣздъ этотъ—мой, и пока для меня законъ имѣетъ лишь силу просто какого-то чужого теоретическаго соображенія... Разумѣется, трудно требовать, чтобъ *я* отдалъ чужимъ теоретическимъ соображеніямъ (хотя бы даже ясно выраженнымъ въ законѣ) предпочтительное вниманіе передъ своими.

Прекрасную иллюстрацію къ сказанному представляетъ, напримѣръ, тотъ же Васильскій уѣздъ, первый носитель продовольственной диктатуры. У Васильскаго уѣзда тоже оказались свои „практики“, а у этихъ практиковъ оказалась своя собственная, очень законченная и цѣльная „теорія“ или даже вѣрнѣе—система. Васильскій предводитель дворянства, П. И. Зубовъ, какъ мы уже видѣли, распредѣлилъ первыя партіи отпущеннаго правительствомъ хлѣба. На нѣсколько дней онъ сталъ даже „знаменитостью голоднаго года“. Это случилось послѣ того, какъ, по указанію ген. Баранова, усадьбу г. Зубова посѣтилъ корреспондентъ „Новаго Времени“, С. Ѳ. Шараповъ. Г. Шараповъ пробылъ у г. Зубова двое сутокъ и затѣмъ съ присущей ему экспансивностью оповѣстилъ на всю Россію, что въ помѣщичьей усадьбѣ Васильскаго уѣзда онъ открылъ истинно-государственный умъ, „живое звено, связующее надъ Сурой Русь земскую съ Русью государственной“. „Пустыхъ разговоровъ,—писалъ авторъ,—у насъ не было, ибо я, какъ пчела, тянулъ изъ него одинъ медъ“, т. е. это г. Шараповъ тянулъ изъ г. Зубова чистѣйшій медъ государственной мудрости, и его затрудняло одно: „какъ въ границахъ краткаго письма представить хоть блѣдные отрывки этого яркаго, дѣльнаго русскаго міровоззрѣнія“ *). Опасеніе не напрасное, такъ какъ, дѣйствительно, на протяженіи всего неособенно даже короткаго письма, кромѣ затасканной идеи о замѣнѣ денежнаго продовольственнаго капи-

*) „Нов. Вр.“, 27 сент. 1891 г.

тала „натуральными запасами“, ничего больше читатели не нашли. Теоріи г-на Зубова въ печати, даже въ яркомъ изложеніи Шарапова, оказались убогой банальностью... Тѣмъ не менѣе, „дѣльное, яркое, истинно русское міровоззрѣніе“ г. Зубова сказалось въ засѣданіяхъ продовольственной комиссіи и съ достаточной полнотой напечатано въ ея протоколахъ.

Что же несла съ собой эта знаменитая система?

Прежде всего, по части обсѣмененія полей она провозглашала замѣну остальныхъ хлѣбовъ просомъ! — Отчего мы обѣднѣли? На этотъ вопросъ еще не такъ давно древніе практически мудрые старцы отвѣчали: оттого, что перестали считать деньги на ассигнаціи. Оно и понятно: денегъ тогда на счету было больше, а теперь стало менѣе. А въ чемъ же богатство, какъ не въ обиліи денегъ? Отчего у насъ неурожаи?—спрашиваетъ авторъ васильскаго проекта и отвѣчаетъ: оттого, что мы сѣемъ хлѣба, не дающіе большихъ урожаевъ. Просо же родится самъ 20, — „мы были бы давно богаты, если бы сѣяли одно просо!“

Этого мало. Мы видѣли уже, какъ нехитрая деревенская мудрость объясняла причину недавняго бѣдствія. Телеграфная проволока, винище, генеральное межеваніе... Но самое распространенное и самое „строгое“ объясненіе касается роскоши, будто бы нынѣ необычайно распространившейся въ русскомъ народѣ.

— Твой дѣдъ ходилъ въ лаптяхъ?—спрашивалъ при мнѣ одинъ строгій человѣкъ у переминавшагося съ ноги на ногу мужика.

— Такъ точно.

— И хлѣбъ у него родился?..

— Это вѣрно. Прежде урожаи-то были не нонѣшнимъ чета...

— А на тебѣ сапоги?..

— Плохіе, ваше благородіе! Одна только слава, что сапоги...

— А всетаки сапоги есть, а хлѣба нѣтъ... Понимай теперь самъ!

— Какъ не понять!

Деревня въ своемъ смущеніи сама не прочь порой согласиться съ этимъ объясненіемъ. Дѣйствительно, прежде ходили въ лаптяхъ, и земля родила обильнѣе. Теперь — сапоги, ситцы—и неурожаи...

— Такъ неужто, братецъ ты мой, ежели теперича снять мнѣ сапогъ, земля станетъ родить больше? — недоумѣвалъ послѣ этого разговора нашъ простодушный собесѣдникъ.

Ему, конечно, можно простить, тѣмъ болѣе, что его недоумѣніе самоотверженно и безкорыстно: дѣло шло объ его собственной роскоши (и сапожишки-то, дѣйствительно, были совсѣмъ плохіе!). Гораздо менѣе простительно, когда люди, сами щеголяющіе въ ботинкахъ, и говорятъ, и пишутъ, и дѣйствуютъ въ этомъ разувательномъ и обнажающемъ направленіи.

Такъ и васильская продовольственная комиссія во главѣ съ П. П. Зубовымъ почувствовала себя оскорбленной зрѣлищемъ народной роскоши.

— У него,—говорилъ васильскій предводитель дворянства, авторъ проекта, — есть сапоги со сборами, гармоніи, самовары...

Изъ этого слѣдовалъ выводъ:

Пусть онъ продаетъ сапоги, самовары, сарафаны и гармоніи, и только послѣ этой операціи васильская продовольственная комиссія признаетъ его заслуживающимъ помощи *). Но и затѣмъ, такъ какъ онъ пьяница и лѣнтяй, то необходимо зорко смотрѣть, чтобы онъ не уклонялся отъ работы: хлѣбъ выдавать не иначе, какъ подъ особыя квитанціи землевладѣльцевъ-нанимателей. Всякое заявленіе о томъ, что онъ отказался отъ приглашенія на работу (объ условіяхъ этого приглашенія не говорилось, — предполагалось, что условія гг. помѣщиковъ будутъ самыя великодушныя), должно лишить просителя всякой надежды на помощь.

Генералъ Барановъ одно время почему-то особенно покровительствовалъ П. П. Зубову, выдвигалъ его и самъ направилъ къ нему сладкопѣвца г-на Шарапова. Но когда г. Зубовъ появился со своей государственной мудростью въ продовольственной комиссіи, гдѣ всетаки было не мало людей дѣйствительно свѣдущихъ, то ген. Барановъ вынужденъ былъ отступиться отъ своего protegé! Его своеобразныя теоріи потерпѣли жестокое пораженіе. О просѣ даже не спорили, и весь „просяной проектъ“ сдѣлался добычей газетныхъ фельетоновъ. Но затѣмъ: сколько можно выручить за сапоги и гармоніи, — спрашивали у васильскаго мудреца: — не послужитъ ли это на пользу однимъ кулакамъ, которые, при любезномъ содѣйствіи уѣздной комиссіи, скупятъ у мужика „лишнее имущество“ за безцѣнокъ? Наконецъ, что же это за теорія, стремящаяся во что бы то ни стало раздѣть и разуть?.. Не должна ли, наоборотъ, истинно-практическая и

*) См. Журналъ Нижегор. губ. продов. комиссіи 24 ноября 1891 г., стр. 5 и 6. „Въ заключеніе г. Зубовъ сообщаетъ, что весь его проектъ основанъ на практическихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ“.

при томъ самая русская мудрость стремиться къ тому, чтобы русскій народъ не только сохранилъ свою обувь, но еще получилъ бы со временемъ возможность одѣваться не хуже любого нѣмца? На всѣ эти вопросы представители Васильскаго уѣзда не дали сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Но теорія осталась всетаки для... „своего“ уѣзда. И, Боже мой, сколько, должно быть, проса насѣяно на васильскихъ нивахъ! А проповѣдь раздѣванія нашла свою благодарную почву на берегахъ Теши и Рудни и въ Лукояновскомъ уѣздѣ облеклась въ зловѣщій терминъ: тамъ это называлось впослѣдствіи: „вымаривать“ у голодающаго мужика лишнее имущество (не исключая, конечно, и „лишней“ скотины)!..

Какъ же, однако, могло случиться, что столь явно нелѣпая система, потерпѣвшая такое очевидное пораженіе въ губернской продовольственной комиссіи, т. е. въ центрѣ, всетаки возымѣла силу и дѣйствіе на мѣстахъ? Это обстоятельство объясняется опять нѣкоторыми особенностями нашей продовольственной организаціи въ „голодномъ году“. Дѣло въ томъ, что уже вскорѣ послѣ возникновенія губернской комиссіи, подъ шумъ борьбы, которую мы описывали выше, въ уѣздахъ (кромѣ Нижегородскаго и Макарьевскаго) продовольственное дѣло совершенно ускользнуло изъ рукъ уѣздныхъ земствъ. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить причины этого явленія, но пока можно лишь констатировать фактъ: въ то время, какъ губернское земство дало рѣшительный отпоръ притязаніямъ администраціи и сохранило за собой существеннѣйшія продовольственныя функціи, уѣздныя управы почти всюду потонули въ составѣ уѣздныхъ комиссій, сложившихся изъ подавляющаго большинства земскихъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Впослѣдствіи (уже въ 1894 году), ревизіонная комиссія губернскаго земства констатировала, что въ отношеніи организаціи продовольственнаго дѣла на мѣстахъ—губернія представляла картину чрезвычайно пеструю. Прежде всего, — „губернская продовольственная комиссія отмѣняла нерѣдко постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній, опредѣлявшихъ количество ссуды“. Комиссія присвоила себѣ даже право „разсматривать ходатайства земскихъ управъ о созывѣ экстренныхъ собраній и жалобы на дѣйствія губернской управы“. Кромѣ Нижегородскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, — гдѣ уѣздныя управы несли общее распоряженіе всѣмъ дѣломъ, — въ другихъ земскіе органы не участвовали вовсе въ распредѣленіи ссуды между сельскими обществами и отдѣльными домохозяевами.

Остальные уѣзды располагаются между этими крайними предѣлами. Васильская уѣздная управа сосредоточила у себя бумажное дѣлопроизводство по продовольственному дѣлу, но за то отложилась отъ губернскаго земства и свои распоряженія согласовала только „съ указаніями г. губернатора, губернской и уѣздной продовольственныхъ комиссій“. Лукояновская управа не участвовала въ дѣлѣ ни въ какой мѣрѣ, а лукояновская продовольственная комиссія отложилась и отъ земства, и отъ губернской администраціи... Вообще же, въ большинствѣ случаевъ, земскія управы являлись лишь передаточными инстанціями. Онѣ получали отъ губернскаго земства хлѣбъ и деньги и тотчасъ же передавали ихъ въ продовольственную комиссію, которая въ видѣ авансовъ раздавала ихъ въ полное распоряженіе земскихъ начальниковъ. Все продовольственное дѣло на мѣстахъ, составленіе списковъ, опредѣленіе нужды и раздача, т. е. вся самая, быть можетъ, существенная часть продовольственныхъ операцій лежала почти всецѣло на земскихъ начальникахъ.

Положеніе создалось довольно неожиданное, съ точки зрѣнія закона, и странное по существу. Земскія управы, отвѣтственныя по закону, были отстранены фактически. Земскіе начальники вели дѣло, но не были обязаны отвѣтственностью. Они могли во всякое данное время отказаться и „бросить“ (что и случилось въ Лукояновскомъ уѣздѣ), наконецъ, что самое главное: какъ добровольцы, они не считали себя связанными никакою общею системою.

Шашки оказались смѣшанными радикально, и особенное затрудненіе наступило по окончаніи продовольственной кампаніи, когда пришлось давать отчетъ въ израсходованіи правительственной ссуды. Отчетъ, разумѣется, требовался отъ земства. Губернская управа справилась со своей общей частью операціи легко, быстро и точно. Но когда дѣло дошло до отчета по уѣздамъ, т. е. до самой существенной части операціи, — то встрѣтились почти непреодолимыя затрудненія. Отчетъ опять требовался отъ земскихъ управъ, но многія управы въ дѣлѣ совсѣмъ не участвовали, а гг. земскіе начальники часто не считали себя обязанными никакой отчетностью, ссылаясь на то, что въ кругъ обязанностей, начертанныхъ въ уложеніи объ ихъ службѣ, составленіе отчетовъ для земства не значится. Дѣло тянулось такимъ образомъ около трехъ лѣтъ, и „Записка ревизіонной комиссіи XXX очередному губ. собранію“ изобилуетъ въ этомъ отношеніи необыкновенно характерными фактами. Такъ, по нѣкоторымъ земскимъ участкамъ, вмѣсто всякихъ документовъ, были предъ-

ставлены черновыя тетради съ безпорядочными записями и помарками. Мнѣ лично пришлось видѣть одну такую тетрадь. Она носила характерное заглавіе:

„Тетрадь

для продовольствія и обсѣмененія земскаго начальника такого-то участка“.

И была вся испещрена поправками, порой самаго неожиданнаго свойства, сдѣланными карандашомъ или чернилами. И это—на десятки тысячъ рублей! Другой земскій начальникъ, г. Штевенъ, на требованіе оправдательныхъ документовъ, отвѣтилъ обиженной репликой. Онъ могъ бы, пожалуй, попросить заднимъ числомъ расписки у хорошей своей знакомой, г-жи NN., у которой закупилъ нѣкоторыя партіи хлѣба. Но ему стыдно признаться передъ ней, что къ нему, земскому начальнику, питаютъ такое недовѣріе (фактъ)...

Это было время полной неприкосновенности „молодого института“, и гг. земскіе начальники, повидимому, не ожидали, что всѣ эти ихъ „интимности“ могутъ подвергаться публичному обсужденію. Но земская ревизіонная комиссія безпощадно вынесла ихъ на свѣтъ Божій. Я помню замѣшательство и смущеніе земскаго собранія, уже реформированнаго и на половину состоявшаго изъ земскихъ начальниковъ и предводителей, когда читался этотъ отчетъ. Утвердить его не рѣшилось даже это, уже чисто дворянское земство. Отвергнуть?.. Но гдѣ же выходъ изъ лабиринта, созданнаго рядомъ беззаконій... Собраніе рѣшило, наконецъ, признать отчетъ... „законченнымъ“, и никакихъ выводовъ изъ него о правильности или неправильности самой операціи не дѣлать! Такъ этотъ докладъ и перешелъ въ исторію... Выводы сдѣланы впослѣдствіи, когда правительство приняло „барановскую систему“ для всей Россіи, предрѣшивъ, такимъ образомъ, гг. Гурко, Фредериксовъ и Лидвалей...

Одно время вопросъ о лучшей организаціи продовольственнаго дѣла, поставленный министерствомъ, горячо обсуждался въ провинціи не только въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, но и въ частныхъ кружкахъ. Въ томъ числѣ, конечно, и кардинальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ въ этомъ дѣлѣ администраціи и земства. Мнѣ пришлось присутствовать при одномъ изъ такихъ разговоровъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ.

— Нѣтъ, не говорите мнѣ всетаки о земствѣ, — говорилъ молодой человѣкъ, пріѣзжій корреспондентъ большой столичной газеты.—Я недавно еще изъ N-ской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ складъ закупаемаго земствомъ хлѣба. Повѣрите ли: администраціей составлено было при мнѣ

75 протоколовъ о дурномъ качествѣ приходящихъ по желѣзной дорогѣ партій...

— Я знаю эту исторію,—вмѣшался другой.—Въ нынѣшнемъ году хлѣбъ вообще очень сорный, и протоколы эти означаютъ только, что хлѣбъ необходимо очистить, о чемъ предупреждали и земскіе агенты... Однако, если даже допустить наличность злоупотребленій... — не думаете ли вы, что ваши 75 протоколовъ говорятъ, именно, въ пользу оставленія этого дѣла въ рукахъ земства?

— Парадоксъ?

— Ни мало. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, составилъ бы 75 протоколовъ, если бы хлѣбъ былъ закупленъ... той же администраціей?

Возраженій не послѣдовало. Въ самомъ дѣлѣ: слушая эти хоры обличеній по адресу выборнаго земства, можно подумать, будто всѣ грѣхи русской жизни нашли себѣ мѣсто въ земскихъ управахъ, а всѣ добродѣтели пріютились въ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Этого послѣдняго никто, однако, не утверждаетъ; наоборотъ, обвиненія по адресу „бюрократіи“ мы слышимъ даже изъ того лагеря, который громитъ земство...

Итакъ, особаго сословія святыхъ ни въ нашемъ отечествѣ, да и нигдѣ на свѣтѣ, безъ сомнѣнія, не существуетъ, и самый вопросъ слѣдуетъ поставить иначе.

Нуженъ или не нуженъ въ продовольственномъ дѣлѣ мѣстный надзоръ, мелочной, повсемѣстный и широкій, отъ котораго не ускользнули бы подробности дѣла не только на бумагѣ, но и въ послѣднемъ селѣ или деревнѣ?

А такъ какъ онъ безспорно нуженъ, то кто его долженъ вести?

Несомнѣнно, что для этого необходимо два элемента: одинъ—подлежащій контролю, другой—контролирующій и въ дѣлѣ не заинтересованный прямо. Это ясно. Смѣшайте эти два элемента въ одно, и смѣшанное учрежденіе явится заинтересованнымъ, станетъ контролировать само себя, а тогда уже необходимо будетъ прибѣгнуть къ фиктивному предположенію о святости.

Наблюдая впослѣдствіи прихотливыя, неожиданныя формы, въ какія отливалась у насъ по временамъ продовольственная организація, я часто думалъ о томъ, какую пользу этому дѣлу могли бы, пожалуй, принести даже... земскіе начальники, если бы они оставались въ роли, отводимой имъ закономъ. Тогда между получающимъ ссуду крестьяниномъ и выдающимъ ее земскимъ агентомъ стояло бы еще третье не за-

интересованное лицо, ничего не получающее и не выдающее. Тутъ даже легкій антагонизмъ между администраціей и земствомъ пошелъ бы въ дѣло, и всякія неправильныя и корыстныя дѣйствія того или другого земца находили бы скорѣе даже придирчивую, а въ среднемъ, всетаки, очень полезную критику.

Теперь тотъ же земскій начальникъ очутился въ навязанной ему хозяйственно-исполнительной роли... Допустите, что онъ грѣшникъ и стяжатель (возможно вѣдь и это!). Сколько у этого грѣшника средствъ подавить всякую жалобу въ самомъ зародышѣ, не говоря уже о томъ, что все сельское начальство находится отъ него въ полной зависимости. Любой старшина или староста не побоится сдѣлать заявленіе о злоупотребленіяхъ земскаго агента, члена управы, порой изъ тѣхъ же крестьянъ. А если грѣшникомъ окажется „начальникъ", тогда, по мѣткому предсказанію Петра Великаго, „первѣе станетъ тщиться всю коллегію въ свой фарватеръ сводить... А видя то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ"...

Бывало это, и даже въ очень широкихъ размѣрахъ бывало въ злополучный „голодный годъ" *).

IX.

Засѣданіе уѣздной комиссіи. — Еще о спокойствіи уѣзда.

„Предсѣдатель, лукояновскій уѣздный предводитель дворянства М. А. Философовъ, гг. земскіе начальники: А. Л. Пушкинъ, А. А. Струговщиковъ, А. Г. Желѣзновъ, С. Н. Бестужевъ, С. Н. Ахматовъ, Н. Ѳ. Костинъ. Предсѣдатель уѣздной земской управы А. В. Приклонскій. Члены управы Валовъ и Красовъ"...

Такъ опредѣлялся составъ уѣздной комиссіи. „Члены управы Валовъ и Красовъ"—помѣщались неизмѣнно въ самомъ концѣ „списка присутствовавшихъ", и при этомъ, безъ имени, безъ отчества и, какъ говорили,—безъ стульевъ. Эта краснорѣчивая лаконичность очень ярко опредѣляла ту роль, которую уѣздное лукояновское земство играло въ

*) По Лукояновскому уѣзду г. Обтяжновъ оффиціально сообщалъ, напр. (отъ 8 мая 1892 г., за № 63), что въ участкѣ земскаго нач. Желѣзнова низшія власти берутъ съ крестьянъ, коимъ выдаются ссуды,—„незаконные поборы за хлопоты по ссудамъ", въ томъ числѣ даже за размѣнъ денегъ (!), съ 11 обществъ явно незаконно вычтено 72 р. 45½ коп. А такъ какъ „жалобы по этому поводу всегда имѣютъ послѣдствіемъ арестъ г. Земскимъ Начальникомъ самихъ жалобщиковъ, то смѣлость должностныхъ лицъ въ дѣлѣ притязаній не имѣетъ границъ". И это тоже сходило съ рукъ совершенно безнаказанно, хотя было установлено въ оффиціальныхъ бумагахъ.

уѣздной лукояновской продовольственной комиссіи... „Члены управы Валовъ и Красовъ“, надо думать, сознавали эту роль не менѣе явно, чѣмъ остальные лукояновскіе обыватели, остроумію которыхъ это обстоятельство давало немалую пищу. Что же касается до предсѣдателя, дворянина А. В. Приклонскаго, то онъ упоминался, какъ и остальные члены, съ имярекомъ... Но это отнюдь не должно быть отнесено на земскій счетъ, такъ какъ сказано уже выше, что предсѣдатель лукояновскаго земства, принимая эту должность, стремился этимъ лишь полнѣе выразить свое презрѣніе къ самому учрежденію.

Въ протоколѣ засѣданія 7 марта однообразіе этого списка нарушается. Члены управы Валовъ *) и Красовъ еще задолго передъ этимъ прекратили свои совершенно безполезныя посѣщенія... За то среди обычныхъ фамилій любопытный изслѣдователь найдетъ въ протоколѣ имена пріѣзжихъ: К. Гр. Рутницкаго, подполковника, командированнаго Особымъ Комитетомъ, исправника В. А. Апрянина, замѣстителя г. Рубинскаго, и, наконецъ, членовъ губернскаго благотворительнаго комитета А. И. Гучкова—и вашего покорнаго слуги...

Когда мы явились въ „конспиративную квартиру“,—засѣданіе уже было открыто.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ предводитель и „диктаторъ“, М. А. Философовъ, человѣкъ еще молодой и необыкновенно толстый, прекрасная иллюстрація „сытости, не понимающей голодныхъ“. Лицо у него было выразительное, заплывшее, пожалуй, добродушное. Рядомъ съ нимъ, по правую руку сидитъ земскій начальникъ Желѣзновъ, довольно высокій шатенъ, съ безпокойными, какъ будто даже тревожными манерами. Въ нашемъ краѣ это человѣкъ новый: служилъ гдѣ-то въ Уфимской губерніи, вышелъ въ отставку при обстоятельствахъ, мало выясненныхъ, явился въ нижегородскій дворянскій банкъ для заклада какого-то клочка принадлежавшей ему земли и здѣсь, благодаря случайной встрѣчѣ съ предводителемъ,—получилъ приглашеніе занять должность земскаго начальника. Говорятъ, онъ — настоящая душа лукояновской оппозиціи, главный вдохновитель М. А. Философова на всѣ его ратные подвиги. Всѣ говорятъ, что дѣло у него ведется не совсѣмъ чисто (что впослѣдствіи установленно оффиціально). Дальше сидитъ А. А. Струговщиковъ, человѣкъ пожилой. Одно время считался либераломъ. Жена его устраиваетъ столовыя, самъ онъ подписываетъ постановленія, отвергающія устройство столовыхъ. Дворяне на

*) Однофамилецъ свергнутаго предсѣдателя.

него косятся, но, повидимому, безъ достаточныхъ основаній, если не считать мелочныхъ личныхъ столкновеній, порой довольно комическаго свойства.

Дальше обращаетъ вниманіе характерная голова Анатолія Львовича Пушкина, „племянника великаго поэта“. Волосы и борода у него совершенно бѣлые, лицо моложавое, породистое, съ тонкими чертами. Къ „семейной традиціи“ относится, какъ говорятъ, довольно высокомѣрно. Принципіальный врагъ земства, гонитель школъ и больницъ, мужиконенавистникъ чистой воды. Земскія деньги, которыя попадаютъ въ его руки, одинаково трудно получить—какъ голодающему мужику, такъ и земству, требующему возврата неизрасходованныхъ авансовъ. Ссуды по своему участку сокращаетъ систематически и безпощадно...

С. Н. Бестужевъ и С. Н. Ахматовъ — двое молодыхъ людей изъ отставныхъ военныхъ. Первый—кругленькій, съ широкимъ мясисто-краснымъ лицомъ, подвижной, улыбающійся и беззаботный. Въ дѣлахъ явно ничего не смыслитъ, весь въ рукахъ у старшинъ и писарей половчѣе. Вскорѣ послѣ продовольственной кампаніи бросилъ все страшно запутанное дѣлопроизводство и скрылся въ Москву. Впрочемъ, князь Мещерскій печатно называлъ его „однимъ изъ способнѣйшихъ земскихъ начальниковъ“.

С. Н. Ахматовъ не обладаетъ столь выразительной внѣшностью; человѣкъ незлой и, какъ говорятъ, въ лукояновской политикѣ плыветъ лишь по теченію. Въ теченіе послѣдующаго засѣданія иной разъ краснѣетъ и конфузится.

Г. Костинъ,—временно переведенъ ген. Барановымъ въ Лукояновскій уѣздъ на мѣсто П. Г. Бобоѣдова, который скрылся было отъ дружнаго натиска сотоварищей. Считается сторонникомъ „губерніи“ и „чужимъ“.

Наконецъ, А. В. Приклонскій, глубокій старикъ, съ жидкими усами и губами сатира, — сухой, подвижной и бодрый. Въ семидесятыхъ годахъ пріобрѣлъ кратковременную газетную извѣстность довольно пикантнымъ процессомъ съ провинціальной актрисой. Отличный хозяинъ, но человѣкъ анекдотическій: о немъ по уѣзду ходятъ десятки курьезныхъ разсказовъ...

Кромѣ черныхъ сюртуковъ, въ засѣданіи виднѣлись два военныхъ мундира: исправника Апрянина, котораго ген. Барановъ, съ обычной стремительностью, совсѣмъ даже не зная его, назначилъ на мѣсто Рубинскаго. Здѣсь онъ во враждебномъ лагерѣ. Даже его подчиненные являются каждый день съ докладомъ къ его отставленному предшественнику, а объ

немъ разсказываютъ, будто онъ сразу же сталъ обучать урядниковъ танцамъ (для „проведенія культуры“). Человѣкъ простодушный, наивный, бывшій гусаръ, чувствуетъ себя въ роли полицейскаго видимо стѣсненнымъ и безсильнымъ.

Полковникъ Рутницкій, уполномоченный отъ „Особаго Комитета“, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, только что объѣхалъ уѣздъ, чтобы ознакомиться на мѣстахъ съ распредѣленіемъ хлѣба, отпущеннаго отъ особаго комитета. При этомъ оказалось, что г. Пушкинъ, выдававшій всего по 20 фунтовъ въ мѣсяцъ на человѣка, для сиротъ и келейницъ замѣнилъ и эту болѣе чѣмъ скромную помощь пятнадцати-фунтовымъ „комитетскимъ“ пайкомъ. При этомъ крестьянамъ внушалось, что это — „милость Наслѣдника“. Вышло, такимъ образомъ, что тѣ, кто получалъ комитетскую помощь, явились, благодаря этой „милости“, сугубо-обездоленными. Полковникъ Рутницкій высказывалъ по этому поводу протестъ, требуя, по крайней мѣрѣ, уравненія ссуды...

Комиссія согласилась, и тотчасъ же послѣ этого, едва мы, раскланявшись съ предсѣдателемъ и членами, заняли мѣста, М. А. Философовъ перешелъ къ другимъ вопросамъ.

Прежде всего мы узнали, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ, г. Бобоѣдовъ,—„скрылся“ изъ Лукояновскаго уѣзда, оставивъ свой участокъ. Этого бѣглеца я видѣлъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и отчасти уже зналъ причины его „побѣга“. Г. Бобоѣдовъ давно уже былъ „въ контрахъ“ и съ предводителемъ, и съ большинствомъ своихъ сотоварищей, земскихъ начальниковъ. Теперь,—отчасти, быть можетъ, по этой причинѣ, — онъ держался „системы кормленія“, и первый участокъ издержалъ въ нѣсколько разъ больше хлѣба, чѣмъ остальные. Это было нарушеніе общей гармоніи, котораго невозможно было допустить: въ мужикѣ „появился ропотъ на неравномѣрность“. Во имя „спокойствія уѣзда“ комиссія предпочитала однообразіе даже въ ропотѣ: пусть всѣ будутъ одинаково голодны, — это лучше обезпечиваетъ „спокойствіе уѣзда“... Правда,—подъ бокомъ Сергачскій уѣздъ, гдѣ, за гранью лукояновской диктатуры, отмѣченной какимъ-нибудь ручейкомъ или мостикомъ,—населеніе получало вдвое и втрое больше. Правда также, что отъ этой опасной границы такъ и рѣяли въ лукояновскую державу „превратные толки“. „Почему же вотъ у Ермолова люди получаютъ по 40 фунтовъ, — говорили мужики: — или мы не того же царя... Подъ турецкаго султана, что ли, отданы?“ Но всетаки это было „за границей“ и нельзя было допускать эту опасную „политику“ въ нѣдра самаго уѣзда...

Поэтому противъ г. Бобоѣдова началась курьезная бумажная война. Усматривая, напримѣръ, что г. Бобоѣдовъ выдаетъ ссуду сельскимъ властямъ, сотскимъ, старостамъ, а также многимъ мельникамъ, — комиссія дѣлаетъ ему запросъ по этому предмету. Г. Бобоѣдовъ отвѣчаетъ, что эти злополучныя сельскія власти, съ годовымъ жалованіемъ порой въ 10—15 р.,—не получаютъ, за прекращеніемъ мірскихъ платежей, и этихъ денегъ, а мельницамъ нечего молоть въ неурожайный годъ. Комиссія послѣ двухнедѣльной паузы требуетъ особаго по этому предмету представленія. Г. Бобоѣдовъ составляетъ общій списокъ и представляетъ его съ указанной общей мотивировкой и съ изложеніемъ имущественнаго и семейнаго положенія всѣхъ этихъ должностныхъ несчастливцевъ... Комиссія возвращаетъ общій списокъ (послѣ двухъ недѣль), требуя, чтобы г. Бобоѣдовъ разбилъ эту одну бумагу на сотню отдѣльныхъ представленій, особо для каждаго (опять съ паузами на двѣ недѣли!). Разумѣется, для такой переписки нужна была бы многолюдная канцелярія. Г. Бобоѣдовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказать сразу цѣлому контингенту лицъ, прежде получавшихъ ссуду. Это, понятно, вызвало ропотъ противъ распоряженія, которое населеніе приписывало самому земскому начальнику... Его стали осаждать толпы голоднаго и роптавшаго народа. Что оставалось дѣлать г. Бобоѣдову? Разумѣется, указать на высшую инстанцію.— „Я исполняю предписаніе продовольственной комиссіи. Просите теперь у нея“. И толпы, осаждавшія г. Бобоѣдова, понесли свои слезы и свой ропотъ въ комиссію. Тогда... комиссія подняла вопросъ о „спокойствіи“... Оказалось, что г. Бобоѣдовъ „возбуждаетъ народъ (!) противъ лицъ, завѣдующихъ продовольствіемъ“, и стремится вызвать въ уѣздѣ бунты и неповиновеніе властямъ...

Прибавьте къ этому тысячи мелочныхъ, назойливыхъ, какъ комары, и, какъ комары, непобѣдимыхъ непріятностей, которыми одинъ человѣкъ, не попадающій въ тонъ, преслѣдуется ежедневно и ежечасно плотно спѣвшейся партіей уѣздныхъ политикановъ, и вы поймете, почему въ одинъ прекрасный день губернія была удивлена телеграммой о томъ, что земскій начальникъ 1 участка скрылся (!)... Оказалось, однако, что бѣглецъ явился въ губернію и привезъ цѣлый ворохъ бумажныхъ стрѣлъ, которыя вынудили его къ побѣгу. Губернская власть не могла не сочувствовать положенію единственнаго приверженца собственной системы въ воинственномъ уѣздѣ, и г. Бобоѣдовъ получилъ новое назначеніе—предсѣдателемъ сергачской продовольственной комиссіи.

Тамъ кормили, и политика г. Бобоѣдова была тамъ ко двору...

Упомянувъ объ этомъ „побѣгѣ“ и холодно отмѣтивъ, что на мѣсто г. Бобоѣдова присланъ присутствовавшій тутъ же г. Костинъ, — предсѣдатель предложилъ земскому начальнику Желѣзнову доложить комиссіи о дѣлѣ „учуевскихъ крестьянъ“.

Здѣсь была уже явная крамола: семеро крестьянъ села Учуевскаго Майдана, лишенныхъ ссуды мѣстными властями, почтительно въ прошеніи представили на усмотрѣніе губернской комиссіи свое печальное положеніе и просили высшую инстанцію объ отмѣнѣ распоряженія земскаго начальника (г. Желѣзнова) и о выдачѣ ссуды. Прошеніе было представлено отъ имени и по довѣрію семерыхъ просителей нѣкоторымъ Егоромъ Кандинымъ, а за всѣхъ по безграмотству расписался NN... Губернская комиссія посмотрѣла на этотъ случай просто и отослала злополучное прошеніе на усмотрѣніе уѣздной комиссіи, которой оставалось только провѣрить правильность просьбы по существу и затѣмъ поставить ту или другую резолюцію о просимомъ хлѣбѣ. Однако, лукояновская комиссія взглянула на вопросъ гораздо глубже: для нея здѣсь выступилъ вопросъ политическій, угроза „спокойствію уѣзда“. Просьба была отожествлена съ жалобой, жалоба (хотя бы и въ законной формѣ)—съ преступленіемъ. Поэтому учуевская слезница была передана тому же земскому начальнику Желѣзнову для дознанія, и мы съ великимъ удивленіемъ услышали въ описываемомъ засѣданіи результаты этого своеобразнаго изслѣдованія. Результаты эти предстали въ видѣ „акта“, начинавшагося словами: „мы нижеподписавшіеся“, и кончавшагося замѣчательной фразой: „а болѣе въ свое оправданіе сказать не имѣемъ“ *)!

Въ чемъ же это обвинялись, въ чемъ признавались и оправдывались просители изъ Учуевскаго Майдана?.. Въ „дознаніи“ говорилось, что нижеподписавшіеся, хотя и дѣйствительно крайне нуждаются въ ссудѣ, которой не получаютъ, хотя и дѣйствительно желаютъ ее получать, хотя и дѣйствительно говорили о томъ между собою, но въ жалобѣ въ губернскую комиссію неповинны, и ту жалобу Егоръ Кандинъ подалъ отъ ихъ имени самовольно... И болѣе сказать въ свое оправданіе не имѣютъ...

— А Егоръ Кандинъ? — спросилъ кто-то, замѣтивъ, что подписи самого Кандина на актѣ не было.

— Упорствуетъ...—мрачно, кратко и какъ-то вскользь сказалъ г-нъ Желѣзновъ, и въ этомъ словѣ мнѣ представилась

*) См. протоколы Губ. продов. комиссіи, засѣд. 27 марта.

цѣлая недосказанная драма. Бѣдный Егоръ Кандинъ!—подумалъ я, невольно вздыхая объ участи „упорствующаго“, находившагося въ рукахъ этого „энергичнаго“ начальника *)...

— А ужъ хотѣлось мнѣ достать этого писаку, который стряпалъ имъ просьбу,—прибавилъ г-нъ Желѣзновъ съ какой-то зловѣщей выразительностью.

— Ну, и что же?—спросили его сотоварищи съ видимымъ интересомъ, и нѣсколько головъ живо повернулись къ г-ну Желѣзнову.

— Пензенскій, каналья!—отвѣтилъ г. Желѣзновъ.—Убрался въ свою губернію...

Я опять невольно вздохнулъ,—на этотъ разъ съ облегченіемъ. На нѣкоторыхъ лицахъ выразилось разочарованіе.

— А что же рѣшено по существу,—хотѣлось мнѣ спросить,—что же сдѣлано по предмету ссуды?... Нужна она или не нужна?... Каково дѣйствительное положеніе этихъ преступниковъ, бунтующихъ законными прошеніями и приносящихъ въ этомъ свои оправданія?..

Но я не спросилъ ничего и поступилъ, какъ оказалось, очень благоразумно, такъ какъ мнѣ пришлось бы говорить на языкѣ, большинству этихъ новыхъ дѣятелей совершенно непонятномъ **)...

Затѣмъ въ засѣданіе былъ „позванъ“ изъ сосѣдней комнаты врачъ г. Маріенгофъ, который ознакомилъ насъ съ санитарнымъ состояніемъ уѣзда. Для врача Маріенгофа не было мѣста за столомъ, не было и стула, поэтому врачъ Маріенгофъ стоялъ у порога въ почтительной позѣ и въ самомъ неудобномъ положеніи, потому что съ огромнѣйшей вѣдомостью въ рукахъ... Тѣмъ не менѣе, и не смотря на эти маленькія личныя неудобства, санитарное состояніе уѣзда изображено было въ докладѣ смиреннаго врача Маріенгофа самыми оптимистическими чертами. Тифа не было „почти вовсе“. Остальныя болѣзни держали себя такъ же почтительно, какъ и самъ врачъ Маріенгофъ: по какому-то странному вліянію несомнѣннаго неурожая,—„санитарное состояніе уѣзда въ этомъ году улучшилось противъ прежнихъ лѣтъ“. Очевидно, самыя болѣзни стремились угодить лукояновской комиссіи.

---

*) Напомню, что это—тотъ самый земскій начальникъ, въ участкѣ котораго оффиціально констатированы впослѣдствіи „незаконные поборы по хлопотамъ о ссудахъ“ и даже поборы „за размѣнъ денегъ“!..

**) Въ дополненіе, а отчасти въ объясненіе, описаннаго здѣсь эпизода слѣдуетъ припомнить примѣчаніе въ концѣ главы VIII. Въ томъ же оффиціальномъ документѣ упоминается о незаконныхъ арестахъ нѣкоего Якушкина за жалобу на злоупотребленія сельскихъ властей.

Предсѣдатель милостиво кивнулъ г. Маріенгофу головой, и г. Маріенгофъ ушелъ со своей шуршащей вѣдомостью. Мы уже видѣли, какими цифрами болѣе правдивый товарищъ и единомышленникъ г. Маріенгофа, г. Эрбштейнъ, иллюстрировалъ „санитарное улучшеніе“, и потому не станемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ, тѣмъ болѣе, что непосредственно за этимъ послѣдовали эпизоды гораздо болѣе драматичные.

Началъ говорить г. Философовъ.

Смыслъ его рѣчи, очень возбужденной (и чрезвычайно несдержанной),—состоялъ въ томъ, что уѣзду не грозятъ ни голодъ, ни болѣзни. Все это злонамѣренныя выдумки! А вотъ „спокойствіе уѣзда“—въ положительной опасности и именно вслѣдствіе распоряженій изъ губерніи. По мнѣнію г. Философова, надо быть сумасшедшимъ, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ. Удаленіе „цѣлой корпораціи полицейскихъ чиновниковъ“ произвело волненіе умовъ. На базарахъ открыто толкуютъ, что вслѣдъ за этимъ послѣдуютъ и другія перемѣны въ составѣ уѣздныхъ чиновниковъ и даже... что самъ г. Философовъ вынужденъ будетъ удалиться...

Легкій ропотъ въ собраніи отмѣчаетъ эту ужасную перспективу... Г. Желѣзновъ, сидящій по правую руку,—что-то тихо и тревожно возражаетъ на ухо предсѣдателю, оглядываясь на исправника и на „чужихъ“.

— Но вѣдь вы же сами мнѣ все это говорили, а?—съ недоумѣніемъ и досадой обрываетъ его предсѣдатель и затѣмъ продолжаетъ, что „вмѣсто удаленной корпораціи—присланы люди, во что бы то ни стало разыскивающіе голодъ и болѣзни“...

Сидѣвшій около меня новый исправникъ, отставной кавалеристъ, не служившій ранѣе въ полиціи и на первый же разъ попавшій въ самое пекло уѣздной политики новѣйшаго времени, какъ-то возбужденно задвигался на стулѣ. Мы, посланцы губернскаго комитета и до извѣстной степени гости уѣздной комиссіи, еще ничѣмъ не нарушившіе нейтралитета, оглядываемся другъ на друга не безъ недоумѣнія... Г. Желѣзновъ печально смотритъ въ потолокъ, С. Н. Бестужевъ широко улыбается, г. Ахматовъ слегка краснѣетъ. Тактичный предсѣдатель стремительно слѣдуетъ дальше...

Удаленіе „корпораціи“ (выраженіе показалось мнѣ замѣчательно удачнымъ!)—и при томъ въ такое тревожное время—расшатало въ уѣздѣ власть въ такой степени, что „за послѣдствія ручаться невозможно“. Въ виду этого, г. Философовъ слагаетъ съ себя, вмѣстѣ съ званіемъ предсѣдателя комиссіи, всякую отвѣтственность за имѣющія произойти въ близкомъ будущемъ мрачныя событія. Онъ отказывается отъ

предсѣдательства, но не отъ прежней своей должности. Онъ еще будетъ „бороться“ въ надеждѣ возстановить пошатнувшееся спокойствіе уѣзда и надѣется найти поддержку.

Совершенно ясное и неприкрытое заключеніе этой рѣчи состояло въ слѣдующемъ силлогизмѣ: удаленіе исправника въ тревожное время угрожаетъ спокойствію уѣзда, ослабляя авторитетъ власти. Авторитетъ этотъ можетъ быть возстановленъ лишь посредствомъ... удаленія губернатора, на что еще остается нѣкоторая надежда. А тогда вернуть „корпорацію“ въ одномъ не кормящемъ уѣздѣ и объявить войну всѣмъ уѣздамъ кормящимъ... Вотъ что, повидимому, рисовалось въ туманѣ будущаго, какъ недосказанныя desiderata своеобразной лукояновской программы... То обстоятельство, что перемѣны въ губернской администраціи „въ такое тревожное время“, быть можетъ, еще болѣе неудобны, чѣмъ удаленіе уѣздной корпораціи,—повидимому, совсѣмъ не входило въ эти уѣздно-политическія соображенія...

Да, это была настоящая уѣздная драма. Казалось, мрачное будущее со всѣми ужасами уѣздной анархіи стоитъ уже у порога конспиративной квартиры и кидаетъ въ эту комнату свою тѣнь... И все это, въ послѣднемъ выводѣ, явилось бы результомъ лишнихъ трехсотъ тысячъ пудовъ хлѣба, который, какъ порохъ, грозилъ взрывомъ страстей, а столовыя представлялись чѣмъ-то въ родѣ политическихъ клубовъ. Нужно сказать, забѣгая нѣсколько впередъ, что самыя мрачныя предсказанія базарной молвы исполнились съ буквальною точностью. За „корпораціей“ уѣздной полиціи послѣдовали другія отставки. Самъ г. Философовъ тоже, и при томъ окончательно, удалился въ лоно частной жизни... И однако, странное дѣло!—уѣздъ не шелохнулся. Мало этого: даже ссуда была со временемъ увеличена вдвое, полъ уѣзда покрылось сѣтью столовыхъ,—и нигдѣ не обнаружилось никакихъ переворотовъ. „Спокойствіе уѣзда“ рѣшительно обмануло ожиданія могущественнаго уѣзднаго диктатора, сложившаго съ себя отвѣтственность за послѣдствія, которыхъ на лицо не оказалось!..

А вотъ,—было ли бы все такъ же спокойно, если бы лукояновская система продолжалась до конца,—это такъ и осталось вопросомъ...

Г. Философовъ торжественно всталъ и удалился въ сосѣднюю комнату. А его мѣсто съ видомъ отчасти зловѣщимъ занялъ г. Пушкинъ. Вскорѣ, однако, собраніе деморализовалось; объявленъ былъ перерывъ, и мы вышли въ другую комнату.

— Смотрите, — толкнулъ меня локтемъ одинъ изъ моихъ „сотоварищей по несчастію“, указывая головой на дальнюю комнату.

Тамъ, среди табачнаго дыма, пронизаннаго смутнымъ мерцаніемъ стеариновыхъ свѣчей, — я увидѣлъ три или четыре фигуры, съ самымъ таинственнымъ видомъ склонившіяся головами другъ къ другу и, повидимому, обсуждавшія что-то съ нарочито таинственнымъ видомъ.

— Вотъ оно гдѣ, — настоящее-то засѣданіе начинается,— сказалъ мой собесѣдникъ, лучше меня знакомый съ обычными пріемами оффиціальныхъ засѣданій „конспиративной“ квартиры.

И онъ не ошибся. Все, что мы видѣли до сихъ поръ, было только впередъ разсчитаннымъ эффектомъ уѣзднаго протеста. „Настоящее“ готовилось въ этомъ таинственномъ совѣщаніи, и черезъ нѣсколько дней мы узнали, что противъ насъ, противъ всѣхъ вообще представителей политики кормленія, еще даже ничѣмъ себя не заявившихъ,—была пущена самая язвительная „меморія“. Тутъ-то составлено знаменитое въ свое время постановленіе противъ печати, „пользующейся оффиціальными данными“, тутъ же задумано и сообщеніе о „неблагонамѣренныхъ и даже поднадзорныхъ лицахъ“, подъ видомъ столовыхъ, простирающихъ адскія посягательства на „спокойствіе уѣзда“... Всѣ эти призраки, когда они появились черезъ нѣсколько дней въ необычайной для нихъ атмосферѣ гласности, въ губернскомъ комитетѣ, имѣли, надо сказать правду,—очень жалкій видъ какихъ-то ощипанныхъ курицъ. Я долженъ, однако, прибавить, что къ этому категорическому заявленію о „неблагонамѣренныхъ, сѣющихъ смуту“, — сдѣлана небольшая приписка, которою исключался полковникъ Рутницкій, защищенный своимъ мундиромъ... Эта приписка усугубляла за то значеніе и роль всѣхъ остальныхъ пріѣзжихъ уже безъ всякаго исключенія... Всѣ мы очутились подъ обвиненіемъ въ „сѣяніи смуты“, иначе сказать, — подъ дѣйствіемъ политическаго доноса. Ultima ratio русской консервативной полемики!..

А пріѣзжихъ было такъ много... Удивительно, что и послѣ этого уѣздъ остался всетаки спокоенъ.

Мы ушли, а конспиративная квартира все еще до глубокой ночи свѣтила огнями изъ запотѣвшихъ оконъ на темную улицу и пустую площадь заинтересованнаго города. Вѣсть объ отказѣ г. Философова обсуждалась въ уѣздныхъ сферахъ, интересующихся политикой, а остальная жизнь шла своимъ обычнымъ нерадостнымъ чередомъ, не зная, а только смутно воспринимая результаты этой уѣздной политики...

И было такъ странно порой, послѣ описанныхъ бурь, натыкаться на эти непосредственныя проявленія отдаленныхъ вліяній...

Вскорѣ послѣ описаннаго засѣданія, и даже, помнится, на слѣдующій день,—я возвращался съ А. И. Гучковымъ отъ одного изъ новыхъ знакомыхъ. Спускался вечеръ, сырой и мглистый. Обширная площадь была пуста, на ней виднѣлись только сугробы рыхлаго уже и мокраго весенняго снѣга, а среди сугробовъ двѣ неясно видныя женскія фигуры вели негромкую бесѣду. Когда мы проходили мимо,—голосъ одной изъ говорившихъ поразилъ меня какой-то особенной нотой (словъ я не слышалъ). Женщина говорила что-то нараспѣвъ и длиннымъ рукавомъ суконнаго кафтана утирала слезы. Увидѣвъ насъ, женщины быстро попрощались, и одна, плакавшая, пошла торопливою походкой впереди насъ по мосткамъ...

— О чемъ ты плакала?—сказалъ я, догоняя ее. Она ускорила шаги. Мнѣ было совѣстно добиваться отвѣта, но что-то въ ея голосѣ поразило меня такой щемящей тоской, что я чувствовалъ потребность вмѣшаться, узнать, въ чемъ дѣло, быть можетъ, помочь. Вѣдь я для этого пріѣхалъ.

При повторенномъ вопросѣ женщина съ видимой неохотой замедлила шагъ. Она продолжала плакать.

— Дѣвочка изъ дому согнала,—сказала она, видимо дѣлая усиліе и опять утирая рукавомъ слезы...—Ступай, говоритъ, мама, добейся хлѣбца... Добейся, говоритъ... А я откуль добьюсь?.. Вотъ у Чиркуновыхъ подали кусочекъ, только и добилась. Мужикъ ходилъ, ходилъ, ничего не принесъ.

— Неужто ничего не подали въ городѣ?

— Да, вишь, ссуду мы получаемъ...

Понемногу я понялъ. Семья состоитъ изъ троихъ. Старикъ—плохой и убогій, не старая, но тоже довольно „плохая“ жена и маленькая дѣвочка, которая на этотъ разъ „согнала ее съ квартиры“. Эта нищая семья осчастливлена ссудой въ 28 фунтовъ. Этого хватаетъ на недѣлю, въ остальное время приходится всетаки побираться.

— Мы-то бы ужъ какъ бы нибудь...—говоритъ женщина... Говоритъ она какъ-то странно, какъ будто не можетъ уже удержаться, но вмѣстѣ прибавляетъ шагу и идетъ такъ быстро, что намъ трудно поспѣвать за нею...

— По два дня и то не ѣвши... Да, вишь, дѣвочка-те гонитъ. „Добейся, а ты, мама, добейся“...

— Этто чего надумала,—продолжаетъ она:—„Зарой, говоритъ, меня, мама, въ земельку“. Господи!—Что ты, я говорю.

милая моя, нѣшто живыхъ-те въ земельку зарываютъ?.. „А ты меня зарой, говоритъ...“ И то... Кабы такая вѣра: легла бы и съ дѣвочкой въ землю-те, право, легла бы...

Я невольно вспомнилъ свою „дѣвочку по четвертому году“, и безотчетный ужасъ сжалъ мое сердце. Мы оба съ какой-то невольной торопливостью отдаемъ ей всю нашу мелочь; набирается, во всякомъ случаѣ, неожиданно много для нея. Но она все такъ же плачетъ, слезы текутъ у нея неудержимо и все сильнѣе, и я боюсь, что это перейдетъ въ какой-то необычайный взрывъ заразительной жалости и смертной тоски. Я понимаю теперь, почему она такъ говорила, такъ плакала, такъ торопилась уйти отъ насъ, такъ неохотно отвѣчала на вопросы. Она уходила отъ этого своего разсказа о ребенкѣ, который проситъ, чтобы его зарыли въ земельку... И, право, не знаю, рѣшился ли бы я завѣдомо вызвать ее на этотъ разсказъ...

Это была профессіональная нищенка, и я знаю, сколько самыхъ неопровержимыхъ соображеній можетъ вызвать разсказанный мною эпизодъ. Я знаю, что этой семьѣ помочь трудно и что такихъ семей тысячи. Знаю также, что этой дѣвочкѣ лучше бы вовсе не являться на свѣтъ отъ „плохихъ“ родителей-нищихъ. Но всетаки читатель, можетъ быть, согласится, что этого разсказа Сироткина не изобрѣла „для господъ“, и значитъ... дѣвочка по четвертому году сама надумала эту страшную мысль...

И сколько такихъ мыслей роилось въ дѣтскихъ головахъ, принимая только другія формы, но скрывая ту же смертную тоску, которая свила свои гнѣзда въ дѣтскихъ сердцахъ...

Вотъ что, между прочимъ, называется голодомъ въ нашемъ XIX столѣтіи...

X.

Открытіе первыхъ столовыхъ.—Система въ 1-мъ участкѣ, и почему я не открылъ столовой въ Василевомъ-Майданѣ.

11 марта, въ 12 часовъ, мы открыли нашу первую столовую въ Елфимовомъ-Майданѣ. При выборѣ хозяевъ, какъ оказалось, очень удачномъ, старики руководились, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что у старухи — вдовы писаря — живетъ ея сынъ „студентъ“. Ироническая кличка дана молодому крестьянину, въ которомъ односельцы замѣтили особыя стремленія. Натура талантливая, неудовлетворенная, чего-то ищущая и глохнущая въ деревенской обстановкѣ. Переходя отъ ремесла къ ремеслу, онъ изучилъ ихъ немало, но ни на одномъ не остановился окончательно и живетъ въ беззаботной

бѣдности диллетантомъ-печникомъ. Онъ любитъ читать, въ разговорѣ употребляетъ непонятныя слова и, имѣя смутныя стремленія къ интеллектуальности, тяготѣетъ къ церкви, какъ это иногда бываетъ съ пробуждающейся сельской интеллигенціей. Односельцы, какъ видно, смотрятъ на него слегка насмѣшливо. И, однако, лишь только встрѣтилось новое дѣло,— небывалый еще въ селѣ примѣръ безплатнаго кормленія,— мысли ихъ тотчасъ же обратились къ „студенту". Чего лучше: и списокъ прочтетъ, и продуктъ запишетъ, и хлѣбъ развѣситъ, и порядокъ заведетъ.

Дѣйствительно, „студентъ" приготовилъ все, какъ слѣдуетъ. Въ избѣ, очень тѣсной, но чистой, мы увидѣли на стѣнѣ два листа бумаги. На одномъ были выписаны четкимъ почеркомъ распредѣленіе и количество отпускаемыхъ продуктовъ, на другомъ—имена и фамиліи обѣдающихъ.

Отслужили молебенъ, „студентъ" сдѣлалъ перекличку. То, что я увидѣлъ, теперь уже меня не удивило: убогіе, увѣчные, старики и дѣти толпились у столовъ (двѣ кадки съ положенными на нихъ досками), и было сразу замѣтно, что 40 человѣкъ—это слишкомъ мало для села. Только что начали обѣдать, какъ я услышалъ, что за столомъ оказался кто-то лишній.

— Не по закону ѣстъ кто-то,—заявилъ „студентъ".—Хлѣба не хватило...

— Ѳеська не по закону ѣстъ.

— Ѳесь, не по закону ты ѣшь, слышь, — заговорили уже кругомъ, толкая подъ локоть дѣвочку лѣтъ 13—14, которая, однако, не обращала на эти протесты ни малѣйшаго вниманія. Я подошелъ со стороны и взглянулъ ей въ лицо. Лицо у нея было совершенно серьезно, даже, пожалуй, равнодушно. Казалось, для нея не существовало кругомъ ничего, кромѣ хлѣба, который она держала въ рукѣ, и чашки, стоявшей на столѣ. Она торопливо откусывала хлѣбъ и тотчасъ же протягивала ложку къ чашкѣ, не признавая, очевидно, никакого закона, кромѣ права голода, и не обращая вниманія на говоръ, какъ будто замѣчанія относились не къ ней.

На лицахъ сельской публики, пришедшей взглянуть на первый безплатный обѣдъ, я прочелъ искреннее сожалѣніе и соболѣзнованіе къ „беззаконницѣ".

— Нѣмая, что ли? — спросилъ я.

— Какое нѣмая! Сирота это, дня два, чай, хлѣба не видала.

— Какъ же ее не внесли, когда составляли списокъ?

— Да вѣдь бродитъ она кое-гдѣ. На виду не было, ну, и забыли про нее. А ужъ какъ бы не записать! А то, вишь, не по закону, а поди-ка ее теперь изъ-за стола вытащи...

— Ни за что не вытащишь. Вишь, какъ припала... Голодъ закона не знаетъ!

Разумѣется, мнѣ тоже пришлось признать за ней самое важное изъ правъ—право голода, и мы тутъ же вписали „со студентомъ“ ея имя въ списокъ... хотя это, повидимому, произвело на нее такъ же мало впечатлѣнія, какъ и прежнія замѣчанія о совершаемомъ ею „беззаконіи“.

Вотъ сидитъ за столомъ мальчишка лѣтъ шести. Онъ сѣлъ первымъ и всталъ послѣднимъ. Все время онъ ѣлъ съ какой-то мрачной сосредоточенностью, между тѣмъ, какъ мать смотрѣла на него со слезами на глазахъ. Я боялся, что мальчику повредитъ эта неумѣренность, но меня увѣрили, что дѣтямъ это не вредно. „Отъ пищи имъ вреды не бываетъ. Напузырится, гляди, какъ клопъ, а черезъ часъ опять запроситъ. Вали, Мишка, ничего!“

Красивый мальчишка, совсѣмъ у насъ не записанный, стоитъ, потупясь, и, точно волченокъ, глядитъ на столъ, заваленный хлѣбомъ. Сначала я думалъ, судя по чистой рубашонкѣ и по опрятному виду красиваго ребенка, что онъ пришелъ сюда изъ любопытства, но, видя, что онъ стоитъ долго, весь красный, застѣнчивый и готовый заплакать, я отрѣзалъ ему горбушку. Онъ взялъ ее торопливо, сунулъ за пазуху и тотчасъ же пошелъ изъ избы.

— Погоди, куда-жъ ты торопишься?

— Илюшка еще у меня... плачетъ, чай, — отвѣтилъ мальчуганъ серьезно.

И онъ ушелъ, чтобы подѣлиться съ Илюшкой долго жданнымъ кускомъ чистаго хлѣба.

Не разъ впослѣдствіи, при видѣ подобныхъ же картинъ, глядя на этихъ „незванныхъ“ къ убогому пиршеству нашихъ столовыхъ,—мнѣ хотѣлось изорвать всѣ мои съ такимъ трудомъ составленные списки и сказать просто: приходите всѣ, кому надо. Можетъ быть, это была ошибка, но при тѣхъ условіяхъ я не считалъ себя вправѣ отдаться этому побужденію и старался пристроить свои крохи на самое дно народной нужды.

И не разъ у меня сжималось сердце при видѣ этихъ печальныхъ глазъ, устремленныхъ на счастливцевъ, занявшихъ свои мѣста... Вотъ баба привела и держитъ передъ собою парнишку. По всему видно, что пристроить его нельзя. Двое мужиковъ изъ семьи на работѣ, на остальныхъ получаетъ, правда, по 20 фунтовъ, но это здѣсь норма.

— Полъ-села, прямо сказать, этакихъ-то,—говоритъ, отворачиваясь, одинъ изъ стариковъ.

Мать не хочетъ знать этихъ соображеній. Она знаетъ только, что дѣти голодны, что каждый вечеръ въ избѣ стоитъ плачъ. Но вотъ тотчасъ же за ней подходитъ старуха. Ей 63 года, живетъ у зятя, на нее пособіе не идетъ, а зять человѣкъ и бѣдный, и непутный. Жить 63 года въ неустанномъ трудѣ и дожить до голода въ собственной семьѣ—такова судьба не одной этой старухи. Ее, по единогласному отзыву присутствующихъ, я вношу въ списокъ на мѣсто одного изъ четырехъ членовъ семьи, осчастливленной внезапной выдачей ссуды (тоже по 20-ти фунтовъ).

Вотъ еще мать привела двухъ дѣтей. Одинъ записанъ, другой пришелъ вмѣстѣ съ братомъ. Одинъ ѣстъ за столомъ, другой плачетъ рядомъ.

Чтобы устранить эти случаи, осушить эти слезы, мнѣ нужно бы всѣ деньги, которыя были тогда въ моемъ распоряженіи, употребить на одно это село... Я не зналъ, имѣю ли я на это право. Приходилось поневолѣ производить эти аптекарскія взвѣшиванія, высчитывать эти слезинки, чтобы выбрать послѣднія степени нужды и страданія...

12-го марта открыта вторая столовая въ селѣ Пичингушахъ, въ моемъ отсутствіи. Въ этотъ день я ѣздилъ въ Василевъ-Майданъ, гдѣ, однако, не сдѣлалъ пока ничего, не смотря на то, что здѣсь не было бы недостатка въ отличныхъ помощникахъ. Нерѣшимость моя—пристроить здѣсь мои, еще скудныя, средства—истекала изъ нѣкоторыхъ особенностей „продовольственной исторіи“ этого села, да, пожалуй, и всего 1-го земскаго участка,—особенностей, на мой взглядъ достаточно характерныхъ, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первый участокъ — это именно тотъ, въ которомъ такъ часто смѣнялись земскіе начальники. Ихъ здѣсь было такъ много, что, можно сказать, совсѣмъ не было. Собственно, назначенъ былъ на это мѣсто г. Бобоѣдовъ, съ исторіей котораго мы уже отчасти знакомы. Вступить въ должность сначала мѣшали ему обязанности директора Дворянскаго банка, потомъ болѣзнь. Но, въ ожиданіи его, участокъ оставался вакантнымъ, и должность временно исправляли другія лица. Между этими другими былъ С. Н. Бестужевъ,—земскій начальникъ 6-го участка... Имъ, то-есть, вѣрнѣе, при немъ составлены были имущественные списки по 1-му участку еще въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Я имѣлъ случай видѣть эти списки въ подлинникѣ. Интереснѣйшей ихъ чертой является то обстоятельство, что въ нихъ нѣтъ и рѣчи собственно о наличности хлѣба, т.-е. о главномъ. Въ графѣ объ имуществѣ отмѣчались постройки,

частью инвентарь и скотъ... Гг. земскіе начальники, такъ сказать, нацѣливались впередъ, — что именно можно распродать у голодающаго населенія. Впослѣдствіи, когда ревизія І. П. Кутлубицкаго отмѣтила эту черту въ дѣятельности комиссіи, гг. лукояновцы обидѣлись и возражали, что они вовсе не имѣли этого въ виду, и что, оспаривая земскую смѣту, они основывались на своемъ „знаніи уѣзда“, вообще, и, въ частности, на свѣдѣніяхъ о наличныхъ запасахъ. Однако, оффиціальные протоколы засѣданій рѣшительно опровергаютъ это. Я, напримѣръ, съ большимъ любопытствомъ прочелъ въ журналѣ отъ 24-го сентября слѣдующее мѣсто:— „постановлено (большинствомъ голосовъ): сумму денегъ на продовольственныя нужды на уѣздъ опредѣлить въ 250,000 руб.; что же касается до выясненія суммы по каждому участку отдѣльно, — то просить земскихъ начальниковъ о доставленіи свода въ комиссію“.

Итакъ, спорная сумма опредѣлялась ранѣе, чѣмъ гг. земскими начальниками были доставлены точныя слагаемыя! Не ясно ли уже изъ этого неопровержимаго и оффиціально установленнаго факта, что заключеніе лукояновской комиссіи явилось апріорнымъ продуктомъ уѣздной политики.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось бесѣдовать объ этомъ съ однимъ изъ этихъ политиковъ, то мой собесѣдникъ разрѣшилъ мое недоумѣніе удивительно просто.

— Послушайте! Надо же государственное казначество пожалѣть. Вы думаете, тамъ наши требованія очень пріятны?

Вотъ именно! Ничего не можетъ быть проще и характеристичнѣе. „Мѣстныхъ дѣятелей“ спрашиваютъ изъ Петербурга о томъ, что они видятъ на мѣстѣ, и именно потому, что этого изъ Петербурга не видно, между тѣмъ какъ положеніе государственнаго казначейства, наоборотъ, тамъ-то именно и извѣстно нѣсколько лучше, чѣмъ здѣсь. „А мѣстные практики“, вмѣсто того, чтобы, не мудрствуя лукаво, сказать правду, — стараются угадать, какой ихъ отвѣтъ будетъ пріятнѣе и доставитъ большее удовольствіе... И выходитъ, что, вмѣсто прямого и честнаго отвѣта, они возвращаютъ Петербургу въ лучшемъ случаѣ его собственныя предположенія, съѣздившія въ провинцію за этимъ „якобы“ подтвержденіемъ на мѣстѣ. Слѣдуетъ ли доказывать, что это угодничество никому не нужно. Вѣдь если, такимъ образомъ, гг. земскіе начальники берутъ на себя заботу о государственномъ казначействѣ, тогда государственному казначею приходится хоть самому собирать нужныя свѣдѣнія на мѣстахъ.

Что дѣлать, однако! Это молчалинство характерная черта

всего нашего строя и, можетъ быть, отъ этого у насъ все кажется слишкомъ благополучно вплоть до рокового времени, когда, наконецъ, неблагополучіе высунется, какъ шило изъ мѣшка...

Итакъ, не статистика, а политика легла въ основаніе первоначальной лукояновской смѣты. Получивъ цифру, заданную впередъ, гг. земскіе начальники въ засѣданіи 3 октября представили свои частныя цифры, изъ коихъ сложилась сумма въ 300 тысячъ пудовъ хлѣба, т. е. (по тогдашнимъ цѣнамъ) немного превысившая первую... Слагаемыя опредѣлились суммой, а сумма соотвѣтствовала мужиконенавистнической политикѣ властныхъ дворянъ.

Чѣмъ же всетаки руководились гг. земскіе начальники? Разумѣется, отвергнувъ съ презрѣніемъ статистику земства, — они обратились къ писарямъ и волостнымъ старшинамъ, и тутъ опять вышла та же исторія. Старшины и старосты такіе же хорошіе политики, какъ и сами земскіе начальники. Они очень хорошо, быть можетъ, лучше и непосредственнѣе другихъ, ощущаютъ, что въ „высшихъ (участковыхъ) сферахъ" пріятно, и что непріятно. Понятно, поэтому, что, имѣя въ рукахъ впередъ заданную цифру по всему участку, земскіе начальники руками покорныхъ писарей и старшинъ легко приноровили слагаемыя къ заданной впередъ суммѣ... Это — задача элементарной ариѳметики!.. Волостные писаря услужливо подтверждали предвзятыя цифры гг. земскихъ начальниковъ. Получилась стройная система, въ основѣ которой лежала голая фантазія, ибо въ статистическихъ вопросахъ, какъ извѣстно, переходъ отъ общаго къ частному совершенно не имѣетъ мѣста.

Но 1-й участокъ, какъ уже сказано, имѣлъ такъ много земскихъ начальниковъ, что это было почти равносильно полному ихъ отсутствію. Понятно изъ этого, что онъ отсталъ отъ „новаго курса" къ пріѣзду г. Бобоѣдова. А г. Бобоѣдовъ, къ счастію для участка, въ это время былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ господствующей партіей, и у него не было охоты прилаживаться къ „новому курсу". Поэтому цифры писарей и старшинъ, остававшихся безъ „высшаго руководства", дали уже другіе результаты. Въ концѣ концовъ, политическія конъюнктуры въ 1 участкѣ сложились такъ благопріятно, что населеніе получало ссуду въ нѣсколько большемъ размѣрѣ.

Это уже была, разумѣется, оппозиція... Та самая оппозиція уѣздной оппозиціи, о которой мы уже говорили, и повела она къ той самой войнѣ въ нѣдрахъ уѣзда, которую я уже отчасти описалъ выше. Г. Бобоѣдовъ оказался въ опас-

номъ противорѣчіи съ „продовольственной уѣздной комиссіей“, его участокъ сталъ ареной междоусобія, и странное дѣло! Тѣ самые господа земскіе начальники, которые ни разу не провѣряли списковъ въ большихъ селахъ своихъ участковъ, находили достаточно времени для „провѣрки списковъ“ въ участкѣ г. Бобоѣдова...

Провѣрка списковъ — дѣло, повидимому, довольно мирное. Но въ Лукояновскомъ, а порой въ другихъ уѣздахъ оно принимало видъ настоящихъ военныхъ экспедицій. Въ одинъ прекрасный день къ правленію голодающаго села или деревни стремительно подкатываетъ нѣсколько саней. Впереди и сзади скачутъ полицейскіе урядники и сотскіе, и весь отрядъ, едва зайдя въ правленіе, отправляется по селу съ обысками, чтобы застигнуть „виновныхъ“ врасплохъ. На селѣ тревога, бабы и мужики куда-то шмыгаютъ, что-то прячутъ на задворкахъ, усердные полицейскіе ихъ настигаютъ, земскіе начальники врываются въ избы, открываютъ заслонки печей, „шарятъ по подклѣтямъ и въ подпольяхъ“, взламываютъ даже половицы, вытаскиваютъ на свѣтъ божій то каравай хлѣба, то мѣрку муки или зерна и составляютъ протоколы, точно имъ удалось раскрыть слѣды ужасающаго преступленія... Часа черезъ два или три, побѣдоносные и торжествующіе, они удаляются съ трофеями въ видѣ протоколовъ о найденныхъ „запасахъ“... Тамъ-то обнаружена мѣра овса, тамъ-то въ печи оказался большой горшокъ каши, въ третьемъ мѣстѣ — мягкій, только-что выпеченный хлѣбъ... Разумѣется, о тѣхъ случаяхъ, когда не найдено ничего, — протоколы умалчиваютъ, и въ ближайшемъ засѣданіи уѣздной комиссіи участники экспедиціи радостно излагаютъ ея результаты: голода нѣтъ... въ участкѣ П. Г. Бобоѣдова обнаружены скрытые запасы...

Въ концѣ концовъ, г. Бобоѣдовъ сбѣжалъ, а списки г. Бобоѣдова остались, потому что находить, при помощи урядниковъ, отдѣльные случаи неправильныхъ выдачъ легко, а составить новые списки, да еще въ чужомъ участкѣ гораздо труднѣе. При томъ же г. Костинъ, временно замѣнившій г. Бобоѣдова, человѣкъ доброжелательный и гуманный, — не имѣлъ вдобавокъ физической возможности заняться пересоставленіемъ этихъ списковъ. Мы видѣли, что онъ мгновенно превратился въ пріемщика земскаго хлѣба и едва справлялся съ текущимъ дѣломъ.

Несомнѣнно, тутъ не обошлось безъ частныхъ ошибокъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ списки были старѣе. Однако, несомнѣнно также, что въ общемъ этотъ неисправленный списокъ былъ гораздо ближе къ истинному положенію дѣла, чѣмъ новые

„исправленные“ списки другихъ участковъ. Въ немъ были ошибки частныя. Въ другихъ — одна, коренная, общая ошибка, что гораздо хуже... И вотъ почему Василевъ-Майданъ, напримѣръ, — село болѣе другихъ подорванное годами неурядицы, недавнимъ пожаромъ и неурожаемъ, глубже Елфимова разстроенное экономически, — въ меньшей степени испытало невзгоду острой нужды, такъ какъ въ немъ было больше хлѣба...

Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться довольно скоро при помощи мѣстнаго священника, о. Г. Н. Гуляева, о которомъ я уже упоминалъ однажды.

Къ сожалѣнію, не всегда можно разсчитывать на вполнѣ независимое мнѣніе священника о нѣкоторыхъ щекотливыхъ, особенно имущественныхъ вопросахъ по приходу. Положеніе сельскаго священника зависимое. Починить домишко, обработать помочью поле, выстроить школу, и, наконецъ, просто пойдетъ священникъ за сборомъ, — богачъ и горланъ при всякомъ случаѣ люди нужные. Вотъ почему въ большинствѣ случаевъ на сходѣ священникъ стѣснится сказать громко: такого-то не пишите; такому-то не нужно. Онъ сдѣлаетъ знакъ, кивнетъ головой или сообщитъ вамъ соотвѣтственное свѣдѣніе относительно того или другого болѣе назойливаго, чѣмъ нуждающагося прихожанина развѣ у себя на дому (о случаѣ, когда священнику побили окна за отзывы по этому предмету, я уже говорилъ ранѣе).

Тѣмъ пріятнѣе видѣть хоть изрѣдка факты, когда личное достоинство и нравственный авторитетъ берутъ верхъ надъ унизительной зависимостью положенія. Въ моей (главнымъ образомъ, дальнѣйшей) практикѣ мнѣ доводилось встрѣчать и такіе случаи, и особенно ярко запомнились два: въ одномъ — то былъ еще юноша-священникъ, только что оставившій семинарскую скамью, въ другомъ — сѣдой старикъ, благочинный въ Василевомъ-Майданѣ. О. Григорій живетъ уже много лѣтъ со своей паствой, и василевскіе „бунтовщики“ — козлища для другихъ — въ его глазахъ являются добрыми прихожанами и добрыми людьми. Недавно, послѣ пожара, уничтожившаго все имущество священника безъ остатка, ему предложили выгодный приходъ въ городѣ. О. Григорій отказался: жилъ съ ними въ хорошіе годы, — не хочется кидать въ дурные...

Все это я говорю вотъ къ чему: такой трудъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, и такое отношеніе къ себѣ народъ и понимаетъ, и цѣнитъ; годы такой совмѣстной жизни дѣйствительно даютъ интеллигентному труженику огромную нравственную силу и авторитетность въ деревнѣ. Впослѣдствіи, когда неравномѣрность выдачъ въ разныхъ участкахъ была хоть

до нѣкоторой степени устранена, — мнѣ пришлось вмѣстѣ съ священникомъ о. Гуляевымъ участвовать въ составленіи списка на многолюдномъ сходѣ, состоявшемъ изъ этихъ прославленныхъ бунтовщиковъ. И я видѣлъ, что этотъ крестьянскій міръ и этотъ интеллигентный труженикъ деревни, отдавшій ей годы безкорыстной работы и завоевавшій тѣмъ неоспоримое право нравственнаго вліянія, что эти два фактора, взятые вмѣстѣ, даютъ все, что нужно, чтобы любое дѣло было сдѣлано правильно и по совѣсти.

Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ это явленіе въ деревнѣ не часто. У насъ кричатъ теперь о перепроизводствѣ интеллигенціи, а между тѣмъ — ея совсѣмъ почти нѣтъ въ деревнѣ. Учитель—въ загонѣ и не виденъ. Врачей—два-три на уѣздъ... Помѣщикъ и управляющій—часто люди интеллигентные, но они стоятъ въ положеніи нанимателей, иногда даже — воюющей стороны. Священники — самый замѣтный у насъ и вліятельный классъ, роль котораго — прямое удовлетвореніе духовныхъ интересовъ народа. Однако и здѣсь явленіе, о которомъ я говорю, которое, казалось бы, въ этомъ-то классѣ и желательно, и возможно въ особенности, — встрѣчается не часто... Я приведу впослѣдствіи нѣсколько краснорѣчивыхъ фактовъ, указывающихъ, какъ опасно было священнику исполнять въ Лукояновскомъ уѣздѣ свою роль заботливаго пастыря, а пока скажу только, что когда о. Григорій призвалъ къ себѣ пять-шесть стариковъ и предложилъ имъ нѣсколько интересовавшихъ меня вопросовъ, то отвѣты были даны вполнѣ откровенные. Между прочимъ я спросилъ, сколько семей въ селѣ получаютъ теперь ссуду напрасно. Священникъ, вмѣстѣ со стариками, считая „по порядкамъ“, насчитали домовъ 13 — 15. Если даже допустить цифру 20, то вотъ вамъ эта ужасная ошибка въ сторону кормленія въ огромномъ селѣ! Теперь, когда я дѣлаю эти выписки изъ своего дневника, послѣ того, какъ побывалъ почти во всѣхъ деревняхъ и селахъ большей половины уѣзда, — я могу въ любомъ большомъ селѣ самаго экономнаго и изъ экономныхъ земскихъ начальниковъ указать такое же и даже большее количество дворовъ, которымъ (какъ мы уже видѣли въ селѣ Пичингушахъ) ссуда выдавалась неправильно, по пристрастнымъ указаніямъ старостъ, никѣмъ фактически непровѣреннымъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ эта ошибка подчеркивалась другой, противоположной: получали богачи, а настоящіе бѣдняки голодали.

Изъ той же откровенной бесѣды въ Василевомъ-Майданѣ я вывелъ и то заключеніе, о которомъ говорилъ выше. Когда

я разсказалъ старикамъ, гдѣ я открылъ столовыя, то они единогласно заявили, что эти села богаче. Но когда я перебралъ свой списокъ и указалъ имъ, кого именно я записалъ тамъ, сколько записанные получаютъ казенной ссуды и кого приходилось исключать, то и самъ священникъ, и крестьяне, хотя и со вздохомъ, согласились, что ихъ село мнѣ пока придется обойти. „Другимъ, поэтому, еще нужнѣе, а ужъ, кажется, у насъ бѣднота“.

Изъ этого, думаю, позволительно извлечь выводъ: неурожай зависитъ не всегда отъ насъ, но нужда не всегда пропорціональна неурожаю, и новоявленные „попечители народа“ ухитрялись порой создать искусственный голодъ даже тамъ, гдѣ его можно бы сравнительно легко избѣжать.

И еще: одна ошибка общаго характера гораздо страшнѣе десятковъ частныхъ ошибокъ.

XI.

По пути въ лукояновскую „Камчатку“. — Еще о спокойствіи уѣзда.—Обуховскій земскій хуторъ. — О „зиждущей работѣ“ и о „трудно-больныхъ“.

Возможны два пріема помощи населенію въ предѣлахъ частной благотворительности. Первый—когда интеллигентный человѣкъ, живущій или хоть поселившійся на продолжительное время въ нуждающейся деревнѣ, вступаетъ въ непосредственное, болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ тѣми, кому онъ помогаетъ. Къ матеріальной помощи онъ можетъ прибавить въ этомъ случаѣ нравственную поддержку, можетъ отдать людямъ, которыхъ знаетъ и которые его знаютъ, все, на что способенъ, все, что находится въ его распоряженіи изъ нравственныхъ и матеріальныхъ рессурсовъ. Не раскидываясь широко, вы можете заглянуть въ самую глубь народной нужды, войти во всѣ ея детали, не упустить ничего... Безъ сомнѣнія, это наиболѣе симпатичная, полная и человѣчная форма благотворительности, устанавливающая извѣстную взаимность между принимающимъ и дающимъ, наконецъ, приносящая наибольшее удовлетвореніе для обѣихъ сторонъ.

Объ этомъ мечталъ и я, отправляясь изъ Нижняго.

Однако, есть и другой пріемъ, и онъ-то, по обстоятельствамъ, выпалъ на мою долю. Какъ ни хорошо, какъ ни благотворно нравственное общеніе и взаимность, однако, и прямо кусокъ хлѣба, самъ по себѣ, составляетъ великое благо тамъ, гдѣ его не хватаетъ, гдѣ матери приходится цѣлые дни слышать немолчный крикъ голоднаго ребенка. Съ первыхъ же шаговъ на лукояновской почвѣ я увидѣлъ, что въ этомъ обездолен-

номъ уѣздѣ мнѣ придется отказаться отъ первоначальной мечты и, вмѣсто того, чтобы сосредоточить работу въ тѣсномъ районѣ, необходимо будетъ раскинуть ее вширь, почти по всей площади, жертвуя и общеніемъ, и многими другими хорошими вещами—простѣйшей задачѣ: открыть какъ можно больше столовыхъ, охватить ими поскорѣе, еще до распутицы, возможно широкое пространство, доставить хлѣбъ въ самыя отдаленныя и глухія деревушки.

Обстоятельства складывались явно въ этомъ направленіи. Вернувшись въ Лукояновъ, я узналъ между прочимъ, что въ мое распоряженіе предоставлено губернской земской управой $1^1/_2$ тысячи пудовъ хлѣба, купленнаго на средства И. М. Сибирякова. Это обстоятельство оказало намъ громадную услугу и окончательно опредѣлило дальнѣйшій способъ дѣйствій. Можно сказать даже, что теперь образъ дѣйствій зависѣлъ уже не отъ меня: я очутился какъ бы въ упряжкѣ, — эта масса хлѣба требовала скорѣйшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія.

Вотъ почему 15-го марта я сидѣлъ въ саняхъ, запряженныхъ гусемъ, и мчался, вмѣстѣ съ Н. М. Сибирцевымъ, уполномоченнымъ губернскаго земства, по дорогѣ въ дальнюю Шутиловскую волость. Съѣздомъ мировыхъ судей Нижегородскаго уѣзда образовано попечительство, въ распоряженіе котораго отдано $2^1/_2$ тысячи такого же хлѣба для Лукояновскаго уѣзда, 500 пуд. направлено прямо въ Шутиловскую волость и доставлено еще во-время по послѣднямъ путямъ. Въ видахъ скорости мы рѣшили соединить наши дѣйствія, и я ѣхалъ на „Обуховскій хуторъ“, чтобы расплатиться за извозъ и распорядиться хлѣбомъ.

Бросивъ взглядъ на лѣсную карту нижегородскаго края, вы легко замѣтите широкую ленту сплошного лѣса, почти непрерывно протянувшуюся отъ Волги по направленію къ Окѣ и захватившую южные уѣзды нашей губерніи. Лукояновскій уѣздъ раздѣляется ею на двѣ неравныя части: южный, такъ называемый Започинковскій край, и сѣверную, собственно лукояновскую. Далѣе зеленая лента охватываетъ съ юга Арзамасскій уѣздъ, уходитъ на время въ Пензенскую и Тамбовскую губ., даетъ въ послѣдней могучія еще понынѣ дебри Саровской пустыни, раскидывается частыми островами по пескамъ Ардатовскаго уѣзда и, наконецъ, перекинувшись за Оку у Ардатова, Горбатова и стариннаго Мурома съ его эпическимъ селомъ Карачаровымъ, уходитъ на сѣверъ. Это— остатки знаменитыхъ нѣкогда Муромскихъ и Брынскихъ лѣсовъ.

Казенныя прямыя просѣки, правильныя лѣсорубки, свистки желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ, на далекія разстоянія оглашающіе дремучія дебри,—все это давнымъ-давно распугало мрачныя воспоминанія о Соловьяхъ-разбойникахъ, объ Ильяхъ-Муромцахъ и о всякой лѣсной вольницѣ. Самые лѣса постепенно повывелись, уступая мѣсто пашнямъ, и только на совершенно песчаной полосѣ ихъ пощадили топоръ и соха. Тамъ, гдѣ прежде было необозримое и таинственное зеленое море, теперь осталась только зеленая рѣка, охваченная и сжатая ясно очерченными берегами. Однако, по нынѣшнимъ временамъ, и это еще очень значительныя лѣсныя массы: дремучій, старый, многолѣтній боръ осѣняетъ, налагаетъ свою печать и опредѣляетъ физіономію цѣлой мѣстности. Залѣсная сторона,—Шутиловская и Мадаевская волости,—носитъ въ уѣздѣ названіе „Камчатки“.

Три большихъ поселенія лежатъ еще по сю сторону лѣса: Салдаманово, Шандрово и Салдамановскій-Майданъ, гдѣ намъ пришлось мѣнять лошадей. У волостного правленія мы увидѣли двое саней, запряженныхъ тройками, гусемъ, и кучку народа у дверей. Священникъ, къ которому мы зашли на время, разсказалъ намъ съ нѣкоторой сдержанностью, что въ волость пріѣхало небывалое еще начальство: нижегородскій помощникъ полиціймейстера г. Косткинъ, въ сопровожденіи помощника исправника. Помощникъ полиціймейстера изъ Нижняго въ подлѣсномъ селѣ отдаленнаго уѣзда, конечно, явленіе не совсѣмъ обычное, и хотя, по видимости, рѣчь идетъ объ освидѣтельствованіи пожарныхъ средствъ въ деревняхъ и селахъ, но всѣ понимаютъ, что дѣло тутъ не въ бочкахъ и насосахъ... Въ короткій періодъ времени въ уѣздѣ совершился цѣлый переворотъ, о которомъ, конечно, толкуютъ всюду... И странное дѣло, ни о какомъ „безпокойствѣ въ уѣздѣ“ не было прежде и рѣчи,—а теперь эта фраза такъ и носится въ воздухѣ,—разумѣется, какъ фантастическій отголосокъ послѣдняго „засѣданія“ уѣздной комиссіи...

— Отчего это?—спросилъ я какъ-то у мѣстнаго дѣятеля.

— Помилуйте! Такое время...

— Какое?

— Да вѣдь всетаки... нужда, народъ воспріимчивъ...

Итакъ, основная причина, которая вызываетъ всѣ эти толки о „безпокойствѣ“,—„всетаки нужда“ и именно въ хлѣбѣ. „Голодъ плохой совѣтчикъ“, это правда. Но если такъ, то очевидно, что всякое усиліе, направленное на устраненіе именно этой основной причины—нужды въ хлѣбѣ,—должно быть разсматриваемо, какъ средство къ водворенію спокой-

ствія. Казалось бы, это совершенно ясно. Но ясно не для всѣхъ, и господа изъ лукояновской комиссіи выдвинули силлогизмъ другого рода: въ голодный годъ возможны безпорядки, и потому кормить народъ ѣдутъ только смутьяны.

Проѣзжая мимо „пожарнаго сарая“, мы видимъ и самого г-на Косткина. Въ Нижнемъ онъ слыветъ настоящимъ Лекокомъ, и однажды я имѣлъ сомнительное удовольствіе видѣть его у себя съ понятыми. На сей разъ нижегородскій Лекокъ кланяется мнѣ довольно любезно. Мы понимаемъ другъ друга: талантливый „изслѣдователь“ найдетъ всегда то, что нужно начальству. Въ другое время онъ могъ бы, разумѣется, причинить мнѣ непріятности, и я даже не зналъ бы, что именно обо мнѣ написано. Но теперь, по доносу лукояновскихъ дѣятелей, воюющихъ съ губернаторомъ,—результаты „негласнаго дознанія“ могутъ быть только въ мою пользу... Тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, доносы эти поддерживаются жандармскимъ генераломъ, а съ нимъ Н. М. Барановъ тоже не въ ладахъ.

Обмѣниваясь утѣшительными мыслями о томъ, какъ иногда спасительны для партикулярнаго русскаго человѣка распри между начальствующими персонами,—мы ѣдемъ дальше.

Небольшая деревушка Чеварда — послѣдній поселокъ по сю сторону лѣса — имѣла очень грустный видъ въ сыроватыхъ сумеркахъ. Лѣсомъ мы проѣхали уже среди густой темноты. Днемъ здѣсь производятся общественныя лѣсныя работы, о которыхъ скажу кое-что послѣ. Небольшой огонекъ, свѣтившійся на кордонѣ, гдѣ живетъ завѣдующій работами лѣсничій, да неясно виднѣвшіяся по сторонамъ клади вырубленнаго лѣса—одни только напоминали о томъ, что здѣсь днемъ идутъ работы, о которыхъ такъ много говорится и пишется, на которыя такъ много возлагается надеждъ. Когда, передъ отъѣздомъ изъ Лукоянова, я сказалъ земскому начальнику VI участка о цѣли своей поѣздки, то С. Н. Бестужевъ съ самымъ беззаботнымъ, даже веселымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что я найду „въ Камчаткѣ“ картину полнаго довольства. „О, да тамъ у нихъ былъ очень порядочный урожай, а теперь еще, вдобавокъ, идутъ лѣсныя работы“. Объ урожаѣ я уже зналъ, что это совершенно невѣрно. О работахъ напрасно старался узнать отъ г-на земскаго начальника: каковы ихъ размѣры, сколько человѣкъ можетъ быть занято, каковъ средній заработокъ коннаго и пѣшаго, какое количество хлѣба эти работы могутъ внести въ крестьянскую среду,—эти вопросы, даже какъ вопросы только, были моему собесѣднику совершенно чужды. Онъ глядѣлъ на меня круглыми отъ недоумѣнія глазами и широко улыбался, какъ будто удивляясь, что можно

интересоваться такими пустяками. Впрочемъ, крайняя беззаботность составляла главную черту, которую этотъ молодой человѣкъ вносилъ въ свои служебныя отношенія, и мы увидимъ дальше (см. гл. XIII), какъ онъ распорядился, въ концѣ концовъ, „со всѣми этими скучными дѣлами и бумагами". Когда они ему основательно надоѣли, онъ ихъ связалъ веревочкой, нѣкоторыя просто изорвалъ, гербовыя пошлины употребилъ на собственныя неотложныя надобности, затѣмъ уѣхалъ куда-то, не считая нужнымъ даже увѣдомить о своемъ отъѣздѣ кого бы то ни было. Съѣзду земскихъ начальниковъ пришлось наряжать особую комиссію для разысканія пропавшаго дѣлопроизводства цѣлаго земскаго участка. Всѣ эти подвиги были самымъ оффиціальнымъ образомъ констатированы впослѣдствіи, но, разумѣется, уже и тогда общій, такъ сказать, характеръ дѣятельности г-на Бестужева, весьма близкій къ тому, что прежде принято было называть „преступленіями по должности",—ни для кого не былъ тайной, и мнѣ нечего прибавлять, что ни самъ земскій начальникъ, и вообще никто изъ лукояновской продовольственной комиссіи „за лѣсомъ" (т. е. во всей огромной Шутиловской волости) не былъ ни одного раза! Тамъ гдѣ-то стучали нѣсколько десятковъ топоровъ. Значитъ,—у него (мужика) есть работа, значитъ, нужно ему до извѣстныхъ предѣловъ сократить ссуду. Этимъ опредѣлялись взаимныя отношенія лукояновской Камчатки и лукояновской продовольственной комиссіи... Понятно поэтому, что я ѣхалъ туда безъ особеннаго оптимизма.

Часовъ около 10 передъ нами замелькали, наконецъ, рѣдкіе огоньки Обуховки, и, миновавъ послѣдній спящій вѣтрякъ этого большого удѣльнаго села, мы выѣхали по узкой дорожкѣ въ поле. Темная полоса лѣсовъ осталась за нами. Впереди легкая мятель крутила и несла снѣжную изморозь по обширной равнинѣ залѣснаго края, съ его невѣдомой еще для меня нуждою, и сквозь мглу, на небольшомъ отлогомъ возвышеніи, мигали огоньки Обуховскаго земскаго хутора, ближайшей цѣли нашего путешествія.

„Обуховскій земскій хуторъ"—учрежденіе очень интересное, одно изъ тѣхъ, необходимость и польза которыхъ должны бы, кажется, стоять внѣ всякаго спора. На землѣ, пожертвованной генералъ-маіоромъ Григорьевымъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ основанъ сначала „земскій хуторъ", а затѣмъ въ хуторѣ въ 1886 г. учреждена низшая сельско-хозяйственная школа. Генералъ-маіоръ Григорьевъ, очевидно, признавалъ пользу сельско-хозяйственнаго образованія въ земледѣльческой

странѣ. Признавало ее и земство, признавало правительство. Григорьевъ пожертвовалъ землю, правда, въ мѣстности неособенно плодородной. Однако, мнѣ кажется, что здѣсь-то, въ этой лѣсной странѣ, лишающейся лѣсовъ и по необходимости переходящей къ земледѣлію, существованіе земскаго образцоваго хутора и школы могло бы быть особенно полезно. Земство ассигновало на школу опредѣленную сумму 5,000 р. (изъ доходовъ хутора и изъ земскаго сбора), министерство государственныхъ имуществъ прибавило къ этому 3,000 р. (ежегодно) изъ кредитовъ департамента земледѣлія и сельской промышленности. Казалось бы, польза и необходимость учрежденія признаны окончательно и безповоротно, и ему остается только развиваться. Однако... въ томъ-то и дѣло, что въ нынѣшнемъ періодѣ нашей жизни у насъ нѣтъ уже, кажется, ничего признаннаго, установившагося, незыблемаго, подлежащаго только развитію, но никакъ не упраздненію. Недавній „періодъ реформъ“ ославленъ, какъ періодъ сплошного и безшабашнаго отрицанія. И однако, не странно ли, что именно въ это время насаждено и создано вновь очень много совершенно новыхъ учрежденій, проникло въ жизнь много новыхъ началъ. Этотъ якобы „отрицательный“ періодъ миновалъ, и что же? Нѣтъ уже прописной истины, которая не подверглась бы сомнѣнію, и даже исконная мораль, гласящая, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, нынѣ весьма оспаривается самобытными философами даже на страницахъ печатныхъ органовъ. Года два назадъ, въ горбатовскомъ земскомъ собраніи (нашей губерніи) гласный и земскій начальникъ г. Обтяжновъ выступилъ противъ... начальнаго народнаго образованія въ земскихъ школахъ, доказывая, что земская грамотность породила только негодяевъ, пьяницъ и преступниковъ. По странному стеченію обстоятельствъ, г. Обтяжновъ въ „періодъ отрицанія“ самъ очень ревностно насаждалъ именно эти школы, въ качествѣ предсѣдателя земской управы и школьнаго попечителя. Но вотъ „періодъ отрицанія“ прошелъ, миновала и мода, увлекавшая иныхъ людей въ этомъ періодѣ, наступила мода другая, — тотъ же г. Обтяжновъ въ наше время отрицаетъ то, что насаждалъ въ разгарѣ періода отрицанія... Это ли не странное, не поучительное противорѣчіе!

Г. Обтяжновъ прославился этой своей вылазкой до такой степени, что объ немъ говорили и газеты, и толстые журналы. Но уже этотъ шумъ указываетъ, что г. Обтяжновъ „попалъ въ точку“, что онъ не одинокъ въ Россіи (какъ, впрочемъ, оказался тогда одинокъ въ земскомъ собраніи),

что въ самомъ дѣлѣ мы готовы были уже усомниться въ самой „пользѣ просвѣщенія“ *).

Мудрено ли поэтому, что усомнились въ пользѣ земледѣльческой школы. Въ томъ-то и дѣло, что вмѣсто творческой работы надъ укрѣпленіемъ того, что необходимо укрѣпить и развивать, мы то и дѣло вынуждены возвращаться къ основному вопросу.

— А что, господа,—скажетъ кто-нибудь изъ земцевъ лукояновскаго типа, потягиваясь и зѣвая,—ужъ не закрыть ли намъ эту штуку вовсе?..—И, смотришь, непремѣнно найдутся приверженцы „закрытія“, и „штука“, подлежащая развитію или преобразованію, заболѣваетъ смертельной болѣзнью неустаннаго страха за свое существованіе... Какое же тутъ возможно „совершенствованіе и процвѣтаніе“?

Обуховскій земскій хуторъ еще въ прошломъ году пережилъ именно этотъ смертельный періодъ. Кому-то что-то не понравилось въ учрежденіи, которое и существуетъ-то безъ году недѣлю. Казалось бы, рѣчь можетъ идти о необходимымъ улучшеніяхъ. Но рѣчь шла именно о закрытіи, о которомъ очень серьезно разсуждала цѣлая комиссія. Нашлись на этотъ разъ люди, которымъ удалось отстоять школу. Характерны, однако, основные мотивы, руководившіе комиссіей въ ея рѣшеніи. Она нашла, что закрытіе школы было бы еще... преждевременно!

Преждевременно! Не правда ли, что такое рѣшеніе можно принять развѣ только зѣвая, собираясь „на сонъ грядущій“ и именно отъ скуки. Предполагается, значитъ, что скоро станетъ „благовременно“ закрывать, а не увеличивать число земледѣльческихъ училищъ и образцовыхъ хозяйствъ въ земледѣльческой странѣ. Подумать только, какую громадную пользу могло бы принести существованіе „земскаго хутора“ хотя бы теперь, въ голодный годъ,—сколько лошадей оно могло бы прокормить, какую оказать помощь населенію, какими неизгладимыми чертами занечатлѣться въ памяти окрестнаго крестьянства, сколько разрушить застарѣлой косности и предразсудковъ!..

А между тѣмъ, случай этотъ пропущенъ, и на вопросъ, что сдѣлалъ земскій хуторъ въ неурожайномъ году для окрестнаго населенія,—придется отвѣтить: ничего! То есть ничего, какъ учрежденіе, между тѣмъ, въ качествѣ частныхъ лицъ,

*) Интересно, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ настроеніи этого чуткаго человѣка произошла новая перемѣна: въ земскомъ собраніи (1896 года) г. Обтяжновъ—утверждалъ опять, что „школа, школа и школа“,—вотъ въ чемъ рѣшеніе всякихъ кризисовъ.

по своему почину его обитатели сдѣлали (какъ увидимъ ниже) немало. Отчего же это? Отвѣтъ ясенъ: для полезной, живой, энергической работы нужна свобода иниціативы, которая дается только увѣренностью въ своемъ существованіи. На всѣ упреки хуторъ справедливо отвѣтитъ вамъ, что онъ недавно только оправился отъ смертельной болѣзни... Пойдетъ ли на умъ организаціонная, творческая работа тому, о комъ еще вчера разсуждали, не своевременно ли ему уже умереть, и о комъ тотъ же разговоръ можетъ вновь возобновиться завтра и даже, быть можетъ, именно по поводу его работы среди голодающаго населенія...

А земство? Я отлично помню, къ какимъ упрекамъ земству можетъ подать поводъ все, написанное выше. „Обличительный“ періодъ тоже миновалъ, будто бы вмѣстѣ съ періодомъ „отрицательнымъ“. И, однако, мы всетаки остались ужасными обличителями, съ тою только разницей, что нынѣшнія наши обличенія направляются, какъ сила пороха, въ сторону наименьшаго сопротивленія. Со стороны земства сопротивленія не встрѣчается никакого, и вотъ почему, основываясь на подавляющей массѣ газетныхъ сообщеній, можно „на глазомѣръ“ придти къ заключенію, что все зло нашей жизни есть зло „либеральное“ вообще и земское въ частности. Однако, достаточно простого сопоставленія нынѣшняго, напримѣръ, положенія въ губерніяхъ земскихъ съ неземскими губерніями (напр., Оренбургской), чтобы увидѣть, что причины надо искать не тутъ... Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ: развѣ земство не можетъ отвѣтить вамъ то же, что и Обуховскій хуторъ? Я стараюсь говорить здѣсь только о своей губерніи, только о томъ, что мы здѣсь всѣ видимъ ясно. А видѣли мы. какъ съ первыхъ же дней „продовольственнаго кризиса“ и еще долго спустя, рѣчь шла не о томъ, какъ дѣлать дѣло, а кто его будетъ дѣлать: упраздняемое земство, или усиливаемая администрація. Отчего бы это ни происходило, но это фактъ. А пока все это рѣшалось, шло колебаніе, борьба и неувѣренность, при которыхъ трудно и говорить о какой бы то ни было смѣлой, рѣшительной, организующей и творческой работѣ. Хорошо еще, что при такихъ условіяхъ и простѣйшія задачи выполнены центральнымъ земскимъ органомъ съ честію.

Однако, все это отступленіе—новая дань вопросамъ „высшей“, на этотъ разъ, губернской политики. Теперь уже окончательно мы съ вами, читатель, въ центрѣ дальней, залѣсной и сильно нуждающейся мѣстности.

Ясное утро 16 марта глядитъ въ окна. Кругомъ глубокіе снѣга занесли открыто лежащій на равнинѣ хуторъ. Передо мной—высокія крыши хуторскихъ построекъ, направо—школа, гдѣ уже идутъ уроки.

Когда я глядѣлъ въ окно, мимо съ кошелемъ и длинной палкой прошелъ нищій; я выхожу въ сѣни и натыкаюсь на двухъ жалкихъ старухъ съ болѣзненной дѣвочкой. Видно, что на хуторѣ „подаютъ", и нищіе тянутся сюда по сугробнымъ тропамъ. Видѣнный мною прохожій тоже входитъ въ сѣни. Замѣчательно типичная и даже красивая въ своей типичности фигура настоящаго лѣсного жителя. Прямыя, правильныя черты, простодушное выраженіе свѣтло-голубыхъ на выкатѣ глазъ, очень длинные прямые волосы, подстриженные на лбу такъ, что они образуютъ для лица какъ бы рамку. Такими рисуютъ на картинахъ нашихъ предковъ-славянъ, и такими видѣлъ я лѣсныхъ жителей Горбатовскаго уѣзда, цѣлую толпу крестьянъ Шереметевской вотчины. Типъ этотъ, очевидно, сохранился и держится еще среди дебрей бывшаго эпическаго лѣса.

Такой же лѣсной человѣкъ стоитъ передо мною и глядитъ простодушными синими глазами.

— Что тебѣ?—спрашиваю я.

— Дровецъ порубить, што-ли бы... Парнишка вотъ тутъ сбираетъ, подали ему, а я бы... дровецъ...

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня-то-о? (онъ пѣвуче тянетъ послѣдніе слоги).

— Да, тебя.

— Павломъ, меня-то...

— Откуда?

— Я-то?

— Да, ты.

— Микольской.

— А пособіе получаешь?

— Способіе-то?..

Голубые глаза глядятъ на меня съ недоумѣніемъ и скорбью. Скорбь эта—не то о пособіи, не то отъ тяжести непривычнаго разговора, а можетъ быть—и отъ голоднаго истощенія...

— Ссуду-те... Вишь ты, не получае-е-мъ мы.

— Отчего?

— Вишь ты... Дьячковъ сынъ, того...

— Что?

— Вишь ты, списалъ съ насъ ссуду-те дьячковъ сынъ будто...

— Какъ это списалъ?

Онъ дѣлаетъ усиліе, оживляется и произноситъ цѣлую рѣчь:

— Та-акъ. Отецъ-то его, дьячокъ, то есть, баетъ моему отцю-те: дай жалованіе. А мой-те евоному-те отцю: откуль возьму?—„А не откуль, молъ, взять, такъ и нѣтъ тебѣ способія“. Видишь ты, сынъ-отъ дьячковъ и списалъ съ насъ...

— Какъ же онъ могъ списать?

— Онъ-ту? Да вить онъ у насъ писарь!..

Я понялъ! Вотъ онъ, лѣсной народъ, и вотъ что значитъ порой писарь для лѣсного народа, и вотъ какъ можно вѣрить порой писарю, держащему въ рукахъ лѣсную братію. Пока я смотрѣлъ съ любопытствомъ и жалостью на этого лѣсного красавца, въ которомъ человѣкъ дремлетъ еще сномъ прошедшихъ вѣковъ, убаюканный тишью лѣсныхъ дебрей,—въ его лицѣ неторопливо совершалась новая перемѣна: оно какъ будто просвѣтлѣло, что-то пробилось наружу въ голубыхъ глазахъ, и, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ съ признакомъ радостнаго изумленія:

— А нынѣ, слышь, опять вѣшали...

— Что вѣшали-то?

— Да что! Чудакъ! Хлѣбъ вѣшали опять... И, слышь, чиновникъ опять разыскалъ въ книгахъ-те...

— Кого?

— Да насъ-ту разыскалъ, велѣлъ и намъ выдать.

— Ты какъ же про это узналъ?

— Да, вишь, парнишку встрѣтилъ, парнишка баитъ... Не знаю—правда, не знаю—неправда. Домой плетусь.

Глаза опять угасли, красивое лицо застыло въ грусти, и онъ сказалъ прежнимъ тономъ:

— Отощалъ... дровецъ бы порубить.

Ему дали хлѣба на дорогу, и красивая архаическая фигура исчезла вскорѣ на снѣжной дорогѣ, провожаемая моимъ сочувственнымъ взглядомъ... Что найдетъ онъ дома? Разсѣянную иллюзію „пособія“, или въ самомъ дѣлѣ его семью „разыскали въ книгахъ“, и злые ковы всемогущаго дьячкова сына назрушены. Мнѣ казалось сначала, что вѣрнѣе первое; я зналъ, что ни одинъ еще начальникъ не пріѣзжалъ съ такими цѣлями въ лукояновскую Камчатку. Къ счастью, оказалось, по словамъ моихъ хозяевъ, что Никольское—въ Пензенской губерніи. А тамъ, кажется, кормятъ...

XII.

Въ Камчаткѣ.—Мадаевскій старшина.—„Изслѣдованіе“ Шутиловской волости.—Истощеніе населенія.—Опасность воображаемая и истинная опасность.

16 марта мы втроемъ, т. е. я, Н. М. Сибирцевъ и А. Ф. Чеботаревъ, управляющій земскимъ хуторомъ, отправились

составлять списокъ въ с. Шутилово, столицу лукояновской „Камчатки“. Здѣсь, въ волостномъ правленіи насъ встрѣтилъ писарь, субъектъ отекшій и заспанный, въ узкомъ лѣтнемъ пиджакѣ, который онъ то и дѣло пытался застегнуть, изъ приличія, на верхнюю пуговицу. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этого верховнаго администратора „Камчатки“, зная изъ недавняго разговора съ „лѣснымъ человѣкомъ“ и изъ многихъ другихъ примѣровъ, какое огромное значеніе долженъ имѣть этотъ заспанный субъектъ для цѣлой мѣстности.

Необычное въ „Камчаткѣ“ появленіе незнакомыхъ господъ „по продовольственной части“, повидимому, его нѣсколько встревожило. Онъ принесъ списки, пытаясь что-то объяснить, при чемъ, для большей вразумительности, наклонялся ко мнѣ и дышалъ мнѣ въ лицо. Съ какой-то тревожной безцеремонностью онъ заглядывалъ въ мою книжку, гдѣ я дѣлалъ нужныя мнѣ предварительныя отмѣтки, пока въ избу постепенно собирались старики. Однако, это ему скоро надоѣло, и онъ удалился къ себѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ вышелъ опять, спросилъ у меня „бумагу“ и, прочитавъ ее, опять удалился, чтобы появиться передъ моимъ отъѣздомъ. Кажется, онъ спалъ и, быть можетъ, видѣлъ непріятные сны; по крайней мѣрѣ онъ мнѣ показался еще болѣе заспаннымъ и застегивалъ свой пиджакъ съ видомъ не особенно привѣтливымъ.

Въ общемъ фигура эта внушила мнѣ нѣкоторое разочарованіе. Нѣтъ, не такимъ ожидалъ я встрѣтить одного изъ неограниченныхъ почти вершителей продовольственнаго дѣла въ бѣдной „Камчаткѣ“. И, дѣйствительно, тутъ же пришлось мнѣ узнать, что, повидимому, мѣстное волостное начальство не пользуется особеннымъ довѣріемъ г-на Бестужева. По крайней мѣрѣ „повѣрка списковъ“ производилась здѣсь,—это очень оригинально,—старшиной Мадаевской волости. Итакъ, вотъ во что обратилось здѣсь пресловутое „знаніе своей мѣстности“. Изслѣдованія мадаевскаго старшины относительно Шутиловской волости противопоставлялись, какъ данныя, смѣтѣ губернской управы, основанной на точныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ статистики, — а система, цѣликомъ покоившаяся на компетенціи мадаевскаго старшины, выдавалась за систему „земскаго начальника VI участка“. Какъ и всюду, впрочемъ, здѣсь было, несомнѣнно, извѣстное взаимодѣйствіе: тамъ, у себя, въ кабинетѣ, г. земскій начальникъ „проходилъ“ еще разъ списки, составленные на мѣстѣ, и исправлялъ ихъ, посильно подгоняя итоги подъ заданную уѣздной комиссіей цифру...

Въ докладѣ благотворительному комитету, въ свое время

напечатанномъ въ газетахъ, я далъ общую характеристику этой системы. Между прочимъ, я указалъ тамъ на странное и трудно объяснимое обстоятельство: въ февралѣ размѣры ссуды по всей волости подверглись вдругъ внезапному и сильному сокращенію. Нужно сказать здѣсь, что при опредѣленіи размѣровъ ссуды населеніе раздѣлялось вообще на 3 разряда: 1-й разрядъ, бѣднѣйшихъ, получалъ въ январѣ по 30 ф., второй по 15, третій не получалъ вовсе. Но вотъ, въ февралѣ, первому разряду назначается вдругъ только 20 ф., второму 10. При этомъ мужики заявляютъ, что фактически они получили по 5 и по 10—11 фунтовъ.

Это послѣднее обстоятельство сначала казалось мнѣ маловѣроятнымъ; что же касается до общаго сокращенія, то оно было несомнѣнно, такъ какъ значилось въ спискахъ. На мѣстѣ мнѣ объяснили, что это случилось именно послѣ объѣзда мадаевскаго старшины: у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ крестьянъ найденъ хлѣбъ. Однако, у меня въ рукахъ были списки, въ которыхъ самъ знаменитый старшина сдѣлалъ отмѣтки о найденномъ хлѣбѣ и имуществѣ. Списки эти, даже съ этими отмѣтками, производили угнетающее впечатлѣніе крайней бѣдности. А всетаки... у незначительнаго количества крестьянъ найдено кое-что, прежде скрытое... Итакъ, онъ, коллективный и единоличный мужикъ, скрываетъ и обманываетъ. На этомъ, будто бы, основаніи ему вообще, ему — коллективному и единоличному—послѣдовала общая сбавка...

Другое объясненіе, данное мнѣ въ городѣ, было проще и еще менѣе утѣшительно. Г. земскій начальникъ VI-го участка—человѣкъ очень молодой. Когда у продовольственной комиссіи началась война съ губерніей, г. земскій начальникъ увлекся борьбой и сразу сократилъ размѣры ссуды почти вдвое. Такимъ образомъ, если вѣрить этому объясненію, — уѣздъ воюетъ съ губерніей, а ни въ чемъ неповинная, ни къ чему непричастная „Камчатка“ платитъ военную реквизицію!

Наконецъ, третья категорія свѣдущихъ людей, къ которой я обращался за объясненіями, только пожимала плечами:

— Этого не знаетъ никто, даже, пожалуй, самъ земскій начальникъ. Спросите... у мадаевскаго старшины.

Но мнѣ не пришлось встрѣтиться съ этимъ старшиной. Забѣгая впередъ, скажу только, что это субъектъ очень интересный, своего рода сила, одинъ изъ этихъ деревенскихъ типовъ, защита противъ которыхъ мѣстнаго населенія выставлялась, между прочимъ, задачей института земскихъ начальниковъ. Въ данномъ случаѣ выходило наоборотъ: г. Бесту-

жевъ всячески защищалъ своего старшину. Когда я проѣзжалъ черезъ Мадаевскую волость,—этотъ старшина находился въ довольно непріятномъ положеніи: одинъ изъ крестьянъ его волости былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ аресту. Старшина распорядился запереть его, не ожидая истеченія законнаго апелляціоннаго срока. Говорятъ, онъ заперъ его собственноручно, и ключъ отъ кутузки увезъ съ собою. Мнѣ разсказывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что заключенный стучалъ въ двери, просился, кричалъ, что онъ умираетъ... Оффиціально установлено, что, когда дверь была отперта, незаконно заключенный крестьянинъ оказался мертвымъ отъ угара...

Смерть по недоразумѣнію!.. Оффиціальное дознаніе установило, что срокъ апелляціи не истекъ, когда приговоренный былъ посаженъ. Въ книгѣ приговоровъ написано: „приговоромъ недоволенъ“, затѣмъ частица „не“ кѣмъ-то зачеркнута, и эта поправка не оговорена въ текстѣ. Сказать проще: — въ книгѣ кѣмъ-то совершенъ нужный старшинѣ подлогъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, законъ требуетъ истеченія законнаго срока, независимо отъ первоначальнаго заявленія подсудимаго (и только въ послѣднее время для нѣкоторыхъ случаевъ допущено изъятіе, всетаки съ непремѣннаго согласія приговореннаго)...

Старшину постановили предать суду... Этотъ-то именно субъектъ по разнымъ причинамъ пользовался столь исключительнымъ довѣріемъ земскаго начальника Бестужева, что ему была предоставлена провѣрка списковъ не только въ своей, но и въ чужихъ волостяхъ.

Въ другомъ мѣстѣ я постараюсь указать измѣнчивые оттѣнки крестьянскихъ сходовъ, которые мнѣ пришлось видѣть. Здѣсь скажу только, что система „мадаевскаго старшины“,— отмѣченная тою, поистинѣ, желѣзною жестокостью, какую порой можетъ проявить отпрыскъ деревни къ своей собственной средѣ,—вызываетъ въ толпѣ явное и глухое недовольство. Удивительно, какъ, при извѣстныхъ пріемахъ, могутъ стать ненавистны народу самыя симпатичныя начинанія. Прочитайте въ брошюрѣ Л. Н. Толстого страницы, гдѣ онъ говоритъ о „помощи въ видѣ работы“. Что можно возразить противъ этихъ высоко убѣдительныхъ строкъ? И однако, здѣсь я замѣчалъ глухой ропотъ и гнѣвные взгляды всякій разъ, когда заходилъ разговоръ объ общественныхъ работахъ въ казенномъ лѣсу. Почему?—это я подробнѣе понялъ впослѣдствіи, но уже во время схода въ Шутиловѣ кое-что выступило ясно. Первое—всякій нанявшійся тотчасъ же лишаетъ

ссуды одного или двухъ членовъ своей семьи, второе—работамъ сразу придавался характеръ до извѣстной степени принудительный. Вотъ почему толпа глухо роптала каждый разъ, когда при упоминаніи того или другого имени слышался отзывъ:

— Нездоровъ... Убился на казенной работѣ...

Далѣе выступаетъ опять знакомый разрядъ недовольныхъ: это мельники. За нихъ всюду и единогласно заступаются остальные міряне. Я уже говорилъ, что это за заведенія—эти сельскія и деревенскія мельницы. У каждой отъ 4 до 8 крыльевъ, и на каждое крыло приходится порой по человѣку, иногда и по два владѣльцевъ. И вотъ, въ неурожайный годъ—крылья стали недвижно или машутъ изрѣдка, лѣниво... На краю села, у самаго въѣзда въ Шутилово, стоитъ одно изъ этихъ злополучныхъ сооруженій... Крылья изломаны, бокъ запалъ, крыша провалилась. Владѣли ею четверо заводчиковъ, „по крылу на человѣка“, и въ числѣ этихъ несчастливцевъ былъ Николай Игнашинъ, человѣкъ съ огромной семьей. Что уже и раньше эти „заводчики“ были не въ блестящемъ положеніи, видно хотя бы изъ того факта, что и въ урожайные годы они не могли собраться съ силой и исправить свое „заведеніе“. Однако, и эта никуда негодная махина, портящая ландшафтъ своимъ изуродованнымъ силуэтомъ, лишила Николая Игнашина всякаго права на помощь... Легко представить себѣ, что происходило въ этой несчастной семьѣ изъ 8 человѣкъ въ эти долгіе зимніе мѣсяцы.

Я говорилъ уже много разъ, что не стану гоняться за раздирательными сценами и эффектами голода. Для человѣка съ душой, для общества не окончательно отупѣвшаго достаточно и того, что сотни дѣтей плачутъ, болѣютъ и умираютъ, хотя бы и не прямо въ голодныхъ судорогахъ, что тысячи человѣкъ блѣднѣютъ, худѣютъ, теряютъ силы, наконецъ, раззоряются изъ-за голода... Однако, изъ пѣсни слова не выкинешь, и я не могу пройти полнымъ молчаніемъ мрачную картину, которую представляла эта несчастная „Камчатка“, подъ желѣзнымъ давленіемъ бездушной системы: 5 или 10 фунтовъ на цѣлый февраль, и то не всѣмъ нуждающимся семьямъ, и то не на всѣхъ членовъ семьи!.. Мудрено ли, что въ населеніи отложился цѣлый пластъ истощенныхъ, обезсилѣвшихъ, апатичныхъ людей... Уже въ Салдамановскомъ-Майданѣ священникъ говорилъ мнѣ, что нанятаго для рубки дровъ рабочаго приходилось предварительно кормить, такъ какъ онъ не могъ поднять топора!.. Это подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи и г. Гелингъ, управляющій большимъ имѣніемъ въ томъ же

краѣ, это говорили многіе въ Шутиловской волости. Это было уже явленіе массовое, сплошное, а не единичное. Но если такъ...

Если такъ, то неизбѣжно изъ этого пласта должны были отлагаться случаи еще болѣе печальнаго свойства... И они были. Такъ, въ Савослейкѣ Леонтій Юдинъ, получившій 5 ф. ржи и 5 ф. кукурузы на мѣсяцъ, такъ ослабъ, что А. И. Русиновой, случайно узнавшей объ этомъ, приходилось его откармливать постепенно. Онъ остался живъ... Но тамъ же Перфиловъ, онъ же Моисеевъ, голодавшій нѣсколько дней, получивъ ссуду, умеръ отъ перваго же куска хлѣба. Это побудило добрыхъ людей открыть въ „Камчаткѣ“ столовыя, не ожидая ниоткуда содѣйствія...

Вонъ изъ моего окна на хуторѣ, гдѣ я заношу свои впечатлѣнія, видны синіе лѣса, снѣгъ, дорога. По дорогѣ мальчишка лѣтъ 12 тащитъ за собой лошадь. Самъ онъ ступаетъ невѣрно, шатается, лошадь еле идетъ, останавливается, ноги у нея дрожатъ. Это онъ ведетъ ее на прокормъ на земскій хуторъ...

Я выхожу въ сѣни и узнаю печальную и, къ сожалѣнію, слишкомъ обыкновенную исторію: „выбились, кормить нечѣмъ, издыхаетъ послѣдняя животина“. Отецъ, больной и голодный, потащился въ лѣсъ собирать сучья.

— Какъ еще и дотащится-то,—говоритъ мальчишка и отворачивается. На губахъ у мальчика какіе-то струпья, какъ будто отъ худосочія, вродѣ запекшейся крови, лицо блѣдно, глаза, молодые и красивые, глядятъ грустно и какъ-то тускло, губы подергиваются нервною дрожью. Онъ прячетъ лицо, какъ будто стыдится своей слабости или боится заплакать подъ взглядами невольнаго сочувствія...

— Изнервничался народъ необычайно,—говорили мнѣ мѣстные жители: но это—нервность терпѣливаго, почти безнадежнаго страданія. „Обуховскій земскій хуторъ“ лежитъ среди снѣжной равнины. Узкая, то и дѣло проваливающаяся подъ ногами дорожка, по которой ѣздятъ только „гусемъ“, тянется къ хутору по сугробамъ и, перерѣзавши дворъ, теряется въ такихъ же сугробахъ, межъ тощимъ кустарникомъ, по направленію къ лѣсу, синѣющему на горизонтѣ. По этимъ дорожкамъ, то и дѣло видите вы,—чернѣютъ одиноко и парами, порой вереницами фигуры людей, бредущихъ съ сумами и котомками, спотыкающихся, проваливающихся и усталыхъ. У всякаго за спиной, кромѣ собственной усталости и собственнаго голода, есть еще грызущая тоска о близкихъ, о дѣтяхъ, которыя гдѣ-то тамъ маются и плачутъ, и „перебьются ли“,

пока онъ здѣсь ходитъ, непривычный нищій, отъ села къ селу, отъ экономіи къ экономіи—онъ не знаетъ. А вѣдь они тоже любятъ своихъ женъ и дѣтей...

И одни за другими они проходятъ, спрашиваютъ „насчетъ работы“ или „Христа ради на дорогу“ и идутъ дальше, теряясь въ снѣжной равнинѣ, а на смѣну приходятъ другіе... И ничего въ экономіи не пропало ни разу, и никто не думаетъ о томъ, что вотъ тутъ хуторъ, обильный, снабженный хлѣбомъ, сытый,—лежитъ беззащитно и беззаботно среди равнинъ и лѣсовъ, гдѣ на просторѣ раскинулось пожаромъ жгучее горе и отчаяніе голоднаго народа. Удивительно, какъ эти господа, такъ много кричащіе нынѣ о порокахъ нашей деревни,—не замѣчаютъ, что всѣ они покрываются съ избыткомъ одной этой удобной для нихъ добродѣтелью,—этимъ удивительнымъ запасомъ неистощимаго терпѣнія и кротости... А господа уѣздные политиканы и вояки, какъ мы уже видѣли, пускаютъ ее въ игру, въ видѣ „спокойствія уѣзда“, угрожаемаго со стороны излишней сытости, баловства и какихъ-то грозныхъ пришельцевъ... Между тѣмъ, земледѣльческое населеніе голодающихъ уѣздовъ проявляло удивительное долготерпѣніе. Широкая всетаки, хотя, быть можетъ, и не всюду достаточная помощь—принята, когда ее дали, съ благодарнымъ удивленіемъ... „Продышимъ теперь“,—не разъ приходилось слышать эти слова! Только бы продышать, только бы пробиться, только бы прокормить дѣтей и скотину до того времени, какъ сойдутъ снѣга, какъ зазеленѣютъ поля, какъ Господь опять проявитъ свою милость. „Только бы какъ-нибудь“—и пахарь все вынесетъ и никого не обвинитъ въ своей невзгодѣ, все забудетъ,—и надъ свѣжими могилами потянется опять вѣчная непрерывная волна никогда не умирающей жизни...

„Только бы какъ-нибудь!“ Вотъ въ томъ-то и дѣло: „только бы!“ Опасность всетаки есть, но она не тамъ, гдѣ ее видятъ тупые уѣздные политиканы. Она не привозится заѣзжими людьми въ чемоданахъ, ее надо было искать тутъ, на мѣстѣ... Опасность, во-первыхъ, въ народномъ невѣжествѣ, которое по объему равно народному долготерпѣнію. Опасность, во-вторыхъ, въ огромной бреши, которую послѣдніе годы сдѣлали въ народномъ хозяйствѣ. „Крестьянство рушится“,—эта фраза слышится теперь слишкомъ часто... Рушится крестьянство, какъ рушится дорога, подтопленная снизу весенней ростепелью. Опасность въ этихъ четвертяхъ мельницъ, въ этихъ тысячахъ мельничныхъ крыльевъ, быстро переходящихъ въ кулацкія руки изъ-за нѣсколькихъ мѣръ хлѣба, не выданнаго

своевременно; въ этихъ тысячахъ головъ рабочаго скота, безсильно падающихъ отъ безкормицы или тоже переходящихъ къ кулакамъ за безцѣнокъ.

Въ прошломъ еще году нижегородское земско-статистическое бюро закончило собираніе матеріала по губерніи. Нынѣ эти цифры останутся поучительнымъ памятникомъ недавняго прошлаго. „Коровъ столько-то, лошадей столько-то, безлошадныхъ столько-то“. Уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ этихъ рубрикахъ происходили измѣненія далеко не утѣшительнаго свойства, но это были измѣненія постепенныя. Годъ за годомъ оставлялъ свою рытвину, точно слѣдъ рѣки на отлогомъ берегу. Два послѣдніе года произвели уже настоящій обрывъ, точно послѣ наводненія... Рѣка народной жизни опять войдетъ въ русло, но теченіе уже будетъ не то. На немъ, какъ новыя мели, могутъ отложиться новые пласты „бывшаго крестьянства“, вновь возникшаго сельскаго пролетаріата.

Вотъ это—истинная опасность! Конечно, она—результатъ не одного этого года, но все же она значительна и требуетъ могучихъ усилій всего общественнаго организма, потому что она огромна, широка, повсемѣстна и стихійна, потому что она отражается въ молекулярныхъ процессахъ, изъ которыхъ именно и слагаются массовыя явленія...

Не смѣшно ли, при такихъ условіяхъ, какъ нынѣшнія, видѣть людей, которые гоняются за отдѣльными случаями обмана или пьянства, которые, усчитывая копѣйки или рюмки выпитой въ кабакѣ водки, пропускаютъ мимо глазъ и ушей грозные симптомы „рушащагося крестьянства“. Они обращаютъ тревожные взоры на „пріѣзжихъ“, роются въ печкахъ, усчитываютъ три съ половиною мѣры лебеды, точно расчисляютъ, на сколько дней ея хватитъ крестьянской семьѣ. Между тѣмъ, можетъ быть, лучше было бы передать вдвое, чтобы избѣжать неисчислимыхъ послѣдствій невзгоды для народнаго хозяйства, чтобы поддержать работника и плательщика русской земли, вмѣсто нищаго, которому опять придется давать подачки. Здоровая почва опять и опять напитала бы верхніе слои...

Вчера мы составили списки для 4-хъ столовыхъ (въ двухъ обществахъ села Шутилова и въ сельцѣ Бутскомъ), сегодня съ утра опять отправляемся на ту же работу: разливать эти капли помощи въ морѣ нужды. Воздухъ, отяжелѣвшій, напитанный весенними парами, нависъ надъ землею сѣрой пеленой, всасывающей влагу снѣговъ, какъ губка... Нынѣшней ночью не было мороза, дорога сразу осѣла и размякла. Уже

вчера жалко было смотрѣть на лошадей, съ раздутыми ноздрями и выраженіемъ ужаса въ глазахъ бившихся въ зажорахъ. Сегодня, конечно, будетъ еще труднѣе... Пожалуй, мы не успѣемъ за распутицей распредѣлить и того, чѣмъ можемъ располагать. Надо торопиться. А тутъ какая-то тяжесть въ головѣ и въ сердцѣ. Весна, весна! Долго буду я помнить эту весну... Глубокіе снѣга, занесенныя деревушки. Тѣсныя избы, съ душно-сомкнувшейся толпой мужиковъ, необходимость подымать руку, чтобы вычеркнуть имя не слишкомъ еще оголодавшаго ребенка, потому что ихъ много...

— Можетъ, еще пробьешься... Возьмемъ у тебя одного.

— Чѣмъ пробьюсь?—спрашиваетъ мужикъ и глядитъ на меня въ упоръ мрачными и страдающими глазами.

— Да вѣдь всетаки... пособіе.

— Пятнадцать-то фунтовъ! По недѣлѣ ребятишки хлѣба не видятъ... Мякиной подавились...

А всетаки одного надо вычеркнуть, потому что ихъ много... И я чувствую, что голова тяжелѣетъ и нервы притупляются, и видишь, что вмѣстѣ съ дѣломъ помощи дѣлаешь жестокое дѣло, потому что эта черта, проведенная по имени ребенка, заставляетъ его голодать и плакать... А нельзя, потому что ихъ слишкомъ много...

Да, не дай Богъ другого такого года!..

XIII.

Зараженная деревня. — Замѣчательный документъ.—„Какіе мы жители“.—„Вопросъ“.

17-го марта, часовъ около двухъ, мы подъѣзжаемъ къ Петровкѣ, бѣдной и невзрачной деревушкѣ, пріютившейся подъ самымъ лѣсомъ, который какъ-то угрюмо оттѣняетъ ея убогость. Хуторской кучеръ остановилъ лошадей около старосты. Лысый мужикъ выходитъ къ намъ съ непокрытой головой и не рѣшается надѣть шапку, не смотря на наше приглашеніе.

— Насчетъ чего? — спрашиваетъ онъ съ признаками нѣкотораго безпокойства. Управляющаго земскимъ хуторомъ А. Ф. Чеботарева онъ знаетъ, но двое незнакомыхъ господъ внушаютъ ему нѣкоторое опасеніе. Какъ и вся деревушка, какъ будто оробѣвшая вблизи казеннаго лѣса („рукой подать, а поди-ка тронь хоть оглоблю!“), и староста, и нѣсколько подошедшихъ мужиковъ, подростковъ и мальчишекъ, видимо, жмутся и робѣютъ. Угнетенный видъ, землистыя лица и лохмотья...

Узнавъ, что мы „насчетъ продовольствія“ и „по части сто-

ловыхъ“,—деревня, въ лицѣ ея невзрачныхъ представителей, ободрилась и какъ бы просвѣтлѣла.

— То-то вотъ,—произноситъ староста, опять сволакивая съ лысой головы жалкое подобіе шапки...—Забыли насъ или ужъ какъ... Бьемся, бьемся, другимъ людямъ даютъ, а намъ нѣтъ ничего.

— Какъ,—развѣ вы не получаете пособія?..

— Выдали: кому пять фунтовъ, кому семь; нѣшто съ этимъ живъ будешь... Другимъ вотъ...

Робкая подлѣсная деревушка не можетъ, повидимому, представить себѣ, что и другіе, кажущіеся ей счастливцами, получаютъ тоже по 5 и 7 фунтовъ. Петровцамъ кажется, что это только ихъ забыли здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, подъ лѣсомъ.

Между тѣмъ, нашъ пріѣздъ обратилъ уже вниманіе, и деревня зашевелилась, какъ муравейникъ. Какой-то мужикъ, коренастый, съ угрюмымъ лицомъ, подошелъ къ намъ походкою медвѣдя и вопросительно уставился на старосту.

— Да еще вотъ,—заговорилъ тотъ, какъ бы понявъ значеніе этого тяжелаго взгляда, — женщина у насъ больная... Ротъ у нея вовсе теперича открылся, носъ проваленой. Просто сказать, никуда не годится, бѣда! Что хошь съ ней дѣлай...

— Духъ,—мрачно пояснилъ новопришедшій и опять уставился на старосту, какъ бы подсказывая ему продолженіе рѣчи.

— Дѣйствительно, ваше благородіе, духъ отъ ней пошелъ, терпежу нѣтъ. Лежитъ на печкѣ, въ избу не войдешь...

— И не ходитъ никуды,—опять подгоняетъ мужикъ своего оффиціальнаго заступника и оратора.

— Такъ точно. Правда это: не можетъ и ходить никуды. Прежде всетаки на-русь-те (наружу) ходила, нонѣ никуды не ходитъ.

— А дѣти малыя...—опять подсказываетъ мужъ больной женщины, очевидно, крайне заинтересованный, чтобы краснорѣчіе старосты произвело на насъ должное впечатлѣніе.

А двери то и дѣло отворяются, и изъ-подъ кучекъ снѣга, нахлобучившаго бѣлыми шапками невзрачныя избенки, сползаются къ намъ петровскіе обыватели, закоптѣлые, оборванные, робкіе... Деревня несетъ къ намъ свои горести и невзгоды...

— Много ли у васъ такихъ больныхъ?

— Есть, прямо сказать, нѣсколько, — говоритъ староста (нѣсколько въ этихъ мѣстахъ означаетъ много).

— Вотъ Захарка еще гнуситъ.

— Ну, это у него сроду такъ...

— Да ужъ это, братъ, сроду... знаемъ мы!

— И то! Она вѣдь, боль-те, лукавая. Заберется въ нутренность, а тамъ, гляди, и носъ за собой втянетъ.

— Гляди, и у Захарки носу-то все меньше становится...

На нѣсколько мгновеній водворяется унылое молчаніе...

— Что такое, не знаемъ мы,—говоритъ староста...—Взялась у насъ эта боль и взялась, вишь ты, боль... Эхъ, бѣда!

— Терпежу нѣтъ... отъ бабы-те... —заводитъ опять мрачный мужикъ, видя, что разговоръ принялъ слишкомъ общее направленіе.

— Погоди... Вишь, насчетъ столовой пріѣхали. Подь, стариковъ скликни.

Мрачный мужикъ пошелъ той же медвѣжьей походкой вдоль порядка, постукивая подожкомъ въ оконницы...

— Стариковъ, на сборну, эй, старики!..—слышали мы все удалявшійся по улицѣ унылый и сиплый голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ во въѣзжей избѣ, курной, закопченой и низкой, и раскладывался со своей походной канцеляріей.

Какъ всегда, послѣ краткаго объясненія цѣли моей поѣздки, начинаются общія жалобы. Ссуды получаютъ мало и, какъ всюду, деревня приписываетъ это вліянію своихъ ближайшихъ деревенскихъ и сельскихъ властей. Вообще, положеніе этихъ властей—межъ двухъ огней, передъ лицомъ высшей уѣздной политики, съ одной стороны, и ропота своихъ односельцевъ, съ другой—поистинѣ плачевно. Объ этомъ воинствующая комиссія не заботилась нисколько. Требуя отъ губерніи, чтобы въ угоду ей была измѣнена вся продовольственная система, въ смыслѣ сокращенія и урѣзокъ, — она въ то же время всю отвѣтственность передъ народомъ возлагала на самыхъ низшихъ представителей власти. Земскій начальникъ Бестужевъ не переступалъ ни разу за лѣсную черту, отдѣлявшую отъ остального міра Камчатку, гдѣ глухой ропотъ и негодованіе росли вмѣстѣ съ бѣдствіемъ.

И глухая злоба населенія естественно обращалась на ближайшихъ къ нему, часто совершенно невольныхъ представителей сократительной политики. Рядомъ со мной на скамейкѣ сидитъ деревенскій писарь. Это еще молодой мужикъ, одѣтый такъ же бѣдно, какъ и остальные. Цвѣтъ лица у него землистый, глаза тусклые, слегка слезятся, выраженіе угнетенное и грустное. Онъ даетъ мнѣ объясненія толково и просто; однако, когда онъ отворачивается или ищетъ нужной бумаги,—мужики, стоящіе ближе, начинаютъ жестикулировать и подмигивать, указывая мнѣ на него и давая понять, что въ немъ

причина ихъ несчастія. Черезъ 1/2 часа это высказывается уже прямо. И, конечно, деревнѣ очень трудно разобраться во всей этой путаницѣ, которую надѣлали всѣ внезапныя непонятныя сокращенія, вычеты, ссуды въ размѣрахъ 5 фунтовъ, да еще съ какими-то дробями!.. Понятно, поэтому, что единственный грамотей, держащій въ своихъ рукахъ „бумагу“ и тоже не могущій ничего объяснить,—является въ глазахъ деревни несомнѣннымъ виновникомъ бѣды... „Въ другихъ-те мѣстахъ такъ, а у насъ эдакъ... Начальники (т. е. вотъ этотъ же писарекъ съ волостными властями) продали... Кровью нашей сыты и пьяны...“—вотъ что приходилось выслушивать писарю отъ расходившагося міра.

Писарь пытается возражать, но возраженія только подливаютъ масла въ огонь. Видя, что и я ничего не понимаю въ его объясненіяхъ насчетъ этихъ 5 и 7 фунтовъ съ четвертями и осьмушками, тогда какъ въ спискахъ, а значитъ, и въ отчетахъ земскаго начальника значатся выдачи по 20 фунтовъ, — онъ, наконецъ, рѣшается на что-то, какъ человѣкъ, которому надоѣло страдать безвинно и невѣсть по какой причинѣ. Онъ всталъ, порылся въ своихъ бумагахъ и досталъ оттуда какой-то засаленный обрывокъ сѣрой истрепанной бумаги.

— Прочитайте вотъ это, — сказалъ онъ мнѣ, пожимая плечами.

Я читаю, и хаосъ проясняется. Текстъ этого камчатскаго документа, лежавшаго передо мною, въ видѣ неправильно оборваннаго клочка бумаги, такъ интересенъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь цѣликомъ и съ соблюденіемъ правописанія подлинника (онъ былъ уже напечатанъ въ журналахъ засѣданій губернской продовольственной комиссіи *).

На клочкѣ было изображено слѣдующее:

„Сельскому старостѣ деревни Петровки приказъ. Такъ какъ за провозъ ржи въ осени минувшаго года извозчикамъ платилось по здѣланіи общества (sic) ссуднымъ хлѣбомъ во ввѣренномъ тебѣ обществѣ оказывается растрата ржи, то чтобы пополнить растрату Волостное правленіе по личному приказанію г-на земскаго начальника предписывается тебѣ изъ выдачи ржи на продовольствіе за февраль мѣсяцъ вычитать съ каждаго причитающагося къ выдачѣ пуда по *16*1/2 *ф.* или взыскивать деньгами по *66 коп.* Старшина Катаевъ. Писарь (кажется) Верхотинъ“.

Текстъ написанъ одними чернилами, собственныя имена и цифры, напечатанныя у меня курсивомъ, вставлены послѣ. Такимъ образомъ, очевидно, документъ имѣетъ всѣ признаки

*) См. журналъ отъ 27 марта 1892 г.

циркуляра... И дѣйствительно, я слышалъ объ его существованіи уже ранѣе и впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, что онъ разосланъ и въ другія общества Шутиловской волости, по личному приказанію земскаго начальника Бестужева.

Когда я читалъ вполголоса эту бумагу и потомъ объяснялъ старикамъ, что писарь и староста тутъ не при чемъ, всѣ слушали очень внимательно. И, дѣйствительно, теперь все объяснилось: въ февралѣ первому разряду выдавалось 20 фунтовъ, вычетъ $8^1/_4$,—итакъ, счастливецъ перваго разряда долженъ получить 11 съ дробью, второму же разряду приходилось по тому же разсчету $5^3/_4$ фунта на мѣсяцъ!

— Такъ и есть, точка въ точку!—говорили мужики.

— А вы вотъ все на насъ!—съ упрекомъ сказалъ писарь.

— Извѣстно, темные...

Кое-кто выступаетъ еще съ заявленіями о какихъ-то недовѣсахъ въ волости, но что могутъ значить эти четверти фунта въ сравненіи съ только что приведенными цифрами... И миръ между петровцами и ихъ писаремъ возстановился окончательно... Они видятъ, что, если тутъ кто воровалъ, то не ихъ староста и не ихъ писарь.

Что же, однако, это за документъ и что онъ собой прикрываетъ? Самое распространенное, но и самое неправдоподобное объясненіе его состоитъ въ томъ, что земскій начальникъ, стремясь вмѣстѣ со всею комиссіей къ экономіи во что бы то ни стало, оставилъ нерозданными еще въ прошломъ году сѣмена ржи, и часть этихъ сѣмянъ обращена затѣмъ на продовольствіе. За провозъ хлѣба платилось сѣменной рожью, оцѣниваемой по 1 р. 20 к., а въ то время, когда она выдавалась въ ссуду, — она уже стоила 1 р. 60 к. Вотъ эти-то 40 к., переданныхъ яко бы возчикамъ, въ видѣ разницы въ цѣнѣ, и были, будто бы, по какому-то своеобразному процессу мысли, сочтены растратой, которую Камчатка обязана была возвратить вычетами изъ ссуды...

Какъ видите, это до такой степени нелѣпо, что за объясненіе сойти не можетъ. Если у меня осталось въ экономіи отъ сѣмянъ 1.000 пудовъ, изъ которыхъ 250 ушло въ уплату за перевозку, то изъ этого ясно только, что теперь остается 750 пудовъ на продовольствіе, но не видно, чтобы голодные люди совершили какую-то растрату... И кому же возвращалась эта своеобразная „растрата“?

— Это такъ точно... Справедливо-съ,—отвѣчали мнѣ всѣ, кому я приводилъ это соображеніе на мѣстѣ, и молва тотчасъ же подыскивала другія причины. Говорили, напримѣръ, будто часть хлѣба по ошибкѣ была направлена въ волость

Мадаевскую, гдѣ и исчезла. Голодные ли разобрали ее самовольно, поступила ли она въ какія-либо другія руки, — во всякомъ случаѣ, съ нею произошелъ „безпорядокъ“. А такъ какъ у мадаевскаго старшины безпорядковъ не бываетъ, и такъ какъ мы видѣли, что именно онъ устанавливалъ „систему“ продовольствія не только въ своей, но и въ Шутиловской волости, то вся эта партія хлѣба, попавшая въ Мадаево,—наложена, будто бы какъ растрата, на волость Шутиловскую!.. Какъ бы то ни было, смыслъ таинственнаго и, по всѣмъ видимостямъ, преступнаго документа такъ и остался нераскрытымъ до сихъ поръ, не взирая даже на вопросы, обращенные прямо къ г. Бестужеву высшимъ губернскимъ начальствомъ... О преданіи его суду не было, кажется, и рѣчи.

Забѣгая нѣсколько впередъ, позволю себѣ привести нѣкоторыя дальнѣйшія черты изъ дѣятельности этого интереснаго „начальника“. „Въ августѣ 1893 г.—писали изъ Лукоянова въ газету „Недѣля“ (№ 49)—земскій начальникъ Бестужевъ уѣхалъ куда-то безъ отпуска и не сдавъ должности. Наступилъ сентябрь: на почтѣ накопился ворохъ срочной корреспонденціи, тяжущіеся бродили по уѣзду (!), разспрашивая, кому они должны подавать жалобы и прошенія. Наконецъ, 9 сентября получено (частное) письмо отъ г-на Бестужева, гласившее, что онъ не вернется еще мѣсяцъ, а дѣла остались у одного изъ волостныхъ писарей“ (!!).

„Съѣздъ долго не зналъ, какъ поступить въ такихъ невиданныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, составили комиссію „для отысканія дѣлъ“ г. Бестужева и прежде всего для выясненія, какому именно изъ волостныхъ писарей уѣзда г. Бестужевъ сдалъ свою должность. Когда искомый писарь былъ найденъ, комиссія приступила къ разборкѣ груды бумагъ, о чемъ составила протоколъ. Вотъ точная выписка изъ этого любопытнаго документа: 12 дѣлъ не оплачены марками, хотя пошлины своевременно внесены подателями (!); изъ 3 дѣлъ исчезли денежные документы, означенные въ прошеніяхъ; 6 дѣлъ оказались однѣми оболочками дѣлъ, жалобы же и протоколы утеряны, по одному дѣлу найдена одна оболочка, а въ ней двѣ повѣстки. Совсѣмъ не оказалось 73 дѣлъ, означенныхъ въ реестрѣ“!..

Вотъ какой интересный молодой человѣкъ распоряжался судьбой злополучной лукояновской Камчатки, и вотъ отъ кого зависѣла судьба десятковъ тысячъ голодающихъ семей! Не лишено интереса, что во время „лукояновской полемики“ кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ“ называлъ г. Бестужева „однимъ изъ лучшихъ земскихъ начальниковъ“. Но еще

любопытнѣе та снисходительность, съ какой посмотрѣло на всѣ эти продѣлки интереснаго молодого человѣка его начальство. Черезъ нѣкоторое время онъ спокойно появился опять въ уѣздѣ и сталъ заключать у мѣстнаго нотаріуса гражданскія сдѣлки (!) по поводу своихъ должностныхъ злоупотребленій. Онъ растратилъ „залоги“, ввѣренные ему, какъ должностному лицу и судьѣ?.. Что за бѣда! Какъ „благородный дворянинъ С. Н. Бестужевъ“, онъ готовъ замѣнить ихъ своими личными обязательствами... Совершивъ все это безъ всякихъ препятствій и замявъ какимъ-то образомъ дѣло о побояхъ, нанесенныхъ въ трактирѣ солдату мѣстной команды *), онъ отправился на другую должность въ Сибирь, гдѣ ему была ввѣрена забота о переселенцахъ на одномъ изъ переселенческихъ пунктовъ. Долго ли онъ тамъ удержался, гдѣ опять благодѣтельствуетъ мужиковъ, какія еще получалъ назначенія,—мнѣ неизвѣстно...

Сходъ въ Петровкѣ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе покорной угнетенности и безнадежной скорби. Мужики больше молчали. Не было слышно этого шумнаго говора, тѣхъ обильныхъ, порой ироническихъ и мѣткихъ характеристикъ, какими въ другихъ мѣстахъ встрѣчалось чуть не каждое имя.

— Ну, ну, старики! Что жъ вы молчите?.. Шаронова Андрея помѣстимъ, что ли?—то и дѣло приходилось мнѣ будить угрюмое молчаніе толпы.

— Какъ не помѣстить... Чай, надо помѣстить... Восьмидесяти лѣтъ человѣкъ. Куда ему податься...

— Мы, господинъ, потому мало говоримъ,—замѣтилъ одинъ изъ стариковъ,—другъ дружки стыдимся. Вы, можетъ, меня запишете, а другой-то еще хуже. Всѣ мы плохи, ужъ вотъ какъ, вотъ какъ плохи!

— Нѣшто мы жители, поглядите на насъ.

— Какеи мы жители, что ужъ...

„Житель“—это крестьянинъ, хозяинъ, человѣкъ самостоятельный, въ противоположность бездомнику, безхозяйному, нищему. Трудно себѣ представить впечатлѣніе этихъ словъ: „какіе мы жители“, когда цѣлая деревня говоритъ это о себѣ. Уничиженіе, уныніе, потупленные глаза, стыдъ собственнаго существованія... И невольно, какъ посмотришь, соглашаешься съ ними: какіе ужъ это жители!

Въ другихъ мѣстахъ хозяинъ, „житель“ не пойдетъ въ

---

*) См. „Русская Жизнь“, 1893, № 33, ст. „Будничныя исторіи въ Лукояновскомъ уѣздѣ“.

столовую, какъ бы ни нуждался. Лучшіе, еще не забывшіе недавнее время, когда они были „настоящіе жители“, — не пошлютъ даже ребенка. Одинъ разъ старикъ, у котораго мы записали внука, вышелъ на время изъ избы и, вернувшись, очевидно послѣ разговора съ мальчикомъ, сказалъ рѣшительно:

— Выпиши назадъ. Нейдетъ! Помру, говоритъ, на печкѣ, а не пойду.

Въ Петровкѣ я не встрѣчалъ уже этой стыдливости, здѣсь не было случаевъ отказовъ отъ посѣщенія столовой. Здѣсь большинство не стѣснялось просить лично за себя, не выжидая, пока выскажутся сторонніе. „Троихъ запишите, четверыхъ у меня“.

— Что вы, какіе глупые, право, — остановилъ, наконецъ, потокъ этихъ просьбъ умный старикъ, съ пріятнымъ лицомъ, хотя тоже отмѣченнымъ общей печатью подавленной скорби...— Вѣдь это благодать, Христа-ради, а не казна! Одного-двухъ съ хлѣба долой, и то слава Христу... А вы бы всей семьей такъ и затискались... Говорите, кто ужъ вовсе не терпитъ.

Стыдъ, не совсѣмъ еще умершій, просыпается въ толпѣ, но за то послѣ этихъ словъ она угнетенно и тупо молчитъ.

— Плохо въ этомъ домѣ,—слышится порой,—лебеды перѣли уже нѣсколько (т. е. очень много).

— Теперь и лебеды не стало.

— И этотъ тоже плохъ мужиченко-те. Съ самой сорной тропы! Давно побирается.

— Да, вотъ Александръ Фроловичъ знаетъ. Давно уже тропу къ нему на хуторъ пробилъ позадь дворовъ...

И вдобавокъ ко всему то и дѣло выступаютъ впередъ подозрительныя, землистыя лица, слышатся голоса съ особенной, то хрипучей, то гортанной или носовой зловѣщею нотой. И большая часть изъ такихъ больныхъ сами не знаютъ еще, что уже носятъ въ себѣ сильно-развитую болѣзнь.

Писарь, сидящій рядомъ со мной, то и дѣло какъ-то странно откашливается.

— Вы здоровы?—спрашиваю я у него.

— Здоровъ... вотъ что-то... перехватило.

Но я вижу ясно, что уже болѣзнь подвинулась далеко, проступаетъ въ слезящихся глазахъ, въ землистомъ лицѣ.

Несчастный мужъ сифилитической бабы то и дѣло выдвигается изъ толпы и прерываетъ нашу работу...

— Ваше благородіе, какъ же мнѣ съ бабой-те быть?..

— Молчи, видишь, сейчасъ некогда.

— Терпежу нѣту. Дѣти... Изба махонькая...

Черезъ нѣсколько минутъ его мрачный, глухой и страдаю-

щій голосъ опять нарушаетъ угрюмую тишину этого угнетеннаго схода:

— Изъ силъ я выбился. Смерти Господь не даетъ ей. Господи, Царица Небесная!

На улицѣ онъ опять выдвигаетъ впередъ старосту и самъ приступаетъ къ намъ съ неотвязнымъ вопросомъ:

— Какъ быть?.. Терпежу нѣту мнѣ, невозможно мнѣ терпѣть, ваше благородіе, сдѣлайте божескую милость...

Я даю ему денегъ на больную,—это все, что я могу сдѣлать. Больная неизлѣчима, болѣзнь ея въ этомъ періодѣ не заразительна, поэтому ее не возьмутъ въ больницу. И вотъ, цѣлая семья живетъ въ тѣсной избѣ съ полуумершимъ и разлагающимся человѣкомъ, отравляемая невыносимымъ „духомъ". Это, господа, не голодъ, это не связано ни съ засухой, ни съ неурожаемъ. Это для Петровки, для многихъ Петровокъ—обычное, заурядное, хроническое явленіе!

Съ тяжестью въ головѣ, отуманенные, выбрались мы изъ тѣсной избы, съ плотной, угрюмой толпой, съ ея угнетеннымъ, подавленнымъ и подавляющимъ настроеніемъ, съ этими землистыми лицами мужиковъ, женщинъ, дѣтей и подростковъ, едва выдѣлявшихся въ парномъ и темномъ воздухѣ курнаго жилья. На дворѣ насъ встрѣтилъ уже вечеръ. Мгла. Лѣсъ стоитъ невдалекѣ, задернувшись сизымъ туманомъ... Тамъ, въ 12 верстахъ, въ чащѣ стоитъ Ташинскій заводъ, надѣляющій эти подлѣсныя деревеньки скуднымъ заработкомъ и „дурною болью". А тутъ уже—съ поцѣлуемъ матери, съ кускомъ поданнаго Христа-ради хлѣба, съ надѣтымъ на время чужимъ платочкомъ,—переходитъ невидимо дурная боль отъ человѣка къ человѣку, изъ избы въ избу и ужасомъ давитъ несчастную, темную, беззащитную въ своемъ невѣжествѣ деревню.

Мы зашли въ ближайшую избу — Кутьина, Степана Егорова. Самъ хозяинъ — явный сифилитикъ, у котораго, по образному выраженію одного изъ его односельцевъ, лукавая болѣзнь уже „забралась въ нутренность и начинаетъ втягивать носъ за собой". Носъ у него припухъ, онъ гнуситъ. Его уже всѣ признаютъ больнымъ. Въ тѣсной, черной курной избѣ—двѣ бабы, обѣ худыя до невѣроятности, одна беременная, другая держитъ на рукахъ ребенка. На грядкѣ—лукошко съ кусками хлѣба, собраннаго подаяніемъ. За этимъ хлѣбомъ съ утра ходила по дальнимъ деревнямъ дѣвочка лѣтъ 7. Сколько ей пришлось выходить, видно изъ того, что она по пути заходила на заводъ, что, по прямому пути, составитъ 24 версты, считая туда и обратно.

Теперь она спитъ. Устала. Предыдущую ночь тоже не спала, потому что заболѣлъ палецъ, всю ночь металась и стонала. На заводѣ докторъ перевязалъ... Пахнетъ іодоформомъ... Признакъ плохой!..

— Отчего заболѣло? Ушиблась?

— Нѣтъ, такъ... безъ всего, просто заболѣлъ,—отвѣчаетъ мать, любовно гладя волосы у спящей.—Теперь пришла, притомилась. „Мама, я ляжу“.—Ляжь, моя милая, ляжь! Кормилица наша!.. Видишь, и не раздѣлась, такъ заснула.

Я наклоняюсь. Одѣтая, даже въ сермяжномъ кафтанѣ, дѣвочка спитъ глубокимъ сномъ. На лицѣ спокойствіе забытья. А въ изголовіи уже, быть можетъ, стоитъ роковая судьба, и несчастному ребенку предстоитъ умирать страшною, незаслуженною смертью... За что?..

Я отказался заходить въ другія избы. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Маленькія, безформенныя хижины, больше похожія на кучки навоза, подъ мрачной стѣною лѣса... Кой-гдѣ огонекъ, жалкія оборванныя фигуры, съ удивленіемъ разсматривающія невиданныхъ великолѣпныхъ господъ. И въ самомъ дѣлѣ, какими великолѣпными должны мы казаться этимъ „нежителямъ“, съ нашими здоровыми лицами, дохами, шубами, съ этими сытыми лошадьми, нетерпѣливо бьющими копытами землю... И при томъ еще—какіе благодѣтели!

Да, благодѣтели! Какъ жалки показались мнѣ въ эту минуту эти наши благодѣянія, случайныя, разрозненныя, между тѣмъ, какъ огромная мужицкая Русь требуетъ постоянной и ровной, дружной и напряженной работы вверху и внизу... Былъ у насъ не такъ давно, въ числѣ другихъ вопросовъ, и „вопросъ сифилитическій“. Писалось, говорилось много, можетъ быть, даже и дѣлалось кое-что. Почему это брошено? Почему не дописали, не договорили, не додѣлали, почему цѣлыя деревни, цѣлыя поколѣнія неповинныхъ людей оставлены въ жертву этой ужасной болѣзни, самой ужасной изъ всѣхъ, съ которыми борется человѣческое знаніе, а мы только смотримъ на это, сложивши въ безсиліи руки! Почему „сифилитическихъ деревень“ нѣтъ, напр., въ Англіи уже болѣе двухъ столѣтій, а у насъ онѣ есть, и язва ширится, захватывая все новыя и новыя жертвы. Впослѣдствіи, въ томъ же Лукояновскомъ уѣздѣ, я натыкался не разъ на другія деревни, напоминавшія Петровку, и можно сказать опредѣленно, что никто ничего не дѣлаетъ для ихъ спасенія. Между тѣмъ, назовите мнѣ другую болѣзнь, которая бы въ такой мѣрѣ настоятельно, повелительно, неизбѣжно призывала на борьбу съ собою. Во всѣхъ другихъ случаяхъ—въ тифахъ,

лихорадкахъ и горячкахъ—есть надежда, даже и безъ медицинской помощи, на силу организма. Чахотка уноситъ отдѣльныя жертвы, и при томъ медицина можетъ тутъ только продлить умираніе, что деревня для себя считаетъ непозволительной роскошью. Холера проносится ураганомъ и исчезаетъ, какъ грозный смерчъ, быстро и безслѣдно. Но сифилисъ, какъ библейская проказа, поражаетъ какъ самые здоровые, такъ и слабые организмы, и разъ пораженный — организмъ обрекается на роковую, неизбѣжную и самую ужасную гибель. И пока она наступитъ, несчастный сѣетъ кругомъ сѣмена того же невыразимаго бѣдствія, поражаетъ часто, не вѣдая и невѣдающихъ. И при томъ рѣдкая болѣзнь такъ поддается лѣченію въ настоящее время... Такъ почему же всѣ сложили оружіе въ этой неизбѣжной и, повидимому, трудной борьбѣ? Сдѣлайте простѣйшія выкладки, и вы увидите, что спасеніе одного поколѣнія одной этой деревушки окупитъ сторицею трудъ спеціальнаго врача. А вѣдь одинъ врачъ на деревню, на десятокъ такихъ деревень — даже излишняя роскошь.

Но есть обстоятельства, усложняющія простую медицинскую задачу: нѣтъ другой болѣзни, которая бы въ такой мѣрѣ служила мѣриломъ культурности общества: мало назначить врача, нужно, чтобы онъ заслужилъ довѣріе, нужно, чтобы населеніе само ему помогало, нужно, чтобы со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ сферахъ жизни онъ встрѣчалъ содѣйствіе и поддержку. У насъ сифилисъ — потому, что мало грамотныхъ, потому, что много суевѣрія, потому, что на дурную боль народъ все еще смотритъ, какъ на какого-то демона („она боль-те лукавая"), и боится ея, какъ злого духа, не боясь въ то же время, какъ простой заразы. У насъ сифилисъ потому, что мало жизнедѣятельности и много апатіи въ обществѣ, потому, что мы остановились; и вотъ глупцы кричатъ уже о перепроизводствѣ интеллигенціи, когда эти темныя деревушки изнываютъ безъ свѣта и помощи, какъ будто въ самомъ дѣлѣ остановилось вращеніе здоровыхъ соковъ въ нашемъ общественномъ организмѣ...

Всѣ эти мысли бродили у меня въ головѣ, пока мы ѣхали обратно, вдоль угрюмой стѣны синяго, мглистаго, точно разбухшаго отъ сырости лѣса... *).

---

*) Во избѣжаніе возможнаго упрека прибавлю, что общей столовой въ сифилитической деревнѣ мы не открыли. Е. А. Чеботарева, взявшая на себя завѣдываніе, устроила выдачу каждому приходящему отдѣльно.

XIV.

Нелей.—Кирлейка.—О лѣсныхъ общественныхъ работахъ.—Кто правъ и кто виноватъ.—Въ Салдамановскомъ-Майданѣ.

18-го марта, на слѣдующій день послѣ посѣщенія несчастной сифилитической Петровки, мы опять отправляемся составлять наши списки. Утромъ не надолго проглянуло солнце, но скоро день опять нахмурился. Давно уже не доводилось мнѣ съ такимъ интересомъ слѣдить за погодой: вотъ одна ночь прошла безъ мороза, одно утро—безъ утренника, и дороги сильно попортило. Въ овражкахъ уже сочится вода, снѣгъ подтопило снизу, „раскровило", какъ говорятъ здѣсь. Въ низинкахъ „самая кровь". Картинное старое выраженіе, сохранившееся, вѣроятно, съ незапамятныхъ, миѳическихъ временъ. Зима истекаетъ своей бѣлой кровью, скоро она умретъ, и на смѣну ей придетъ новая, молодая весна... Пока, однако, и весна обѣщаетъ не много радости.

То и дѣло приходится выходить изъ саней. Выйдешь,—и сразу уходишь въ рыхлый снѣгъ по грудь, между тѣмъ какъ лошади скачутъ, путаются и бьются, и падаютъ.

Въ Нелеѣ основана первая столовая въ этой Камчаткѣ, по частной иниціативѣ Ал. Ив. Русиновой. Вообще, даже въ этой далекой странѣ нашлось не мало добрыхъ людей. Цѣлый кружокъ благотворителей уже сдѣлалъ, что могъ, безъ всякаго „содѣйствія", въ то самое время, когда предводитель и земскіе начальники писали, что въ уѣздѣ совершенно нѣтъ людей, которымъ можно бы поручить столь опасное дѣло. Между тѣмъ, въ „Камчаткѣ" добрые и готовые работать люди сидѣли безъ средствъ и безъ поддержки. Тѣмъ не менѣе, здѣсь уже были столовыя, производилась раздача хлѣба отдѣльнымъ семьямъ, явился заѣзжій вольно-практикующій и безплатный врачъ, тоже производившій раздачу хлѣба, важнѣйшаго изъ всѣхъ лѣкарствъ въ настоящее время. Нѣсколько дамъ ходили и ѣздили по голоднымъ деревнямъ и избушкамъ. Этотъ очевидный „недосмотръ" лукояновской внутренней политики пришелся намъ очень кстати и, кажется, мы тоже пріѣхали кстати съ нашими средствами: столовыя здѣсь и нужны, и будутъ въ хорошихъ рукахъ.

Вотъ за Нелеемъ мы обгоняемъ на поворотѣ дороги обозъ. Маленькія лошаденки надрываются на рыхлой дорогѣ, мужики по поясъ въ снѣгу поддаютъ плечами изо всѣхъ силъ увязшія сани. Это несчастные „не-жители" изъ посѣщенной нами вчера Петровки уже съ ранняго утра пріѣхали на своихъ заморенныхъ лошадяхъ на хуторъ за хлѣбомъ для

столовой. Е. А Чеботарева поѣхала впередъ устраивать дѣло въ сифилитической деревнѣ,—дѣло, требующее особенной осторожности, чтобы не произвести вреда, вмѣсто пользы...

Небольшая избушка на краю дер. Савослейки являетъ въ своемъ весьма невзрачномъ обликѣ еще одну столовую, устроенную Е. А. Чеботаревой и А. И. Русиновой. Я писалъ уже о печальномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ возникновенію этихъ столовыхъ. Теперь я очень жалѣлъ, что не обладаю талантомъ живописца, чтобы изобразить это деревенское филантропическое учрежденіе: маленькая избушка, растрепанная крыша, кучки навозу кругомъ обнажаются изъ-подъ тающаго снѣга, тощая костистая лошадь уныло бродитъ вокругъ, подбирая въ навозѣ отдѣльныя соломинки. Сѣрое небо, туманъ, задернутые мглой перелѣски, лѣниво тающіе овражки,—все это даетъ меланхолическую рамку для этой избушки на курьихъ ножкахъ. Да, мы присутствовали на этотъ разъ при пробужденіи общественной самодѣятельности въ размѣрахъ, быть можетъ, еще небывалыхъ у насъ на Руси. И однако... эта картина все еще была бы, кажется, достаточнымъ олицетвореніемъ нашихъ благодѣяній голодающей деревнѣ.

Вотъ за лѣсомъ, за снѣжными буграми мотаются крылья мельницы, лѣниво, тихо, будто обезсилѣвшія, какъ и весь залѣсный край. Здѣсь живетъ врачъ, г. Рахмановъ, который поселился въ деревнѣ, чтобы кормить и лѣчить. Этого достаточно, чтобы г. Рахмановъ прослылъ въ уѣздѣ „врачомъ-толстовцемъ". Счастливое, право, это „направленіе", но тѣмъ меньше чести нашей современной дѣйствительности, гдѣ такіе факты нуждаются въ особыхъ „направленіяхъ" для своего объясненія... А вотъ опять за лѣсомъ и за оврагомъ, который тоже „раскровило" очень сильно, — цѣль нашей поѣздки, деревня Кирлейка (Пруды тожъ).

На дворѣ сборной избы баба толчетъ что-то въ деревянной ступѣ. Оказывается—просяная мякина, обильно подмѣшиваемая къ хлѣбу. Хлѣбъ на видъ гораздо лучше лебеднаго. „Оно и вовсе бы ничего,—говоритъ баба,—да во рту больно шумитъ. Муки мало добавишь, всѣ щеки опоретъ".

Дѣйствительно, хлѣбъ хруститъ очень непріятно и какъ-то сухо колетъ и рѣжетъ во рту. Докторъ Рахмановъ разсказывалъ намъ вчера, что къ нему то и дѣло являются больные страшными запорами отъ мякины. Въ особенности страдаютъ дѣти: недавно ему пришлось прибѣгнуть къ самымъ героическимъ средствамъ, отъ которыхъ городской врачъ пришелъ бы въ ужасъ, но выбора не было: ребенку грозила неминуемая смерть отъ этого хлѣба...

Сходъ обывателей Кирлейки произвелъ на меня впечатлѣніе далеко не столь угнетающее, какъ въ Петровкѣ. Здѣсь проглядываетъ уже новый оттѣнокъ. Говорятъ, главнымъ образомъ, двое: староста, мужикъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ, рѣзкими чертами и острымъ взглядомъ. Ему постоянно возражаетъ беззубый старикъ, иконописнаго типа, лысый и очень лукавый. У старика свои кліенты, въ томъ числѣ какая-то келейница, которая за что-то получила 12 мѣръ хлѣба и отдала этому старику. Теперь онъ хочетъ пристроить ее въ столовую. Староста возражаетъ, его поддерживаютъ кое-кто изъ мужиковъ съ робкой осторожностью, сзади звонко и смѣло вмѣшиваются бабы. Слезливаго нытья или тупого угнетенія не видно; голодъ не стеръ еще своей тяжелой лапой обычныхъ оттѣнковъ деревенской политики и партій, въ голосахъ бабъ, звонкихъ и задорныхъ, слышна только обида: что-то дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало по ихъ мнѣнію...

Списокъ мы составили на 35 человѣкъ и, безъ сомнѣнія, не смотря на впечатлѣніе какъ будто нѣсколько меньшаго „оголоданія“,—это всетаки менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и къ намъ попали только безспорно нуждающіеся. Не стану приводить примѣровъ, хотя ихъ у меня записаны десятки. Думаю, довольно и сказаннаго выше, чтобы видѣть, что наши столовыя не грозили опасностью „пресыщенія“ обывателямъ деревни Кирлейки, Пруды тожъ...

Вернулись мы рано. Синіе лѣса, фіолетовыя избушки, густая мгла и рѣзкій вѣтеръ. Пошелъ дождь, потомъ обильный, липкій, скоро тающій снѣгъ, которымъ насъ совсѣмъ залѣпило. „Внучекъ за дѣдушкой пришелъ“,—говорятъ о такомъ снѣгѣ мужики, и, дѣйствительно, надо думать, что „дѣдушка“ (старый снѣгъ) не многимъ переживетъ своего хлипкаго внука. Къ вечеру пошла настоящая мокроснѣжная мятель, и мы долго ждали съ безпокойствомъ возвращенія нашей хозяйки, уѣхавшей на одной лошадкѣ въ Петровку. Не смотря на мятель, приплелись изъ Григоровки нѣсколько бабъ. Деревня эта—сосѣдка Петровки. Намъ сказали, что урожай у нихъ былъ получше. Это правда, но отъ этого не легче безземельнымъ и бѣднякамъ, у которыхъ всетаки нѣтъ своего хлѣба, а купить дорого, и подаютъ мало.

На слѣдующее утро мы тронулись въ обратный путь, чтобы не остаться совсѣмъ, такъ какъ ростепель скоро отдѣлитъ Камчатку отъ остального міра. Утро ясное. Вчерашній снѣжокъ лежитъ на западной сторонѣ каждаго дома, на каждомъ столбѣ или мельницѣ, чистенькій, бѣлый и свѣжій, придавая весеннему дню характеръ ранней зимы. Ночью „придержало“,

дорога сначала показалась намъ превосходной; но вотъ въ первомъ же оврагѣ проваливается пристяжка, потомъ коренникъ, потомъ сани тихо садятся книзу, потомъ я, выходя, увязаю по поясъ. Это уже—зажора, прелесть весеннихъ дорогъ, съ которыми пришлось затѣмъ познакомиться поближе. Каждый „вражекъ“, каждую лощинку уже „подсосало“ и „раскровило“, а шаловливый легкій утренникъ прикрылъ все это обманчивой пленкой сверху.

Опять лѣсъ, славный многолѣтній боръ. Онъ еще хмурится на шалости весны, еще не даетъ ей баловать на своихъ дорогахъ, хотя по сторонамъ снѣгъ тоже рыхлый, а вокругъ мшистыхъ стволовъ видны широко обтаявшіе круги. Тѣмъ не менѣе, здѣсь дорога ровнѣе и лучше.

Вотъ и кордонъ, мимо котораго мы тотъ разъ проѣхали ночью. Не доѣзжая кордона, виденъ прорубленный лѣсъ, мелькаютъ на порубкахъ фигуры. Это — общественно-лѣсныя работы.

Мнѣ было очень интересно повидать лѣсничаго, г-на Введенскаго, завѣдывавшаго этими работами. Къ сожалѣнію, на кордонѣ его въ это время не было, — онъ ушелъ „на дѣлянки“ осматривать работы, а намъ ждать было крайне неудобно. Становилось замѣтно теплѣе, съ высокихъ сосенъ снѣгъ то и дѣло валился тяжелыми хлопьями, или таялъ и капалъ жемчужными каплями. Нашъ возница почесывалъ голову и выражалъ опасенія, какъ бы рѣчки Алатырь и Чеварда не загородили намъ дорогу. Узнавъ, кстати, что лѣсничій, вернувшись съ дѣлянки, тоже отправляется въ Лукояновъ,—я рѣшилъ не дожидаться, и мы поѣхали дальше.

Это не мѣшаетъ мнѣ, однако, сообщить здѣсь нѣкоторыя характерныя свѣдѣнія объ этихъ работахъ, по поводу которыхъ было столько разговоровъ о мужицкой лѣни. „Двѣ воды“ покойнаго Фета рѣшительно дали тему для обличителей русскаго народа, и нельзя надивиться, — откуда и на какомъ только разумномъ основаніи возникали и ширились эти странные толки...

Здѣсь мнѣ невольно вспоминается небольшой разговоръ въ вагонѣ, на нижегородской желѣзной дорогѣ.

— Итакъ, возвращаясь à nos moutons, — говорилъ мнѣ случайный спутникъ, изящный господинъ, наполнявшій купэ ароматомъ дорогой сигары,—скажу вамъ откровенно: все это сантиментальныя выдумки. Голодъ, голодъ! Но почему же онъ не идетъ на работу?

— А онъ не идетъ?—спросилъ я.

— Боже мой! Да развѣ вы не читали?

— Г-на Фета?

— Не одного Фета, вообще... Нужны рабочіе на желѣзной дорогѣ,—господинъ голодающій не желаетъ. Нужно расчистить лѣса, — господинъ голодающій находитъ для себя неудобнымъ.

— Это странно!

— Какъ кому! Для меня—нисколько!

— Однако, столько проложено желѣзныхъ дорогъ, столько расчищено лѣсовъ на Руси... И все, кажется, мужикомъ. Скажите: на этотъ разъ работа такъ и брошена недодѣланной?

— Ну, вотъ еще!

— Значитъ, что надо было насыпать, — насыпано, что нужно было расчистить,—расчищено?

— Конечно!

— И все это гг. инженеры и гг. лѣсничіе сдѣлали собственноручно?

— Ха-ха-ха! Этого только не доставало. Нѣтъ слава Богу, до этого еще не дошло.

— Значитъ—онъ?

— Да ужъ значитъ. Но видите ли! „пришлось взять изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей“.

— И пошелъ?

— Значитъ, пошелъ!

— А это васъ не удивляетъ?

— Что-жъ тутъ удивительнаго?

— Я тоже думаю, что ничего. Однако, вернемся къ началу. Мужикъ не беретъ работу подъ руками, онъ „не желаетъ работать“.

— Ну, и что же?

— Теперь посмотрите, какъ онъ ретивъ на работу: бѣжитъ на нее даже „изъ отдаленныхъ мѣстностей“.

Пауза. Тонкое облачко ароматнаго дыма...

— Ужъ не думаете ли вы, что меня убѣдили?

— Не имѣю ни малѣйшей надежды, — скромно отвѣтилъ я.—Я только удивляюсь.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь удивительно: тысячи лѣтъ русскій мужикъ работалъ, рубилъ лѣса, прокладывалъ дороги, „прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ“, взрывалъ сохой необозримыя пространства родной земли, сѣялъ, косилъ, жалъ, молотилъ, и опять пахалъ, и опять сѣялъ. И вдругъ—именно въ голодный годъ ему доставляютъ готовую, выгодную, нарочно для него придуманную работу, — а у него какъ разъ въ это-то время пропала всякая охота работать. Не странно ли это?

Впослѣдствіи я имѣлъ всетаки случай встрѣтиться и потолковать объ этомъ предметѣ съ г. Введенскимъ, завѣдывавшимъ лѣсными работами въ Шутиловскихъ казенныхъ лѣсахъ. Это — человѣкъ еще молодой, повидимому, вовсе не мужико-ненавистникъ... И однако,—такова сила легенды, носящейся въ воздухѣ, что и онъ удивилъ меня тѣмъ же ходячимъ замѣчаніемъ:

— Нѣтъ, какъ хотите, В. Г., — сказалъ онъ мнѣ, — а это правда: съ тѣхъ поръ, какъ вы открыли столовыя въ Шутиловской волости, т. е. съ конца марта, у меня стало значительно меньше рабочихъ въ лѣсу...

Итакъ. это уже было мнѣніе человѣка компетентнаго, до извѣстной степени очевидца, правда, знавшаго о столовыхъ только по наслышкѣ, съ которымъ, однако, приходилось считаться.

— Хорошо,—отвѣтилъ я. — У меня записаны по именамъ домохозяева и кто именно посѣщаетъ столовую изъ каждой семьи. А вы скажите, кто у васъ бросилъ работу.

Мы начали провѣрку съ сельца Бутскаго.

— Григорій Васинъ,—читаю я.

— Именно,—говоритъ лѣсничій.—Бросилъ работу въ мартѣ.

— Хорошо, вотъ мои свѣдѣнія: семья 6 человѣкъ; въ столовую ходитъ Ольга, старуха 70 лѣтъ.

Лѣсничій засмѣялся. Конечно, трудно думать, чтобы Васинъ работалъ въ лѣсу исключительно для прокормленія старухи Ольги.

— Ульяновъ Гаврила...

— Тоже бросилъ.

— Семья 5 человѣкъ; въ столовой мать, старуха 70 лѣтъ.

Такъ перебрали мы многихъ въ Бутскомъ и Шутиловѣ, и г. Введенскій согласился, въ концѣ разговора, что столовая, — которая на 400 — 500 человѣкъ населенія деревни беретъ 35—40 человѣкъ, и при томъ почти исключительно дѣтей, старухъ, стариковъ и увѣчныхъ, — никоимъ образомъ не можетъ отвлечь отъ работы рабочее населеніе. Къ сожалѣнію, и впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось слышать тотъ же упрекъ и съ сокрушеніемъ сердечнымъ отвѣчать то же самое. Были и такіе случаи, когда я поистинѣ жалѣлъ объ этомъ: я гордился бы своей работой, если бы мнѣ могли доказать, что мои столовыя помѣшали заключенію нѣкоторыхъ чисто кулацкихъ сдѣлокъ гг. помѣщиковъ и подрядчиковъ съ голодными крестьянами. Но—увы! — гордиться было нечѣмъ: столовыя, кормившія малую часть нерабочаго населенія, не могли уменьшить предложенія голоднаго труда, не

могли повліять на цѣны: народъ кидался на всякую возможность работы и нанимался въ убытокъ, а въ охотникахъ воспользоваться его положеніемъ и раскинуть сѣти голодной кабалы, увы!—недостатка не представлялось. И всякій разъ, когда казенная ссуда, хотя только въ извѣстной степени, уменьшала эти шансы и давала возможность мужику отбиться на время, до пріисканія лучшаго заработка,—они тотчасъ же рычали, какъ львы, о народной лѣни и о развращающемъ вліяніи ссуды и кормленія...

Какъ бы то ни было, перебравъ такимъ образомъ немало примѣровъ, мы оба съ г. Введенскимъ пришли къ выводу, что мои столовыя не могли вліять на предложеніе мужицкаго труда въ лѣсныхъ общественныхъ работахъ. Но такъ какъ фактъ уменьшенія рабочихъ къ веснѣ и нѣкотораго нерасположенія къ этимъ работамъ—былъ всетаки на лицо, то намъ пришлось поискать для него другихъ объясненій.

И, конечно, объясненіе отыскалось. Г-нъ Брокеръ, завѣдывавшій лѣсными работами до ихъ начала (былъ такой періодъ, какъ увидимъ ниже), приводилъ мнѣ нѣкоторыя цифры. Оказывалось, по его словамъ, что, при поденной работѣ, сажень дровъ обходилась до 7 — 8 рублей въ заготовкѣ. Г. Введенскій поправилъ это свѣдѣніе, сообщивъ, что это было только вначалѣ: затѣмъ заготовочныя цѣны приведены въ норму. Какимъ образомъ? Очень просто: работы сдавались уже не поденно, а только сдѣльно, но при этомъ заработокъ рабочаго падалъ нерѣдко до 7—8 копѣекъ въ сутки.

Сколько же приходилось на долю рабочаго въ среднемъ?

Я видѣлъ рабочія книжки еще въ Шутиловской волости. Артель, напр., Трифона Семушкина въ числѣ двадцати человѣкъ заработала за недѣлю (съ 18-го по 26-е февраля)—31 р. 67 к., что дастъ въ день 22 коп. на человѣка. Можетъ быть, это артель лѣнтяевъ? Нѣтъ: по словамъ самихъ завѣдующихъ, заработокъ колебался отъ 8 до 30 коп. (высшая норма въ день), на своемъ хлѣбѣ!.. Итакъ, 22 копѣйки въ среднемъ—это нормальный заработокъ рабочаго на лѣсныхъ общественныхъ работахъ. Эту же цифру подтвердилъ мнѣ и г. Введенскій.

Какова самая работа? Извѣстно, что эту зиму снѣга были необычайно глубоки. Рабочимъ приходилось бродить въ снѣгу по грудь, валить деревья и таскать ихъ затѣмъ на себѣ (лошади не пройти), все увязая, къ одному мѣсту... Вотъ какова была эта работа за 22 копѣйки!

Вотъ что говорилъ мнѣ о ней умный и при томъ посторонній крестьянинъ:

— Снѣга нонѣ глубокіе, одежонка дрянная, пища сперво-началу была больно плоха, примѣстія (жилья) настоящаго не было...

— А теперь?

— Теперь, слышь, одобряютъ. Такъ опять поздно: многимъ пришлось отстать. Видишь, весна какая: то придержитъ, то опять отпускаетъ, вотъ народъ и опасается, главное дѣло, насчетъ воды. Потому снѣгъ—само собой, да подъ снѣгомъ-то подсосалася вода, а народишко-те не въ сапогѣ, а въ лаптѣ. Подумай, добрый человѣкъ: долго ли же съ этакой работы обезножить?..

Я полагаю, что недолго, и вотъ почему во время составленія списковъ приходилось слышать то и дѣло фразу: „убился (т. е. надорвался, захворалъ) на лѣсной работѣ". И въ самомъ дѣлѣ: мудрено ли?

Итакъ, 22 копѣйки, глубокій снѣгъ, подъ снѣгомъ вода, работа—валить и таскать на себѣ бревна. Но этого мало: ссуду тотчасъ же сбавляютъ, какъ только человѣкъ нанялся на эту работу, сбавляютъ не съ работающаго, который все равно не получалъ, а съ семьи...

Вотъ на какой почвѣ возникаютъ эти толки о „лѣности", безпечности, о томъ, что мужика не надо кормить, чтобы не отучить его отъ работы... Удивительно, какъ легко возникаютъ, но еще удивительнѣе, какъ упорно держатся эти злыя нелѣпости!

А отчего? Оттого, что эти господа уже впередъ откуда-то почерпнули увѣренность, что русскій народъ—пьяница, лѣнтяй и оболтусъ. Придумавши какую-нибудь мѣру и недостаточно еще всмотрѣвшись въ свое собственное дѣло, не обезпечивъ его отъ собственныхъ ошибокъ, они уже начинаютъ зорко подсчитывать всѣ отдѣльные случаи мужицкой лѣни: Иванъ пропилъ рубль, Семенъ лежитъ на печи, Ѳедотъ работаетъ лѣниво...

Теперь попробуемъ выслушать другую сторону.

— Разскажите мнѣ, братцы, какъ вы въ лѣсу работали?— обратился я къ артели крестьянъ Шутиловской волости, встрѣченныхъ мною въ Лукояновѣ. — Только, смотрите, правду: я запишу и послѣ напечатаю въ газетахъ. Если неправда,— вѣдь будетъ неловко и мнѣ, да и вамъ.

Мужики помялись... Мы уже видѣли, что „разговоры" въ Лукояновскомъ уѣздѣ приравнивались чуть не къ государственному преступленію; однако, одинъ, рѣшившись, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Пиши. Какъ передъ Богомъ, истинную правду скажу.

И онъ разсказалъ, а я записалъ слово въ слово слѣдующее:

— Пріѣзжаетъ къ намъ въ сборную урядникъ. „Сберите, говоритъ, 20 лошадей, а я посмотрю, которыя чтобы могли работать“. Поутру приказъ: что на слѣдующій день къ свѣту всѣмъ намъ быть въ Салдамановскомъ-Майданѣ. Пріѣхали мы (это около 30 верстъ). Исправникъ Рубинской вышелъ къ намъ, выбралъ тутъ плотниковъ и объявляетъ: „благодарите Бога: чернорабочему пойдетъ по 50 коп., хорошему плотнику до 75, съ лошадью который—по рублю и болѣе того“... Пересмотрѣлъ лошадей и народъ—и отпустилъ пока по домамъ (опять 30 верстъ).

Правду ли, однако, говоритъ до сихъ поръ этотъ „лѣнтяй и обманщикъ“, отлынивающій отъ работы? Несомнѣнно, правду, потому что эти цифры предполагаемой и обѣщанной населенію платы можно найти и теперь въ печатныхъ протоколахъ нижегородской продовольственной комиссіи *). Теперь далѣе.

— Ну, хорошо. Собрались мы въ назначенное время на работу, Брокера-господина поставили намъ въ распоряженіе. Призываетъ насъ г. Брокеръ, говоритъ: „ступайте, десять лошадей, на Вешовскій хуторъ, за овсомъ по 4 копѣйки съ пуда“. А въ самый морозъ. Мы отказались: „помилуйте, тутъ и въ пути не прокормишься, лошади заморенныя, много ли на нихъ положишь?“—Ну, хорошо, говоритъ, когда такъ, положу рабочую плату, что въ лѣсу. Понадѣялись мы на эти слова, а не пришлось! Проѣздили въ холодъ четверо сутокъ, два дня потомъ работали въ лѣсу; какъ поѣхали на хуторъ, говоримъ: „Мы—народъ безсильный, чѣмъ подымемся? дайте денегъ“.—Ну, молъ, какъ-нибудь перебьетесь, денегъ еще нѣтъ, книгъ еще нѣтъ (прошу замѣтить эту фразу). А доѣдете, говоритъ, лошадей тѣмъ же овсомъ покормите съ хутора. Хорошо,—съѣздили, въ лѣсу поработали; подошла суббота, разсчетъ; и разсчитали,—человѣку съ лошадью 50 копѣекъ; пѣшеходу 25 коп. — Какъ такъ, говоримъ, ряды не сполняете?—„Да, вѣдь, вотъ, говорятъ, стужа была, работы мало, расходу много... Книгъ еще нѣтъ“... Что станете дѣлать; собирались на работы, снаряжались: кто одежонку заложилъ. У меня своихъ еще два съ полтиной было,—я ихъ проѣлъ, да за овесъ, что лошадямъ скормилъ, вычли. Пошелъ со слезами домой. Семья кормилась одной картошкой. Прихожу, а дома и пособіе-то уже сбавили. Вотъ и вся наша была работа, господинъ.

---

*) См., напр., журналъ 20 дек. 1891 года, стр. 6.

Правда ли это опять? Да, правда! Г. Брокеръ и затѣмъ г. Введенскій подтвердили это, только иными словами. „Книгъ не было“,—это значитъ, что между двумя вѣдомствами (общественныхъ работъ и государственныхъ имуществъ) возникли пререканія: кому подписывать контракты и билеты на отпускъ лѣса. Г. Пушкинъ, завѣдывавшій всѣми общественными работами,—отказался, г. Брокеръ не имѣлъ на это права, а лѣсное вѣдомство не могло отводить дѣлянки безъ контракта. И всѣ, конечно, правы. Пока 88 человѣкъ крестьянъ ожидали конца этого „недоразумѣнія“,—оказалось, что г. Брокера смѣнили, потомъ смѣнили и г. Пушкина. Г. Введенскій, преемникъ г. Брокера, все еще не зналъ, кому подписывать билеты. Пока шла эта переписка,—рабочіе уже были собраны, имъ была обѣщана одна плата, а разсчитаны они по другой, лишь бы оформить дѣло, лишь бы закончить періодъ лѣсныхъ работъ, довольно долгій періодъ—до ихъ начала!

Таковъ былъ приступъ. Какъ видите, тутъ была сразу крупная ошибка, вслѣдствіе которой самыя положительныя обѣщанія, данныя рабочимъ, не были выполнены, вслѣдствіе которой люди разошлись по домамъ со слезами, проѣвши и то, что было у нихъ до работъ, и застали дома... сбавку ссуды.

Такъ вотъ что могла бы разсказать другая сторона, мужики, если бы ихъ спросили. А вотъ еще примѣръ, извлеченный мною изъ оффиціальныхъ документовъ.

13 декабря 1891 года, за № 1278, г. земскій начальникъ 2-го участка А. Л. Пушкинъ обратился къ земскому же нач. II. Г. Бобоѣдову съ отношеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Господиномъ губернаторомъ поручено мнѣ завѣдываніе общественными работами въ Лукояновскомъ уѣздѣ, къ которымъ нужно приступить немедленно. На первое время до предстоящихъ праздниковъ предположено приступить къ рубкѣ лѣса въ Ичалковской казенной дачѣ 1 лукояновскаго лѣсничества, въ небольшомъ количествѣ рабочихъ, почему покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., изъ Вашего участка выслать въ означенную дачу къ 18 числу этого мѣсяца 10 человѣкъ съ топорами и пилой на каждыхъ двухъ. Высланный Вами народъ долженъ быть изъ семействъ, имѣющихъ недостаточныя средства и, при нахожденіи на поденной работѣ, исключенъ изъ лицъ, получающихъ пособіе хлѣбомъ. До праздниковъ народъ этотъ будетъ работать поденно съ платою до 40 коп.

въ день на ихъ продовольствіи. Послѣ же праздниковъ наемъ рабочихъ будетъ мною произведенъ тѣмъ же или инымъ порядкомъ, о чемъ я своевременно Васъ увѣдомлю. Теперь же покорнѣйше прошу, выславъ назначенныхъ Вами лицъ, сообщить мнѣ именной ихъ списокъ, съ обозначеніемъ, изъ какого села и по какой цѣнѣ (?)... Завѣдующій общественными работами земскій начальникъ А. Пушкинъ".

Надѣюсь, читатель и безъ моихъ курсивовъ обратитъ вниманіе на характерныя стороны этого оффиціальнаго циркуляра: крестьянамъ не предлагается работа, а они назначаются и затѣмъ высылаются на мѣсто. Предусмотрительность г-на Пушкина доходитъ до заботы даже о сбавкѣ нанявшимся хлѣбной ссуды. Можно ли послѣ этого предположить, что этотъ документъ, по времени совпадавшій съ наиболѣе горячими нападками на мужицкіе пороки, есть лишь плодъ непростительно-легкомысленной, преступной небрежности и недоразумѣнія со стороны этого господина!

„Лѣнтяи" и „пьяницы", уже черезъ пять дней по написаніи этого отношенія, составили требуемый отрядъ. Ѳедоръ Медвѣдевъ, Семенъ Бударагинъ, Герасимъ Сисюковъ, Александръ Жижиновъ, Иванъ Маркинъ, Матвѣй Фадѣевъ, Поликарпъ Хаповъ, Дмитрій Жижиновъ, Пименъ Морозовъ и Тимофей Кузичкинъ соблазнились сами или же были „назначены". Какъ бы то ни было, они, во-первыхъ, взяли въ долгъ топоры, во-вторыхъ, купили 5 пилъ (большею частію тоже въ долгъ), по 1 р. 50 к., и 17 декабря вышли утромъ изъ 1-го участка, расположеннаго у Лукоянова — на восточный край уѣзда, въ Большое Болдино. Однако, пусть они говорятъ дальше сами (цитирую опять по оффиціальному документу).

„До Болдина 40 верстъ; мы пришли въ 9 часовъ утра 18 декабря къ г-ну Пушкину, не застали его дома, и онъ вернулся въ 11 часовъ вечера, а 19 декабря въ 10 часовъ утра опять ходили къ г. Пушкину, но оставались въ избѣ, а Пименъ Морозовъ и Тимофей Кузичкинъ ходили въ домъ и, вернувшись, передали намъ, что Васъ вытребовали ошибочно въ Ичалковскую дачу, здѣсь есть своего народу много, то есть 2-го участка много людей. Вамъ будетъ работа въ Ризоватовской или Мадаевской дачѣ послѣ праздниковъ, а теперь ступайте домой. Когда будетъ предписаніе отъ Пушкина, тогда вамъ велятъ идти (!)".

А Пимену Морозову на представленномъ имъ рапортѣ г-нъ Пушкинъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ собственноручную

отмѣтку, которая и сдана Морозовымъ 20 декабря въ волостное правленіе.

„И мы, — продолжаютъ свою скорбную одиссею „лѣнтяи“, — вернулись 19 числа ночью домой. Понесли убытковъ, продали, что имѣли послѣднее, а домой шли совсѣмъ голодные. 18 числа весь день стояли (въ Б.-Болдинѣ) на морозѣ и собирали милостыню“... Затѣмъ, съ чрезвычайной подробностью идетъ перечисленіе убытковъ: за топоры платили за подержаніе, Фадѣевъ, вернувъ пилу, получилъ убытку 50 к., Маркинъ купилъ пилу за $1^1/_2$ рубля, и она осталась у него, „но остальные брали пилы въ долгъ и ихъ взяли обратно безъ убытка“.

Таково было блестящее начало управленія г-номъ Пушкинымъ общественными работами. Каково было ихъ продолженіе, мы уже видѣли. А въ это время въ прессѣ гремѣли обвиненія противъ мужиковъ, и въ это время ни одинъ пріѣзжій изъ Лукояновскаго уѣзда не могъ умолчать о томъ, что на лѣсныя работы народъ не идетъ *), и въ это же время въ другой части уѣзда уже стекались новые несчастливцы на новыя обѣщанія, которымъ опять не суждено было осуществиться (какъ мы видѣли изъ перваго нашего примѣра)...

Такъ-то крѣпостники-обличители зорко усматриваютъ сучецъ частныхъ пороковъ въ народной средѣ, бревна же своей небрежности и ошибокъ относительно народа не замѣчаютъ. Они судятъ „меньшаго брата“ съ легкимъ сердцемъ, забывая, что каждая ихъ вина горше отдѣльныхъ провинностей, ими обличаемыхъ. Каждый лѣнтяй или пьяница приноситъ вредъ только себѣ, въ крайнемъ случаѣ семьѣ своей, съ которой вмѣстѣ отъ этого страдаетъ. Тогда какъ всякая организаціонная ошибка имѣетъ характеръ общій и потому поражаетъ сразу цѣлыя массы неповинныхъ людей. Г-нъ Пушкинъ, занятый, быть можетъ, наказаніемъ какого нибудь пьяницы или лѣнтяя, а можетъ быть, и ничѣмъ не занятый,—допустилъ (мягко выражаясь) ошибку въ своей „циркулярной“ бумагѣ, и десятки, а можетъ быть, сотни людей бредутъ взадъ-впередъ сотню верстъ, изводятъ послѣднія деньги, зябнутъ и голодаютъ и возвращаются по домамъ съ тоской и разочарованіемъ, разнося по уѣзду недовѣріе къ имѣющему появиться новому „предписанію“ того же начальства... Мудрено ли, что народъ встрѣчалъ эти новыя „предписанія“ съ смутнымъ ропотомъ, съ неохотой, недовѣріемъ, а иногда и съ враждой,

---

*) См. протоколы Губ. продов. комиссіи за декабрь и январь.

гораздо болѣе законной, чѣмъ высокомѣрно обличительныя выходки тѣхъ же гг. Пушкиныхъ по его собственному адресу.

Нѣтъ, это немудрено. Мудрено другое: вѣдь всетаки шли! И всетаки работы (отъ восьми копѣекъ въ день!) не прекращались, и всетаки по лѣсу стоялъ стонъ отъ топоровъ, а по уѣзду и даже по губерніи шли толки объ общественныхъ лѣсныхъ работахъ, которыя налагали на гг. лукояновскихъ дѣятелей особенныя заботы объ экономіи въ ссудѣ, дабы „лѣнтяи“ какъ-нибудь не получили лишняго... Слушая эти толки, можно было подумать, что въ Ризоватовской, Шутиловской и Мадаевской волостяхъ предпринято нѣчто грандіозное, вродѣ египетскихъ пирамидъ или римскихъ акведуковъ, способное прокормить всѣхъ, кто только не полѣнится на нихъ наняться. Я былъ поэтому чрезвычайно удивленъ, убѣдившись на мѣстѣ въ дѣйствительныхъ размѣрахъ этого благодѣтельнаго явленія, подавшаго поводъ къ столь великому шуму. Оказалось, что въ самомъ разгарѣ работъ максимальная цифра занятыхъ рабочихъ достигала 400 человѣкъ, въ среднемъ же за три мѣсяца — меньше 200! Считая даже по 25 коп. въ среднемъ на человѣка, получаемъ 50 р. на день. И только!.. Какъ ни скромны были размѣры помощи въ формѣ столовыхъ,—но отъ нихъ всетаки въ послѣдніе мѣсяцы уѣздъ получалъ, по крайней мѣрѣ, втрое больше... Стоило ли же изъ-за этого поднимать цѣлые вопросы о народной лѣни и порочности, о развращающемъ вліяніи помощи, отвлекающей будто бы отъ работы,—микроскопической работы, которая не могла занять и сотой доли рабочихъ рукъ и въ которую было внесено столько преступныхъ ошибокъ *)!

Разумѣется—не стоило...

Когда мой собесѣдникъ, разсказывавшій мнѣ о своемъ наймѣ на общественныя работы, — кончилъ эту горестную повѣсть, я, признаюсь, не удержался, и у меня сорвалось съ языка:

— А пишутъ про васъ, что вы лѣнтяи, не идете на работы изъ-за ссуды...

Мужикъ горько улыбнулся.

— Эхъ, господинъ,—прибавилъ къ этому другой, молчаливо слушавшій разсказъ товарища. — Иной человѣкъ, не сообразя себя, скажетъ глупое слово, которое и говорить-то бы вовсе не надо.

---

*) Сильно опасаюсь, что большая часть „общественныхъ работъ“ въ этотъ и послѣдующіе голодные годы имѣли тотъ же или близкій къ этому характеръ.

Именно — „не сообразя себя“... Слово показалось мнѣ необычайно мѣткимъ...

— — —

Когда мы выѣхали изъ лѣсу на равнину, по сю сторону лѣсной полосы, — весна уже быстро захватывала свои владѣнія. Овражки чернѣютъ, на нихъ видны уже струйки, скачущія поверхъ подтаявшаго снѣга. Каждая лощинка начинаетъ шевелиться, ручейки сползаются къ рѣчкамъ, рѣчки топятъ мосты. Вотъ бушуетъ Чеварда у деревеньки того же имени, далѣе шумитъ рѣчка Пойка, но вотъ, наконецъ, Салдамановскій-Майданъ, гдѣ мы можемъ отпустить обратно хуторскаго возницу, сильно не одобряющаго разгулъ рѣчекъ. Онъ предвидитъ, что онѣ уже добрались до Алатыря и, пожалуй, не пустятъ его домой...

Въ новой, свѣтлой и чистой избѣ мы ожидаемъ перепряжки лошадей. Хозяинъ — вольный ямщикъ, перехватившій насъ по дорогѣ. Семья у него огромная, сильная, рабочая. На столѣ лежитъ каравай хлѣба, чистаго, безъ примѣси. Во всемъ видно изобиліе.

— Пособіе получаете?—спрашиваю я у старика, лежащаго на палатяхъ и свѣсившаго оттуда лохматую голову, съ умными, спокойными глазами.

— Получаютъ которые въ нашемъ селѣ; мы не получаемъ, не надо намъ.

— А какъ у васъ дѣла насчетъ продовольствія?

— Плохо,—отвѣчаетъ онъ,—бѣдствуетъ народъ сильно.

— Да вѣдь вонъ у васъ лѣсу сколько навалено: значитъ, работа.

— Какое работа! Которые въ силѣ работать, нѣсколько кормятъ сами себя, а который уже безъ силы, тотъ самъ себя нести не можетъ, какая ужъ тутъ работа. Сильнаго народу мало остается, тоже самое, въ нашемъ селѣ, которые чтобы чаяли себѣ прокормиться. Онъ, можетъ, травы-те *) переѣлъ уже нѣсколько (множество), какъ же у него, судите сами, на желудкѣ будетъ здорово? У кого картофель есть, тѣ еще туда-сюда, сколько-нибудь дышатъ, а отъ лебеды, господинъ, крѣпости въ желудкѣ никакой не бываетъ.

Отзывъ этотъ я, продолжая разговаривать, тутъ же записалъ слово въ слово, но, къ сожалѣнію, я не могу передать тона, какимъ это было сказано. Мужикъ говорилъ, не торопясь, съ разстановками и какъ бы съ досадливой неохотой. „Все равно вѣдь не повѣрите,—слышалось въ тонѣ его рѣчи, все

*) Травой крестьяне называютъ лебеду.

равно не поможете, такъ стоитъ ли говорить о томъ, что мы здѣсь видимъ, что можетъ видѣть всякій, кто только захочетъ присмотрѣться".

— Ну, а гдѣ хуже,—испытываю я еще его безпристрастіе,— у васъ или въ Шандровѣ?

— Непремѣнно, — отвѣчаетъ онъ, — надо говорить по совѣсти: у насъ хоть на новяхъ было небольшое количество. Положимъ, морозомъ хватило, а все супротивъ ихняго яровинка малое дѣло получше. У насъ хоть кормецъ былъ, а что ужъ у нихъ,—не приведи Господи!

— А пособіе?

— Ну что-жъ, что пособіе? Вонъ въ февралѣ по 7 фунтовъ выдали. Что тутъ...

Онъ махнулъ рукой и отвернулся.

— И что такое, право,—слышу я еще обычную фразу,— въ другихъ-те уѣздахъ...

Опять зажоры, рыхлыя дороги, рѣчки и овражки. За Салдамановскимъ-Майданомъ я оглядываюсь послѣдній разъ. Полоска лѣса синѣетъ на горизонтѣ...

Прощай, лукояновская Камчатка!

XV.

Христовымъ именемъ.

Когда мы сидѣли въ избѣ ямщика, въ Салдамановскомъ-Майданѣ, — въ ту же избу вошло два мальчика. Старшему можно было дать лѣтъ 9, младшему не болѣе пяти. Они были одѣты довольно чисто и съ той особенной деревенской опрятностью, которая показывала, что они не принадлежали къ семьѣ профессіональныхъ нищихъ. Видно было, что заботлисая материнская рука снаряжала этихъ ребятъ, старательно завязывала каждую оборку лаптей, надѣвала на нихъ сумы, вшитыя, повидимому, еще недавно изъ грубаго домашняго холста, сотканнаго, быть можетъ, тою же рукою... Они вошли и съ какимъ-то особеннымъ грустно-дѣловитымъ выраженіемъ въ лицахъ стали у порога. Старшій снялъ шапку, отыскалъ глазами икону, истово перекрестился и произнесъ нараспѣвъ обычную молитву...

Младшій съ простодушной сосредоточенностію глядѣлъ на брата внимательнымъ взглядомъ и, точно урокъ, повторялъ его движенія и слова молитвы.

— Господи! Іисусе Христе... Сыне Божій...

Хозяйка съ глубокимъ сожалѣніемъ посмотрѣла на малышей.

— Эхъ, бѣда!—сказала она, качая головой...—Чай, матка-то

и не чаялась этакихъ ребенковъ за милостыней посылать... А довелось... И молиться-то путемъ еще не умѣютъ... Ну, что этакой клопъ соберетъ...

Между тѣмъ, мальчики стояли, не говоря болѣе ни слова и не здороваясь, послѣ молитвы, съ хозяевами. Они пришли за дѣломъ и ждали результата...

Хозяйка встала, отрѣзала два ломтя хлѣба, одинъ отдала старшему, а другой сама положила младшему въ сумку, погладивъ его по головѣ.

— Ну, что дѣлать... воля Господня. Учись, Ванюшка, учись молиться-те, гляди на брата.

— Эхъ, горе!—добавила она, между тѣмъ, какъ по лицамъ этихъ маленькихъ мужиковъ трудно было разобрать, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ сердобольныя причитанія старухи. Получивъ подаяніе, они опять перекрестились и повернулись къ выходу.

И когда они двинулись, на ногахъ у нихъ застучали деревянныя колодки, подвязанныя къ лаптямъ,—два высокихъ обрубка: одинъ подъ пяткой, другой у подошвы.

Это опять заботливая рука, отправлявшая ребятъ съ именемъ Христовымъ, — принимала свои мѣры, чтобы дѣти не слишкомъ промочили ноги. Лапти и онучи плохо защищаютъ ногу въ ростепель, а подъ рыхлымъ снѣгомъ уже во многихъ мѣстахъ притаилась вода... Весна!

Вся эта простая сцена, отзывавшаяся какой-то грустной обрядностью, покрывшею обычную деревенскую драму, произвела на меня сильное и глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи не одинъ разъ приходилось мнѣ видѣть такихъ же дѣтей-кормильцевъ часто непривычныхъ къ нищенству семей. Мы видѣли уже въ Петровкѣ дѣвочку Кутьину, обходившую въ день по 20—30 и болѣе верстъ, чтобы принести домой лукошко-другое разнообразнѣйшихъ кусковъ хлѣба! Чего только не было въ этомъ лукошкѣ, снятомъ мною съ закопченнаго бруса: и огрызокъ праздничнаго, сухого, какъ камень, калача, и кусокъ ржаного хлѣба, поданнаго въ избѣ деревенскаго богатея, и черные разваливающіеся комья заплеснѣвшей лебеды... И все это подавалось и принималось подъ припѣвъ Христова имени, произносимаго усталымъ и изстрадавшимся дѣтскимъ голосомъ... Кто сосчитаетъ, сколько разъ призывалось имя Христа въ эту тяжелую зиму голоднаго года!..

И теперь, въ сумрачные и задумчивые дни этой весны, съ ея сизыми туманами, нависшими надъ полями, „вершинками“ и перелѣсками,—фигуры нищихъ стариковъ, подростковъ или даже ребятъ, съ сумами, съ подожками въ рукахъ

и съ колодками на ногахъ, увязающихъ въ сугробной дорогѣ,—составляютъ обычную принадлежность весенняго пейзажа. По мѣрѣ того, какъ послѣдніе запасы исчезаютъ у населенія,—семья за семьей выходитъ на эту скорбную дорогу...

Правда, было время, когда ихъ было еще болѣе. Всѣ говорятъ единогласно, что уже 1891 годъ былъ чрезвычайно тяжелъ, и уѣздъ уже перенесъ тогда полный неурожай и даже голодъ. Тогда было нѣсколько болѣе запасовъ, за то не было ссуды, и весна 91 года уже видѣла цѣлыя семьи, десятки семей, соединявшіяся стихійно въ толпы, которыхъ испугъ и отчаяніе гнали къ большимъ дорогамъ, въ села и города. Нѣкоторые мѣстные наблюдатели изъ сельской интеллигенціи пытались завести своего рода статистику для учета этого, обратившаго всеобщее вниманіе, явленія. Разрѣзавъ каравай хлѣба на множество мелкихъ частей,—наблюдатель сосчитывалъ эти куски и, подавая ихъ, опредѣлялъ такимъ образомъ количество нищихъ, перебывавшихъ за день. Оказывались цифры, поистинѣ устрашающія, и куски исчезали сотнями... Но вдругъ своеобразная статистика показала внезапное и рѣзкое паденіе: это въ поляхъ поспѣла лебеда, и подъ окнами стали опять появляться однѣ знакомыя фигуры привычныхъ нищихъ...

Но осень не принесла улучшенія, и зима надвигалась среди новаго неурожая... Осенью, до начала ссудныхъ выдачъ, опять цѣлыя тучи такихъ же голодныхъ и такихъ же испуганныхъ людей выходили изъ обездоленныхъ деревень, и, право, трудно сказать, во что перешло бы, какія новыя формы отчаянія и безнадежности приняло бы это огромное стихійное движеніе, если бы не казенная ссуда... Было жуткое время, когда казалось, что само Христово имя потеряетъ свою силу передъ этой необъятной тучей народнаго нищенства... А тогда... „Скотина голодная,—и та городьбу ломаетъ“,—говорилъ мнѣ умный мужикъ...—„Голодъ, говорится, не тетка“...

Но ничего подобнаго не случилось. По дорогамъ потянулись возы за возами съ казенной ссудой, — и нищенство опять быстро схлынуло. У народа явилась надежда, что позоръ нищенства минуетъ еще многихъ изъ тѣхъ, кто не зналъ его во всю жизнь...

Теперь къ веснѣ эта волна опять выростала всюду... а лукояновская система, опредѣлившаяся окончательно и застывшая въ своей безпощадности, гнала опять на дороги новые и новые контингенты нищихъ. Уменьшаясь и убывая въ періодѣ выдачъ скудной ссуды, то опять возростая, когда ссуда подходила къ концу, нищенство усиливалось среди этихъ

колебаній и становилось все болѣе обычнымъ. Семья, подававшая еще вчера,—сегодня сама выходила съ сумой. Христово имя звучало подъ каждымъ окномъ все чаще, изъ каждаго окна подавались куски все меньше, и просящему приходилось дѣлать все большіе обходы, захватывая огромные круги, гдѣ оскудѣвала уже рука дающихъ... Сначала ходили по сосѣднимъ селамъ, потомъ, расширяя обходы, уже не возвращались на ночь домой, уходили за десятки верстъ, являлись въ сосѣднихъ уѣздахъ и даже въ чужихъ губерніяхъ, уходя на цѣлыя недѣли... Я знаю много случаевъ, когда по нѣскольку семей соединялись вмѣстѣ, выбирали какую-нибудь старуху, сообща снабжали ее послѣдними крохами, отдавали ей дѣтей, а сами брели вдаль, куда глядѣли глаза, съ тоской неизвѣстности объ оставленныхъ ребятахъ... А въ это время, такіе же нищіе стучались въ окна покинутыхъ избъ, заходя сюда изъ сосѣднихъ губерній (въ особенности изъ Симбирской)...

Тѣ, кто наблюдалъ это явленіе со стороны, въ чьихъ равнодушныхъ взглядахъ поверхностно отпечатлѣвались эти однообразныя фигуры, съ ихъ однотоннымъ обряднымъ припѣвомъ,—не представляли себѣ ясно, какое безконечное разнообразіе заключалось въ оттѣнкахъ этого нищенскаго народнаго горя. Всего легче, безъ сомнѣнія, приходилось привычнымъ нищимъ. Они въ совершенствѣ знали свои обряды, они изучили долгой практикой психологію дающаго, они знали, какъ и гдѣ скорѣе и успѣшнѣе можно открыть эти окна, подъ которыми затягивали свою молитву. Христово имя въ ихъ устахъ являлось привычнымъ оружіемъ въ тяжелой и трудной житейской борьбѣ съ невзгодой... Но напрасно было бы думать, что всякому человѣку, одѣтому въ такой же мужицкій полушубокъ, такъ же легка на плечахъ нищенская сума. Знаніе дается любовью, а то „практическое знаніе народной жизни“, которое такъ громко заявляетъ о себѣ въ наши дни устами крѣпостниковъ и мужико-ненавистниковъ всякаго рода,—звучитъ только враждой и узкимъ своекорыстіемъ. И вотъ почему оно не хочетъ видѣть, какія тяжелыя драмы разыгрывались въ мужицкихъ избахъ прежде, чѣмъ въ нихъ надѣвалась сума, и сколько было этихъ удручающихъ драмъ...

„Христово имя“ имѣетъ въ деревнѣ своихъ обычныхъ, привилегированныхъ владѣльцевъ, которые и сами свыклись со своимъ положеніемъ, и за которыми это положеніе признано общимъ мнѣніемъ.

Однажды мнѣ пришлось слышать горькую исповѣдь мужика, въ одну изъ такихъ минутъ, когда душа невольно раскры-

вается для жалобы даже передъ постороннимъ человѣкомъ (это было много ранѣе голоднаго года).

— Покуль до старости-те доживу, сколь еще много муки приму... Господи Боже...

И онъ разсказалъ, что два года назадъ у него умеръ сынъ, оставивъ дѣвочку-внучку. И никого у него не было болѣе на свѣтѣ. Самъ же онъ увѣчный: дерево повредило ногу.

— Идешь за возомъ-те, все припадаешь... А лошадь-те рѣзва... Этто ушла впередъ, бѣжалъ я, бѣжалъ за ней, потомъ легъ на дорогѣ и заплакалъ... А на сердцѣ-то, братецъ, все объ сынѣ тоска... Что станешь дѣлать.

— А что же въ старости-то будетъ? — спросилъ я, вспомнивъ начало его рѣчи.

У мужика глаза засвѣтились какою-то радостью.

— Да вѣдь старику-то мнѣ, какъ выдамъ внучку-те замужъ, можно и со Христовымъ именемъ идти. Мнѣ вѣдь, какъ ты думаешь—всякій тогда подастъ, старику-те... А теперь стыдъ!.. Только бы какъ-нибудь годовъ 15 промаяться помогъ бы Господь...

И на лицѣ его свѣтилось предвкушеніе спокойнаго пользованія Христовымъ именемъ, безъ стыда, по всѣми признанному праву...

— Я Христовымъ именемъ сыта, — говорила мнѣ въ другомъ мѣстѣ древняя старуха. — Слава-те Господи,—кормитъ-поитъ меня Христосъ батюшка... Довольна. И одежа мнѣ тоже Христова идетъ...

Такимъ тономъ говорятъ люди, получающіе по праву небогатое, но приличное содержаніе, въ видѣ выслуженнаго пенсіона...

И дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ деревни и села имѣютъ своихъ нищихъ, занимающихъ почти оффиціальное положеніе... Съ давнихъ поръ, какъ извѣстно, на Руси церкви имѣли свою собственную нищую братію, монополизировавшую церковные дворы, паперти и ворота. Еще до Петра Великаго дѣлались попытки придать этому явленію характеръ правильной общественной благотворительности, и при церквахъ повелѣно было строить „богадѣльни“ для пріюта нищимъ. Богадѣльни эти кое-гдѣ стоятъ и до сихъ поръ, и я самъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ получилъ приглашеніе священника отправиться въ „богадѣльню“ для составленія списка. Оказалось, однако, что названіе „богадѣльни“ составляетъ единственный остатокъ филантропическихъ попытокъ московскаго правительства: дома при церквахъ построены, и — такъ съ тѣхъ поръ подновляются и строятся, нося то же имя, но

исполняютъ они должность или сторожки, или въ нихъ помѣщается причетникъ, кой-гдѣ — церковно-приходская школа... Тѣмъ не менѣе, „свои нищіе“ во многихъ мѣстахъ попрежнему занимаютъ въ общемъ строѣ деревни опредѣленное мѣсто...

— Мы всетаки поберегаемъ ихъ, не оставляемъ, — говорилъ мнѣ первый спутникъ перваго дня моихъ скитаній...— Теперича скажемъ, у меня померла мать старуха—въ самую, напримѣръ, страдную пору. Народъ весь въ полѣ, въ церковь что есть и пойти-то некому, помянуть, проводить, помолиться. А на тотъ случай у насъ старички со старухами живутъ. Значитъ, жена у меня должна испечь про нихъ коровашекъ, а они, люди божіи,—помолятся и помянутъ порядочно, какъ слѣдуетъ...

За этими привилегированными нищими, изъ которыхъ многіе не ходятъ даже за милостыней, довольствуясь тѣмъ, что имъ подадутъ въ церкви или принесутъ односельцы на домъ, „поминаючи родителей“,—слѣдуетъ значительный контингентъ тоже признанныхъ нищихъ, другого порядка. Первые—люди до извѣстной степени божіи, церковные, искусники въ поминаніи и въ другихъ житейскихъ, требующихъ особаго моленія, случаяхъ, или угодные своей жизнью. Вторые — ходятъ подъ окнами съ Христовымъ именемъ и молитвой, собирая на бѣдность и комплектуясь изъ рядовъ того же крестьянства, впавшаго въ нужду отъ разныхъ причинъ, — старцы, увѣчные, сироты и убогіе... Въ послѣдніе годы этотъ пластъ бродячаго нищенства, по наблюденію знающихъ людей, все возрастаетъ, откладывается все прочнѣе и гуще... Онъ вырабатываетъ свои особенные типы, сжившіеся со своимъ положеніемъ, часто имъ злоупотребляющіе и уже не желающіе ничего другого.

— Не пиши Анну, не надо,—сказали мнѣ въ одномъ мѣстѣ, при составленіи списка для столовой.

— Что же, у ней свой хлѣбъ есть, что ли?

— Какой у нея хлѣбъ!.. Дыбаетъ, кое-гдѣ, у насъ же проситъ.

— Больна, что ли?

— Хоть карету на ней вези, ничего, утащитъ!.. Да ты ее сколь ни корми, она все по окнамъ ходить не броситъ...

Въ Пичингушахъ у насъ возникъ цѣлый вопросъ о такихъ нищихъ, и я съ глубокимъ интересомъ прислушивался къ толкамъ мордвы по этому поводу.

Всѣ были согласны, что подаютъ теперь очень мало и что даже профессіональнымъ привычнымъ нищенкамъ стало очень

трудно кормиться именемъ Христовымъ. А вдобавокъ близилась ростепель. Зальетъ вода низины,—тогда хоть ложись да помирай. Итакъ, очевидно, что необходимо было дать имъ всѣмъ убѣжище въ столовой безъ исключенія, въ томъ числѣ и тѣмъ, которыя завѣдомо не бросятъ „ходить по окнамъ“.

— Пишите всѣхъ,—сказалъ, наконецъ, одинъ изъ мірянъ,— а мы міромъ старостѣ прикажемъ, чтобы имъ воспретить, чтобы, значитъ, не клянчили.

Предложеніе это, однако, вызвало общій ропотъ.

— Какъ это можно, что вы! Зачѣмъ „мимо креста ходъ отымаете“. Нѣшто можно воспретить. Пособія не хватитъ, поневолѣ пойдешь.

— Да вѣдь о столовой говорятъ.

— Такъ что... Она пойдетъ въ столовую, а у другой еще дѣти. Пущай сбираютъ... Не подавай, коли такъ, а Христова имени отымать нельзя...

— Да вѣдь какъ не подашь, когда придетъ она.

— Плачешь, а подаешь...

— Не дать невозможно.

— Ну, да ужъ пишите, господинъ, и эту... А тамъ, какъ ея совѣсть дозволитъ...

— И намъ, какъ совѣсть дозволитъ... Кто подастъ, а то и прости Христа ради... Пусть не взыщетъ...

И мы записали эту старуху, о которой шла рѣчь, и много другихъ такихъ же старухъ; нѣкоторыя изъ нихъ всетаки „ходили по окнамъ“, не являлись по нѣскольку дней, тогда ихъ пайки отдавались другимъ, но „ходъ мимо крестовъ“, по выраженію мордвы, всетаки не воспрещался.

И раньше этого, и послѣ мнѣ приходилось встрѣчать не разъ толки объ этомъ вопросѣ въ обществѣ и печати. И мнѣ кажется, что всегда разумное рѣшеніе совпадало съ тѣмъ, какое постановила мордва въ селѣ Пичингушахъ (такъ же, впрочемъ, рѣшался этотъ вопросъ всюду самимъ народомъ). Есть въ Нижнемъ-Новгородѣ очень оригинальный самобытный человѣкъ А. А. Зарубинъ *), человѣкъ малообразованный, изъ виночерпіевъ, но обладающій гражданскимъ мужествомъ и тѣмъ, что французы зовутъ „мужествомъ своего мнѣнія“. Онъ любитъ порой вспоминать старину, и въ одномъ засѣданіи губернской продовольственной комиссіи господа хлѣбные торговцы имѣли удовольствіе выслушать отъ него напоминаніе объ извѣстномъ указѣ Бориса Годунова, касавшемся хлѣбныхъ скупщиковъ. „И таковыхъ“,—цитировалъ съ видимымъ

*) Умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ голоднаго года.

сочувствіемъ г. Зарубинъ, — „бить кнутомъ нещадно“. А. А. Зарубину казалось, что на этой почвѣ легко разрѣшить многіе продовольственные вопросы и въ наши, сильно усложнившіяся времена... Такъ же легко и прямолинейно онъ разрѣшалъ вопросъ о нищенствѣ. Онъ предлагалъ построить рабочіе дома и пріюты, на что слѣдуетъ употребить тѣ самыя средства, которыя подаются теперь у церквей и на улицахъ. Г. Зарубинъ обратился къ архіерею (Владиміру), — съ просьбой о томъ, чтобы въ церквахъ говорились проповѣди противъ нынѣшней формы милостыни, съ рекомендаціей болѣе цѣлесообразнаго употребленія денегъ на рабочіе дома и пріюты. Архіерей отвѣтилъ на это, что нужно начинать не съ этого конца: пусть прежде возникнутъ новыя формы христіанской помощи и докажутъ на дѣлѣ свою жизненность и полезность. Постройте вашу новую храмину, и тогда старая, приходящая въ ветхость, упразднится сама собою, за ненадобностью.

Въ этомъ весь узелъ вопроса, вся его „злоба“, сохраняющая свою остроту вотъ уже нѣсколько вѣковъ. Еще до-петровская Русь знала уже и сознательно ставила передъ собою всѣ неприглядныя стороны этого стихійнаго явленія. Язва нищенства, злоупотреблявшаго Христовымъ именемъ, уже пугала московское правительство. „Чернецы и черницы, безмѣстные попы и діаконы, также крестьяне и гулящіе люди, безчинно и неискусно, подвязавъ руки и ноги, а иные и глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просили на Христово имя“, и такихъ велѣно было имать и отсылать въ приказы. Въ виду этого уже со времени, если не ошибаюсь, Алексѣя Михайловича, велѣно строить богадѣльни при церквахъ, а также устраивать пріюты въ монастыряхъ. Но изъ богадѣленъ и монастырей, по причинамъ, нынѣ намъ весьма понятнымъ, призрѣваемые бѣжали, — потому, конечно, что не получали тамъ никакого кормленія... Правительство поступало тогда по программѣ г-на Зарубина— бѣглыхъ нищихъ ловили и наказывали, и даже подававшихъ на улицахъ имали и брали съ нихъ пеню...

Разумѣется, нужна вся гибкость славянофильскаго витійства, чтобы идеализировать даже эту язву непокрытаго нищенства до-петровской Руси и возводить ее въ перлъ истинно христіанскихъ отношеній между имущими классами и нищей братіей. Но чрезвычайно опасно также дѣйствовать однѣми формальными мѣрами и особенно запрещеніями. Создайте прежде новую храмину и уже тогда пусть упраздняется старое... А до тѣхъ поръ нужно щадить печальное, правда, унизительное, но стихійное, вѣками сложившееся историческое

явленіе, и нельзя „отымать ходъ мимо крестовъ“. Это испытала на себѣ и старая Русь, въ видѣ жестокихъ бунтовъ на Москвѣ, когда даже драгуны соединялись со всякихъ чиновъ московскими людишками, разбивали приказы и отымали арестованныхъ „странныхъ и нищихъ людей“...

Безъ сомнѣнія, и самое нищенство, и его злоупотребленія являлись въ Бѣлокаменной въ сгущенномъ, сосредоточенномъ видѣ... Однако, нельзя не пожалѣть, что въ существѣ своемъ вопросъ этотъ и до сихъ поръ не получилъ у насъ никакого раціональнаго исхода. Запрещенія остались, разумѣется, мертвою буквою, а въ прошломъ Россіи не хватило заждущей силы для созданія „новой храмины“... Въ городахъ кое-что возникаетъ уже на смѣну старому, но деревня живетъ вся стихійными и неорганизованными процессами... Профессіональное нищенство сказывается здѣсь порой не особенно симпатичными формами, а голодные годы его только укрѣпляютъ. Нищій ребенокъ отъ нищенки матери, можетъ быть, уже внукъ нищаго дѣда—или гибнетъ на глазахъ у благодушной деревенской Руси, или складывается и наслѣдственно, и воспитаніемъ въ совершенно особеннаго человѣка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ приходилось слышать отмѣченныя простодушнымъ юморомъ жалобы деревни на своихъ нищихъ, слишкомъ широко понимающихъ свою нищенскую привилегію.

— Не подашь или мало подашь, — она вѣдь какъ обругаетъ,—говорили мнѣ объ одной такой нищенкѣ,—просто со стыда сгоришь!

— Да, строгая...

— Язвительная старуха.

— Давеча подалъ ей... что ужъ... извѣстно лебеда одна... Ты, говоритъ, это Христу-то, что подаешь?.. Это, говоритъ,— свиньѣ бросить, такъ и то въ пору...

— Сами, молъ, бабушка, тоже травой подавились. Не взыщи, молъ...

— Поди съ ней, съ эдакой, поговори.

Въ другомъ мѣстѣ я внесъ въ свой списокъ мальчишку, сироту. Его бабка, такого же типа, какъ и описанная выше, уходила на цѣлыя недѣли, оставляя питомца безъ призора, въ полной увѣренности, что онъ не пропадетъ и одинъ, оставленный въ опустѣвшемъ гнѣздѣ. И, дѣйствительно, „слетышъ“ съ младыхъ ногтей оказался уже приспособленнымъ къ своему роду жизни.

— Этто вхожу подъ вечеръ въ избу, изъ лѣсу вернулся,— разсказывалъ одинъ изъ „стариковъ“, улыбаясь, пока я заканчивалъ свой списокъ и отмѣчалъ мимоходомъ происхо-

дившіе въ сборной разговоры,—гляжу: ребята у меня на полу плачутъ. А уходилъ, — всѣ на печи сидѣли... Что, говорю, плачете, пошто на полъ слѣзли?.. Глядь, а на печи-те Гришка сидитъ, обобралъ всѣ куски у нихъ; самъ уплетаетъ, ажно глазы оттуда блестятъ съ печи-те...

— Вишь ты, кукушонокъ!..

— Невелика птичка, да ноготокъ востеръ.

— Пиши его, ваше благородіе, пиши! Все, можетъ, въ столовой-те налопается, не станетъ у нашихъ ребятъ кусокъ отымать...

Деревня, конечно, и видитъ, и знаетъ все это, и, однако, она свято чтитъ право Христова имени. Самонадѣянные „практики", монополизировавшіе теперь за собой знаніе народной жизни,—расправляются по своему и съ этимъ глубоко залегающимъ бытовымъ явленіемъ. Признаюсь, мнѣ стало жутко, когда я услыхалъ, еще въ мартѣ, что въ нѣкоторыхъ селахъ въ участкѣ г-на Пушкина урядники гоняютъ нищихъ. Очевидно, урядники посягали на право „идти мимо крестовъ" не по своей иниціативѣ: это лукояновская система по своему искореняла нищенство въ видахъ полемики съ губерніей. Народъ отзывался объ этой мѣрѣ съ глухимъ, но глубокимъ негодованіемъ, — и великое счастіе, что усилія урядниковъ остались до смѣшного безсильны: дѣтски-самонадѣянная попытка напоминала просто стремленіе загородить ходъ весеннимъ потокамъ глыбою снѣга. Урядники потормошились нѣсколько дней въ двухъ селахъ и бросили...

И опять нищіе шли вереницами, порой толпами, и подъ окнами невозбранно раздавалось имя Христово... Народъ знаетъ лучше, чѣмъ „практическіе знатоки его жизни", что рѣзкими злоупотребленіями не исчерпывается самое явленіе, и при томъ, вѣдь, это онъ же сложилъ нашу горькую россійскую поговорку: отъ сумы, какъ и отъ тюрьмы, не зарекайся.

Въ томъ-то и дѣло, что явленіе это живое и болящее, что оно не покрывается простой и огульной характеристикой. Въ одной экономіи мнѣ разсказали такой случай: когда нищіе хлынули толпами,—пришлось поневолѣ сокращать выдачи до ничтожныхъ кусочковъ. Тогда нѣкоторыя нищенки ухитрились обойти это неудобство. Получивъ на свою долю, онѣ уходили за большія полѣнницы дровъ и, обмѣнявшись платками, тотчасъ же возвращались назадъ. Такъ, мѣняя платки, кафтаны, закрывая лица,—онѣ обманывали экономію, пока хитрость не была открыта.

И тутъ же, непосредственно послѣ этого, можетъ быть, и простительнаго, но все же некрасиваго эпизода, мнѣ была

разсказана слѣдующая грустная повѣсть. Хозяйка зажиточной избы услышала за окномъ робкій голосъ. Выглянула—никого. Черезъ нѣкоторое время тихая молитва зазвучала опять, и опять никого. Но тутъ уже хозяйка замѣтила, что кто-то прижался къ стѣнѣ. Оказалось, что это сосѣдка, въ первый еще разъ въ своей жизни прибѣгнувшая къ милостынѣ. Она вышла изъ дому, побуждаемая крикомъ дѣтей, и, сгорая отъ стыда, заводила нищенскую пѣсню. Но каждый разъ она не могла побѣдить себя, когда на нее смотрѣли, и инстинктивно прижималась къ простѣнку... А дома все плакали голодныя дѣти, и она опять шла, и такъ проходили долгіе часы перваго нищенскаго дня между мукой горькой нужды и жгучимъ мученіемъ стыда.

Вообще, стыдомъ и мученіемъ сопровождалось это явленіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потому что голодный годъ къ двумъ указаннымъ выше разрядамъ прибавилъ третій. Это былъ, именно, тотъ промежуточный послѣдній пластъ крестьянства, который еще держался въ числѣ „жителей“ и которыхъ неурожай столкнулъ съ этой ступеньки. Они пошли тоже съ Христовымъ именемъ, — нѣкоторые навсегда, другіе съ надеждой на будущій урожай, на милость Господню, которая еще дастъ имъ подняться. И этотъ новый пластъ новаго нищенства поглотилъ оба прежніе разряда... Просить въ своей деревнѣ, гдѣ еще недавно этихъ нищихъ знали за хозяевъ, жителей, крестьянъ, за домовитыхъ, хотя и небогатыхъ крестьянокъ, — всего тяжелѣе, и потому, по большей части, непривычные нищіе старались уйти, по крайней мѣрѣ, въ чужое село, гдѣ ихъ не узнавали въ лицо.

— Наши завсе къ нимъ, а ихніе нищіе къ намъ такъ всю зиму и ходили, точно шерсть бьютъ, — картинно охарактеризовалъ мнѣ эту стыдливую взаимность крестьянинъ, отвозившій меня изъ села Никшени въ Большое Болдино...

Впослѣдствіи, уже лѣтомъ, пришлось мнѣ уѣзжать изъ большого села Кельдюшева, и я попросилъ нанять мнѣ лошадь. Я избѣгалъ пользоваться обывательскими лошадьми, чтобы не придавать своимъ поѣздкамъ характера оффиціальности, но на этотъ разъ, зная, что я плачу прогоны, мірской ямщикъ настоялъ на своемъ правѣ везти меня на своей совершенно заморенной клячѣ.

— Да я тебѣ еще, ваше благородіе, колоколъ подвѣшу, — утѣшалъ онъ меня не безъ ироніи, почти насильно усаживая въ таратайку. Однако, дорогой исключительная худоба и негодность мірского буцефала служили для насъ единственнымъ предметомъ разговора.

— И въ полѣ-то, почитай, не работала, — говорилъ мнѣ ямщикъ, задумчиво вытягивая клячу ласковымъ ударомъ кнута.

— Все начальство, что ли, возила? — соболѣзновалъ я.

— Начальство само собой, съ ногъ сбили! А этто вотъ еще нищіе замаяли.

— Это еще какъ? Неужто нищихъ тоже на мірской счетъ развозите?

— Повезешь, какъ его ноги не носятъ... Хлѣбъ народишко-те пріѣлъ, подаютъ по экому вотъ кусочку, съ ноготь, — что станешь дѣлать... Бродитъ онъ, бродитъ, можетъ сотню верстъ отъ дому-те отошелъ... Убезсилѣетъ, конечно, свалится у дороги, то и гляди подбираютъ...

— Ну, и что же?

— Ну, и вези его, отъ села къ селу, по десятникамъ, на обывательскихъ... А то еще дорогой помретъ, чистая съ ними склека...

Это было уже въ позднее время, передъ новымъ хлѣбомъ... Всѣ запасы исчезли, и даже значительно усиленная (послѣ побѣды губернской политики) ссуда только отчасти смягчала нужду. Народъ тянулся изъ послѣдняго, до сбора хлѣба, — крестьянская Русь изнемогала, а нищенствующая переживала самое тягостное время и, — какъ видимъ изъ этого безхитростнаго разсказа, — гибла, „убезсиливая“ на дорогахъ.

Но до тѣхъ поръ сила Христова имени оказала нашей родинѣ своеобразную услугу, потому что, — за недостаткомъ другихъ, — это большая распредѣляющая сила. Въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянской избы есть и насущная потребность „подать ради Христа“, и много горечи въ положеніи семьи, которая на стукъ въ оконце и на молитву вынуждена отвѣтить: Богъ подастъ. Это значитъ, по большей части, что скоро, — быть можетъ завтра — и эта семья выйдетъ на ту же скорбную тропу.

Есть въ Лукояновскомъ уѣздѣ деревня Роксажонъ, лежащая на самой границѣ съ уѣздомъ Сергачскимъ. Ручеекъ и досчатый мостикъ отдѣляютъ деревню отъ такой же сосѣдней, лежащей уже въ участкѣ г-на Ермолова, соблазнявшаго лукояновцевъ систематическимъ и сравнительно обильнымъ кормленіемъ. Въ Роксажонъ я пріѣхалъ ранней весной открывать свою столовую, и одновременно со мной вошелъ въ деревню старикъ нищій. Долго, пока собирался народъ въ сборную, я слѣдилъ за нищимъ, какъ онъ шелъ по порядку, затягивая подъ каждымъ окномъ свой напѣвъ:

— Господи Іисусе Христе...

И рѣдкое окно не открывалось, и изъ рѣдкаго окна не протягивалась рука съ маленькимъ кусочкомъ хлѣба. На Сергачской сторонѣ это былъ порядочный всетаки хлѣбъ, хотя и съ замѣтной примѣсью лебеды. Въ Роксажонѣ — это была лебеда, съ едва замѣтной примѣсью ржаного хлѣба... Но подавали въ обѣихъ...

Впослѣдствіи мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ Большомъ Болдинѣ, и почти случайно я наткнулся тамъ на трогательное объясненіе этого единодушія, этого поистинѣ самоотверженнаго милосердія, заставляющаго отдавать предпослѣдній кусокъ хлѣба тому, кто уже съѣлъ послѣдній... Общественное значеніе этого явленія въ нашей некультурной и безправной странѣ и громадно, и понятно. Вмѣсто того, чтобы одному замкнуться со строго-разсчитаннымъ запасомъ своего хлѣба, едва хватающаго для себя, а другому умирать голодною смертью, — первый дѣлится со вторымъ, увеличиваетъ у себя примѣси суррогатовъ, тянетъ, пока можетъ, а когда не можетъ — идетъ и самъ съ сумой на спинѣ, съ именемъ Христа на устахъ. И вотъ, первые не умерли съ голоду, а вторые не доѣдали, хворали, и вся голодная Русь тяжело, кое-какъ перевалила къ новой жатвѣ. Христово имя если далеко не уравняло богача съ бѣднякомъ, то все же хоть до извѣстной степени сблизило эти разряды и даже богача заставило участвовать въ общемъ бѣдствіи. Пусть одной рукой онъ наживался порой отъ народной невзгоды, но все же и у него шло много хлѣба на милостыню, и онъ подмѣшивалъ нерѣдко лебеду къ своей ржи...

Итакъ, я жилъ въ Большомъ Болдинѣ, у вдовы содержателя постоялаго двора. Это была, правда, добрая старуха, о которой у меня осталось одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Землю у нея міръ отнялъ, и она съ двумя дочерьми кормилась, продолжая дѣло мужа. Жили онѣ безбѣдно, но и не богато, и, кажется, вдовѣ всетаки приходилось порой тяжеленько.

Разъ, проснувшись рано утромъ, я сѣлъ записать свои впечатлѣнія, а въ это время мимо окна прошла къ хозяйкѣ какая-то женщина. Потомъ другая, и вскорѣ обѣ онѣ вышли, и обѣ, проходя подъ моимъ окномъ, прятали за пазуху по ломтю хлѣба. Я сталъ считать вновь приходящихъ и насчиталъ въ $1^1/_2$ часа около десяти человѣкъ.

— А много къ вамъ нищенокъ ходитъ, — сказалъ я, когда хозяйка вошла съ самоваромъ.

— Много, — отвѣтила старуха спокойно.

— Я вотъ гляжу уже болѣе часу...

— И-и... Этто что! Поглядѣлъ бы ты поранѣе, часовъ съ четырехъ... Теперь скоро и совсѣмъ перестанутъ, къ полудню.

— И все подаете?

— Какъ не подашь.

— Чай, много хлѣба уходитъ.

— И не считаемъ мы, не годится считать.

— Почему?

— Хуже будетъ. Вѣрно,—не смѣйся! Этто своякъ у меня въ N—скомъ селѣ живетъ. Такъ онъ, слышь ты, усчитать себя вздумалъ. Много, молъ, хлѣба подаемъ. Дай-ка, говоритъ, сосчитаю одну недѣлю, а на другую не стану подавать, погляжу, много ли, молъ, менѣе на однихъ насъ уйдетъ...

— Ну?

— То-то вотъ, какъ усчиталъ, анъ на свою-то семью, безъ нищихъ-те, вдвое и вышло.

Эту легенду мнѣ пришлось слышать не однажды, и всякій разъ она повторялась съ увѣренностію совершенно испытанной реальной истины. Когда мы говоримъ порой, что „много есть на свѣтѣ, другъ Гораціо, чего не снилось нашимъ мудрецамъ“, — то это для насъ вопросъ отвлеченный и теоретическій. Когда же народъ передаетъ свою легенду объ усчитанномъ хлѣбѣ, то для него это настоящее и близкое, самое практическое соображеніе, которое, помимо всего прочаго, выгодно принять къ руководству... И передъ этой увѣренностію, передъ силой этой легенды исчезаютъ и стираются отдѣльныя индивидуальности, вырабатывается нѣкоторая общая, мірская добродѣтель, создается цѣлая общественная сила.

Въ другой разъ мнѣ довелось ѣхать на почтовыхъ на югъ уѣзда, по большому тракту. Со мною поѣхалъ за ямщика содержатель станціи, личность съ сиплымъ голосомъ и жесткимъ нравомъ. Самъ человѣкъ зажиточный и, повидимому, кремень, онъ, какъ я слышалъ, изрядно прижималъ ямщиковъ, находя, что голодный годъ какъ разъ подходящее время для того, чтобы сбавить плату. А такъ какъ тѣ упирались и выражали другія мнѣнія, то между нимъ и „народомъ“ установились тѣ „истинно-практическія“ отношенія, которыя намъ достаточно извѣстны изъ многихъ другихъ примѣровъ. Всѣ его отзывы были желчны, враждебны, и его менѣе всего можно было заподозрить въ гуманности. И, однако, онъ расходился съ лукояновскими „господами“ въ одномъ: не порицалъ правительство за выдачу ссуды.

— Помилуйте, вѣдь это бѣда была бы. Хлѣба одного уходило, — не напасешься.

— На милостыню?

— Ну-ну!

— А вы считали?

— Не считали, а видно.

— Не подавали бы... — закинулъ я, ожидая, что онъ скажетъ.

— Какъ не подать. Не подашь ему, оттого у тебя больше не станетъ, а всетаки меньше...

— Это какъ?

— Такъ, господинъ, ужъ это вѣрно...

Я зналъ уже, почему „это вѣрно“, и мнѣ на этотъ разъ было чрезвычайно интересно слѣдить, съ какимъ выраженіемъ онъ произносилъ слово ему. Это былъ тонъ истаго „лукояновца“, много и навѣрное сочувственно толковавшаго съ лукояновскими господами, разъѣзжавшимися со своихъ сократительныхъ засѣданій,—объ его („пьяницы и лѣнтяя“) мерзостяхъ и порокахъ. Во всякомъ случаѣ, менѣе всего было въ этомъ тонѣ христіанской любви и снисхожденія къ ближнему...

Но легенда жива въ его воображеніи, и результаты получаются тѣ же. И впослѣдствіи не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ приходилось слышать ту же легенду, видѣть доброе дѣло, исходившее изъ дурныхъ рукъ и не сопровождавшееся любовью... Хотя, конечно, чаще можно было видѣть тотъ же кусокъ хлѣба, подаваемый съ ласковымъ, ободряющимъ словомъ, съ добрымъ чувствомъ...

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, очень много трогательнаго, и подъ легендой бьется, конечно, то же вѣчное начало любви, разыскавшее для себя ощупью, годами и поколѣніями, эту наивную форму. Но развѣ для этого начала необходимы только такія формы? Мнѣ каждый разъ становится грустно, когда я подумаю, что эта народная доброта, эта огромная общественная сила, оказавшая въ голодный годъ такія громадныя услуги, избавившая нашу родину отъ бѣдствія и позора многихъ голодныхъ смертей,—въ значительной мѣрѣ покоится всетаки... на ариѳметической ошибкѣ...

Какъ бы то ни было, — читатель, надѣюсь, согласится со мною, что явленіе, которое я пытался обрисовать здѣсь этими сбивчивыми и слишкомъ бѣглыми чертами,—полно глубокаго смысла и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Нищенство на Руси—это грандіозная народная сила, измѣнчивая и

упругая, то поглощающая въ себѣ огромныя массы, то опять выдѣляющая ихъ изъ своихъ нѣдръ. Для внимательнаго взгляда — это показатель самыхъ серьезныхъ и глубокихъ измѣненій въ глубинахъ народной жизни. Это уравнитель и буферъ, до извѣстной степени устраняющій многія опасности, — и, во всякомъ случаѣ, о нихъ предупреждающій, если сумѣть воспользоваться его указаніями. Вспомнимъ хотя бы о томъ, что всѣ самыя мрачныя страницы нашей исторіи всегда обильны стереотипнымъ припѣвомъ: „толпы нищихъ бродили по дорогамъ"... И самая страшная историческая ошибка состояла въ легкомысленномъ мнѣніи, что съ этимъ явленіемъ можно бороться внѣшними мѣрами...

Всѣ эти мысли, съ большей или меньшей ясностью, мелькали у меня въ умѣ, когда мы ѣхали въ обратный путь изъ лукояновской Камчатки... И мнѣ невольно становилось жутко и страшно этой весны... Туманъ набирается надъ снѣжными далями, сгущаются облака, носятся и каркаютъ вороны. Дорога рушится, и скоро уже, скоро всѣ эти Шандровы, Чеварды, Петровки и Обуховки очутятся въ весенней осадѣ, отрѣзанными отъ всего міра... А между тѣмъ, уѣздная комиссія, обмирающая, какъ уже было сказано, на двѣ недѣли, — въ послѣднемъ засѣданіи рѣшила продолжить этотъ періодъ спячки: 7 марта постановлено, что 21 марта и 5 апрѣля обычныхъ засѣданій не будетъ. Итакъ, — полтора мѣсяца уѣздъ будетъ безъ центральнаго продовольственнаго органа и это—въ самое критическое время!

Вотъ что по мнѣнію лукояновскихъ земскихъ начальниковъ значило: „спокойно заниматься своимъ дѣломъ".

XVI.

Интересная этнографическая группа.—Недоразумѣніе.—„На одно лицо".—Малые надѣлы.

Да, наша русская жизнь, несомнѣнно, обладаетъ той особенностью, о которой мнѣ приходилось уже говорить: всѣ слѣды на ней затягиваются быстро, полно и незамѣтно. Пролетитъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ русской земли въ сухіе годы красный пѣтухъ, освѣтится она заревомъ, пронесутся крики и стоны, потянутся по дорогамъ телѣги, сопровождаемыя изможденными и усталыми погорѣльцами,—и, смотришь, опять на прежнихъ мѣстахъ становятся избяные срубы, опять крыши покрываются соломой и опять стоитъ себѣ деревянно-соломенная Русь, съ надеждой на Бога и со смиреніемъ го-

товая принять новое „попущеніе“. А о пожарѣ уже забыли, и даже деревенская хронологія не считается съ нимъ. Очень рѣдко услышите вы въ деревнѣ фразу: „это было до пожара“ или „послѣ пожара“. Гдѣ ихъ всѣ-то упомнить, пожары-то эти! Столько ихъ было—и большихъ, и малыхъ, и середнихъ, что ужъ и не различишь въ памяти. И такъ все у насъ. Письменность слаба, мемуаристовъ мало, и проходитъ событіе за событіемъ, туча за тучей, гроза за грозой, не отмѣчаясь въ народной памяти, и если оставитъ какая-нибудь буря свой отголосокъ въ народной пѣснѣ, то такой смутный, глухой и неопредѣленный, что по немъ даже не узнаешь, въ чемъ тутъ дѣло...

На сей разъ мысли эти вызваны во мнѣ „кочубействомъ“.

Говоря въ одномъ изъ прошлыхъ очерковъ о „Василевомъ-Майданѣ“, я упомянулъ уже объ интересной этнографической группѣ, населяющей значительную часть Лукояновскаго уѣзда. Василевъ-Майданъ, расположенной на большой дорогѣ, протянувшейся изъ Лукоянова въ Починки, а оттуда далѣе на югъ въ Пензенскую губернію, представляетъ, если не ошибаюсь, послѣдній, самый западный пунктъ разселенія этой группы. Центръ ея — Новая слобода въ сорока верстахъ на юго-востокъ отъ Лукоянова. Вокругъ кочубеевской слободы,— ближе—гуще, подалѣе—рѣже,—разсыпаны села (майданы), деревушки и поселки, жители которыхъ отличаются отъ остального населенія говоромъ, одеждой и отчасти (слабо) обычаемъ.

Появились они здѣсь болѣе ста лѣтъ назадъ. Ну, какъ бы, кажется, не помнить этимъ тысячамъ людей, переселеннымъ съ родины въ чужое мѣсто, — откуда пришли ихъ дѣды или прадѣды. Но „кочубейство“ не помнитъ. „Кто знаетъ? Кочубейство, да кочубейство, — а болѣе не знаемъ. Говорятъ про насъ разно: паны, будакѝ, литва, поляки, черкасы... А съ какой именно земли, — „неизвѣстно“. Одежда съ поясами и „поньками“ изъ самодѣльнаго сукна, головные платки, повязанные особеннымъ образомъ (узломъ наверху головы, вродѣ малороссійской кички), мягкій говоръ, порой съ малорусскимъ на ò, порой съ бѣлорусскимъ произношеніемъ, кой-гдѣ мазаная хатка, кое-гдѣ обрывокъ пѣсни, и всюду типическія, сохранившія свои отличія физіономіи (преимущественно у женщинъ),—говорятъ о какой-то иной родинѣ. Но опредѣленныя воспоминанія объ этой старой родинѣ исчезли.

Въ уѣздѣ я слышалъ, будто есть гдѣ-то старая „лѣтопись“, въ которой „все написано по старинѣ“. Однако, кажется, рѣчь шла лишь о церковной записи, которою отчасти пользовался

священникъ о. Г—въ, авторъ брошюры о Василевомъ-Майданѣ (на которую мнѣ уже приходилось ссылаться). По словамъ Г. Г—ва, „жители села Василева-Майдана—малороссійскаго племени *), вывезены изъ Черниговской губерніи, Батурина и Опотечъ (?)... Вмѣстѣ со многими другими, находившимися въ крѣпостной зависимости у графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и жены его Варвары Петровны, они вывезены сюда на жительство въ свободные лѣса изъ малороссійскихъ имѣній Разумовскихъ **). Первоначальное мѣсто поселенія было сплошь покрыто лѣсами,—такъ что первые пришельцы должны были здѣсь останавливаться на небольшихъ полянахъ,—и эти мѣста, извѣстныя здѣсь подъ именемъ „майдановъ-полянъ“, послужили поводомъ къ названію селеній. Такъ, напримѣръ, Василевъ-Майданъ,—иначе Василевъ-Станъ, получилъ, вѣроятно, свое названіе отъ имени главнаго вожака переселенцевъ, остановившагося на этомъ мѣстѣ со своей партіей,—Василья; Елфимовъ-Майданъ—отъ Ефима и т. п.“.

Къ этимъ чертамъ можно прибавить еще смутныя воспоминанія о томъ, что не разъ и въ крѣпостныя времена бывали голодные годы, когда бѣдные „паны“ ѣли „жилыя колоды (!), желуди и мякину, а о посѣвахъ нечего было и думать“. Ну, и разумѣется, какъ это бывало всюду на Руси,—„крестьяне самовольно уходили кто куда могъ, кто куда зналъ, никто объ этомъ не спрашивалъ, бѣглаго никто не искалъ“. „Паны брели врозь“ со своей новой родины.

Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія огромныя жалованныя владѣнія Разумовскихъ, населенныя переселенцами, распались на двѣ части: одна пошла въ приданое князю Кочубею, другая Рѣпнину. Этотъ послѣдній владѣлецъ былъ хозяиномъ Василева-Майдана, гдѣ и донынѣ одна мѣстность называется „Рѣпнинскими или Рѣпьевскими сѣчами“. Впослѣдствіи Василевъ-Майданъ и нѣкоторыя болѣе западныя поселенія перешли къ кн. Витгенштейну, а отъ него къ Ѳедору Петро-

*) Малороссами же называетъ всю группу Н. П. Русиновъ въ статьѣ, помѣщенной во 2-мъ томѣ „Нижегор. Сборника“, издававшагося подъ редакціей А. С. Гацискаго.

**) Авторъ относитъ переселеніе къ концу XVII или началу XVIII вѣка, но это, повидимому, ошибка. Такъ какъ рѣчь идетъ, очевидно, о сынѣ бывшаго гетмана Кирилла Гр. Разумовскаго, то переселеніе должно было совершиться уже при Екатеринѣ. Съ другой стороны, авторъ говоритъ о построеніи перваго храма въ Василевомъ-Майданѣ въ 1716 году, т. е. еще при Петрѣ. Это или тоже ошибка, или переселенцы-малороссы изъ имѣній Разумовскаго могли быть поселены въ готовомъ селѣ, изъ котораго жители разбѣжались (это вѣдь у насъ бывало), или, наконецъ, они вышли, дѣйствительно, гораздо ранѣе.

вичу Лубяновскому. Восточная, болѣе значительная часть бывшихъ имѣній Разумовскихъ осталась за Кочубеями, и центръ ихъ, Новая слобода, до сихъ поръ носитъ мѣстное названіе „Кочубеевской слободы“, а тянувшія къ ней по крѣпостной зависимости села и деревни извѣстны подъ общимъ названіемъ „Кочубейства“.

Въ „Новой слободѣ“ воспоминанія о прошломъ также смутны. Одинъ служащій въ кочубеевской вотчинной конторѣ, состарившійся среди черныхъ шкафовъ съ разными „вотчинными дѣлами“, почерпнулъ изъ запаса своей старой памяти нѣсколько обрывковъ: слободское и около-слободское населеніе составилось, повидимому, не въ разъ и не изъ одного мѣста. Разныя названія, какъ будаки (будто бы отъ обуви, вродѣ „котовъ“), паны (изъ польскихъ краевъ), лемаенки (изъ Малороссіи), — обозначаютъ разныя наслоенія этого пришлаго люда. Первая церковь куплена стариками на сносъ, въ селѣ Березенкахъ (около Починокъ) и перевезена въ слободу въ 1791 г. Въ двадцатыхъ годахъ управляющій кочубеевскими вотчинами Карауловъ вздумалъ было заняться „обрушеніемъ“ кочубеевцевъ. Въ чемъ собственно было дѣло и какой опасностью грозили несчастныя особенности „панскихъ“ костюмовъ—понять трудно, но только поньки (юбка изъ коричневаго грубаго домотканнаго сукна) и суконные же пояса, поверхъ поньки, — подверглись вдругъ жесточайшему гоненію. По приказанію Караулова, бурмистры рѣзали на бабахъ эти юбки, срывали пояса и водили ихъ въ такомъ видѣ по селу „для сраму“. Оказалось, однако, что народъ не отступился отъ своей одежды. Онъ забылъ свое происхожденіе и старую родину, оставилъ многіе обычаи, измѣнилъ въ значительной степени даже языкъ, — но вынесъ всѣ гоненія, и отстоялъ особенности костюма.

Къ этому нужно прибавить, что все это кочубейство, паны, будаки и лемаенки — народъ красивый, мягкій, какъ и ихъ говоръ, и добродушный. Женщины очень стройны, отличаются даже походкой, гибкой и граціозной, здоровьемъ и силой. Онѣ любятъ веселье и пѣсню (не въ нынѣшній, однако, годъ) и, говорятъ, не отличаются суровой добродѣтелью. Впрочемъ—honny soi qui mal y pense... Это, должно быть, такой же даръ старой родины, какъ рѣчь и одежда: въ крови осталось еще солнце тѣхъ странъ, гдѣ умѣютъ и пѣть, и любить, и веселиться. А жизнь на росчистяхъ изъ-подъ Муромскихъ лѣсовъ не красна...

22-го марта я направился въ юго-западную часть уѣзда и погрузился въ самыя нѣдра кочубейства.

Выше мнѣ приходилось уже говорить о положеніи продовольственнаго дѣла во 2-мъ земскомъ участкѣ, къ которому принадлежитъ свобода со всѣми прилегающими майданами и полянами. Уѣздная политика отразилась различно на описанной въ предыдущихъ очеркахъ залѣсной Камчаткѣ и на бѣдныхъ „панахъ“. Камчатка понесла жестокую контрибуцію въ началѣ войны уѣзда съ губерніей, контрибуцію, понизившую цифру ссуды до 5 фунтовъ. Однако, когда выяснилось, что и Нижній тоже не шутитъ, г. Бестужевъ ударилъ отбой, и цифра ссуды, поднявшись въ мартѣ, продолжала торопливо подниматься въ спискахъ на апрѣль. Итакъ, для Камчатки самое трудное время осталось назади. „Панамъ“ самое трудное время еще предстояло; въ отвѣтъ на нѣкоторыя мѣры, принятыя въ Нижнемъ, г. Пушкинъ сократилъ весеннія ссуды: въ мартѣ общія цифры понизились, и рѣдкія прежде выдачи по 30 фунтовъ для сиротъ и безземельныхъ—совсѣмъ исчезли. На апрѣль ожидали новаго проявленія того же сократительнаго направленія...

Часа въ два я сидѣлъ за столомъ въ сборной избѣ села Дубровки, занося въ записную книжку свои впечатлѣнія, пока въ избу тихо набирались „старики“. Мужики входили какіе-то угрюмые, молчаливые, въ толпѣ ясно чувствовалось напряженное и недовѣрчивое ожиданіе. Когда, видя, что изба почти полна, я обратился къ дубровцамъ съ нѣсколькими словами, объяснявшими цѣль моего пріѣзда, — мужики встрѣтили эти слова угрюмымъ молчаніемъ.

— Нѣтъ, — рѣшительно сказалъ, наконецъ, одинъ изъ толпы,—не выйдетъ!

— Что не выйдетъ?

— Этакъ не сойдется у насъ.

— Всѣ мы бѣдные!—загудѣла толпа,—всѣхъ поряду пиши, по порядку. Всѣмъ нужно! А этакъ не надо намъ!

— Тридцать человѣкъ накормите, а остальнымъ гладомъ, что ли, помирать!..

— Вотъ мнѣ въ хевралѣ давали, а ноньче отказъ!

— И мнѣ, и мнѣ... А намъ вотъ сбавили на 3-хъ человѣкъ!..

— Не выйдетъ... Нѣ-ѣтъ, не выйдетъ...

Я начиналъ понимать... Меня поражало вначалѣ то однообразіе впечатлѣній, которое я выносилъ съ сельскихъ сходовъ. Мастерская картина, набросанная Л. Н. Толстымъ въ его извѣстной брошюрѣ „Какъ помочь голодающему населе-

нію",—казалось, совершенно исчерпывала всѣ описанія всѣхъ этихъ собраній „стариковъ" для составленія списковъ столовыхъ,—съ ихъ краткими, мѣткими характеристиками отдѣльныхъ случаевъ нужды, съ ихъ серьезной правдивостью или благодушнымъ юморомъ. Читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что и мнѣ на протяженіи этихъ незатѣйливыхъ очерковъ приходилось не разъ повторять ту же, данную Л. Н. Толстымъ, картину, варьируя только это безконечное разнообразіе мѣткихъ народныхъ словечекъ... Однако, приглядываясь дальше, я невольно сталъ различать оттѣнки, которые все болѣе и болѣе глубокими чертами выдѣляли передо мной эти столь однообразныя вначалѣ картины, налагая на каждую отдѣльную „громаду—великаго человѣка" черты ея особенной индивидуальности. Угнетенная толпа „нежителей" сифилитической Петровки, шумливый сходы въ Кирлейкѣ (Пруды—тожъ), лукавые мордовскіе сходы, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло впослѣдствіи, наконецъ, сходы „пановъ", начавшіеся съ легкаго упорства въ Дубровкѣ и закончившіеся тяжелыми, почти потрясающими картинами, которыя мнѣ придется описать въ дальнѣйшихъ очеркахъ,—все это раздвинуло передо мной первоначальную, общую схему, выдвинуло индивидуальныя различія тамъ, гдѣ прежде царило полное сходство и однообразіе, гдѣ всѣ казались прежде „на одно лицо".

Но если мужикъ кажется „на одно лицо" намъ, имѣющимъ болѣе возможности и наблюдать, и анализировать его,—то уже совершенно понятно, что мы тоже кажемся „на одно лицо" мужику. Чиновникъ, полицейскій, земецъ, избранный на безсословномъ земскомъ собраніи, земскій начальникъ, несущій съ собой рѣзкій принципъ сословно-дворянскаго преобладанія, врачъ, служащій по найму отъ земства, и исправникъ, представитель чисто-административнаго начала, наконецъ,—частный благотворитель въ нѣмецкомъ платьѣ — всѣ мы для деревни просто „господа", дѣйствующіе заодно, по какому-то одному невѣдомому деревнѣ плану, „ихъ благородія" *), несущіе въ деревню какое-нибудь требованіе, поборъ и тяготу...

Въ сосѣднихъ уѣздахъ, въ сосѣдней губерніи выдачи производятся сравнительно щедро. Но вотъ, уѣздъ, постигнутый неурожаемъ въ высокой степени, получаетъ меньше другихъ, и въ самое трудное весеннее время „господа" начинаютъ еще сокращать ссуды. Мужикъ не понимаетъ причины, но отлично

---

*) Мнѣ стоило большого труда внушить мужикамъ, что я не имѣю права на этотъ титулъ.

чувствуетъ результаты, и при этихъ-то условіяхъ являюсь въ деревню Дубровку я, новое его благородіе, никому невѣдомое, и требую у мужиковъ, чтобы они назвали человѣкъ 30 „бѣднѣйшихъ“ для оказанія имъ помощи. Дубровка, при звонѣ колокольцовъ, ждала случая принести какому-нибудь „господину“ свои просьбы объ общей помощи. Дубровка разочарована и, кромѣ того, Дубровка подозрѣваетъ, что у господъ есть тутъ какой-то общій единый планъ, планъ довольно лукавый. Дубровка назоветъ 30 бѣднѣйшихъ и тѣмъ признаетъ, хотя и косвенно, что остальные не бѣдны, что остальные „продышутъ“ и сами.

И вотъ, мы съ Дубровкой стоимъ лицомъ къ лицу, а между нами стоитъ „недоразумѣніе“...

— Всѣхъ поряду пиши,—требуетъ Дубровка.— Всѣ равны, на поляхъ ни зерна не было. Работы нѣтъ. По хуторамъ усюду народу усилило...

Это правда. Отъ рабочихъ на хуторахъ нѣтъ отбою,—это говорили мнѣ управляющіе, и это не могло быть иначе.

— На степѣ тоже усилило народу, податься некуда.

И это опять правда: газеты были полны описаніями, какъ народъ голодный метался „по степѣ“, сбивая цѣны и не находя работы, такъ какъ самарская и саратовская степи тоже выгорѣли отъ засухи.

— Всѣ мы равны!.. Какіе мы жители! Земли у насъ по 5 сажень на душу!..

И это правда. Съ 5-ю саженями какіе жители! Впослѣдствіи, когда я пріѣзжалъ закрывать свои столовыя, Дубровка опять окружила меня, съ робкой надеждой, что я такой „господинъ“, который можетъ что-нибудь сдѣлать для нея,—что нибудь побольше столовыхъ. Старики съ глубокой скорбью рисовали передо мною положеніе деревни. Вплоть къ околицѣ примкнула помѣщичья (кочубеевская) земля; свои 5 сажень выпаханы совершенно. „Спросите кругомъ, — говорили мнѣ мужики:—спросите, кто работаетъ больше нашего? Никто! А спросите еще,—съ какого мѣсяца наши нищіе идутъ по деревнямъ съ сумами? Хорошо-хорошо, какъ съ новаго году“...

Да, это опять не зависитъ отъ „недорода“ въ нынѣшнемъ году. Помилуйте, — говорили мнѣ совсѣмъ съ другой стороны,—о чемъ тутъ кричать и волноваться. Посмотрите на тѣхъ же дубровцевъ или пралевцевъ... Да вѣдь это вѣчные нищіе. Это у нихъ всегда.

Я никогда не могъ понять эту точку зрѣнія. По-моему, тѣмъ хуже, тѣмъ больше причинъ волноваться и ставить во-

просы о томъ, какъ это могло случиться, и какъ это можетъ оставаться, и какъ можно съ этимъ мириться?

Въ данномъ случаѣ произошло это очень просто. Мы видѣли, какъ обездолили себя василево-майданцы. Тамъ, въ туманѣ легенды, являются всетаки какіе-то два проблематическіе субъекта съ „золотой грамотой“. Въ Дубровкѣ не было ничего подобнаго, и однако, когда пришло время освобожденія и выкупа,—дубровцы „забунтовали“. По всей мужицкой Руси того времени (и только ли того?) носились какія-то миѳическія представленія объ общественныхъ отношеніяхъ и, главное, о землѣ. Когда дубровцамъ предложили сдѣлку съ помѣщикомъ, старики стали соображать: „За что платить? Что господа станутъ дѣлать съ землею? Разумѣется, отступятся безъ дарового труда, бросятъ и уѣдутъ себѣ за границу. Земля и такъ будетъ наша“. Итакъ, передъ дубровцами ясно выступила задача: платить за землю не слѣдуетъ, а если платить, то какъ можно меньше... А тамъ,—все равно будетъ наша!..

И дубровцы на томъ себя утвердили.

Дубровцамъ тоже разъясняли, дубровцевъ тоже усовѣщивали, дубровцевъ тоже „усмиряли“. Изъ толпы, меня окружавшей въ то время, когда я слушалъ эту печальную исторію,—вывели древняго старца, съ сѣдыми лохмами волосъ на старой головѣ, съ потухшими глазами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, обездолившихъ Дубровку... Его тоже „усмиряли“, онъ тоже противился.

— Вѣрно! — подтвердилъ старикъ скорбно. — Исправникъ усмирялъ. Губернаторъ Муравьевъ *) самъ выѣзжалъ... Что вы, говоритъ, мужики, опомнитесь, говоритъ! Почему землю не примаете? Несчастными себя дѣлаете... Хорошо, правильно говорилъ, нечего сказать... Да вотъ поди ты! Міромъ уперлись, ничего не подѣлаешь...

Замѣчательно, что ни этотъ старикъ не винилъ себя лично, ни его, одного изъ виновниковъ бѣды, — не обвинялъ никто. „Міръ, — ничего не подѣлаешь“. Міръ осѣнила идея, міръ „укрѣпился“ на ней, міръ рѣшилъ... Что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, подѣлаешь! Стихія, неизбѣжность, законъ! „Дѣды — обездолили“, но вѣдь дѣды думали сдѣлать лучше, всѣ думали „міромъ“.

И вотъ, дубровцы послѣ „усмиренія“ и увѣщанія согласились принять надѣлъ въ 5 сажень, — всетаки меньше платить! Помѣщичья земля, та самая, отъ которой дубровцы

---

*) Александръ Николаевичъ—декабристъ.

отбились „самовольно“, — сомкнулась вокругъ деревни, подошла къ самой околицѣ, и понемногу годъ за годомъ кольцо это давало себя чувствовать все сильнѣе. Теперь положеніе опредѣлилось окончательно: курицу выгнать некуда, сохѣ негдѣ повернуться. Помѣщики, какъ и прежде, живутъ далеко, а въ имѣніи—управляющій. Управляющій заботится объ увеличеніи дохода во что бы то ни стало. И доходъ доведенъ до „естественнаго“ предѣла. Желѣзный законъ спроса и предложенія —это тоже стихія, а этотъ законъ заставляетъ идти дубровца на работу за ту цѣну, которую назначатъ, брать землю въ аренду, „за что возьмутъ“... Этотъ законъ сказывается тѣмъ, что въ то время, какъ въ другихъ селахъ рабочимъ одна плата, — для дубровца спеціально существуетъ другая, хотя бы дубровецъ работалъ тутъ же, рядомъ. Для дубровца выработалась особая, почти нигдѣ невиданная испольная система. Въ то время, какъ въ другихъ деревняхъ и селахъ дѣлятъ исполу снопы или зерно, — для дубровца выдѣляютъ „исполу“ самую землю. За плохую, истощенную десятину (себѣ) дубровецъ обязанъ отработать хорошую десятину для Ново-Слободской кочубеевской экономіи. Когда на поляхъ созрѣлъ уже хлѣбъ,— я видѣлъ ихъ, эти поля. По одну сторону дороги моталось на нивѣ что-то такое жалкое и жидкое, о чемъ говорятъ: „колосъ отъ колосу не слышно голосу“, и тутъ же наливался очень порядочный экономическій хлѣбъ. Оба они испольные! „Одвѣ руки работали, и ужъ для себя ли мы бы не постарались“,—говорили дубровцы. А не возьми эту землю и на этихъ условіяхъ... Да какъ тутъ не взять...

И вотъ почему дубровцы не жители, вотъ почему они работаютъ, какъ никто, и всетаки съ Новаго года ихъ бабы и дѣти, а часто и здоровые мужики ходятъ съ сумами по уѣзду, съ Христовымъ именемъ на устахъ... Вотъ о комъ можно сказать, что они теперь въ худшей „крѣпости“ у помѣщика, чѣмъ были прежде.

— Какъ же, господинъ?—робко прорвалось нѣсколько голосовъ, когда я прощался съ дубровцами, оставляя уѣздъ.— Неужто никто теперь не можетъ помочь намъ?

— Да... и дѣти наши должны страдать?—прибавилъ другой.

— И дѣти дѣтей, и унуки унуковъ? — скорбно полувопросомъ кинулъ третій...

Дубровка съ ея надѣломъ въ 5 сажень—не одна. Освобожденіе крестьянъ представляетъ картину, набросанную широкою и мастерскою кистью. Но къ картинѣ придется еще вернуться для окончательной отдѣлки. Она сильно нуждается въ ретуши... „Малый надѣлъ“, „даровой“ и „нищенскій“ на-

дѣлы,—какіе это знакомые, какіе избитые термины по всему лицу нашего обширнаго, богатаго просторомъ отечества! Они-то составляютъ почву, на которой сложилась жизнь и Малиновки, которую я посѣтилъ въ тотъ же день, и Пралевки, и Логиновки, и Козаковки, и многихъ другихъ деревень въ уѣздѣ, въ губерніи, во всей Россіи. Отчего бы это ни происходило, но все же это—пятна, портящія картину, къ которой, несомнѣнно, придется еще вернуться, и вернуться даже не для одной ретуши, а и для болѣе смѣлыхъ поправокъ въ самой перспективѣ.

Я не нашелъ для дубровцевъ словъ утѣшенія. Я заканчивалъ свои столовыя, и съ ними ликвидировалъ свои отношенія къ Дубровкѣ и уѣзжалъ домой... Я не тотъ „господинъ", на котораго Дубровка могла бы возложить свои надежды. Однако, теперь, когда я передаю свои впечатлѣнія этому печатному листу,—у меня невольно тѣснятся вопросы: неужто, въ самомъ дѣлѣ, за историческую вину темнаго люда, за ошибку вымершихъ стариковъ должны безысходно нищенствовать и томиться цѣлыя поколѣнія, „дѣти дѣтей и внуки внуковъ"? И кому это нужно? Во всякомъ случаѣ,—не обществу, не государству!..

О, если бы печать могла и эти скорбные вопли Дубровокъ поставить въ ряду практически неотложныхъ „вопросовъ", выдвинутыхъ голоднымъ годомъ!..

XVII.

Что иногда называется бунтомъ.—Кандрыкинцы.—Малиновка.

Однако, вернемся къ прерванному разсказу. Итакъ, Дубровка требовала, чтобы я „писалъ поряду" отъ каждаго двора, чтобы я произвелъ въ ней „равненіе" и свою ничтожную помощь росписалъ по „мірскому", по душамъ. Я не могъ уступить ей въ этомъ требованіи: моя задача была — подобрать всѣхъ тѣхъ, кому прежде другихъ могла грозить голодная смерть... И мнѣ нужна была для этого помощь схода. Я объяснилъ это, по возможности, понятно. Я старался убѣдить, что я не чиновникъ, что деньги у меня не казенныя, что онѣ собраны „Христа ради" и не окажутъ вліянія на ссуду *), въ особенности для остального населенія. Старики все упрямились. Пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству.

---

*) Увы!—оказалось, что господа земскіе начальники поспѣшили сократить ссуды во всѣхъ семьяхъ, въ которыхъ кто-нибудь пользовался столовой. Я уже зналъ объ этомъ, но надѣялся добиться (и добился) отмѣны страннаго распоряженія, дѣлавшаго всю частную благотворительность совершенно безцѣльной.

— Ну, какъ знаете! Денегъ у меня немного, а нужда всюду. Въ другихъ мѣстахъ будутъ рады, что хоть нищихъ подберемъ. Прощайте.

Я сложилъ свою книгу. Въ заднихъ рядахъ поднялось сразу волненіе.

— Что вы, старики! Что вы дѣлаете? Развѣ этакъ можно отпускать человѣка? Не слышите, что говоритъ онъ? Благодарить надо! Вотъ Анны Мажукиной дѣти... Татьяна Балахнина подъ окнами, какъ планида, бродитъ. Что вы, что вы, опомнитесь.

— Говори, староста! Всѣ будемъ говорить по совѣсти. Пишите, господинъ!

Деревня уступила. „Житель-середнякъ“ очищалъ мѣсто нищимъ, бродившимъ, по чьему-то образному выраженію, „какъ планиды“, взывая Христовымъ именемъ къ раздѣлу послѣднихъ крохъ лебеднаго хлѣба. Опять сходъ принялъ обычную физіономію, опять посыпались мѣткія словечки, и списокъ быстро сталъ наполняться именами вдовъ, безмужнихъ женъ, брошенныхъ на произволъ судьбы сиротъ, которымъ не выдаютъ ничего по какимъ-то совершенно непонятнымъ соображеніямъ („кого надо—не пишутъ, а кому бы не надо—даютъ“). Такихъ набралось 30 человѣкъ. Затѣмъ мы стали. Конецъ! Каждое новое имя, называемое кѣмъ-либо, вызываетъ уже замѣчаніе: „нужно, да такихъ много“...

Я всталъ, поблагодарилъ стариковъ и сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ ранѣе уже заготовленнаго хлѣба. Но дубровцы тѣсно сомкнулись вокругъ стола.

— А какъ же намъ, ваше благородіе, мужикамъ-те? Вѣдь все пріѣли, гладомъ, что ли, помирать будемъ?..

Это уже выступаетъ, какъ и всюду, другое недоразумѣніе. Я попрошу читателя ясно представить себѣ картину: тѣсная изба, толпа мужиковъ, впереди—староста, сотскіе, старики—все народъ, привыкшій къ объясненіямъ съ начальствомъ и до извѣстной степени отвѣтственный. Они высказываются осторожно, глядятъ выжидающе и робко. Въ ихъ голосахъ слышно въ одно и то же время и желаніе сказать нѣчто, выручить деревню, выпросить нѣчто для міра, и готовность отступить при первомъ признакѣ грозы, которая можетъ настигнуть прежде всего именно ихъ. Говорятъ они почтительно и даже съ лицемѣрнымъ смиреніемъ.

За ними сплошная, слитная, безличная масса, изъ которой слышенъ то сплошной гулъ, то раздаются рѣзкія, опредѣленныя, часто слишкомъ рѣзкія и слишкомъ опредѣленныя сентенціи, вызывающія сочувственный ропотъ. Въ такихъ

случаяхъ передніе озираются, — для того ли, чтобы сдержать „безчинство“, для того ли, чтобы показать передъ начальствомъ, что они не солидарны,—во всякомъ случаѣ, озираются безуспѣшно... да и надо же хоть кому-нибудь, хоть какъ-нибудь высказать истинное настроеніе и истинные взгляды „міра“... Вотъ пріемы деревенскаго схода, заявляющаго неудовольствіе и жалобы... И въ серединѣ этой толпы—я, олицетворенное на сей разъ недоразумѣніе, до котораго все сіе отнюдь не относится...

Однако, у меня спрашиваютъ, и я думаю, что обязанъ отвѣтить.

— Пріѣдетъ земскій начальникъ,—разскажите все это ему.

— Пріѣди-итъ...—иронически говорятъ мужики. — Да онъ никогда и не бывалъ...

Это, конечно, для меня не новость, но у меня все же есть отвѣтъ:

— Ступайте къ нему.

— Гонитъ.

Мое положеніе, какъ совѣтника, становится затруднительнѣе. Дубровка спрашиваетъ у меня, можетъ ли быть, чтобы отъ высшаго начальства сосѣднему уѣзду отпускалось по 30 и 40 фунтовъ на всю семью, а на нихъ 15 — 20 со всякими вычетами...

— Пошлите, — говорю я, — кого-нибудь сначала въ Лукояновъ, въ продовольственную комиссію съ жалобой, а если тамъ не уважатъ,—пишите въ Нижній...

„Недоразумѣніе“ принимаетъ новый обликъ. Переднихъ какъ-то отшатываетъ отъ меня, и вблизи образуется пустое пространство. Въ заднихъ рядахъ—сразу смолкаютъ и гулъ, и ругательства, довольно изобильно сыпавшіяся до этой минуты, и жалобы... Мужики какъ-то настораживаются...

— Это... какъ же? — сдержанно спрашиваютъ впереди, — черезъ рядъ?..

— Помимо, то есть, начальника... Жалобу?

Я объясняю, что жаловаться высшему начальству на низшее всегда можно.

— Вѣдь вы,—говорю,—у начальника были?

— То-то были.

— Отказалъ?

— Ну!..

Тишина становится напряженной.

— Значитъ, теперь остается просить выше...

— Нѣтъ!—рѣшительно и рѣзко говоритъ ближайшій ко мнѣ мужикъ, кажется, староста, озираясь назадъ и какъ бы желая

запечатлѣть свою мысль въ массѣ.—Намъ надо помирать, а черезъ рядъ на начальника... невозможно.

Картина рѣзко раздваивается. Впереди—лицемѣрное смиреніе, доходящее до готовности „лучше помереть“, сзади ропотъ, ругательства, комментаріи вродѣ того, что „гладомъ поморитъ“, „и то, что есть, отыметъ“... И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и рѣзче...

— Какъ знаете,—сказалъ я,—по моему прямая просьба, хотя бы и „черезъ рядъ“, лучше, чѣмъ то, что вы теперь говорите. Прощайте.

Вся эта сцена произвела на меня странное впечатлѣніе. Въ этомъ мгновенномъ молчаніи, въ этомъ испуганномъ удивленіи, въ этомъ робкомъ смиреніи, во всей атмосферѣ этого схода въ послѣднее мгновеніе пронеслось что-то такое, что заставило меня невольно спросить себя: „ужъ не бунтую ли я какъ-нибудь нечаянно дубровцевъ, въ самомъ дѣлѣ?“... Кажется, нѣтъ! Кажется, то, что я говорилъ, — просто, ясно, непререкаемо и законно. Кажется, наконецъ, что этотъ глухой гулъ подъ стѣнами и въ углахъ, гулъ, исполненный такого мрачнаго возбужденія и такъ странно оттѣняющій лицемѣрное смиреніе первыхъ рядовъ, — дѣйствительно хуже законной жалобы... И, однако... Мы видѣли, какъ была понята и къ какимъ послѣдствіямъ повела законная просьба жителей Учуева-Майдана.

Народъ отъ „законныхъ“ жалобъ отучали долго и успѣшно.

Уже спускались сумерки, когда съ Н. П. Александровымъ, управляющимъ одного изъ ближнихъ хуторовъ и спутникомъ моимъ на этотъ разъ,—мы въѣхали въ широкую улицу большого села Кандрыкина. По отзыву окрестныхъ жителей и мѣстнаго священника, Кандрыкино хотя и пострадало, но все же меньше другихъ, и потому село это не входило въ мои планы. Но мнѣ нужно было у писаря получить свѣдѣнія о деревушкѣ Малиновкѣ, въ которую мы и направлялись.

На улицѣ мы встрѣтили оживленную гурьбу ребятъ, тащившихъ большой ушатъ изъ училища. Это школьники, которымъ священникъ ухитрился изъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ и, кажется, частію собранныхъ имъ лично,— устроить обѣдъ и ужинъ... Эта небольшая сцена разсѣяла отчасти грустныя мысли, навѣянныя на меня Дубровкой (я не зналъ еще тогда, что мнѣ предстояло впереди, на слѣдующій день!). Затѣмъ разговоръ съ батюшкой, человѣкомъ истинно добрымъ и сострадательнымъ ко всякимъ нуждамъ своего духовнаго стада, еще укрѣпилъ это впечатлѣніе, и мы,

съ Н. П., весело разговаривая о кандрыкинцахъ, поѣхали къ волостному правленію. Кандрыкино большое село, построенное на отлогомъ холмѣ, тремя порядками, по обдуманному плану: три параллельныхъ улицы, отстоящія почти на полверсты другъ отъ друга, раздѣленныя широкими полосами выгоновъ и огородовъ съ правильными рядами нежилыхъ построекъ въ этихъ промежуткахъ. Съ перваго же взгляда на село еще съ дороги, изъ-за оврага, видна въ этомъ планѣ чья-то заботливая устроительная мысль. Сами ли переселившіеся „паны", или умный помѣщикъ придумалъ этотъ планъ,—во всякомъ случаѣ видно, что село сразу же сѣло на своемъ холмѣ разумно, удобно и широко. По общимъ отзывамъ, кандрыкинцы и до настоящихъ временъ держатся крѣпко, работаютъ отлично и, главное,—дружно. Никто не беретъ такъ охотно крупныхъ работъ міромъ, какъ они, и нигдѣ этотъ сложный механизмъ не работаетъ такъ хорошо и отчетливо. Николай Павловичъ Александровъ, на своемъ хуторѣ, затѣялъ очистку огромнаго скотнаго двора. Взялись за это кандрыкинцы, и вотъ въ первое же воскресенье на хуторъ пріѣхало 400 подводъ сразу. Наниматель боялся галдѣнія, споровъ, проволочекъ и безпорядка. Не прошло, однако, и двадцати минутъ, какъ хуторскія авгіевы стойла были раздѣлены стариками на дѣлянки, каждый работникъ узналъ свое мѣсто, каждая подвода стала въ свой рядъ—и въ день все было кончено. Міръ заработалъ сто рублей на мірскія же надобности. Такимъ же образомъ кандрыкинцы нанимаются на жнитво, на косьбу, и еще недавно на заработанныя міромъ деньги они построили (или ремонтировали) церковь, что стоило около 6 тысячъ.

Пока мой спутникъ разсказывалъ мнѣ все это,—мы подъѣхали къ зданію сельскаго правленія. Въ окнахъ виднѣлся свѣтъ, черезъ запотѣлыя стекла можно было разглядѣть тѣсную толпу, и черезъ стѣны просачивалось жужжаніе и гулъ. Сборная изба вся гудѣла, точно улей. Очевидно, кандрыкинскій „міръ" обсуждалъ какое-то насущное и волновавшее мірское дѣло.

Когда мы вошли въ избу, — голоса сразу стихли, какъ будто мы застигли врасплохъ какой-нибудь заговоръ. Навстрѣчу намъ поднялся изъ-за стола староста, мужикъ среднихъ лѣтъ, черниговскаго типа, съ вытянувшимся впередъ горбатымъ носомъ, похожимъ на клювъ. Сходство съ пѣтухомъ усугублялось тѣмъ обстоятельствомъ, что волосы у него торчали кверху, глаза сверкали гнѣвомъ и, видимо, ему трудно было сдержаться, чтобы вновь не кинуться въ прерванную

нами схватку съ мірянами. Повидимому, онъ сейчасъ только выдержалъ жестокій натискъ, и на лбу его виднѣлись даже крупныя капли пота.

Мы спросили писаря, котораго здѣсь не оказалось, и въ ожиданіи сѣли на лавку.

— Что жъ вы, старики, продолжайте,—сказалъ Николай Павловичъ.—Мы подождемъ.

— Нѣтъ... такъ мы, по своему дѣлу... Кончили,—кинулъ староста, какъ-то нервно стуча рукой по столу и быстро оглядываясь на мірянъ, какъ будто съ цѣлью убѣдиться, что они, съ своей стороны, принимаютъ это перемиріе. Мужики угрюмо молчали.

— А писарь...—съ заминкой прибавилъ онъ,—да не въ Малиновку ли онъ уѣхалъ?

— Пьянъ лежитъ! — рѣзко нарушая неловкое молчаніе, прорвался вдругъ одинъ голосъ.

— Разумѣется, пьянъ... Завсегда пьяной... Какая Малиновка!—загалдѣла толпа.

Староста выпрямился, сверкнулъ глазами и стукнулъ кулакомъ по столу...

Перемиріе, очевидно, оказалось нарушеннымъ со стороны мірянъ.

— Чего зѣваете *)... Чего онъ пьянъ?..

— Чего пьянъ! Оттого, что напился! А ты со старшиной покрываешь! Мы прямо говоримъ...

— Скрывать нечего!

— Черезъ него мы несчастны!

— Черезъ васъ усѣхъ... Прошлый годъ писарь пьянствовалъ, мы безъ обсѣмененія остались... Ноньче опять хотите безъ сѣмянъ оставить!

— Молчите, не отъ этого остались.

— А отчего?

— Оттого!

— Нѣтъ, ты говори отчего?

— Оттого... Кто вамъ виноватъ... Сами виноваты...

Изба мгновенно опять наполнилась тѣмъ гуломъ, который царилъ здѣсь до нашего прихода. Староста пѣтушился и выходилъ изъ себя, міряне обрушивали на него, на отсутствующаго старшину и, главное, на писаря—цѣлую бурю жестокихъ обвиненій. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось схватить сущность вопроса.

Дѣло въ томъ, что въ это время по всему уѣзду соста-

---

*) „Зѣвать“—по мѣстному кричать.

влялись приговоры о ссудахъ на обсѣмененіе яровыхъ полей: уже въ прошломъ году многія деревни получали ссуду и,— такова сила формулы „все благополучно", — земскіе начальники (безъ провѣрки) сократили цифры настолько, что значительная часть озимыхъ полей въ уѣздѣ осталась незасѣянной (что опять-таки установлено оффиціально). Кандрыкинцы не получили ссуды вовсе и, какъ мы это уже видѣли въ Камчаткѣ,—приписывали свою невзгоду винѣ непосредственнаго сельскаго начальства. Теперь приходилось думать о яровыхъ сѣменахъ. Надо замѣтить, что, при неурожаѣ озимей, яровые хлѣба у кандрыкинцевъ уродились порядочно. Въ виду этого, было рѣшено, что имъ сѣмянъ не надо вовсе.

Въ этомъ смыслѣ, угождая земскому начальнику, старшина, староста и, разумѣется, писарь составили приговоръ отъ имени общества, которымъ удостовѣрили, что все количество сѣмянъ засыпано въ общественные магазины. При этомъ они въ числѣ засыпаннаго хлѣба привели и тотъ, который предполагался у домохозяевъ въ амбарахъ. Иначе сказать—сельскія власти дали ложныя свѣдѣнія.

Что станете дѣлать! Я говорилъ уже о взаимномъ и возвратномъ дѣйствіи высшей и низшей уѣздной политики. Высшая проводитъ „взглядъ", а низшая услужливо его подтверждаетъ. На сей разъ высшая политика провозглашаетъ: „сѣмянъ нужно поменьше", и низшая спѣшитъ угодить: „все засыпано-съ". И обѣ довольны, только... поля останутся непремѣнно незасѣяны. То, что было на дому, или съѣдено, или продано для покупки неуродившейся ржи. И вотъ—на бумагѣ сѣмена есть, на дѣлѣ—сѣмянъ нѣтъ. Мужикъ кидается прежде всего на старосту и писаря. Староста и писарь не смѣютъ идти противъ земскаго начальника... И вотъ отчего кандрыкинская сборная изба гудитъ, какъ улей. Кандрыкинцы вознамѣрились непремѣнно „бунтовать" просьбой о сѣменахъ, хотя бы и „черезъ рядъ"... Староста, боясь земскаго начальника, удерживаетъ отъ такого бунта.

Минутъ черезъ двадцать явился писарь („умывался", по словамъ посланнаго за нимъ парня), снабдилъ насъ списками, и мы вышли изъ избы. И какъ только мы вышли, изба опять загудѣла сугубо. Упреждая событія, скажу, что о „бунтѣ" кандрыкинцевъ стало извѣстно губернатору; произведена провѣрка, и сѣмена выданы.

Бунтъ, значитъ, кончился на сей разъ благополучно.

До Малиновки было всего три версты, однако, когда мы въѣхали въ деревушку, то мнѣ показалось, что уже глубокая

полночь. Избы, занесенныя снѣгомъ, глядѣли на улицу слѣпыми окнами; вверху изъ-за туманныхъ облаковъ выглядывала луна, по улицѣ легкая мятель несла бѣлую изморозь, вѣтеръ протяжно шумѣлъ въ голыхъ вѣтвяхъ березъ. Нигдѣ—ни огонька, не смотря на ранній часъ. Это—черта голоднаго года. Ленъ тоже не уродился, работы бабьимъ рукамъ нѣтъ: долгій вечеръ наполненъ жуткой тоской и плачемъ голодныхъ ребятъ. И деревня старается сократить день, матери рано укладываютъ дѣтей, сномъ обманывая ихъ голодъ, пустыя печки стоятъ холодныя, свѣтить тоже незачѣмъ...

Мы ѣхали вдоль пустой улицы, въ надеждѣ встрѣтить, наконецъ, огонекъ. На наше счастье на-встрѣчу намъ попался староста, запоздавшій въ слободѣ у начальства, и скоро разбуженная деревушка собралась въ сборной. Опять разочарованіе, опять объясненія, опять жалобы, между прочимъ— и на недостатокъ сѣмянъ... Черная изба, въ которой происходили эти разговоры, была вымазана извнутри (полы и стѣны) глиной. Лица, меня окружавшія—типичныя малорусскія. Вотъ не старая баба, съ головой, повязанной платкомъ (кичкой), стираетъ полой грязный столъ. Лицо, одежда, фигура—прямо съ картины Маковскаго. Только мы привыкли видѣть такія лица среди чистыхъ, выбѣленныхъ стѣнъ, съ узорными полотенцами на стѣнахъ, съ пучками сухихъ цвѣтовъ и съ вербами за иконой. Здѣсь сажа насѣла на потолокъ, на стѣны, обмазанныя въ силу старой привычки. Лица изможденныя, угнетенныя, но все же выразительныя, отъ чего эта скорбь проступаетъ еще рѣзче...

— Выбився народъ, выбився просто страсть. Да что: земли 6 саженъ!

Сѣмена имъ обѣщали выдать, но... на надѣльную землю, т.-е. на эти 6 саженъ, не считая арендной земли. А они и живы только арендой. Тутъ, очевидно, опять бы нужна просьба „черезъ рядъ“... Не знаю, состоится ли она, или малиновцы предпочтутъ „помирать“, но пока — они думаютъ о живомъ и снимаютъ, по обычаю, земли въ кочубеевской экономіи, не зная еще, пошлетъ ли имъ Богъ сѣмянъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, при такихъ же обстоятельствахъ, можно было сказать навѣрное: извернутся! „Ёнъ достанитъ“ — знаменитая щедринская формула, которою Русь жила долгіе годы! Она-то и создала эту привычную уѣздную политику... „Ёнъ достанитъ!“... И „ёнъ“ доставалъ, доставалъ, доставалъ... Приходится еще разъ вспомнить характерную фразу А. А. Демидова, которую слышали мы въ нижегородскомъ губернскомъ

собраніи: „кричали, просили... Мы не дали ни зерна! Никто не умеръ“. Это относилось еще къ веснѣ 90 года... Осенью девяносто перваго А. А. Демидовъ самъ уже билъ въ набатъ: пособія, пособія! „Ёнъ больше не достанитъ“. Но въ Лукояновскомъ уѣздѣ щедринская фраза оставалась во всей своей силѣ...

Здѣсь было все то же, что и въ Дубровкѣ, тѣ же черты разочарованія и грусти. То же непонятное сокращеніе на мартъ, тѣ же сироты, переведенныя на 15 фунтовъ, тѣ же семьи, отцы которыхъ, гдѣ-то тамъ, на бѣломъ свѣтѣ получаютъ жалованье по 2 рубля въ мѣсяцъ, вслѣдствіе чего земскій начальникъ лишаетъ ссуды оставшихся, какъ будто 2 рубля и 20 фунтовъ муки на мѣсяцъ — такая роскошь, что уже никакъ не могутъ существовать вмѣстѣ *). Только здѣсь судьба послала намъ подъ конецъ небольшой эпизодъ, который, точно лучъ, освѣтилъ сумрачныя впечатлѣнія этого ночного схода.

Списокъ былъ уже составленъ. Мы отобрали обычный контингентъ многодѣтныхъ вдовъ, увѣчныхъ, всѣхъ этихъ несчастныхъ „съ глупинòй“, „съ глушинòй“, „подслѣповатыхъ“, „слюнявыхъ“, „негодящихъ“ и т. д., которыхъ всюду помѣщали въ списки безспорно,—и остановились. Дальше шла уже „ровня“, которой я помочь не могъ, потому что „такихъ много“. Я собирался кончать, какъ вдругъ раздался рѣзкій, почти еще дѣтскій голосъ, звучавшій недовольствомъ и протестомъ.

— Старики! А отъ батьки такъ никого и не запишете?

Говорилъ парень лѣтъ 13, очередной десятскій, собиравшій для насъ стариковъ. Онъ молча стоялъ все время, протиснувшись незамѣтно въ передній рядъ, заложивъ руки за поясъ, и видимо держалъ про себя все время заботу о своей семьѣ. Видя, что его семью обошли, онъ вдругъ „забунтовалъ“ противъ міра. „Неладно, старики!“

— Ишь ты, пузырь,—сказалъ кто-то. — Отецъ у тебя на жалованьи... Тебѣ бы у дверей стоять надо...

— На жалованьи! Какò жалованье, сами знаете. Нѣшто онъ насъ, экую ораву, прокормитъ на четыре-то рубля! Что вы это, старики! Бога не боитесь!

— Всѣ мы эдакіе,—нерѣшительно говоритъ кто-то. Однако, смѣлое вмѣшательство юнаго птенца, защищающаго свое гнѣздо, видимо нравится міру.

---

*) Я не привожу здѣсь именъ и цифръ, чтобы не утомлять читателя повтореніями. У меня записаны десятками и самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствующіе факты, доказывающіе, что это была именно бездушная и сознательно жестокая система.

— Тебѣ бы, пузырю, вонъ гдѣ, у дверей стоять, а не со стариками... Вишь вы, влетѣлъ какой слетышъ! Да и то вѣрно: бѣдствуютъ... Внесите ужъ, коли можете, ваше благородіе.

Мужики смотрятъ на меня. Я чувствую, что міръ отступаетъ „отъ равненія“, но мнѣ и самому хочется позволить себѣ эту маленькую роскошь, отступить на минуту отъ этихъ аптекарскихъ взвѣшиваній нужды. И я вношу парня 36-мъ, нарушая прежде намѣченныя границы и округленность цифры. Парень тотчасъ же поворачивается и съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ идетъ вонъ, можетъ быть, къ матери,—сообщить, что одинъ ротъ съ хлѣба долой.

На лицахъ крестьянъ бродитъ что-то вродѣ улыбки... Но эпизодъ быстро изглаживается. И здѣсь выступаетъ вопросъ: какъ быть остальнымъ мужикамъ—„жителямъ“, вопросъ, на который мнѣ нечего отвѣтить...

Тихою темною ночью мы вернулись въ Слободу, и я переночевалъ здѣсь въ усадьбѣ, въ самомъ центрѣ кочубейства... И впечатлѣнія дня все толпились кругомъ, покрывая спокойную обстановку стараго дома. Просторныя комнаты, мягкій свѣтъ лампы и портретъ стараго Кочубея, глядящій на меня съ высокой стѣны загадочнымъ взглядомъ.

XVIII.

Пралевка.—Исторія Максима Савоськина.—Въ мятель.

— Пралевка... да, Пралевка, дѣйствительно, нуждается...

— Что ужъ и говорить... Надо бы хуже, да нельзя.

— Изъ худыхъ—плохая деревнюшка.

— Бѣдствуютъ сильной рукой въ Пралевкѣ. У насъ плохо, а ужъ у нихъ, просто сказать, самая бѣда.

Такіе отзывы пришлось мнѣ заносить въ свою записную книжку всякій разъ, когда, спрашивая о состояніи той или другой деревни, я доходилъ до Пралевки. Начиная съ земскаго начальника и станового и кончая дубровскими и малиновскими мужиками, которые и сами являются „изъ плохихъ худыми“ въ уѣздѣ, — всѣ уступали пальму первенства Пралевкѣ. „Не лучше пралевскихъ“—это мѣра нужды, которою впослѣдствіи характеризовали свое положеніе въ другихъ мѣстахъ, изрѣдка варьируя этотъ отзывъ „не лучше пралевскихъ или дубровскихъ“. Въ волостномъ правленіи въ „Новой слободѣ“ молодой и отлично искусившійся въ уѣздной политикѣ писарь держалъ себя со мною настоящимъ дипломатомъ и только при упоминаніи о Пралевкѣ откровенно махнулъ рукой. На Пралевку даже уѣздная дипломатія не пыталась набросить покровъ довольства и благополучнаго обстоянія...

А между тѣмъ... Конечно, это очень странное недоразумѣніе, но и въ деревнѣ, всѣми признанной за бѣдствующую, земскій начальникъ Пушкинъ не отступилъ отъ своей системы. На 409 человѣкъ ея населенія въ мартѣ было выдано 106 пудовъ, т. е. по 10 фунтовъ въ среднемъ на человѣка...

Переночевавъ въ Новой слободѣ, утромъ я отправился въ эту злополучную деревню, не ожидая, по прежнему опыту, ничего хорошаго. Дѣйствительность, однако, превзошла мои мрачныя ожиданія...

Небольшая деревнюшка раскинулась у „вершинки". Широкая улица или, вѣрнѣе, два порядка по косогорамъ, безлистыя ветлы, среди которыхъ шумѣлъ не устававшій вѣтеръ, занесенныя снѣгомъ избы, съ едва замѣтными окнами. На улицѣ пусто, и долго мы ѣдемъ, не зная, гдѣ остановиться, пока внезапно не вскакиваетъ на задокъ нашихъ саней какой-то парнишка. Это — опять малолѣтокъ-десятскій. Онъ услышалъ колокольцы и счелъ своимъ долгомъ явиться къ начальству.

— Гдѣ у васъ староста?

— Нѣтъ старосты у насъ.

— А гдѣ же онъ?

— Ево земской посадилъ.

— За что?

— Кто ево знае... посадилъ.

— Да вѣдь кто-нибудь за него есть?

— Комендатъ (кандидатъ) есть.

— Зови комендата.

Мы заѣзжаемъ въ сборную, которая опять оказывается въ избѣ все того же старосты, отсутствующаго по независящимъ обстоятельствамъ. Курная изба, еще хуже дубровскихъ и малиновскихъ, хотя и здѣсь видна робкая попытка—вымазать стѣны глиной... Старая привычка забытой родины! Бабьи руки старательно мажутъ и чистятъ, а дымъ чернитъ и покрываетъ потолокъ и верхушки стѣнъ налетомъ сажи, которая виситъ точно черный иней... Въ зыбкѣ плачетъ ребенокъ, тихо, безсильно и жалобно... Изба, деревня, лица „стариковъ", потихоньку набирающихся въ избу, отмѣчены особеннымъ, неуловимымъ оттѣнкомъ какого-то страннаго выраженія... Голодъ...

Арестъ старосты служитъ злобой деревенскаго дня. Староста арестованъ „за міръ"...

— За правду... — угрюмо отвѣчаютъ на мои вопросы мужики.—Скажешь правду, потеряешь дружбу... Правды начальство не любитъ...

Я описывалъ въ прошломъ очеркѣ „бунтъ“ кандрыкинцевъ „изъ-за сѣмянъ“, и мы видѣли тамъ старосту, отстаивавшаго уѣздную политику начальства. Мы видѣли также, что ему приходилось-таки жарконько отъ „бунтовавшаго“ міра. Здѣсь было другое. Впослѣдствіи я видѣлъ пралевскаго старосту, когда его 7-дневное сидѣніе кончилось. На одной изъ фотографій „голоднаго года“, продающихся теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ и, кажется, готовящихся къ печати *), онъ изображенъ со своею медалью, стоящимъ „для порядку“ около обѣдающей толпы. Если бы не эта медаль — его фигура совсѣмъ потерялась бы въ толпѣ, а между тѣмъ, это фигура интересная и стоющая вниманія. Густая шапка волосъ, борода съ завитками, какъ у Юпитера, и очень мягкое, доброе лицо, съ серьезными, ласковыми глазами... Его курная изба, его плачущій ребенокъ, его черный хлѣбъ съ лебедой, который я увидѣлъ на столѣ („это еще для старосты испекли, на высидку“, — пояснили мнѣ при этомъ, чтобы объяснить выдающіяся качества этого комка грязи)—все это въ глазахъ земскаго начальника еще не нужда, и староста не смѣлъ разсчитывать на пособіе для себя. Но онъ не стоялъ на высотѣ уѣздной политики...

Наоборотъ: староста безпокоилъ начальство, староста не только не смирялъ „бунта“, выражающагося въ ходатайствахъ о хлѣбѣ, но еще взялъ на себя всю тяжесть этихъ ходатайствъ за односельчанъ и... надоѣлъ напоминаніями о томъ, что у деревни нѣтъ сѣмянъ, что въ деревнѣ есть голодные и что одинъ изъ нихъ, Максимъ Савоськинъ, пожалуй, помретъ отъ лебеды и лихоманки въ совокупности... Впослѣдствіи Н. М. Барановъ, нижегородскій губернаторъ, вмѣстѣ съ докторомъ и съ земскимъ начальникомъ были въ Пралевкѣ, и все, что говорилъ староста, оказалась правда... Эта старостина правда ничего не потеряла, конечно, отъ того, что въ то время, о которомъ я веду рѣчь, староста сидѣлъ въ кутузкѣ...

Признаюсь откровенно, когда старостина мать, когда старостинъ отецъ, когда старостины односельцы, обступившіе меня, одинокаго представителя филантропіи (вѣдь всѣ мы „на одно лицо“, — напоминаю читателю въ поясненіе) сообщили мнѣ деревенскую новость, что старосту посадили, и за что именно посадили,—мнѣ сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Мнѣ показалось, на одно, впрочемъ, мгновеніе, что мнѣ, какъ будто, не

---

*) Выпущены въ видѣ альбома въ 1893 году фотографомъ М. Дмитріевымъ.

слѣдовало пріѣзжать сюда, что я, какъ будто, дѣйствительно, пріѣхалъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ бы надо, въ эту деревню, которая несетъ жгучее страданіе голода и явной несправедливости.

Я начиналъ здѣсь какъ-то не такъ увѣренно. Когда, записавъ общія свѣдѣнія, я поднялъ глаза на сходъ, то прежде всего мнѣ бросилось въ глаза лицо стоявшаго передо мной Максима Савоськина...

Савоськинъ! Савоськинъ! Изъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній мрачнаго года—это имя возбуждаетъ во мнѣ самыя тяжелыя воспоминанія, соединяется даже съ нѣкоторымъ укоромъ совѣсти. „Съ мая мѣсяца 1891 г., — писалъ г. земскій начальникъ А. Л. Пушкинъ,—Савоськинъ боленъ лихорадкой“... Лихорадкой, а не голоднымъ тифомъ, и потому г. Пушкинъ не видѣлъ никакихъ основаній увеличивать для него ссуду. Въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, на семью изъ 4-хъ человѣкъ (самъ, старуха, слабоумный сынъ и другой сынъ 17 лѣтъ)—было выдано ровно 2 пуда хлѣба. Понятно ужасное положеніе этой семьи.

Въ мартѣ Савоськину стало такъ плохо, что къ нему позвали священника... О положеніи Савоськина заговорили, староста настойчиво докладывалъ о немъ г-ну Пушкину. Тогда произошло нѣчто, почти невѣроятное по холодной и безсмысленной жестокости. Въ мартѣ Савоськину ссуда была прибавлена и выдано сразу... полтора пуда. Но—едва обрадованная хозяйка Савоськина испекла изъ этой ссуды для больного хозяина каравай чистаго хлѣба, какъ въ избу Савоськина пожаловалъ фельдшеръ. Вы думаете—для лѣченія „лихорадки“?.. Нѣтъ — для провѣрки „ложныхъ слуховъ“ объ его нуждѣ и болѣзни... Фельдшеръ былъ тоже однимъ изъ хорошо дисциплинированныхъ органовъ уѣздной политики... Я, конечно, не позволилъ бы себѣ излагать весь послѣдующій эпизодъ—такъ онъ нелѣпъ и мало-вѣроятенъ — если бы не имѣлъ случаевъ убѣдиться въ подлинности каждой черты.... Дальше произошло вотъ что: фельдшеръ услышалъ запахъ свѣжаго хлѣба, заглянулъ въ печку и сказалъ:

— А! У тебя вотъ какой хлѣбецъ! Какъ же говорятъ, будто ты боленъ отъ голода. Вотъ я доложу начальству!

И доложилъ! А г. Пушкинъ увидѣлъ въ этомъ хорошій полемическій пріемъ. Священникъ утверждаетъ, что Савоськинъ умираетъ отъ голода. А фельдшеръ доноситъ, что засталъ у него чистый хлѣбъ. Правда, хлѣбъ испеченъ изъ добавочной ссуды, только что выданной тѣмъ же земскимъ начальникомъ именно вслѣдствіе толковъ старосты и священника. Это ни

мало не останавливаетъ земскаго начальника. Онъ тотчасъ же сажаетъ старосту въ кутузку за ложныя свѣдѣнія о нуждѣ Савоськина, а по поводу священника предпринимаетъ переписку угрозительнаго свойства на тему о томъ, что священники позволяютъ себѣ „крайне неосторожныя и неосновательныя заявленія", будто ихъ прихожане страдаютъ отъ голода... Поэтому земскій начальникъ проситъ внушить священникамъ, „дабы они не такъ рѣзко ставили свои опредѣленія", и грозитъ о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія высшаго начальства *).

А еще черезъ нѣкоторое время, Савоськинъ и съ своей стороны принялъ участіе въ этой истинно лукояновской полемикѣ. Писать онъ не умѣлъ... Онъ просто взялъ да и умеръ.

Мнѣ приходилось уже говорить о двухъ типахъ благотворительной дѣятельности. Вы или избираете опредѣленное мѣсто, завязываете близкія связи и съ сердечнымъ участіемъ слѣдите за всѣми оттѣнками нужды, преслѣдуя ее, такъ сказать, вглубь, или раскидываетесь сразу на широкія пространства, стараясь помогать безличнымъ для васъ сотнямъ и тысячамъ. Мнѣ выпало на долю послѣднее,—а при этомъ всегда рискуешь пройти мимо Максима Савоськина... Я, разумѣется, тотчасъ же записалъ его въ столовую, не замѣтивъ, что моя столовая хороша, быть можетъ, для многихъ, но уже не для него... Весной я опять побывалъ въ Пралевкѣ. До меня побывалъ въ Пралевкѣ губернаторъ съ докторомъ. Онъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ могъ сдѣлать я съ моими скудными средствами, прибавивъ ссуду десяткамъ тысячъ людей, но, когда я спросилъ у Савоськина, доволенъ ли онъ моей столовой и ходитъ ли онъ туда, онъ отвѣтилъ, что не ходитъ. „Нутро", не принимавшее раньше лебеды, теперь уже не принимало и чистаго хлѣба. Я испугался, тотчасъ же выдалъ денегъ на пшеничный хлѣбъ, на молоко, но было поздно... „Нутро" не принимало уже ничего, и вскорѣ Савоськинъ умеръ.

Но 23 марта онъ еще стоялъ передо мной, смущая меня своимъ изступленно лихорадочнымъ взглядомъ и своимъ невѣроятнымъ разсказомъ о „караваѣ", о „фершалѣ" и его доносѣ. Признаюсь, я сразу не повѣрилъ этому кошмарному и притомъ довольно безсвязному разсказу... Но все же это былъ именно кошмаръ, и я опять почувствовалъ то же ощущеніе неувѣренности, неловкости и какой-то своей неумѣстности

*) Этотъ замѣчательный документъ я пропитировалъ полностію въ засѣданіи губ. продовольств. ком.

здѣсь, въ этой деревнѣ, носящей имя какого-то невѣдомаго міру Праля, бывшаго управляющаго кн. Кочубеевъ, и теперь лишенной своего старосты, пострадавшаго за мірское дѣло...

Тѣмъ не менѣе, отступать, конечно, не приходилось, и, скрѣпя сердце, я вступилъ въ ту же обычную борьбу съ пралевскимъ міромъ, требовавшимъ, чтобы я писалъ „поряду“.

Я не могъ писать поряду, между прочимъ, и потому, что мои наличныя средства въ то время уже были распредѣлены и, явившись сюда, я уже разсчитывалъ лишь на будущія пожертвованія, цифра которыхъ мнѣ была совершенно неизвѣстна и съ которыми, поэтому, нужно было обходиться осторожно.

Часъ прошелъ у меня въ самой тяжелой, напряженной борьбѣ съ пралевскимъ „міромъ“, и мнѣ удалось внести только 5 или 6 именъ. Но за то въ этотъ часъ я и не замѣтилъ, какъ настроеніе толпы измѣнилось радикально. Ни одно имя не проходило безъ тяжелой борьбы; это было что-то вродѣ огромной давки у тѣсныхъ дверей. Отказовъ не было, — всѣ заявляли себя кандидатами. Эпитеты, которыми характеризовалась бѣдность, потеряли скорбно-юмористическій характеръ, которымъ они были отмѣчены въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь въ нихъ было что-то жгуче-жестокое, устрашающее и отчаянное:

„Ребра у мужика потрескались... Не дышитъ... рòзорвало отъ травы... шкура отвалилась... Все лысо, всѣ помираемъ“.

„Погляди на насъ, господинъ! Мы вотъ къ тебѣ пришли. Одинъ ѣвши, а двое не ѣвши“.

Я гляжу—впереди ужасное лицо Максима Савоськина. Подъ темнымъ потолкомъ, подъ палатями,—какой-то сизый паръ... Въ избѣ гулъ жестокихъ опредѣленій, эгоистическихъ споровъ. Нищіе толпятся къ столу, „жители“ отталкиваютъ нищихъ: „мы хуже васъ, вы хоть просить привыкли“... Бабы плачутъ. Еще часъ, еще пятокъ именъ, но за то изба превращается въ звѣринецъ. Я съ какой-то внутренней жутью чувствую себя въ положеніи человѣка, дразнящаго голодную толпу, дразнящаго напрасными, жалкими крохами. Савоськинъ свалился на полъ, я сажаю его рядомъ съ собой. Но на его мѣстѣ опять такое же лицо. Шумъ стоитъ сплошной. Прежде ругались между собой, теперь въ заднихъ рядахъ начинается ропотъ противъ меня... „Какъ пишешь... Что за порядокъ! Гдѣ законъ!“...

„Бѣдствуемъ сильной рукой! Крайняя пагуба, погибаемъ головами своими... Ты что это пишешь?.. Кто еще такой пріѣхалъ?.. Откуда взялся?“...

Я опять взглядываю на толпу, пытаюсь говорить спокойно. Отступать уже нельзя, кончить списокъ надо непремѣнно, но мнѣ кажется, что я никогда его не кончу. Вдобавокъ, мое спокойствіе колеблется, кошмаръ сдвигается тѣснѣе. Какая-то красивая старуха уже нѣсколько минутъ заглядываетъ мнѣ въ глаза, наклоняется къ бумагѣ, хватаетъ за руку... Голосъ у нея вкрадчивый, ласковый, отвратительный. Она служила у господъ, она была красива, она знала когда-то обращеніе, знала тайну, какъ угодить, какъ улестить, какъ выпросить... И теперь она пускаетъ въ ходъ забытые пріемы устарѣлыхъ обольщеній... Голова у меня начинаетъ кружиться, мнѣ кажется даже... это, конечно, слабость, но, признаюсь, была минута, когда у меня родился мгновенный вопросъ: „выйду ли я, выйдемъ ли мы всѣ изъ этой темной избы?.. Или ужъ я слишкомъ долго дразнилъ эту толпу, и всѣ они сейчасъ кинутся и на меня, и другъ на друга въ общую свалку“...

— Листашка вотъ околѣваетъ, ево не пишутъ... А кого пишете вы, тѣ дышутъ еще!..

Это еще первый голосъ, раздавшійся въ этой избѣ за другого, а не за себя лично. Онъ выводитъ меня изъ оцѣпенѣнія; я схватываюсь за него и вызываю, не безъ труда, молодого парня, негодовавшаго столь безкорыстнымъ образомъ. Онъ призываетъ еще двухъ или трехъ, и списокъ, хоть тихо, подвигается къ концу...

Вообще, при составленіи каждаго такого списка, вы чувствуете, какъ будто идете по самому дну этого „міра“, подбирая подонки. Въ лучшихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ спокойно и въ ладъ, вы замѣчаете то мгновеніе, когда нужный вамъ составъ исчерпанъ, и, если у васъ средства ограниченныя, а нужды много, — вы должны особенно чутко уловить тотъ критическій моментъ, когда вы упираетесь какъ бы въ нѣкоторую ступеньку. Теперь пойдетъ уже слѣдующій пластъ, тоже нуждающійся, тоже требующій помощи... Но... троньте только одного или двухъ изъ этого новаго разряда, какъ весь онъ заколышется и хлынетъ къ вамъ... Такихъ много... „И меня, когда такъ, пиши, и меня, и Ивана, и Сидора“... „Міру“, русскому деревенскому міру, въ высокой степени присуще стремленіе къ „равненію“, и онъ предпочтетъ, чтобы изъ слѣдующаго разряда не попалъ никто, если нельзя попасть всѣмъ.

Ступенька эта, въ большинствѣ случаевъ и при нѣкоторомъ навыкѣ, улавливается довольно отчетливо... Но здѣсь, — уже въ Дубровкѣ и Малиновкѣ, а въ Пралевкѣ особенно, — она какъ-то стерлась, и вотъ источникъ истинно мучительныхъ

ощущеній при составленіи списковъ. Тѣмъ болѣе приходилось хвататься за первую значительную остановку самого схода.

Записано 50 человѣкъ. Цифра зависѣла не отъ меня. Я былъ во власти этого галдѣнія и шума и только дѣлалъ выводъ. Я радъ бы былъ вписать еще столько же, но новая процедура казалась мнѣ просто страшной, а всякое новое имя вызывало цѣлое море шумливыхъ споровъ... Къ тому же я чувствовалъ, что здѣсь нужна не столовая, а сплошное увеличеніе ссуды всѣмъ жителямъ, и обдумывалъ, какъ этого добиться...

Надо было кончать... И безъ того больше четырехъ часовъ ушло на работу, которую я привыкъ заканчивать въ часъ-полтора.

Впослѣдствіи, послѣ проѣзда губернатора, — я опять былъ въ этой деревнѣ не одинъ разъ. Смиренныя лица, толковые разговоры мужиковъ, ласковые глаза „отсидѣвшаго“ уже старосты... Ссуда къ тому времени была, если не ошибаюсь, устроена...

За деревней меня охватила мятель. Вечерѣетъ. Снѣгъ летитъ по синѣющимъ полянамъ и ложится сугробами, заметая несчастную Пралевку. Впереди въ молочной мглѣ машутъ крыльями мельницы села Язъ, сравнительно „благополучнаго“, по отзывамъ сосѣдей. По сугробамъ съ клюкой бредетъ какая-то нищая и что-то бормочетъ, будто жалуется на кого-то или о чемъ-то проситъ. Я останавливаю лошадей и спрашиваю: откуда?—Изъ Пермѣева... Боже мой, Боже мой!.. Пермѣево и Роксажонъ, Чиресь и Кельдюшево, Михалковъ-Майданъ и Пикшень, и Козаковка, и весь этотъ уголъ уѣзда, гдѣ мнѣ придется еще „составлять списки“ и гдѣ ждетъ меня то же, что въ Пралевкѣ!.. Въ томъ настроеніи, которое меня охватило, названіе Пермѣева звучитъ въ моихъ ушахъ, почти какъ угроза. Я даю старухѣ денегъ я приказываю кучеру ѣхать дальше... Она провожаетъ меня застывшимъ взглядомъ, потомъ крестится, потомъ утопаетъ во мглѣ...

Ямщикъ наклоняется на-бокъ, чтобы достать пристяжную кнутомъ, потомъ качаетъ головою и произноситъ:

— Ну, и народъ... скандальники!

Я понимаю, что онъ это о пралевцахъ.

— Какъ они васъ!.. Ахъ, ты, Боже мой! Нисколько не стыдятся...

Онъ мнѣ сочувствуетъ, повидимому, искренно, и мнѣ это доставляетъ облегченіе. Но тутъ же ямщикъ добавляетъ:

— И то надо говорить. Оголодали, вѣрно: бѣдствуютъ сильной рукой. Народъ, какъ собака, сдѣлался.

— Неужто хуже другихъ?—спрашиваю я.

— Хуже, это вѣрно! Вотъ всякій и тискается, безъ стыда. Конечно, есть и зря...

— Есть же?

— Всѣ плохи... Ну, есть, которые уже вовсе выбились.

— А скажите, такъ ли мы списокъ составили?

— Правильно, это правильно, что говорить. Тискались всѣ... Ну, которыхъ записывали—вовсе не дышутъ...

И то хорошо,—думаю я.

Онъ изъ Дубровки. Онъ, кажется, мнѣ благодаренъ за то, что я сдѣлалъ для его деревни, а дорогой мы бесѣдовали съ нимъ за-просто, и въ его внимательности ко мнѣ, повидимому, звучитъ дѣйствительное расположеніе. Онъ стоялъ у порога въ сборной избѣ все время, и его серьезное лицо, лицо человѣка, который,—я чувствовалъ это,—былъ на моей сторонѣ,—осталось въ моей памяти среди этого тумана и кошмара...

— Еще одна,—говоритъ онъ, пріостанавливая лошадей.

Изъ снѣжной мглы, на ровномъ полѣ,—гдѣ не видно уже ни куста, ни мельничнаго крыла, ни дерева,—появляется новая фигура. Не старая еще баба идетъ, спотыкаясь, по заметенной дорогѣ такимъ шагомъ, въ которомъ видно, что идущій потерялъ уже всякое представленіе о какой бы то ни было цѣли... Идетъ, пока несутъ ноги. Я особенно пугливо относился къ этимъ нищимъ-странницамъ и порой мнѣ случалось останавливать простыхъ путницъ, глядѣвшихъ на меня съ изумленіемъ...

— Откуда?

— Изъ Талызина.

Это уже изъ Симбирской губерніи, верстъ за 40.

— Зачѣмъ такъ далеко забрела? Или уже такъ плохо?

Она устало опирается рукой на спинку моихъ саней, какъ будто колеблется, и потомъ, собравшись съ мыслями, начинаетъ.

— Видишь ты, господинъ, какое дѣло. Мужъ у меня, стало быть, ушелъ на заработки, на заработки, на чугунку-у... Ну, а я осталась и, стало быть, съ дѣтишками. Сироты еще у насъ, да своихъ мало ли... А ёнъ теперича не пишеть... Какъ ежели теперича нанялся, то пришлеть денегъ...

Я слушаю ее съ удивленіемъ... Сироты, дѣти, мужъ не пишетъ и вдругъ—все это кончается надеждой: „пришлетъ денегъ“. Приступъ не похожъ на жалобное нытье нищенки, да и въ усталомъ лицѣ выраженіе тоже не нищенки.

— Ну, стало быть, я въ такой надеждѣ, что пришлеть...

какъ ежели нанялси. Я, знаешь, и надумала (она пробуетъ улыбнуться) —насчетъ, знаешь, землицы... Потому намъ съ дѣтишками безъ земли не пробиться. Я и сняла-а...

— Ну?—поощряю я...

— Сняла, да и работника, того значитъ приговорила. Енъ, стало быть, доберъ до меня, дѣлаетъ снисхожденіе, пять-ту рублей, баетъ, я тебѣ расчислю на сроки, а рупь подавай сичасъ. Безъ рубля невозможно. Безъ рубля сохи не налажу и въ поле не выѣду и не то что,—къ другому наймусь...

До сихъ поръ она все старалась улыбаться, скрывая подъ этой улыбкой стыдъ непривычнаго нищенства. Но тутъ на глазахъ ея сразу появляются непрошенныя слезы, лицо передергивается. Она оглядывается кругомъ въ пространство, затянутое мятелью, и говоритъ упавшимъ голосомъ:

— Вишь ты... за рублемъ пошла, согрѣшила. Да забрела, видно, въ голодну сторону, сами, слышь, помираютъ. Гдѣ тутъ рупь-то... рупь теперича добыть... Самимъ ѣсть нечего. А безъ землицы теперича... ежели не снять, да не спахать... дѣтишки...

Я даю ей этотъ несчастный рубль, за которымъ она бродитъ въ голодной сторонѣ по бездорожью, и чувствую, что я передъ нею въ долгу... Эта бодрая забота о землѣ, о дѣтишкахъ, этотъ невѣдомый работникъ, заранѣе, гдѣ-то въ другой губерніи, налаживающій соху и „расчисливший пять рублей на сроки“, эта неумирающая надежда на лучшіе дни,—все это вмѣстѣ ободрило и меня, разсѣяло мое малодушіе. Да, можетъ, и будутъ еще на Руси эти лучшіе дни... будутъ! Хотя бы далеко, за этими тучами и вьюгой...

Я увожу съ собою запечатлѣвшееся въ памяти удивленное и просвѣтлѣвшее лицо талызинской бабы. Она крестится, пытается поклониться въ ноги и потомъ быстро и бодро идетъ къ селу... Она обогрѣется въ Язяхъ, а завтра пойдетъ къ дѣтишкамъ. Что-жъ, и для этого стоило, пожалуй, ѣздить среди мятели...

Передо мною Логиновка—конецъ кочубейства. Опять списки, опять, только въ смягченномъ видѣ, тѣ же картины...

Позднимъ вечеромъ, среди тьмы и мятели, я возвращался въ Кочубеевскую слободу. Снѣгъ, невидимо откуда, летѣлъ надъ полями, шумѣлъ вѣтеръ, то подхватывая гдѣ-то въ сторонѣ голыя вѣтви невидимыхъ деревьевъ, то теряясь въ широкой степи. Зги не было видно, даже небо нависло сплошной непроницаемой мглою, безъ звѣзды и просвѣта...

Мой доброжелатель ямщикъ молчалъ, внимательно вгляды-

ваясь въ дорогу, а я одиноко обдумывалъ и переживалъ вновь все, что пришлось видѣть и чувствовать въ эти послѣдніе дни... Впечатлѣніе такой же, какъ эта ночь, глухой тьмы все сгущалось, сопровождая эти воспоминанія... Я чувствовалъ какую-то роковую ошибку, какую-то скрытую ложь своего положенія, которая лишала меня прежней увѣренности и спокойствія. То ли я дѣлаю, что надо, дразня своими крохами эту толпу и давая ей завѣдомо неисполнимые совѣты?

Понемногу мои мысли принимали все болѣе опредѣленное направленіе. Нѣтъ, такъ больше нельзя... Я думалъ о томъ, какое огромное дѣло—государственная помощь, и какъ ничтожны въ сравненіи съ нею наши благотворительныя крохи... И я рѣшилъ, что необходимо обратиться къ кому-нибудь, кто можетъ измѣнить все это, кто можетъ вырвать судьбу изголодавшагося народа изъ враждебныхъ рукъ политиканствующаго крѣпостничества.

26 марта я былъ въ Нижнемъ, 27 и 28-го въ засѣданіи благотворительнаго комитета и продовольственной комиссіи прочелъ докладъ, въ которомъ, какъ умѣлъ, изобразилъ „систему“ гг. лукояновцевъ, — эти необъяснимыя сокращенія ссуды, непонятныя и безсмысленныя выдачи по 10 и 15 фунтовъ, еще болѣе непонятные „вычеты“ г-на Бестужева за какую-то „растрату по здѣланію общества“, вообще—всю эту жестокую систему „вымариванія“, которою гг. земскіе начальники ухитрились замѣнить систему государственной помощи и кормленія.

Въ докладѣ этомъ по существу было немного новаго. Уже ранѣе ревизія І. П. Кутлубицкаго, котораго сопровождалъ опытный статистикъ, Д. И. Звѣревъ, вскрыла непривлекательныя стороны лукояновской системы. Такія же свѣдѣнія давали А. И. Гучковъ и г-жа Давыдова. Мой докладъ явился, однако, послѣдней каплей, переполнившей чашу. Къ тому же, онъ совпалъ съ драматическимъ моментомъ междоусобной борьбы губерніи и уѣзда. Какъ разъ въ это время въ борьбѣ этой соблаговолилъ принять участіе кн. Мещерскій. Въ своемъ „Гражданинѣ“ онъ разразился статьей противъ І. П. Кутлубицкаго и противъ самого ген. Баранова, который, по мнѣнію сіятельнаго публициста, „выдумалъ голодъ въ Нижегородской губерніи“ изъ какихъ-то личныхъ видовъ. Лукояновскіе земскіе начальники объявлялись, наоборотъ, истинными слугами царя, а лучшимъ изъ нихъ выставлялся нашъ добрый знакомый, безпечный земскій начальникъ VI участка, С. Н. Бестужевъ...

Генералъ Барановъ былъ задѣтъ и возбужденъ...

Судьба этого несомнѣнно талантливаго человѣка была прихотлива и странна. Не въ первый уже разъ ему приходилось ломать своими руками то самое, что еще недавно онъ самъ же и строилъ. Нѣкогда въ Петербургѣ, въ качествѣ градоначальника, онъ обставилъ городъ рогатками, которыя чуть не вызвали возмущеніе. Когда ему дали знать о волненіи толпы, онъ прискакалъ на мѣсто и, ухватясь за рогатки руками, крикнулъ: „Ломай, ребята!“ Рогатки были тотчасъ же сломаны подъ крики: „ура, генералъ Барановъ!...“ Теперь ему приходилось ломать лукояновскую систему, которой онъ же далъ укрѣпиться, ослабивъ земство, снабдивъ шутовской диктатурой предводителя Философова, удаливъ „по высочайшему повелѣнію“ Валова. И онъ принялся за исполненіе этой задачи съ энергіей и блескомъ, на которыя, дѣйствительно, можно было залюбоваться... Послѣ моего доклада, совпавшаго съ выходками кн. Мещерскаго, онъ заявилъ, что признаетъ свою вину. Но не въ томъ, что якобы выдумалъ голодъ, а въ томъ, что допустилъ гг. лукояновцевъ такъ долго примѣнять свою систему. Въ этомъ онъ кается и налагаетъ на себя эпитимью: немедленно же отправляется въ Лукояновскій уѣздъ, чтобы убѣдиться въ положеніи дѣла на мѣстѣ *).

На слѣдующій же день (29 марта) почтовая тройка умчала генерала Баранова по испорченнымъ дорогамъ на Арзамасъ. На слѣдующее утро онъ переѣхалъ знакомую намъ „границу“ за долгой гатью и, какъ снѣгъ на голову, очутился въ самомъ центрѣ отложившагося уѣзда... Здѣсь онъ вызвалъ къ себѣ воинствовавшихъ земскихъ начальниковъ, заставилъ г-на Пушкина въ первый разъ посѣтить Пралевку и Дубровку, водилъ „начальниковъ“ по избамъ тифозныхъ, при чемъ привезенный имъ изъ Нижняго врачъ Н. Н. Смирновъ ставилъ діагнозы. Это стремительное нападеніе на вражескій центръ поставило лукояновцевъ передъ дилеммой: петербургскія „придворныя связи“ г-на Философова были гдѣ-то далеко... Далеко былъ и вѣрный паладинъ крѣпостничества кн. Мещерскій, а губернаторъ, сердитый и готовый къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, былъ тутъ, передъ ними...

2 апрѣля ген. Барановъ раннимъ утромъ вернулся въ Нижній, экстренно созвалъ въ тотъ же день губернскую продовольственную комиссію и сдѣлалъ передъ нею энергичный и рѣзкій докладъ о своей поѣздкѣ. Подтвердивъ все, что со-

---

*) См. протоколъ губ. продов. комиссіи отъ 28 марта 1902 г.

общалось раньше о подвигахъ гг. лукояновцевъ въ борьбѣ съ голодающимъ населеніемъ, онъ дополнилъ картину нѣсколькими юмористическими, а отчасти, правду сказать, и неожиданными чертами. „Во всѣхъ избахъ Лукояновскаго уѣзда,—говорилъ онъ, между прочимъ,—кромѣ столовыхъ, я и мои спутники не встрѣтили таракановъ. Они исчезли отъ неимѣнія пищи, такъ какъ хлѣба съ лебедой тараканъ не ѣстъ. Общее исчезновеніе пруссаковъ изъ лукояновскихъ избъ, — прибавилъ губернаторъ съ ироніей, — можетъ служить показателемъ заслугъ прежняго состава лукояновской продовольственной организаціи“.

„Теперь — объявилъ ген. Барановъ въ заключеніе, — эта организація уже измѣнена. Во главѣ продовольственнаго и благотворительнаго дѣла поставленъ В. Д. Обтяжновъ (з. нач. Горбатовскаго уѣзда), ему данъ въ помощь г. Лебедевъ. Завѣдываніе 1-мъ участкомъ поручено земскому нач. Семеновскаго уѣзда, г. Лѣнивцеву, и въ помощь ему назначенъ г. Жедринскій. Нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ сотрудниковъ г-на Обтяжнова совершенно ясно поставлено на выборъ: или оставить ихъ занятія, или слѣпо исполнять требованія Обтяжнова. Они выбрали второе“ *).

Итакъ, уѣздная оппозиція сдалась на капитуляцію... Уже до своей поѣздки губернаторъ понемногу вводилъ „своихъ людей“, которые занимали позиціи. Теперь рѣшительная атака ген. Баранова укрѣпила ихъ положеніе, и на мѣстѣ диктатуры Философова очутилась диктатура Обтяжнова. Надъ отложившимся крѣпостническимъ уѣздомъ водружено знамя губернскаго „просвѣщеннаго абсолютизма“.

А главное — отвергнутое лукояновцами дополнительное количество хлѣба вновь двинуто въ уѣздъ, и ссуды стали выдаваться болѣе широко и болѣе щедро...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

„Новые люди“. — Антихристъ. — Выводы Нижегор. губ. продовольственной комиссіи. — „Особое мнѣніе“.—Сильная власть.— 1892—1906.—Земство и администрація.—Барановъ и Фредериксъ.—Мораль голоднаго года.

Мораль голоднаго года!.. Нѣтъ, это рѣшительно мнѣ не по силамъ, и для этого нужно бы написать не одну еще такую книгу, которая, думаю, и безъ того утомила читателя однообразіемъ этихъ суровыхъ и сѣрыхъ мужицкихъ впечатлѣній...

---

*) См. протоколы засѣд. губ. продов. комиссіи, отъ 2-го апрѣля 1892 г.

А тутъ еще мораль, десятки, сотни моралей тѣснятся въ въ голову, и я вижу, что не сдѣлалъ этой книгой и десятой доли того, что долженъ бы сдѣлать..

Итакъ, пусть будетъ безъ морали... Вмѣсто этого я разскажу еще нѣсколько эпизодовъ изъ второго періода голоднаго года, когда уже побѣдила губернія, и въ уѣздѣ водворились „новые люди“.

Эти „новые люди“, если сказать правду, были, за нѣкоторыми исключеніями, новизны очень сомнительной... Во главѣ дѣла былъ поставленъ земскій начальникъ изъ Горбатовскаго уѣзда, В. Д. Обтяжновъ, человѣкъ, не лишенный нѣкоторой смѣлости сужденій и извѣстный въ губерніи своими чисто лукояновскими, дворянско-крѣпостническими взглядами. Въ то время, когда ген. Барановъ еще не вполнѣ опредѣлилъ свой „курсъ“, В. Д. Обтяжновъ въ продовольственной комиссіи произвелъ очень бурную атаку на статистику губ. земства, пытаясь доказать, что всѣ эти „цифры и выкладки“ никуда не годятся. „Мы, земскіе начальники, практики и мѣстные жители, знаемъ все это гораздо лучше“,—увѣрялъ г. Обтяжновъ,—и значитъ, „если лукояновскіе земскіе начальники утверждаютъ, что у нихъ никакого голода нѣтъ,—то сему и надлежитъ вѣрить, вопреки увѣреніямъ земскихъ теоретиковъ“. Къ своему несчастію, г. Обтяжновъ выступилъ въ свой походъ слишкомъ налегкѣ, не зная совершенно силъ противника. Въ то время завѣдывалъ нижегородской статистикой Ник. Ѳед. Анненскій, и, когда съ вѣжливой улыбкой онъ поднялся, чтобы возразить на нападенія уѣзднаго „практика“, то положеніе г. Обтяжнова оказалось очень печальнымъ. Прежде всего г. Анненскій доказалъ съ полной очевидностью, что почтенный практикъ не ознакомился хотя бы съ предисловіемъ того статистическаго труда, который взялся критиковать, что затѣмъ онъ спуталъ даже мѣстные факты, которые статистикамъ оказались извѣстными гораздо лучше, и что, наконецъ, все нападеніе является плодомъ полнаго невѣжества и недоразумѣнія. Вся эта операція надъ самонадѣяннымъ практикомъ была продѣлана такъ спокойно, но и такъ рѣшительно, что г. Обтяжновъ, сдѣлавшій новую попытку, еще болѣе неудачную,—сѣлъ затѣмъ среди общаго смѣха собранія, чуть не наполовину состоявшаго изъ его сотоварищей, земскихъ начальниковъ и предводителей...

Ген. Барановъ обладалъ—одностороннимъ, правда—но правильнымъ знакомствомъ съ психологіей служилаго русскаго дворянина, и теперь, когда ему пришлось посылать „рѣшительныхъ людей“ для борьбы съ уѣздной оппозиціей на

мѣстѣ, онъ, ни мало не колеблясь, остановилъ свой выборъ на г. Обтяжновѣ. Ген. Барановъ разсчиталъ довольно вѣрно, что той самой рѣшительности, которой оказалось слишкомъ недостаточно для нападеній на статистику и Анненскаго, вполнѣ достаточно для невѣжественныхъ лукояновскихъ дворянъ. И г. Обтяжновъ, ни мало не обинуясь, принялъ лестное порученіе начальства и отправился въ походъ противъ недавнихъ своихъ единомышленниковъ, которыхъ защищалъ столь неудачно. Пріѣхавъ въ Лукояновъ около 20-го марта, онъ организовалъ продовольственную комиссію, немного смѣшной сколокъ съ нижегородской, и здѣсь, въ качествѣ предсѣдателя, принялся донимать недавнихъ союзниковъ длинными витіеватыми рѣчами, матеріаломъ для которыхъ отчасти запасся у недавняго противника, Анненскаго. Поѣздка губернатора сразу укрѣпила положеніе В. Д. Обтяжнова, и на мѣстѣ опереточной диктатуры Философова оказалась новая, тоже нѣсколько смѣшная „диктатура“ Обтяжнова, направленная на сей разъ въ другую сторону

Н. М. Лѣнивцевъ, впослѣдствіи предсѣдатель семеновской уѣздной управы, былъ человѣкъ доброжелательный, но не особенно дѣятельный. Его помощникъ, г. Жедринскій, молодой человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, видѣлъ въ своей миссіи ступень для занятія должности земскаго начальника, въ которой впослѣдствіи оказался истымъ лукояновцемъ по духу.

Съ Д. Ѳ. Рѣшетилло читатель уже отчасти знакомъ. Этотъ почтенный „казенный врачъ“ (помощникъ врач. инспектора) въ первый періодъ продовольственной кампаніи дѣлалъ въ губ. комиссіи доклады, въ которыхъ положеніе населенія рисовалось успокоительными чертами: нѣтъ ни голода, ни голоднаго тифа. Народъ пьянствуетъ и покупаетъ предметы роскоши *). Затѣмъ, въ періодъ неопредѣленности и колебаній, онъ рискнулъ сообщить телеграммой изъ села Саитовки, что тамъ свирѣпствуетъ тифъ. Въ Саитовку отправился тогда врачебный инспекторъ, г. Ершовъ, и прислалъ телеграмму, что никакого тифа нѣтъ. Покладистый г. Рѣшетилло украсилъ и эту телеграмму своей подписью. Поѣздка ген. Баранова обнаружила, что въ Саитовкѣ тифъ принялъ громадные размѣры. Д. Ѳ. Рѣшетилло былъ назначенъ завѣдующимъ санитарною частью въ уѣздѣ и здѣсь разсказывалъ съ торжествомъ, какъ генералъ Барановъ, въ засѣданіи 2 апрѣля,

---

*) См. „Протоколъ“ отъ 10 ноября 1891.
**) Протоколъ отъ 8 дек. 1891.

публично извинялся, что не повѣрилъ его телеграммѣ изъ Саитовки.

— Которой телеграммѣ, Діонисій Ѳедоровичъ? спросилъ я.— Г. Рѣшетилло слегка замялся и отвѣтилъ:

— Первой, конечно.

Почтенный медикъ готовъ былъ выслуживаться одинаково на отрицаніи болѣзней, какъ и на признаніи оныхъ, но теперь курсъ опредѣлился окончательно, и оффиціальныя цифры тифозныхъ сразу выросли до размѣровъ устрашающихъ *).

Читатель видитъ, что „новаго“ тутъ было, во всякомъ случаѣ, немного. Это были все тѣ же старые чиновничьи мѣха, но на время ихъ наполнили новымъ виномъ. Въ участкѣ з. нач. Желѣзнова раскрыты явныя злоупотребленія, и продовольствіе отдано въ руки А. И. Гучкова. Тифозныхъ лѣчили, ссуды были почти всюду удвоены...

А тамъ подошла весна и накинула на все свой смягчающій ласковый покровъ. Земля обнажалась; на поля, еще шатаясь, брела тощая скотина, все, что продышало, „выходило на траву“, даже и деревенскіе ребята... Они то и дѣло мелькали на поляхъ и по оврагамъ, собирая съѣдобныя травы: пестушку (коричневые стебли, проглядывающіе прямо изъ-подъ снѣга), борщевикъ, шкерду, дикарку (дикая рѣдька), козлецъ, отъ котораго трескаются губы, щавель и коневникъ, куфельки и дягили, коровки (послѣ Троицы) и клеверъ (калачики). Каждая весенняя недѣля даетъ новую траву и разнообразитъ подножный кормъ деревенскихъ ребятъ... Впрочемъ, важно уже и то, что „нужда вышла на волю“, на просторъ и на свѣжій воздухъ полей!..

Правда, что вмѣстѣ съ весной подходило, собственно, самое трудное время. Свой хлѣбъ, который „обманщики“ умѣли порой скрыть отъ бдительнаго ока урядниковъ, отъ усердныхъ фельдшеровъ, отъ „обысковъ и выемокъ“, — почти всюду уже окончательно исчезъ, удвоенная же ссуда все же не могла вполнѣ устранить нужду, и многіе, какъ Савоськинъ, дошли въ трудную зиму до такого состоянія, когда нутро не принимаетъ уже и чистаго хлѣба. Результаты зимняго режима проглядывали всюду. 14 апрѣля въ Пралевкѣ я назначилъ особое, усиленное пособіе Савоськину—а 15-го

---

*) Впослѣдствіи г. Рѣшетилло выслуживался на экспертизѣ земскаго хлѣба и кончилъ довольно плохо: устраненъ отъ должности за поступки, несогласные съ обязанностями врача. Что касается до г. Обтяжнова, то и его „обновленіе“ было непродолжительно: во время голода 1906—1907 года онъ вновь доказывалъ, что голода нѣтъ и что мужики „не идутъ на выгодныя работы на жел. дорогѣ“...

ко мнѣ пришелъ пралевскій староста и сообщилъ объ его смерти... Въ той же Пралевкѣ я нашелъ въ избѣ Михаила Сучкова больную цынгой. Нестарая, симпатичная на видъ женщина лежала и стонала на лавкѣ. Мужа не было. Другой Сучковъ разсказывалъ, что они пошли вмѣстѣ съ базара, да Михайла дорогой присталъ.

— Иди, баетъ, брательникъ, а я тутъ ляжу... Такъ и лежитъ гдѣ-нибудь вторыя сутки.

— Бѣда!—испуганно произноситъ кто-то изъ шабровъ испуганнымъ голосомъ.—Боль на насъ пошла. Боль взялась въ нашей деревнѣ.

Дѣйствительно, въ 6 домахъ Пралевки, какъ и во многихъ другихъ деревняхъ, я нашелъ уже серьезныхъ больныхъ.

— Какъ не пойдетъ боль...—говорятъ кругомъ.—Съ дурного хлѣба и завязалась она, хиль-то самая. Теперь хоть дышать можно. А то, бывало, дадутъ полтора пуда на шесть человѣкъ, чего ты съ нимъ подѣлаешь. Вотъ она, хиль, и взялась съ того времени.

У Андреяна Сучкова на печкѣ сидитъ мальчикъ, опухшій отъ голода, съ желтымъ лицомъ и сознательными, грустными глазами. Въ избѣ—чистый хлѣбъ отъ увеличенной ссуды (улика въ глазахъ недавно еще господствовавшей системы), но теперь, для поправленія истощеннаго организма, уже недостаточно одного, хотя бы и чистаго хлѣба.

У въѣзда въ дер. Роксажонъ я встрѣтилъ бабу съ ребенкомъ. Она идетъ изъ больницы, куда водила мальчика.

— Съ мальчонкомъ вотъ что-то толку нѣту...

— Что такое?

— Рвота, хлѣба нутро не принимаетъ.

— А хлѣбъ хорошій у васъ?

— Теперь ничего. Подмѣшиваемъ тоже лебеду, да немного, не какъ у другихъ. А хворь! Мальчонко измаялся...

Въ Роксажонѣ, въ избѣ старосты я увидѣлъ цѣлый цвѣтникъ мордовокъ, въ причудливыхъ мордовскихъ костюмахъ. На мои вопросы онѣ стараются сначала отвѣчать весело, даже съ улыбками, но кончаютъ очень быстро слезами. Ребята хворяютъ...

— Рвота, золотуха...

— Чѣмъ кормите?

Показываютъ хлѣбъ, и опять все еще лебеда. Даже усиленная ссуда не могла вывести ее совсѣмъ изъ употребленія, потому что и усиленная ссуда далеко еще недостаточна въ это трудное время, отдаленное отъ двухъ урожаевъ и въ особенности послѣ недавно устраненной „системы“.

— Старикъ у насъ пукнитъ (пухнетъ),—говоритъ одна на своемъ наивномъ жаргонѣ (мордва-мужики порой говорятъ по русски очень порядочно, бабы—большей частью плохо).

— На всю зиму кворaитъ. Распукнитъ весь, ноги распукнитъ, самъ распукнитъ.

— Отчего же это?

— Кто знаитъ. Пукота въ немъ. Клѣбъ мало давалъ. Дивимся мы, чего-жъ это, право... Вчера выдавалъ ему старукой по 30 фунтовъ. Да, видно, мало...

Такихъ отзывовъ, такихъ картинъ весна раскрыла передо мной безчисленное множество, и я ими наполнилъ цѣлыя страницы моей записной книжки. „Хиль взялась", завязалась неотвязная хворь, нутро не принимало, „горячка" валила цѣлыя семьи,—такъ говорилъ народъ. „Въ уѣздѣ свирѣпствовалъ тифъ", говорили врачи, теперь дружно боровшіеся съ признанной и страшно усилившейся болѣзнью... Приводить здѣсь всѣ эти случаи, когда я натыкался на тяжелыя картины этой хили и хвори, значило бы напрасно утомлять читателя, и я приведу лишь одинъ случай, особенно врѣзавшійся въ памяти.

Это было въ Мадаевской волости, въ дер. Красной Горкѣ. Я проѣзжалъ тамъ уже поздней весною и разговаривалъ съ мужиками объ истекшей зимѣ. На вопросъ о больныхъ мнѣ отвѣтили, что есть еще одно семейство, гдѣ всѣ больны „горячкой".

— А вонъ въ той кельѣ старикъ со старухой померли.

Я взглянулъ на „келью". Она стояла еще пустая и глядѣла на насъ своими оконцами. Изъ разспросовъ я узналъ, что ея хозяева, Самоткановы, безземельные и безлошадные—старикъ 70 и старуха 60 лѣтъ, кормились подаяніемъ. Потомъ захворали, ходить за милостыней не могли, потомъ померли.

Въ „волости" я справился, сколько они получили пособія. Оказалось... за всю зиму 35 фунтовъ! У мадаевскаго старшины была своя особенная система: онъ выдавалъ тѣмъ, кто у него лично просилъ, и каждый разъ особо. Старики, когда захворали оба,—перестали просить... „Умерли натуральною смертью",—показалъ мнѣ писарь отмѣтку въ книгѣ...

Я и до сихъ поръ вижу эту маленькую келью, съ странными, какъ будто загадочно глядѣвшими на меня окнами... Что она видѣла въ своихъ стѣнахъ, вся занесенная снѣгами, и сколько такихъ „натуральныхъ смертей" отмѣчено еще въ Мадаевской волости, управляемой желѣзной рукой „образцоваго" старшины *).

*) Объ этомъ старшинѣ упоминалось уже въ прежнихъ очеркахъ. Это былъ номинальный подчиненный и фактическій начальникъ земскаго начальника Бестужева.

Какъ бы то ни было, всетаки физіономія уѣзда съ весной измѣнилась. Человѣкъ такъ устроенъ, что ему всего важнѣе— надежда. А надежда была. Она явилась и въ видѣ усиленной помощи отъ людей, и въ видѣ оживающей природы... И чувство народа нашло себѣ исходъ въ этихъ двухъ облегчающихъ надеждахъ. Въ моей практикѣ пралевскіе кошмары, дѣйствительно, уже не повторялись.

Какъ-то пришлось мнѣ этой весной составлять списокъ въ огромномъ мордовскомъ селѣ, Пикшени. На открытомъ воздухѣ собралась огромная толпа, вѣрнѣе, двѣ толпы, потому что въ селѣ два общества. Молодой священникъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ предупреждалъ меня, что сходъ будетъ безпокойный и бурный. Зимой онъ пробовалъ составлять списки бѣднѣйшихъ и долженъ былъ прекратить: столько поднялось споровъ и зависти. Вдобавокъ, у мордвы, по его мнѣнію,— гораздо меньше чувства собственнаго достоинства и стыда, поэтому онъ ждалъ, что на мой призывъ колыхнется сразу весь міръ... Все это заставляло ожидать новаго пралевскаго кошмара...

Но опасенія эти разсѣялись послѣ перваго же приступа къ работѣ. Видъ у мордвы былъ спокойный, рѣчи разумныя, ровныя.

— Ежели такъ ссуду станутъ выдавать, какъ теперь...— началъ рѣшительно одинъ.

— Да, теперь будетъ все такъ,—сказалъ я на этотъ разъ съ убѣжденіемъ,—сбавлять не станутъ.

— Такъ промаемся сами! Не пиши меня, не надо...

— И меня не пиши, — сказалъ слѣдующій. — При этомъ способіи можемъ кормиться какъ-нибудь.

— Спасибо, теперь прибавили, — сказалъ третій.—Мимо меня иди, не надо!

За то, если попадались имена дѣйствительно нуждавшихся, то указанія были замѣчательно единодушны.

— Батькина Авдотья,—читаетъ священникъ по списку.

— Авдотья Петровичъ это... Старука. Его пиши.

— Слѣпой дѣвка.

— Авдотья Петровичъ кормить надо.

И „Авдотья Петровичъ“ вносится въ списокъ.

— Точно не эти люди!—съ удивленіемъ говорилъ мнѣ священникъ, когда мы шли со схода, въ какіе-нибудь два-три часа покончивъ со списками въ обоихъ обществахъ...—Или ужъ васъ это они стыдятся?—прибавилъ онъ въ раздумьи...

Но я помнилъ, что въ Пралевкѣ меня не стыдились, и я понялъ, что именно измѣнило физіономію этой толпы. Это были: хлѣбъ и надежда...

Какъ, однако, просто, — думалось мнѣ въ этотъ день, — водворяется „спокойствіе въ уѣздѣ“... Это простое средство удобно еще тѣмъ, что при немъ нѣтъ надобности разыскивать „возмутителей“ даже въ средѣ сельскаго духовенства!.. А еще важнѣе, что оно устраняетъ кошмары, и при немъ блѣднѣютъ всякіе, порой самые превратные толки, „яко же востокъ отъ лица огня“...

Черезъ нѣсколько дней послѣ только что описаннаго схода я въѣзжалъ въ большое и тоже мордовское село Пермѣево. Было уже жарко, озими зеленѣли на солнцѣ, хутора, деревеньки и села мелькали кругомъ, точно нарисованные яркими красками на планѣ...

Пермѣево—прелестное, небольшое, впрочемъ, село, — было почти пусто. Мужики ушли пахать яровыя поля, которымъ, увы! и въ этомъ году суждено было обмануть ожиданія пахарей, и только на огромныхъ, еще безлистыхъ ветлахъ посерединѣ улицы суетились и кричали цѣлыя тучи грачей, возстановлявшихъ прошлогоднія гнѣзда...

Я остановился въ избѣ старосты, довольно зажиточной и сплошь оклеенной картинками (гдѣ, сказать кстати, между генералами я увидѣлъ портреты Щедрина и Островскаго). Хозяйку этой избы, красивую и пріятную женщину, съ умнымъ лицомъ, порядочнымъ русскимъ выговоромъ и необычайно большимъ животомъ, обличавшимъ ея положеніе, я засталъ въ очень нервномъ состояніи.

— Ты изъ Болдина, что ли, ѣхалъ? — спросила она меня.

— Да, изъ Болдина.

— Не встрѣчалъ ли на дорогѣ двоихъ: большого мужика съ мальчишкомъ?..

— Встрѣчалъ. А что?..

— Да что! Сумлѣваюсь я черезъ этого мужика, очень сумлѣваюсь!..

Она смотритъ на меня, потомъ подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда надкушенный ломоть хлѣба и, держа его въ рукѣ, смотритъ въ окно, какъ будто въ этомъ окнѣ долженъ кто-то появиться.

— Вотъ видишь, какое это дѣло. Подошелъ онъ, этотъ самый, къ окну и проситъ клѣба. Я подаю, думаю Христовымъ именемъ. Нѣтъ, баетъ, ты мнѣ за деньги давай. — „Мало, говорю, клѣба-те у насъ, за деньги еще давать“... Ну, а всетаки онъ далъ пятачекъ, а я ему клѣбъ подаю. Взялъ онъ, скусилъ, опять подаетъ мнѣ въ окно. „Неловко намъ, говоритъ,—разрѣжь“. Взяла я ножъ отрѣзать. А онъ,

слышишь ты, отъ окна и пошелъ. Я ему кричать: „погоди! Возьми хоть пятакъ назадъ“. Не слушаетъ: такъ и пошелъ, такъ и пошелъ, да и ушелъ вовсе изъ села! Что такое это, право, какое дѣло вышло необычайное! Вотъ и клѣбъ этотъ самый... Если мало ему, сказалъ бы, ежели клѣбъ не показался, деньги бы взялъ назадъ. А то на—оставилъ все. Больно сумлѣваюсь, больно сумлѣваюсь. Что за человѣкъ это можетъ быть... Дива̀, право, дива̀...

— Отдай нищему и перестань сумлѣваться...

— Отдамъ и деньги, и клѣбъ отдамъ, нельзя оставить никакъ!.. А сумлѣваться буду... потому что дива̀ это...

И я видѣлъ, что необычайный поступокъ невѣдомаго странника глубоко волнуетъ эту добрую женщину и будетъ еще долго волновать все село или, по крайней мѣрѣ, бабью половину. И, пожалуй, какая-нибудь легенда встанетъ изъ этого простого случая, и разнесутъ ее на хвостахъ грачи и галки, которые такъ сустятся надъ огромнымъ деревомъ-патріархомъ, и какое-нибудь „превратное толкованіе“ уже готово въ путь по бѣлому свѣту...

На закатѣ солнца добродушный и очень сообщительный мордвинъ везъ меня по проселочнымъ дорогамъ въ другія деревни, для той же работы. Онъ очень весело и откровенно разсказывалъ мнѣ анекдоты о кочубеевскихъ бабахъ, о своемъ священникѣ и о многомъ другомъ, и при этомъ прибавлялъ то и дѣло:

— Самъ видалъ. Самъ не видалъ, не говорилъ, самъ видалъ, говорить можно.

Наконецъ, его подвижное вниманіе остановилось на моей особѣ. И тотчасъ же пошли вопросы: чей будешь? чѣмъ занимаешься, чиновникъ или нѣтъ, и т. д. Я отвѣчалъ, что я изъ Нижняго, занимаюсь своимъ дѣломъ и не чиновникъ.

— А сколько получаешь жалованья за то, что теперь къ намъ пріѣхалъ?

— Жалованья не получаю.

Мордвинъ повернулся, посмотрѣлъ на меня, подумалъ, хлестнулъ залѣнившагося мерина и затѣмъ какъ-то многозначительно молчалъ всю дорогу. Онъ какъ будто что-то вдругъ вспомнилъ или пришелъ къ какому-то заключенію...

Дня черезъ три или четыре я составлялъ списки въ Казаковкѣ, куда пришелъ изъ Слободы пѣшкомъ, въ видѣ прогулки, въ прелестное ясное утро. Правда, что мое появленіе было нѣсколько внезапно, такъ какъ ни звонъ колокольцовъ, ни тарахтѣніе колесъ не предупредили деревню о моемъ прибытіи. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ собрались старики. Я замѣ-

тилъ, что въ избѣ господствуетъ напряженное молчаніе, среди котораго какъ-то странно прорывались по временамъ вздохи старушонокъ.

— О Гос-с-с-под-ди-и... бат-тюш-ка-а...

Я уже зналъ, въ чемъ дѣло, и мнѣ было очень пріятно видѣть, что тяжелыя воздыханія этихъ старушенцій, показавшія мнѣ, что здѣсь меня уже ждали и много толковали заранѣе о моемъ будущемъ приходѣ, что все это не мѣшало мужикамъ очень толково и дѣльно давать мнѣ необходимыя свѣдѣнія. Списокъ былъ составленъ быстро, такъ же быстро найдено помѣщеніе, и я тронулся далѣе, при чемъ на этотъ разъ мнѣ любезно подали лошадь изъ ближайшей сыроварни, арендаторъ которой, швейцарецъ г. Гузіеръ, согласился завѣдывать столовыми.

Я нарочно подчеркиваю слово швейцарецъ, и опять мнѣ было очень пріятно, что это именно такъ случилось, и что завѣдывать столовой будетъ „нѣмецъ“.

Мой возница—работникъ изъ сыроварни, толковый мужикъ съ умнымъ лицомъ и обдуманной рѣчью, видимо чѣмъ-то интересовался, поглядывалъ на меня и собирался о чемъ-то спросить.

Я облегчилъ ему это дѣло, и мы обмѣнялись нѣсколькими незначительными словами.

— Семейство у васъ?—спросилъ онъ.

— Семейство.

— Сказываютъ, и Пасху всю проѣздили? Дома не бывали.

— И Пасху.

Онъ покачалъ головой.

— Эхъ, народъ у насъ, какой... ненатуральный...

— Это что значитъ?

— Ненатуральный народъ! Натуры въ себѣ не имѣетъ. Люди изъ-за нихъ безпокоятся, ради Христа, а они...

— Это вы не насчетъ ли антихриста?..

Онъ живо повернулся на козлахъ.

— Стало быть слыхали?

— Слыхалъ.

— То-то вотъ и говорю: ненатуральный народъ. Бабы это все, да начетчицы... сороки!

Въ его голосѣ мнѣ послышалось искреннее уваженіе къ моей работѣ и не менѣе искреннее негодованіе противъ „ненатуральнаго народа“.

Да, къ сожалѣнію, это была правда. Уже ранѣе „Моск. Вѣдомости“ и другія ретроградныя газеты сообщали съ злорадствомъ, что въ народѣ появилась легенда объ антихристѣ,

въ примѣненіи къ графу Л. Н. Толстому и другимъ лицамъ, явившимся къ народу съ вольною помощью. Злорадство этихъ господъ было понятно: широкая частная помощь являлась въ такихъ размѣрахъ еще впервые, и шла она не подъ оффиціальнымъ казеннымъ флагомъ. Помогала не одна казна и не одни оффиціальные „царскіе чиновники". На помощь выступало общество и, какъ ни малы еще были размѣры этого выступленія,—все же рептильная печать чувствовала въ немъ новое начало, враждебное монополіи бюрократическаго строя. Понятно поэтому, что она и радовалась суевѣрной легендѣ, и готова была ее поддержать.

Однако, радость была не вполнѣ основательная, такъ какъ легенда на сей разъ была удивительно безсильна. Правда, народъ не привыкъ еще къ вольной помощи и неслужебному участію, которыя не оплачиваются болѣе или менѣе солидными окладами... Кромѣ того, и вообще помощь въ невзгодѣ—явленіе для народа не особенно привычное, поэтому неудивительно, что въ нѣкоторой его части зародилась эта легенда... Мы слышали, въ какой именно части: старыя бабы и начетчики старообрядцы, которые слишкомъ хорошо помнятъ времена гоненій, чтобы безъ всякихъ подозрѣній принять руку помощи...

Итакъ, легенда ходила, рождаясь въ старыхъ или озлобленныхъ головахъ... У голода были и другія легенды, порой далеко не выдерживающія цензуры, что не мѣшало имъ въ устной передачѣ выдержать такое количество исправленныхъ и дополненныхъ изданій, о какомъ мы, люди печатнаго станка и книги, пока не смѣемъ даже и мечтать... Но я видѣлъ совершенно ясно и съ перваго дня, что голодной легендѣ не суждено облечься плотью и кровью, какъ это случилось впослѣдствіи съ легендой холерной...

Одинъ земскій начальникъ Семеновскаго уѣзда разсказывалъ мнѣ, что въ его участкѣ тоже появились среди людей древняго благочестія тѣ же толки объ „антихристовой прелести", и ему удалось напасть на одинъ изъ ихъ источниковъ. Распространителя позвали къ начальству.

— Послушай, Ивановъ, какъ тебѣ не стыдно разсказывать такія вещи?..

Но Иванову нисколько не было стыдно, потому что онъ могъ привести въ подтвержденіе цѣлые десятки текстовъ изъ древнихъ книгъ, въ кожаныхъ переплетахъ, съ застежками... Въ экклезіастѣ сказано одно, а въ апокалипсисѣ прибавлено другое, что же касается до святоотческихъ писаній,—то они даютъ знатокамъ неисчерпаемый источникъ для самыхъ суевѣр-

ныхъ толкованій въ этомъ родѣ. И все это сводится къ тому, что антихристъ напослѣдокъ будетъ брать міръ лестью, а не гоненіемъ, „и будетъ послѣдняя горше первыхъ“...

Трудно сказать, какой оборотъ могъ принять этотъ богословскій диспутъ земскаго начальника съ начетчикомъ, если не предположить, конечно, возможное его окончаніе кутузкой. Къ счастью, одинъ свѣдущій человѣкъ, наклонясь къ начальнику, сообщилъ новый аргументъ: оказалось, что двое дѣтей самого диспутанта ходятъ въ столовую.

— Какъ же тебѣ, Ивановъ, не стыдно?—опять повторилъ начальникъ.

Но Иванову хоть, можетъ-быть, и было немного стыдно, но именно только немного... Потому что тексты и толки у средняго человѣка всетаки отвлеченность, своего рода игра ума, а хлѣбъ есть хлѣбъ, и рука, протянувшая хлѣбъ, видимо давала не камень... И ясный смыслъ Христовой заповѣди, выражавшейся въ реальномъ фактѣ любви и милосердія, былъ и всегда будетъ сильнѣе запутанной казуистики всякихъ начетчиковъ.

И онъ былъ сильнѣе всюду... Легенда получала самыя очевидныя подтвержденія. На мѣшкахъ изъ Особаго Комитета стояли „печати“, въ Слободѣ раздавали дѣтямъ печеніе, пожертвованное Эйнемомъ или Сіу, и на каждой такой лепешкѣ всѣ воочію видѣли надпись Albert (даже не по-русски), а кругомъ S. Siou et C-ie... Старцы и бабы внушали, что это-то и есть печати самого антихриста. И всетаки хлѣбъ принимали, печеніе ѣли (къ великому соблазну не только старыхъ бабъ, но и одного уѣзднаго сотрудника „Гражданина“, который написалъ по этому поводу очень язвительную статейку)... И въ мои столовыя записывались всюду весьма охотно.

Однажды у окна избы, гдѣ я остановился на нѣсколько дней, въ Большомъ Болдинѣ, раздался легкій стукъ и извѣстный напѣвъ имени Христова. Я наклонился и испугалъ своимъ городскимъ видомъ стоявшую подъ окномъ молодую мордовку съ жалобно плакавшимъ ребенкомъ на рукахъ. Она приходила къ А. Л. Пушкину просить ссуду, а я хорошо зналъ, каковы будутъ результаты просьбы. Поэтому я далъ ей немного денегъ и спросилъ, откуда она.

— Изъ Кельдюшева.

Мнѣ предстояло дня черезъ три побывать въ этомъ селѣ для открытія столовой, и потому я захотѣлъ впередъ намѣтить одну кандидатку.

— Какъ зовутъ?

— Дарья.

— Прозваніе?

— Кюльмаева.

Я вынулъ записную книжку и видѣлъ, съ какимъ непритворнымъ ужасомъ отнеслась она къ таинственной операціи записыванія ея фамиліи... Когда я кончилъ, она отошла быстрыми шагами, и долго еще, сидя за чаемъ, я наблюдалъ въ окно кучку мордовокъ, съ участіемъ разспрашивавшихъ Дарью, постигнутую такимъ своеобразнымъ несчастіемъ, и подозрительно глядѣвшихъ на мои окна... Легенда въ это время уже была въ ходу...

Черезъ три дня я, дѣйствительно, былъ въ Кельдюшевѣ и узналъ отъ священника о. Померанцева, что среди его прихожанокъ есть нѣкая тревога. „Какой-то“ записалъ одну изъ нихъ съ неизвѣстною цѣлью, и она приходила совѣтоваться со священникомъ, какъ ей быть въ такихъ удивительныхъ обстоятельствахъ... Тутъ же въ возможно деликатной формѣ о. Померанцевъ сообщилъ мнѣ, что подозрѣваюсь въ этомъ коварномъ поступкѣ именно я, по моему званію „слуги антихриста“. Это даже нѣсколько безпокоило батюшку, въ виду многолюднаго мордовскаго схода, который я просилъ собрать для составленія списковъ.

Но я уже зналъ цѣну этихъ толковъ передъ силой реальнаго факта. И, дѣйствительно, хотя и здѣсь передъ началомъ слышались тѣ же старческіе протяжные вздохи (о, Го-сс-подди-и), но отъ желающихъ попасть въ столовую не было отбою. Бабы рвались въ избу, и цѣлая толпа стояла за открытымъ окномъ, къ которому я сидѣлъ спиною.

— Дарья Кюльмаева,—прочиталъ я въ очередь по списку.

— Здѣсь, бачка, здѣсь я! — послышался рѣзкій бабій голосъ, и, повернувшись, я увидѣлъ мою болдинскую знакомую, съ усиліемъ продирающуюся къ окну, сквозь толпу другихъ бабъ.

— Что же, записать тебя, что ли?

— Ой! Пиши, бачка, ради Христа, пиши!

Мы съ священникомъ оба засмѣялись.

— Да ты развѣ не боишься?

— Пиши, бачка, ради Бога, пиши!

И я вторично уже занесъ Дарью Кюльмаеву въ свои списки.

Въ іюлѣ я заканчивалъ свои столовыя и оставлялъ уѣздъ совсѣмъ. Новый урожай не особенно радовалъ, яровые выгорѣли отъ засухи, но ржи всетаки были, хотя и ихъ сильно выбили необычайныя бури... А въ это время съ низовьевъ Волги уже пришла холера, и холерные бунты, какъ ураганъ,

поднимались по великой рѣкѣ, захватывая городъ за городомъ, точно пожаръ. Отдѣльныя головешки залетали и въ дальнія мѣста, и пожаръ занимался то тамъ, то сямъ разбросанными островками. Холерная легенда разносилась по лицу всей русской земли.

Въ одномъ мѣстѣ я остановился вблизи деревни. Столовую здѣсь уже прикончили безъ меня, народъ былъ на работѣ, но все же ко мнѣ собралась кучка народу.

— Не было тебя... а мы вотъ молебенъ служили и тебя тоже вспоминали. Спасибо тебѣ.

Мнѣ казалось, что это говорилось искренно, просто, безъ задней мысли. Дѣло было уже назади, и мы прощались, можетъ быть, навсегда.

— А что у васъ больныхъ еще не было?

— Холерой-те? Нѣтъ, Богъ миловалъ. Можетъ, и не будетъ. А слышь на низу... бѣды! Наши оттеда пришли, разсказываютъ.

И затѣмъ я услышалъ извѣстные уже всей Россіи позорные толки. И между ними фигурировала тоже весьма извѣстная „даровая харчевня“, открытая въ Астрахани по наговору „англичанки“. Какъ поѣстъ человѣкъ въ этой даровой харчевнѣ,—такъ и готовъ.

— Постойте, братцы, — остановилъ я разсказчика. — Слыхали вы, сколько я у васъ въ уѣздѣ открылъ столовыхъ?

— Слыхали! Нѣсколько (много)!

— Умеръ кто-нибудь отъ моего хлѣба?

— Что ты, Богъ съ тобой! Многіе даже живы остались, которымъ бы безъ тебя прямо помереть надо. Богу за тебя молились.

— Ну, хорошо. Теперь вы меня послушайте, что я скажу, и отвѣчайте по совѣсти.

— Ну-ну!

— Вотъ у васъ болѣзни этой нѣтъ, и дай Богъ, чтобы ея не было. А въ другихъ мѣстахъ есть, могла бы быть и у васъ, и она могла придти ранѣе, ну хоть, скажемъ, съ весны...

— Ну-ну?

— А не стали бы вы тогда говорить: вотъ не было этого человѣка, не было и хвори. А какъ пріѣхалъ невѣдомо отколѣ, да открылъ „даровыя харчевни“, такъ и хворь пошла косить православныхъ. Ну, теперь отвѣчайте по совѣсти...

— Нѣ-ѣ... что ты, Богъ съ тобой,—заговорили въ толпѣ.— Какъ это можно... Даже Богу молились.

Однако, видно было, что въ головахъ шевелится сомнѣніе.

Увѣренія теряли рѣшительность, и, наконецъ, рослый нестарый мужикъ, тряхнувъ лохматой головой, произнесъ съ убѣжденнымъ видомъ:

— Ну, ребята, не бай напрасно. Нашлось бы дураковъ!

Я нашелъ, что это былъ именно отвѣтъ по совѣсти, и мы разстались очень дружелюбно.

Да, нашлось бы, это вѣрно, но вѣрно также, что не столовыя были тутъ виноваты, что не онѣ облекли бы эту легенду плотью и кровью...

———

Въ маѣ, когда я на время пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, Нижегородская губ. продовольственная комиссія, заканчивая свои занятія, подводила итоги и вырабатывала „начала“ для будущей продовольственной помощи въ голодные годы. Генералъ Барановъ находилъ наилучшей ту систему, которую самъ онъ стремился осуществить въ своей губерніи. По его мнѣнію, прежде всего тутъ нужна „сильная власть“. Въ своихъ рѣчахъ онъ любилъ сравнивать „голодную кампанію“ съ „открытіемъ военныхъ дѣйствій“ и находилъ, что съ того дня, какъ существованіе „недорода“ и возможность голода объявляются оффиціально,—все продовольственное дѣло должно немедленно и всецѣло поступать въ руки администраціи.

Огромное большинство комиссіи, составъ которой зависѣлъ отъ губернатора, разумѣется, вполнѣ раздѣляло заключеніе его превосходительства. Ниже, въ приложеніи, читатель найдетъ особое мнѣніе, которымъ я, почти невольный участникъ „продовольственныхъ совѣщаній при нижегородскомъ губернаторѣ“, пытался протестовать противъ этого заключенія на основаніи всего, что я видѣлъ въ голодный годъ и что описано въ этой книгѣ. Мою легкую атаку поддержалъ и укрѣпилъ своей солидной аргументаціей Ник. Ѳед. Анненскій, но, конечно, ни эти наши „особыя мнѣнія“, ни все, что писалось, говорилось, печаталось въ русской прессѣ о роли администраціи и земства въ продовольственной кампаніи этихъ тяжкихъ годовъ, не остановили хода бюрократической реакціи.

Дальнѣйшее извѣстно: продовольственное дѣло отнято у земства. Само земство низведено еще на одну ступень ниже и подчинено администраціи, которая стала полнымъ хозяиномъ въ земскомъ дѣлѣ. Для новаго продовольственнаго устава взяты всѣ недостатки барановской системы безъ ея блестящихъ сторонъ (какъ коллегіальность и полная гласность совѣщаній). Голодъ повторялся, вліяніе администраціи расширялось. Губернаторы Шлиппе (тульскій), кн. Оболенскій (екатеринославскій), споря съ земствомъ и печатью, отрицали,

вопреки очевидности, наличность бѣдствія совершенно такъ, какъ нѣкогда спорилъ мудрый лукояновскій диктаторъ, г-нъ Философовъ. „Лица, которыя по христіанскому человѣколюбію“ являлись на мѣста съ частною помощью,—тоже совершенно по лукояновски,—объявлялись опасными. Кн. Оболенскій выслалъ административно цѣлый санитарный отрядъ (доктора Богомольца), снаряженный одесскимъ обществомъ врачей для помощи голодающимъ и больнымъ Елисаветградскаго уѣзда, и съ его легкой руки то же отношеніе къ частной помощи водворилось во всей Россіи. Такимъ образомъ, то, что мнѣ казалось нелѣпой фантасмагоріей на границѣ крѣпостническаго Лукояновскаго уѣзда,—стало общимъ правиломъ: границы голодающихъ губерній закрывались для частной помощи и для гласности... Весь огромный районъ, охваченный спорадическими голодовками, былъ превращенъ въ сплошной Лукояновскій уѣздъ, и гг. лукояновцы, осмѣянные и осужденные въ свое время всею русской печатью и общественнымъ мнѣніемъ, — имѣли полное основаніе торжествовать, какъ побѣдители.

Послѣдствія теперь уже очевидны. Сначала сравнительно скромная растрата чиновника министерства финансовъ, г. Касперова, потомъ—„неосторожная“ сдѣлка его высокопревосходительства, товарища мин. г-на Гурко съ темнымъ международнымъ проходимцемъ Лидвалемъ, обездолившая сразу цѣлые районы, охваченные ужасами голода... И въ томъ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ блестящій ген. Барановъ „при свѣтѣ гласности“ отстаивалъ начала „сильной власти“ въ продовольственномъ дѣлѣ, — одинъ изъ его преемниковъ, гонитель гласности, тусклый и незначительный бар. Фредериксъ, фактически использовалъ эту сильную власть для извѣстныхъ уже сдѣлокъ за счетъ голодающаго населенія... Въ свое время въ печати сообщалось, что „новый продовольственный уставъ“ получилъ начало въ Нижнемъ, въ проектахъ барановской комиссіи. Характерно, что и г. Лидваль отправился на арену всероссійской дѣятельности изъ того же Нижняго-Новгорода, снабженный благословеніями и напутствіями нижегородскаго администратора...

Пожалуй, въ этомъ сопоставленіи и заключается самая очевидная мораль голоднаго года.

Съ новымъ урожаемъ 1892 года послѣднія мои столовыя были закрыты. Я наскоро отобралъ у завѣдующихъ отчеты и 27 іюля мчался уже въ Работки съ тяжелыми опасеніями на сердцѣ. Моя семья жила въ это время около Работокъ, и въ

нѣсколькихъ десяткахъ саженей стоялъ подъ горой холерный баракъ. А вокругъ него рѣяли, какъ черныя птицы, отголоски холерныхъ толковъ...

Съ тяжелымъ чувствомъ оставлялъ я тамъ свою семью и теперь летѣлъ, сломя голову, и думалъ о томъ, отчего голодныя легенды поднимались и падали въ безсиліи передъ фактомъ, какъ падаетъ пыль, поднятая вѣтромъ надъ степью. А легенда о холерѣ одѣлась плотью и кровью и промчалась такимъ ураганомъ надъ нашей родиной...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ журнала собранія Нижегородской Губернской Продовольственной Комиссіи 27 мая 1892 года.

Особое мнѣніе В. Короленко.

„Къ проекту отвѣта (на запросъ мин. внутр. дѣлъ), выработанному Подкомиссіей, я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся самыхъ началъ, на которыхъ строится продовольственное дѣло, такъ какъ мнѣ кажется, что критикѣ должны подлежать нынѣ не только подробности, но прежде всего самые принципы, изъ которыхъ эти подробности истекаютъ. Никто уже, кажется, не оспариваетъ положенія, что нынѣшнее бѣдствіе является результатомъ не однѣхъ стихійныхъ случайностей послѣдняго года. Случайности эти встрѣтились съ условіями хозяйства, глубоко подорваннаго цѣлымъ рядомъ предшествующихъ лѣтъ, и оно не нашло въ себѣ силы для стойкаго сопротивленія. А если это такъ, то ясно также, что раціональная система, направленная на борьбу съ этимъ явленіемъ, не можетъ ограничиться мѣрами, разсчитанными на новое такое же бѣдствіе, принимаемыми тогда, когда оно уже разразится. Необходимо прежде всего предупреждать возможность въ будущемъ такой же катастрофы. Необходимо устранить условія, которыя истощали и обезсиливали земледѣльческое хозяйство страны, необходимо помогать крестьянскому хозяйству постоянно, чтобы не быть вынужденными дѣлать все это сразу и спѣшно, какъ это пришлось нынѣ. Не дай Богъ встрѣтить еще въ будущемъ такіе годы, а это непремѣнно должно случиться, если прежнія условія останутся въ силѣ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось бороться тѣми же средствами, потому что это значило бы, что мы ничему не научились.

Мы слышали нерѣдко въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, что помощь, оказываемая нынѣ населенію, производитъ деморализующее вліяніе. Можетъ быть, это и неожиданно, но изъ

всего, что мнѣ пришлось видѣть и продумать за это время, я тоже вынесъ это прискорбное убѣжденіе. Но не потому помощь оказывала такое вліяніе, что располагала къ безпечности, лѣни и пьянству, какъ это утверждаютъ многіе. Эти соображенія кажутся мнѣ совершенно неосновательными: въ народѣ привычка къ труду создавалась вѣками и, конечно, не могла исчезнуть въ одну зиму. Я имѣю въ виду другую сторону дѣла. Насъ не унижаетъ только то, что мы получаемъ по праву. Не унижаетъ плата за трудъ, не унижаетъ кредитъ, истекающій изъ кредитоспособности берущаго, или страховая премія, выдаваемая въ случаѣ несчастія.

Имѣло ли наше крестьянство, постигнутое неурожаемъ, право на помощь?—Несомнѣнно. Государственная необходимость и государственная польза требовали поддержки населенію, несущему главную массу повинностей и тяготъ. Но дѣйствительно ли на практикѣ нынѣшняго года пособіе выдавалось русскому крестьянину такъ, какъ выдается оно человѣку, имѣющему право на то, чего онъ проситъ, какъ выдается банковская ссуда кредитоспособному заемщику или страховая премія давнему плательщику? Несомнѣнно—нѣтъ! Достаточно вникнуть въ смыслъ такъ называемой „провѣрки списковъ на мѣстахъ“, явленія, получившаго какъ бы право гражданства и составляющаго почти логическую необходимость при нынѣшней постановкѣ дѣла, достаточно вдуматься въ значеніе этихъ обысковъ въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже въ печкахъ, чтобы понять истинный характеръ этой ссуды. Крестьянинъ разсматривался не какъ полноправный хозяинъ, приходящій, чтобы заключить извѣстную, хотя бы и льготную, кредитную сдѣлку, или страхователь, давно оплатившій свою премію, а какъ попрошайка, который прежде всего подлежитъ подозрѣнію въ утайкѣ имущества съ цѣлью вымогательства. Съ момента просьбы, а часто и ранѣе ея всякій крестьянинъ оказывался въ положеніи подозрѣваемаго и обыскиваемаго, а то, чѣмъ онъ законно владѣетъ, обращалось въ поличное, сообразно взгляду ближайшаго начальства на „необходимое“ и „излишнее“ имущество. Несомнѣнно, что отношенія, возникающія на этой почвѣ, недостойны ни русскаго крестьянства, основного зерна нашего народа, которое только клевета можетъ обвинять въ огульной порочности, ни представителей власти. Несомнѣнно, что такая постановка глубоко симпатичнаго и необходимаго дѣла помощи деморализуетъ тѣхъ и другихъ, создавая самыя нежелательныя взаимныя чувства.

А между тѣмъ, нельзя отрицать также многочисленныхъ фактовъ утайки и неправильныхъ показаній объ имуществѣ.

Происходятъ они не отъ порочности и лживости русскаго народа, а отъ неправильной постановки дѣла. Кому прежде всего выдается ссуда?—Тому, кто докажетъ, что онъ совершенно раззоренъ, т. е. вполнѣ некредитоспособенъ. А съ кого брали всегда и впередъ будутъ взыскивать выданное за круговой порукой?—Съ болѣе кредитоспособныхъ, со средняго, еще не окончательно раззорившагося хозяина. Совершенно понятно, что тѣ, кто всегда платилъ, кто будетъ платить и впредь, считаютъ себя въ правѣ и брать прежде другихъ. Въ этомъ есть *внутренняя* справедливость, и, если для ея осуществленія приходится дать неправильную отмѣтку о наличномъ (скудномъ, во всякомъ случаѣ) имуществѣ, то ложь считается лишь формальной, что легко встрѣтить во всѣхъ, даже наиболѣе развитыхъ классахъ общества (вспомнимъ хотя бы оцѣнки городскихъ и иныхъ имуществъ, подлежащихъ сборамъ).

Что же нужно, чтобы устранить этотъ глубоко прискорбный характеръ явленія въ будущемъ? Прежде всего: ясное и точное разграниченіе помощи государственно- и земско-хозяйственной, поддерживающей *плательщика*, и филантропической (хотя бы тоже съ помощью государства), оказываемой *нищему*. Послѣднему нужна даровая милостыня, первому—раціональный кредитъ и страховая премія, которыя бы осуществляли и укрѣпляли его кредитоспособность. Отсюда мое первое положеніе, что въ основаніе для организаціи продовольственнаго дѣла должны лечь: начало широкаго земледѣльческаго кредита и принципъ страхованія въ той или другой формѣ. Подъ кредитомъ же, въ широкомъ смыслѣ, я разумѣю и тѣ производительныя затраты государства на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, которыя подлежатъ возврату косвенному, въ видѣ подъема платежныхъ силъ населенія. Все это, конечно, не легко, но и положеніе нашего отечества тоже трудное, и было бы прискорбной ошибкой думать, что мы выйдемъ изъ него безъ напряженныхъ усилій. Нужно искать не того пути, который легче, а того, который дѣйствительно ведетъ къ цѣли.

Второй вопросъ, подлежащій принципіальному рѣшенію, состоитъ въ томъ, *кто* долженъ вести продовольственное дѣло въ случаѣ бѣдствія, подобнаго нынѣшнему. Согласно обсуждаемому проекту—въ обычное время продовольственное хозяйство остается въ рукахъ земства. Иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ иначе не было бы и самаго земства, которое, какъ извѣстно, преобразовано, но не упразднено. Но въ случаяхъ „обостренія продовольственныхъ обстоятельствъ",—проектъ изъемлетъ дѣло изъ рукъ обычныхъ хо-

зяевъ и передаетъ въ особое смѣшанное учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора. Прежде всего я нахожу несовсѣмъ яснымъ выраженіе „обостреніе продовольственныхъ обстоятельствъ“, опредѣляющее моментъ этого изъятія. Если мы признали, что бѣдствіе, подобное нынѣшнему, есть результатъ взаимодѣйствія стихійныхъ случайностей и органическаго разстройства,—то очевидно также, что характеръ явленія прежде всего — постепенное возростаніе. И дѣйствительно, голодъ подкрадывался къ намъ годами, и уже прошлой весной 1891 года губернія дала кое-гдѣ картины бѣдствія, болѣе остраго, чѣмъ нынѣшнее, смягченное правительственной помощію. Но въ такомъ случаѣ, — какъ же уловить моментъ изъятія продовольственнаго дѣла изъ однѣхъ рукъ и передачи его въ другія? Голодъ въ одной волости, въ 2-хъ, 3-хъ, въ уѣздѣ, въ двухъ уѣздахъ, въ губерніи... Достаточно ли этого для отнятія продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства? Съ одной стороны, сплошного голода во всей губерніи не было даже и нынѣ, съ другой— для существа дѣла, для его губернской организаціи почти безразлично, есть такое же обостреніе въ сосѣднихъ губерніяхъ, или нѣтъ. Это вопросы, касающіеся государственнаго казначейства, для данной же губерніи достаточно того, что *она* поражена неурожаемъ, независимо отъ другихъ. Итакъ, если земство ведетъ дѣло продовольствія, когда неурожай постигаетъ *его* губернію, то дѣло, очевидно, не должно мѣняться отъ того, что и въ другихъ губерніяхъ земства вынуждены дѣлать то же. Измѣнятся подробности, сущность дѣла останется та же.

Между тѣмъ, проектъ предполагаетъ, повидимому, какой-то рѣзкій поворотный пунктъ, въ родѣ формальнаго объявленія войны, съ котораго начинается мобилизація военныхъ силъ страны. Въ дѣйствительности такого пункта быть не должно, если только дѣло будетъ поставлено правильно. Если уже брать это сравненіе—неурожая съ войной, то изъ примѣра военно-продовольственнаго учрежденія, интендантства, мы не должны упускать одну очень существенную черту: интендантство есть учрежденіе, продовольствующее армію въ мирное, обычное время. Единственное, сколько мнѣ извѣстно, измѣненіе по существу въ его организаціи съ началомъ военныхъ дѣйствій состоитъ въ выдѣленіи полевого интендантства. Но и это измѣненіе вызвано такимъ условіемъ, какого нѣтъ въ нашемъ случаѣ: армія передвигается, губернія же остается на мѣстѣ. Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросы о достоинствахъ или недостаткахъ интендантства по существу, мы должны взять изъ него основной и, несомнѣнно, правиль-

ный принципъ: то самое учрежденіе, которое ведетъ обычное продовольственное дѣло въ губерніи, должно вести его и въ случаѣ „обостренія затрудненій“. Ломка и перемѣны въ виду надвигающейся грозы могутъ повлечь только потрясенія, замедленіе и ошибки. Учрежденіе должно лишь быть настолько эластично, чтобы могло расширять сферу своихъ дѣйствій по требованію обстоятельствъ. А для этого земскія учрежденія имѣютъ законное средство въ усиленіи состава управъ на время неурожая. Затѣмъ гласность, составляющая въ земствѣ укоренившуюся традицію, и живая связь съ населеніемъ, съ обществомъ, которое, какъ это видно изъ нынѣшняго опыта, должно быть непремѣнно привлекаемо къ дѣлу распредѣленія помощи, являются важными добавочными соображеніями въ пользу защищаемаго мною мнѣнія.

Оба высказанные нами принципа связываются въ одно цѣлое слѣдующимъ образомъ: земство, какъ органъ государственно-хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной помощи, въ видѣ кредита страхового и сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Эта работа, трудная, но необходимая, составляющая жизненный узелъ нашего благосостоянія, должна вестись и въ нормальное время. Неурожаи, хотя бы частичные, — есть всегда, нужда въ помощи никогда не прекращается. Нужно только не запускать, а расширять эту работу. Необходимо *опредѣлить и подымать* постепенно кредитоспособность русскаго крестьянина. Разъ это будетъ сдѣлано заранѣе,—нѣтъ надобности въ экстренныхъ мѣрахъ, въ обыскахъ и провѣркѣ списковъ. Земская статистика даетъ общую картину урожая и недорода, учрежденія, которыя еще должны быть созданы,— имѣютъ наготовѣ необходимый матеріалъ для кредита. Общее же руководительство должно находиться въ привычныхъ рукахъ, и работа только усиливается съ неурожаемъ или, вѣрнѣе, только мѣняетъ формы... Администраціи же должно принадлежать широкое право контроля. Это отдѣленіе власти исполнительной въ дѣлѣ продовольствія и власти *контролирующей* я считаю необходимѣйшей гарантіей успѣха дѣла, гарантіей, которая совершенно исчезаетъ съ соединеніемъ обѣихъ функцій въ одномъ, хотя бы и смѣшанномъ учрежденіи.

Позволю себѣ закончить повтореніемъ. Это только общіе принципы. Я не обольщаю себя относительно трудностей ихъ выполненія. Съ дѣломъ этимъ связана, несомнѣнно, необходимость упорной работы въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ нашей жизни. Несомнѣнно, однако, и то, что изъ трудныхъ положеній, въ родѣ настоящаго, и не можетъ быть легкаго выхода.

ВЪ ПУСТЫННЫХЪ МѢСТАХЪ.

(Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу).

I.

Ветлуга.

I.

...Часовъ въ 6 утра пароходъ Зевеке причалилъ къ своей пристани въ Козьмодемьянскѣ.

Три свистка послѣдовали одинъ за другимъ почти безъ промежутковъ; нѣсколько человѣкъ сошли по трапу, и „Амазонка“ красиво отошла отъ пристани. Оставивъ на рѣкѣ широкій кругъ, она опять побѣжала внизъ, унося спящихъ еще пассажировъ. А я, съ двумя молодыми людьми, спутниками предпринятаго мною путешествія, остался на пристани.

Козьмодемьянская лѣсная ярмарка кончалась вяло. Звенья плотовъ тянулись вдоль берега, у песковъ и подъ горами. И всюду стояла необычная тишина.

Небольшой пароходикъ, полубуксирнаго типа, слегка покачивался на чалкахъ у сосѣдней пристани. Это и былъ ветлужскій пароходъ „Любимчикъ“ *), на которомъ намъ предстояло подняться кверху по Ветлугѣ, впадающей въ Волгу въ 7 верстахъ выше Козьмодемьянска.

— Скоро отчалитъ?—спрашиваю я на пристани.

— Черезъ полчаса, — отвѣчаетъ матросъ съ торопливой и подозрительной опредѣленностью.

— Часа черезъ четыре дай Богъ, — переводитъ этотъ отвѣтъ какой-то субъектъ, безпечно сидящій на барьерѣ и сплевывающій въ воду подсолнечныя сѣмечки.

— Па-а-судина!—прибавляетъ онъ съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія...—Гдѣ васъ повезетъ, а то,—такъ и сами пассажиры лямкой потащутъ.

---

*) Собственныя имена въ этихъ очеркахъ по большей части вымышленныя. *Авт.*

Посудина покачивается отъ легкой зыби, все еще не улегшейся послѣ грузнаго американскаго парохода. Что-то въ ней скрипитъ, визжитъ и какъ будто охаетъ. Я вхожу по трапу и сразу стукаюсь лбомъ въ желѣзный бимсъ, чѣмъ возбуждаю веселье въ кучкѣ матросовъ. Отъ нечего дѣлать, они сидятъ на тюкахъ товаровъ, болтаютъ ногами и внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ каждый вновь приходящій неизмѣнно стукается головой о желѣзо.

— Гдѣ тутъ берутъ билеты?

— Ступай на ту сторону. Видишь, — стоитъ черненькій мужчина въ бѣломъ пинжакѣ, — самъ хозяинъ, Никандръ Иванычъ.

— Никандръ Иванычъ, скоро отвалите?

— Черезъ часикъ... Непремѣнно.

— Мнѣ бы вотъ въ городъ сходить, часика на полтора... Дѣло есть...

— На полтора?

Онъ задумчиво смотритъ на меня и потомъ говоритъ:

— Успѣете.

— Да вѣдь вы черезъ часъ уйдете?

— Идите съ Богомъ.

— Сколько стоятъ билеты 2-го класса до Воскресенскаго?

Онъ прищуривается и водитъ пальцемъ по расписанію на стѣнѣ маленькой каюты. Я вижу, что въ таблицѣ стоитъ цѣна 1 р. 30 к. На пристани—печатная такса 1 р. 50 к.

— Рубь двадцать,—говоритъ онъ мнѣ неожиданно.

— Вы не ошиблись? Вѣдь тутъ написано рубль тридцать.

— Для васъ уваженіе... По рублю двадцати съ троихъ.

— Поторговались бы,—негромко и отворачиваясь отъ меня, говоритъ грызущій сѣмечки пассажиръ,—еще скостилъ бы копѣекъ хоть тридцать.

— Когда же окончательно мы уйдемъ?

— Да они и сами не знаютъ... Вишь, пары еще не разведены... И не шурують еще. Нагрудится народу болѣе,—станутъ пары разводить.

Надъ трубой „Любимчика“ еще не вьется даже дымокъ. Въ машинномъ отдѣленіи пусто. Мы спокойно отправляемся въ городъ, раскинувшійся довольно широко, неоживленный и тихій. Лавки открыты, покупателей не видно. Проходятъ или сидятъ на улицахъ и на берегу партіи бурлаковъ. Кой-гдѣ происходитъ ряда: подрядчики нанимаютъ народъ гнать плоты книзу.

— Семенъ Лексѣичъ, а Семенъ Лексѣичъ,—говоритъ здоровенный парень въ красной запыленной рубахѣ, стоящій въ

безпечной позѣ на мостикѣ.—Что-жъ ты меня обошелъ? Рядй, что ли.. Чѣмъ я тебѣ не работникъ?..

Семенъ Алексѣевичъ, юркій, подвижной, еще не отъѣвшійся мелкій подрядчикъ, оборачивается на зовъ, но тотчасъ же сплевываетъ...

— Даромъ не надо, — говоритъ онъ угрюмо... — Видали ужъ...—Первый головорѣзъ по всему плёсу,—говоритъ онъ, поворачиваясь довѣрчиво ко мнѣ.—Всю артель подлецъ взбулгачитъ...

Бурлакъ смѣется, скаля бѣлые зубы, сверкающіе на бронзовомъ, загорѣломъ лицѣ.

— Знаешь?—говоритъ онъ насмѣшливо.—Мы тоже знаемъ вашего брата. На пятакъ рублей ищете...

Возвратясь къ берегу, мы застаемъ „Любимчика“ отведеннымъ отъ пристани. Два дюжихъ матроса тянутъ его корму за канатъ, точно за хвостъ, возбуждая этимъ вялое остроуміе соскучившейся въ ожиданіи публики. У пристани же стоитъ кашинскій „Михаилъ“, пыхтя отработаннымъ паромъ.

Черезъ часъ „Михаила“ уже не видно за горами, а нашъ все также покачивается, скрипитъ и охаетъ.

— Скоро ли?—спрашиваемъ мы.

— Теперь, должно-быть, петерсоновскаго парохода съ Ветлуги дожидается.

— Это зачѣмъ?

— Конкуренцыя. Чтобы, значитъ, побольше народу обобрать, тому, петерсоновскому-то, поменьше останется.

— А тотъ тоже станетъ дожидаться, чтобъ этому было поменьше?

— Ну-ну. Извѣстное дѣло,—конкуренцыя!

— Да вамъ, — подходитъ ко мнѣ, какъ-то бокомъ, все тотъ же грызущій сѣмечки пассажиръ,—вамъ, ежели къ-спѣху дѣло,—до завтра бы подождать.

— Это какъ же?—къ-спѣху и вдругъ—подождать.

— Завтра петерсоновскій „Николай“ пойдетъ... А-а-атличнѣйшій пароходъ...

— Да вѣдь завтра я буду уже въ Воскресенскомъ.

— Не будете, — говоритъ онъ зловѣще. — „Николай“ васъ на дорогѣ обгонитъ.

— Когда вы съ ума сойдете,—вотъ когда насъ „Николай“ обгонитъ,—рѣзко обрываетъ его Никандръ Иванычъ, незамѣтно подошедшій сзади.—„Николай“-то теперь еще у Варнавина, а у насъ и свистокъ сейчасъ. Эй, подавай первый свистокъ... А вы — ежели ѣхать желаете, пожалуйте, берите билетъ... А то тутъ вамъ тереться, народъ смущать, нечего. Шаромыжники вы, вотъ что!..

— Петерсоновскій это... Подосланный, — говорятъ между собой матросы.—Шею бы намять по настоящему... Не отбивай потому что...

— Теперь скоро?—спрашиваю я.

— Какъ же не скоро,—когда ужъ и свистокъ дали.

— А на гору,—испытываю я опять,—сходить успѣю?

— На гору?.. На гору успѣете. У насъ, вѣдь, не какъ у другихъ, что дадутъ три свистка да и отчаливаютъ. Мы еще послѣ трехъ свистковъ тревожные подадимъ, чтобы наши пассажиры сходились.

И затѣмъ, помолчавъ, прибавляетъ:

— Конечно, господинъ, по такой рѣкѣ, такіе и пароходы. А что у нашего ходъ не хуже, чѣмъ у „Николая", это я вамъ могу вполнѣ утвердить...

Меня, впрочемъ, нисколько не пугаютъ инсинуаціи тайнаго агента соперническої компаніи. Я никуда не тороплюсь. Я люблю проселочныя дороги, тихо плетущуюся лошадку, наивный разговоръ ямщика подъ шумъ березокъ, захолустныя, лѣсомъ поросшія рѣчки. Еще съ ранней юности остались у меня въ памяти обрывки стихотворенія какого-то неизвѣстнаго мнѣ автора, который жаловался, что уже исчезла поэтическая ѣзда на долгихъ... Теперь уже и по нашимъ дорогамъ:

...Летитъ французскій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Нынѣ пробилъ уже и часъ дилижанса... Всюду бьетъ въ уши свистокъ, грохочетъ машина,—и „нѣмецкій дилижанецъ" тоже теряется позади, на пройденномъ пути, затягиваясь романтическимъ туманомъ прошлаго... Всѣ мы немного романтики... мы, русскіе, не менѣе, а быть можетъ и болѣе другихъ. Говорятъ, у насъ нѣтъ прошлаго!.. Такъ что же! Того, что отъ насъ уходитъ, жаль еще болѣе:—туманъ еще таинственнѣе и гуще...

Какъ бы то ни было, мнѣ, напримѣръ, нравятся изъ желѣзныхъ дорогъ—узкоколейныя, вродѣ Костромской, гдѣ кондуктора на полустанкахъ бѣгаютъ по лѣсу, собирая разбредшихся пассажировъ, а изъ судоходныхъ рѣкъ — такія, какъ Сухона, въ которой по-временамъ такъ и кажется, что пароходъ расплещетъ ее всю своими колесами, или милая красавица Ветлуга, съ ея кудрявыми берегами и пароходиками, вродѣ „Любимчика". На остановкахъ они тыкаются носомъ прямо въ берегъ, точно сонная рыба, а въ темныя туманныя ночи стоятъ и дремлютъ, зачалившись съ кормы и носа за береговыя вѣтви. Меня всегда тянетъ на уѣздные тракты и

проселки, по которымъ такъ привольно, такъ мягко идти съ котомочкой за спиной, или къ мелкимъ рѣчкамъ съ ихъ тихой красой, съ ихъ лѣсами и неожиданностями. Но теперь, кромѣ этой общей, безкорыстной симпатіи—передо мной рисовалась и нѣкоторая болѣе опредѣленная цѣль.

II.

Въ дремучихъ лѣсахъ Семеновскаго уѣзда, по Керженцу и по другимъ лѣснымъ рѣчкамъ тихо угасаетъ старый „расколъ“ и доживаютъ послѣдніе дни пустѣющіе древле-православные скиты. Раззоренные умѣлой рукой литератора-чиновника П. И. Мельникова, который очень хорошо описывалъ ихъ, но разрушалъ еще лучше,—они не имѣли уже силы возродиться въ другихъ мѣстахъ и при другихъ обстоятельствахъ. Ударилъ послѣдній часъ скитской жизни. Бывали и прежде тяжелыя времена. Описывали тогда мало, но раззоряли гораздо основательнѣе: отъ скитовъ по-временамъ оставались однѣ головешки, и, долго спустя по уходѣ никоніанской силы, пробираясь по лѣснымъ тропкамъ, „вѣрные“ творили надъ пепелищами надгробное рыданіе и отрывали подъ пепломъ обугленныя кости. И всетаки тѣ скиты не умирали, а возрождались вновь, унося вглубь лѣсовъ, въ тихія пустыни новую страницу о благолѣпной смерти еже за вѣру—скитскихъ отцовъ и матерей. Кто-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ сооружалъ дальнюю келейку, около безмолвнаго „езера“, „гору точію сожительницу и ручей сосѣда избравше“. Проходили годы—и пустынное „езеро“ оглашалось унылыми и скорбными напѣвами, а гора покрывалась кельями новаго скита.

Не такова судьба семеновскихъ скитовъ послѣ мельниковскаго нашествія. Раззоренные, такъ сказать, на самой зарѣ русскаго обновленія, въ такое время, когда общее гоненіе „за вѣру“ видимо должно было потерять свою силу, они не имѣли уже опоры въ общихъ условіяхъ. Слабѣло гоненіе, слабѣла и ревность противленія. Скитскія зданія стоятъ и до сихъ поръ; но большинство скитницъ разбрелись, повышли замужъ, потонули „въ міру“; и только немногія ветхія старицы доживаютъ послѣдніе дни среди запустѣнія.

— Да что... ребятишковъ много подкидывали,—сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ сосѣдей бывшихъ скитовъ на вопросъ о томъ, жалѣютъ ли они о прошломъ... — Извѣстно ужъ, — въ монастыряхъ-те всего бываетъ...—И онъ равнодушно хлестнулъ свою лошаденку...

Тѣмъ не менѣе, очень вѣроятно и даже навѣрное — есть немало людей, съ озлобленіемъ и горечью вспоминающихъ о

„раззоренiи“ скитовъ. Сами старицы уже сложили пѣсни, въ которыхъ звучитъ трогательная тоска о невозвратимомъ прошломъ.

У насъ были здѣсь моленны, онѣ подобны были раю...
У насъ звонъ былъ удивленный, удивленный звонъ подобенъ грому...
Въ рощахъ птицы распѣвали, соловьи насъ утѣшали...
О, прекрасный ты нашъ раю, прелюбезный драгой скитъ,
Намъ въ тебѣ ужъ не живати, святыя службы не стояти,
Тихiя радости не видати *)...

Такъ вотъ мнѣ и захотѣлось посѣтить эти тихiя лѣсныя пустыни, гдѣ надъ свѣтлымъ озеромъ дремлетъ мечта народа о взыскуемомъ невидимомъ градѣ, гдѣ вьется въ дремучихъ лѣсахъ темный Керженецъ, съ умершими и умирающими скитами...

III.

Наконецъ, часа въ два, въ самый жаръ, когда даже рѣка, казалось, изнемогала и томилась подъ палящими лучами iюльскаго солнца, нашъ „Любимчикъ“ отчалилъ отъ пристани и тихо двинулся противъ теченiя Волги.

Верстахъ въ семи, у Покровскаго поворотъ въ устье Ветлуги. „Любимчикъ“ долго шлепаетъ колесами и бьется на быстринѣ подъ яромъ, и по-временамъ кажется, что вотъ-вотъ быстрое теченiе унесетъ его обратно въ Волгу; но онъ все-таки справляется, выходитъ на ровный стрежень Ветлуги, и Козьмодемьянскъ, на Волжскихъ горахъ, выплываетъ изъ-за синеватаго тумана далеко справа, то скрываясь, то исчезая, по мѣрѣ того, какъ мы вьемся по „кривулямъ“ Ветлуги.

Населенiе нашего пароходика демократично. Первый классъ почти совершенно пустъ. По-временамъ только изъ него появляется какой-то господинъ въ синей сибиркѣ тонкаго сукна, въ шелковой косовороткѣ и лакированныхъ сапогахъ, съ очками на носу. Въ каютѣ его угнетаетъ почетное одиночество, но на палубѣ онъ напряженно ищетъ подходящей компанiи. Во второмъ классѣ заняты всѣ мѣста: кромѣ меня и двухъ моихъ племянниковъ, здѣсь ѣдутъ все мелкiе лѣсные торговцы и разговоры идутъ о неудавшемся сплавѣ и плохой лѣсной ярмаркѣ:

— Ну что, какъ растоварились?

— Ничего! Осталось еще тысячъ на пять. Такъ полагаю, что у меня разовьется. А у васъ?

---

*) Записано А. С. Гацискимъ со словъ одной старицы въ Семеновскомъ уѣздѣ.

— Плохо.

„Разовьется“ — это картинное выраженіе означаетъ, что плоты, стоящіе теперь на пескахъ у Козьмодемьянска, будутъ куплены, и по сотнѣ, по двѣ бревенъ разойдутся по теченію рѣки.

Вся эта публика очень быстро знакомится другъ съ другомъ. Въ жителяхъ Приветлужья, вообще, очень много добродушія, и даже въ этихъ лѣсныхъ хищникахъ, не кладущихъ охулки на руку, я замѣчаю какую-то особенную, специфическую складку въ лицѣ, какую-то вялую мягкость и добродушіе. Эту особенную складку я вижу и у старика-торговца, съ первыхъ же словъ предлагающаго мнѣ отвѣдать его рыбы, и у его сына, и у молодаго дьякона, ѣдущаго съ женой въ одинъ изъ приходовъ по верхнему теченію Ветлуги, и у красавицы въ голубой косынкѣ и шитой узорами сорочкѣ. Она пьетъ чай въ компаніи съ однодеревенцами-бурлаками и съ добродушной улыбкой на красивыхъ, полныхъ губахъ отражаетъ ихъ простодушныя и не особенно тонкія любезности.

На верху, впереди расположилась партія бурлаковъ. Этимъ общимъ названіемъ обозначаютъ теперь плотовщиковъ, которые въ теченіе всей навигаціи снуютъ взадъ и впередъ, какъ тучи насѣкомыхъ, вылетая изъ боковыхъ рѣчекъ, — Унжи, Керженца, Ветлуги, Мологи, — на своихъ плотахъ и затѣмъ подымаясь кверху для новаго сплава. Нѣтъ на Волгѣ людей, которыхъ бы такъ много ругали и которые бы такъ много отругивались сами, какъ эти плотовщики. Ругаютъ ихъ капитаны въ рупоръ, когда они загораживаютъ плотами стрежень, ругаютъ кассиры на обратной путинѣ, на пристаняхъ, гдѣ они торгуются самымъ невозможнымъ образомъ, съ божбой, съ моленіями, съ проклятіями за каждую копѣйку; ругаютъ на пароходахъ, куда ихъ принимаютъ, послѣ торга— чохомъ, артелями и тычутъ куда попало, между товаромъ. Вообще бурлакъ—это наиболѣе многочисленное, болѣе всѣхъ отягченное трудомъ и наименѣе цѣнимое дѣтище, пасынокъ матушки-Волги.

Здѣсь, на родной Ветлугѣ, на своемъ собственномъ ветлужскомъ пароходѣ, они чувствуютъ себя хозяевами. Къ „Любимчику“ они относятся съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ и нерѣдко даютъ съ своего мѣста наставленія командѣ.

— Не туды держишь... Вороти къ яру.

— Эхма! За чужую заѣдешь...

— Не ваше дѣло тамъ, молчать!—кричитъ капитанъ изъ отставныхъ солдатъ, а самъ тихо обращается къ лоцману:

— Въ самъ-дѣлѣ, вороти правѣй. Ай не видишь?

„Заѣхать за чужую“—это значитъ зайти въ рукавъ вмѣсто главнаго русла. Ничего не можетъ быть позорнѣе для команды! Съ нашимъ „Любимчикомъ“—увы!—это случалось раза два,—и оба раза онъ конфузливо выбирался „изъ-за чужой“ подъ градомъ остротъ своихъ пассажировъ и съ берега.

— Эй, капитанъ!—кричитъ широкоплечій бурлакъ ветлугай, — у тебя, гли-ко-ся, тамъ скрипитъ что-то въ машинѣ. Ожалось чего-нибудь.

— Учи! Плоше тебя, что ли!

— Да вѣдь скрыпитъ, ровно не слажена соха.

Пароходъ дѣйствительно скрипитъ, какъ простуженный.

— Ты вонъ въ телѣгѣ ѣдешь, и то небось скрипитъ, — возражаетъ капитанъ.

— Въ телѣгѣ?—хохочутъ бурлаки.—Да мы бы, твое степенство, въ телѣгѣ бы теперь гдѣ уже были...

Капитанъ всетаки посылаетъ въ машину, и черезъ нѣкоторое время „Любимчикъ“ подходитъ къ яру, пассажиры выходятъ по доскамъ на берегъ, а команда облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ бока, руль, крылья парохода, гдѣ-то стуча молотками, что-то прилаживая.

Трогаемся опять...

Солнце садится, рѣка начинаетъ темнѣть, и „кривули“ плавно, одна за другой, убѣгаютъ назадъ. На нижней палубѣ спятъ, гдѣ кто сумѣлъ устроиться; у насъ во второмъ классѣ—невыносимая жара, такъ какъ къ намъ идетъ весь жаръ отъ машины. Женщинъ у насъ нѣтъ, и потому лѣсные торговцы, тяжело дыша, съ раскрытыми ртами, спятъ почти безъ одежды.

Я выхожу на верхнюю палубу.

Тихій вечеръ бѣжитъ надъ Ветлугой. Пріятно обдаетъ прохлада. Звѣзды мерцаютъ въ легкомъ туманѣ, луна чуть-чуть вырѣзывается тоненькимъ серпомъ надъ тучей, которая тяжело подымается изъ-за лѣсовъ. Каждый день гдѣ-нибудь служатъ молебны надъ изсыхающими отъ жары полями, и каждый вечеръ встаетъ на безлунномъ небѣ такая же туча и стоитъ на немъ обманчивымъ призракомъ; на утро она исчезаетъ, не оставляя даже росы на травѣ. Сегодня она тяжелѣе; легкій туманъ чувствуется въ воздухѣ; гдѣ-то горятъ лѣса и дымная пелена, весь день клубившаяся на горизонтѣ, стелется по небу, какъ бы отяжелѣвъ отъ сырости. Есть что-то раздражающее въ этихъ намекахъ на дожди среди томительнаго удушья.

На передней мачтѣ нашего парохода меланхолически вздрагиваетъ на ходу фонарикъ. Съ береговъ, сквозь пыхтѣніе машины, доносятся временами то шелестъ лѣса подъ внезапными порывами вѣтра, то плескъ осыпающагося яра, то ночные голоса птицъ.

Въ передней части подъ фонаремъ не спитъ артель бурлаковъ. По-временамъ вспыхиваютъ „цыгарки“, слышится какой-то ровный голосъ, прерываемый замѣчаніями и смѣхомъ. Я подхожу туда.

— Можно къ вамъ присѣсть?

— Садись, твое степенство, садись съ бурлаками. Ничего. Не спится тебѣ?

— И вамъ вотъ тоже не спится.

— Наше дѣло такое. До Юркина намъ спать нельзя. Нанимать хочетъ капитанъ — дровишки погрузить. Вотъ мы тутъ и балакаемъ покамѣстъ...

— Сказки у насъ тутъ одинъ сказываетъ... Ну, и мастеръ!..

— Начинай новую, Ефремъ. Да вишь купецъ послухатъ... Ты ужъ того... получше какую... Не смѣховую...

Ефремъ, немолодой мужикъ съ верховьевъ Ветлуги, съ выдавшимися скулами, вздернутымъ носомъ и смѣшно торчащей бородкой, задумывается и начинаетъ:

— Не въ которымъ царствѣ, не въ которымъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которымъ мы живемъ... Охъ-хо-о... И дожились, грѣшные, до того, что нѣтъ у насъ ничего...

Раскатъ здороваго смѣха выносится на рѣку и отдается отъ дремлющей стѣны береговаго лѣса... Среди этого хора особенно выдается здоровенный басъ какого-то оборваннаго человѣка, въ старомъ городскомъ картузѣ и полосатыхъ, слишкомъ узкихъ брюкахъ. На обоихъ колѣнкахъ отъ безчисленнаго множества заплатъ, пришивавшихся неумѣлыми, заскорузлыми руками, образовалось какъ будто по букету, и они странно выступаютъ въ полутьмѣ. Голосъ у него, сиплый, но необыкновенно гулкій. Даже бурлаки выражаютъ удивленіе.

— Ну, и рявкнулъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—даже по лѣсу пошло.

— Волкъ и есть,—говоритъ другой.

Я съ любопытствомъ взглядываю на обладателя затѣйныхъ брюкъ и необыкновеннаго органа. Я слышалъ что нижегородскіе статистики, работая въ Семеновскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе преимущественно кормится лѣсными промыслами, открыли особый родъ занятій, называемый „волчьимъ“. „Волкъ“— это человѣкъ, не имѣющій ни хозяйства, ни постояннаго ремесла... Зимой онъ перебивается въ городѣ по ночлежнымъ домамъ... Съ весной, когда вскроются рѣки, солнце отогрѣетъ землю и лѣса одѣнутся листвой,—волка потянетъ за Волгу, въ лѣса. Здѣсь ему не съ чѣмъ взяться за настоящую самостоятельную работу, а изъ чужихъ рукъ мѣшаетъ и гордость, и

привычка къ дикой независимости. И вотъ онъ путается по роднымъ лѣсамъ, охотится или ловитъ рыбу, или просто хищничаетъ по мелочи, гдѣ можетъ.

— Какой я вамъ волкъ,—обижается субъектъ съ букетами на колѣнкахъ. И, обратясь ко мнѣ довѣрчивымъ тономъ городского жителя къ сотоварищу,—онъ пояснилъ:

— Я, господинъ,—временно... Собственно для заработку... Въ артель вкупиться...

— Въ „золотую-те роту“... — насмѣшливо вставилъ одинъ изъ бурлаковъ.—Ну, Ефремъ, сказывай, а ты... Нечего тутъ.

— ...Значитъ... не въ которымъ царствѣ, — подхватилъ опять сказочникъ, — жилъ былъ старикъ со старухой... Да и тоже самое, какъ мы ветлугаи, дожились до того, что ни хлѣба, ни водочки, ни табаку... Потому, видишь ты, старикъ былъ охотничекъ, а у охотниковъ, дѣло извѣстное, что у киловязовъ да у коноваловъ, иной разъ и поись нечего.

— Вѣрно и это...

— Ну, хорошо... Говоритъ старику старуха. „Возьми, батъ, ружьишко, — не устрѣлишь ли чего. Хлѣба ни крохи, такъ хошь дичинкой полакомитьця...“ Взялъ старикъ ружьишко, пошелъ съ ружьишкомъ въ лѣсъ... Долго ли, коротко ли шелъ,— глядь пòтка (птица) порхаетъ по кусту. Такъ потка небольшенькая, а перомъ необычная. Прицѣлился старичокъ, а она ему и говоритъ голосомъ: „Не убей ты меня, старичокъ, а лучше, говоритъ, возьми живую“... Послушался онъ. Ружьишко поставилъ къ стволу, — къ ней... А она отъ него... Онъ опять за ней, она отъ него... Ну, всетаки—поймалъ... Принесъ старухѣ... Потка принесла имъ яичко...

Съ появленіемъ на свѣтъ этого яичка, — сказка теряетъ всякую связь съ дѣйствительностью. Ефремъ оживляется... Онъ сидитъ на какой-то снасти, надъ лежащими кругомъ слушателями и какъ-то странно разводитъ руками, точно дѣлаетъ заклинанія. Лицо его разглядѣть трудно,—его закрываетъ тѣнь отъ шляпенки... Но голосъ у него глубокій, грудной и гибкій... Рѣчь льется плавно, готовыми складными оборотами... Онъ всецѣло владѣетъ вниманіемъ слушателей и развертываетъ передъ ними рядъ сказочно-утѣшительныхъ событій. Пароходъ идетъ мимо спящихъ лѣсовъ, и кажется, что это оттуда отъ шепчущей темно-зеленой стѣны кто-то подсказываетъ Ефрему его фантазіи. Разумѣется, — старикъ уже превратился въ такого молодца, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать... Чудная птица надѣлила его цѣннымъ свойствомъ: „плюнетъ — серебро, харкнетъ — золото...“ Баба какъ-то незамѣтно, за очевидной ненадобностью,—выпа-

даетъ изъ разсказа... Вахлакъ женится на царской дочери, но и съ ней тоже не очень церемонится. Собирается онъ навѣстить въ деревнѣ своего брата... Царь-тестюшка приказываетъ запречь золотую карету. — „Не надо, — говоритъ, — пѣшкомъ пойду!—Жена, проводи меня за околицу!“ Царевна не смѣетъ ослушаться и покорно слѣдуетъ за мужемъ. Вышли за околицу... Вахлакъ хлопнулъ ее по бедру, сказалъ слово... И стала изъ царевны... кобыла.

Радостный смѣхъ опять отдается отъ берега, покрывая лѣнивое шлепанье парохода... Ефремъ очевидно импровизируетъ и въ готовыя сказочныя формы вливаетъ собственное содержаніе... Слушатели восхищены тѣмъ, что царская дочь везетъ вахлака... И можетъ быть одинъ я думаю о судьбѣ царской дочери: бѣдная царевна, бѣдная суженая героя народной сказки... Не сладко, должно быть, утѣшать удачливаго вахлака Иванушку...

Сказка кончена, Иванушки падаютъ опять на землю. Опять болятъ намозоленныя руки, опять ноютъ намученныя спины... А пароходъ все пыхтитъ, изворачиваясь на „кривуляхъ“ и будя странные отголоски... Лѣсъ подымается все выше, темнѣе, таинственнѣе... Артель смолкаетъ, лица бурлаковъ, задумчиво поворачиваются къ берегамъ; темная струя, разбѣгаясь, уноситъ на своемъ гребнѣ отблески фонаря, привѣшеннаго надъ самой водой...

Вдругъ по лѣсу, заглушая шумъ пароходныхъ колесъ, разносится громкій плескъ и отдается въ далекихъ изгибахъ. Въ немъ замираетъ какой-то стонъ, отъ котораго невольно сжимается сердце. Звукъ повторяется еще гдѣ-то вдоль темныхъ береговъ съ неясными чащами...

— Что это?—спрашиваю я съ невольной тревогой...

— Обвалье *) съ яру свалилось,—говоритъ Ефремъ.

— А что стонетъ?..

— Нѣтъ... Какой стонъ?.. Чай никого не было.

— Нѣтъ, вѣрно,—подхватываютъ другіе.—Вскричалъ кто-то.

— Кому быть... Чай птиця... Можетъ спужалась...

— Да, птица, какъ же, — таинственно говоритъ субъектъ съ букетами на колѣнкахъ.

— Нѣтъ, вѣрно птиця, — испугало ее, — подтверждаетъ Ефремъ.—Кому болѣ быть?

— Какъ кому?.. Самъ знашь, кто въ лѣсу бываетъ.

На минуту водворяется молчаніе.

— А видали вы когда-нибудь?.. — спрашиваю я.

---

*) Обвалье—деревья на берегу, съ подмытыми водой корнями.

— Нѣтъ, не видали, гдѣ его увидишь?—говорятъ бурлаки сдержанно.

— Я голосъ слышалъ. — говоритъ Семенъ, мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, грустно сидящій на скамьѣ, свѣсивъ голову съ черными, какъ смоль, волосами. Онъ гонялъ въ Козьмодемьянскъ собственные плоты, которые рубилъ и сплачивалъ изъ половины съ лѣсоторговцемъ. Ему не повезло. Плотъ изъ 400 бревенъ онъ продалъ по рублю за бревно: изъ-за этихъ двухсотъ рублей онъ работалъ всю зиму, вчетверомъ, на трехъ лошадяхъ: теперь, расплатившись съ рабочими сплавщиками и отдавъ хозяину задатокъ, да еще лишку („за то, что вода живая и дѣлянка недалече") — возвращался домой ни съ чѣмъ... А дома — неизвѣстно, что ждетъ его. Всходы были хороши, да дождей нѣтъ долго. Если хлѣбъ не уродится, „всѣ станутъ сбирать, да подавать-то будетъ некому". Поэтому онъ сидѣлъ все время задумчивый и грустный, плохо слушалъ сказки Ефрема и теперь въ первый разъ еще принялъ участіе въ общемъ разговорѣ.

— Да, слыхалъ голосъ... Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ. Въ ту пору женился я какъ разъ, по двадцатому году, и поѣхали мы въ лѣсъ бревна рубить, жили въ лѣсу семь недѣль. И пала, братцы, на меня скука объ Марьѣ моей, большая скука на меня пала... даже, что-есть, ночи не спалъ. Вотъ разъ мечусь этакъ въ шалашикѣ и говорю себѣ: хоть бы лѣшій какой вѣсточку принесъ.

— Т-съ, ай-а-ай, — неодобрительно отозвался Ефремъ. — Бѣдко это, что не въ часъ такое слово сказать.

— То-то бѣдко. Сказываютъ, въ шесть недѣль дадено *ему* двѣ минуты. Кто въ двѣ тѣ минуты зачѣмъ его позоветъ, — онъ тутъ какъ тутъ...

— Тутъ ужъ его воля...

— Вѣрно. У насъ на деревнѣ мать дитё прокляла, — сливки онъ у нея слизалъ. „Лѣшій, баетъ, тебя унеси". Ну, и сказала видно въ лихой часъ. Онъ его сейчасъ живымъ дѣломъ и цапнулъ, да въ рѣчушкѣ и утопилъ.

— То-то вотъ, видишь, како дѣло... Сказалъ я это слово и заснулъ. Много ли спалъ, — не знаю, только прокинулся, — слышу кличетъ кто-то по лѣсу. Кличетъ и кличетъ, и голосъ ровно бы Алексѣя-шабра... Пожня тутъ у него была недалече. Сейчасъ я на ноги поднялся, чижолко (зипунъ) накинулъ на плечи, айда въ лѣсъ, за нимъ. Отошелъ въ чашу гонъ *),

---

*) *Гонъ* — особая мѣра, равная, по объясненію бурлаковъ, 27 саженямъ.

отошелъ другой, — все кличетъ, да все дальше, а ближе нѣту. Какъ прислушаюсь я, — такъ у меня волосики дыбкомъ и стали. Гòновъ съ пять уже отошелъ, а дѣло было экъ же, какъ вотъ теперь, темно, да мýглонно, да еще и дождикъ по листу шебаршитъ. И кличетъ звонко, а голосу настоящаго, словъ стало быть, и нѣту; только ау-ý, ау-о, да го-го-го. Понялъ я тутъ, кто меня кличетъ, сѣлъ на землю, дрожу, зубъ на зубъ не попадаетъ... А онъ какъ пойдетъ кругъ меня— да выть, да закликать, да съ разныхъ тебѣ сторонъ, да на разны тебѣ голоса: то батька кличетъ, то старуха, то опять молодая моя, Марьюшка, разливается зоветъ. А я сижу на землѣ, зубомъ стучу да молитву творю. Какъ только и живъ остался!

— А я такъ и видалъ, — подымается съ мѣста какой-то бурлакъ, лицо котораго мнѣ не видно... — Осене-сь лѣсъ мы рубили да вывозили и остались одновàдни у шалаша съ Ефимкой — удалая головушка, парень бѣдовой. И взмыла тутъ, братци, туча, пошелъ дождь, да и дождь слышь бойкой, да крупной, насъ, что-есть, въ шалашикѣ вымочило до ниточки. Прошла эта туча, — только послышимъ — идетъ кто-то по лѣсу, пѣсни играетъ... Да звонко! Издалѝ слышно. Что молъ такое за человѣкъ это? И выходитъ тутъ къ намъ незнакомой молодецъ: одѣтъ чисто, рубаха бѣла, уздечка накрестъ перепоясана. „Не видали, баетъ, ребята, воронова коня? Больно, баетъ, коня жалко, конь — какъ огонь. Кто бы со мной пошелъ того коня розыскать?!.“—Ефимко у меня прыткой живетъ... Вскочилъ было итти, да я его за руку цапъ... — „Нѣтъ молъ, добрый молодецъ, не рука намъ съ тобой итти. Ступай себѣ“. Ушелъ онъ, а я Ефимкѣ и баю: „Не видишь, съ кѣмъ итти было похотѣлъ? Погляди: на насъ рубахи-те мокрехоньки, даромъ что въ шалашикѣ сидѣли, а на немъ капельки не кануто, весь сухой. Это что значитъ?“ — Вѣрно!—говоритъ Ефимка,—а мнѣ молъ и ни къ чему... Ахъ ты, нечистая сила!.. Дай-ко, говоритъ, я его между плечъ изъ оружьѝ шарахну...

— Безстрашной...

— Только сталъ онъ оружьё крестить, какъ тотъ парень изъ глазъ пропалъ... Пѣсни слышно,—самого не видать...

— Страсти какія... Я бы, кажись, тутъ бы и померъ, — говоритъ изъ-за мачты молодой, почти ребячій голосъ.

— Да, лѣсное дѣло, извѣстно... не на селѣ...

— Неужели,—спрашиваю я,—такъ вотъ Ефимко и выпалилъ бы, если бы не замѣшкался?..

— Ефимко-то?.. Выпалилъ бы...

— Да чего на него глядѣть?.. Дѣло видимое...

— Рубашка-то... она вѣдь указываетъ...

— Дѣло ясное...

Пароходъ приближается къ крутому яру и идетъ вдоль темнаго бора... Боръ стоитъ весь въ тѣни... Въ немъ ходятъ таинственные шорохи, и кажется, что гдѣ-то въ чащѣ идетъ другой пароходъ и также часто шлепаетъ колесами. И оба парохода—и нашъ и чужой—точно притаились и чутко сторожатъ другъ друга.

IV.

Свистокъ, за нимъ другой вспугиваютъ молчаніе ночи, и кажется, что отъ этого звука, такого заурядного на Волгѣ, здѣсь вздрагиваютъ даже берега.

Пароходъ дѣлаетъ легкій поворотъ, и на насъ надвигается крутой яръ лѣваго берега. Надъ обрѣзомъ этого яра виднѣется клокъ неба, еще не поглощенный разростающейся тучей. На проплывающемъ облачкѣ угасаютъ послѣдніе, слабые отблески. Какія-то темныя фигуры фантастически рисуются въ вышинѣ надъ косогоромъ.

Это—черемисское Юркино. Пароходъ будетъ грузить дрова, а фигуры на берегу—черемиски изъ деревни, пришедшія по свистку съ носилками для грузки. Такимъ образомъ, услуги артели оказались излишними. На верхней и на нижней палубѣ слышно угрюмое ворчаніе бурлаковъ, которыхъ напрасно поманили заработкомъ.

Оказывается еще не поздно. Въ деревнѣ огни, хотя на рѣкѣ казалось, что уже глубокая полночь. Небо все затянуло. Туча густѣетъ, вдали неясно гудитъ громъ, и надъ лѣсами слабо вспыхиваютъ блѣдныя молніи. Въ воздухѣ чувствуется какое-то напряженіе... Надъ обрывомъ курится огонекъ, и ѣдкій дымъ сползаетъ на рѣку.

Матросы нашего „Любимчика“ большей частью пьяны... Нѣкоторые пассажиры второго класса тоже. Точно шмели, высыпавшіе изъ гнѣзда, они мгновенно окружаютъ черемисокъ, сидящихъ надъ обрывомъ плотною кучкой очевидно приготовившейся дружно встрѣтить всякій натискъ. При слабомъ освѣщеніи пароходныхъ огней—мелькаютъ молодыя миловидныя лица; голоса раздаются въ полутьмѣ мелодично и звонко. Одѣты онѣ въ расшитыя пестрыми узорами короткія рубахи и бѣлые штаны. Нога выше колѣнъ обернута чернымъ сукномъ, перевязаннымъ бѣлыми оборками...

— Что мало васъ вышло, портошная команда?

— Эй, не видали ли собачку: сама бѣла, лапки черны?

— А, да вотъ она,—держи!

Визгъ, хохотъ, грубыя заигрыванія... Дѣвки крѣпко отругиваются. Порой шлепаютъ гулкіе удары. За ними взрывы хохота... На берегъ сходитъ тоже изрядно выпившій капитанъ, рядится съ черемисками, и онѣ принимаются таскать тяжелыя носилки по крутой песчаной тропинкѣ и узкимъ дрожащимъ мосткамъ надъ водой... Пьяные озорники, пользуясь тѣмъ, что руки у дѣвушекъ заняты, мѣшаютъ имъ... Одна носильщица дѣлаетъ невольное движеніе... Дрова съ грохотомъ валятся внизъ... Капитанъ появляется на кубрикѣ и обстрѣливаетъ весь берегъ такой отборной и громкой руганью, что матросы оставляютъ черемисокъ въ покоѣ... За то на берегу завязывается драка... Двое полупьяныхъ боролись на пескѣ...

— Не бери въ переломъ...—хрипитъ одинъ.—Въ переломъ не бери...

— А какъ тебя брать?..

— Бери за гашникъ...

— Я беру, какъ хочу... Ты бери, какъ знаешь...

— Бери за гашникъ, свол-лочь... А то живого не оставлю...

— Да я тебя самъ, какъ сухую воблу...

Взлетаетъ рука, и вдругъ уже не шуточный, а настоящій богатырскій ударъ пронизываетъ воздухъ... Два тѣла сплетаются, падаютъ на песокъ и начинаютъ кататься по землѣ... Къ нимъ наваливаются другіе... Клубокъ растетъ... Гдѣ-то далеко за лѣсомъ, какъ сердитая собака, ворчитъ громъ... Есть что-то раздражающее въ этомъ чадящемъ надъ яромъ огнѣ, въ этихъ взвизгиваньяхъ обижаемыхъ дѣвушекъ, въ ворчаніи грома и въ зарницахъ, смутно освѣщающихъ даль лѣсныхъ вершинъ... Кромѣ того и вообще въ эти знойные дни, среди напряженнаго ожиданія дождя—въ воздухѣ носится какое-то электричество... Бурлаки угрюмы и враждебно смотрятъ на безпечное и наглое озорство пьяной команды...

Вдругъ, точно искра отъ пожара, свалка вспыхиваетъ на пароходѣ... Молодой буфетный служащій заспорилъ съ пассажиромъ... Другъ у друга вырывали какіе-то узлы... Дѣло происходило подъ навѣсомъ на нижней палубѣ, гдѣ было темно и тѣсно. Оказалось на несчастіе, что какъ-то бурлакъ улегся подъ лавкой, безпечно выставивъ изъ подъ нея побѣдную головушку. Среди возни и спора кто-то наступилъ ему сапогомъ на физіономію... Бурлакъ поднялся, разъяренный, окровавленный, страшный, дико поводя глазами. Черезъ минуту изъ подъ тента, слабо освѣщеннаго огаркомъ,—несся взволнованный гулъ...

— Человѣка испортили... Какое полное право!..

— А онъ пошто лежитъ на дорогѣ!..

— Мѣсто давай!.. Гдѣ у васъ мѣста!.. Деньги плочены...

— Палубу всеё загрузили!..

— Люди вамъ, какъ скотина...

Кто-то потушилъ фонарикъ подъ тентомъ. Стало совсѣмъ темно, только отблески чадящаго костра пробѣгали по спутанной массѣ взволнованныхъ пассажировъ...

— Въ воду побросамъ,—гремѣлъ чей-то зычный голосъ...— Въ воду ихъ, ребята... Что на ихъ глядѣть, на пьяныхъ чертей...

— Капитана сюда... Капитанъ! Огонь зажигай!..

— Чтобы сейчасъ... Сей минутъ огонь былъ,—вырывается чей-то неистовый, визжащій голосъ...—Огонь... Огонь подавай... Ог-гонь...

— Капитана сюда!.. Огонь зажигай, капитанъ!

— Безъ огня не будемъ быть!..

— Не имѣмъ безъ огня сидѣть! Посудину вашу по щепамъ разнесемъ!

— Э-о-о-й... у-у-у!..

Подъ навѣсомъ настоящая буря: дикіе крики, ругательства, вой, — кажется, что все это закончится невозможной дикой свалкой...

— Я, я, капитанъ, — слышится торопливый голосъ. — Что такое?.. Почему бунтуете, господа пассажиры?.. Поштенные, не бунтуйте...

Капитанъ, повидимому, протрезвился и энергично врѣзывается въ толпу. Голосъ у него грубый, рѣшительный, замѣтный въ многоголосомъ смѣшанномъ ревѣ...

— Что такое?.. Огонь?.. Кто смѣетъ гасить огонь?.. Сейчасъ, господа... Сей секунтъ... Я самъ, самъ зажигаю огонь... Стой, разступись! Давай дорогу... Я сейчасъ... Вотъ... Я самъ зажигаю...—заканчиваетъ онъ торжественно.

Вспыхиваетъ слабый огонекъ сѣрной спички, прикрываемой ладонью отъ вѣтра. Сѣра загорается, начинаетъ кипѣть и потрескивать, синеватое пламя колеблется, и общее участіе привлекаетъ на себя судьба этого огонька... разгорится онъ или погаснетъ? Огонекъ разгорается, освѣщая загорѣлое лицо священнодѣйствующаго капитана и лица ближайшихъ „бунтовщиковъ“, на которыхъ теперь видно лишь участливое любопытство. Еще нѣсколько секундъ — и все съ такой же торжественностью капитанъ зажигаетъ фонарь.

— Вотъ,—говоритъ онъ толпѣ.

— И ладно, молодчина капитанъ...

— То-то!... А то бы мы...

Толпа смиряется такъ же быстро, какъ вспыхнула. Послѣд-

няя причина ея неудовольствія закрыла собой все остальное; причина эта устранена—и толпа довольна, какъ будто все дѣло было именно въ этомъ сальномъ огаркѣ. Только бурлакъ съ окровавленной и вспухшей губой долго еще суется въ тѣснотѣ съ печальнымъ недоумѣніемъ, спрашивая, кто же отвѣтитъ за это безобразіе и на какомъ основаніи онъ потерпѣлъ безвинно. Но теперь его несчастіе вызываетъ лишь болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія.

Часа черезъ полтора свистокъ несется надъ рѣкой... Лежа у открытаго окна въ нашей каютѣ, я вижу какъ берегъ уплываетъ отъ насъ и скоро только длинныя струйки съ отблесками вьются и плещутся по бортамъ.

Туча раскинулась по всему небу, но дождя все нѣтъ. Въ каютѣ духота, бормотаніе и сопѣніе лѣсоторговцевъ...

А на утро, съ восходомъ солнца, бурлаки слѣдятъ съ палубы, съ разочарованными лицами, какъ облака расплываются по небу и исчезаетъ постепенно, какъ дымъ отъ погасшаго курева. Во всю ночь отъ нея не капнуло ни одной капли, и день опять охватываетъ, какъ жерло раскаляющейся печи. Только дымъ на горизонтѣ не исчезъ, а сталъ еще тяжелѣе и явственнѣе. Видно, какъ ходятъ, свиваясь и развиваясь, тяжелые клубы.

Часовъ въ 9 мы проходимъ мимо Никольскаго; церковь въ купѣ зеленыхъ деревьевъ, да нѣсколько домовъ причта надъ высокимъ обрывомъ... Это называютъ „погостомъ“. Въ церкви звонятъ,—должно быть опять собираются молить о дождѣ... Съ берега что-то кричатъ, указывая впередъ, гдѣ виднѣется дымъ, но словъ разобрать невозможно.

Часовъ въ 11 бѣжитъ сверху „петерсоновскій Николай“; пассажировъ на немъ много, и они тоже кричатъ что-то. На нашемъ пароходѣ становится извѣстнымъ мѣсто пожара: горитъ вверху городъ Ветлуга...

Больше мы уже не пристанемъ нигдѣ до Воскресенскаго. Нѣсколько деревень, Никольскій погостъ да два села, Успенское и Богородское, вотъ всѣ населенные пункты, которые попадаются намъ въ теченіе $1^1/_2$ сутокъ. Кой-гдѣ проплыветъ дровяной плотишко, кой-гдѣ запоздавшая и обмелѣвшая съ весны барка печально сидитъ на пескѣ, дожидаясь будущаго сплава... Въ одномъ мѣстѣ небольшая „кладнушка“ сидитъ на мели, и три человѣка, праздно ожидая помощи, развлекаются игрой на гармоніи. Тиха Ветлуга послѣ сплава, но въ особенности тиха она теперь, въ это знойное лѣто, когда жары выпиваютъ воду и даже на Волгѣ обнажились такіе камни и перекаты, которыхъ не видывали и опытные лоцмана.

Къ вечеру „Любимчикъ“ пристаетъ къ Воскресенскому,— большое село на горѣ праваго берега, — торговый центръ Приветлужья... Мы прощаемся съ „Любимчикомъ“ и съ „Ветлугой“...

Ночлегъ на постояломъ дворѣ, на душистомъ сѣновалѣ... А на зарѣ слѣдующаго дня восходящее солнце, подымавшееся, точно по лѣстницѣ, по грядѣ румяныхъ перистыхъ облаковъ, застало насъ уже на дорогѣ изъ Воскресенскаго во Владимірское.

Мы идемъ къ озеру Свѣтлояру, иначе называемому Святымъ озеромъ, у села Владимірскаго на Люндѣ...

II.

Свѣтлояръ *).

I.

Когда, въ первый проѣздъ мимо Свѣтлояра; мой ямщикъ остановилъ лошадей на широкой Семеновской дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ большого села Владимірскаго, и указалъ кнутовищемъ на озеро,—я былъ разочарованъ.

Какъ? Это и есть Свѣтлояръ? Надъ которымъ витаетъ легенда о „невидимомъ градѣ", куда изъ дальнихъ мѣстъ, изъ-за Перми, порой даже изъ-за Урала стекаются люди разной вѣры, чтобы раскинуть подъ дубами свои божницы, молиться, слушать таинственные китежскіе звоны и крѣпко стоять въ спорахъ за свою вѣру?.. По разсказамъ и даже по описанію Мельникова-Печерскаго я ждалъ увидѣть непроходимые лѣса, узкія тропинки, мѣста укрытыя и темныя, съ осторожными шопотами „пустыни".

А тутъ—видное съ большой проѣзжей дороги въ зеленыхъ берегахъ, точно въ чашкѣ, лежало овальное озерко, окруженное вѣнчикомъ березокъ. Взбѣгая на круглые холмики, деревья становятся выше, роскошнѣе. На вершинахъ березы перемѣшались уже съ большими дубами, и сквозь густую зелень проглядываютъ бревенчатыя стѣны и куполокъ простой часовни...

И только?..

Когда я пришелъ къ озеру во второй разъ, мое разочарованіе прошло. Отъ Свѣтлояра повѣяло на меня своеобразнымъ обаяніемъ. Въ немъ была какая-то странно-манящая, почти загадочная простота. Я вспоминалъ, гдѣ я могъ видѣть нѣчто подобное раньше? И вспомнилъ. Такія свѣтленькія озерка, и такіе круглые холмики, и такія березки попадаются на старинныхъ иконкахъ нехитраго письма. Инокъ стоитъ на колѣняхъ посреди круглой полянки. Съ одной стороны къ нему подступила зеленая дубрава, точно прислушиваясь къ словамъ человѣческой молитвы; а на второмъ планѣ (если есть въ этихъ картинахъ второй и первый планы) въ зеленыхъ берегахъ, какъ въ чашѣ, такое же вотъ озерко. Не-

*) Свѣтлояръ—вулканическое озеро на рѣкѣ Люндѣ, близъ села Владимірскаго, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Съ нимъ связана легенда о невидимомъ градѣ Китежѣ...

умѣлая рука благочестиваго живописца знаетъ только простыя, наивно правильныя формы: озеро овально, холмы круглы, деревца разставлены колечкомъ, какъ дѣти въ хороводѣ. И надъ всѣмъ вѣяніе „матери-пустыни“, то именно, чего и искали эти простодушные молители.

Недалеко — въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ Керженецъ съ его дебрями и разоренными скитами, о которыхъ скитницы поютъ старыми голосами:

У насъ были здѣсь моленны. Онѣ подобны были раю.
У насъ звонъ былъ удивленный; удивленный звонъ, подобенъ грому...

Былъ недоступный лѣсъ, была тишина, отдаленность отъ міра. Была тайна.

Теперь лѣса порубили, проложили въ чащахъ дороги, скиты разорили, тайна выдыхается. Къ „святому озеру“ тоже подошли раздѣланныя поля и по широкой дорогѣ то и дѣло звенятъ колокольцы, и въ повозкахъ видны фигуры съ кокардами. „Тайна“ Китежа лежитъ обнаженная у большой дороги, прижимаясь къ противоположному берегу, прячась въ тѣнь къ высокимъ березамъ и дубамъ.

И тоже тихо выдыхается.

II.

Въ окрестномъ населеніи во многихъ спискахъ ходитъ „Лѣтописецъ“. Сухимъ, правду сказать, довольно таки суконнымъ языкомъ, съ безвкусной помѣсью стариннаго и болѣе современнаго стиля въ немъ разсказывается слѣдующая исторія.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ, спустившись по Волгѣ изъ Ярославля, построилъ городъ Малый Китежъ, на берегу Волги. Это нынѣшній Городецъ, пріютъ старой вѣры „по тайному священству“. Оттуда князь пошелъ сухимъ путемъ, по луговой сторонѣ и, переправившись черезъ тихія и ржавыя рѣчки Узолу, Санду и Керженецъ,—пришелъ къ рѣкѣ Люндѣ. „И видѣ то мѣсто зѣло прекрасно и многолюдно“, почему, „по умоленію жителей“, рѣшилъ построить тутъ городъ Китежъ Большой. Преданіе устанавливаетъ, очевидно, какое-то духовное родство между обоими Китежами: „оба города построены одной рукой и однимъ топоромъ“, — говорили мнѣ мѣстные жители. Князь изукрасилъ городъ, обстроилъ церквами, монастырями, боярскими палатами. Потомъ обвелъ рвомъ и вывелъ стѣны съ бойницами. Окончивъ дѣло, онъ вернулся къ себѣ на Волгу.

Между тѣмъ надъ Русью уже нависала туча, шла „по-

трусà“, монгольское нашествіе. Двинулся поганый Батый: „Какъ темныя тучи по небу“, шли по Руси злые татарове и подошли къ Китежу-меньшему (Городцу). Великій князь вышелъ навстрѣчу и „много драся съ Батыемъ“, но не одолѣлъ его. Татары убили его брата, а самъ князь ударился въ лѣса и, перейдя рѣки, скрылся въ новопостроенномъ своемъ градѣ, Большомъ-Китежѣ. Батый потерялъ слѣды великаго князя и сталъ „примучивать“ плѣнныхъ, добиваясь отъ нихъ указаній. Одинъ изъ этихъ плѣнниковъ, Кутерьма, „не могій мукъ стерпѣти“, указалъ Батыю лѣсные проходы къ Свѣтлояру, и татары облегли городъ Китежъ.

Что было затѣмъ—въ лѣтописцѣ говорится глухо. Извѣстно только, что князь успѣлъ скрыть въ озерѣ святые сосуды и церковную утварь, а затѣмъ погибъ въ битвѣ. Городъ же, изволеніемъ Божіимъ, сталъ невидимъ; на его мѣстѣ стала видна вода и лѣсъ.

Такъ и стоитъ градъ Китежъ понынѣ у кругленькаго и чистаго, какъ слеза, озерка Свѣтлояра. Скрылись отъ взора человѣческаго дома, улицы, боярскія хоромы и стѣны съ бойницами, церкви и монастыри, въ коихъ „многое множество бысть святыхъ отецъ, просіявшихъ житіемъ, яко звѣздъ небесныхъ или яко песка морскаго“. И кажется нашему грѣшному непросвѣтленному взору одинъ только лѣсокъ, да озеро, да холмы, да болотище. Но это только обманъ нашего грѣшнаго естества. Въ дѣйствительности же, „по настоящему“, здѣсь стоятъ во всей красѣ благолѣпные храмы, и золоченыя палаты, и монастыри... А кто можетъ хоть отчасти проникнуть взоромъ черезъ обманчивую завѣсу, для того въ глубинѣ озера мелькаютъ огоньки крестныхъ ходовъ и высокія золоченыя хоругви, и сладкій звонъ несется надъ гладью кажущихся водъ. А потомъ все стихаетъ и опять только шепчетъ дубрава.

Итакъ, надъ озеромъ Свѣтлояромъ стоятъ два міра: одинъ настоящій, но невидимый, другой видимый, но не настоящій. И сплетаются другъ съ другомъ, покрываютъ и проникаютъ другъ въ друга. Ненастоящій, призрачный міръ устойчивѣе истиннаго. Послѣдній только изрѣдка мелькнетъ для благочестиваго взора сквозь водную пелену и исчезнетъ. Прозвенитъ и смолкнетъ. И опять водворяется грубый обманъ тѣлесныхъ чувствъ...

Понятно, какъ это заманчиво. Ежегодно „подъ Владимірскую“ изъ Нижегородской, Владимірской, Вологодской губерній, даже изъ-за Перми, изъ-за Урала,—сходятся на берега Свѣтлояра толпы людей, стремящихся хоть на короткое

время отряхнуть съ себя обманчивую суету-суетъ и заглянуть за таинственныя грани. Здѣсь, въ тѣни деревьевъ, подъ открытымъ небомъ день и ночь слышно пѣнье, звучитъ гнусавое чтеніе на-распѣвъ, кипятъ споры объ истинной вѣрѣ. А на закатныхъ сумеркахъ и въ синей тьмѣ лѣтняго вечера мелькаютъ огни между деревьями, по берегамъ и на водѣ. Благочестивые люди на колѣняхъ трижды ползутъ кругомъ озера, потомъ пускаютъ на щепкахъ остатки свѣчей на воду, и припадаютъ къ землѣ, и слушаютъ. Усталые, въ истомѣ между двумя мірами, при огняхъ на небѣ и на водѣ, они отдаются баюкающему колыханію береговъ и невнятному дальнему звону... И порой замираютъ, ничего уже не видя и не слыша изъ окружающаго. Глаза точно ослѣпли для нашего міра, но прозрѣли для міра нездѣшняго. Лицо прояснилось, на немъ „блаженная“ блуждающая улыбка и — слезы... А кругомъ стоятъ и смотрятъ съ удивленіемъ тѣ, кто стремится, но не удостоился по маловѣрію... И со страхомъ качаютъ головами. Значитъ есть онъ, этотъ другой міръ, невидимый, но настоящій. Сами не видѣли, но видѣли видящихъ...

Но это теперь бываетъ все рѣже и незамѣтнѣе.

Мелькнетъ гдѣ-нибудь махонькимъ островкомъ и расплывается, какъ догорающая свѣчка, на таинственной поверхности озера. А кругомъ шумитъ обманчивый „видимый“ міръ...

III.

Познакомившись съ чудеснымъ озеркомъ, я послѣ этого не разъ приходилъ къ нему съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами, чтобы, смѣшавшись съ толпой, смотрѣть, слушать и ловить живую струю народной поэзіи среди пестраго мельканія и шума. Вечерняя заря угасала, когда я стоялъ на холмѣ, близъ бревенчатой часовни, въ тѣсной и потной мужицкой толпѣ, слѣдившей за преніями. И утренняя заря заставала насъ всѣхъ на томъ же мѣстѣ...

Много наивнаго чувства, мало живой мысли... Градъ взыскуемый, Великій Китежъ—это городъ прошлаго. Старинный градъ со стѣнами, башнями и бойницами,—наивныя укрѣпленія, которымъ не устоять противъ самой плохонькой мірской пушченки!—съ боярскими хоромами, съ теремами купцовъ, съ лачугами простого „подлаго“ народа. Бояре въ немъ правятъ и емлютъ дани, купцы ставятъ передъ иконами воскуяровыя свѣчи и одѣляютъ нищую братію, чернядь смиренно повинуется и пріемлетъ милости съ благодарными молитвами...

Есть что-то умилительное и для насъ въ этой легендѣ... Многіе и изъ насъ, давно покинувшихъ тропы стародавняго

Китежа, отошедшихъ и отъ такой вѣры, и отъ такой молитвы, — всетаки ищутъ такъ же страстно своего „града взыскуемаго“. И даже порой слышатъ призывные звоны. И очнувшись, видятъ себя опять въ глухомъ лѣсу, а кругомъ холмы, кочки да болота...

IV.

Въ этотъ разъ я подходилъ къ Свѣтлояру не въ праздникъ, а въ будни, и былъ радъ случаю посмотрѣть чудесное очеро въ его обычномъ видѣ, въ тишинѣ его простого, будничнаго одиночества.

Солнце склонялось къ „горамъ“. Березы, ольхи и дубы на склонахъ холмовъ уже стояли въ тѣни, между тѣмъ какъ молодыя березки на плоскомъ восточномъ берегу еще просвѣчивали насквозь яркою зеленью. Въ гладкой, какъ зеркало, водѣ тихо стоялъ опрокинутый берегъ, съ холмами, деревнями и часовней, чуть зыблясь отъ прямыхъ свѣтлыхъ полосокъ. Это передъ закатомъ баловала мелкая рыбешка. Между стволами мелькали рѣдкія фигуры. Двѣ странницы съ котомками, должно быть отдыхавшія въ жару на озерѣ, тяжело подымались въ дорогу. Часовня была заперта. Въ страннопріимномъ домѣ, построенномъ Владимірскимъ сельскимъ обществомъ на берегу, ставни забиты на-глухо. Еще два года назадъ здѣсь жилъ старикъ лѣтъ девяноста, сѣдой, какъ лунь, наивный, какъ ребенокъ, и глухой, какъ тетеревъ. Въ домикѣ „общество“ дозволяетъ жить, кому угодно, чтобы мѣсто свято не было пусто. Прежде не надо было и дома. Радѣтели, „труждающіе люди“, изрыли всю гору землянками и пещерами. Теперь это вывелось. Частью оттого, что и вообще „усердія“ стало меньше, частью же оно какъ-то плохо уживается съ паспортными правилами. Полиція, не находя входовъ, а только отверстія „для воздуху“,—выгоняла подвижниковъ щупами и выкуривала дымомъ. Невидимые трудники разбрелись. Тогда-то благочестивые владимірскіе старики рѣшили соорудить храмину и пустили въ нее этого старца. Онъ пришелся ко двору и жилъ на озерѣ много лѣтъ, радуя владимірцевъ своимъ благообразіемъ. Весь сѣдой, одѣтый въ чистую рубаху и порты, въ свѣжихъ лаптяхъ, повязанныхъ свѣтлыми лычаными оборками, онъ служилъ истиннымъ украшеніемъ этого мѣста во время ежегодныхъ сборищъ. Опершись на свой подожокъ, съ обнаженной головой, на которой вѣтеръ шевелилъ серебряные волосы, онъ стоялъ около своей избы и смотрѣлъ то младенчески чистыми, то старчески строгими глазами на ше-

велящійся народъ, какъ будто слѣдя, не появилась бы гдѣ какая нечисть. Его всегда окружала толпа, какъ человѣка, связаннаго невидимой нитью съ завѣтною тайной озера.

А нитей этихъ, связующихъ два міра, становится все меньше. Много народу припадаетъ къ берегамъ, чтобы услышать изъ глубины святой звонъ невидимаго града. И не слышатъ. А онъ слышитъ, несмотря на то, что совершенно глухъ.

— Кричи ему хоть въ самое ухо,—ничего не разберетъ.

— Значитъ ему это не нужно.

— А китежскій звонъ слышитъ. И не то что подъ Владимірскую, а безперечь, во всякое время.

— Выйду этто на зорькѣ, на ранней на кресты невидимые помолиться, а оно и гу-ў-у-дитъ и бу-ў-хаетъ, — говорилъ онъ при мнѣ, дѣтски радостно улыбаясь изумленной толпѣ.— И колоколо̀-те, братцы, какъ наше, кузьмодемьянско. Давно я изъ дому, отъ Кузьмы-те Дамьяна ушелъ... Дитёй малыемъ. А колоколо̀ наше помню. Этакъ же вотъ и здѣсь—ровно наше колоколо̀, бухаетъ на зорькѣ...

И по лицу стараго младенца бродитъ счастливая дѣтская улыбка...

— Умные не разумѣютъ и имѣющіе уши слышати—не слышатъ,—строго сказалъ при этомъ одинъ изъ толпы.—А вотъ глухого старца Господь умудряетъ. Горе слышащимъ слово и не внемлющимъ.

И онъ угрожающе окинулъ всѣхъ сухими, строгими и колющими глазами. „Чудо“, явленное надъ глухимъ старцемъ, онъ, конечно, тотчасъ же присвоилъ себѣ и хотѣлъ видѣть въ немъ подтвержденіе какой-то своей строгой вѣры, заключенной въ старинной книгѣ... Зри главы такія-то, стихи пятый и седьмый на десять. И такъ какъ не всѣ мы, конечно, даже и знали, что именно гласятъ стихи пятый и седьмый на десять, то, во имя чуда, онъ уже обрекъ насъ огненной геенне. А старикъ и ему улыбался своими синими глазами, чистыми, какъ свѣтлоярскія воды...

Въ этотъ разъ, старика уже не было. Разъ утромъ его застали на лавочкѣ, чистаго, безмятежнаго и очевидно давно приготовившагося въ дальній путь. Лицо было счастливое, какъ у младенца... Вѣроятно въ послѣдній часъ онъ слышалъ опять бухаціе родного колокола не то изъ глубины святого озера, не то изъ такого же святого дѣтства...

Такъ какъ мѣсто свято пусто не бываетъ,—то въ келью явились новые богадѣльщики. Даже двое. Сначала пришла келейница и поселилась въ избѣ; потомъ пришелся солдатъ

и попросилъ позволенія построить земляночку. Старики позволили. Но какъ только сошли снѣга, изъ земли выбило травку и зазеленѣлись деревья,—пастухи, гонявшіе „на горы“ скотъ, принесли на село соблазнительныя извѣстія, которымъ старики дали вѣру не сразу: мало ли покажется глупымъ подросткамъ. Пожалуй, блазнитъ лукавый. Но однажды пастухи пригласили стариковъ на самое мѣсто: подъ древомъ на муравушкѣ рядышкомъ почивали келейникъ съ келейницей и тутъ же лежала пустая посудина.

Плюнули и прогнали обоихъ. А окна заколотили... Ждали, не придетъ ли опять „настоящій“ какой-нибудь старецъ...

Не приходилъ.

V.

Я обхожу съ своими спутниками кругомъ озера, слушая смутный передзакатный шорохъ деревьевъ. По временамъ на озерѣ выкинется рыба. Лягушка скрекочетъ у берега въ нагрѣтой за день колдобинѣ. Беззаботно, какъ дѣти, чирикаютъ воробьи... На томъ берегу деревенскія дѣвки мирно купаются рядомъ съ парнями. Смуглыя тѣла парней выдѣляются издали отъ бѣлыхъ, дѣвичьихъ.

Въ укромномъ уголкѣ берега, гдѣ лѣсъ переходитъ въ мелкую поросль, стоитъ старикъ и удитъ рыбу. Онъ увидѣлъ насъ раньше, чѣмъ мы его, и теперь, искоса поглядывая на поплавокъ, онъ не менѣе внимательно слѣдитъ за нами. Онъ босой, безъ шапки. Во всей фигурѣ — солидное деревенское благообразіе, какая-то черта, характерная для человѣка, уважающаго себя и привыкшаго къ уваженію.

— Здравствуйте, дѣдушка!

Умные глаза изъ-подъ шапки сѣдыхъ волосъ нѣкоторое время продолжаютъ изучать меня. Потомъ выраженіе ихъ смягчается.

— Миръ дорогой,—отвѣчаетъ онъ.—А вы кто такеи? Что за человѣки?

— Нижегородскіе.

— Дѣло. На горы наши пришли? Такъ вамъ бы прійти подъ Владимірску владычицу. Вотъ тогда гоже у насъ.

— Бывалъ и на Владимірскую... Что? каково клюетъ?

— Плохо чтой-то. Вотъ дёнъ десятокъ назадъ, — успѣвай только закидывать. А нонѣ, вишь, и не дернетъ. Что есть— сарожникъ и тотъ не хочетъ съ червякомъ побаловаться...

Дѣйствительно, вода не шелохнетъ. Тонкія серебряныя колечка охватили стебельки растеній и держатъ ихъ въ блестящей неподвижной истомѣ. Поплавокъ трудно разыскать глазомъ среди рѣдкаго тонкаго татарника...

— А рыбы здѣсь много?

— Вного *). Рыбно озеро-те наше. Окунь, лещъ, щука, карась, елецъ, сарожникъ... Караси-те здоровущіе живутъ. Жи-и-ирные, какъ, все одно, свиньи.

Поплавокъ дрогнулъ. Изъ глубины по водѣ тихо пошли два-три круга. Старикъ потянулъ. Крючекъ задѣлъ за траву. Онъ вытащилъ, внимательно осмотрѣлъ и надѣлъ новаго червяка.

— Заростать стало. За грѣхи-те,—сказалъ онъ, поплевывая на наживку. — Въ старые-те годы не было этого. Хоть бы тебѣ травиночка! Какъ слеза было озеро... Главное дѣло—слабость. Вотъ! купаться этто не возбраняютъ. А вѣдь у иного, милый, тѣло-то бываетъ нечистое. Бабы опять, дѣвки... Отъ женщиновъ-то еще болѣе заростаетъ...

Онъ опять закинулъ удочку и обернулся ко мнѣ съ выраженіемъ гордости:

— А и теперь еще, слышь,—гдѣ ты эку воду-те найдешь? Погляди: земчугъ! Иглу вотъ тутъ на дно урони,—видно!

Дѣйствительно—вода кристально прозрачна: на днѣ, пока оно не ушло вглубь,—видно все до послѣдней гилочки. Все оно усѣяно „обломомъ“: вѣточки, вѣтви, кое-гдѣ цѣлые стволы слежались плотно другъ съ другомъ и лежатъ, отчетливые, точно живые. Нигдѣ признаковъ ила, разложенія, гнили.

— А на середкѣ,—говоритъ рыбакъ съ наивнымъ удивленіемъ,—черно, что ночью. И чудное дѣло, братецъ мой, что за озеро это у насъ. Этто годовъ можетъ съ пять выѣзжали мы тутъ въ ботничкѣ, лотъ спущали. Саженяхъ на двадцати стала гиря, нейдетъ. Я ее взялъ этакъ, отряхнулъ. Что-жъ ты думаешь: пошла опять и пошла, и пошла. Веревка вся, а дна нѣтъ. Другую навязали. Семдесятъ саженей, а дна все нѣту...

— А правду говорятъ: будто тутъ гдѣ-то есть теченіе?

— Кто знаетъ. Весной этто въ Люнду, правда, источина невеличка живетъ. А что сказываютъ, будто съ Волгой имѣетъ собченіе, такъ нѣтъ. Не полагаю я этому быть. Потому, видишь ты: надо бы у насъ тогда волжской рыбѣ водиться...

— А ты, милый, нашего лѣтописця читалъ ли?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Читалъ.

— Наплачешься! Правду я говорю?...

— А сами вы, дѣдушка, звонъ слышали?

Онъ постоялъ молча, какъ бы въ нерѣшимости. Потомъ заговорилъ серьезно и вдумчиво:

---

*) Особенность мѣстнаго говора: вного, вмѣсто много.

— А насчетъ звона я тебѣ вотъ бывальщину разскажу, а ты слушай. Я тогда еще мальчикомъ былъ, малыемъ, по семнадцатому году. А теперь мнѣ семой десятокъ на исходѣ. Много ли время?.. И работалъ я вонъ тутъ за горой кирпичи на нашего князя, на господина Сибирскаго помѣщика, съ матерью. Прихаживалъ тогда на озеро старичокъ, Кирила Самойловъ. Родомъ изъ села Ковернина. И былъ у него пчельничекъ свой, на пчельникѣ и жилъ; медъ продавалъ и воскъ тоже. Угодный былъ старичокъ. И все хотѣлъ спастися, не хотѣлъ такъ, чтобы на пчельникѣ помирать. И сталъ къ намъ прихаживать „на горы". Укутаетъ пчелокъ-то на зиму и придетъ. И залѣзетъ въ гору. Даже такъ, что по недѣлямъ живалъ, спасался.

— Значитъ тутъ пещеры были?

— И-и... Много! Только, конечно, по тайности. Потому что на ту пору уже разгонять принимались. Да вотъ, поди ты: и разгоняли, а все больше нонѣшняго усердія-те было... Я еще помню хорошо: гора вся была ископана. Идешь, бывало, зимнее дѣло: тянется изъ яминки паръ или, сказать, дымокъ, и иней кругомъ обтаялъ. Скажи: „Господи, Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ!" И сейчасъ изъ яминки рука за милостиной протянется.

— Какъ же они туда проходили?

— Да какъ проходили. Вонъ тамъ, у этого родничка береза стояла. Потомъ свалилась не въ давнее время, лѣтъ, можетъ, десять назадъ. У той березки корень былъ развилистой, такъ подъ тотъ корень на моей памятѣ можно было пролѣзть на корячкахъ. Мужикъ тутъ одинъ, посмѣлѣе,—не въ давніе еще года саженъ десять полóзъ. Сказывалъ: дальше бы можно; кверху пошло, трубой! Да, говоритъ, страшно: духотина. Ты вонъ, погляди, этотъ берегъ-то какой... Подпрыгни-ка.

Дѣйствительно мы стоимъ на пластѣ, въ родѣ торфяного, который тянется далеко вдоль озера. Я подпрыгнулъ саженяхъ въ двухъ отъ воды, — и по ней тотчасъ пошли круги. Видно, что не берегъ уходитъ въ воду, а наоборотъ вода идетъ подъ пластомъ корней и плотнаго травяного перегноя...

— Да вотъ тутъ гдѣй-то и проходили. Этто вотъ еще, лѣтъ можетъ пятокъ, объявился было одинъ. Остатній видно. Забрался было въ гору-те. Жилъ.

— Ну, и что же?

— Да что! Не тѣ времена, поштенный. Озорства много стало. А ему этого не надобно. Ему нуженъ спокой. Нонѣшній народъ не сталъ этого понимать. Особенно ребята, моло-

дяжникъ. Что ты съ ними подѣлаешь. Розыскали отдушинку-те эту самую, сейчасъ — баловать! Онъ, милята, можетъ на стояніи, молитву творитъ—за весь міръ. За всѣ хрестьяны... а они, дураки, сверху-те на него... того... просто тебѣ сказать, озоруютъ... А то разъ выполозъ онъ на свѣтъ Божій рыбы поудить... Что-жъ. Это ничего. Дѣло апостольско. Положилъ кошель на берегу, отлучился малое время. А солдатъ у него кошель и уволоки. На вотъ! Живи ты тутъ съ нами, съ дураками! Не достойны мы! Убрался сердяга... Гора-те и опустѣла...

— Ну, а что же съ Кириломъ Самойловымъ?

— Да... Прихаживалъ, говорю, молился. А тутъ выгонка пошла, нельзя стало. Ну, онъ бывало придетъ, да къ намъ, схоронится въ сараѣ, пережидаетъ жестокое-те время. А то у матери моей въ амбарушкѣ поживетъ. Мы думаемъ себѣ: что-жъ, ничего. Старичокъ и старичокъ. Мало ли ихъ. А онъ вотъ какой старичокъ: сталъ звонъ слышать. Утречкомъ какъ-то спимъ мы, до свѣту еще. Онъ будитъ: „Вставайте, что вы спите. Тутъ чудеса. Послушайте-ко". Проснулись мы.— „Слышите ли?"—Нѣтъ, молъ, Кирила Самойловичъ, ничего не слыхать. Только по листу вѣтеръ.—„Какъ это, говоритъ, не слышите. Припади, старуха, къ землѣ". Мать къ землѣ припала.—„Такъ, говоритъ, въ родѣ шумъ. Дерева сотрясаются, такъ гудятъ: бу-у, да бу-у..."—„Не древа, говоритъ, маловѣрная. Ухи у тебя заложило. Я вотъ слышу въявѣ: это *у нихъ* къ заутренѣ вдарили. Слава тебѣ, Владычице, Пресвятая Богородице, святые угодники. Удостоился и я грѣшный..." Ну, потомъ чаще да чаще... А тамъ уже и видѣть сталъ. Туманъ, говоритъ, на озерѣ-те, а въ туманѣ такъ обозначаетъ, что городъ, и церквы, и княжецки палаты, и монастыри великолѣпные. Самъ говоритъ, а самъ плачетъ, бороденка трясется. Теперича, говоритъ, надобно мнѣ туда попадать небезпремѣнно. Оттеда уже извѣстно дѣло: преставишься въ экой благодати прямо въ рай... Никакихъ, говоритъ, денегъ не пожалѣю. Вкладъ имъ положу...

— Ну, и что же?

— Пошелъ по народу говоръ: Кирила Самойлычъ звоны слышитъ, невидимый градъ ему открывается. Ушелъ онъ къ себѣ на пчельникъ. Потомъ, слышимъ, продастъ пчельникъ, продаетъ избу, все имущество, однимъ словомъ порѣшилъ. Пришелъ опять къ намъ. — „Что ты молъ, Кирила Самойловичъ?"

— Молчите, говоритъ. Скоро за мною придутъ. Попрощаться пришелъ.

„— Куда-жъ ты пойдешь? Мы бы поглядѣли.

„— Нельзя вамъ видѣть, какъ я съ ними отправлюсь. Ваши, говоритъ, глаза грѣшные.

„Глядимъ: чудной нашъ Кирила Самойловъ сталъ. Хлѣба не ѣстъ, квасу не пьетъ, извелся, а ликъ веселый. Разъ этакъ утречкомъ на ранней зорѣ, прокинулся я, вышелъ изъ сараевъ вонъ на тотъ на узгорочекъ. Гляжу, сидитъ Кирила Самойловъ на бережку, съ нимъ двое, въ родѣ монахи, въ клобучкахъ, и у одного бороденка оказываетъ, будто сѣдая, другой черной. И бесѣдуютъ. Черный на озеро рукой кажетъ. Страшно мнѣ стало, такъ что даже въ глазахъ замстило, темная вода пошла. Прокинулся. Нѣтъ никого, только Кирила Самойловъ на горку здымается...“

— Д-да... Вонъ какое дѣло,—продолжалъ онъ съ глубокимъ раздуміемъ. — Послѣ того не въ долгомъ времени пропалъ старичокъ безъ вѣсти. Онъ насъ же и скрылся. Одѣлся напослѣдокъ чистенько, причесался, умылся, попрощался и нѣту стало. Какъ въ воду канулъ. Нѣту нашего Кирила Самойлова и нѣту. Думали мы: не ушелъ ли какъ раннимъ дѣломъ къ себѣ въ Ковернино. Довелось въ ту сторону побывать, я нарочно и завернулъ. — „Гдѣ молъ Кирила Самойловъ у васъ?“ — „Нѣтъ Кирила Самойлова. Пропалъ безъ вѣсти. И на пчельникѣ другой ужъ сидитъ“. Вотъ, поштенный, каки дѣла-то. А?

— Такъ и не объявился послѣ?

— Гдѣ объявиться! Сказывали, положимъ, всяко, да чего самъ не видалъ, такъ что и говорить.

— Нѣтъ, вы всетаки, пожалуйста, скажите.

— Бабка тутъ одна была. Померла давно. Такъ на тую пору акуратъ корова у ней потерялась. Думала,—вотъ придетъ, а она — ночь полночь — не идетъ домой. Стало у ней сердце неспокойно, поднялась ночью-те, пошла искать. Нашла въ лѣсу. Тамъ вонъ за горами лѣсъ былъ большой. Погнала этто мимо озера, и видитъ: лодочка будто отъ берега отпихнулась и въ лодочкѣ трое. Тихимъ голосомъ стихиру поютъ. Отъѣхали на середину озера. Бултыхнуло будто что-то и скрикнуло. А темно, ночь-те весення, сумрачна. Испужалась она, погнала корову, что есть духу... Говорили: не иначе это Кирила Самойловъ въ Китежъ отправился.

— А можетъ на дно озера, дѣдушка?

— Ну, такъ что, — сказалъ онъ холодно, кинувъ на меня спокойно увѣренный взглядъ. — На днѣ тоже самое монастырь. И на самой середкѣ главны ворота... Этакъ же вотъ, какъ ты, и тогда говорили: утопъ Кирила Самойловъ, больше

ничего. Начальство выѣзжало, на допросы таскали. Взяли, будто, двухъ какихъ-то въ Семеновѣ...

— И что-жъ?

— Да что! Никто знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Слѣдуй пожалуй! Ищи! Городской народъ, извѣстно ужъ... До всего доходитъ.

Онъ смолкъ, и между нами пробѣжала, какъ будто, неуловимая тѣнь отчужденія. Я былъ тоже городской и съ дрожью негодованія видѣлъ мрачное и грубое преступленіе тамъ, гдѣ для него была умиляющая святая тайна. И онъ это чувствовалъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, глаза его опять смягчились. У него явилась потребность досказать еще что-то.

— Опять же самъ не видалъ, люди баяли. Ѣхали на двухъ подводахъ мужики изъ Семенова съ базару. Запоздали... Дѣло ранней весной. Земля-те отпотѣла, туманъ. Лошади сошли съ дороги, къ озеру. Извѣстно скотина; можетъ пить захотѣли. Прокинулись мужики, глядятъ. Надъ озеромъ туманъ столбами ходитъ, а солнце чуть за горами показывается. И вдругъ, братецъ ты мой, видятъ они: ѣдутъ изъ озера на большой подводѣ монахи не монахи, а вродѣ того. Диву дались наши мужики: что такое? Монахи незнакомые. Лошади у нихъ большія, сытыя, сами народъ тоже гладкой, ликомъ свѣтлые. И ѣдутъ изъ воды прямо на нихъ, все одно—по дорогѣ... Подъѣхали, остановили ихнихъ лошадей, давай хлѣбъ на свою телѣгу перекидывать... Потомъ деньги отдали, честь честью, до копѣечки, повернули подводу и опять въ озеро. Только ихъ и видѣли. И слышь ты, что еще. Ты вотъ человѣкъ городской... Ну, понимай это дѣло, какъ знаешь, а будто и Кирила Самойлова тутъ же видѣли съ ними. А заговорить не посмѣли...

Мы оба помолчали, занятые своими мыслями. И мысли у насъ были разныя. У разсказчика онѣ были, повидимому, свѣтлыя и ровныя. Лицо его опять приняло доброе, благожелательное выраженіе.

— Насказалъ я тебѣ, проходящій, вного чего. Ты думаешь, можетъ: чего и не бывало. А наше, братъ, мѣсто не простое. Нѣ-ѣтъ... не простое... Тебѣ вотъ кажетъ: озеро, болотина, горы... А существо тутъ совсѣмъ другое. На этихъ вотъ на горахъ (онъ указалъ рукой на холмы) сказываютъ быть церквамъ... Этто вонъ, гдѣ часовня, — соборъ у нихъ стоитъ Пречистаго Спаса. А рядомъ на другомъ-те холмѣ— Благовѣщеніе. Тутъ въ стары годы береза стояла, такъ на са-амой, выходитъ, на церковной главѣ.

— Откуда же это-то извѣстно?

— А отъ бѣсноватыхъ, отъ кликушъ. Какъ, бывало, поведутъ которую мимо той березы, сейчасъ онѣ и пойдутъ выкликать: „ой, березка матушка! На церковной главѣ выросла. Помилуй насъ“. Вѣдь ужъ это явственное дѣло. Чего же болѣе. А тутъ вотъ мочажникомъ самымъ большая дорога у нихъ прошла. Эвонъ, супротивъ овражка промежду взгорьевъ серединой озера. Тутъ другой разъ сѣтями мы задѣваемъ. Такъ это монастырски ворота. И сказываютъ: на столбахъ-те чепи, а на чепяхъ сундукъ съ золотомъ да золотая всякая сосуда запущена... Вотъ, ты и думай себѣ. Мы, грѣшные, видимъ болотину, да лѣсъ, да озеро. А на самомъ-то дѣлѣ взять: оно оказываетъ совсѣмъ другое... Ой, да что же это я!

По водѣ между татарникомъ уже съ полминуты ходили круги. Мой собесѣдникъ спохватился и торопливо, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ сталъ „водить“ клюнувшую на крючекъ большую рыбу.—Н-ѣтъ... пог-годи! Не уйдешь, милай,—говорилъ онъ, присѣдая и то натягивая лесу почти горизонтально, то отпуская, то заводя ее изъ стороны въ сторону. Потомъ выпрямился, дернулъ удилищемъ и выхватилъ очень бойкаго порядочной величины окуня. Окунь мелькнулъ по воздуху и, изогнувшись дугой, попалъ въ зеленую траву. Здѣсь онъ опять извивался и прыгалъ, очевидно не желая разставаться со своей призрачной жизнію.

Наконецъ рыбакъ снялъ его съ крючка и положилъ въ стоявшее рядомъ берестяное ведерко. Видъ у старика былъ довольный.

Я невольно засмѣялся. Онъ посмотрѣлъ на меня, тоже слегка улыбнулся и спросилъ:

— Чего ты?.. Не надо мной ли, дуракомъ?

— Нѣтъ, дѣдушка. А только подумалось мнѣ чудное...

— А что же, милай?

— Вѣдь озеро-то... Одна видимость?..

— Ну-ну...

— И воды тутъ нѣтъ, а есть дорога и главныя ворота?..

— Это вѣрно.

— Такъ какъ же, вотъ, окунь-то? Выходитъ и онъ только видимость.

— Поди ты вотъ... А?—сказалъ онъ съ недоумѣвающей благодушной улыбкой.

И потомъ прибавилъ:—А мы-те, дураки, жаримъ да кушаемъ.

Онъ опять вынулъ окуня, посмотрѣлъ на него, взвѣсилъ на рукѣ и сказалъ:

— Порядочный, гляди. Еще бы парочку этакихъ,—уха!

VI.

Мы дружески распрощались.

Солнце уходило за горы все ниже и по всему озеру протянулась прохладная тѣнь. Вмѣстѣ съ нею, повидимому, начался клевъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколько саженей, какъ у старика опять мелькнула въ воздухѣ новая добыча: большой плоскій лещъ пролетѣлъ дугой и шлепнулся въ траву.

Меня потянуло купаться. Отойдя подальше, чтобы не помѣшать доброму человѣку таскать изъ кажущагося озера несуществующихъ рыбъ, я раздѣлся недалеко отъ кладочки съ привязанной лодкой и съ наслажденіемъ кинулся въ воду. Надо мной спокойное высокое небо. Маленькое золотистое облако таетъ въ румяныхъ отблескахъ. Подо мной—загадочная глубина, бездонная и таинственная.

— Э-эй! Проходящій!—слышу я съ берега чей-то голосъ. Молодой мужикъ, тоже съ удочкой и кошелемъ, стоялъ у самой воды и смотрѣлъ на меня.

— А ну-ко, проплыви еще... Еще маленько... Ну вотъ, въ акуратъ. Теперь мырни-ко, мырни, да поглубже. Ну-ко-ся...

Мнѣ самому это соблазнительно и, набравъ воздуху, я опускаюсь вертикально въ глубину. Холодно, вода очень плотная. Невольное ощущеніе жути и таинственности... Меня быстро выноситъ опять на поверхность...

Отряхнувшись и открывъ глаза, я прежде всего вижу того же мужика. Уцѣпившись руками за вѣтку прибрежнаго дерева,—онъ весь повисъ надъ водой. Глаза его полны захватывающаго, жаднаго любопытства...

— Ну-ко... еще разъ... Еще разикъ...

Я дѣлаю вторую попытку. На этотъ разъ—удачнѣе и глубже. Вода еще холоднѣе и выжимаетъ кверху, какъ пружина, но все же мнѣ удается нащупать ногой какой-то предметъ. Вѣтка дерева. Она уходитъ изъ-подъ ноги, но тутъ же другая, третья. Какъ будто вершины потонувшаго лѣса... Я вишу между ними на глубинѣ, плотной и темной. Еще усиліе. Звонъ въ ушахъ. Меня быстро выноситъ на поверхность, и я глубоко вздыхаю полною грудью. Молодой рыбакъ опять встрѣчаетъ меня наивнымъ, любопытнымъ, немного испуганнымъ взглядомъ.

— Долго же ты подъ водой-те былъ... Ну, братъ, — говоритъ онъ дружески, когда я выхожу на берегъ:—насыпь ты мнѣ вотъ эту лодью золота, чтобы я мырнулъ въ нашемъ озерѣ... Ни за что не мырнулъ бы.

— А меня посылалъ?

— Дѣло твое,—говоритъ онъ стыдливо.

Солнце совсѣмъ сѣло и съ дороги въ село Владимірское я съ трудомъ успѣлъ набросать въ своемъ альбомѣ озерко, горы и вѣнчикъ его деревьевъ. По равнинѣ быстро разливалась тьма, поглощая очертанія. Только тихая Люнда слабо мерцала, извиваясь по болотистой низинкѣ, да клочекъ озера томно отсвѣчивалъ стальной синевой вечерняго неба.

Прощай, Свѣтлояръ. Прощай, таинственное озеро чудесъ и темной вѣры въ призрачное прошлое.

III.

Пріемышъ.

Раннимъ утромъ, почти на зарѣ, когда бѣлый туманъ покрывалъ еще Святое озеро сплошнымъ мягкимъ покровомъ, мы прошли мимо его береговъ, направляясь къ Керженцу.

Въ полдень мы были уже въ большомъ селѣ Быдреевкѣ, и бродили по берегу Керженца, стараясь достать лодку, чтобы спуститься по теченію рѣки къ Волгѣ.

Дѣло оказалось нелегкое. Какой-то бѣлокурый мужикъ увѣрялъ меня, что у него есть чудесная лодка.

— Ужъ я, ваше степенство, знаю, что вамъ надо. Мой ботничекъ въ часъ до неба сомчитъ... Въ сутки—къ Макарью...

Но едва мы усѣлись въ него и отпихнулись отъ берега,— ботникъ заслезился изо всѣхъ щелей, закряхтѣлъ и тихонько опустился на дно. Къ счастью, катастрофа случилась недалеко отъ берега...

— Недорого и взялъ бы,—съ искрой исчезающей надежды сказалъ мужикъ.—Ботникъ легкой,—сухо закончилъ онъ, пинкомъ ноги придавая ветерану прежнее положеніе на песчаной косѣ.—Лучше этого ботника нигдѣ не достанете...

Въ концѣ концовъ, мы всетаки нашли то, что намъ надо, но для этого пришлось спуститься внизъ по рѣкѣ, откуда уже не было видно ни Быдреевки, ни большого тракта, по которому звенятъ колокольцы, ни длиннаго моста съ телеграфными столбами.

Времени прошло не мало. когда мы усѣлись въ нашъ корабль, спустившись съ берегового крутояра. Наша лодка тихо двинулась внизъ по теченію. и сразу Керженецъ охватилъ насъ своей тихой, задумчивой и сумрачной красотой.

Рѣка узка... Темная струя несетъ лодку межъ высокими берегами, точно въ глубокой щели. Лучи склоняющагося солнца золотятъ острыя верхушки елей на лѣвомъ берегу. На правомъ — ветлы мочатъ въ водѣ свои блѣдно-зеленыя вѣтви. Тихо качаются бѣлыя и желтыя кувшинки, и дальній лай собакъ или одинокій крикъ пѣтуха несется откуда-то изъ невидныхъ съ рѣки деревень...

Я бросилъ весла и только порой направляю лодку, когда она подплываетъ къ ветламъ, и вѣтки бьютъ меня по лицу... Я знаю, что стоитъ мнѣ подняться на высокій берегъ, и я можетъ быть опять увижу Быдреевку, и ея длинный мостъ,

по которому тянутся обозы и летаютъ почтовыя тройки изъ Семенова на Вятку...

Но здѣсь не видно телеграфныхъ столбовъ, не слышно почтовыхъ колокольчиковъ... Налѣво—въ рѣку заглядываетъ съ яра дремучій лѣсъ, направо — шелестъ идетъ по травѣ. да мать-мачеха хлопаетъ по вѣтру своими блѣдно-зелеными листьями... Снизу они бѣлы, пушисты и мягки, какъ прикосновеніе материнской руки. Сверху зелены и холодны. Это—мачеха...

Солнце сильно склонилось и совсѣмъ исчезло съ рѣки, а лодка все плыла внизъ, не встрѣчая на берегу живого существа... Наконецъ—еще поворотъ и она вышла на широкое плесо. Песчаная коса сильно вдавалась въ теченіе рѣки. На косѣ виднѣлся рыбацкій челнокъ, а у челнока босая дѣвочка лѣтъ восьми возилась съ тяжелымъ для нея весломъ и рыбацкими снарядами.

Я шевельнулъ весломъ, и наша лодка уткнулась въ отмель съ другой стороны...

Дѣвочка повернулась. Ея синіе глаза стали круглѣе, губы опустились книзу, и весло выпало изъ рукъ.

— Не бойся, умница,—сказалъ я помягче.—Мы тебѣ дурного не сдѣлаемъ. Скажи, какъ поближе пройти въ вашу деревню...

— Э-эвона... деревня-то...

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ изъ-за кустовъ избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернемъ солнцѣ.

— А тебѣ кого?—спросила дѣвочка смѣлѣе и съ любопытствомъ.

— Да намъ бы вотъ чаю напиться, да можетъ переночевать... Дѣло къ вечеру, а плыть намъ далеко.

— Переночевать?.. Ступай къ Дарьѣ Ивановнѣ.

— А гдѣ она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну развѣ не знаешь?

— Да я здѣсь не бывалъ никогда...

— Ну, не бывалъ, такъ гдѣ тебѣ и знать. Погоди, мужикъ ейный, Дарьи Ивановнинъ, тутъ недалече. Тятька, ау! Степанъ Ѳедора а-ачъ!—крикнула она нараспѣвъ, повернувшись къ рѣкѣ.

— А-а-а-ау!—отозвался откуда-то издалека глухой мужичій голосъ.

— Подь, Степанъ Ѳедора-а-ачъ, сюда-у!..

Черезъ минуту на берегу показалась фигура мужика, безъ

шапки, съ лохматыми волосами, босого и съ грудою сѣтей на спинѣ. Онъ шелъ, опустивъ голову, покачиваясь, будто сонный, и нѣсколько разъ споткнулся на ходу. Дѣвочка смотрѣла на него смѣющимися глазами.

— Вишь, шатаетъ его. Ты, можетъ, подумаешь—пьяный онъ! Нѣтъ, не пьяный, а ночи не спитъ,—все на рѣкѣ, на сѣжѣ, сидитъ—рыбачитъ. Снялъ у мужиковъ воды въ кортома, вотъ тутъ повыше омутовъ. Мамка, Дарья Ивановна, говоритъ: „не снимай“, а онъ не послушался: „сниму“,—говоритъ. Пять рублей отдалъ. А рыба, слышь, и нейдетъ къ нему... Вотъ онъ и старается...

— Да онъ тебѣ тятька, что ли? — спросилъ я, удивляясь, что она зоветъ мужика то тятькой, то по имени и отчеству.

Дѣвочка не отвѣтила. Въ это время рыбакъ, немолодой, угрюмаго вида, подошелъ уже къ намъ; не скидая сѣтей, онъ остановился, посмотрѣлъ на меня отяжелѣвшими отъ безсонницы глазами и спросилъ:

— Чьи будете?

— Нижегородскій,—отвѣтилъ я.—Мнѣ бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда такъ, за мной.

И онъ пошелъ впередъ, все такъ же спотыкаясь на ходу, будто вотъ-вотъ свалится и заснетъ у тропинки.

— Опять ни одной рыбешки не поймалъ, — сказала дѣвочка.—Мотри, свалишься еще...

Мужикъ промолчалъ. Мы вошли въ улицу небольшой деревнюшки. Окна ея смотрѣли на рѣку, а задворки подходили вплоть къ лѣсной опушкѣ.

„Глухой, медвѣжій уголъ“,—подумалъ я невольно, взглядывая на своего суроваго провожатаго.

Хозяйка Дарья Ивановна встрѣтила насъ, впрочемъ, очень привѣтливо и радушно.

Это была совсѣмъ еще молодая на видъ женщина, съ ласковыми, спокойными пріемами и добрыми красивыми глазами, въ которыхъ по временамъ, когда она взглядывала на дремотнаго мужика, искрилась лукавая усмѣшка, какъ и у дѣвочки. Степанъ Ѳедорычъ какъ-то уныло усѣлся на лавкѣ и клевалъ носомъ.

— Много ли наловилъ?—спросила хозяйка и переглянулась съ дѣвочкой; обѣ при этомъ улыбнулись.—Эхъ ты, горе-рыбакъ! Слушался бы меня, лучше бы было.

— Говори!—отвѣтилъ Степанъ угрюмо.—Вотъ пойдетъ изъ омутовъ—поспѣвай только вынимать.

— Неужто опять сидѣть станешь всю ночь?

— Пойти, изготовить снасть.

Упрямый мужикъ поднялся и сонно поплелся изъ избы, а хозяйка стала хлопотать около самовара. Дѣвочка помогала матери.

— Дочка-то какъ на тебя похожа, — сказалъ я, — только глаза да волосы посвѣтлѣе.

Женщина какъ-то странно улыбнулась и покраснѣла.

— А старикъ мужъ тебѣ?

Она покраснѣла еще больше, до самыхъ ушей, и даже закрыла лицо широкимъ узорно расшитымъ рукавомъ.

— Мужъ. Да онъ и не старъ еще годами-те противъ меня. Работа да горе!.. Да теперь вотъ суется еще, какъ сонная муха,—почитай, недѣлю не спитъ: съ рыбой связался... Забота! А пуще всего кручина извела его, какъ сынокъ у насъ померъ. Двадцатый годъ пойдетъ съ Филипповокъ, какъ въ сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый годъ? — удивился я, глядя на зардѣвшееся румянцемъ моложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да! Мнѣ вѣдь уже сорокъ два года... Никто не вѣритъ... И то еще горе извело. Сколь много слезъ мы пролили... Дѣтей Господь Батюшка больше не далъ.

— А дѣвочка эта?

— То-то вотъ, говоришь ты: „похожа“! А она у меня богоданная, пріемышъ, — сказала Дарья Ивановна, ласково и какъ-то серьезно гладя рукой бѣлокурую головку прильнувшей къ ней дѣвочки.—Да все меня, дурушка, мамкой зоветъ, а у нея вѣдь и родная-то мать жива... Такъ ту, слышь, долго все „чужой тетей“ звала. Насилу я ее, дурочку, выучила. Грѣхъ вѣдь! Вотъ теперь двѣ мамки у нея. Да и у меня она тоже за двухъ: за дочку богоданную, да за сыночка роднаго, за Мишаньку...

Она вздохнула, и выраженіе глубокой грусти тихо легло на лицо, смѣняя стыдливый румянецъ. Тонкими пальцами загорѣлой руки она перебирала сборки на рукавѣ прижимавшейся къ ней дѣвочки. Дѣвочка затихла и смотрѣла ей въ лицо снизу вверхъ, какъ будто ждала дальнѣйшаго разсказа про умершаго мальчика. Было что-то глубоко захватывающее въ молчаніи матери, посвященномъ любимой тѣни.

— Ужъ и красавчикъ былъ, ужъ и умной,—сказала она, разведя самоваръ и присаживаясь къ столу. — Не я одна скажу,—кто зналъ, всѣ дивились на него. Разговоръ имѣлъ пріятный да степенный, иному взрослому въ пору, да и то еще кто поумнѣе... Право. Бывало, сторонніе люди зайдутъ, послушаютъ, такъ только головами качали. Если, молъ, Богъ этому младенцу дозволитъ въ возрастъ взойти, — уви-

дятъ отъ него родители себѣ утѣху. Да вишь, Господь-то Батюшка...

Она низко опустила голову и прижала дѣвочку къ груди, какъ будто въ томъ мѣстѣ у нея заболѣла старая рана.

— Ему, Батюшкѣ, сказываютъ, самому этакіе нужны... Какъ во гробикѣ-то лежалъ, ужъ мы плакали, плакали... Потомъ въ пустой-те избѣ—тоже... Ровно свѣтъ изъ дому навѣкъ ушелъ... Онъ (мужа она называла въ третьемъ лицѣ)—*онъ* у меня извелся съ той поры,—постарѣлъ, глазами ослабъ... все отъ слезы-те. Днемъ-то, знаешь, стыдно, крѣпится передъ людьми, а ночью и не выдержитъ, и завоетъ... Я за нимъ... Такъ вотъ и шло у насъ все, — плачемъ да тоскуемъ. Ужъ люди и то говорили: „Спокою вы младенцу своему на томъ свѣту не даете; нешто можно этакъ?“ Да что ты подѣлаешь,—нѣтъ сердцу укороту нисколько. Пять годовъ прошло, а легче нѣтъ... Только разъ ночью,—вздремнула я маленько,—слышу, кто-то по избѣ прошелъ... Дунуло на меня, повѣяло чѣмъ-то, стала я ни жива ни мертва. „Миша, родной! Ты, что ли, это?..“ А сердце-те бьется, что пташка подстрѣлена, — вотъ умру, вотъ умру...

— Я, говоритъ, мамонька. Пришелъ къ тебѣ, — послушай ты меня, что я скажу: не избыть тебѣ грѣшной тоски, не укоротить сердца, не дашь ты и мнѣ спокою-радости, поколь на сердце кого-нибудь не положишь...

— Мишанька, голубчикъ мой, кого жъ мнѣ на сердце положить,—нѣтъ тебя, ненагляднаго соколика... До конца вѣку не избыть мнѣ горюшка...—Сама плачу, руками тянусь, а въ избѣ никогошенько не вижу. Услышалъ тутъ *онъ* у меня.

— Дарья, съ кѣмъ, молъ, баешь?—Разсказала я ему: „вотъ съ кѣмъ я баяла, Степанъ Ѳедорычъ“.

— Молись, говоритъ, Богу... Видно и впрямь грѣшно этакъ-то...

На утро стали мы вспоминать да умомъ раскидывать. Видно, молъ, надо пріемыша взять,—къ тому рѣчь была Мишанькина, ни къ чему болѣ. По первоначалу-то будто противно подумать, ровно чужому Мишанькино добро отдавать. Потомъ свыклась. Только все съ *нимъ* согласу не было. *Онъ* говоритъ: „мальчика взять“, а я и думать не могу. Ему-то, вишь, лестно, что помощникъ будетъ, а мнѣ какъ вспомнится Миша, такъ всѣ парни опротивѣютъ. Гдѣ же этакому другому быть, какъ онъ былъ! Только сквернословіе да непочтеніе,—на это ихъ возьми. Такъ и шло у насъ все: все примѣриваемъ, да споримъ, да тоскуемъ.

Да, вишь, привелъ Богъ, по-моему вышло. Видно, по Ми-

шанькиному заступленію помиловалъ насъ Господь Батюшка... Этто за рѣкой, въ деревнюшкѣ, принесла дѣвка младенца... Согрѣшила, бѣдная, да ужъ и муки же приняла: въ семействѣ и прежде у нихъ неладно было,—мачеха лютая и то со свѣту сживала, а тутъ—и-и, Боже мой!—чего натерпѣлась дѣвонька моя. Извѣстно, мачехи-те рѣдко хорошія живутъ. По-настоящему-то разсудить, такъ, можетъ, и тотъ дѣвкинъ грѣхъ мачехѣ замаливать надо. Потому что — первое дѣло: ейное несмотрѣніе, второе дѣло: иная дѣвка отъ незгодья отъ одного, дома-то свѣту-радости не видя, на грѣхъ пойдетъ. Тоже вѣдь—живой человѣкъ, тоже ласки захочетъ. Ну, и повѣритъ наша сестра другому подлецу. А тамъ и плачь всю жизнь, проклинай свою дѣвичью долю, непокрытую, а онъ, хахалишко, извѣстно, другую дуру обманываетъ...

Такъ вотъ и съ ней. Принесла ребеночка,—мачеха съ глазъ долой согнала. Въ чужихъ людяхъ жить, самъ знаешь, съ ребенкомъ-те маята, да еще всѣ смѣются, да ото всѣхъ безчестье да попреки... Бьется, бѣдная, бьется, до того, говоритъ, добилась, что взять младенца на руки да въ омутъ головой и съ ребенкомъ-те.

Только женщина попалась ей одна изъ нашего села и научила. „Вотъ что, говоритъ: Степанъ у насъ Ѳедоровъ съ Дарьей Ивановной больно объ сынѣ тоскуютъ. Попытай имъ отдать младенца. Ежели, говоритъ, судилъ ей Богъ судьбу, то не иначе, что у нихъ судьба эта находится...“

Ну, вотъ уѣхалъ мой Степанъ Ѳедоровъ въ лѣсъ, одна я ноченьку ночевала, одна-одинешенька съ тоской со своей... Лежу на палатяхъ, — спать не сплю, все думаю. Только слышу—мимо избы прошелъ кто-то. Слушаю-послушаю, нѣтъ будто никого. Да вдругъ кто-то въ оконце стукнулъ разъ и другой. Подошла я къ окну,—ночь лунная, ясная, на травѣ каждая тебѣ росинка видна, а подъ окномъ никого...

Упало у меня сердце, отошла я отъ окна—къ стѣнкѣ прислонилась. Вдругъ рука опять, да по стеклу тихонечко стукъ-стукъ. Я къ окну—гляжу: у стѣнки кто-то жмется, хоронится. Присѣла я на лавку, — Господи, что такое? А сердце-то колотится... Ну вотъ, ровно въ ту ночь, когда Мишанька приходилъ. Встала я, перекрестилась и говорю:

— Кто тутъ хоронится? Выходите, коли добрые люди!

Выходитъ тутъ перво-на-перво наша деревенская старушка къ окну. „Не бойся, говоритъ, Дарья, не съ худымъ пришли“. А та все жмется... И вижу я—у той полотенчикомъ на груди ребеночекъ подвязанъ... Господи Батюшка! Потемнѣло у меня въ глазахъ, ноженьки задрожали, руками за лавку держусь,—

а то бы упала. Вспомнила свово Мишаньку... Думаю: вотъ она, судьба ко мнѣ идетъ. Замужъ шла, — гдѣ тебѣ: далеко этакого страху не было.

Подошла наша женщина къ окну. „Пусти, говоритъ, Ивановна“.

— Пошто, говорю, васъ ночь-полночь въ избу пускать?.. Ну, да сама всетаки дверь отворяю, огня не вздуваючи,— только мѣсяцъ полный въ окна свѣтитъ. Переступили онѣ порогъ, а я стою передъ ней, передъ дѣвкой-то, ни жива ни мертва, ровно казнить-миловать она меня пришла. И стыдно-то мнѣ, и страшно-то, и боюсь: ну, вдругъ возьметъ да уйдетъ она отъ меня? А младенецъ-то спитъ у ней въ полотенчикѣ— не слышитъ...

Ну, женщина наша и говоритъ ей: „Кланяйся, дѣвка, въ ноги!..“ Поклонилась она мнѣ въ ноги да у ногъ ребеночка положила, припала къ нему, плачетъ. Подняла я ее, ребеночка принимаю; горитъ у меня въ рукахъ, не знаю—брать, не знаю—не брать... И она-то... сама отдаетъ, сама держитъ... и обѣ мы плачемъ...

Охъ, и помню я, добрые люди, ту ноченьку мѣсячную, не забыть мнѣ ея будетъ до конца моей жизни...

На зарѣ ушли онѣ; обмыла я дитю, обрядила. Свою рубаху тотчасъ перешила, уложила ребенка въ корзиночку... Сижу, жду его, Степана-то моего Ѳедоровича. И опять мнѣ, молодой, стыдъ, да боязно, да заботушка. Ровно, вотъ, безъ мужа ребенка принесла, право. Вижу: пріѣхалъ, идетъ ко крыльцу,— я не встрѣчаю, не привѣчаю—сижу на лавкѣ. Вошелъ онъ въ избу,—ребенокъ какъ разъ и скричи...

— Это молъ, что такое?

— Это, мальчика, говорю, Богъ тебѣ послалъ, Степанъ Ѳедорычъ...

Поди вотъ! и зачѣмъ солгала передъ *нимъ*—не знаю, не вѣдаю. А ужъ гдѣ тутъ обмануть,—на минуту одну не обманешь: и рубашонка-то по-женски надвое сшита. Подошелъ онъ къ корзинкѣ, поглядѣлъ...

— Какой это мальчикъ! Дѣвочку взяла...

Больше ничего не сказалъ...

Она опять замолчала, тихо улыбаясь при воспоминаніи о своемъ Степанѣ Ѳедоровичѣ, котораго она переупрямила и хотѣла еще обмануть. Мнѣ вспомнилось суровое лицо хозяина, и теперь оно показалось мнѣ гораздо пріятнѣе.

— Мамка, — тихо спросила дѣвочка, отводя лицо отъ ея груди.

— Что, Марьюшка?

— Что-жъ ты не баешь. Это я была дѣвочка-то?

— Ты, ты и была, глупая. Ужъ который разъ спрашиваетъ... Никакой ты ей сказки не сказывай, а все одно... Не переслушаетъ... А ужъ и горя-те, и маяты-те что я съ тобой приняла! Просто не приведи Создатель. Хворая была, да скверная, да вся въ струпьяхъ, да все крикомъ кричитъ, бывало, отъ зари до зари. Сердце все, что есть, изболѣло у меня съ нею. Ночь бьешься-бьешься, силушки нѣту. „Изведешься ты у меня, Дарья, говоритъ, бывало, Степанъ-то Ѳедорычъ. Не дозволяю тебѣ, говоритъ, этакъ-то изводиться. Завтра же неси ее къ матери“. Ну, тутъ ужъ я молчу, не поперечу. А день придетъ, я опять: „подождемъ еще, что будетъ, что Господь дастъ“. Онъ у меня отходчивъ — Степанъ-отъ Ѳедорычъ — и махнетъ рукой...

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывалъ мнѣ послѣ старичокъ одинъ—умный старикъ: „Это, говоритъ, ты такъ понимай, что Господь Батюшка въ болѣзняхъ младенца милость къ тебѣ являлъ. Нешто чужая дѣвочка стала бы тебѣ за родного сына, котораго ты подъ сердцемъ носила, ежели бы не переболѣло у тебя изъ-за нея все сердечушко-то заново...“

Пожалуй и правда это: я ее въ утробѣ не носила, грудью не кормила, такъ зато слезой изошла да сердцемъ переболѣла. Оттого иная и мать не любитъ такъ, что я ее, пріемыша свово, люблю. Этто хворь по дѣтямъ ходила, ударило и ее у меня этой хворью. Ужъ я плакала-плакала... „Господи Батюшка!—думаю себѣ,—и отколь у меня столь много слезъ за нее, откуда только льется ихъ такая сила...“

Она смолкла... Дѣвочка тянулась къ ней съ улыбкой баловницы-дочери. За окномъ чирикала какая-то вечерняя пташка, и, казалось, послѣдній лучъ солнца медлилъ уходить изъ избы, золотя бѣлокурую голову ребенка, заливая яркимъ багрянцемъ раскраснѣвшееся лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себѣ новое материнство... . . . . .

. . . . . .

Въ сѣняхъ послышались медлительные шаги Степана Ѳедоровича. Онъ вошелъ въ избу и остановился на порогѣ.

— Самоваръ-то, гляди, у тебя убѣжалъ. Эхъ вы,—хозяйки... Собирай, что ли, на столъ...

Дарья вскочила и, все еще взволнованная своимъ разсказомъ, принялась накрывать на столъ...

IV.

На сѣжѣ.

Когда мы кончили ужинать, уже стемнѣло. Степанъ сталъ собираться на рѣку.

— Не возьмешь ли и меня съ собой,—предложилъ я.

Степанъ остановился въ полъ-оборота и сказалъ:

— Скучишься, поди, надъ водой-то сидѣть... Тоже и сыро... Ночи, пущай, теплыя живутъ...

— Сходи, милый, ничего, — сказала Дарья. — А холодно станетъ, ты скажи: онъ тебя на берегъ доставитъ... Надо, видно, тебѣ и сѣжи наши поглядѣть... Я такъ вотъ и о сю пору не знаю, чего они тамъ дѣлаютъ... Погляжу съ берега: сидитъ на серединѣ рѣки, да носомъ клюетъ... А рыба по дну ходитъ себѣ...

Степанъ ничего не отвѣтилъ на новый уколъ, и мы вышли...

Черезъ нѣсколько минутъ ботникъ доставилъ насъ на середину рѣки, къ сѣжѣ.

Рѣка перегорожена отъ одного берега до другого. На серединѣ оставленъ единственный проходъ для рыбы, и надъ нимъ устроена сѣжа: на четырехъ высокихъ жердяхъ мостокъ и на немъ лавочка.

Мы взобрались на это сѣдалище, и Степанъ тихо, чтобы не тревожить обитателей черной глубины, загораживаетъ ворота широкой пастью сѣти въ формѣ широкаго длиннаго мѣшка. Края этой сѣти надѣты на четыре шеста: два вертикальныхъ закалываются по сторонамъ воротъ; изъ двухъ горизонтальныхъ одинъ опускается на дно, другой остается на поверхности.

— Тише теперя... Не шевелись,—шепчетъ мнѣ Степанъ.

Онъ собираетъ рукавъ сѣти, изловчается, взмахиваетъ рукой... Сѣть съ шипящимъ звукомъ падаетъ на темную рѣку. Сначала видно, какъ она, бѣлѣя ячейками, уплываетъ по теченію; потомъ будто чья-то невидимая рука схватила ее и потянула въ глубину...

Послѣ этого Степанъ собралъ въ лѣвую руку множество нитей, идущихъ отъ нижняго шеста, лежащаго на днѣ рѣки. Эти нити тянутся со дна, загораживая все пространство воротъ, и напоминаютъ возжи, взнуздавшія черную глубину. Когда Степанъ черезъ нѣкоторое время передалъ ихъ мнѣ, тщательно разложивъ ихъ на кисти моей руки такимъ обра-

зомъ, что я чувствовалъ каждую нитку отдѣльно, то онѣ тихо заиграли у меня въ рукѣ, какъ струны... Сразу установилась какая-то связь съ глубиной. Нити трепетали, вздрагивали, подергивались, точно кто-то невидимый въ глубинѣ игралъ на нихъ, какъ на струнахъ... Нервы невольно напрягались... Хотѣлось не шевелиться, говорить какъ можно тише.

— Дергаетъ,—сказалъ я...—Много... Точно идетъ стая...

— Нѣ,—спокойно отвѣтилъ Степанъ.—Это вода плыветъ, да еще сарожникъ балуетъ... Мелкота. Крупная рыба та тебѣ баловать не станетъ. Вотъ, когда услышишь—потянетъ бокомъ легонько, ровно смычкомъ по струнѣ, ну тогда лещъ или щука прошла. Тогда тащимъ мы нижній шестъ кверху,—тутъ она... Лещъ—онъ простякъ; пойдетъ, такъ ужъ и идетъ. А вотъ щука или наипаче жерехъ—съ тѣмъ мудрено: пойдетъ биться, пойдетъ путлять, сѣть что есть изорветъ... Эка громадина бултыхнулась, прости Господи... Дай-ко сюда!

За нами что-то грузно, даже какъ будто со вздохомъ, шлепнулось въ воду, и невидимые въ темнотѣ круги тихо закачали шесты съ мостками. Степанъ оглянулся и покачалъ головой.

— Сними-ко картузъ, Владиміръ: вишь, даже въ водѣ бѣлѣетъ, пожалуй забоится онъ... Не жерехъ ли это, гляди, изъ омута пошелъ...

Я снимаю картузъ, который дѣйствительно мерцалъ слабымъ пятномъ въ таинственной обители простяковъ лещей и хитрыхъ жереховъ. Самъ Степанъ сидитъ нѣсколько минутъ темный, незамѣтный, и чутко дремлетъ, съ своими странными возжами въ рукѣ.

— Не дастъ ли Господь дождика?—говоритъ онъ вдругъ радостно, подымая лицо навстрѣчу проснувшемуся свѣжему вѣтру.

Двѣ стѣны лѣса по обѣ стороны рѣки дѣйствительно зашептали о чемъ-то, осинки лопочутъ быстро и тревожно, между тѣмъ какъ ели только качаютъ острыми верхушками, но шума отъ нихъ еще не слышно. Степанъ наставилъ ухо, насторожился и смотритъ съ ожиданіемъ на темное небо, гдѣ звѣзды неясно мерцаютъ въ сыромъ воздухѣ.

Легкое, свѣтлое, даже какъ-то слишкомъ свѣтлое облачко остановилось въ зенитѣ, надъ самой рѣкой. Цѣлая рать такихъ же тучекъ толпится за гребнемъ, выглядывая изъ-за лѣса...

Этотъ вѣтеръ, заговорившій съ дремавшими осинами, будитъ надежду, что наконецъ моленія сельскихъ церквей по всему лицу этой умирающей отъ жажды страны услышаны кѣмъ-то въ далекой вышинѣ, и свѣтлый рой облачковъ, тол-

пящихся за верхушками елей, кажется только авангардомъ, повинующимся таинственной командѣ.

И ночь оживаетъ, вся проникаясь смысломъ и волей отъ этого страстнаго человѣческаго ожиданія...

Но рѣка молчитъ... Жерехъ изъ омута не проявляетъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній.

— Послушай, Степанъ, — спрашиваю я, чтобы прогнать дремоту,—ты вотъ тутъ сидишь по ночамъ, надъ водой, близъ омута. Неужто не видалъ ничего этакого?

— Нѐжити? Нѣ... Богъ миловалъ, не видалъ никогда.—Степанъ слегка зѣваетъ. — Въ прежнія времена водилось ихъ тутъ много... всякихъ. А теперь видишь ты: жилья больше, церкви тоже понастроены,—въ лѣса *онъ* подальше ушелъ, такъ мы считаемъ...

Онъ тихо смѣется.

— Этто недѣли съ двѣ испужался я-таки... дѣйствительно-что, порядкомъ струсилъ... этакъ же вотъ на сѣжѣ сидѣлъ... На селѣ первые пѣтухи еще не скричали. Только слышу — по лѣсу на той сторонѣ шумъ и сучья трещатъ; да шумъ, скажу тебѣ, бойкой, такъ и ломитъ... Что, думаю, за притча?.. Потомъ стихло. И вдругъ, гляжу: ходитъ черное, здоровенное по берегу, надъ омутомъ. Вижу—ходитъ, а что именно—не могу разглядѣть, потому темно подъ лѣсомъ-те. Вдругъ—бултыхъ въ воду, въ самую омутѝну. Глянулъ я на воду, на свѣтлое-то мѣсто,—и обомлѣлъ: плыветъ тебѣ по рѣкѣ рогатой, да и рога-те каки-то страшные! Съ нами крестная сила! Перекстился, протеръ глаза-те. Чтò ты думаешь?.. Лось! Да еще не одинъ, а два. Другой на берегу остался, повернулся ко мнѣ, вытянулъ морду, да что-то скричалъ товарищу. Вотъ вѣдь скажу тебѣ, Владиміръ,—вовсе на рѣчь похоже, только словъ не поймешь. Ну, думаю, что будетъ... Такъ я понимаю, что обо мнѣ это они. Тотъ выплылъ на берегъ, на песокъ, подошелъ къ сѣжѣ къ самой, смотритъ съ берега на меня. Самецъ видно: посмѣлѣе, а она боится. Говорилъ онъ ей, говорилъ: дескать, ничего, не бойся ты этого мужика. Вишь онъ на сѣжѣ сидитъ. Потомъ ударилъ копытомъ—опять назадъ, къ товарищу. Значитъ, она дура, все боится. Извѣстно, баба. Заробѣла. Плыветъ онъ по рѣкѣ, а я думаю: ну-ко онъ подойдетъ подъ сѣжу-то да рогами и толканетъ. Жерди не больно чтобъ крѣпкія,—чебурахнусь я въ воду, стопчетъ онъ меня... Нѣтъ. Поговорили, посовѣтовались другъ съ дружкой... какъ ударятъ опять по лѣсу!.. Охо-хо... И ударили по лѣсу-те, братецъ мой... и пошли они...

Пока онъ засыпающимъ голосомъ продолжаетъ разсказъ о своихъ ночныхъ посѣтителяхъ, дремота, качавшаяся на летучихъ крыльяхъ надъ моей головой, спускается ниже... На сѣжѣ, надъ рѣкой, водворяется сонъ. Степанъ смолкъ и слушаетъ только руками... До меня доносится таинственный шопотъ лѣса... Ему придаетъ особенную важность то, что онъ одинъ говоритъ среди общаго молчанія... Его шорохъ навѣваетъ какія-то сумрачно-странныя фантазіи. Кто-то будто тихо плыветъ въ глубинѣ, подкрадываясь къ намъ... Шипя подымаются изъ воды чудовищныя лапы... Качаются мостки. Вода закипаетъ и вздымается кверху, доски подо мной качаются, опрокидываются, въ голову что-то стучитъ, сердце колотится въ груди,—и я лечу въ темную бездну...

— Держи, держи!.. Вишь, подлецъ, вишь, подлецъ, чего дѣлаетъ... Ахъ, ты Господи! Подержи шестъ, Владиміръ... Шестъ подержи!

Я открываю глаза. Вода дѣйствительно кипитъ подо мной, мостки дѣйствительно качаются... Степанъ торопливо передаетъ мнѣ шестъ и быстро спускается въ лодку. Сѣть шипитъ, вьется въ водѣ, и кто-то усиленно дергаетъ шестъ изъ моихъ рукъ.

— Чего дѣлаетъ!.. Нѣтъ, чего дѣлаетъ, Господи Боже!— говоритъ Степанъ почти съ испугомъ.—Завьетъ сѣть за корягу, все-ё изорветъ. Нѣ-ѣтъ, погоди, нѣ-ѣтъ, шалишь!..

Подо мной начинается суетливая возня. Степанъ уже въ лодкѣ и его ботничекъ, узкій и востроносый, извивается надъ водой точно хвостъ водяного чудовища. Самъ Степанъ говоритъ сдавленнымъ голосомъ, кому-то грозитъ и кого-то ловитъ, суясь чуть не по самыя плечи въ воду.

— Ту-у-утъ, — произноситъ онъ наконецъ окончательно умирающимъ голосомъ. — Волоки потихонечку сѣть-то къ себѣ, Владиміръ. Такъ... потише. Ну и боецъ, ну и боецъ!.. Настоящій Александра Маркидонъ, право Александра Маркидонъ!

Изъ воды, поблескивая въ темнотѣ извивающимся туловищемъ, появляется самъ Маркидонъ, огромный жерехъ, съ выпученными глазами. Счастливый Степанъ продолжаетъ бесѣдовать съ нимъ, но уже самымъ дружескимъ тономъ.

— Ма-аладчина! Прямо тридцать фунтовъ считай... Маленько ты меня, братецъ, и самого-то въ воду не утянулъ... Да нѣтъ,—ты боецъ, да и Степанъ молодецъ. Ну-ко, ну-ко въ мѣшокъ полѣзай...

Боецъ глупо взглядываетъ на свѣтъ Божій своими стоячими глазами, еще разъ взмахиваетъ хвостомъ и исчезаетъ въ мѣшкѣ.

Дремалъ я, должно быть, не долго: бѣлое облачко, глядѣвшее съ зенита, все еще заглядываетъ на насъ, зацѣпившись за черную зубчатую линію берегового лѣса, между тѣмъ какъ за нимъ, толпясь и погоняя переднихъ, ползутъ остальныя.

— Будетъ ли дождикъ, дастъ ли Господь?—говоритъ Степанъ крестясь и опять усаживаясь на сѣжѣ... Эти слова остаются въ моей памяти, какъ послѣднее впечатлѣніе первой ночи, проведенной мною на Керженцѣ. Я укладываюсь кое-какъ на неудобныхъ мосткахъ... Подо мною плещетъ глубина, таинственная, черная, бездонная... А просыпаясь отъ чуткой дремоты, я вижу надъ собой фигуру Степана. Она огромна, высится надъ лѣсами и головой уходитъ въ фосфорическія облака, которыя толпятся все гуще... Въ рукахъ у Степана возжи, на которыхъ онъ держитъ рѣку...

Потомъ все смѣшивается, и я ничего не вижу и не слышу.

. . . . . .

— Ну-ко, проснись, Владиміръ... Солнце, гляди-ко, здымается... Ну-ко-ся... А мнѣ Богъ счастья послалъ...

Я просыпаюсь... Слегка хмурое утро... Лѣсъ стоитъ весь черный, грузный... Степанъ въ ботникѣ тянется на цыпочки и дергаетъ меня за ногу... На берегу Дарья Ивановна съ дѣвочкой развѣшиваютъ сѣть, и на отмели въ большомъ мѣшкѣ что-то трепыхается бойко и густо.

— Вставай, вставай, Владиміръ, — весело говоритъ Дарья Ивановна.—Ты вотъ спалъ на сѣжѣ, а Богъ на твое счастье вишь чего послалъ...

Степанъ вялой походкой идетъ къ дому, неся на плечѣ рыбу... Онъ великодушенъ и не выказываетъ торжества... Марьюшка бѣжитъ сзади, поддерживая конецъ мѣшка...

Только дождя ночью всетаки не было...

V

По Керженцу.—„Городинка“.

Изъ Покровскаго мы отправились рано въ дальнѣйшій путь.

Утро туманное, сѣренькое. Въ воздухѣ свѣжо и сыро; синеватая мгла стелется надъ водой, ютится въ темной чащѣ лѣса. На рѣкѣ кое-гдѣ расплываются круги отъ рѣдкихъ капель дождя, который лотошитъ также по широкимъ листамъ елошника (ольхи) и осины. По временамъ вся поверхность рѣки закипаетъ отъ частыхъ капель, но не надолго.

— Ну, прощайте-ко, дай Богъ въ часъ добрый,—говоритъ Степанъ, сталкивая нашу лодку. Вся семья вышла провожать насъ на берегъ.

— Вамъ дай Богъ дождя.

— Дай Господи... Вишь ты, вѣтеръ и не дыхнетъ. Знать не даромъ облачно сдѣлалъ Господь: можетъ будемъ съ дождемъ. Этто вамъ въ Мериновѣ перестаскивать лодку придется, мельница тамъ...

Черезъ часъ мы плывемъ по пустой рѣкѣ, и Покровское давно исчезло за первой излучиной. Небо все хмурится, лѣсъ начинаетъ шумѣть, вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ и закачаетъ его вершины. Порывы его все чаще. Видно, надеждамъ Степана все-таки не суждено сбыться.

Керженецъ вьется, точно змѣя. Ни вчера, ни сегодня мнѣ не попадалось еще ни одной прямой и длинной водной аллейки, какими мы любовались порой даже на извилистой Ветлугѣ, когда рѣка кажется улицей, а далекая встрѣчная лодка точно виситъ въ воздухѣ.

Здѣсь передъ глазами небольшой клокъ воды. Впереди не улица, а водный тупикъ. Сзади тоже. И всюду сомкнулся лѣсъ, сурово тѣсня и взглядъ, и воображеніе. За мысомъ—новая излучина. За ней—новый мысъ... Въ памяти остается впечатлѣніе какого-то сгущающагося сумрака, задумчивой суровости, непрошенныхъ воспоминаній... Есть что-то аскетическое въ пустынной лѣсной раскольничьей рѣкѣ...

Шумъ мельницы. Впереди виднѣются открытые шлюзы, съ кипящимъ и бушующимъ порогомъ. Изъ-за стога сѣна, невдалекѣ отъ мельницы, появляется удивленная мужицкая фигура. На наши вопросы, онъ рекомендуетъ попробовать переправиться прямо черезъ порогъ шлюзовъ и, съ разинутымъ

ртомъ, съ удивленными глазами слѣдуетъ за нами по берегу, глядя, какъ насъ подхватываетъ быстрое теченіе. Мельница несется намъ навстрѣчу, лодка летитъ на гребнѣ струи, стучитъ дномъ на порогѣ; носъ виснетъ на воздухѣ, перевѣшивается, корма поднимается, лодка зачерпываетъ бортами, и въ нѣсколько секундъ—мельница за нами.

Впереди Мериново, глухая деревушка на самомъ берегу. На пескѣ какая-то баба бучитъ бѣлье, для чего съ помощью здоровенныхъ корягъ, наваленныхъ въ кучу, развела громадное огнище, дымъ отъ котораго далеко тянется надъ лѣсомъ.

Къ намъ она обращена спиною. Куча деревенскихъ ребятъ уже замѣтили насъ и отчаянно кричатъ ей что-то и машутъ руками. Баба оглядывается и остается съ поднятымъ валькомъ въ рукѣ, точно окаменѣлая...

— Какая это деревня?—спрашиваю по возможности кротко, когда наша лодка поровнялась съ нею...

— Ме...Мериново это, — выдавливаетъ она изъ себя едва слышный отвѣтъ.

— А это у васъ чей домъ?—указываю я новую постройку...— Купецкой что ли?

— Какѝ купцы у насъ,—торопливо отвѣчаетъ она...—Нѣту купцовъ... Бѣ-ѣдный народъ у насъ, ваше благородіе...

Она тревожно оживляется.

— Бѣднота все, просто непокрытая бѣднота... Какѝ у насъ богачи! Нѣту... Да вамъ кого? Чтò вы за люди будете?

Она опасливо подходитъ къ берегу, съ тревожнымъ вниманіемъ оглядывая наши фигуры... Изъ-за плетней на насъ смотрятъ широко открытыя глаза деревенской дѣтворы, готовой вспорхнуть всей стаей при первомъ нашемъ подозрительномъ движеніи. Съ косогора самыя избы, кажется, пугливо щурятся, безпомощныя и робкія... Едва мы отъѣхали нѣсколько саженей, какъ баба пріобрѣла способность движенія и быстро пустилась въ гору,—сообщить деревнѣ о подозрительномъ нашествіи. На одномъ изъ моихъ племянниковъ— кадетская фуражка съ краснымъ околышемъ, и это очевидно еще усиливаетъ тревогу... „Старая вѣра“ подозрительна... Конечно, не безъ основанія...

Обогнувъ мысокъ, мы плывемъ дальше, оставляя за собой на берегу цѣлую группу изъ ребятишекъ и бабъ, тревожно слѣдящихъ за нами.

Теченіе выровнялось. Передъ нами одинъ изъ рѣдкихъ на Керженцѣ прямыхъ плесовъ,—узкій, длинный, съ высокими берегами, поросшими лѣсомъ. Въ концѣ этой аллейки обращаетъ вниманіе одинъ холмъ, покрытый сильно разрос-

шимся лѣсомъ. Дубы, сосны и ольхи, буйно поднявшись, переросли на полдерева растительность сосѣднихъ холмовъ, точно косматый вихòръ на плохо причесанной буйной головушкѣ.

Чѣмъ ближе подвигается къ холму наша лодка, тѣмъ онъ кажется страннѣе...

Я останавливаю лодку у противоположнаго берега и внимательно приглядываюсь.

Круглая вершина съ короной могучихъ деревьевъ обведена плетнемъ, чуть мелькающимъ между кустами. На крутыхъ бокахъ холма я замѣчаю узкую тропочку. Она осторожно вьется по глинистымъ обрывамъ, робко скрываясь въ зелени, такъ что отсюда, съ рѣки, видны только небольшіе кусочки этой тропинки. За оврагомъ, на ближайшемъ къ намъ обрывѣ, зіяетъ въ глинѣ что-то въ родѣ пещерки, надъ которой громадный пень протянулъ кверху скрюченные и очевидно недавно вырванные изъ земли чудовищные корни... Раскиданная земля, изрытое и обезображенное мѣсто указываютъ на то, что это гигантское корнище уступило не безъ долгой борьбы... Между его лапами видна темная дыра... Какъ будто входъ въ землянку...

Все это живѣйшимъ образомъ возбуждаетъ мое любопытство, и я направляю лодку къ берегу, у подножія дикаго холма. Но берегъ—неприступная болотина. Мы долго ищемъ среди заросли устье тропинки, которая, очевидно, должна же гдѣ-нибудь спуститься къ рѣчкѣ. Наконецъ, я нахожу мѣсто, гдѣ она, по теченію, осторожно сходитъ на воду, будто нарочно замаскированная осокой и кочкарникомъ. Съ кочки на кочку выбираюсь я на сухое мѣсто и иду по тропинкѣ. На полугорѣ она убѣгаетъ вдругъ подъ низко нависшія и густо переплетенныя вѣтки нѣсколькихъ молодыхъ елокъ...

Я остановился озадаченный. Если бы не то, что на тропкѣ виднѣлись недавніе еще слѣды, можно было бы подумать, что дорожка только частями уцѣлѣла съ давнихъ лѣтъ, и что съ тѣхъ поръ надъ ней успѣли вырости эти елки. Но слѣды исчезали подъ ихъ вѣтвями, и потому я храбро пустился дальше, насильно проталкиваясь сквозь гущу. Вѣтки уступали легче, чѣмъ можно было ожидать по ихъ гущинѣ.

Наконецъ, я на круглой вершинѣ... Перелѣзаю черезъ плетень и раздвигаю за нимъ кусты.

Передо мною старинное, мрачное кладбище...

Теперь я понимаю, почему деревья на этомъ холмѣ разрослись такъ буйно. Могилы стоятъ необыкновенно густо, почва удобрялась поколѣньями...

Но—къ чему эти очевидныя старанія скрыть тропинку, замаскировать мертвыхъ. Здѣсь я не видѣлъ ни воротъ съ крестомъ, ни подъѣздной дороги. Очевидно новыхъ жильцовъ сюда проносятъ по такимъ же неудобнымъ тропкамъ, скрываясь, можетъ быть ночью?.. Или это кладбище давно уже закрыто и брошено?

Нѣтъ... Вотъ одна могила, очевидно еще довольно свѣжая, пріютилась подъ лапами старой ели... Тихо... Сумрачно... Солнце едва проникаетъ сквозь густыя вѣтви... Какой-то особый ароматъ—сухихъ листьевъ, смолы и еще чего-то томящаго и загадочнаго — стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ... Вѣтеръ не можетъ проникнуть подъ этотъ шатеръ... Порою только онъ протянется высоко по густымъ вершинамъ, сорветъ съ сосны отяжелѣвшую шишку... Или пожелтѣвшій отъ засухи листокъ упадетъ на землю, тихо поворачиваясь на лету.

И опять ненарушимая тишь...

Большіе, грузные, приземистые кресты дремлютъ, покосившись къ землѣ. Всѣ они старые, всѣ осьмиконечные, всѣ покрыты лишаями и мохомъ до такой степени, что у нѣкоторыхъ самая форма креста исчезла подъ длинными, зеленовато-сѣдыми лохмами.

Въ особенности одинъ крестъ привлекаетъ невольное вниманіе своимъ страннымъ, суровымъ, почти страшнымъ видомъ. Въ этомъ зеленомъ полусумракѣ, гдѣ рѣдкіе лучи, прорываясь сквозь темную зелень, только еще болѣе скрадываютъ очертанія предметовъ,—онъ напоминаетъ гоголевскаго Вія... Такъ и чудится что-то притаившееся, мрачное... Такъ и кажется, что приподымутся сейчасъ чьи-то тяжело-нависшія вѣки, выглянутъ откуда-то мертвые взгляды...

А среди крестовъ, въ тѣснотѣ жмутся еще безвѣстныя, скромныя могилы, надъ которыми торчатъ только шесты съ зарубками...

Съ тяжелымъ чувствомъ пошелъ я назадъ... Очевидно, это раскольничье кладбище: страшный лохматый холмикъ и эти дикія деревья—осѣнили могилы людей, которые нѣкогда стремились въ лѣса со своими темными, но страстными вѣрованіями. Старыя привычки живутъ долго... Нѣтъ уже прежнихъ гоненій, дома живыхъ уже стоятъ на виду, на свѣтлыхъ полянахъ, давно расчищенныхъ изъ-подъ лѣса, но жилища мертвыхъ—все еще ютятся въ дикой чащѣ, ревниво скрывая свои слѣды...

Когда, раздумывая такимъ образомъ, я вступилъ опять на пугливую тропинку,—передо мной, за далью рѣчного плеса, открылся яръ съ расположенными на немъ избушками Мери-

нова. Оттуда замѣтили мои разысканія, и часть берега, видная отсюда, походила на растревоженный муравейникъ, съ толпящимися на дальнемъ берегу фигурами бабъ и ребятишекъ.

Это обстоятельство заставило меня отказаться отъ новой экскурсіи за оврагъ, къ вывороченному пню и пещерѣ. Я спустился въ лодку и поплылъ далѣе, надѣясь у кого-нибудь найти объясненіе тайны этого мѣста...

Плывемъ опять между пустынными берегами... Часа черезъ два надъ нами проносятся избы деревни Взвоза. Тутъ насъ провожаютъ менѣе враждебными, но не менѣе удивленными взглядами, и вскорѣ опять—пустыня... Остроконечныя ели рисуются темными зубчатыми вершинами, еще болѣе омрачая берега... Русло рѣки темно, но плёсы теперь прямѣе. Керженецъ становится все красивѣе, но вмѣстѣ и угрюмѣе, печальнѣе.

Въ одной изъ тихихъ заводей мы натыкаемся на человѣческое существо. Подъ самымъ берегомъ пріютился ботничекъ. Въ немъ, вытянувъ босыя ноги, сидитъ старикъ съ удочкой. Онъ дѣлаетъ видъ, что занятъ только поплавкомъ, но въ сущности его взглядъ съ тревожнымъ неудовольствіемъ слѣдитъ за нашей лодкой. Лицо старика какъ-то болѣзненно-красно; сквозь лохмотья сквозитъ голое тѣло. Въ ботникѣ, на скамьяхъ уложены какіе-то короба и разное мелкое имущество: чайникъ, зазубренная чашка, котелокъ; въ коробѣ, подъ неплотно-прикрытою крышкой виднѣется какая-то рвань. Очевидно, этотъ оборванный старикъ весь тутъ, въ этомъ ботничкѣ, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

— Здравствуйте...

Онъ усиленно вглядывается въ свой поплавокъ, дѣлая видъ, что не слышитъ привѣтствія, но глаза его исподлобья, какъ чуткіе звѣрьки, слѣдятъ за нашими веслами. Видимо онъ ожидаетъ, что насъ тотчасъ же пронесетъ мимо.

Но я рѣшаю во что бы то ни стало узнать у него что-нибудь о таинственномъ кладбищѣ. Мое весло вспѣниваетъ воду, и лодка причаливаетъ къ берегу рядомъ съ его ботникомъ.

— Здравствуйте,—повторяю я свое привѣтствіе и, не ожидая отвѣта, спрашиваю:

— Далеко ли тутъ поворотъ къ Оленевскому скиту?

— Далече...

И старикъ закидываетъ свою удочку на другую сторону.

— А сами вы откуда?... Не изъ Меринова?

— Изъ Звозу...

Однако черезъ нѣкоторое время разговоръ всетаки завязывается, а затѣмъ нѣсколько кусковъ сахару окончательно смягчаютъ его, и отношенія становятся болѣе откровенными...

— Вы вѣрно изъ солдатъ?—спрашиваю я...

— Изъ нихъ...—отвѣчаетъ онъ опять не очень охотно.

— А зачѣмъ это у васъ тутъ столько припасовъ... Звозъ вѣдь совсѣмъ недалеко... А тутъ на недѣлю...

— Не изъ Звозу я... зря сказалъ вамъ. Бездомный я человѣкъ, безпріютный. Тутъ у меня весь пожитокъ, тутъ и домъ, ваше степенство. Недѣли по три и дыму изъ трубы не вижу... все на рѣкѣ, все на ей, матушкѣ, нахожуся...

— И хорошо?

— Хорошо, ваше степенство...

Болѣзненное лицо озаряется дѣтской улыбкой.

— Теперь-то, вотъ, видишь ты... главное дѣло, соловья уже нѣту. А весной,—вотъ когда хорошо здѣсь: всякая тебѣ птица поетъ. Которая зачинаетъ съ утра, которая въ день, которыя по зорямъ... Весной больно хорошо этто живетъ. Истинно благодать на рѣкѣ, ваше степенство.

И на землистомъ лицѣ пробивается что-то дѣтское, почти счастливое...

— А зимой?

Слабый лучъ въ его глазахъ угасаетъ...

— Что-жъ... Зимой... Зимой кой-какъ въ Семеновѣ околачиваюсь... Не чаешь весны дождаться...

Онъ надѣваетъ на крючокъ новаго червяка и говоритъ глухо:

— Простуженый я человѣкъ, ваше степенство. Хворый человѣкъ. Мнѣ по міру ходить—тру-удно... Ну, рѣка матушка кормитъ... И кускомъ не попрекаетъ... Сытъ ли, голоденъ ли, все отъ нее... Ну, и опять—воздухъ вольный... Птица тебя утѣшаетъ... Зори господни свѣтятъ... Такъ и живу... Гдѣ причалилъ ботничекъ, тутъ и домъ... Дождь пойдетъ,—выволокъ ладью на берегъ, прикрылся...

Онъ посмотрѣлъ вдоль плеса, и опять лицо его освѣтилось...

— Вся рѣка моя... Подамся кверху, — спущуся книзу... Никто не препятствуетъ... Тутъ меня знаютъ... Выѣду весной,—встрѣчаютъ:—„Что молъ, дядя Ахрамѣй, — живъ еще, не окачурился?“... Ну, молъ, зиму прожилъ,—лѣто мое...

— Скажите мнѣ, дядя Вахрамѣй, что это тутъ пониже Меринова на горкѣ?..

— Что такое? Чему тутъ быть?.. А, знаю, про что ты это... Это у нихъ называемая Городинка... Кладбища ихняя...

Онъ опять шлепнулъ поплавкомъ и сказалъ, поматывая головой и улыбаясь:

— Раскольники...

И, понизивъ голосъ, какъ будто кто насъ можетъ услышать, онъ наклонился ко мнѣ съ своей лодки.

— Злы-ы-е... Въ пальцахъ божество разбираютъ... Ну, мое тутъ не дѣло. Мое дѣло сторона... Переночевалъ когда, покормятъ, — ладно, а нѣтъ, и на томъ спасибо. Помру,— хороните, гдѣ схочете... Все одно лежать-то...

Онъ опять тихонько засмѣялся...

— Недавно наѣзжали тутъ начальники... Попъ тутъ у нихъ былъ, бѣглый... Захватили его... Давно молъ добирались... Ну хоронился по скитамъ да по лѣсамъ... Теперь схватали...

И помолчавъ, онъ прибавилъ спокойно:

— Издаля на Городинку хорониться пріѣзжаютъ... Съ Волги, отъ Козьмы-Дамьяна, изъ Городца... Да, да... Городинка это у нихъ... Кладбища... Прощайте-ко... Поплыву въ деревню. Кумъ тутъ у меня, старичокъ... Червяковъ обѣщалъ накопать. Вишь сухмень какая... Червякъ весь въ землю ушелъ.

Онъ тихо тронулъ послушную лодку, отплылъ нѣсколько саженей и вдругъ повернулся ко мнѣ.

— А въ Оленевскій скитъ я васъ научу, какъ попасть: увидите вы на рѣкѣ старые столбы,—мельница была когда-то, еще до раззоренія. Тутъ, поблизъ шуму, — тропочка въ лѣсъ побѣжала. Ступайте этой тропочкой все, минуя дорогъ... Версты двѣ до скита, не больше. Кочета поютъ у нихъ, у старицъ-те.

Онъ улыбнулся, точно воспоминаніе о кочетахъ доставляло ему особенное удовольствіе, и, опять отъѣхавъ нѣсколько саженей, вновь повернулъ блаженно и глуповато улыбающееся лицо:

— Пониже Са́нохты-рѣки. Недоѣзжая шуму... Кочета, кочета поютъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ его лодка виснетъ темнымъ пятнышкомъ на синей полосѣ рѣки между отраженіемъ темныхъ береговыхъ лѣсовъ...

А навстрѣчу попадается другая.

Мужикъ, повидимому изъ Взвоза, перестаетъ грести, отчего его лодочка идетъ нѣкоторое время по теченію рядомъ съ нашей,—и съ любопытствомъ осматриваетъ насъ.

— Съ Ахрамѣемъ нашимъ бесѣдовали? — говоритъ онъ благодушно.

— А онъ развѣ вашъ?

— Семеновской, а ужъ такъ, слово говорится... Да, пожалуй, нашъ и есть. Съ весны къ намъ все заявляется,—прибавляетъ онъ, снисходительно улыбаясь. — Поудитъ, да полежитъ на песочкѣ, опять поудитъ да опять полежитъ.

Такъ все время и провождаетъ... иной разъ, когда клёву нѣтъ,—до того доудится, что вовсе оголодаетъ. Сутки по двѣ не ѣвши живалъ, ей-Богу... А чтобы попросить,—это въ рѣдкость...

— А вреда не дѣлаетъ никакого?

— Ка-акой вредъ отъ него! Огонекъ когда разведетъ, такъ и то на песочкѣ, отъ лѣсу-то подальше. Нѣтъ,—отъ другихъ можетъ бывало, а отъ этого старика мы не видали худого...

— А что это у васъ тутъ на холмѣ, пониже деревни? Кладбище старое?..

— Да, кладбища...—сухо отвѣчаетъ онъ, и его весло опускается въ воду. Черезъ двѣ-три минуты его лодочка тоже виснетъ въ синемъ пространствѣ межъ темными полосами берега...

VI.

По Керженцу.—Въ Оленевскомъ скиту и у «единовѣрцевъ».

I.

Мы плывемъ долго. Солнце давно перекочевало изъ-за лѣсовъ лѣваго берега за лѣса праваго. Какая-то рѣка съ правой стороны. Вѣроятно Санохта... Еще рѣчка Чернуха. А вотъ и „шумъ“... Керженецъ круто поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ влѣво, обмывая бурнымъ теченіемъ старые, сгнившіе столбы, напирая на поперечныя коряги и наполняя это пустынное мѣсто такимъ шумомъ, грохотомъ и плескомъ, точно старая скитская мельница, давно исчезнувшая со свѣта, все еще работаетъ своими валами, колесами и жерновами. Опять нашу лодку взмываетъ, кидаетъ бортами на столбы, ворочаетъ, крутитъ, подымаетъ и, наконецъ, выноситъ къ крутой песчаной насыпи, бѣлой, какъ снѣгъ, и покрытой по гребню широкими листами мать-мачехи. Высокія сосны, съ прямыми стволами, перехваченными огненно-красными просвѣтами, спокойно отражаютъ этотъ шумъ своими густыми вершинами...

Я смотрю на часы. Шесть. Солнце мигаетъ довольно низко сквозь зелень лѣса, въ воздухѣ чувствуется охлажденіе, и брызги отъ „шума“, переходя въ легкій туманъ, тянутся холодною лентой подъ тѣнью обрывистыхъ береговъ. Перспектива ночевки на берегу, въ нашихъ болѣе чѣмъ легкихъ одеждахъ, не представляется особенно пріятной. Надо бы доплыть къ ночи до деревни. Но я не могу отказать себѣ въ желаніи кинуть хотя бы поверхностный взглядъ на умирающій Оленевскій скитъ. Къ тому же у меня мелькаетъ надежда, что, быть можетъ, оленевскія старицы предложатъ странникамъ гостепр имство. Поэтому я оставляю мальчиковъ у лодки, гдѣ они тотчасъ же ложатся и почти мгновенно засыпаютъ, а самъ углубляюсь въ боръ...

Узкая, едва замѣтная тропинка. Иду долго межъ прямыхъ, какъ свѣчки, высокихъ сосенъ. „Шумъ“ давно стихъ за мною, и лишь порою пробѣгаетъ по лѣсу какое-то чуждое ему бормотаніе... Дорожки сходятся и расходятся, сплетаясь сѣткой.

Видно, когда-то было здѣсь больше движенія; тропы къ скиту

тоже отмираютъ постепенно и затягиваются молодою лѣсною порослью...

Я прислушиваюсь,—не услышу ли кочетовъ, о которыхъ такъ настойчиво твердилъ Ахрамѣй. Но всюду тихо. Тонкіе, прямые стволы уходятъ вдаль, мелькая одни за другими безпорядочной колоннадой. Заяцъ выскочилъ въ нѣсколькихъ шагахъ и усѣлся на дорожкѣ, наставивъ уши и глядя своими удивленными круглыми глазами на неизвѣстнаго пришельца. При моемъ приближеніи онъ опять побѣжалъ, тихо, не торопясь, смѣшно подкидывая задомъ. Затѣмъ опять повернулся и опять встрѣчаетъ меня любопытнымъ взглядомъ. Этотъ маневръ повторялся нѣсколько разъ, и наконецъ, оскорбленный моимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ, онъ стрѣлой пустился въ чащу.

Шуршаніе колесъ и легкое потрескиваніе телѣги. Встрѣчный мужикъ не особенно охотно и видимо взвѣшивая слова, указалъ мнѣ дорогу. Затѣмъ онъ долго смотритъ мнѣ вслѣдъ, пока я не скрываюсь между стволами.

Минутъ черезъ двадцать я увидѣлъ огороженное ржаное поле, и затѣмъ передо мною открылась широкая поляна. Большія, но старыя, печальнаго вида избы жмутся кругомъ у лѣса, оставляя въ серединѣ широкій пустырь. Невдалекѣ, за городьбой, пахарь понукаетъ свою лошадь, проводя борозду быть можетъ на мѣстѣ прежнихъ зданій.

Невдалекѣ купа печальныхъ березъ и осинъ осѣняетъ убогое кладбище; кругомъ земля изрыта. Должно быть на этомъ мѣстѣ стояла когда-то моленная... Кладбище имѣетъ видъ запущенный и печальный. Лучшій крестъ покосился и грозитъ паденіемъ, надпись на немъ окончательно стерлась, а другія могилы представляютъ безпорядочныя кучки, наваленныя изъ глины, изрытыя и обезображенныя дождями...

Когда я оглянулся кругомъ,—пахарь куда-то исчезъ и скитъ казался дѣйствительно вымершимъ. Тѣнь отъ лѣса легла по всей полянѣ, покрывая и какъ-то стушевывая скитскія избы. Деревья кладбища тихо шептали мнѣ какую-то непонятную повѣсть...

Осмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что за мной и моими движеніями слѣдятъ двѣ пары глазъ. Съ одной стороны изъ-за дальнаго плетня высунулась голова женщины въ темномъ платкѣ, надѣтомъ по-скитски въ роспускъ. Замѣтивъ, что я обратилъ на нее вниманіе, она тотчасъ же скрылась. Съ другой, поближе, торчала надъ плетнемъ голова мужика, съ черной шапкой волосъ и съ живыми маленькими глазами. Я прямо направился къ нему и рѣшительно взялъ его въ плѣнъ, отрѣзавъ отступленіе.

Это былъ крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока, черный какъ жукъ, съ выдавшимися мясистыми скулами, между которыми утопали въ густой заросли маленькій носъ и красныя губы. Глаза его, тоже маленькіе, но очень блестящіе, выражали какое-то особенное смиреніе или, вѣрнѣе, боязливость, смѣшанную съ недоброжелательствомъ и, пожалуй, презрѣніемъ.

— Ну?—спросилъ онъ, вмѣсто привѣтствія, неохотно выйдя изъ-за плетня.

— Здравствуйте.

— Ну?—повторилъ онъ такъ же непривѣтливо, почти враждебно.

— Это Оленевскій скитъ?

— Это... — Онъ пронизалъ меня острымъ взглядомъ съ головы до ногъ и прибавилъ:

— Нонѣ скитовъ ужъ нѣтъ. Унистожены. Крестьяне мы пишемся. А вы чьи будете? Нижегородской?.. Такъ. Вамъ къ старцами-те можетъ быть, такъ вотъ дорога, пожалуйте. Верстъ будетъ 15.

„Къ старцами"—это значитъ въ Керженскій монастырь, измѣнившій древнему благочестію и приставшій къ единовѣрію.

— Нѣтъ, мнѣ надо на-рѣку, тамъ у меня лодка ждетъ.

— Лодка-а... А въ лодкѣ-те кто?

— Товарищи.

— Такъ...

Маленькіе глазки сверлятъ меня, стараясь насквозь проникнуть мои намѣренія.

— А здѣсь кого вамъ надо, въ скиту-те?

— Просто зашелъ посмотрѣть.

— Насчетъ чего болѣе? Чего у насъ смотрѣть?.. Смотрѣть у насъ нечего будто...

— Да такъ, любопытно... Вы не безпокойтесь. Ничего мнѣ не нужно, и пришелъ я безъ всякаго дѣла. Думалъ, можетъ быть... переночевать старицы пустятъ... До ночлега плыть еще долго.

Онъ еще разъ оглядываетъ меня и повидимому становится нѣсколько спокойнѣе... Но намекъ насчетъ ночлега остается безъ отвѣта.

— Много у васъ старицъ еще?—спрашиваю я опять.

— Старицъ-то? Мало. Прежде много было, теперь примерли... А новыхъ-те нѣтъ, не идутъ...

— Не дозволено?

— Чего не дозволено?.. Земля на насъ писана... Можемъ мы дарить, кому похотимъ.

Онъ потупился и потомъ сказалъ угрюмо и печально:

— Усердія мало. Нѣтъ въ нонѣшнемъ народѣ усердія. Старики помираютъ, молодые не идутъ... Не надо имъ...

Мы оба помолчали и кажется думали объ одномъ и томъ же. „Усердія мало“...—этотъ мотивъ я часто слышалъ отъ многихъ людей стариннаго обряда на Волгѣ.

И теперь, на скитскомъ пепелищѣ, онъ прозвучалъ какъ-то особенно выразительно... Умираетъ исконная, старая Русь... Русь древляго благочестія, Русь потемнѣвшихъ ликовъ, Русь старыхъ неправленныхъ книгъ, Русь скитовъ и пустыннаго житія, Русь старой буквы и стараго обряда, Русь, полная отвращенія къ новшествамъ и басурманской наукѣ... Умираетъ старая Русь, такъ стойко державшаяся своимъ фанатическимъ усердіемъ противъ не менѣе фанатическаго утѣсненія... Теперь она умираетъ тихою смертью, подъ широкимъ вѣяніемъ иного духа... Гоненія она выдержала. Не можетъ выдержать равнодушія...

Вѣроятно мысли моего чернаго собесѣдника были недалеки отъ моихъ. Онъ тоже стоялъ, задумчиво глядя на поляну, на которой вѣтеръ колыхалъ сухую траву, — и эта молчаливая минута какъ будто нѣсколько сблизила насъ...

— Этто все,—сказалъ онъ, тряхнувъ шапкой черныхъ волосъ,—этто все жилье было кругомъ. А нынѣ пустырь. Вонъ пашню я распахалъ... Тоже избы стояли. А мы помремъ, можетъ и пахать будетъ некому,—лѣсъ опять поростетъ...

— А вы „раззореніе“ помните?

— Мальчонкомъ былъ. Много лѣтъ дѣлу-то этому.

— Мельниковъ?

— Онъ.

И опять наши взгляды молчаливо скользятъ по рытвинамъ, поросшимъ травой, и вѣяніе смерти особенно ясно чуется мнѣ на этой полянѣ, съ оголеннымъ кладбищемъ въ серединѣ. Казалось, даже въ тихомъ и протяжномъ звонѣ лѣса слышится похоронный напѣвъ: по блаженномъ успеніи вѣчный покой...

Мой собесѣдникъ вывелъ меня изъ задумчивости:

— Пожалуйте,—сказалъ онъ.—Я укажу дорогу. Вамъ, говорите, къ рѣкѣ?

Я оставилъ мысли о ночлегѣ въ скиту. Мнѣ надо было пріѣхать сюда съ колокольцами или прійти съ старой формулой древле-благочестиваго привѣта... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ скитъ встрѣтилъ бы меня радушно,—какъ сильнаго врага или какъ союзника... Но я не пришелъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Я принесъ съ собой только наблюда-

тельность, и скитъ холодно замыкался передо мной, быть можетъ чувствуя во мнѣ именно то, новое, третье, которое идетъ на старую вѣру... И „быша послѣдняя горше первыхъ“.

Очень можетъ быть, что ничего подобнаго и не было въ умѣ моего собесѣдника, но таково было мое ощущеніе. Указавъ мнѣ дорогу, онъ вернулся опять къ своей лошади и сталъ доканчивать борозду. А я остановился на краю полянки и залюбовался тихой печальной картиной. Если бы я былъ живописцемъ, я непремѣнно изобразилъ бы эту поляну, съ сиротливыми избами, эти вечернія тѣни густого лѣса, эти послѣдніе лучи солнца, тихо умирающіе на березкахъ кладбища... И черный мужикъ, угрюмый и печальный, склонясь надъ сохой, проводилъ бы борозду за бороздой, заравнивая собственной рукой мѣсто, гдѣ нѣкогда жила и процвѣтала его вѣра... . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда я выбрался, наконецъ, на песчаный холмикъ надъ Керженцемъ, рѣка совсѣмъ похолодѣла и только по самымъ высокимъ вершинамъ бора еще скользили, уходя на покой, красноватые отблески солнца. Мальчики крѣпко спали на пескѣ и долго не могли придти въ себя, глядя съ удивленіемъ на рѣку, на пороги старой мельницы, на тихо шумѣвшія сосны...

Я пустилъ лодку по теченію и смотрѣлъ, какъ мимо меня уплывали назадъ спящіе берега, лѣса, пески и отмели, какъ вверху загорались одна за другой звѣзды, и холодный туманъ тянулся поперекъ русла, играя фантастическими отблесками звѣздныхъ лучей. Откуда-то издали и какъ будто сзади доносился лай собаки, заглушаемый шорохомъ лѣса. Это вѣроятно въ большомъ селѣ Хахалахъ, которое было обозначено на моей картѣ. Еще далеко... Особенно для нашей лодки, связанной съ причудливыми изгибами темнаго керженецкаго русла...

Мои юноши устали за день и теперь спали на днѣ лодки, которая продолжала тихо нестись надъ черной глубиной рѣки... Вдругъ лодка затрепетала, точно кто-то со дна подбросилъ ее кверху, и накренилась. Одинъ изъ мальчиковъ проснулся, приподнялся и сказалъ соннымъ голосомъ:

— Благодарю васъ. Я не хочу чаю. Дайте мнѣ, пожалуйста, одѣяло...

Но никто не предлагалъ бѣдному юношѣ ни чаю, ни одѣяла... Цѣлый лѣсъ вѣтвей, корней, стволовъ тянулся къ намъ со всѣхъ

сторонъ, толкая и кидая лодку въ разныя стороны. Впереди, на поворотѣ сомкнулись темныя елки, сзади слабо свѣтился просвѣтъ пройденнаго плёса, бѣлѣли береговые пески, а кругомъ, изломанныя, корявыя, кривыя, виднѣлись, точно гигантскія щупальца спрутовъ, вѣтки утопленниковъ-деревьевъ. Рѣка казалась особенно угрюмой и сознательно враждебной, въ родѣ кошмарнаго сна. Чтобы опять вернуться къ дѣйствительности, предлагавшей ему и чаю и одѣяло,—юноша упалъ на дно лодки и захрапѣлъ, а я сталъ съ трудомъ выбираться изъ каршей, чтобы вернуться къ только-что пройденнымъ пескамъ. Плыть въ такой темнотѣ дальше не было никакой возможности...

Въ эту ночь, какъ я узналъ впослѣдствіи, термометръ въ первый еще разъ въ это лѣто упалъ до 10 градусовъ. Песокъ отсырѣлъ; туманъ, сгущаясь, быстро бѣжалъ по рѣкѣ, какъ будто торопясь куда-то,—и мглистые, смутно-вьющіеся клубы его исчезали въ темной кривулѣ, откуда я сейчасъ выбрался. Я усталъ, мнѣ было холодно, скучно, тоскливо на пустой отмели, и зрѣлище этого бѣга туманныхъ призраковъ еще усиливало эту тоску...

Съ помощью топора, которымъ я запасся еще въ началѣ пути, я срубилъ двѣ сухостойныя осинки, вытащилъ ихъ изъ чащи и не безъ труда развелъ на берегу порядочный костеръ... Кое-какъ, то и дѣло просыпаясь отъ холода и сырости, мы провели на берегу Керженца эту первую за лѣто холодную, почти осеннюю ночь...

Раннее утро... Туманъ, скрывавшій даже близкій лѣсъ противуположнаго берега, совершенно поглотилъ солнце. На травѣ и кустахъ — бѣлая роса, какъ иней... Нашъ костеръ погасъ и только бѣлая струйка дыма тянулась къ рѣкѣ. Мои спутники глядѣли хмуро, и у всѣхъ насъ была одна мысль: ближайшее село, Хахалы, является послѣднимъ пунктомъ, гдѣ еще можно нанять лошадей до Нижняго. А тамъ — трудно сказать, сколько еще дней усталости и такихъ же пріятныхъ ночлеговъ ждутъ насъ въ самой пустынной части Керженца, пока мы доплывемъ до цивилизованной Волги. Я вспомнилъ свои недавнія размышленія о торныхъ дорогахъ и о романтической прелести „пустынныхъ мѣстъ“ — и долженъ былъ согласиться, что торные пути имѣютъ тоже свои преимущества...

Въ 11 часовъ солнце сіяло во всемъ блескѣ, рѣка сверкала, и послѣдняя сырость наиболѣе закрытыхъ полянокъ курилась, исчезая въ лучахъ яркаго солнца, когда мы подплывали къ Хахаламъ.

Большое село, растянувшееся длинной линіей домовъ по высокому, дугой зачерченному берегу Керженца. Оно соединено прямой и удобной дорогой съ Нижнимъ. Здѣсь живетъ казенный лѣсничій, съ которымъ мнѣ совѣтовалъ повидаться А. С. Гацискій, и на берегу мы увидѣли дамскій зонтикъ. Мы реставрировали свою ладью, нѣсколько пострадавшую на каршахъ, отдохнули и уже не думали о прямой дорогѣ на Нижній.

Въ три часа — мимо нашей лодочки потянулись опять пустынные берега, причудливые изгибы рѣки. Одни облака, проплывая въ пространствѣ между гребнями лѣса, напоминаютъ о томъ, что есть гдѣ-то широкій разнообразный міръ, кромѣ этой узенькой щели, по которой мы несемся, слушая плескъ воды и тихіе шорохи лѣса...

II.

Одинъ за другимъ нѣсколько ударовъ колокола, сорвавшись съ пустого, какъ намъ казалось, берега, пали неожиданно на рѣку и понеслись по лѣсамъ. Въ то же время верхушка колокольни показалась надъ обрывомъ, изъ-за порѣдѣвшей зелени...

Передъ нами былъ керженскій единовѣрческій монастырь.

Можетъ быть, это объясняется неожиданностью, пустынностью обстановки, аккомпаниментомъ лѣсного шороха, смутными образами минувшаго раскольничьяго житія, витавшими надъ этими мѣстами, но только мнѣ показалось, что никогда еще я не слыхалъ подобнаго звона. Чистый, высокій, онъ звенѣлъ какъ-то особенно тихо и будто осторожно. Точно пробираясь на склонѣ дня по лѣсамъ, по вѣтроломамъ и чащамъ, онъ бережно разыскивалъ кого-то, кого-то звалъ и вмѣстѣ избѣгалъ чужого, враждебнаго слуха. „Раскольничій колоколъ“,— подумалъ я невольно. Правда, колокольный звонъ былъ воспрещенъ въ скитахъ и замѣнялся клепаньемъ. Клепали въ малое древо, въ большое древо, да въ чугунное клепало... Но, очевидно, трудно было вовсе отказаться отъ мѣднаго звона, и дѣйствительно, по объясненію иноковъ керженской обители, колоколъ, прозвенѣвшій намъ на-встрѣчу надъ тихой рѣкой, висѣлъ когда-то на колокольнѣ Комаровскаго скита и осторожно позванивалъ въ глуши лѣсовъ даже во времена лютыхъ гоненій... „Старая вѣра“ знала секретъ укрощенія всякой лютости *)...

---

*) Мельниковъ, у котораго въ книгѣ „Въ лѣсахъ“ есть очень картинное описаніе деревяннаго скитскаго звона, ничего не говоритъ объ этомъ колоколѣ.

Пришли времена раззоренія, исчезли скиты: погибъ первоначальный Шàрпанъ, родовитый—Улангеръ,—и не осталось отъ нихъ бревна на бревнѣ; погибло Олѐнево, Чернуха, Комàрово. Стѣны раскатаны, расточено имущество, конфискованы святыни, вѣрные разосланы и разсѣялись...

А нѣкоторые вняли призыву „новой прелести". Новое вѣяніе терпимости къ обрядовымъ различіямъ, какъ вѣтеръ, подхватывающій зерно на гумнѣ, захватилъ и выдѣлилъ изъ раскольничьей массы людей, склонившихся къ „единовѣрію". Изъ этихъ-то представителей вѣроисповѣднаго компромисса, — „хромцовъ на обѣ плеснѣ", какъ называютъ ихъ старообрядцы, образовалась обитель на берегу Керженца и съ ея колокольни звонитъ непокорный нѣкогда раскольничій, а нынѣ „обращенный" или вѣрнѣе—плѣнный колоколъ.

И керженскіе лѣса безучастно внимаютъ этому звону. Развѣ гдѣ-нибудь въ чащѣ, пробираясь заростающей скитской тропой, оставшаяся по-прежнему вѣрной древлему благочестію, вздохнетъ чья-нибудь старая грудь, да сухая рука съ двуперстнымъ сложеніемъ подымется не то для молитвы, не то съ угрозой.

. . . . . .

Двѣ бабы,—жницы монастырскаго хлѣба,—мирно плескались въ водѣ у парома. Увидѣвъ нашу лодку, выплывшую изъ-за песчаной отмели, онѣ сначала нѣсколько растерялись, но затѣмъ, очевидно сочтя нужнымъ отдать нѣкоторую дань стыдливости, вышли обѣ на плотъ, гдѣ въ это время какой-то бѣлецъ въ подрясникѣ черпалъ ведеркомъ воду. Но такъ какъ наша лодка пристала къ тому же парому, то стыдливость вынуждена была ограничиться этой, болѣе чѣмъ скудною данью, и обѣ наяды спокойно приняли участіе въ нашихъ переговорахъ съ бѣльцомъ, одна — стоя по колѣни въ водѣ, другая — сидя на корточкахъ и высунувъ голову изъ-подъ наскоро надѣтой рубахи.

— Можно посмотрѣть монастырь и напиться гдѣ-нибудь чаю?

— Монастырь-отъ?.. чаю-те?..

Онъ поставилъ ведерко, приподнялъ старую скуфейку и почесалъ голову.

— А вы чьѐ будете?

— Нижегородскіе...

— Самоваръ у отца Евгенія есть,—сказала одна изъ бабъ.

— Да онъ не по ягоды ли подралъ?—усомнилась другая.

— Молчите вы, бабы!.. Подите, а вы, вонъ той тропочкой, мимо хлѣбовъ, къ монастырю. А я впередъ забѣгу. Самоваръ есть, какъ не быть самовару...

— Да вонъ и самъ Евгеній тащитця,—примолвила одна изъ купальщицъ, успѣвшихъ уже облачиться, между тѣмъ какъ мы доставали изъ лодки свои котомки.

Дѣйствительно, по берегу на-встрѣчу намъ подвигалась высокая, сгорбленная фигура. Отецъ Евгеній шелъ босикомъ, въ бѣлой, длинной рубахѣ, ничѣмъ не подпоясанной, въ бѣлыхъ короткихъ портахъ, оставлявшихъ на виду босыя, мозолистыя ноги. На головѣ у него была старенькая скуфейка, на груди висѣлъ четырехугольный шелковый платъ съ надписью славянскими буквами: „Азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ“. Безъ этихъ принадлежностей очень трудно было бы въ этой простой мужицкой фигурѣ признать іеромонаха. Онъ оглядѣлъ насъ своими старыми глазами и радушно пригласилъ слѣдовать за собой къ отцу Стахію *), отъ котораго, за отъѣздомъ настоятеля, зависѣло показать намъ достопримѣчательности обители.

Въ небольшомъ домикѣ, съ липами у крыльца, мы застали отца Стахія въ скуфьѣ и полумантіи, собиравшагося къ вечернѣ. Лицо его было очень красно, воспаленные глаза какъ-то слезились и вообще выражали страданіе...

— Хворь у насъ,—сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, охрипшимъ голосомъ,—всѣхъ переворочала; просто ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Я-то вотъ хоть на ногахъ нахожуся... А прочіе старцы въ лёжку лежали. Бѣды!.. Монастырь осмотрѣть?..

Онъ смущенно посмотрѣлъ на насъ и на отца Евгенія и сказалъ нерѣшительно:

— Можно, можно... Настоятеля-те нѣту, онъ бы вамъ все показалъ... Что-жъ, посмотрите, пожалуй... Небогата обитель наша... пожалуй, можно такъ сказать, что и смотрѣть-то нечего...

Мутные глаза отца Стахія уставились въ меня какъ будто съ надеждой: быть можетъ,—я соглашусь, что смотрѣть въ ихъ обители нечего... Но я почтительно настаивалъ. Отецъ Стахій вздохнулъ, подумалъ о чемъ-то. Его быстрый взглядъ еще разъ скользнулъ по мнѣ пытливо и тревожно.

— А вы... не осудите?—спросилъ онъ робко...

— Да за что же, батюшка?—спросилъ я сначала съ искреннимъ удивленіемъ. Потомъ наши глаза встрѣтились... Я посмотрѣлъ на равнодушно суровое лицо отца Евгенія и понялъ, какая хворь перебрала чуть не всѣхъ этихъ немощныхъ старцевъ въ отсутствіе недавно назначеннаго строгаго настоятеля...

*) Имена въ этомъ очеркѣ вымышлены.

Отецъ Стахій отвернулся и сказалъ тихо съ робкимъ смиреніемъ:

— Грѣхъ осуждать-то... Охо-хо-о... Немощь человѣческая... А осуждать... тяжкій грѣхъ.

И мы стали осматривать обитель. Дѣйствительно она представляла немного достопримѣчательнаго въ общепринятомъ смыслѣ. Въ ней не было ни богатства, ни того особаго налета почтенной старины, который замѣтенъ порой на убогихъ монастырькахъ русскихъ захолустій... Основанная въ 40-хъ годахъ въ разгаръ борьбы съ „расколомъ", она какъ будто еще не успѣла пріобрѣсти опредѣленной физіономіи. Небольшой дворъ, обнесенный стѣнами, убогія, хотя и чистенькія кельи, скромная трапеза, двѣ церкви—зимняя и лѣтняя... да нѣсколько могилъ...

Эти могилы пожалуй и были наибольшей достопримѣчательностью единовѣрческаго монастыря. Особенно одна, стоящая отдѣльно, какъ будто чуждавшаяся общенія съ остальными. Она была выложена камнемъ и покрыта чугунной плитой...

Замѣтивъ, что я смотрю на нее съ невольнымъ интересомъ, о. Стахій пояснилъ:

— А это—старецъ тутъ покоится одинъ. Другъ былъ нашему Тарасію. Когда братія рѣшила обратиться къ единовѣрію,—онъ не пожелалъ, остался въ старой вѣрѣ...

— Почему же онъ здѣсь похороненъ?

— Да онъ и жилъ въ обители-то, по дружбѣ съ настоятелемъ... упорный старецъ былъ, каменный... устоялъ даже и до смерти...

Отецъ Стахій потупился, и во всей его фигурѣ опять промелькнуло выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ о немощи и неосужденіи.

Я тоже остановился въ невольномъ раздуміи передъ могилой. Въ ней было что-то суровое и вмѣстѣ значительное... Она стоитъ одиноко, на гладко утоптанномъ дворѣ, вдали отъ другихъ гробницъ и даже отъ могилы его друга, настоятеля Тарасія, который черезъ малое время послѣдовалъ за нимъ... Какъ будто и послѣ смерти упрямый старецъ отстраняется и шлетъ нѣмой протестъ въ среду обратившихся...

Мнѣ показалось, что эта гробница сосредоточила для меня неясныя ощущенія, которыя вѣяли надъ этой единовѣрческой обителью. Какая драма улеглась и покрылась этой плитой? какую горечь сложилъ ты сюда, старецъ Пафнутій, видѣвшій на склонѣ дней, какъ рушилось кругомъ то, за что ты боролся,—рушилось, исчезало, развѣивалось, точно дымъ уга-

сающаго кадила,—и даже дружбу свою вынужденный искать въ измѣнившемъ лагерѣ? Какими упреками была отравлена эта дружба, о чемъ говорили старцы передъ вѣчной разлукой?.. Да, если столѣтія спокойной, невозмутимой вѣры откладывали въ ризницахъ и казнохранилищахъ другихъ монастырей вѣками накоплявшіяся сокровища и святыни, то здѣсь, надъ скромными кельями и небогатыми церковками, вѣетъ еще трепещущая жизнью недавняя драма. Здѣсь все еще говоритъ о недавней борьбѣ убѣжденій, о страстныхъ столкновеніяхъ, о тяжелыхъ сомнѣніяхъ и колебаніи смущенныхъ совѣстей... Отголоски этой борьбы какъ будто не замерли еще и витаютъ вокругъ одинокой могилы среди двора, обнесеннаго оградой, съ заглядывающими изъ-за нея верхушками керженскаго лѣса.

— Иконы у насъ изъ скитскихъ часовенъ больше, — спокойно говоритъ отецъ Стахій, показывая мнѣ внутренность церкви.—Вотъ эта изъ Комарова, эта изъ Улангера, а вотъ это — особо чтимая, высокаго стариннаго письма икона Казанскія Богоматери, прежде бывшая въ Шарпанѣ.

— Та, что по преданію вышла изъ Соловецкаго монастыря?

— Она...

Я съ невольнымъ уваженіемъ присматриваюсь къ знаменитой иконѣ „стариннаго высокаго письма“. Въ этомъ письмѣ не видно ни свободнаго вдохновенія, ни творческаго художественнаго полета; это не произведеніе искусства, а плодъ нѣкоего аскетическаго, молитвеннаго подвига. Не фантазія, а благоговѣніе и преклоненіе передъ старинными преданіями водили рукой иконописца; но всетаки это сухое письмо не вполнѣ безжизненно и не безмолвно. Краски здѣсь растирались съ молитвою, каждая черта проводилась съ благоговѣніемъ, каждая складка получала опредѣленное, чуть не символическое значеніе. Грустно это настроеніе, даже пожалуй мрачно и темно, какъ старый сводъ, освѣщенный тусклою лампадой,—но все же здѣсь чувствуется какое-то могучее сосредоточеніе, точно заколдованная дремота скованнаго гиганта...

Вотъ оно бывшее знамя Керженца!..

Во времена соловецкаго стоянія поднялась эта икона изъ обители, наканунѣ ея раззоренія, и повела за собой старца Арсенія. Разступались передъ инокомъ лѣса, просыхали рѣки, а икона неслась по воздуху все впередъ, пока не достигла керженской лѣсной пустыни. Здѣсь она опустилась, и дремучій лѣсъ покрылъ ее своею зеленою сѣнью... Невдалекѣ отъ этого мѣста сталъ Шарпанъ—первый керженскій скитъ.

Таково преданіе, приведенное у Мельникова. Вокругъ Шàрпана возникли другія обители, и пустыня лѣсная процвѣла, яко кринъ, древлимъ благочестіемъ. И было въ скитахъ повѣріе: доколѣ стоитъ икона, до тѣхъ поръ стоять и скитамъ. Когда же склонится и падетъ въ руки враговъ скитское знамя—конецъ райскому житію: запустѣютъ обители, а вскорѣ не укоснитъ Господь положить предѣлъ и временамъ, и лѣтамъ.

Наивная вѣра, но всетаки вѣра, темныя, дѣтскія убѣжденія, но всетаки это были убѣжденія! Прочитайте у Мельникова тѣ главы, гдѣ онъ рисуетъ прелестный, истинно женственный и величавый образъ матери Августы, игуменьи Шарпанской обители. Пошли уже по обители смутные, сполошные слухи; пишутъ Дрягины, пишутъ Громовы: быть бѣдѣ. Матери совѣщаются, матери убираютъ скитское добро въ безопасныя мѣста, матери соборуютъ о грядущей невзгодѣ. Идетъ гроза отъ столицы на керженскія тихія пустыни... Идетъ и уже слышны ея раскаты...

Но мать Августа не желаетъ совѣщаться, отказывается принимать участіе въ соборахъ, а на соборное постановленіе—„изнести“ икону въ безопасное мѣсто—отвѣчаетъ холодно и спокойно:

— Апричь воли Господней ничьей надъ собою воли не знаю...

Среди раскатовъ надвигающейся грозы, среди всеобщаго шатанія и малодушія—ея спокойные глаза устремлены на порученную ея охранѣ икону. Въ этомъ взглядѣ—безмятежная вѣра, ясное упованіе, вся пламенная любовь горячаго женскаго сердца. Зачѣмъ ей предосторожности, зачѣмъ ей спасеніе и тихія пристанища? Пока стоитъ міръ,—стоитъ и ея знамя. А какъ только Владычица допуститъ ему склониться и пасть, — „не укоснитъ Господь положить предѣлъ временамъ и лѣтамъ“...

Такъ рисуетъ Мельниковъ, — злой раззоритель, но вмѣстѣ крупный художникъ,—мать Августу, шарпанскую настоятельницу. Вотъ какая любовь и какая вѣра покоились на иконѣ „высокаго письма“, которую показалъ мнѣ отецъ Стахій! А вѣдь Мельниковъ, какъ извѣстно, писалъ съ натуры...

И вотъ икона, вмѣстѣ съ другими обломками, уцѣлѣвшими отъ невзгоды, — въ рукахъ единовѣрцевъ... А времена и лѣта стоятъ, какъ стояли, міръ остается на своихъ устояхъ, „падаетъ усердіе“ и время безстрастно стираетъ мертвящей рукой самую память о прошломъ процвѣтаніи благочестія...

Старицы, оставшіяся еще въ живыхъ, пріѣзжаютъ въ единовѣрческую обитель и, выждавъ, когда монахи отправятъ свою службу, приходятъ къ иконѣ, зажигаютъ свои свѣчи, поютъ свои молитвы, вспоминаютъ и плачутъ...

Да, пусть темны скитскіе взгляды, пусть ихъ убѣжденія— не наши... Но чувства этихъ старицъ, плачущихъ у плѣненной святыни, среди равнодушнаго міра, найдутъ откликъ во всякомъ сердцѣ, а ихъ судьба—судьба многихъ убѣжденій, съ тѣхъ поръ, какъ люди борются за мнѣнія, а міръ стоитъ, храня безмолвно важнѣйшія тайны жизни и смерти...

Когда мы кончали осмотръ, къ отцу Стахію подошелъ молодой послушникъ. Это былъ почти еще юноша, худощавый, съ глубокими черными глазами, какъ на византійской иконѣ.

— Благослови начинать, отче... — сказалъ онъ, остановившись и не глядя на насъ.

— Богъ благословитъ, начинайте, — сказалъ отецъ Стахій торопливо и съ оттѣнкомъ присущей ему стыдливой робости.

Послушникъ не двигался и какъ будто ждалъ чего-то... Въ тѣни дерева, у кельи отсутствующаго настоятеля, на столѣ кипѣлъ хорошо вычищенный самоваръ, только что принесенный послушникомъ. Лучи солнца, прорываясь сквозь листву, — играли пятнами на самоварѣ, на стаканахъ, на скатерти, которая въ тѣни казалась фіолетовой, на розовой бутылкѣ наливки, которую мой племянникъ вынулъ изъ нашей дорожной сумки...

— Можетъ быть, отецъ Стахій, откушаете съ нами?— предложилъ я...

— Спасибо,—отвѣтилъ о. Стахій...—Ежели предложите... не откажусь... — Ну, иди, иди! — сказалъ онъ послушнику, темная фигура котораго рисовалась въ сторонѣ рѣзкимъ силуэтомъ... Молодой человѣкъ мгновеніе колебался, потомъ повернулся и пошелъ къ открытой двери церкви...

Мы расположились подъ деревомъ, и у насъ началась благодушная бесѣда. Послѣ первой же рюмки наливки, — отецъ Стахій оживился, съ него сошли признаки угнетенія и робости, и онъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ... Благодушное настроеніе его омрачалось только отъ времени до времени появленіемъ въ нашемъ уголкѣ темной фигуры послушника, который подходилъ, останавливался сумрачною тѣнью въ сторонѣ и произносилъ сурово:

— Отче... начали безъ васъ.

Въ другой разъ:

— Отче... Отчитали... Вамъ возглашать...

Отецъ Стахій досадливо отмахивался и говорилъ:

— Продолжайте... Ладно... Приду, возглашу.

Послушникъ стоялъ нѣкоторое время, какъ будто ему было трудно отэрвать ноги отъ земли, но потомъ уходилъ. И въ его походкѣ чувствовалась укоризна...

Мы продолжали мирную бесѣду, подъ звуки нескладнаго столповаго напѣва, доносившагося изъ открытыхъ дверей храма. Пѣли два - три голоса въ унисонъ и нѣсколько гнусаво...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я у отца Стахія,—монастырь вашъ штатный или общежительный?

— Общежительный,—отвѣтилъ онъ и вздохнулъ.— Хотѣли жалованіе положить отъ синода... Да вотъ видите... настоятель у насъ человѣкъ строгій... Отказался.

— Отчего?

Отецъ Стахій налилъ на блюдечко чай, долго смотрѣлъ на него и потомъ отвѣтилъ, тонко улыбнувшись:

— Видите... нѣцыи и безъ того утверждаютъ, будто единовѣріе—ловушка, а мы дескать попались въ нее по неразумію и... ох-хо-хо-о... прости Господи, по немощи... Такъ вотъ... не очень это уважаютъ, что единовѣрцамъ пользоваться еще и награжденіемъ... Поняли?..

— А доброхотныхъ пожертвованій мало?

— Мало,—сказалъ онъ...

Я ждалъ обычнаго конца подобной фразы и дождался:

— Усердія мало въ нонѣшнемъ народѣ,—добавилъ отецъ-казначей со вздохомъ, и торопливо опрокинулъ свою чашку на блюдечко, положилъ наверхъ кусочекъ сахару и отодвинулъ отъ себя.

Къ намъ вновь приближался суровый молодой послушникъ... На этотъ разъ фигура его была вся — безмолвная укоризна. Остановившись опять въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ сказалъ съ особенной суровостью:

— Кончили, отецъ Стахій... Благословите запирать церковь?..

Отецъ Стахій съ стыдливой поспѣшностью поднялся съ мѣста...

— Иду, иду... Не запирай...

Онъ торопливо попрощался съ нами и пошелъ къ паперти. Мрачный юноша слѣдовалъ за нимъ.

Со стола убрали. Мои племянники стали укладывать котомку, а я зашелъ передъ отъѣздомъ въ церковь...

Она была пуста... Молящихся не было; вечерня отошла при пустомъ храмѣ, и теперь немногіе, участвовавшіе въ ней, уходили... Только мрачный послушникъ стоялъ неподвижно

на клиросѣ, и отецъ Стахій возглашалъ, уходилъ въ алтарь, появлялся оттуда, кадилъ передъ иконами и опять возглашалъ одинъ, предоставляя Господу Богу привести это въ должный порядокъ... яко же ты, Господи, вѣси.

Взглянувъ на меня, отецъ Стахій отвернулъ глаза и „завозглашалъ“ торопливѣе.

Мы плыли уже по рѣкѣ, а передо мною все носился образъ суроваго послушника, отдѣльная могила каменнаго старца и растерянно просящій прощенія взглядъ отца Стахія:

— Охо-хо-хо... Немощь человѣческая... Не осудите... Осуждать грѣхъ,—слышалось мнѣ подъ суровый шопотъ темнѣющихъ керженскихъ лѣсовъ...

Но керженскіе лѣса, помнящіе крѣпкое стояніе древнихъ подвижниковъ, какъ будто, осуждали *)...

---

*) Въ свое время этотъ эпизодъ я не напечаталъ по весьма понятнымъ причинамъ. Года черезъ два, если не ошибаюсь, въ монастырѣ была произведена строгая ревизія епархіальнымъ начальствомъ, и многія „немощи“ единовѣрческой братіи подверглись „осужденію“, котораго такъ боялся благодушный отецъ Стахій.

VII.

Ночная буря.—Лѣсные люди.

I.

— До Лыкова въ часъ одинъ сомчитесь,—говорилъ намъ въ монастырѣ отецъ Стахій.—Тамъ найдете спокойный ночлегъ и самоварчикъ.

Но отецъ Евгеній смотрѣлъ на низкое солнце и сомнительно качалъ головой.

— Наврядъ, что доѣхать. Пожалуй, ночевали бы лучше у насъ... Солнце-то низко, да и облака туманятся,—не быть бы грозѣ...

Мы не послушались, и вотъ плывемъ долго, а Лыкова все не видать. На рѣкѣ смеркается. Сначала темнѣютъ отраженія лѣсовъ и подъ берегами трудно уже разглядѣть измѣнническія карши, если только ихъ не выдастъ серебряная струйка теченія. Потомъ одѣваются густымъ сумракомъ самые лѣса, берега, мерцающая глубина рѣки... На небѣ съ одной стороны угасаетъ зарево заката,—съ другой изъ-за гребней лѣса медленно развертывается туча. Изъ-подъ нея дохнулъ вѣтеръ, и вмѣстѣ съ тѣнями пробѣжали по лѣсу пугливые шорохи, то замирая вдали, то кидаясь съ одного берега на другой и провожая нашу лодку.

Потомъ и вѣтеръ стихаетъ. Лѣса не шелохнутъ листомъ и торопливые удары нашихъ веселъ одни отдаются эхомъ отъ береговъ. Лодка тяжело рѣжетъ воду, вода кипитъ подъ килемъ, и кажется, будто даже наша кривобокая ладья торопливо рвется впередъ изъ-подъ каждаго взмаха веселъ...

Первая зарница еще неувѣренно вспыхиваетъ далеко за гребнемъ лѣсовъ и пробирается ввысь по грядамъ облаковъ... За ней другая, третья... Карши, торчащія изъ черной рѣчной глубины, встаютъ ясно всѣ до одной...

Лѣса взглядываютъ на мгновеніе, блѣдные отъ испуга,—и все опять гаснетъ... Мы плывемъ наудачу, такъ какъ темнота кажется послѣ зарницъ еще гуще. Потомъ уже настоящія молніи вспыхиваютъ гдѣ-то за лѣсами, пробивая въ нихъ пламенные просвѣты, и послѣ этого островерхія ели смыкаются въ таинственную, еще болѣе темную массу...

Мы налегаемъ на весла, — авось за ближайшимъ мысомъ блеснутъ огни Никольскаго-Лыкова. Но лодка все вьется изъ кривули въ кривулю, наудачу минуя карши, ломы, задѣвы,

а передъ нами только темныя стѣны лѣсовъ, да рѣка, озаряемая синими вспышками. Туча развертывается все шире... Ея движенія не видно, но мнѣ чудится какой-то особенный тихій шорохъ; свѣтлые клочки неба исчезаютъ одни за другими; мерцаетъ еще одна яркая звѣзда на юго-западѣ, въ той сторонѣ, гдѣ быть можетъ въ эту минуту кто-нибудь вспоминаетъ объ насъ, не подозрѣвая, съ какой лихорадочной торопливостью наша одинокая лодка мчится подъ вспышками синихъ зарницъ... На рѣкѣ черно, какъ въ могилѣ. Глазъ жадно ищетъ огонька, но каждый поворотъ обманываетъ наши надежды... Лапы затонувшихъ деревьевъ бьютъ порой по лицу. Со дна глухо стукаются въ лодку то опасный „кобелъ“, задерживающій даже плоты въ полую воду, то поперечный „задѣвъ“, то песчаная мель.

Вдругъ лодка натыкается на что-то. Молнія освѣщаетъ бревно, другое, цѣлые плоты, разбросанные въ безпорядкѣ и загромождающіе русло; я сворачиваю, но лодка продолжаетъ стукаться носомъ въ бревна, какъ муха, попавшая на стекло; при свѣтѣ молніи я направляю ее въ протокъ; минута, — и лодка наша съ тихимъ шипящимъ вздохомъ садится на песчаную мель.

Очевидно, прохода нѣтъ, а буря близится. Сзади движется уже даже не туча, а какая-то безформенная мглистая тьма, кипящая огнями...

Въ дальнихъ лѣсахъ стоитъ глухой гулъ, какое-то неразборчивое бормотаніе...

Я отправляюсь на поиски прохода, выхожу на какіе-то острова, пробираюсь сквозь кусты, всхожу на бревна плота, надѣясь найти свободную дорогу нашей лодочкѣ. Сгоряча, прыгая съ бревна на бревно, пробѣгаю на середину плота и вдругъ, совершенно неожиданно погружаюсь въ воду: ничѣмъ не связанныя бревна разошлись подъ моими ногами, и кругомъ меня стоитъ тревожное движеніе... бревна колеблются, сдавливаютъ, толкаютъ, вертятся, ускользаютъ изъ-подъ рукъ, мѣшаютъ выбраться... Намокшая одежда тяжела, а подъ ногой не чувствуется дна... Кругомъ замолкшій лѣсъ, вверху—тьма и угроза... Изъ какого-то дальняго уголка души ползутъ суевѣрныя представленія; мнѣ кажется, что все это—и рѣка, и бревна, и тучи, и черныя ели насторожились и злорадно слѣдятъ за мною...

Къ счастью, вода тепла. Черезъ минуту я всетаки взбираюсь на бревна, осторожно переползаю къ берегу и иду къ лодкѣ... Первый недальній громъ съ трескомъ разрываетъ мглистую тучу... За нимъ слышится дальній шумъ, точно

лѣсъ сразу закричалъ тысячами голосовъ, и что-то гигантское катится къ намъ по его вершинамъ.

Это бѣжитъ по лѣсу ливень.

Мы торопливо встаскиваемъ нашу лодку на покатый берегъ, поворачиваемъ ее дномъ кверху, подъ вѣтеръ, потомъ подпираемъ досками отъ скамеекъ. Я разыскиваю спички—и первыя капли дождя грузно шлепаются на песокъ, когда я подъ прикрытіемъ лодки развожу костеръ.

Ливень идетъ пока еще стороной, и огонь успѣваетъ хорошо разгорѣться. Я выдвигаю костеръ изъ-подъ лодки, разрубаю и кидаю въ него сломанное весло, заваливаю густо валежникомъ; огонь шипитъ, трещитъ, вьется наружу, разгорается и когда, наконецъ, ливень охватываетъ со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и рѣку, плещущую тысячами капель, и нашу отмель, и кусты, и дальніе изгибы Керженца, и все кругомъ,—костеръ горитъ уже огромнымъ пламенемъ... Такъ странно и такъ пріятно смотрѣть, какъ онъ шипитъ, точно змѣй, отъ падающихъ капель, то припадаетъ низко къ землѣ, то опять рвется огненными языками на-встрѣчу дождю, молніямъ и тьмѣ.

Больше ничего уже случиться не можетъ, худшее позади. Наша вѣрная ладья, защищающая отъ косого ливня, кажется мнѣ самымъ уютнымъ убѣжищемъ въ мірѣ. Я скинулъ съ себя всю мокрую и грязную одежду, и теперь подъ лодкой отъ меня идетъ паръ... А кругомъ шумъ и раскаты, и крикъ взволнованнаго лѣса, — и разрывающіяся тучи сыплютъ молніями далеко надъ лѣсами и полянами, надъ болотами и непроходимыми чащами, надъ протоками, шишмарами, логами, надъ убогими лѣсными деревнями, надъ одинокими кордонами лѣсниковъ, надъ умершими Шарпаномъ и Улангеромъ, надъ умирающими Оленевымъ, Комаровымъ, Чернухой, смиренно прислушивающимися къ крикамъ Божіей грозы, надъ избушками Покровскаго, гдѣ Степанъ, быть можетъ, мокнетъ на сѣжѣ и благословляетъ долго жданную благодать изсохшихъ полей...

Теперь, когда я заношу эти строки въ мою путевую книжку, — центръ грозы уже промчался надъ нашими головами, и тучи тихо громоздятся, уходя дальше... Раскаты смолкаютъ за лѣсами... и даже одинокая звѣздочка опять мигаетъ мнѣ съ вышины,—точно разыскиваетъ въ чащахъ нашу затерянную лодочку...

На утро солнце свѣтило такъ ярко и весело, какъ будто и оно омылось вчерашней грозой; на листахъ дрожали капли и, срываясь то и дѣло, сверкали въ воздухѣ новымъ дождемъ. Голоса птицъ звенѣли кругомъ, какъ стеклышки, листья шеп-

тались безъ вѣтра, рѣчная струя посинѣла, пески рѣзали глазъ яркой бѣлизной,—всюду трепетала, веселилась, пѣла, переполненная свѣжими силами, обновленная жизнь, и мы не узнавали тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя вчера казались намъ такими угрожающими, враждебными, мрачными.

Принадлежности моего костюма, развѣшанныя на кольяхъ для просушки, длинный изрытый шагами слѣдъ на пескѣ отъ нашей лодки, да кусты, измятые и изломанные вчера, когда я карабкался изъ воды, — всѣ эти признаки ночной трагедіи теперь будили въ насъ лишь веселыя воспоминанія.

Часовъ въ семь мы были въ Лыковѣ-Никольскомъ, небольшомъ селѣ, на лѣвомъ берегу рѣки. Оно стоитъ на границѣ обитаемой части Керженца. Далѣе до самой Волги намъ встрѣтятся лишь избушки угольщиковъ да кордоны лѣсной стражи. Быть можетъ этотъ контрастъ съ прилегающей пустыней придаетъ скромному селу особенное значеніе въ глазахъ мѣстныхъ жителей, но только вся волость носитъ, по его имени, названіе Лыковщины.

Отдохнувъ и напившись чаю, мы ровно въ полдень опять усѣлись въ лодку, и она понесла насъ по длинному прямому плёсу. Домики Лыкова скрылись изъ вида. Теперь только одинокій кордонъ на рѣчкѣ Пугàѣ, да перевозъ Краснаго Яра у самой Волги предстоятъ намъ на всемъ протяженіи трехъ дней и двухъ ночей нашего плаванія до устья.

Опять пустыня, безлюдье и шорохъ лѣса по обѣимъ сторонамъ рѣки...

Передъ вечеромъ, впрочемъ задолго еще до заката, сзади за нами небольшой точкой на дальнемъ плёсѣ мелькнула лодочка. То исчезая за мысами, то теряясь въ заводяхъ, подъ берегами, то опять качаясь на свѣтлой струѣ, она каждый разъ появляется все ближе, и наконецъ, неожиданно вылетаетъ впереди насъ изъ протока. Въ узкомъ и замѣчательно легкомъ ботничкѣ сидитъ мужикъ въ гречневикѣ, изъ-подъ котораго глядитъ нѣсколько комичное лицо, съ добродушно-расплывшимися чертами, сѣрыми глазами и всклокоченной небольшой бородой. Его ботникъ, точно нетерпѣливый конь, рвется впередъ изъ-подъ каждаго удара широкаго одиночнаго весла, но мужикъ съ каждымъ взмахомъ нѣсколько задерживаетъ его бѣгъ и держится вровень съ нашей тяжелой лодкой. На нѣкоторомъ разстояніи эта фигура производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто гребецъ сидитъ прямо на водѣ, вытянувъ ноги, и его неуклюжіе лапти торчатъ кверху надъ бортами.

Поровнявшись съ нами, мужикъ окинулъ взглядомъ и нашъ

неуклюжій ботникъ, и весь его грузъ. И потомъ, ничѣмъ не выразивъ удивленія или особой любознательности, сказалъ благодушно:

— Миръ дорогой...

— И вамъ,—отвѣтилъ я. — Скажите: далеко еще до кордона?

Лицо незнакомца выразило крайнее огорченіе.

— До кордона?—повторилъ онъ...—Ахъ мил-лые... Далече еще до кордона-те... Да-а-лече... А вы думали: близко? — спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Въ Лыковѣ намъ говорили, что будемъ еще засвѣтло.

Онъ укоризненно покачалъ головой...

— Нѣ-ѣтъ... Завтра дай Богъ... Завтра и то къ вечеру... Вишь у васъ и лодья-те... Она ничего лодья... Лодья-те гожая... Ну не ранѣе: къ вечеру на кордонѣ будете...

Онъ посмотрѣлъ на небо.

— Солнце вишь невысоко, а до Вишнй рѣки еще не близко. А вечера-то темные, на рѣкѣ карши... Ахъ, милые вы мое-е...

— А вы до кордона?

— До Вишнй я. Ботнички строимъ мы. Товарищъ пѣшкомъ ушелъ, лѣсомъ, а я, вишь, струментъ везу. До Вишнй, милые... Ну, дай вамъ Богъ въ часъ добрый!.. У Вишнй я васъ сожду... Вишню не миновать вамъ... Тамъ я сожду...

— А до устья, какъ вы считаете,—спросилъ я, — далеко еще?

— До устья-то?

И опять онъ обдалъ меня взглядомъ ласкающаго сожалѣнія...

— До устья-те не доѣхать вамъ ни завтра, ни послѣ завтрева... въ четыре дня дай Богъ, что доѣхать вамъ до устья-те... До-о-лго, милые, до устья.

Онъ пускаетъ свою лодочку, и вскорѣ его гречневикъ, его лапти, его лохматая голова, вся добродушная фигура исчезаетъ, мелькая и уменьшаясь впереди, а мы грустно переглядываемся: четыре дня—перспектива невеселая.

Солнце дѣйствительно низко, ночлегъ на кордонѣ — разлетается туманомъ...

Вечеръ опустился теплый, тихій, ароматный; луна тонкимъ золотымъ серпомъ повисла въ мягкихъ туманахъ надъ верхушками елей; въ вышинѣ ласково мигали звѣзды,— но свѣта было мало и плыть по темному руслу становилось все труднѣе. Мы стали уже подумывать о ночлегѣ ранѣе назначеннаго срока, какъ вдругъ одному изъ насъ показалось, что впереди слышенъ чей-то голосъ. Я приподъ-

нялъ весла, и когда плескъ утихъ, намъ ясно послышался призывъ.

— Кордонъ,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Нѣтъ, это давешній мужикъ зоветъ насъ, — догадался другой, и въ его голосѣ послышалась радостная нота.

Впереди на одной излучинѣ красный отблескъ палъ поперекъ рѣки. Между кустами забѣлѣлъ дымокъ, огонь замигалъ трепетными переливами. Одинокая темная фигура фантастически рисовалась на свѣтломъ фонѣ.

— Сюда-а... Сюда греби... А-у-у...—кричалъ мужикъ и махалъ намъ руками.

— Какъ онъ услыхалъ насъ?—удивился одинъ изъ мальчиковъ...—Лодку совсѣмъ не видно...

— Ну, вотъ, слава-те Господи,—говорилъ между тѣмъ мужикъ, принимая носъ нашей лодки. — А ужъ я-то стосковался, на берегу сидя: гдѣ, молъ, друзья моé?.. Что долго нѣту?.. Ахъ, мил-лаи, что долго плыли вы? Ужъ не на каршу ли молъ гдѣ сѣли?.. А то тутъ зàводь еще больно велика живетъ... Лодка-те у васъ грузнà, народъ, думаю себѣ — нездѣшной, непривычной, а я васъ покинулъ, старый дуракъ... Ну, слава-те, Господи!

— Ахъ, милые вы моè,—говоритъ онъ опять черезъ минуту, подбросивъ въ костеръ валежнику и вздыхая съ такимъ облегченіемъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы самые близкіе ему люди, подвергавшіеся большой опасности.—А ужъ я давно причалилъ, вылѣзъ на берегъ, пождалъ-пождалъ, взялъ кусокъ... такъ нѣтъ—и кусокъ не лѣзетъ, что моè друзья не ѣдутъ, что не ѣдутъ... Думаю: ужъ не проѣхали ли мимо, а я, старый дуракъ, и спросить-то не догадался: чье вы будете? Вотъ грѣхъ-то! А? Право!..

— А ты какъ думаешь, дядя, чьи мы?

— А Богъ васъ знаетъ, милые, что вы за человѣки. Не видали мы у себя этакихъ народовъ... Весной этто, когда вода великà живетъ, много же народу плаваетъ по рѣкѣ... Рѣка, что улица, въ весеннюю-те пору. Такъ опять народъ все примѣтной, руськой...

Онъ прищуривается, вглядываясь въ смуглыя лица моихъ юношей, и говоритъ:

— Такъ думалъ про себя, что не греки ли... Аль нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, извините, милые. А то грекъ, онъ вѣдь всюду проѣдетъ. Говорятъ,—самой хитрой изъ всѣхъ людей—греческой человѣкъ живетъ. Вотъ я и думаю: не съ товаромъ ли какимъ... Или можетъ со святостью съ Аѳону... Нѣтъ? Ну такъ...

дѣло, дѣло... Лонись пріѣзжалъ тоже такой-то—камни, слышь, все бралъ,—такъ тотъ прямо изъ Питербурху... А ты бы, милый, лодку-те на берегъ выволокъ, или бы въ заводь, а то вѣтромъ, бываетъ, отшибетъ...

Я сталкиваю лодку на воду и долго веду ее вдоль песчанаго мыса, ища прохода въ заводь. Когда, наконецъ, я подхожу опять къ мѣсту привала, у костра идетъ оживленная бесѣда. Мужикъ разсказываетъ что-то, молодые люди съ удивленіемъ слушаютъ. Глядя изъ-за своего уголка, затѣненнаго ветлами, я вижу какъ будто трехъ ребятъ, быстро отыскавшихъ какіе-то общіе интересы.

— Да развѣ въ капканахъ труднѣе?—спрашиваетъ одинъ изъ слушателей. Мужикъ взмахиваетъ руками.

— И-и... что ты, братецъ... Въ капканахъ ужъ онъ тутъ маху не дастъ, пря-ама на тебя!.. Да облапить наровитъ, да подъ себя, да сичасъ драть... И такая у него привычка, что драть непремѣнно съ затылка... Ка-акъ можно! Оно хоть, скажемъ, капканъ для медвѣжьяго случаю дѣлается чижолый... Да вѣдь иной, матёрый, уволокетъ и капканъ.

— Знаете, кто это такой?—спрашиваетъ старшій племянникъ, когда я подхожу къ костру.—Это—Аксенъ...

— Восемнадцать медвѣдей убилъ,—прибавляетъ другой...

— Ты—Аксенъ Ефимовъ?..

— Вѣрно,—говоритъ мужикъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашиваетъ:

— Нйшто про меня слыхали?

Мы слыхали объ Аксенѣ и въ Лыковѣ, и отъ лѣсничаго, въ Хахалахъ... но имя упоминалось съ оттѣнкомъ почтенія, которое едва ли объяснялось только тѣмъ, что онъ убилъ восемнадцать медвѣдей...

— Ну, вѣрно,—подтверждаетъ онъ просто:—счетомъ всѣхъ двадцать. Такъ и зовутъ меня Аксенъ-медвѣжатникъ.

Въ наружности керженской знаменитости нѣтъ ничего выдающагося. Фигура скорѣе невзрачная... Добродушное лицо съ жидкой бѣлокурой бородкой, сѣрые ласковые глаза... Но во всѣхъ движеніяхъ разлиты какая-то особенная увѣренность и спокойствіе. Очевидно, что здѣсь, въ лѣсу, среди этихъ безчисленнихъ суводей, заводей, мысовъ, омутовъ, песковъ и лѣсовъ—онъ у себя, дома, что со всѣмъ этимъ онъ сжился, что его собственный пульсъ бьется въ тактъ со всѣми этими плесками, шорохами, глубокими вздохами невольно пугающей насъ ночи... Какъ прежде лодка, казалось, сама несетъ его надъ пучиной, такъ теперь огонь вспыхиваетъ при одномъ приближеніи его руки къ пламени, направляя свои языки именно туда, гдѣ ему нужно.

— Скипѣлъ, — говоритъ онъ, поднимая вѣточкой чайникъ, который пыхтитъ, шипитъ, фыркаетъ, какъ живой.—Заваривай!

Я приготовляю чай и приглашаю Аксена. Но онъ спокойно и рѣшительно отказывается.

— Кушайте,—говоритъ онъ доброжелательно.—Вы—люди дорожніе, самимъ, смотри, не хватитъ. Ты вотъ хотѣлъ въ день доплыть, а не доплыть тебѣ, милой, ахъ не доплыть и въ два дни... Смотри, наголодаетесь еще.

Онъ нарѣзалъ мелкихъ ракитовыхъ вѣтокъ, кинулъ ихъ на песокъ, улегся на эту постель подъ своимъ опрокинутымъ легенькимъ ботничкомъ и замолкъ...

Вскорѣ и мальчики заснули. Пламя костра, быстро уничтожившее мелкій хворостъ, теперь лѣниво вьется межъ корявыхъ толстыхъ пней, приваленныхъ другъ къ другу... Темное небо смотритъ сверху и будто дышитъ своими огнями.. По временамъ съ яру свалится подмытый песокъ съ медленнымъ шуршаніемъ, напоминающимъ вздохъ... Гдѣ-то за предѣлами освѣщеннаго пространства береговой лѣсъ бормочетъ и по временамъ шевелитъ безпокойно спящими вѣтвями...

Всѣ эти ночи, которыя мы проводимъ на берегу Керженца, мнѣ не спится, не смотря на то, что дни проходятъ въ довольно тяжелой работѣ, а по вечерамъ при свѣтѣ костровъ я заношу въ книжку впечатлѣнія дня. Не спится мнѣ потому, что этихъ впечатлѣній слишкомъ много, что даже въ тишинѣ ночи они толпятся къ костру, обступаютъ меня, носясь смутными образами на предѣлахъ темноты и свѣта, заманивая воображеніе, будя какіе-то вопросы... Такъ все здѣсь таинственно и въ этой таинственности — такъ полно и цѣльно. Вотъ и теперь мнѣ кажется, что тревожные вздохи лѣса говорятъ мнѣ что-то обо всѣхъ этихъ лѣсныхъ людяхъ, тогда какъ лѣсные люди говорили, съ своей стороны, о лѣсахъ. И то, что̀ днемъ проскальзывало, проплывало мимо сознанія, безъ общей связи, безъ значенія, какъ эти однообразные берега мимо лодки,—теперь при свѣтѣ огня на песчаной отмели встаетъ въ памяти, проситъ себѣ мѣста, облекается и значеніемъ и связностью.

Почему-то мнѣ вспоминается лѣсничій, съ которымъ я познакомился въ Хахалахъ. Лѣсничій—полякъ, зовутъ его Казиміръ Казиміровичъ, живетъ въ Хахалахъ давно. Онъ устроилъ себѣ прелестное, уютное гнѣздышко въ своемъ казенномъ домикѣ... Домикъ этотъ стоитъ на концѣ села, на кручѣ. Отсюда видна рѣка, луга за рѣкой, за лугами лѣса и лѣса... Свѣтло-зеленые, темные, синіе, фіолетовые на дальнемъ горизонтѣ — они стелются вдаль, скрывая въ себѣ излучины

Керженца... Кой-гдѣ увѣренно прорѣзали ихъ прямыя просѣки, правильныя рубки легли ровными площадками, молодыя поросли, точно подстриженныя, плотно примкнули къ высокому старому лѣсу... И когда съ бельведера я смотрѣлъ на все это, домикъ лѣсничаго казался мнѣ центромъ, откуда исходитъ и куда стремится весь этотъ порядокъ, замѣтно проложившій свои слѣды среди первобытнаго хаоса лѣсовъ.

Внутренность этого дома пріятно ласкала глазъ, усталый отъ однообразія и пустынной дикости. Старинныя картины по стѣнамъ, полки съ книгами, какая-то особенная тишина, отпечатокъ уютности и порядка... Умный взглядъ и снисходительно-насмѣшливая улыбка во время разговора тоже очень понравились мнѣ въ лѣсничемъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ ему трудно было здѣсь сначала, какъ мужики не могли свыкнуться съ разумными взглядами на лѣсную собственность, какъ его предшественнику и ему приходилось здѣсь бороться съ ихъ притязаніями, какъ, наконецъ, путемъ долгой борьбы, настойчивости и системы мало-по-малу совершается настоящій переворотъ во всей этой лѣсной мѣстности... Какое-то особенное, немного презрительное сожалѣніе слышалось въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о мужицкихъ взглядахъ на государственную собственность... Изъ-за желудей мужику ничего не стоитъ рубить полувѣковые дубы... Изъ-за лыка онъ обдеретъ сотни деревьевъ, для расчистки паломъ лѣсной кулиги—сожжетъ сотни десятинъ лѣса. Вотъ и теперь съ Ветлуги на Волгу тянетъ на десятки верстъ чадный пàдымокъ...

Казиміръ Казиміровичъ полякъ, и мнѣ казалось, что поляки—отличные лѣсничіе. Нѣмецъ чиновникъ—порой высокомѣренъ и жестокъ. Русскій самъ слишкомъ близокъ къ взглядамъ своего народа. Они легко находятъ откликъ въ его душѣ, онъ рефлектируетъ... Если онъ плутъ,—плутовство его размашисто и недисциплинировано. Если честный человѣкъ,—честность его порывиста и неспокойна. Полякъ культурнѣе, выдержаннѣе, въ немъ крѣпче и устойчивѣе „цивилизованные“ взгляды на земельную собственность... И я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выдѣлилъ среди своихъ впечатлѣній фигуру Казиміра Казиміровича...

Костеръ началъ угасать... Потянуло съ рѣки сырымъ холодкомъ. Аксенъ поднялся изъ-подъ своей лодочки, повернулъ пни, и огонь ожилъ.

— Не спишь?—спросилъ онъ у меня, опять ложась на мѣсто...

— Не спится,—отвѣтилъ я...

— Усталъ вѣрно за день-то... Ты вотъ въ Хахалахъ когда былъ? Вчера? Не знаешь ли, Казимірушка, лѣсничій тамъ?

— Тамъ...—отвѣтилъ я, удивленный этимъ совпаденіемъ нашихъ мыслей, какъ будто безпокойный шорохъ лѣса навѣялъ ихъ на насъ обоихъ.—А что онъ, хорошій человѣкъ?

— Казиміръ? Ничего, хорошій. Простой онъ, даже и разговористой...

И вдругъ, безъ всякихъ переходовъ онъ прибавилъ:

— Мягко стелетъ, да жестко спать.

— Что такъ?—спросилъ я...

Аксенъ не отвѣтилъ. Онъ прислушивался къ чему-то, въ смутномъ лѣсномъ шорохѣ. Черезъ нѣкоторое время и я различилъ въ неопредѣленныхъ шумахъ болѣе отчетливые звуки. Кто-то грузно пробирался сквозь чащу къ рѣкѣ... Тяжелый всплескъ... Потомъ другой, третій...

Аксенъ покачалъ головой и сказалъ:

— Медвѣдица это... Самъ третей съ медвѣжатами... За рѣку перевалилась...

Мнѣ уже ничего не было слышно, но Аксенъ еще долго прислушивался, выдѣляя шаги медвѣдицы изъ лѣсныхъ шумовъ.

Мнѣ захотѣлось разспросить у него о глубинахъ лѣсовъ, въ надеждѣ, что тутъ скажется и глубина лѣсной души... Что онъ думаетъ о Богѣ, о мірѣ?.. Слыхалъ ли о „Святомъ озерѣ“? Встрѣчалъ ли въ лѣсахъ таинственную „нежилую силу“?.. Помнитъ ли разсказы о подвижникахъ?..

Но когда въ лѣсу все окончательно стихло, и Аксенъ круто повернулся ко мнѣ,—то въ головѣ его бродили мысли все о томъ же Казимірушкѣ.

— Ты, Владиміръ, какъ полагаешь, — спросилъ онъ. — Можно намъ теперь медвѣдей бить?..

— Отчего же?

— Нельзя, братъ... Хошь онъ тебѣ на-встрѣчу попадись... И будь ты, теперича, не то что съ дробовикомъ... съ ружьемъ, съ настоящимъ...—а тронуть его не моги. Сдѣлайте милость, Михайло Ивановичъ, проходите! Насъ только не троньте, а намъ не приказано, чтобъ вашу милость безпокоить.

Онъ прислушался, ожидая отъ меня реплики, и продолжалъ:

— Ты думаешь, онъ этого не понимаетъ? Нѣтъ, братъ, пойметъ!.. У-умная тварь, только словъ не знаетъ. А и то въ лѣсу слыхалъ я,—медвѣдь съ медвѣдицей баяли. Вѣришь совѣсти, ну, вотъ ровно человѣки, только не по нашему... Понимаетъ онъ всякую штуку. Вотъ въ старыя-то времена къ избамъ, что есть, вплоть подходили. Мужикъ запрется, а онъ что ты думаешь: дверь ломать!.. Потому ихняя была сила, а міръ-отъ слабъ еще былъ. Нонѣ міръ окрѣпъ — ему

надо въ лѣсу, да въ чапыгѣ коронитьця. Теперича опять видитъ,—міръ стѣсненъ,—онъ опять претъ изъ лѣсу-те. Даромъ, что животная тварь, а понятіе у него есть... Ты не спишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, Аксенъ Ефимычъ! Говорите.

— Что̀ и говорить намъ, — обижены мы, стѣснены. Не то медвѣдя—птицу не устрѣль, зайця не тронь, лутòху что-есть срѣжешь,—сейчасъ къ тебѣ лѣсничишко причаливаетъ...

Онъ сказалъ послѣднія слова нѣсколько тише и махнулъ головой въ томъ направленіи, гдѣ внизъ по рѣкѣ предполагался кордонъ лѣсника.

— Нѣтъ, ты послушай-ко, что еще безбожные-те люди выдумали. Ежели тебѣ сейчасъ о бортяхъ разсказать... Пожалуй еще и вѣры-те неймёшь, скажешь—хвастатъ Аксенъ-отъ Ефимычъ, зря баетъ...

Онъ придвинулся ко мнѣ и поправилъ костеръ. Я тоже подвинулся и, опершись на руки, смотрѣлъ въ простодушное лицо разсказчика, освѣщенное огнемъ.

— Этто плыли вы ныньче, не видали ли борти надъ рѣкой? Видѣли? Ну, мои—борти. Минуя этихъ, еще по лѣсамъ у меня не малое число есть, кои отъ родителя еще оставши, кои самъ промыслилъ. Хорошо. Пріѣзжаетъ лонись левизоръ, и созываетъ насъ, стариковъ, къ себѣ. И Казимірушко тутъ же.—Ну, старикъ, есть у тебя борти?—Есть, молъ.—А что плотишь?—Три рубля плачу, — ни за што, говорю, ваше благородіе. — Теперь, говоритъ, плати двѣнадцать!.. — Что, молъ, такое? Я, ваше благородіе, согласенъ, какъ прежде, по три рубля попенныхъ платить, а двѣнадцать за что же.— Нѣтъ, говоритъ, такой нонѣ законъ: двѣнадцать рублей. — Хорошо, говорю, стало-быть, это уже навѣкъ что ли? — Что ты, что ты, старикъ! На годъ, на одинъ. — Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ:—Какъ это, говорю, можетъ быть? У насъ не гари, не ра̀мени... На гаряхъ — цвѣту много... Въ ра̀мени — липа цвѣтетъ... Поно̀съ пчелы большой... А тутъ нѣшто можно экую махину денегъ со пчелы согнать... Не согласны мы.—А не согласенъ, говоритъ, такъ вотъ что: плати три рубля за пень, да убирай его куда хочешь...

Послѣднія слова ревизора Аксенъ Ефимычъ передалъ съ такимъ замираніемъ голоса, съ такимъ дѣтскимъ ужасомъ въ лицѣ, точно ему пришлось повторить величайшее богохульство.

— Слышалъ? Убирай, говоритъ, куда хочешь.—Ваше благородіе,—я говорю,—не можетъ этого быть. Развѣ вамъ отъ великаго государя дозволяется это дѣлать? Вѣдь она, пчела-те, Божья тварь; теперича летитъ она поверхъ бору, поверхъ рамени, — вѣдь ей не прикажешь, куда сѣсть; ежели она въ

какомъ мѣстѣ сѣла, да сдѣлала заносъ, то, значитъ, ей то мѣсто Богомъ отведено. Такъ неужели же вамъ это дозволяется, что Божью тварь зорить, да въ другò теперича мѣсто ссылать? Н-ну! Вотъ мое вамъ послѣднее слово будетъ: ежели ужъ вы отъ великаго государя имѣете такое дозволеніе, что Божью тварь нарушить, да перемѣстить... Дѣлайте! Дѣлайте,—я имъ говорю, — а моя рука на это дѣло не подымется. — И ушелъ отъ нихъ съ тѣмъ словомъ. А за мной и другіе ушли...

Онъ перевелъ духъ и ткнулъ вѣткой въ огонь. Послушная коряга дрогнула, повернулась, пламя ожило и забѣгало, приведя въ движеніе массу трепетныхъ тѣней кругомъ, и лѣсъ зароцталъ, точно изъ-за какой-то ограды. Казалось, Аксену нужно было это оживленіе, чтобы усмирить волненіе собственной души.

— А Казимірушка-те,—заговорилъ онъ съ усмѣшкой: — хи-й-трой... Стоитъ рядомъ, тутъ же, а самъ ни слова. Ни супроти начальства не можетъ, ни опять супроти Божіей твари. Стало-быть, есть еще сколько-нибудь совѣсти, у Казимірушки-те. Ну, хорошо. Вышедчи я отъ нихъ—ударился въ городъ, къ Семенъ Миколаичу... вы Семенъ Миколаича знаете? Хозяинъ онъ по нашему-те уѣзду...

— Слыхалъ немного.

Семенъ Николаевичъ, о которомъ говорилъ Аксенъ,—былъ довольно извѣстенъ въ Нижнемъ. Старый крѣпостникъ, молчаливый и угрюмый, какъ Собакевичъ, онъ никогда не выступалъ ни въ земскихъ, ни въ дворянскихъ собраніяхъ, но его охотно выбирали въ предводители лѣсного уѣзда, и онъ тихо, безъ шума дѣлалъ какія-то дѣла солидно стяжательнаго свойства.

— Харро-шій человѣкъ,—продолжалъ Аксенъ своимъ благосклоннымъ голосомъ...—Простякъ. Когда въ городу случится быть, завсегда къ нему имѣемъ ходъ. Вотъ и на тотъ разъ ударился я къ нему: такъ молъ и такъ, вотъ каки слова намъ о бортяхъ сказаны. Сейчасъ онъ дверь въ другую избу открылъ, а тамъ у него такой сидитъ, перомъ поскрипываетъ... „Эй ты, перо за ухомъ!.. Иди сюда! Слушай вотъ, что мужикъ баетъ, да запиши все“. Ну, я разсказалъ, какъ вотъ тебѣ же, а тотъ все слушаетъ, да на усъ мотаетъ. — „Ну, что, — Семенъ-те Миколаичъ спрашиваетъ,—слышалъ? Ступай напиши, да мотри, хорошенька-а! Чтобы добыть мужичкамъ законъ!“ Тотъ и написалъ, братецъ мой, да видно нацѣлился въ самую точку, къ министеру по крестьянскимъ дѣламъ...

— Такого министера нѣтъ, Аксенъ Ефимычъ.

— Ты слушай,—кабы не было, такъ и отвѣту бы намъ не

было... Пришла вѣдь бумага-те, — ты что думаешь!.. Казимірушка и объявилъ: плати, старики, три рубли по старому. Вотъ то-то. Живъ еще Богъ-те, да и великой государь этого не приказываетъ, что нарушить, напримѣръ, весь порядокъ... Да мы-то, вишь, темные... Охо-хо... А ночи-те много ушло... Спать видно...

Но черезъ минуту онъ опять заговорилъ изъ-подъ своей лодки:

— А слышь, плутъ... Ну, и плутъ же...

— Кто?—спросилъ я.—Казимірушка, что ли?..

— Нѣ-ѣтъ... Семенъ-те Николаичъ...—пояснилъ онъ неожиданно и, зѣвнувъ, продолжалъ засыпающимъ голосомъ:

— Лопись кладнушку мы къ Макарью согнали, и довелось мнѣ на Волгѣ на рѣкѣ вотъ этакъ же, какъ съ тобой, съ мужикомъ однимъ у теплины ночевать. Въ губернію мужичокъ-отъ валился отъ обчества съ бумагой. Стало-быть надумали они обчествомъ у помѣщицы у сосѣдней землицу укупить. И дерпи нелегкая,—къ хорошему человѣку за совѣтомъ пошли, къ самому этому Семену Николаичу... У батюшки его крѣпостные они были... —„Что-жъ, говоритъ, мужички! Хорошо, что ко мнѣ заявились. Радъ, говоритъ, я услужить вамъ. Дайте вы мнѣ довѣріе, я вамъ безъ хлопотъ землю предоставлю“. Мужики дали довѣріе, радуются, пождутъ... А барина-те бѣсъ-отъ подъ ребро и толкни: увидалъ, что земля гожа и недорога и что нельзя мужикамъ безъ таё земли быть,—да слышь ворськимъ-те манеромъ ту землицу за себя и купи! Теперича и завязалась волокита. Мужики-те на барина въ одинъ судъ, а баринъ-те мужиковъ во другой волокётъ. Не чаютъ теперь, когда тотъ грѣхъ и прикончится... А хорошій человѣкъ!.. какъ это по твоему выходитъ?

— Плохо.

— То-то, небольно,—видишь, какая вещь,—хорошо. Времена нонѣ не простыя: развѣсь уши—наплачешься и съ хорошими-те людьми...

Онъ зѣвнулъ еще разъ и смолкъ...

Гдѣ-то вдали послышался шорохъ. Спугнутая кѣмъ-то пара утокъ вылетѣла поверхъ лѣса и, начиная успокаиваться, безпечно спускалась на рѣку... но тутъ, поровнявшись съ нашимъ притаившимся огонькомъ, вдругъ шарахнулась въ сторону, и долго стоялъ, замирая вдали, надъ рѣкой тревожный свистъ испуганныхъ крыльевъ...

Я задремалъ и проснулся. Кто-то шелъ изъ лѣсу, неся что-то грузное на спинѣ. Большой, мрачнаго вида мужикъ подошелъ къ нашему огню, кинулъ сѣти, замѣтивъ насъ,

подошелъ къ мальчикамъ, постоялъ въ недоумѣлой позѣ, широко разставивъ ноги, и, какъ будто этого было совершенно достаточно для его любознательности, отошелъ и уже больше не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ подкинулъ въ огонь валежнику, посидѣлъ около него, то поворачиваясь къ пламени мокрой отъ сѣтей спиной, съ которой тогда начиналъ валить паръ, точно изъ трубы, то протягивая къ огню ноги и руки. Потомъ онъ подошелъ къ лодкѣ и, безъ церемоніи взявъ Аксена за ноги, повернулъ его, точно мертвую колоду.

— Ты, Парѳенъ?—спросилъ тотъ, пробуждаясь.

— Я.

Аксенъ перемѣнилъ положеніе такимъ образомъ, что они лежали теперь головами другъ къ другу; огонь одинаково освѣщалъ мужиковъ, лодка одинаково прикрывала отъ вѣтра. Пришедшій буркнулъ что-то Аксену кратко и угрюмо; Аксенъ завозился, и подъ лодкой начался разговоръ; я слышалъ только отдѣльныя слова: „изъ городу... въ губернскомъ правленіи... бумага...“ Потомъ мрачный мужикъ смолкъ, повернулся лицомъ къ небу, при чемъ его лохматая борода какъ будто загорѣлась сразу, освѣщенная костромъ, и, казалось, заснулъ. Болѣе экспансивный Аксенъ сокрушенно вздохнулъ, подсѣлъ на корточкахъ къ огню и, кинувъ на меня косой взглядъ, тихо спросилъ:

— Владиміръ,—мудрено по батюшкѣ-те... Спишь ты?

— Не сплю.

— Почто не спишь, аль заботушка?

— Да вѣдь и ты, вотъ, не спишь; тоже, значитъ, забота?

— Забота и есть... судимся мы.

— Не опять ли о бортяхъ?

— Нѣтъ! Дѣло-то наше теперь побольше бортей будетъ. Теперича, ежели намъ не выстоять, такъ тутъ ужъ весь нашъ хрещеной міръ порушится.

— Какъ такъ?..

— Да вотъ такъ. Все Казимірушка... Ты, говоришь, самъ нижегородской?

— Да.

— Въ коемъ мѣстѣ проживаешь?

Я сказалъ свой адресъ.

— Такъ. Доведется мнѣ въ Нижній побывать, по свому по хресьянскому дѣлу...

— Заходи тогда ко мнѣ.

Аксенъ, видимо, просвѣтлѣлъ.

— Нѣшто зайти? Можетъ абвоката бы намъ указалъ... Не знаешь ли вотъ этакого человѣка?

Онъ назвалъ одного изъ темныхъ ходатаевъ, не имѣющаго даже права являться въ судъ.

— Нѣтъ, этотъ не годится.

— Пошто не годится?

— Да ему и въ судъ ходу нѣтъ.

— То-то, баютъ, нѣтъ ходу. Больно дошлый. Что ни возьмется за дѣло, то и выправитъ. Судьи слышь осерчали,—не беретъ ихъ сила супротивъ того человѣка, — ну, и отказали ему, что и на глаза имъ не являться...

Я засмѣялся.

— Такъ какъ же ему за ваше дѣло взяться, если въ судъ не ходить?..

— А онъ, стало-быть, только самъ не идетъ; а человѣка можетъ поставить на самую, значитъ, линію... это ничего!

— Пустяки это, Аксенъ Ефимычъ!

— Пустяки-й?—и мужикъ растерянно повернулся отъ огня.

— Вамъ надо настоящаго, хорошаго человѣка.

Аксенъ нахмурился.

— Чего лучше хорошаго-те. Да вишь, я тебѣ скажу,—чужая-те душа больно потемна, не влѣзешь въ ее. Бѣсъ-отъ силенъ, горами качаетъ, вотъ какая штука. Больно и отъ хорошихъ-те людей нашему брату достается... Вонъ сказывалъ я тебѣ про Семена Миколаевича... Ужъ вотъ хорошій человѣкъ... Медалей сколько... съ царемъ говорилъ... А самъ вишь великаго-те государя омманываетъ... А иной разъ, отъ проходящаго-те шатающаго человѣка такое слово услышишь...

Онъ помолчалъ и потомъ сказалъ вкрадчиво:

— Послушай, Володимеръ, что я скажу... Былъ у насъ въ городу, въ Семеновѣ человѣкъ одинъ; такъ себѣ человѣчина, не изъ большихъ, маленькой, а разумъ имѣлъ... Говорилъ онъ намъ въ тую пору: — „Вотъ что, говоритъ, старички. Дѣло мое сторона,—а только послушайтесь вы моего совѣту: землю станутъ вамъ отдавать,—примайте, земля пойдетъ отъ великаго государя; а удовольствія своего объявлять никакъ не могите... А то наплачетесь“. Намъ бы, — видишь ты, какая вещь, — того человѣка послушаться, а мы ни къ чему... уши и развѣсили. Какъ вычитали намъ рѣшенье: отдать землю, да по урочищамъ, да по межамъ обошли, мы и обрадовались.—Довольны, что-ль, старики? — „Вполнѣ, говоримъ, довольны! Можно сытымъ быть, есть изъ чего и податями платиться“. А тутъ еще, видишь ты, мужикъ одинъ съ Казимірушкой разболтался, праздничное дѣло... — Что, молъ,—Казимірушка говоритъ,—во много-ль вы, мужики, теперича, тотъ лѣсъ цѣните?—Мужику бы, конечно, помолчать,—

не всяко вѣдь слово на пользу сказывается, а онъ, слышь, съ дуру-те, какъ съ дубу, и брякни: „Этому мы, теперича, лѣсу, говоритъ, и вовсе цѣны не полагаемъ. Прямо считай во сто тыщь!“ Видишь ты: единымъ словомъ опять весь міръ въ яму-те и убухалъ!

— Полно-те, Аксёнъ Ефимычъ!

— Да ужъ такъ, не ко времю сказалъ! Всяко, братъ, слово, и дурное, и хорошее, оно ко времю свою силу имѣетъ. Обмолвился мужичишко глупымъ словомъ, а Казимірушка на-лету его и подхвати...

Я уставалъ слушать... Исторія принимала совершенно фантастическія, почти волшебныя формы, въ которыхъ играли роль какія-то „слова не ко времю“ и такія же подписи. Казимірушка игралъ тоже какую-то фантастическую роль, и меня удивляла смѣсь чрезвычайнаго благодушія и сдержаннаго негодованія, съ которымъ Аксенъ отзывался о лѣсничемъ... Мнѣ казалось, что это—отношеніе враждебныхъ отрядовъ на аванпостахъ, благодушно разговаривающихъ въ промежуткахъ сраженій: лично пріятные собесѣдники, но они готовы вступить въ смертный бой при первомъ сигналѣ...

— Ты, молъ, Казиміръ Казиміровичъ, — кому служишь, — слышу я голосъ Аксена сквозь дремоту...—Ты, я ему говорю, служишь свому начальству... Такъ ли?—Вѣрно, говоритъ...— А ты, я говорю, долженъ служить большому хозяину... А большой-те хозяинъ кто?.. — Большой хозяинъ — казна, говоритъ... — Казна-а? Нѣтъ, не казна... Большой-те хозяинъ — великій государь, вотъ кто... Такъ неужто, по твоему, великій государь это дозволяетъ?.. Ежели, напримѣръ, пчелу не дозволяетъ зорить, такъ можно ли этому быть, чтобы весь міръ порушить? Тепереча въ казенной намъ лѣсъ ходу нѣту... такъ?

Я молчалъ, но мрачный мужикъ, котораго я считалъ спавшимъ, буркнулъ со своего мѣста мрачнымъ басомъ:

— Само собой...

— И въ мужицкой тоже не пускаютъ... Куда податься міру-те? А міръ отъ лѣсу только и живъ... Ты что̀ не баешь намъ, Володимеръ? Ай заснулъ,—притомился?..

Я не спалъ, но мнѣ не хотѣлось говорить. Я чувствовалъ, что, если начинать разговоръ, то онъ затянется до свѣту: мы заговоримъ на разныхъ языкахъ. Потому я не отвѣтилъ.

— Дрыхнетъ! — презрительно сказалъ мрачный мужикъ.

— И то, слышь,—умаялись они. Не съ привычки,—благодушно заступился Аксенъ.

— Что за̀-люди? Чьи такіе?

— Изъ городу.

— По какимъ болѣе дѣламъ?

— Кто знаетъ. Безъ дѣла, слышь... рѣку нашу посмотрѣть. Ученые, полагаю я.

— Подлецы какіе-нибудь,—предположилъ мрачный мужикъ довольно-таки рѣшительно. — Шатàтели.

— Полно тебѣ, Парфенъ, ругаться-то! Пошто зря ругаешься, ничего не видя?..

Я слышалъ, какъ оба опять полѣзли подъ лодку, но заснули не сразу. Подъ трескъ теплины и сонный шопотъ лѣса до меня еще нѣкоторое время долетали ихъ тихіе разговоры.

Потомъ оба смолкли... Тихо плескалась струя Керженца. Шепталъ лѣсъ...

Мой сонъ улетѣлъ... Мнѣ опять вспоминались разговоры на балконѣ лѣсничаго и его разсказы о планахъ „раціональнаго лѣсоустройства“. Выходило такъ, что весь этотъ лѣсной міръ, разстилавшійся подъ моими ногами, туманившійся и синѣвшій по широкому горизонту, — спокойно, величаво и закономѣрно поворачивается около центра, стройно двигаясь отъ хаоса къ порядку и гармоніи. Здѣсь же, на песчаной отмели, подъ страстныя рѣчи Аксена поворотъ казался мнѣ уже не такимъ стройнымъ... Подъ осями что-то стонало и билось, просѣки прорубались по живой цѣлинѣ исконныхъ народныхъ понятій.

Вотъ летитъ поверхъ лѣса рой Божіей твари... Гдѣ она сядетъ?.. „Ей не укажешь“,—говоритъ лѣсной человѣкъ. Ей отведено мѣсто чьей-то невидимой рукой, таинственнымъ закономъ, царящимъ и надъ лѣсомъ, и надъ тварью.

Не такъ ли и лѣсной міръ: какъ эта Божія тварь, онъ осѣдалъ среди дебрей, безъ руководства и указки, основывался, роился, связанный съ условіями своего быта тысячью невидимыхъ нитей... Но вотъ по стволу борти стучитъ топоръ казеннаго полѣсовщика и трудолюбивая тварь жужжитъ, тревожится, волнуется... Надъ понятіями лѣсного міра тоже занесенъ топоръ, и дикая, стихійная, непосредственная лѣсная правда, родившаяся гдѣ-то въ безсознательной древности, — протестуетъ во имя стихійныхъ, правящихъ въ лѣсномъ царствѣ законовъ... А такъ какъ лѣснымъ людямъ и весь Божій міръ представляется только лѣсомъ, гдѣ всякая Божія тварь должна роиться по простѣйшимъ законамъ, одинаковымъ и для лѣсной борти и для лѣсной общины,—то теперь лѣсному человѣку кажется, что „Казимірушка“ посягаетъ на цѣлый міровой порядокъ...

Лѣсной міръ выдвигаетъ противъ преступнаго нашествія идею „великаго государя“... Это его понятіе, обвѣянное ме-

чтательнымъ обаяніемъ, неопредѣленно, романтично, смутно и въ значительной степени анархично. „Великій государь“ этой лѣсной легенды—прежде всего врагъ наличнаго, конкретнаго государства, врагъ всего чиновничества и находится съ нимъ въ постоянной борьбѣ... Побѣда пока не за нимъ, но все же это таинственная безличная сила, которая въ любой моментъ и по любому поводу можетъ быть приведена въ движеніе и заступиться за мужиковъ. Дойти до нея трудно, но есть какія-то особенныя „слова“, которыя ее приводятъ въ дѣйствіе. И тѣ „слова“, какъ волшебныя заклинанія, не всегда знаютъ мудрѣйшіе и ученѣйшіе. Отставной солдатъ, бредущій на родину изъ Питербурху, порой просто невѣдомый „проходящій человѣкъ“ кинутъ порой такое вѣщее „слово“,— и пойдетъ оно перекатываться отъ деревни къ деревнѣ, отъ міра къ міру, пробираясь, какъ лѣсное эхо, въ самые глухіе уголки русской земли, гдѣ всего живѣе полумистическія суевѣрныя понятія... И по дорогамъ къ Питербурху потянутся мірскіе ходоки, увѣренные, что отъ проходящаго человѣка они получили самую настоящую формулу заклинанія...

Теперь, при тускломъ свѣтѣ костра на пустынной отмели, лѣсные люди,—я зналъ это,—предполагаютъ и во мнѣ такого „проходящаго“, владѣющаго, быть можетъ, тайной вѣщаго слова... И я зналъ также, что разговоръ нашъ долженъ перейти неизбѣжно въ столкновеніе двухъ міровоззрѣній...

. . . . . .

Еще пара утокъ со свистомъ вылетѣла изъ-за лѣса, но теперь онѣ уже не испугались: костеръ чуть дымился, мы всѣ лежали неподвижно. Птицы грузно шлепнулись на воду и вскорѣ ихъ довольное кряканіе присоединилось къ многочисленному хору утиныхъ голосовъ, съ нѣкоторыхъ поръ раздававшемуся на темной рѣкѣ. Тутъ было и тихое воркованіе, и удалые посвисты, и хрюканіе, и будто даже собачій лай... Шла какая-то оргія птичьей породы... А около костра слышалось дыханіе четырехъ спящихъ. Я съ невольной улыбкой смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ казалось, что это четыре ребенка спятъ у огонька на отмели. Самый наивный изъ нихъ былъ, на мой взглядъ, — знаменитый медвѣжатникъ и ходатель за мірское дѣло—Аксенъ...

VIII.

На кордонѣ.—Лѣсная пустыня.—Волга!

Я проснулся отъ холода передъ самой зарей... На деревьяхъ висѣла и качалась туманная пелена; разрывалась клочками, уходила въ чащу и все двигалась вдоль узкаго русла внизъ по теченію. Слышался трескъ. Это угрюмый Парѳенъ удалялся на озеро, нагруженный ворохомъ сѣтей. Аксенъ бродилъ по берегу, подбирая на бѣломъ пескѣ черныя коряги для потухшаго костра.

— Спи-лежи,—сказалъ онъ, подойдя къ теплинѣ и разворачивая голыми руками притаившійся подъ золою огонь...— Рано еще, вишь не вовсе и ободняло.

— А вы куда, Аксенъ Ефимычъ?—спросилъ я, видя, что онъ натягиваетъ зипунъ, которымъ былъ накрытъ ночью.

— На озеро... Рыбки наловить на уху... потомъ за работу...

— Ну, значитъ прощайте... Въ городѣ будете,—заходите.

— Ну?—обрадованно спросилъ Аксенъ,—нѣшто зайти?..

— Конечно... Я помогу вамъ найти вѣрнаго человѣка.

— Спаси Богъ, добрый человѣкъ... А гдѣ-жъ намъ тебя розыскать будетъ?

Я записалъ на листкѣ адресъ. Аксенъ тщательно свернулъ бумажку и сунулъ ее въ пехтерь. Затѣмъ онъ догналъ своего мрачнаго товарища, который, обогнувъ отмель, мелькалъ между стволами сосенъ. Оба они остановились, и я догадался, что благодушный Аксенъ опять старается возстановить мою репутацію. Потомъ оба исчезли въ чащѣ...

Часа черезъ три мы подплывали къ кордону на рѣчкѣ Пугàѣ. Въ этой части Керженца все чаще темная островерхая ель смѣняется стройной сосной. Кордонъ стоялъ на опушкѣ прекраснаго задумчиваго бора. Просторныя новыя избы съ пристройкой весело отражались въ рѣкѣ... Двѣ сильно разсохшіяся шестивесельныя лодки, въ которыхъ въ большую воду лѣсничіе совершаютъ свои объѣзды по Керженцу, теперь сиротливо лежали на пескѣ. Старая дворняга встрѣтила насъ хриплымъ лаемъ, который гулко отдавался и перекатывался подъ густыми вершинами сосенъ, и на эти звуки изъ окна выглянуло лицо старухи.

Спокойно должно быть протекаетъ жизнь въ этихъ лѣсныхъ избушкахъ, среди тишины, нарушаемой развѣ стрекотаніемъ на разные лады нестройнаго хора лѣсныхъ жителей, которому

могучій камертонъ звенящаго бора придаетъ смыслъ и общую гармонію... Спокойно и скучно!

Старуха, жена лѣсника, встрѣтила насъ съ спокойной привѣтливостью. Мнѣ показалось что-то знакомое въ красивомъ лицѣ, въ свѣтящейся улыбкѣ, въ лучистыхъ глазахъ, глядѣвшихъ съ печальною лаской.—„Такова вѣроятно будетъ Марья изъ Покровскаго, когда состарится",—подумалъ я.

Старуха захлопотала у самовара, а я сѣлъ у окна въ чистой горницѣ и сталъ смотрѣть въ лѣсъ. Узкая тропка шла между стволовъ и терялась въ бору. По ней приближалась къ кордону корова, помахивавшая головой и лѣниво останавливавшаяся, чтобы отогнать оводовъ. За ней — такъ же вяло шла молодая дѣвушка, повременамъ похлестывая ее хворостиной... Она была недурна собой, но во всей фигурѣ виднѣлась какая-то унылая опущенность и апатія. Взглядъ ея безсознательно и лѣниво скользилъ по давно знакомымъ стволамъ и по просвѣтамъ, которые золотыми пятнами тлѣли на густомъ пологѣ сосновой хвои...

Но вдругъ дѣвушка увидѣла нашу лодочку, меня въ окнѣ и незнакомую фигуру одного изъ моихъ юношей. Мгновенно что-то пробѣжало искрой по всей фигурѣ молодой дѣвушки. Апатичныя, будто заплывшія отъ вѣчной скуки черты оживились... Она обдернулась, запахнула разстегнутый воротъ и стыдливо окинула взглядомъ изорванное и засаленное на груди ситцевое платье городского покроя. Я увидѣлъ, что въ сущности она хороша, почти какъ мать... Только дочери лѣсъ не даетъ очевидно того, что онъ далъ матери: красоты спокойствія, гармоніи душевнаго строя съ этой лѣсной тишью...

Принарядившись въ боковушкѣ, дѣвушка вошла въ избу и, искоса стрѣляя красивыми глазами, смѣнила старуху у самовара. Послѣдняя присѣла на лавку и съ словоохотливостью отшельницы, рѣдко видящей чужихъ людей, стала разсказывать о своей жизни въ лѣсу, отвѣчая на мои вопросы...

...Медвѣди?.. Нѣтъ, медвѣди ничего. Правда, въ другихъ мѣстахъ, бываетъ, заходятъ даже въ деревни, особливо по зимамъ. А на кордонѣ не бывали еще... Звѣри не безпокоятъ... А вотъ когда темною ночью или особливо зимой, въ мятель и вьюгу, услышишь, какъ въ лѣсу тюкаютъ топоры... И лѣсникъ выходитъ, вскинувъ ружье на плечи... Вотъ когда жуть беретъ... Лѣсные міряна—страшнѣе кордоннымъ жителямъ, чѣмъ лѣсной звѣрь.

Она печально покачала своей красивой головой и сказала съ какой-то особенной грустью:

— И то надо сказать, батюшка... Міръ-отъ тѣсненъ... Тоже

и людямъ податься-те нѐкуда... А лѣснику что дѣлать... Служба... Нанялся, продался...

Этотъ мотивъ объ утѣсненіи лѣсного міра смѣнилъ для меня въ пустынныхъ низовьяхъ Керженца обычный припѣвъ скитскихъ и монастырскихъ разговоровъ о томъ, что въ нынѣшнемъ мірѣ „мало усердія“... Здѣсь выступала другая, тоже глубокая драма...

По лѣсенкѣ послышались шаги. Высокій пожилой лѣсникъ, съ ружьемъ на перевязи, вошелъ въ избу. Старуха смущенно замолчала. Мужикъ, вѣшая ружье на колышекъ и кланяясь намъ, пытливо посмотрѣлъ на нее. Вѣроятно, онъ слышалъ конецъ разговора... Должно быть, такіе разговоры были нерѣдки у него съ женой, сохранившей на кордонѣ живыя мірскія симпатіи... Мнѣ невольно вспомнился тургеневскій „Бирюкъ“, и я съ сожалѣніемъ взглянулъ на печально примолкшую женщину...

Да, есть свои проклятые вопросы и въ глубинѣ этихъ лѣсовъ... Міръ знаетъ свое. Лѣсникъ знаетъ службу и исполняетъ приказы Казимірушки... Дѣло, на взглядъ женщины, но безъ грѣха... А впрочемъ Господь разберетъ все...

Прощаясь, я далъ старухѣ пятиалтынный. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на монету и сказала:

— Сдачи-те у меня нѣту...

— Да что ты, матушка!.. Какая сдача!..

Но старуха также просто сказала:

— Вного будетъ... Молоко-те, — что оно стоитъ?... Труды, — какіе же труды поставить самоваръ... — Деньги, оказалось, можно взять только за десятокъ яицъ... Яйцы и имъ случается продавать на Волгѣ...

И она взяла пять копѣекъ.

— Далеко еще до Волги, матушка?

— Далече. Весной, въ большую воду — однимъ днемъ сплываемъ. А теперь... Никто вишь и не плаваетъ объ эту пору.

— А жилья такъ и не будетъ?.. Вотъ тутъ у меня на картѣ показана деревня.

Старуха съ любопытствомъ посмотрѣла на карту.

— И, батюшка... Какая тутъ деревня. Сроду не бывало.

— Называется „Красный Яръ“...

— А! Красный Яришко! — сказала она съ пренебреженіемъ... — Такъ это уже у самаго устья.... — Да онъ, Яришко-то, въ сторонѣ, — и не увидите... Перевозъ тутъ живетъ. Дорога пролегла... Вишь и Яришко прописали... Чудно̀е дѣло.

Въ часъ дня мы опять сѣли въ свою лодку. И пока она

тихо сплывала прямымъ плёсомъ, — на берегу виднѣлась на взгоркѣ фигура молодой дѣвушки, провожавшей насъ долгимъ взглядомъ. Потомъ кордонъ скрылся за поворотомъ, и только протяжный рѣдкій лай кордонной собаки еще долеталъ къ намъ изъ-за мыса.

Шумъ, глубокій и почти музыкальный, предупредилъ насъ о близости пороговъ, носящихъ странное названіе „Кремянскія Кочи". Впереди показались черные, обнажившіеся изъ-подъ воды камни, между которыми вода бьется, пѣнится, бурлитъ и бушуетъ... Шумъ несется далеко по глубокому руслу, и высокіе берега, покрытые сосновымъ лѣсомъ, отражаютъ его, точно въ трубѣ, придавая звукамъ глубину и своего рода мелодичность. Съ высокихъ яровъ могучія сосны глядѣли внизъ на нашу утлую лодочку... Съ перерывами въ теченіе цѣлаго часа мы пробирались опасными „кочами".

Наконецъ, грохотъ остался назади и только порой еще на поворотѣ напоминалъ о себѣ разорванными клочками звуковъ, точно отъ отдаленнаго оркестра... Кругомъ нашей лодки стояла тихая, глубокая, пустынная тоска.

Если вы посмотрите на картѣ нижнее теченіе Керженца, то увидите огромную пустую площадь, по которой вьется зигзагами рѣка. Ни селъ, ни деревень, ни одной надписи на картѣ... Кой-гдѣ проведены рѣчки, больше наудачу, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь эту пустоту. Въ натурѣ — это настоящая пустыня на всемъ пространствѣ между Керженцемъ и Ветлугой... Лѣса, лѣсныя рѣчки, лѣсныя озера, болота. Нужно быть очень опытнымъ, чтобы ходить по этой пустынѣ... То незамѣтная *вадья* чвокаетъ подъ ногой, то заманчивая *чаруса* — зеленая полянка, затянутая свѣжей чудесной травкой, заманитъ васъ въ непроходимую гибельную топь... Кой-гдѣ, въ дремлющей чашѣ попадаются могилы старцевъ и старицъ „иже за вѣру убіенныхъ", или „пріявшихъ добровольное огненное вѣнчаніе" въ срубѣ. До сихъ поръ указываютъ въ керженскихъ чащахъ мѣста, гдѣ подвизался знаменитый въ расколѣ суровый Софонтій, который велъ борьбу даже съ приверженцами Аввакума (онуфріянами), и гдѣ Варлаамъ, съ благословенія того же Софонтія, пріялъ страшную огненную кончину вмѣстѣ съ двѣнадцатью попами, „не восхотѣвше никоновыхъ новшествъ пріяти"... Каменный столбикъ съ обомшѣлой двускатной крышей и восьмиконечнымъ крестомъ... Тихій шорохъ лѣса и все рѣже и рѣже — двѣ-три фигуры усердныхъ ревнителей, пришедшихъ на поклоненіе мученическому праху...

Южнѣе лѣсной рѣчки Люнды, почти на серединѣ между двумя рѣками Керженцемъ и Ветлугой стоитъ среди лѣсовъ

село Нестіаръ, надъ озеромъ того же имени. Оно составляетъ крайнее поселеніе, на рубежѣ сплошного лѣсного царства. Есть повѣрье, что нѣкогда изъ Васильсурска церковь съ иконой Варлаама Хутынскаго двинулась съ крутаго берега и, пронесясь надъ лѣсами, невидимо стала надъ озеромъ и стоитъ до сихъ поръ, и изъ озера слышенъ бываетъ звонъ, какъ изъ Свѣтлояра.

Странны эти звенящія озера лѣсной стороны! Впрочемъ, гр. Толстой, своеобразный мѣстный писатель 50-хъ годовъ, разсказываетъ другое повѣрье: въ прежнее время старики и молодые выходили въ ночь передъ пасхой на холмъ въ лѣсу, около Нестіара, и тихо ждали благовѣста. Въ тотъ часъ, когда въ „жилой сторонѣ“, въ старомъ Макарьѣ, ударяли въ большой колоколъ, — нестіарцы слышали будто тихіе отголоски этого звона. Мѣстные жители объясняли это тѣмъ, будто ихъ озеро сообщается подземными истоками съ Волгой, и гулъ передается водой. Самъ Толстой допускалъ возможность заноса вѣтромъ макарьевскаго большого звона по просѣкамъ и вѣтроломамъ. Какъ бы то ни было, это жадное ожиданіе въ глухой лѣсной деревушкѣ отголосковъ отдаленнаго міра — очень поэтично и характерно, и я невольно вспомнилъ его теперь, когда самъ испытывалъ тяжелую лѣсную тоску...

Пенякша... Ялокша... Ламна... Ржавыя, бурыя эти рѣчки тихо вливаются въ Керженецъ... Мы отмѣчаемъ ихъ по нашей картѣ, и каждый разъ, какъ мы провожаемъ глазами новое устье,—становится скучнѣе...

Зайцы глядятъ на насъ съ берега наивными круглыми глазами. Черными точками выплываютъ изъ-за лѣсовъ дикіе коршуны и носятся кругомъ, то появляясь надъ рѣкой въ полѣ нашего зрѣнія, то исчезая; тревожно кричатъ ворòны, какъ базарныя торговки, сзывая товарокъ на защиту; какая-то птица слѣдуетъ за нами, звонко спрашивая о чемъ-то изъ глубины лѣса...

Вотъ впереди, нагнувъ толстую вѣтку своею тяжестью, сидитъ на прибрежной соснѣ надъ яромъ какая-то громада, отражаясь въ потускнѣвшей рѣкѣ. Я кидаю весла; наша лодка тихо сплываетъ по теченію, не производя ни малѣйшаго шума. Поровнявшись съ деревомъ, я прицѣливаюсь изъ револьвера. Гулкій выстрѣлъ раскатывается надъ рѣкой, будя въ чащахъ тревожное эхо. Громадный орелъ тяжело расправляетъ рыжыя, пятнистыя крылья и скользитъ въ воздухѣ надъ нашими головами. Одно мгновеніе онъ будто останавливается надъ лодкой. Хвостъ опущенъ, чтобы задержать на секунду полетъ, круглая голова свѣсилась книзу и два острыхъ

глаза смотрятъ на меня съ удивленіемъ и злостью... „И что̀ тебѣ вздумалось, право?“ — какъ будто недоумѣваетъ старый великанъ дикаго керженскаго лѣса. Онъ дѣлаетъ нѣсколько круговъ и улетаетъ впередъ. А еще черезъ четверть часа отчаянные стоны какой-то пичуги оглашаютъ рѣку и вѣтеръ несетъ съ берега растрепанныя перья... Но все же мой озорной выстрѣлъ кажется мнѣ чѣмъ-то, нарушающимъ законы лѣса. Убивать, чтобы ѣсть,—таковъ царящій въ лѣсу главный и пожалуй единственный законъ,—а я... зачѣмъ бы я убилъ старую птицу?..

Смеркается... Сумракъ кроетъ небо, застилаетъ рѣку, туманъ залегаетъ въ лощинахъ, и лапы умершихъ деревьевъ тянутся со дна, то и дѣло хватая, толкая, поворачивая нашу лодку.

Слѣды еще одной керженской драмы, безмолвной, отвѣчной, стихійной...

Вотъ съ берега свѣсилось вершиной въ воду еще зеленое, подмытое дерево. Какъ грустно шевелитъ оно въ волнахъ своими вѣтвями, какъ тревожно шепчутъ надъ нимъ ближайшіе сосѣди, которымъ грозитъ та же участь! Часть корней еще въ почвѣ и истощаютъ послѣднія усилія, чтобы поддержать гибнущую жизнь...

Вотъ мертвая ель съ вѣтками въ два ряда, точно лапы гигантской сороконожки, утонувшей спиною книзу. Вотъ огромная „вискарья“ съ нелѣпыми, точно отъ судороги сведенными лапами корневища; вотъ двѣ сосны, выросшія, жившія и погибшія рядомъ, какъ двѣ сестры. Онѣ и теперь лежатъ, переплетясь корнями и вѣтками, прямыя, стройныя, красивыя даже и въ смерти... Вотъ замытый иломъ торчащій съ глубокаго дна по теченію „кобелъ“, невидимый, измѣннический, опасный, способный остановить цѣлый плотъ и доставлявшій намъ въ пути не мало затрудненій...

Жутко отъ непрерывнаго зрѣлища этого кладбища деревьевъ.

И такъ хочется встрѣтить живое человѣческое лицо, и такъ радъ, когда среди этого хаоса мелькнетъ правильный рядъ рыбацкихъ кольевъ. Кой-гдѣ на мели виднѣется опрокинутая лодка,—значитъ ея хозяинъ недалеко подрубаетъ дерево или ставитъ на лѣсномъ озерѣ сѣти. Но можетъ быть также, что озеро далеко или мужикъ побрелъ въ чащу за ухо̀жьями лѣсной пчелы, и ботникъ прождетъ здѣсь хозяина дня два или три...

Эти строки я заношу въ свою записную книжку при свѣтѣ костра на ночлегѣ. Гдѣ-то надо мной шумитъ сырыми вѣтвями темный лѣсище. Вправо — плещется рѣка, подымается вѣтеръ, насыщенный сыростью, несущій безформенныя тучи.

Какая-то птица мрачно ухаетъ въ чащѣ, мѣняя мѣста, точно играя съ кѣмъ-то въ прятки; другая все надрывается и стонетъ, какъ будто у нея отняли дѣтенышей. А на рѣкѣ, которой я не вижу въ темнотѣ, вотъ уже раза два грузно бухалась надъ омутомъ какая-то невѣдомая громадина... Не опять ли медвѣди?.. И мнѣ невольно вспоминается отзывъ Аксена, убѣжденнаго, что медвѣдь „понимаетъ всякую штуку"... Можетъ быть онъ понимаетъ также, что мы здѣсь безпомощны у костра, съ жалкимъ револьверомъ...

Да, теперь я отлично понимаю, что, называя друзьями насъ, первыхъ встрѣчныхъ,—лѣсной человѣкъ Аксенъ говорилъ не пустую фразу.

Среди этихъ темныхъ молчаливыхъ лѣсовъ, наполненныхъ жуткими воспоминаніями и могилами убіенныхъ и принявшихъ огненное вѣнчаніе, надъ рѣкой, усѣянной трупами деревьевъ, подъ шумъ перекликающихся непонятными голосами лѣсныхъ вершинъ—встрѣтиться съ человѣкомъ, у котораго въ нуждѣ найдешь сочувствіе и помощь, съ которымъ поговоришь на языкѣ людей, а не лѣса,—да это въ самомъ дѣлѣ нѣчто больше нашихъ пустыхъ встрѣчъ и шапочнаго знакомства. Я такъ ясно представляю себѣ, какъ Аксенъ Ефимычъ „ждалъ-пождалъ", вглядываясь въ темноту, не мелькнетъ ли наша лодка. Я тоже ждалъ бы, если бы надѣялся дождаться чьей бы то ни было лодочки... А если бы, вдобавокъ, изъ нея вышелъ не незнакомый пришлецъ, а Аксенъ,— то это была бы поистинѣ встрѣча двухъ давнихъ пріятелей...

Но ждать было некого, и я тревожно заснулъ, прислушиваясь къ дикимъ крикамъ какого-то лѣсного хищника, къ жалобнымъ воплямъ его жертвы, къ робкому шороху дождя, нерѣшительно ударявшаго по листамъ...

Во весь слѣдующій день только одинъ ботничекъ на песчаной косѣ напомнилъ о человѣкѣ.

— Эй, кто живая душа? — крикнулъ я. Но лѣсное эхо вернуло мертвое подобіе моего оклика, да осинки на берегу залопотали что-то совсѣмъ непонятное.

И еще цѣлый день тоски и одиночества. Солнце садилось. Мы со страхомъ думали, что еще одну ночь придется провести на пескѣ. Какъ вдругъ...

Одинъ изъ мальчиковъ радостно вскрикнулъ. По яру надъ самымъ берегомъ ѣхалъ мужикъ въ телѣгѣ! Вскорѣ передъ нами мелькнула избушка перевоза... Это „Красный Яришко".

Еще четыре версты веселой работы веслами, — и нашу лодку едва не кинуло на столбы старой разрушенной мельничной плотины, перегородившей съ берега на берегъ все

устье Керженца. Пришлось раздѣваться и съ большимъ трудомъ спускать на рукахъ лодку по этому „шуму“. Когда это кончилось, впереди передъ нами было устье. Большой песчаный островъ загораживалъ волжское русло, и надъ обрѣзомъ острова, надъ кустами тальника, мелькая живымъ бѣлымъ пятнышкомъ, несся взвиваемый вѣтромъ флагъ надъ мачтой невидимаго для насъ парохода...

Тотъ, кто провелъ долгіе дни и ночи въ пустынныхъ мѣстахъ, пойметъ наши ощущенія. Взглядъ, такъ долго стѣсненный стѣнами глухихъ лѣсовъ, теперь радостно разбѣгался по необозримому, величавому простору. Далекія Волжскія горы, съ селами и куполами церквей по склонамъ, чуть-чуть задернулись тонкимъ туманомъ, сквозь который освѣщенныя окна сверкали блестками расплавленнаго золота. Церкви и стѣны стараго „Макарья на желтыхъ водахъ“ утопали въ розовой дымкѣ, и грузный паромъ отваливалъ съ лысковской стороны съ народомъ, съ возами сѣна, съ лошадьми, которыя рисовались на ясномъ небѣ выгнутыми спинами и раскоряченными ногами. И такой же паромъ, съ выгнутыми лошадиными спинами и торчащими кверху оглоблями, плылъ, отраженный отчетливо и ясно въ глубинѣ рѣки...

Не хотѣлось грести, не хотѣлось спѣшить, не хотѣлось отрывать глазъ отъ могучей, плавной красавицы-Волги, съ ея пламенѣвшимъ закатомъ, съ ея зелеными горами и деревнями, погружавшимися уже въ передвечернюю дремоту. Но появившійся вдали и очевидно бѣжавшій къ песчаной отмели у села Исадъ пароходъ напомнилъ намъ, что мы можемъ опоздать, и поэтому пришлось опять налечь на весла.

Еще черезъ часъ, подъ гулъ перваго свистка, мы стрѣлой подлетѣли къ кашинскому пароходу, опять разводившему пары. Публика, свѣшиваясь къ бортамъ, встрѣтила любопытными взглядами конецъ нашей экспедиціи, и насъ охватилъ говоръ, толкотня, крики грузчиковъ, спѣшившихъ по узкимъ сходнямъ съ тюками на дюжихъ плечахъ.

Пароходъ отвалилъ и быстро побѣжалъ между высокимъ берегомъ, съ погорѣлымъ селомъ въ половинѣ горы и песчаными отмелями, мимо которыхъ мы съ такими усиліями неслись часъ назадъ на своей лодочкѣ.

Свистокъ, поворотъ, волна шипя набѣжала на песокъ отмелей, толкнула и закачала небольшую кладнушку, у которой, причаленная къ кормѣ, трепетала наша вѣрная лодочка, сданная мною для доставки въ Нижній... И мнѣ стало немного грустно разставаться съ доброй „посудинкой“, служившей намъ столько дней, укрывавшей насъ столько разъ отъ

холоднаго ночного вѣтра и отъ ливня въ темную, грозовую ночь...

Лунный свѣтъ безконечнымъ столбомъ легъ сзади по широкому руслу Волги, и золотая рябь прыгала, сверкала, переливалась расплавленнымъ золотомъ за колесами парохода.

Несмотря на усталость, я не уходилъ съ верхней палубы. Мнѣ хотѣлось еще разъ кинуть взглядъ на керженское устье и попрощаться съ пустынной рѣкой, оставившей въ душѣ столько своеобразныхъ впечатлѣній.

Вотъ уже Макарій назади, и его купола, его старыя стѣны, его кресты выдѣляются на потемнѣвшихъ горахъ противуположнаго берега. Вотъ послѣдній паромъ скользитъ въ свѣтломъ туманѣ отъ лысковской пристани. Вотъ, чуть видныя притаились въ ложбинкахъ Татинецъ и Слопинецъ, старинныя разбойничьи села, о которыхъ говоритъ до сихъ поръ недобрая поговорка: „Татинецъ и Слопинецъ, — ворамъ кормилецъ!“

А вотъ направо и островъ... Жадно взглядъ проникаетъ сквозь тонкій туманъ. Вотъ, завѣшенныя прозрачною мглой, дремлютъ двѣ горы и тонкая расщелина, пронизанная лучемъ, чуть-чуть брезжитъ между ними... Это устье и „шумъ“ стараго Керженца...

И невольно воображеніе летитъ за этой полоской тонкаго луннаго сіянія, все далѣе, по изгибамъ и кривулямъ пустынной рѣки, и картины недавняго пути встаютъ одна за другой... И видится мнѣ наша лодочка, скользящая между „задѣвами“ и скрюченными лапами лѣсныхъ мертвецовъ...

Островъ остался позади, исчезли какъ мечта очертанія керженскаго устья, гудятъ свистки, какіе-то огни летятъ на насъ, валится мимо шумъ и грохотъ и, ломая широкую гладь волжскаго простора, мчится весь освѣщенный огнями гигантъ „Кавказъ и Меркурій“. Я усталъ, мнѣ грустно и кажется мнѣ, что такъ же быстро бѣжитъ наша жизнь, что прошлое такъ же исчезаетъ въ туманѣ воспоминаній...

Пора! Я кидаю еще одинъ взглядъ назадъ, въ неопредѣленную синюю даль... Исчезъ уже и Макарій... Огоньки, мглистое сіяніе, слабыя трепетныя отраженія... Потомъ столбъ луннаго свѣта и одинокая баржонка сонно качается надъ засыпающимъ просторомъ могучей рѣки...

1890 г.

ДВѢ КАРТИНЫ.

(Размышленія литератора).

I.

Иродовъ придѣлъ Іерусалимскаго храма спускается уступами широкой лѣстницы. Косой лучъ солнца падаетъ слѣва, играя густымъ, желтоватымъ свѣтомъ на порфировыхъ колоннахъ, на каменной стѣнѣ, на темной зелени кипарисовъ. Свѣтъ легъ на массивные камни съ той ясной и тяжеловатой мягкостью, которая свойственна спадающему, но все еще томительному зною или неустановившемуся жаркому дню, а густыя тѣни залегли глубокими пятнами, въ которыхъ ютится прохлада. Между колоннами, на лѣстницѣ виднѣются фигуры. Какого-то старца раввина съ почетомъ провожаетъ другой. Нищіе въ равнодушныхъ позахъ усѣлись на уступахъ. Спокойствіе только-что отошедшей молитвы чувствуется на широкой площадкѣ придѣла.

Тихимъ миромъ отмѣчена и лѣвая половина передняго плана картины. Въ затѣненномъ пространствѣ усѣлись вокругъ Христа задумчивые, спокойные люди; это ученики его и слушатели, которые съ душевнымъ удовлетвореніемъ ловятъ слова учителя. О чемъ говорилъ онъ въ этотъ тихій часъ? Небо синѣетъ, лиловыя тѣни отъ величавыхъ кипарисовъ легли на высокія стѣны, и кажется невольно, что рѣчи Христа, спокойныя, величавыя и ясныя, какъ эта природа, подымаютъ души слушателей на высоту примиряющей мысли, даютъ величавыя схемы, разрѣшаютъ житейскія противорѣчія.

Съ перваго взгляда на картину вы какъ будто не замѣчаете ея главной фигуры,—другія (о которыхъ дальше) выступаютъ съ большею рѣзкостью. Но это только кажется. Въ сущности, даже разсматривая прежде другія фигуры, вы уже испытываете какое-то неопредѣленное безпокойство: что

это за человѣкъ сидитъ на камнѣ, освѣщенный солнцемъ? Неужели это... Христосъ?

Да, это онъ, убѣждаетесь вы съ чувствомъ, похожимъ на разочарованіе. Этотъ человѣкъ,—именно *человѣкъ*,—сильный, мускулистый, съ крѣпкимъ загаромъ странствующаго восточнаго проповѣдника... Ничего тонкаго, полувоздушнаго, неземного, никакого сіянія и какъ бы полета, которое мы привыкли соединять съ представленіемъ объ этомъ образѣ. И невольно въ первыя мгновенія острое ощущеніе недовольства всплываетъ среди остальныхъ впечатлѣній.

Но въ сущности это только неожиданное ощущеніе внезапнаго противорѣчія съ крѣпко установившимися преданіями. Чѣмъ больше вы вглядываетесь въ эту замѣчательную фигуру, съ ея физической крѣпостію, вмѣсто аскетической полувоздушности, съ ея небрежно упавшей на колѣно рукой, со всей этой незамѣчаемой имъ самимъ усталостью утружденнаго, но сильнаго человѣка, и главное — съ этимъ замѣчательнымъ выраженіемъ лица, — тѣмъ больше первоначальное чувство замѣняется удивленіемъ, уваженіемъ, любовью.

Да, именно любовью. Мы способны любить больше то, что намъ больше понятно и доступно. Всѣ эти образы съ сіяніемъ и воздушной прозрачностью слишкомъ отвлеченны и схематичны для того, чтобы заставить биться наше сердце, состоящее изъ тѣла и кипящее кровью. Они скорѣе говорятъ о *долгѣ* любви, чѣмъ возбуждаютъ живую любовь. Здѣсь же высокій образъ является въ настоящей плоти; эта высота пробивается наружу изъ-за настоящей тѣлесной оболочки, и мы ее понимаемъ, и навстрѣчу ей пробивается изъ нашей груди сочувственный отзывъ.

Въ этомъ образѣ я вижу замѣчательный успѣхъ художественнаго реализма и думаю, что религіозное чувство тоже не можетъ быть оскорблено подобнымъ пріемомъ. Христа не признало большинство, его распяли. Но если бы онъ являлся въ толпѣ постоянно окруженный сіяніемъ, постоянно такъ непохожій на человѣка, то кто же могъ бы его не признать? Да, среди людей это былъ человѣкъ, и въ немъ свѣтился только внутренній свѣтъ, видимый чистому, искавшему истины взгляду.

Однако, художнику легко впасть въ другую крайность, — крайность реакціи противъ традиціонныхъ изображеній... Христосъ былъ странствующій проповѣдникъ. Ему нужна была физическая сила, чтобы носить бремя великаго дѣятельнаго духа. Онъ, какъ и мы, загоралъ на солнцѣ, уставалъ отъ труднаго пути, ѣлъ и пилъ. Художникъ и изобразилъ намъ

человѣка съ чрезвычайной правдивостію. Это реально. Но не надо забывать, что реализмъ есть лишь выработанное нашимъ временемъ *условіе* художественности, а не сама художественность. Поэтому, если бы (допустимъ) художнику удалось какими бы то ни было средствами возсоздать съ фотографическою точностію каждую черту этой фигуры, и онъ далъ бы намъ Христа „обыкновеннымъ человѣкомъ“ въ моментъ обѣда, сна или незначительнаго разговора, — это было бы хотя и реально, но грубо и не художественно. Тутъ *условіе* превратилось бы въ *цѣль*, это былъ бы уже не „художественный реализмъ“, подъ которымъ нужно разумѣть „художественное обобщеніе въ реальныхъ условіяхъ“,—но одни реальныя условія, безъ всякаго художественнаго обобщенія, „натурализмъ“ приниженный и плоскій, довлѣющій себѣ и собою довольный...

Въ человѣкѣ, какъ Христосъ, въ которомъ милліоны признали Бога,—существенно не то, что и онъ пилъ и ѣлъ, какъ другіе. Художникъ обязанъ выбрать такой моментъ изъ его жизни, гдѣ самая характерная черта его личности сіяла бы сквозь „реальную“ оболочку (потому что вѣдь и она тоже— „реальный“ фактъ). Его распяли и глумились надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ. Но онъ зажегъ въ сердцахъ людей, бѣдняковъ и богачей, начальниковъ и рыбаковъ тотъ священный огонь, который былъ въ немъ самомъ. Тотъ не художникъ, кто не покажетъ намъ этого огня въ Христѣ-человѣкѣ.

Полѣновъ художникъ. Вглядитесь въ лицо Христа на его картинѣ, и оно надолго останется въ вашей памяти. Однако, чтобы уяснить себѣ выраженіе этого лица, мы должны обратиться къ другой половинѣ картины.

Въ мирную возвышенную бесѣду въ затѣненномъ углу врывается шумная, пестрая, дикая и страстная „улица“. Толпа влечетъ на судъ къ Іисусу молодую блудницу. Она бѣдно одѣта, молода, красива и испугана. Въ ужасѣ она упирается, не зная, что ждетъ ее со стороны человѣка, къ которому ее толкаютъ. Страсть толпы, ворвавшейся изъ-за угла съ воплями и шумомъ—это старая страсть, развившаяся и крѣпко пустившая корни на почвѣ стараго закона. Моисей сказалъ, что блудницу надо побить камнями. На этомъ воспитались поколѣнія и воспитываются новыя. Между фактомъ преступленія и формулой закона никогда не становилась критика. Поэтому слѣпая и неумолимая вражда вспыхиваетъ со всей силой непосредственности, и даже въ руки дѣтей она вложила камни, а въ глаза огоньки звѣрства. Но почему же ее ведутъ именно къ Іисусу, и, если ее ведутъ къ нему на судъ, то зачѣмъ это звѣрство, уже заранѣе осудившее молодую

грѣшницу? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ намъ выступившія впередъ къ Іисусу двѣ фигуры.

Это два старые раввина. Одинъ (сѣдой) весь охваченъ жаромъ фанатизма, другой (рыжій) смотритъ на Христа съ холоднымъ ехидствомъ. Оба они знаютъ, что въ Іерусалимѣ есть новый учитель, колеблющій основы стараго закона, признанный уже многими и провозглашающій ученіе милосердія. Такъ пусть же скажетъ онъ со своимъ новымъ словомъ, какъ примѣнить его къ этому случаю, относительно котораго постановленіе Моисея непререкаемо: „въ законѣ намъ повелѣ Моисей таковыя каменіемъ побити: ты же что глаголеши? Сіе же рѣша, искушающе его, да быша имѣли что глаголати нань“ (Іоанна, гл. VIII, 5).

Въ изступленной фигурѣ сѣдого раввина, не смотря на всю ея суровость, много искренности и одушевленія. Ученіе, осуждавшее цѣлые народы на поголовное истребленіе и считавшее милосердіе въ такихъ случаяхъ преступленіемъ противъ Бога, должно было вырабатывать такія суровыя натуры. Но есть въ этой фигурѣ что-то, вызывающее если не сочувствіе, то нѣкоторое оправданіе и, пожалуй, уваженіе. Савлъ тоже гналъ Христа и, быть можетъ, испытывалъ при этомъ то же, что испытываетъ сѣдой раввинъ. Новое ученіе встаетъ противъ его вѣры, стремится пошатнуть ее, и онъ съ яростію кидаетъ къ ногамъ Христа выхваченный изъ жизни фактъ: „возьми его, примѣрь на немъ твое ученіе и скажи, богохулецъ, что нашъ Моисей неправъ“. Онъ вѣритъ, и потому каждый ударъ Христа, нанесенный его вѣрѣ, отзывается болью въ его сердцѣ, и эта боль говоритъ ему, вопреки его волѣ и сознанію,—о силѣ новаго ученія. Быть можетъ, даже въ его душѣ слышится уже отголосокъ призыва: „почто мя гониши?“ и этотъ смутный призывъ пока только раздуваетъ пламя его любви къ старому и гнѣва противъ новаго.

Не таковъ его рыжій товарищъ. Нѣсколько вытянувъ шею, онъ смотритъ на Христа прищуренными, холодными глазами. Это полный контрастъ съ искреннимъ воодушевленіемъ перваго. Это, вѣроятно, саддукей. Ему нѣтъ дѣла до моисеева закона, до той искры истины, которую пріютилъ въ своемъ сердцѣ сѣдой фанатикъ. Все это однѣ глупости. „Было семь братьевъ, всѣ умерли поочередно, и къ каждому переходила. по закону Моисея, оставшаяся въ живыхъ жена старшаго брата. Кому же достанется она на томъ свѣтѣ? Какой кавардакъ подымутъ на небѣ эти братья? Не ясно ли, что имъ лучше совсѣмъ не подыматься изъ могилъ и что въ законѣ старика Моисея напрасно было бы разыскивать здраваго

смысла". Истинно одно: существуетъ храмъ, существуетъ все еще сильная машина обрядоваго культа, отъ которой кормятся умные люди. Машина эта позаржавѣла, скрипитъ, — это правда. Но она достаточно сильна еще, чтобы искрошить всякаго „вреднаго человѣка", который, гоняясь за утопіями, подымается противъ факта во имя истины. Истина для этого человѣка не существуетъ, и потому сознаніе силы новаго проповѣдника ему недоступно. Онъ, быть можетъ, тоже провидитъ будущее, какъ и его собратъ. Но они смотрятъ не одинаковыми глазами: въ то время, какъ въ сердцѣ стараго фанатика встаетъ смутное предчувствіе торжества новой идеи, и онъ дрожитъ и пламенѣетъ отъ гнѣва, — саддукей видитъ распятаго и опозореннаго человѣка, и потому только смѣется. „Сіе же рѣша, да быша имѣли что глаголати нань". Этотъ смертный грѣхъ шпіонскаго искушенія не ради истины, а для преслѣдованія за нее, всецѣло принадлежитъ рыжему, потому что онъ совершаетъ его съ холодной злобой и съ холоднымъ разсчетомъ.

Теперь — налицо уже всѣ элементы картины. Соберемъ ихъ въ одно цѣлое, и тогда значеніе центральной фигуры Христа выступитъ съ полною ясностью.

Лѣвая сторона — новый міръ, правая — старый. Въ этотъ уголокъ, гдѣ только-что звучали слова новой истины, старый міръ врывается съ частнымъ фактомъ. Фактъ этотъ весь состоитъ изъ спутанной смѣси грѣха, страданія, злобнаго гнѣва, изступленія. Это одно изъ безчисленнаго множества житейскихъ противорѣчій, вдвигавшихся безъ сомнѣнія въ умъ и совѣсть тогдашняго человѣка мучительнымъ вопросомъ. Въ толпѣ царитъ старая страсть, взрощенная старымъ закономъ, но уже то, что толпа несетъ эту страсть ко Іисусу, многознаменательно и характерно. „Указанія Моисея ясны, что скажешь ты? Зачѣмъ ты тревожишь нашу совѣсть, зачѣмъ не даешь нашимъ страстямъ изливаться установленнымъ, хотя, быть можетъ, и безчеловѣчнымъ порядкомъ?"

На лѣвой сторонѣ нѣтъ уже и признака этой страсти. Она вся вытравлена въ сердцахъ тѣхъ, кто слышалъ великія слова любви. Однако, даже тогда, когда общія положенія новаго ученія усвоены, — нуженъ еще долгій опытъ мысли и чувства, чтобы каждый разъ безошибочно прикинуть частный фактъ къ началамъ общей правды. Поэтому на лѣвой сторонѣ господствующее настроеніе — вдумчивое ожиданіе. Ученики раньше Христа увидѣли эту толпу, ворвавшуюся изъ-за угла, ихъ взгляды устремлены на грѣшницу: „несчастная... законъ Моисея ясенъ... но что скажетъ Христосъ?"

Блудницу еще не довели до того мѣста, гдѣ ее нужно по-

ставить передъ Христомъ; въ толпѣ продолжается движеніе, мальчишки не остановились еще на бѣгу; покой и движеніе фигуръ на ступеняхъ и площадкѣ храма еще не успѣли измѣниться отъ прибытія этой толпы. Такимъ образомъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ первыми мгновеніями извѣстнаго евангельскаго эпизода. На лицѣ Христа еще не исчезъ отпечатокъ общей, отвлеченной, возвышенной формулы, залегающей во всѣхъ его чертахъ. Онъ еще не вполнѣ спустился съ высоты, еще не отдалъ себѣ полнаго отчета во всѣхъ подробностяхъ предстоящаго частнаго факта человѣческаго гнѣва и страданія; но этотъ фактъ уже зоветъ его къ себѣ, требуя разрѣшенія. Въ этомъ весь психологическій драматизмъ фигуры Христа-человѣка, который подымаетъ его надъ толпой и неизгладимо запечатлѣваетъ въ памяти зрителя... Старый міръ бѣснуется, враждуетъ и страдаетъ. Новый—обращается къ Христу съ встревоженнымъ упованіемъ. А онъ, еще не зная подробностей, уже переноситъ свой мечтательный взглядъ отъ неба на грѣшную землю, которая зоветъ его воплями злобы и боли. И взглядъ Христа исполненъ увѣренности; это—точка, вокругъ которой долженъ повернуться умственный и душевный хаосъ стараго міра. Чего хотятъ отъ него эти бѣснующіеся люди?.. Онъ едва разслышалъ вопросъ, едва охватилъ первымъ взглядомъ пеструю толпу,—и уже въ душѣ его подымается милосердіе къ грѣшницѣ, и онъ знаетъ, что *Его истина* тотчасъ же дастъ логическое выраженіе его чувству, что лучъ живой любящей правды сверкнетъ сейчасъ въ этотъ мракъ изувѣрства. Между общей формулой и частнымъ фактомъ не можетъ быть противорѣчій, и потому онъ обращается къ этому факту, чтобы навѣки пріобщить его къ цѣлому своего ученія... И уже готовы слова, которыя будутъ говорить вѣкамъ:

— Кто изъ васъ грѣха,—пусть броситъ первый камень...

II.

Если вы уже разъ побывали на выставкѣ и знаете о картинѣ Сурикова, то, вѣроятно, и васъ она позоветъ къ себѣ непосредственно отъ картины Полѣнова.

Такъ было со мной и, какъ я наблюдалъ, то же случилось со многими другими. Эти двѣ картины связаны нѣкоторымъ силлогизмомъ. Обѣ онѣ очень велики и по размѣрамъ, и по сюжету, но манеры художниковъ совершенно различны. При переходѣ отъ Полѣнова къ Сурикову зритель испытываетъ ощущеніе эстетическаго контраста. Хочется найти причину этого контраста въ томъ, что кто-нибудь изъ двухъ взялъ

фальшивый аккордъ. „Которая картина нравится больше?“— Кажется, что обѣ вмѣстѣ нравиться не могутъ. „Помилуйте,— что это такое? Лиловыя тѣни, смягченный свѣтъ, эффекты. Вотъ гдѣ реальная дѣйствительность,—въ суровой кисти Сурикова!“—„Ну нѣтъ. Что такое Суриковъ? Сѣрое небо, бѣдныя краски, бѣдный рисунокъ, отсутствіе гармоніи. Полѣновъ—это гармонія“. Признаюсь, только послѣ нѣкотораго усилія первой минуты, только послѣ того, какъ меня охватило вполнѣ впечатлѣніе сюжета, я понялъ, что манеры художниковъ соотвѣтствуютъ ихъ темамъ и не подлежатъ сравненію.

Сѣрое небо, маленькіе домики деревянной Москвы XVII вѣка, бѣдный и сурово выписанный пейзажъ.

Съ передняго плана двѣ борозды пролегли въ рыхломъ глубокомъ снѣгу. Полозья розвальныхъ саней проложили эти слѣды; розвальни наклонились на ухабѣ и ползутъ дальше. Плохая кляча равнодушно тянетъ ихъ, а плохой лядащій мужиченко съ худымъ золотушнаго типа лицомъ погоняетъ ее, замахиваясь возжами, и смѣется. На розвальняхъ, за спиной мужика, лицомъ къ зрителямъ сидитъ боярыня Морозова, закованная въ цѣпи. Московская толпа стоитъ на улицѣ, тѣснится, напираетъ; другая, богато одѣтая боярыня идетъ рядомъ съ санями и плачетъ. Лядущему мужиченку есть отчего смѣяться; никогда еще не было ему такого почета: въ его поганыхъ санишкахъ сидитъ именитая боярыня, и царскіе алебардщики расталкиваютъ передъ нимъ толпу, расчищая для боярыни дорогу... въ застѣнокъ.

Фигура боярыни служитъ центромъ картины. Темная, суровая,—она вся горитъ внутреннимъ огнемъ, но это огонь, который только сжигаетъ, а не свѣтитъ. Изможденное, когда-то красивое лицо, впалые глаза, полуоткрытый крикомъ ротъ, и во всѣхъ чертахъ—сильно отмѣченное ударомъ суровой кисти, несложное выраженіе фанатизма. Мрачная, ужасающая увѣренность возникаетъ въ душѣ при взглядѣ на эту фигуру. Да, она не сдастся, не уступитъ, и жестокое дѣло совершится до конца. Она готова на лютую смерть. Она подняла руку, отягченную цѣпями, и показываетъ толпѣ, за что она умираетъ, за что зоветъ умирать другихъ. Это—двуперстное сложеніе.

Могучая фигура строптивой боярыни въ одно и то же время приковываетъ вниманіе и возбуждаетъ смутную тревогу.

Она такъ безстрашно идетъ на муку и этимъ будитъ невольное сочувствіе. Есть нѣчто великое въ человѣкѣ, идущемъ сознательно на гибель за то, что онъ считаетъ истиной. Такіе примѣры пробуждаютъ вѣру въ человѣческую природу, подымаютъ душу. Въ этомъ невольномъ сочувствіи первая основа

душевнаго настроенія зрителя. Но это смутное чувство стремится тотчасъ же къ своему логическому завершенію въ сознаніи. „За что умираетъ эта боярыня, къ чему она призываетъ?“ Передъ ней несомнѣнно маячитъ какой-то свѣтъ. Такъ гдѣ же онъ, и свѣтъ ли это, или только блудящій огонь надъ трясиной? Боярыня подымаетъ два перста—символъ своей идеи...

И только... какая убогая, бѣдная мысль для такого подвига. И чувство зрителя не находитъ логическаго завершенія. Господствующее ощущеніе—разладъ, дисгармонія...

Тотъ же мотивъ замѣтенъ въ изображенной на картинѣ московской толпѣ. Художникъ проявилъ въ изображеніи этой толпы замѣчательную силу: кажется, будто вихрь пробѣжалъ по ней; ни одно лицо не осталось не измѣненнымъ соотвѣтственно съ основнымъ мотивомъ. Вотъ мальчишка бѣжитъ за санями и дуетъ на озябшіе пальцы. Его лица не видно, но легко представить его выраженіе: онъ не знаетъ, отчего ему больно:—оттого ли, что пальцы озябли, или жаль эту суровую женщину. Вонъ юноша съ широко-открытыми, испуганными глазами. Молодыя женщины, боярыни, посадскія дѣвушки, черничка... На этихъ мягкихъ женскихъ и дѣтскихъ лицахъ всего сильнѣе отразился основной душевный мотивъ. Въ нихъ боярыня сильнѣе всего колыхнула острое сожалѣніе къ страданію и испугъ молодой жизни передъ мрачнымъ подвигомъ смерти.

Но это только общій мотивъ, заложенный въ каждое сердце и шевельнувшійся стихійно, какъ колышется стоячій прудъ отъ упавшаго камня. Только мысль закрѣпляетъ душевное движеніе, дѣлаетъ его способнымъ къ развитію и творческой работѣ. Поэтому, когда толпа разойдется по домамъ, эти молодыя женщины и дѣвушки будутъ временами вспоминать въ своихъ свѣтелкахъ о женщинѣ, которую провезли на дыбу. Глаза ихъ опять потемнѣютъ и расширятся отъ испуга, сердце забьется тревогой и сожалѣніемъ, а въ душѣ станетъ смутный вопросъ безъ яснаго отвѣта. И только.

Мотива, выраженнаго у Полѣнова сѣдымъ раввиномъ, вовсе нѣтъ на картинѣ Сурикова. За-то другой раввинъ — присутствуетъ. Онъ тоже, какъ и у Полѣнова, смѣется (только юмористично и весело), и у него тоже нѣтъ одного зуба, отчего улыбка оттѣняется особеннымъ образомъ. Это смѣхъ торжествующаго саддукейства: противница закована и предана позору... Онъ смѣется. При неопредѣленности настроенія толпы, его смѣхъ отражается на нѣсколькихъ лицахъ изъ близко стоящихъ. Они, можетъ быть, плакали бы, если бы кто-нибудь рядомъ не смѣялся, а плакалъ. Это только круги на поверхности стоячей воды...

Есть и болѣе опредѣленное отношеніе: юродивый, сидящій на снѣгу съ полуобнаженнымъ тѣломъ, съ босыми ногами и въ веригахъ, да еще нищенка,—напутствуютъ боярыню на подвигъ, подымая руки съ двуперстнымъ сложеніемъ. Ихъ сочувствіе явно, опредѣленно и сильно, и это сочувствіе—къ смерти. Это тѣ, что еще и въ наше время поютъ:

Нѣсть спасенія въ мірѣ, нѣсть,
Лесть одна въ немъ правитъ, лесть,
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

И они, еще „не удостоившіеся", еще живущіе, казнятъ въ себѣ жизнь, какъ врага, казнятъ ее веригами, холодомъ и голодомъ. Какой-то странникъ, съ котомкой и посохомъ, смотритъ во слѣдъ боярынѣ задумчивымъ и немного мечтательнымъ взглядомъ. Онъ уйдетъ изъ Москвы въ архангельскіе скиты, на Иргизъ, на Донъ, и всюду разнесетъ вѣсть о томъ, что Господь сподобилъ его видѣть смертный подвигъ святой боярыни. И слова его загорятся въ сердцахъ, и отъ нихъ, какъ отъ углей великаго костра, запылаютъ, быть можетъ, въ мрачныхъ лѣсныхъ трущобахъ срубы фанатиковъ-самосожигателей.

И небо виситъ сѣрое, грустное надъ мрачной картиной, гдѣ только трепетный лучъ скользитъ, теряется и пропадаетъ въ сумеркахъ.

III.

Для каждаго положенія есть своя идеальная, такъ сказать, обстановка, въ которой оно выступаетъ всего полнѣе и выпуклѣе. Конечно, если бы, напримѣръ, романистъ вздумалъ оттѣнять каждый разъ гнѣвъ своего героя небесными громами и молніями, то этотъ пріемъ показался бы намъ очень наивнымъ, потому что вѣроятность такихъ совпаденій имѣетъ свои границы. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать факта, что человѣческое настроеніе ищетъ отраженія, своего рода резонатора въ природѣ.

Народный пѣвецъ взялъ первые аккорды, и его воображеніе уже наполнено смутными образами: онъ слышитъ и шелестъ степной травы, и шумъ лѣса, и гулъ моря, и громъ, и шопотъ зеленаго явора, у котораго вода подмыла корень... И тотчасъ же изъ этого безформеннаго хаоса выдѣлится основной мотивъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его темѣ... „Боянъ же, братіе, аще кому хотяше пѣснь творити, растекашеться мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы"...

Основной психологическій мотивъ обѣихъ разбираемыхъ нами картинъ глубоко различенъ... Тоны ихъ соотвѣтствуютъ основному

мотиву. Содержаніе одной—ясная, полная, замѣчательно уравновѣшенная, стало быть гармоническая идея. Старый міръ мятется, волнуется, страдаетъ; въ новомъ говоритъ чувство милосердія, которое ждетъ выраженія. Въ Христѣ слиты въ одно цѣлое и чувство, и мысль, содержаніе и форма. Присутствіе этого всеразрѣшающаго момента кладетъ свой отпечатокъ, проникаетъ въ душу занятаго имъ художника. Вотъ откуда этотъ спокойный свѣтъ, эти стройныя колонны, эти освѣщенные камни храма, густо выступающая на свѣту зелень кипарисовъ и глубокія опредѣленныя тѣни. Отъ всего пейзажа вѣетъ тѣмъ возвышающимъ и успокаивающимъ впечатлѣніемъ, которое соотвѣтствуетъ сюжету. Да, жизнь, гдѣ свѣтитъ уже эта опредѣленная и гармоническая идея, — возвышенна и хороша. Пусть тѣнь старой вражды врывается еще въ душу съ этой пестрой толпой, — она только подчеркиваетъ значеніе сознательной мысли Іисуса. Христосъ принесъ мечъ, которымъ старый міръ разсѣченъ на двѣ части. И картина тоже раздѣлена на двѣ части: любовь на одной сторонѣ, вражда на другой. Опредѣленное настроеніе водило кистью художника: оттого онъ и выбралъ моментъ, когда свѣтъ ложится широко и ярко, тѣни густѣютъ. Это моментъ яснаго раздѣленія свѣта и тѣней, заблужденія и истины, злобы и любви...

Содержаніе другой картины—диссонансъ, противорѣчіе между возвышеннымъ могучимъ порывомъ чувства и мелкой, ничтожной и темной идеей. Поэтому встревоженное воображеніе художника ищетъ выраженія въ диссонансахъ. Въ то время, какъ на работѣ Полѣнова сказывается вдумчивая уравновѣшенность, допускающая спокойное сосредоточенное исканіе гармоніи и изящества, — кисть второго сурова, безпокойна и неизящна. Судъ обоихъ художниковъ—во внутреннемъ соотвѣтствіи формы и содержанія; поэтому я и не думаю сравнивать ихъ талантовъ. Но въ этихъ двухъ картинахъ одна эпоха какъ бы зоветъ на судъ другую. Почему выраженіе одной—гармонія, почему выраженіе другой—диссонансъ?

Бываютъ въ жизни человѣчества свѣтлые періоды, когда творческая мысль созрѣваетъ до своей полноты, покрываетъ всѣ имѣющіяся на лицо противорѣчія. Одинъ изъ такихъ періодовъ изображенъ на картинѣ Полѣнова. Теперь въ модѣ нападать на науку, на знаніе. Мы извѣрились въ силу логической мысли и склонны искать спасенія въ чувствѣ, освобожденномъ отъ этой обузы. „Апостолы были простые рыбаки, а не ученые“. Но мы забываемъ, что Христосъ былъ для своего времени замѣчательнымъ ученымъ, что онъ еще въ дѣтствѣ поражалъ глубокимъ проникновеніемъ въ „ученіе“... Прочи-

тайте талмудъ (начало котораго относится почти ко времени Христа), вдумайтесь въ его грубыя и полныя суевѣрій формы мысли, подумайте также, что талмудъ всетаки произведеніе лучшихъ умовъ,—и вы поймете, сколько нужно было критической силы, чтобы изъ-подъ шлака застывшей вѣры извлечь новое ученіе... Всему, что выдвинула тогдашняя критическая мысль, всѣмъ наличнымъ противорѣчіямъ Христосъ нашелъ примиреніе... Онъ пережилъ свой періодъ анализа, то есть критики, то есть разрушающей мысли, прежде чѣмъ перейти къ созиданію. И все его ученіе—примиреніе для цѣлыхъ вѣковъ мучительныхъ противорѣчій. Ощущеніе этого великаго предчувствія гармоніи водило кистью Полѣнова... „На земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Потому что жить въ такое время прекрасно и умирать тоже прекрасно...

А картина Сурикова — идейныя сумерки, сырой ненастный день, тяжелое небо, сплюснутые купола церквей, безлистыя вѣтви тощихъ деревьевъ. Художникъ правъ, задергивая этимъ флёромъ свое смятенное настроеніе, но если когда-нибудь всѣ наличныя противорѣчія и тоска найдутъ исходъ, если опять „въ человѣцѣхъ благоволеніе“ осѣнитъ нашъ міръ, — тогда искусство приблизится къ эстетической гармоніи, оставаясь въ то же время правдивымъ. Тогда люди посмотрятъ на картины, въ родѣ этой, и скажутъ: какъ это сильно, но... какъ грустно и некрасиво!.. И это дѣйствительно некрасиво, но виноватъ тутъ не художникъ. Онъ показалъ намъ нашу дѣйствительность. Можно ли сказать, что мы уже вышли изъ этого мрака? Не испытываемъ ли мы всей этой тоски и разлада, не ищетъ ли современный человѣкъ вѣры, которая бы возвратила намъ спокойствіе и осіяла для насъ внѣшній міръ внутренней гармоніей пониманія? Вѣры, которая бы осуществляла любовь и не противорѣчила истинѣ, знанію?

Передъ нами обѣ картины. Пусть одна говоритъ намъ, что наши ожиданія не напрасны, что въ жизни человѣчества уже свѣтила заря полнымъ свѣтомъ. Но пусть она научитъ насъ также, что главный смыслъ этой гармоніи — въ мирѣ между чувствомъ и мыслію, которою такъ полно проникнутъ образъ полѣновскаго Христа. Выдвинуть цѣликомъ всѣ противорѣчія и найти разрѣшеніе—вотъ путь къ цѣлостности существованія. Пока, сдавленное въ глубинѣ ума, останется хотя одно крупное противорѣчіе, не разрѣшенное, не примиренное ясною обобщающею мыслью... до тѣхъ поръ,—вотъ она, яркая, грустная картина дисгармоніи и разлада, сумерки чувства и сумерки мысли...

1889 г.

ЗНАМЕНИТОСТЬ КОНЦА ВѢКА.

(Этюдъ).

„Конецъ вѣка“, въ ряду другихъ характерныхъ явленій, обогащаетъ насъ еще новымъ рядомъ знаменитостей. Мы знали знаменитыхъ государственныхъ людей, полководцевъ, ораторовъ, писателей, художниковъ, артистовъ, врачей, строителей, путешественниковъ, воздухоплавателей, наконецъ, знаменитыхъ укротителей звѣрей или антрепренеровъ, въ родѣ знаменитѣйшаго американскаго Барнума...

Теперь у насъ есть еще знаменитые—негодяи.

Вы скажете, пожалуй, что это было всегда. Публика всегда любила такъ называемыя causes célebres. Пранцини, убійца, былъ тоже своего рода знаменитостію, какъ и Джекъ-потрошитель, какъ Тропманъ, казнь котораго такъ превосходно описана Тургеневымъ.

Это вѣрно, но было это по иному. Говорили, напримѣръ, что какой-то англичанинъ заплатилъ большія деньги палачу за кусокъ кожи казненнаго Пранцини. Онъ заказалъ изъ нея портсигаръ и, угощая пріятелей дорогой сигарой, навѣрное прибавлялъ съ самодовольствомъ истаго коллекціонера: „обратите вниманіе на этотъ портсигаръ, сэръ. Онъ сдѣланъ изъ кожи знаменитаго Пранцини“. Согласитесь, что Пранцини заплатилъ, пожалуй, дороговато за свою популярность.

Можно сказать съ увѣренностію, что и Пранцини, и Тропманъ, и Джекъ-потрошитель тщательно избѣгали личной извѣстности. Это были дѣятельные негодяи, но знаменитости чисто пассивныя. Современная же Франція являетъ намъ примѣры знаменитостей подобнаго же рода, которыя пользуются своей славой еще при жизни, дѣлаютъ изъ своего негодяйства нѣчто вродѣ соціальнаго фактора. Они сами угощаютъ сигарами многочисленныхъ почетныхъ посѣтителей. И послѣдніе, вмѣсто того, чтобы закурить такую сигару, тщательно завер-

тываютъ ее въ бумажку и потомъ хвастаютъ передъ другими любителями коллекцій: „Обратите вниманіе: этой сигарой такого-то числа и года, въ такомъ часу угостилъ меня знаменитый панамистъ Артонъ, или не менѣе знаменитый Герцъ, или, наконецъ, затмившій нынѣ всѣхъ своею знаменитостью Эстергази“.

Вы, конечно, помните: Артонъ былъ воръ и посредникъ воровства въ дѣлѣ Панамы. Герцъ былъ тоже воръ, украшенный орденомъ почетнаго легіона, pauvre diable или дѣйствительно главная пружина этого грязнаго дѣла, а Эстергази... ну, Эстергази-то знаменитѣе обоихъ панамистовъ. Насколько эта интересная личность успѣла выясниться до сихъ поръ,— онъ мотъ, прожигатель жизни, мелкій мошенникъ, обокравшій родственниковъ, фальсификаторъ, изъ корысти поддѣлавшій массу документовъ, интриганъ изъ бульварнаго романа, придумывающій или только выполняющій сложныя интриги съ переодѣваніями и подлогами, лжесвидѣтель, содѣйствовавшій обвиненію людей, завѣдомо невинныхъ, наконецъ—продажный субъектъ, готовый теперь за хорошія деньги предать недавнихъ нанимателей...

И, кромѣ всего этого,—кавалеръ французскаго ордена почетнаго легіона, которому герцогъ Орлеанскій еще недавно считалъ за честь публично пожимать руку.

II.

Вотъ новая знаменитость конца нашего вѣка! Изъ его кожи никто не сдѣлаетъ портсигара, какъ сдѣлалъ англійскій варваръ изъ кожи злополучнаго Пранцини. Даже напротивъ,— посмотрите: онъ носитъ орденъ почетнаго легіона, изъ котораго давно исключенъ Золя, пытавшійся разоблачить его продѣлки. Дрейфусъ, теперь завѣдомо для всего міра осужденный на основаніи подлоговъ Эстергази, продолжаетъ томиться на Чортовомъ островѣ. Золя, знаменитѣйшій изъ писателей Европы, скрывается невѣдомо гдѣ, а его вещи продаются съ аукціона за то, что онъ старался разоблачить продѣлки Эстергази и ошибку „графологовъ“, которая теперь уже ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія... Пикаръ, первымъ пытавшійся разыскать эти доказанные подлоги, запертъ въ военной тюрьмѣ Cherche-midi, и въ то время, какъ я пишу эти строки, ему еще не разрѣшено видѣться даже со своимъ защитникомъ. Правда, по послѣднимъ извѣстіямъ, его „дѣло“ принимаетъ сравнительно благопріятный оборотъ. Теперь рѣчь идетъ лишь о томъ, не пользовался ли Пикаръ поддѣльнымъ petit-bleu, чтобы вредить... г-ну Эстергази. А г. Эстергази

въ это самое время разъѣзжаетъ по европейскимъ столицамъ, куритъ дорогія сигары, угощаетъ ими любителей коллекцій, отбивается отъ тучи назойливыхъ репортеровъ, съ жадностью ловящихъ каждое его словечко, — какъ будто это сказочная принцесса, при каждомъ словѣ которой съ румяныхъ устъ падаютъ на землю розы или, еще лучше,—червонцы. О, нѣтъ, изъ его кожи никто не сдѣлаетъ портсигара! Онъ самъ теперь торгуется, чтобы подороже продать исторію своего негодяйства, которое является настоящимъ сокровищемъ.

— Вы желаете узнать, какъ мы поддѣлали такой-то документъ? Г-мъ... Но вѣдь это, monsieur, будетъ стоить не дешево.

— Ахъ, сэръ, — отвѣчаетъ англійскій издатель, — мы не стоимъ за деньгами... Если бы, вдобавокъ, вамъ угодно было почтить насъ еще разсказомъ о томъ, какъ вамъ удалось свалить все это на Пикара...

— Можетъ быть, можетъ быть... Я еще посмотрю.

— Посмотрите, сэръ... Мы будемъ надѣяться....

Онъ посмотритъ. Одинъ разъ онъ уже сдѣлалъ ошибку. Еще неопытный въ такого рода сдѣлкахъ, онъ продешевилъ одинъ изъ своихъ секретовъ и отдалъ его газетѣ Observer. И вотъ знаменитый Эстергази сидитъ въ office'ѣ одного изъ лондонскихъ адвокатовъ и совѣщается, какъ поправить дѣло... Биржевая стоимость его негодяйства быстро поднимается, и сдѣлка съ Observer'омъ теперь для него чистое разореніе.

— Вы дали какія-нибудь документальныя обязательства, сэръ?—спрашиваетъ адвокатъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Никакихъ. Я имѣлъ лишь неосторожность подѣлиться кое-какими свѣдѣніями... устно... разумѣется, тогда я не зналъ еще настоящей цѣны...

— О, это ни къ чему не обязываетъ. Законы этой страны на вашей сторонѣ, сэръ!

И дѣйствительно, въ извѣстный часъ, точный и строгій, застегнутый на всѣ пуговицы англійскій юристъ является въ редакцію англійской газеты, чтобы защищать интересы французскаго негодяя.

— Мой знаменитый кліентъ,—начинаетъ онъ сухо, но все-таки съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости... И затѣмъ газета, хотя и съ большой досадой, вынуждена прекратить печатаніе своихъ разоблаченій, Эстергази получилъ обратно свое драгоцѣнное негодяйство и опять выноситъ его на рынокъ. Торговля открыта! Кто дастъ больше? Опять около квартиры Эстергази, кажется, на Charing-cross'ѣ, устраиваются дежурства репортеровъ, и знаменитый нѣкогда Веллингтонъ съ за-

вистію смотритъ съ вышины своей колонны на знаменитаго нынѣ Эстергази. По временамъ къ подъѣзду подкатываютъ щегольскіе кэбы, и респектабельные джентльмены, съ туго набитыми бумажниками въ карманахъ, подымаются по лѣстницѣ въ квартиру Эстергази, кавалера ордена французскаго почетнаго легіона, продающаго свое негодяйство оптомъ и въ розницу. На этотъ разъ, однако, онъ величаво сдержанъ. Онъ ждетъ. Онъ знаетъ, что у него будутъ покупать его слова, и еще болѣе — его молчаніе... Для этого онъ и бѣжалъ изъ Франціи за границу. Ему приходилось плохо. Дѣло разоблачалось, Анри уже заплатилъ жизнію за свою фальсификаторскую ревность, личная репутація Эстергази погибла, недавніе друзья уже не въ силахъ поддержать это „блестящее реноме“.—Если меня исключатъ изъ арміи,—говоритъ онъ своему „пріятелю“ Стронгу,—мнѣ остается только пуля.

— О нѣтъ,—отвѣчаетъ опытный газетчикъ.—Вамъ остается еще знаменитость и богатство...

И вотъ, какъ нѣкогда Мадзини, Викторъ Гюго и другіе „шаблонные герои“ устарѣвшей европейской исторіи, — г. Эстергази переправляется тайно черезъ границу... Судьба, а можетъ быть и еще кто-нибудь оберегаетъ конспиративный побѣгъ: поѣздъ везетъ великаго Эстергази и его счастіе.

И вотъ онъ—въ Лондонѣ. Онъ привезъ съ собой нѣчто такое, изъ-за чего вступаютъ въ конкурренцію издатели нѣсколькихъ столицъ. По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, „разоблаченія“ (т. е. признанія) Эстергази появятся одновременно въ Лондонѣ и Парижѣ. „Agence National“ сообщаетъ, что между французскимъ и англійскимъ издателями мемуаровъ майора Эстергази послѣдовало соглашеніе... По свѣдѣніямъ Agence первая рукопись Эстергази будетъ получена на дняхъ парижскимъ издателемъ... Парижскій издатель monsieur Файаръ не безъ гордости подтверждаетъ это извѣстіе. Дѣйствительно, пишетъ онъ въ Temps, „между г. Эстергази и мною уже состоялось соглашеніе. Майоръ уже приступилъ къ редактированію статей, которыя появятся у насъ въ формѣ брошюры... Г. Эстергази пишетъ два разсказа (!): одинъ для насъ, другой, который не есть переводъ и разнится отъ перваго, — для своего лондонскаго издателя“. Скоро мы услышимъ, быть можетъ, что къ упомянутымъ двумъ столицамъ присоединяется еще Берлинъ, Вѣна, Римъ, Петербургъ... Можетъ быть даже злополучный Мадридъ забудетъ на время несчастія своей страны и позоръ своихъ пораженій и тоже примкнетъ къ всемірной аудиторіи знаменитѣйшаго изъ негодяевъ „конца вѣка“. И когда такимъ образомъ весь міръ насторожится вокругъ

г. Эстергази, онъ, наконецъ, заговоритъ съ полнымъ сознаніемъ своего мірового значенія.

— Итакъ, милостивыя государыни и милостивые государи, — я начну съ исторіи нашего перваго подлога. Слушайте!..

И въ тотъ день, когда это блестящее начало при посредствѣ телеграфа и печатнаго станка появится въ видѣ черныхъ буквъ на бѣлой бумагѣ, — во всѣхъ столицахъ міра произойдетъ одновременно замѣтное движеніе, какъ будто у знаменитаго негодяя въ рукахъ собраны струны отъ милліоновъ человѣческихъ сердецъ...

Неправда ли, это явленіе уже совершенно новое, настоящее знаменіе „конца вѣка“...

III.

Да, это уже не Тропманы и не Пранцини, изъ кожи которыхъ любители-варвары выкраивали портсигары. Тѣ сами платились за свою знаменитость, а за знаменитость Эстергази платятъ издатели, расплачивается,—и какой дорогой цѣной!— все общество...

Я говорю, разумѣется, не о тѣхъ фунтахъ-стерлинговъ, которые г. Эстергази положитъ въ карманъ, въ окончательномъ итогѣ своей сдѣлки на негодяйствѣ. И вообще, я говорю не о деньгахъ. Не помню, кто сказалъ первый, что сущность того воздѣйствія, которое литература оказываетъ на общество, сводится къ внушенію. Во всякомъ случаѣ, это мысль, не подлежащая теперь спору, и относится она не къ одному лишь роману и не къ одной лишь прямой проповѣди. То, что мы называемъ „прессой“ въ самомъ общемъ значеніи этого слова, играетъ ту же роль. Le roman est un miroir qu'on promène le long d'un chemin,—сказалъ кто-то. Но вся пресса заслуживаетъ это сравненіе въ гораздо большей степени. Огромное зеркало стоитъ у огромной всемірной дороги, выхватывая порой изъ дорожнаго движенія фигуры и эпизоды, по драматизму и по впечатлѣнію, оказываемому на зрителей, превосходящіе всякій романическій вымыселъ. Какихъ только „знаменитостей“ не отражало оно за время своего существованія! И вотъ теперь на поверхности мірового зеркала появилась и привлекаетъ всѣ взоры фигура знаменитаго г. Эстергази, который готовится разсказать міру о своихъ подлогахъ...

Съ этой точки зрѣнія, право, даже трудно оцѣнить вліяніе этихъ фигуръ, невольно приковывающихъ къ себѣ вниманіе и незамѣтно дѣйствующихъ на воображеніе милліоновъ лю-

дей. Одно время это воображеніе невольно и стихійно влеклось за таинственной траекторіей ловкаго панамиста и бѣглеца Артона, мелькавшаго то въ Алжирѣ, то въ Лондонѣ, то на бульварѣ Вѣны, то чуть не на вершинѣ Чимборасо. Но все-таки это былъ хоть бѣглецъ! Съ тѣхъ поръ явленіе, которое я пытаюсь анализировать,—сдѣлало еще шагъ по пути своей эволюціи и, въ лицѣ Эстергази, комфортабельно устроившись въ Лондонѣ, даритъ насъ своими откровеніями. Право, не будетъ ничего удивительнаго, если вскорѣ на вопросъ къ какому-нибудь юношѣ: „чѣмъ ты хотѣлъ бы быть, милый мальчикъ",—мы получимъ отвѣтъ:

— Я хотѣлъ бы быть знаменитымъ негодяемъ, вродѣ Эстергази. Это такъ интересно!

И вѣдь въ самомъ дѣдѣ заманчиво: въ извѣстный день и часъ негодяй скажетъ свое негодяйское „откровеніе", и всѣ столицы внезапно вздрогнутъ отъ любопытства. И только Дрейфусъ на Чортовомъ островѣ, да Пикаръ въ кельѣ Cherche-midi не будутъ читать великаго произведенія, потому что къ тому времени они все еще будутъ въ рукахъ людей, въ пользу которыхъ Эстергази совершалъ свои подлоги, — о чемъ онъ благоволитъ, быть можетъ, разсказать въ своихъ „разоблаченіяхъ". Ну, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, придумать „романъ" невѣроятнѣе и романичнѣе этой ситуаціи, реально разыгрывающейся передъ глазами всей Европы?

IV.

Кто виноватъ?

Начнемъ съ той публики, которая будетъ тѣсниться у кіосковъ, когда появится „исторія" великаго Эстергази. Виновата ли она? Едва ли, даже навѣрное нѣтъ. Въ худшемъ случаѣ это люди, которые, отправляясь въ должность или на свою дневную работу, пожелаютъ изъ утренняго номера газетъ или изъ только-что отпечатанной брошюры узнать свѣжую новость. Любопытство, быть можетъ, праздное, но совершенно невинное. Въ лучшемъ же случаѣ, и это навѣрное у большинства—среди сложной амальгамы душевныхъ движеній шевелится также человѣческое участіе, интересъ къ правдѣ, желаніе разъяснить себѣ истину въ сложномъ дѣлѣ, наконецъ, хоть у немногихъ—это будетъ интересъ къ вопросу права и справедливости. Нѣтъ, право, никто изъ насъ, изъ тѣхъ, которые будемъ тѣсниться въ тотъ день у кіосковъ—не виноватъ.

Мосье Файаръ, продавцы, издатели, вообще пресса? Да, французская пресса вылила теперь въ умы и въ души евро-

пейскаго читателя цѣлый потокъ невообразимаго изувѣрства и грязи. Вотъ что, напримѣръ, написалъ, напечаталъ, распространилъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ Рошфоръ послѣ того, какъ кассаціонный судъ высказался за пересмотръ дѣла Дрейфуса. „Какому наказанію народъ долженъ подвергнуть этихъ измѣнниковъ?“—спрашиваетъ французскій „патріотъ“. —Гильотинѣ? Это слишкомъ мягко. Сжечь живьемъ? Это не ново (un peu vieux jeu). И вотъ что этотъ „патріотъ“ придумываетъ для членовъ верховнаго суда Франціи: „надо разставить ихъ рядомъ, одного за другимъ („en queue de cervelas“), какъ въ центральныхъ тюрьмахъ. Спеціально пріученный и подготовленный къ этому палачъ имъ срѣжетъ сначала вѣки парою ножницъ. Когда они такимъ образомъ не въ состояніи будутъ закрыть болѣе глазъ, надо въ орѣховыя скорлупы помѣстить большихъ самыхъ ядовитыхъ пауковъ и затѣмъ прикрѣпить прочными завязанными сзади головы повязками эти скорлупы къ глазнымъ яблокамъ!.. Проголодавшіеся пауки, не очень разборчивые на пищу, медленно сожрутъ глазное яблоко и зрачокъ“... И т. д. И чтобы окончить статью особеннымъ эфектомъ,—Рошфоръ заключаетъ крикомъ, полнымъ жалости: „Бѣдные пауки!“ *).

Вотъ для чего эти патріотическіе господа употребляютъ теперь изобрѣтеніе Гутенберга, и, конечно, если когда, то именно теперь можно бы усомниться въ пользѣ этого изобрѣтенія. Однако — достаточно вспомнить, что никто не обрадовался бы отсутствіемъ гласности въ этомъ дѣлѣ болѣе самого Эстергази и его вдохновителей,—чтобы излѣчиться отъ этого пессимизма. Да, много грязи вылила въ наши умы французская пресса; но только пресса же способна бороться съ этимъ потокомъ. Благодаря ей, въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ и въ Панамѣ, истинѣ удалось пробиться съ такой силой, что уже ничѣмъ нельзя ее ни заглушить, ни уничтожить. Нѣтъ, пресса всетаки въ среднемъ только сдѣлала свое дѣло, открыла кратеръ для этого внутренняго изверженія...

Гонзъ, Пати-дю-Кламъ, наконецъ — самъ Эстергази! Объ этомъ смѣшно говорить. Что, въ сущности, значитъ эта ничтожная, хотя и типично-негодяйская фигура? Если даже Наполеоны не сами создавали свою эпоху, а явились лишь верхушкой исторической волны, которая ихъ выносила на своемъ гребнѣ, то что же говорить объ этихъ дю-Кламахъ и

---

*) Эту цитату покойный цензоръ Елагинъ вычеркнулъ изъ моей статьи въ „Р. Богатствѣ“, находя ее, вѣроятно, слишкомъ яркой для „націонализма“, хотя бы и французскаго.

Эстергази. Правда, нужно быть искуснымъ пловцомъ, чтобы держаться на верхушкѣ бурной волны, и десятки Наполеоновъ погибли, прежде чѣмъ одинъ достигъ вершины. Значитъ, нужно быть и негодяемъ не вполнѣ уже заурядным, чтобы вписать свое имя въ скрижали исторіи. Но все же самая волна, которая поднялась во Франціи такъ высоко, что великолѣпная фигура стала видна всему міру—создала господина Эстергази, а не создана послѣднимъ.

Значитъ, Франція?

Франція—это удивительная страна, изъ которой въ послѣднее столѣтіе исходили всѣ ожиданія и всѣ разочарованія мыслящей Европы. Она то вызывала расцвѣтъ самыхъ восторженныхъ надеждъ, то опять разливала въ умахъ реакцію и безнадежность. Теперь много говорятъ о реакціи противъ парламентаризма. Но въ Англіи, родинѣ чистаго парламентаризма, онъ дѣйствуетъ совершенно нормально. Это именно Франція даетъ болѣе всего матеріала для указанной реакціи. Она явила намъ примѣръ „республиканскихъ добродѣтелей“ въ дѣлѣ Панамы. Теперь она заставляетъ многихъ усомниться въ пользѣ свободнаго слова, выкапывающаго и разливающаго въ массы изувѣрское настроеніе самыхъ мрачныхъ періодовъ среднихъ вѣковъ. И если когда, то именно теперь, вмѣстѣ съ нашимъ поэтомъ, намъ

...Хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!

Однако, будетъ ли справедливо, если мы успокоимся на признаніи вины за Франціей? Эта страна всегда была только пробной лабораторіей Европы, и если въ 1793, въ 1830, въ 1848 годахъ въ ней слышались первые взрывы, то развѣ остальныя страны не были переполнены тѣмъ же газомъ? Всегда Европа обращала свои глаза къ пробной лабораторіи, и если, по окончаніи многихъ опытовъ, въ результатѣ являлось разочарованіе, то развѣ мало препаратовъ, которые все-таки вошли въ общее употребленіе... Теперь мы видимъ въ лабораторіи новую работу: она даетъ намъ экстрактъ буржуазно-политическаго строя, въ видѣ Панамы, и конденсированнаго милитаризма—въ дѣлѣ Дрейфуса-Эстергази. Правда, это яды, острый запахъ которыхъ отравляетъ дыханіе. Правда, въ результатѣ этого эксперимента—невидимыя нити общеевропейскаго вниманія оказались въ рукахъ господъ Эстергази, которые являются до извѣстной степени „властителями нашихъ думъ“... Но все же намъ, можетъ быть, слѣдуетъ благодарить гг. французовъ за „чистоту“ ихъ работы и за необыкновенную характерность ихъ препаратовъ.

V.

Не заставятъ ли они и насъ оглянуться немного на себя. Если бы я былъ французомъ и слышалъ осужденіе своей родины остальными европейцами, я бы сказалъ: „ну, хорошо. У насъ произошло все это, потому что мы воспитали цѣлое поколѣніе ядовитымъ хлѣбомъ реванша!“ Но посмотрите, однако, сколько у васъ самихъ было и есть защитниковъ и Эстергази, и Анри, и Дрюмона, и Рошфора. И если мы бьемся въ этомъ вязкомъ болотѣ, въ которое насъ втянули запутанные реальные интересы и интриги,—то изъ-за чего ваши Дрюмоны и ваши Рошфоры, послѣ того, какъ истина уже разоблачена, продолжаютъ кричать: „долой разоблачителей; держите „жида“ на Чортовомъ островѣ“. Что имъ Гекуба, что они Гекубѣ?

И въ самомъ дѣлѣ: откуда это удивительное явленіе? У Лесажа, въ исторіи Жиль-Блаза де-Сантильяна разсказанъ такой эпизодъ: легкомысленный герой натыкается въ тѣсной улицѣ на свалку, въ которой одинъ защищается противъ пятерыхъ. Онъ не знаетъ ни этихъ пятерыхъ, ни этого одного, однако, видя, что разспрашивать уже некогда, тотчасъ же обнажаетъ свою шпагу и становится на сторону одного... И мы всѣ невольно, инстинктивно, по чувству, которое врождено въ человѣческомъ сердцѣ, отдаемъ свои симпатіи этому молодому человѣку, далеко не всегда заслуживавшему монтіоновской преміи. Мы чувствуемъ, что, по большей части, когда слишкомъ ужъ сильная сторона злоупотребляетъ своимъ перевѣсомъ, — правда должна быть на сторонѣ слабѣйшаго. А такъ какъ, вдобавокъ, вмѣшательство одного противъ пятерыхъ требуетъ героизма и явно невыгодно для Жиль-Блаза, то понятно, почему мы съ невольнымъ сочувствіемъ будемъ слѣдить за его участію... Это здоровый инстинктъ человѣчества, который, надо надѣяться, останется въ немъ и въ двадцатомъ и въ двухсотомъ вѣкѣ...

Не то же ли самое происходило на нашихъ глазахъ во Франціи? Виновенъ или невиновенъ Дрейфусъ? Почемъ намъ было знать это? Но мы слышимъ, что кучка частныхъ людей, въ томъ числѣ знаменитый писатель, выступаютъ противъ господствующей партіи и,—что еще опаснѣе,—противъ господствующей *страсти* своего народа. Они утверждаютъ, что человѣкъ осужденъ невинно и ужъ во всякомъ случаѣ неправильно, что на судѣ нарушены первыя, необходимѣйшія условія всякаго правосудія. И никто, ни одинъ изъ участниковъ не посмѣлъ сказать, что это неправда, что судьямъ не были

предъявлены документы, неизвѣстные защитѣ (и впослѣдствіи оказавшіеся поддѣльными). Начинается борьба, еще, кажется, невиданная въ исторіи: кучка частныхъ людей и ничтожное меньшинство прессы борются съ нѣсколькими министерствами, съ штабомъ, въ рукахъ котораго огромная сила, съ ослѣпленіемъ всего народа: ихъ гонятъ, ихъ заплевываютъ (даже молодежь!), имъ закрываютъ уста, имъ грозятъ смертью, для нихъ раскаленное ложнымъ патріотизмомъ воображеніе изобрѣтаетъ невиданныя казни... Золя вынужденъ бѣжать, Пикаръ во власти своихъ личныхъ враговъ, а мы... мы, стоящіе вдали и ужъ во всякомъ случаѣ не связанные никакими реальными интересами, становимся на сторону пятерыхъ противъ одного,—нѣтъ, даже на сторону пяти тысячъ—противъ одного... Мы защищаемъ Эстергази, мы защищаемъ Пати-дю-Клама, мы защищаемъ Анри и черезъ всю Европу присоединяемъ свои голоса къ крикамъ страсти и изувѣрства, раздающимся на парижскихъ улицахъ и бульварахъ противъ людей, стоящихъ за несомнѣнное право.

Отчего это? Или въ самомъ дѣлѣ человѣчество разочаровалось въ героизмѣ и въ шаблонной добродѣтели, и его разочарованный взглядъ, жаждущій новыхъ впечатлѣній, съ удовольствіемъ отдыхаетъ теперь на типично негодяйскихъ фигурахъ господъ Эстергази? Конечно, нѣтъ... Дѣло совсѣмъ не въ этомъ; дѣло просто въ ослѣпленіи, дѣло въ родственныхъ настроеніяхъ, дѣло въ общихъ формулахъ, называемыхъ, по старому, „идеями“ и „принципами“.

Истина всегда была и всегда будетъ великою силой; съ нею даже за ничтожнымъ меньшинствомъ обезпечена рано или поздно нравственная побѣда. Но истину надо угадать, надо почуять ее сердцемъ и постигнуть умомъ. А для этого нуженъ вѣрный компасъ, указывающій ея направленіе... Этотъ компасъ мы и называемъ чутьемъ правды.

Онъ, очевидно, былъ у такъ называемыхъ „дрейфусаровъ“, и посмотрите результаты: въ то время, какъ Золя, оплеванный, исключенный съ позоромъ изъ ордена, который въ то время украшалъ еще грудь Эстергази, спасается бѣгствомъ изъ своего отечества, когда Пикаръ удаленъ отъ всего міра въ тюрьму Cherche-midi, когда всѣ матеріальные аттрибуты успѣха на сторонѣ торжествующаго большинства,—надъ поддѣлывателемъ Анри истина уже произнесла свой приговоръ, и для всей торжествующей партіи уже готово страшное нравственное пораженіе, которое теперь не отвратятъ никакіе формальные приговоры никакихъ въ мірѣ судовъ. Анри сознался въ подлогахъ и умеръ таинственнымъ образомъ, Пати дю-

Кламъ скрывается неизвѣстно гдѣ, не будучи даже осужденнымъ, какъ Золя, Эстергази готовится за хорошія деньги снять маски не только съ себя, но и съ другихъ. Оглянитесь назадъ: сколько на столбцахъ газетъ (въ томъ числѣ и нашихъ) расточалось похвалъ этимъ господамъ и ихъ покровителямъ? Теперь все это остается историческимъ свидѣтельствомъ рокового ослѣпленія и полнаго отсутствія того, что называется „чутьемъ правды“.

Откуда же все это, гдѣ его источники? Прислушайтесь къ этимъ крикамъ и, вмѣсто аргументовъ, вы услышите одно: „Дрейфусъ—жидъ“. Въ этомъ все дѣло, отсюда, какъ изъ источника, вытекаетъ все остальное, это слово объединило людей на противоположныхъ концахъ Европы... Не очевидно ли, что ядъ, которымъ такъ густо насыщена теперь атмосфера Франціи, отравляетъ воздухъ и другихъ странъ, мѣшая „чувствовать правду“? И вотъ почему нити отъ нашихъ сердецъ очутились въ рукахъ знаменитаго „писателя“ Эстергази, вотъ почему къ крикамъ французскихъ Деруледовъ, Дрюмоновъ и Рошфоровъ присоединяются такіе сочувственные отклики изъ другихъ странъ: „не нужно раскрывать истину, держите „жида“ на Чортовомъ островѣ“... И вотъ почему, наконецъ, мы еще разъ обязаны благодарностью Франціи за „образцовые препараты“, которые она изготовила въ своей общественно-политической лабораторіи

Это съ одной стороны. А съ другой — эта безпримѣрная борьба кучки частныхъ лицъ противъ отравленной совѣсти всего народа, эта теперь уже несомнѣнная побѣда ничтожной группы надъ нѣсколькими министерствами, надъ парламентомъ, надъ общественнымъ мнѣніемъ цѣлой страны,—не есть ли это еще одинъ препаратъ, который Франція опять приготовила въ назиданіе старой Европѣ на ряду съ другими? И, вмѣсто того, чтобы, подобно фарисею, возводить очи горѣ и благодарить Бога за то, что не сдѣлалъ насъ, „какъ эти французы“, — Европѣ слѣдуетъ подумать: въ подобныхъ же обстоятельствахъ найдутся ли всюду свои Золя, Кестнеры и Пикары? Найдется ли на ряду съ изувѣрской прессой— пресса, которая сумѣетъ воспользоваться свободой такъ, какъ ею воспользовалась часть французской печати?

А пока послушаемъ всетаки, что намъ скажетъ г. Эстергази, знаменитѣйшій изъ негодяевъ „конца вѣка“ (если только ему, дѣйствительно, лучше заплатили за его слова, чѣмъ за молчаніе)... Потому что,—такова уже сила „шаблонной истины“, что ей служатъ въ концѣ-концовъ даже гг. Эстергази...

1898 г.

«О СЛОЖНОСТИ ЖИЗНИ».

(Изъ полемики съ „марксизмомъ“).

Въ петербургской ежедневной прессѣ за послѣднее время происходитъ значительное движеніе, основная тенденція котораго — расширить, такъ сказать, діапазонъ столичной „большой“ прессы, до сихъ поръ представленной слишкомъ недостаточно и односторонне. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ указать, во-первыхъ, преобразованіе „Сына Отечества“, превратившагося изъ сѣраго листка — въ органъ съ совершенно опредѣленной физіономіей. Затѣмъ — выдѣленіе изъ „Новаго Времени“ группы сотрудниковъ въ новую газету „Россія“, — явленіе, нужно сказать, довольно сложное и не поддающееся пока „опредѣленной квалификаціи“. Наконецъ, за самое послѣднее время, намъ приходится отмѣтить появленіе еще новой газеты „Сѣверный Курьеръ“, представляющей, повидимому, самостоятельное явленіе въ этой области.

Первый № „Сѣв. Курьера“ появился въ свѣтъ 1 ноября настоящаго года. „Въ основу своего міросозерцанія газета полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности“. Цѣлью газеты является „добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и безпристрастія“. Она „направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрной выразительницей прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества“. Серьезное вниманіе редакція обѣщаетъ удѣлять интересамъ труда, „безъ различія сферы ихъ примѣненія“, выдвигая ихъ при томъ „надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами“, а также — „установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами, на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости“. Если прибавить къ этому „желательность дальнѣйшаго расширенія сферы

общественной самодѣятельности и самоуправленія“, то передъ нами обрисовываются основныя черты программы, ставящей новую газету въ ряды прогрессивной русской печати.

Изъ редакціонныхъ заявленій и статей перваго нумера укажемъ на статью издателя, кн. Барятинскаго, обѣщающаго, между прочимъ, держаться далеко отъ обычныхъ въ нашей ежедневной прессѣ пріемовъ полемики (обѣщаніе, которому нельзя не пожелать возможно полнаго осуществленія), и затѣмъ неподписанную замѣтку „Усложненіе жизни“,—очевидно тоже profession de foi редакціи. „Усложненіе жизни, — говоритъ авторъ, — чувствуется на каждомъ шагу и является однимъ изъ выраженій перехода страны къ новымъ формамъ хозяйственнаго быта. Усложненіе это — количественное и качественное. Ростутъ пути сообщенія, торговыя сношенія, народное передвиженіе, развиваются городскіе центры, преобразуется сельская жизнь. И, самое главное: въ прогрессѣ этихъ перемѣнъ создается и въ интеллигенціи, и въ народѣ — новый человѣкъ...“ Выводы изъ этого факта просты, хотя еще не достаточно вошли въ сознаніе. „Въ общественной жизни страны огромную роль играютъ формы воздѣйствія на эту жизнь. Мы разумѣемъ подъ словомъ воздѣйствіе всѣ, руководимыя какой-либо сознательной волей, мѣры вліянія на общество и его жизнь. Усложнившаяся жизнь требуетъ усложненныхъ формъ воздѣйствія и, наталкиваясь на упрощенные формы и способы, ежеминутно испытываетъ отъ нихъ боль“... Сама же она „не можетъ ни стушеваться, ни опроститься въ интересахъ опрощеннаго воздѣйствія. Она сильна своею сложностью и не можетъ отъ нея отказаться. Наконецъ, — она-то и есть жизнь, она тотъ „человѣкъ“, ради котораго существуетъ „суббота“ формы. Прямикомъ или обходомъ, безболѣзненно или болѣзненно, но жизнь должна приспособить къ себѣ эти формы“.

„Правда, — продолжаетъ авторъ, — на первый взглядъ можетъ показаться, что сама жизнь упрощаетъ формы воздѣйствія... Прежде скакали курьеры, теперь дѣло идетъ глаже и проще, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, телеграфамъ, телефонамъ и инымъ завоеваніямъ техники...“ и т. д. „Но не слѣдуетъ увлекаться соблазнительными преимуществами техническаго прогресса... Онъ упростилъ многое, но усложнилъ человѣка. У человѣка являются новыя желанія, онъ требуетъ простора и для матеріальнаго, и для духовнаго своего существованія...“ Требованія „нематеріальныхъ сторонъ его жизни не менѣе повелительны“, чѣмъ матеріальныя (выражающіяся въ техническомъ прогрессѣ), „и не идти имъ на встрѣчу значило бы готовить себѣ большія неожиданности...“

Эта статья обратила на себя наибольшее вниманіе газетъ, съ любопытствомъ присматривающихся къ физіономіи новаго собрата. „Новое Время“ тотчасъ же рѣшило, что, умная и тонкая, она что-то какъ будто „не русская“. Князь Мещерскій заявилъ многозначительно, что онъ „понимаетъ“, и при томъ понимаетъ въ какомъ-то особенномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности же, не смотря на нѣкоторую, такъ сказать, академичность изложенія, — статья констатируетъ фактъ несомнѣнный, хотя и не всѣми, дѣйствительно, принимаемый въ соображеніе. „Жизнь усложняется“ — этими словами начинается тоже одна изъ статей Щедрина, а на другомъ полюсѣ литературы кн. Мещерскій года три назадъ очень картинно и, повидимому, довольно справедливо изображалъ нашихъ министровъ настоящими мучениками такого „усложненія“.

Уже крѣпостной русскій человѣкъ и человѣкъ пореформенный — общественныя единицы совершенно различныя и, разъ выйдя изъ прежнихъ формъ, и человѣкъ, и общество не могутъ остановиться. Быть можетъ только, „усложненіе“ формъ воздѣйствія — слишкомъ неточное выраженіе для предстоящаго процесса. Быть можетъ, наоборотъ, прежде всего усложняющаяся русская жизнь требуетъ значительнаго упрощенія „воздѣйствія“ — и щедринскій представитель мѣстнаго „воздѣйствія“, усложняющій свою роль еще личнымъ законодательствомъ („како печи пироги“), значительно упростилъ бы свои многотрудныя обязанности, совершенно отказавшись отъ попытокъ личнаго законодательства, къ большой выгодѣ усложняющейся жизни. Чѣмъ выше личность, тѣмъ „проще“ должно быть воздѣйствіе на нее. Самый процессъ жизни есть постоянное усложненіе, и „разрѣшать“ жить — есть задача гораздо болѣе трудная, а значитъ и много сложнѣе, чѣмъ принимать процессъ жизни лишь къ свѣдѣнію, какъ фактъ неизбѣжный и вполнѣ самъ по себѣ закономѣрный.

Какъ бы то ни было, однако, мы понимаемъ основную мысль автора, и признаніе „человѣка“, съ его не только матеріальными, но и духовными потребностями основой и цѣлью всякихъ стремленій реальной политики и общественности намъ глубоко симпатично. Пусть даже въ сущности „человѣкъ желаетъ, а этими желаніями говоритъ не онъ, а нѣчто *объективное* (курсивъ нашъ) и вполнѣ безспорное,—усложняющаяся жизнь“, но такъ какъ въ сущности лѣса нѣтъ, помимо деревьевъ, а жизни нѣтъ внѣ живущаго,—то всетаки объектомъ всѣхъ „руководимыхъ сознательною волею вліяній на общество и его жизнь“ долженъ служить „человѣкъ“ съ его ростущими матеріальными и нематеріальными запросами,

А это главное и, какъ ни проста эта истина, но ясное и безповоротное ея признаніе можетъ устранить много недоразумѣній и въ томъ числѣ—фетишистское преклоненіе передъ иными „процессами“, которое такъ часто закрываетъ именно „человѣка“, порабощая умъ предвятыми и узкими схемами. Правда, и за всѣмъ тѣмъ,—остается еще очень сложная задача—среди многоголосаго хора усложняющейся жизни—различить, выдѣлить и поддержать именно голосъ „человѣка“, не смѣшивая его, порой очень еще негромкихъ призывовъ съ голосами звѣрей совсѣмъ иной породы.

Съ этой именно точки зрѣнія насъ заинтересовалъ—среди другихъ статей газеты (составляемой, надо сказать, интересно и полно)—фельетонъ г-на В. Зубкова „Въ нѣдрахъ Россіи“. Это первое „обозрѣніе“ новой газеты, и совершенно естественно искать въ немъ тѣхъ общихъ началъ и того основного „штандпункта“, съ котораго она намѣрена разсматривать и освѣщать для насъ пестроту повседневной жизни „въ нѣдрахъ Россіи“. Указавъ на мнѣніе Шелгунова, что „пробуждающійся промышленный геній русскаго народа является новою движущею силою, развитіе которой внесетъ въ жизнь массу новыхъ понятій и отношеній“, авторъ обозрѣнія продолжаетъ: „Оговоримся разъ навсегда: мы отнюдь не ликуемъ по поводу „нашествія“ на Россію капитализма, какъ такового, и отлично сознаемъ ту массу зла, которую несетъ съ собою его развитіе. Но мы твердо убѣждены въ двухъ вещахъ: во 1) въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть въ современномъ обществѣ реальныхъ силъ, которыя могли бы направить шествіе исторіи по иному пути, и 2) что развитіе капитализма заключаетъ въ самомъ себѣ не однѣ только разрушительныя, но и созидательныя силы“.

Нельзя не согласиться *въ общемъ* съ этими положеніями. Развитіе промышленнаго генія—есть несомнѣнное благо. Оно усиливаетъ „человѣка“, его значеніе и силу его мысли среди неосмысленной природы. Оно „усложняетъ человѣка“ и, значитъ, вноситъ также новые моменты въ самую жизнь общества. Такимъ образомъ—необходимость техническаго прогресса не подлежитъ спору. Слѣдуетъ только, при всѣхъ дальнѣйшихъ спекуляціяхъ съ этимъ понятіемъ, твердо помнить, что „промышленный геній“ и капитализмъ понятія далеко не тождественныя. Капитализмъ есть лишь условіе и при томъ далеко не лучшее изъ мыслимыхъ условій, сопровождающихъ эволюцію „промышленнаго генія“ человѣчества. Послѣдняя есть несомнѣнное благо *само въ себѣ*, родившееся еще въ тѣ древнія времена, когда человѣкъ впервые освѣтилъ мракъ и

холодъ ночи открытіемъ огня, и ведущее его въ будущемъ къ безконечнымъ завоеваніямъ небесныхъ пространствъ, а кто знаетъ—можетъ быть и пространствъ междупланетныхъ. Капитализмъ же „самъ въ себѣ“ есть лишь временное условіе, внѣшняя оболочка, историческій костюмъ и при томъ такой, въ которомъ европейская „идеологія“ давно уже вскрыла неудобства и прорѣхи, теперь видныя и простому невооруженному глазу. Развитіе промышленнаго генія—процессъ, въ общемъ, глубоко „человѣчный“; условіе же, о которомъ мы говоримъ,—само въ себѣ, наоборотъ, многими своими сторонами противочеловѣчно...

Намъ „приходится“ или вѣрнѣе пришлось уже принимать вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ благомъ и его оболочку, это ясно. Въ первыя времена послѣ освобожденія крестьянъ, русскій мыслящій человѣкъ останавливался въ раздуміи на распутіи, такъ сказать, разныхъ дорогъ будущаго россійскаго прогресса. И ему казалось, что онъ можетъ получить сущность извѣстнаго блага, самое развитіе „промышленнаго генія“—безъ данной его исторической оболочки. „Капитализмъ“ (далеко не безъ основанія) представлялся ему въ видѣ—не то нѣкотораго загадочнаго международнаго джентльмена, не то своего Тита Титыча,—значительно измѣнившаго физіономію и внѣшность. Въ всякомъ случаѣ это былъ господинъ не первой уже молодости, давно пережившій періодъ своей непосредственности и своихъ юныхъ увлеченій, въ изрядно поношенномъ костюмѣ и съ плутовато бѣгающими глазами. И при томъ „друзья“ русскаго человѣка, его хорошіе европейскіе знакомцы и наставники отзывались о джентльменѣ очень и очень недвусмысленно, совѣтуя держать съ нимъ ухо востро. Совершенно понятно, что русскій мыслящій человѣкъ оглядывался и ломалъ голову. Бѣда въ томъ, что въ багажѣ сомнительнаго джентльмена находилось сокровище, безъ котораго обойтись „человѣку“ трудно: секретъ развитія промышленнаго генія. Совершенно понятны и періодъ раздумья и нѣкоторая оглядка. Хотѣлось взять сокровище и избѣгнуть ближайшаго знакомства съ джентльменомъ столь сомнительной репутаціи.

Это было наивно, но вѣдь извѣстно, что заднимъ числомъ наивности осмѣивать легко. Исторія знаетъ не мало великихъ наивностей, и самый глупый ученикъ коммерческой школы вскроетъ теперь „практическія“ ошибки Фурье и Сенъ-Симона... Дѣйствительность беретъ свое, и давно уже пришлось сказать почтенному незнакомцу: „пожалуйте“. Но все же не нужно забывать, что намъ дорогъ не самъ незнакомецъ, а то, что, по условіямъ исторіи, римскаго права и многимъ дру-

гимъ,—оказалось въ его обладаніи, и если намъ пришлось сказать ему: „пожалуйте“, то вовсе не потому, что намъ онъ дорогъ „самъ въ себѣ“, а лишь потому, что мы не можемъ обойтись безъ его багажа, и потому еще, что наши дореформенные Киты Китычи не лучше, а много похуже, хотя и глупѣе.

Допускаемъ охотно, что, по разнымъ условіямъ данной эпохи, раздумье русскаго мыслящаго человѣка продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продлилось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьи россійскаго прогресса. Поэтому было не безполезно разбудить его и указать на то, что, пока онъ раздумывалъ,—не только сомнительный джентльменъ успѣлъ разложить свой багажъ, но и собственные Киты Китычи запаслись, кромѣ „орудій промышленнаго прогресса“, еще крючками и отмычками самаго новѣйшаго фасона. Прогрессъ развернулся въ „возможныхъ по данному времени“ условіяхъ, и благо, которое онъ несетъ съ собою, значительно превышаетъ сопряженныя съ „условіями“ неудобства. Однако, эти неудобства существуютъ и они громадны...

И вотъ почему особенно важно не только помнить, но и никогда не упускать изъ виду, что сущность „промышленнаго генія“ — одно, а условія процесса — другое. И поэтому, въ видахъ правильной перспективы и сохраненія „человѣчности“, которая до сихъ поръ служила основной нотой лучшей части литературы, — необходимо, чтобы ни одна капля энтузіазма и преклоненія, довлѣющаго „человѣческому благу“, не расточалась на „условія“ и „обстановку“. Между тѣмъ, мы, русскіе люди, очень склонны ко всякимъ преувеличеніямъ и аберраціямъ. И вотъ почему, не довольствуясь констатированіемъ „неизбѣжности“ давно наступившаго факта, нашъ марксизмъ, напримѣръ, во 1-хъ, преувеличиваетъ до крайности его размѣры, а, во 2-хъ, считаетъ себя порой какъ бы призваннымъ прославлять не только сущность процесса, но и его обстановку, и расчищать путь для его шествія. И онъ не можетъ простить русскому мыслящему человѣку шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ его совершенно законнаго раздумья; при этомъ забывается, что, отрицая прекраснаго незнакомца, русскій человѣкъ смотрѣлъ не назадъ, а быть можетъ именно слишкомъ далеко впередъ, что онъ сходился въ этомъ съ идеологіей, выросшей на западной почвѣ, и что, отворачиваясь брезгливо отъ международнаго джентльмена,—онъ ни разу не погрѣшилъ оправданіемъ доморощеннаго „національнаго“ ку-

лака. Теперь мы, какъ будто, не хотимъ знать всего этого и, вмѣсто того, чтобы зорко наблюдать манипуляціи новаго пришельца, мы предпочитаемъ гвоздить все въ одну точку, повторяя по адресу „человѣка“ (да, во истину „человѣка“) 60-хъ и 70-хъ годовъ: онъ ошибался относительно этого прогрессивнаго джентльмена, ошибался, ошибался, ошибался!.. И мы не замѣчаемъ, что въ этой слишкомъ ужъ прочно занятой позиціи и сами, пожалуй, рискуемъ обратиться въ соляной столбъ на распутьи россійскаго прогресса...

О „человѣкѣ“ при этомъ тоже очень часто забываютъ, и когда онъ „ежится отъ боли“, когда условія промышленной эволюціи напираютъ на него самыми острыми и жесткими своими гранями,—мы считаемъ порой своимъ призваніемъ не защиту „человѣка“, а одобреніе манипуляцій нашего новаго знакомца. Кустарь бьется гдѣ-то изъ-за своей собственной жизни... мужикъ желаетъ сохранить свой надѣлъ и послѣднюю лошадь,—но мы давно уже объявили ихъ процессъ проиграннымъ въ послѣдней инстанціи... Суббота „роковыхъ законовъ“, фетишизмъ схематическихъ процессовъ, своеобразная телеологія „конечныхъ цѣлей“—закрываютъ нерѣдко многообразіе и живое волненіе жизни съ ея „требованіями“, изъ которыхъ, однако, въ окончательномъ счетѣ и слагается равнодѣйствующая самыхъ „законовъ“. Это настроеніе тѣмъ и характерно для насъ, что оно сильно запоздало и въ значительной степени несвоевременно. Капитализмъ пришелъ,—значитъ звать его уже поздно. Онъ уже дѣйствуетъ, а во многихъ мѣстахъ даже властвуетъ, — значитъ незачѣмъ его „защищать“. Повѣрьте, скоро онъ найдетъ себѣ и давно уже находитъ такихъ „защитниковъ“ въ литературѣ, отъ которыхъ некуда будетъ дѣваться. Вотъ почему гораздо важнѣе и теперь уже перенести центръ тяжести общественнаго вниманія отъ старыхъ „ошибокъ семидесятыхъ годовъ“, якобы тяжко погрѣшавшихъ „недовѣріемъ къ капитализму“,—на тѣ общія у всѣхъ десятилѣтій требованія защиты „человѣка“ (въ томъ числѣ и отъ новаго пришельца), которыя представляютъ именно насущную потребность настоящаго періода. А въ этомъ настроеніи мы встрѣчаемся какъ разъ съ тѣми, чьи „ошибки“ такъ настойчиво и порой (passez moi le mot) злорадно распинаемъ. И тогда придется признать, что въ прошломъ были не однѣ ошибки...

Есть полное основаніе думать, что новая газета это хорошо понимаетъ. Тѣмъ необходимѣе устранить нѣкоторыя „недоразумѣнія“. Я не стану особенно подробно останавливаться на той части статьи г-на Зубкова, гдѣ онъ говоритъ о „нѣ-

драхъ земли“ (въ буквальномъ смыслѣ слова) и о спорѣ по этому предмету между екатеринославскими помѣщиками (стоящими за „неотчуждаемость“ нѣдръ) и горнопромышленниками, которые, понятно, стоятъ въ данномъ вопросѣ на противоположной точкѣ зрѣнія. „Мы видимъ въ этомъ инцидентѣ, — говоритъ г. Зубковъ,—наличность групповой борьбы, которая и кончится, какъ всегда кончаются подобные конфликты“.

Мы тоже, разумѣется, не можемъ не видѣть здѣсь наличности групповой борьбы, какъ всюду, гдѣ идетъ споръ о непосредственныхъ интересахъ. Въ этомъ опять не можетъ быть спора. Мы только не знаемъ,—„какъ же всегда кончаются подобные конфликты“, потому что они кончаются чрезвычайно разнообразно. И даже въ Западной Европѣ, гдѣ механизмъ, учитывающій итоги „групповыхъ интересовъ“, спеціально къ этому приспособленъ и дѣйствуетъ у всѣхъ на виду, точно подъ стеклянным колпакомъ, исходъ той или другой кампаніи предсказать далеко не такъ легко, какъ рѣшить шахматную задачу съ двумя фигурами или простое тройное правило.

И это потому, что и тамъ недостаточно для рѣшенія распредѣлить „интересы“ по группамъ. Нужно еще принять въ соображеніе „сознанность“ даннаго интереса. А когда это данное есть,—нужно посмотрѣть, имѣетъ ли сознанный интересъ свое представительство и въ какихъ отношеніяхъ онъ находится съ сознанными интересами всего общества, интересами часто гораздо высшаго порядка... и т. д., и т. д. Поэтому, мы сильно сомнѣваемся въ пригодности этого масштаба для тѣхъ или иныхъ предсказаній на нашей почвѣ, хотя, конечно, были бы рады, если бы оказалось, что это не такъ и что въ пріемѣ простого подсчета участвующихъ въ игрѣ „интересовъ“ мы, обозрѣватели русской жизни, и теперь уже имѣемъ могучее орудіе для тѣхъ или иныхъ конкретныхъ предсказаній. Но тогда, кажется намъ,—авторъ статьи объ „усложненіи жизни“ безпокоился совершенно напрасно: если и теперь такъ легко сказать, чѣмъ *всегда* кончаются подобные конфликты,—то очевидно, что „усложненіе жизни“ получаетъ свое выраженіе даже до ничтожныхъ нюансовъ...

Впрочемъ, это вопросъ „не направленія, а только пріема“. Но именно иные „пріемы“ и подаютъ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя намъ хотѣлось бы разсѣять. „Крестьянинъ Гончаровъ,—пишетъ, напримѣръ, г. Зубковъ далѣе,—пожаловался волостному правленію (какому?), что его жена слишкомъ холодно отвѣчаетъ на его ласки“. За такое „преступленіе“ Гончарова, по приговору стариковъ (а не волостного

суда?), наказана 30 ударами розогъ. Въ другомъ мѣстѣ членъ клуба (самарскаго) Путиловъ избилъ лакея. И лакей — замѣтьте,—бывшій крѣпостной Путилова, носившій его на рукахъ,—простилъ своего бывшаго барина, сказавъ публично, что онъ его „презираетъ“. Въ первомъ случаѣ—фактъ, разумѣется, печальный, доказывающій грубость нравовъ, во второмъ—до извѣстной степени отрадный, знаменующій чувство собственнаго достоинства даже въ лакеѣ. Во всякомъ случаѣ, оба факта элементарные, не подлежащіе различной оцѣнкѣ. Непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ столбцы газетъ и журналовъ были ими переполнены, и еще Добролюбовъ осмѣивалъ превыспреннія общія разсужденія, которыми ихъ порой снабжали авторы. Теперь давно уже наша печать довольствуется въ такихъ случаяхъ точнымъ обозначеніемъ фамиліи и мѣста дѣйствія, потому что назвать дѣяніе, вродѣ Путиловскаго, и посрамить его—значитъ одно и то же... Есть даже комедія г. Крылова „Къ мировому“, насчитывающая болѣе четверти вѣка, гдѣ, помнится, вся соль заключается въ необходимости „благородному человѣку“ стать на одну доску съ хамомъ или хамкой, въ которыхъ именно проснулось сознаніе личнаго достоинства и права. Считать эти факты „новыми явленіями“ — значитъ запоздать на цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, а приписывать ихъ одному „промышленному генію“—значитъ быть неблагодарнымъ и къ освобожденію того же лакея отъ рабства, и къ новымъ судамъ, и ко многому еще другому. Но г. Зубковъ, вслѣдствіе страннаго угла зрѣнія, подъ которымъ онъ „обозрѣваетъ“ факты повседневной жизни,— впадаетъ въ еще большую ошибку. Справедливо указавъ, что рѣшеніе волостного суда (или „старичковъ?“) и поступокъ Путилова—пережитки „патріархальныхъ нравовъ „Домостроя“, онъ тотчасъ же подмѣняетъ эти широкія понятія, уходящія въ глубь татарскаго ига и рабства,—понятіями болѣе узкими: „общинное“ и „обычное право“. Промышленный геній, по его словамъ, расшатываетъ, а мѣстами совсѣмъ расшаталъ такой укладъ народной жизни... Конечно, подобное вліяніе „генія“ наша печать (sic) *квалифицируетъ самымъ различнымъ образомъ*. Нѣкоторые, напримѣръ, *видятъ въ фактѣ разрушенія геніемъ общины* и другихъ пережитковъ старины *самое грозное явленіе для будущаго*. И мы вполнѣ понимаемъ эти опасенія, ибо для *желательнаго нашимъ охранителямъ* будущаго это дѣйствительно грозное явленіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, *не бояться его, какъ не трепетать*, если подъ вліяніемъ „генія“ въ „низшихъ слояхъ“ пробуждается чувство собственнаго достоинства, т.-е. именно то чувство, о которое должны раз-

биваться всѣ *крѣпостническіе планы нашихъ ретроградовъ* *).

Намъ очень хотѣлось бы думать, что весь этотъ странный эпизодъ есть лишь результатъ неясности стиля и предвзятости нѣкоторыхъ шаблонныхъ пріемовъ. Но намъ кажется, что эти неясности и недоразумѣнія заходятъ уже слишкомъ далеко. Когда это „ретроградная“ пресса такъ ужъ ревностно стояла за общину или за обычное право? А если считать защитниковъ „общины“ союзниками гг. Путиловыхъ, то вѣдь это г. Зубковъ однимъ почеркомъ пера зачисляетъ въ разрядъ крѣпостниковъ всю передовую литературу трехъ десятилѣтій. Это выходитъ, что, напримѣръ, извѣстный защитникъ общины Чернышевскій „желательное будущее“ тоже видѣлъ въ крѣпостничествѣ, и всѣ его многочисленные послѣдователи по этому вопросу должны *трепетать* при видѣ всякаго проявленія человѣческаго достоинства въ „низшихъ слояхъ“?..

Я увѣренъ, что оспаривать этотъ изумительный выводъ нѣтъ никакой надобности даже передъ самимъ г. Зубковымъ! Все это выходитъ, очевидно, отъ невѣрности его пріемовъ, отъ ослѣпленія „геніемъ“ и отъ забвенія сложности жизни. Если въ русской жизни одинъ только „промышленный геній“ въ узкомъ смыслѣ произвелъ всѣ освобожденія и весь прогрессъ, то, конечно, всѣ противники описаннаго выше джентльмена будутъ „ретрограды“. Но въ томъ-то и дѣло, что жизнь сложна и ея усложненіе не позволяетъ красить все одной краской. Если бы я имѣлъ въ виду оспаривать мнѣніе г. Зубкова по существу и его же пріемами, то—вотъ, къ моимъ услугамъ первый попавшійся фактъ изъ тѣхъ же „нѣдръ Россіи“, надъ которыми оперируетъ и г. Зубковъ. Изъ Висимо-Шайтанскаго *завода* пишутъ въ „Пермскія Губ. Вѣдомости“, что тамъ „въ началѣ іюля къ волостному старшинѣ явилась съ жалобой на сына вдова и просила дать ему розги за то, что онъ не хочетъ разойтись съ своею законною женою и перейти жить къ матери“. Старшина въ присутствіи сторожа, сотскаго и квартиранта Соколовой—долго уговаривалъ Соколова оставить жену. „Когда же тотъ наотрѣзъ отказался, то старшина, съ помощью вышеназванныхъ лицъ, разложилъ Соколова, сѣлъ ему на шею, заворотилъ руки назадъ и приказалъ сотскому и сторожу бить его розгами... Послѣ этого Соколовъ около 3-хъ недѣль пролежалъ въ больницѣ“ **).

Вотъ, видите, какъ это все вышло просто и какъ это похоже

---

*) Курсивы вездѣ наши.

**) Заимствуемъ изъ „Сам. Газеты“, № 233.

на случай съ Гончаровой. А вѣдь въ Шайтанскомъ заводѣ, пожалуй, еще со временъ Петра, дымятъ трубы и вертятся маховыя колеса. Очевидно, одной наличности „развитія промышленности“ недостаточно для устраненія „пережитковъ Домостроя“.

Мы могли бы изъ приволжскихъ газетъ привести десятки корреспонденцій, рисующихъ отдѣльныя проявленія необыкновенной грубости нравовъ фабричнаго и заводскаго населенія. Этого мало: извѣстно, что въ настоящее время въ глубь сибирскихъ лѣсовъ прорѣзается линія дороги, и свистъ пара оглашаетъ даже пустынную Манчжурію. И вотъ, совсѣмъ уже на дняхъ, газеты заимствовали изъ „Владивостока“ извѣстіе о томъ, что на Никольской вѣтви подрядчики наняли нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ Китая, которыхъ продовольствовать взялся самъ строитель. Техникъ Ліапинъ въ своемъ докладѣ нарисовалъ ужасающую картину положенія рабочихъ, превосходящую любыя проявленія настоящаго рабства. И вдобавокъ, когда главный инженеръ Юговичъ узналъ о докладѣ г. Ліапина, то послѣдній былъ *выдворенъ* изъ предѣловъ китайско-восточной жел. дороги. Положимъ, и въ этомъ случаѣ, какъ въ случаяхъ Гончаровой и Соколова, дѣло *вѣроятно* кончится вмѣшательствомъ власти,—но всетаки фактъ остается фактомъ: подъ свистъ локомотива пріѣхало на Никольскую линію нѣчто вродѣ рабства и подъ ручку съ нимъ—самый дикій произволъ, вплоть до высылки (!) по распоряженію г-на инженера! А вѣдь изъ подобныхъ фактовъ за самое послѣднее время можно бы составить цѣлый акаѳистъ. И послѣ каждой строфы,—если бы я хотѣлъ спорить съ г. Зубковымъ по существу,—я могъ бы прибавить припѣвъ: „Такъ вотъ ваше желательное будущее! Промышленное рабство и безграничный произволъ! А! Мы понимаемъ, почему вы трепещете при всякомъ нападеніи на капитализмъ“... И т. д., и т. д.

Но я, разумѣется, не сдѣлаю этого, во 1-хъ, потому, что считаю подобные „массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій“ (выраженіе Н. Ѳ. Анненскаго) совершенно безплодными, а, во-вторыхъ, еще потому, что отдѣляю понятіе о „промышленномъ геніи“ отъ того джентльмена, который его сопровождаетъ. Я думаю тоже, что à la longue, въ большихъ цифрахъ и на большомъ масштабѣ можно доказать, что и желѣзная дорога, и фабрика, и вообще городскіе и промышленные элементы жизни вносятъ, на ряду съ отрицательными явленіями торгашества, дурной болѣзни, рабочей казармы, фабричнаго кабака—такія ноты, которыя въ общемъ жизненномъ хорѣ необходимы. Но я не считаю ихъ единственными и не смѣшиваю промышленнаго генія съ его очень еще дрянной россійской оболочкой.

„Геній“—одно, г. Юговичъ—другое. И главное—я не упускаю изъ виду необыкновенной сложности жизни и не вѣрю въ соціальную алхимію. „Единый двигатель“ сложной жизни, состоящей изъ сложныхъ элементовъ—кажется мнѣ своего рода философскимъ камнемъ, а „единый капитализмъ“, какъ двигатель современнаго прогресса, я считаю философскимъ камнемъ даже вовсе мизернымъ. А между тѣмъ приписывать *всѣ* пріобрѣтенія русской жизни исключительно вторженію капитализма не значитъ ли vice-versa считать послѣдній панацеей... Тогда, подобно извѣстному мольеровскому врачу, съ его purgare et clistirisare—намъ придется отъ всѣхъ бѣдствій современности прописывать одно лѣкарство: порцію капитализма и еще порцію капитализма.

Лѣченіе, несомнѣнно, очень простое, а вѣдь жизнь, — въ этомъ мы согласны всѣ,—необыкновенно сложна! И эта сложность такова, что, во имя „человѣка“ и „человѣчности“, во имя даже самаго прогресса, намъ приходится то и дѣло вооружаться всѣмъ, что даетъ намъ печатное слово, чтобы защитить тотъ или другой уголъ жизни отъ излишнихъ притязаній капитала. Прочитайте печатающійся у насъ романъ г. Погорѣлова, и передъ вами встанетъ яркая, выхваченная прямо изъ жизни картина порабощенія „человѣка“ промышленными владыками Урала. Мы видѣли уже, что сибирскій гл. инженеръ г. Юговичъ присвоилъ себѣ право административной высылки по своей линіи. Г. Погорѣловъ рисуетъ систему „заводской тайной полиціи“ и атмосферу „заводской неблагонадежности“ на уральскихъ заводахъ...

Мы очень рады, что эти явленія не ускользнули и отъ вниманія новой газеты. Много терпятъ,—пишетъ корреспондентъ „Сѣв. Курьера“ (№ 3) изъ Полевскаго зав., Пермской губ.,—жители нашей мѣстности изъ-за своей темноты. Невѣжество господствуетъ во всей силѣ... Народъ ничего не читаетъ и какъ-то ничѣмъ не интересуется. Да, правду сказать, за всякой искрой свѣта, за всякимъ стремленіемъ немного выступить изъ обычной колеи *заводоуправленіе зорко слѣдитъ*. Прослышавъ, напр., что такой-то рабочій читаетъ „въ книжку“, не пьетъ, а вмѣсто обычнаго отдыха... *начинаетъ разсуждать со своими* товарищами хотя бы о своихъ общественныхъ дѣлишкахъ, какъ за нимъ уже начинаютъ „доглядывать“, а при малѣйшемъ предлогѣ „отказываютъ отъ работы“. Корреспондентъ прибавляетъ, что явленія, имъ нарисованныя, *типичны* для многихъ уральскихъ заводовъ, а г. Погорѣловъ сводитъ ихъ въ живую и яркую бытовую картину.

Въ томъ же романѣ, а частью въ статьяхъ г. Сигова (въ

нашемъ журналѣ) рисуется подкладка этого явленія. Къ заводамъ были приписаны въ свое время крестьяне, которыхъ петровское правительство указывало „къ тѣмъ заводскимъ работамъ всячески принудить“. Время шло, заводы развивались, но жизнь, заправская, настоящая, а не схематическая, показала, что заводское дѣло можетъ занять не болѣе 1/3 наличнаго населенія. Остальныя 2/3 ищутъ средствъ въ земледѣліи и кустарномъ промыслѣ. Теперь заводы оспариваютъ законъ 1893 года (которымъ за заводскимъ населеніемъ признано право на землю), а кустарныя кузницы преслѣдуются всякими способами. И вотъ жизнь, сильно „усложнившаяся“ на Уралѣ со времени Петра, требуетъ земли и освобожденія кустарнаго труда, а общая схема гласитъ, что *шествіе исторіи* направляется къ обезземеленію массы и исчезновенію „мелкобуржуазнаго“ кустарничества. Схема чрезвычайно удобная для заводоуправленія: давать работу, какъ благодѣяніе, одной трети населенія и держать ее въ рабствѣ подъ страхомъ отказа, а въ остальныхъ двухъ третяхъ имѣть постоянно рабочій резервъ, по возможности „свободный“ отъ всякихъ средствъ существованія,— это, конечно, то самое, чего только можетъ пожелать любой „капитализмъ“. Но ни развитіе „промышленнаго генія“ страны, ни требованія человѣка нимало съ этими желаніями не совпадаютъ.

Вообще человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матеріаломъ для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отмѣчаются тѣ или другіе періоды, а и самъ по себѣ. Дорогъ „человѣкъ“, дорога его свобода, его возможное на землѣ счастіе, развитіе, усложненіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей... Поэтому, несомнѣнно, важны не одни конечные результаты, а и то, *какъ* они достигаются. Я увѣренъ, что, разъ поставивъ передъ собой вопросъ объ уральскихъ заводахъ такъ, какъ его уже поставила сама жизнь, всѣ мы рѣшимъ его одинаково: пусть *современемъ* земледѣлію суждено на Уралѣ уступить передъ горно-промышленностью. Но мы не хотимъ заранѣе готовить для этого „завершенія процесса“— живой матеріалъ изъ цѣлыхъ поколѣній. Кромѣ того, самая свобода „человѣка“ требуетъ, чтобы въ данное время вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу кустаря и земледѣльца — противъ представителей капитализма. Иначе—мы предоставимъ цѣлыя поколѣнія развращающему вліянію зависимости отъ заводоуправленія, подавляющаго самое стремленіе уральскаго „человѣка“ къ книжкѣ и знанію, къ обсужденію своихъ общественныхъ дѣлъ... Не очевидно ли, что въ данномъ случаѣ требованіе не только „филантропіи“, но и самаго прогресса

идутъ совершенно въ разрѣзъ съ требованіями уральскихъ представителей „промышленнаго генія“.

То же нужно сказать и по одному изъ существенныхъ вопросовъ народной жизни — по вопросу объ общинѣ и ея будущемъ. Вопросъ этотъ теперь—есть вопросъ факта и изслѣдованія. Предшествующія десятилѣтія, съ точки зрѣнія совершенно понятной, находили въ общинѣ черты искомаго будущаго. Послѣднее время преимущественно вскрываетъ въ ней черты пережитаго, подлежащаго сдачѣ въ архивъ. Одно время смотрѣло на общину, такъ сказать, въ идеѣ, другое разсматриваетъ конкретный фактъ со всѣми его историческими наростами. Теперь вопросъ: въ томъ „новомъ“, что несетъ съ собой все „усложняющаяся жизнь“, уцѣлѣютъ ли существенныя черты общины или она потонетъ? Вынесетъ ли ее потокъ не вполнѣ еще разложенной и способной принять участіе въ дальнѣйшемъ развитіи, — или балластъ историческихъ пережитковъ потянетъ ее, перегруженную и ветхую ладью, ко дну гораздо раньше?..

Для меня, пишущаго эти строки, это вопросъ еще нерѣшенный, и не могу сказать, чтобы новѣйшія времена внесли для его рѣшенія какія-нибудь существенныя изслѣдованія или строгую аргументацію. Прежнее настроеніе заставляло отчасти идеализировать общину, противополагая ее грядущему капитализму. Но оно, всетаки, дало богатый и всесторонній матеріалъ по ея изученію. Новое—ослѣпляется иногда прогрессивнымъ характеромъ капитализма и обращаетъ апріорныя антипатіи противъ общины... Я лично полагаю, что это всетаки вопросъ нерѣшенный... Община важна для меня не сама по себѣ, а какъ форма обезпеченія „человѣка“. Но человѣкъ мнѣ важенъ не только, какъ конечный результатъ процесса, а и самъ по себѣ, т.-е. въ общинѣ, во время перехода изъ нея и послѣ. Я помню еще сравнительно недавнія времена, когда пламенная борьба съ пресловутой 165 статьей (разрѣшающей выкупъ и отчужденіе крестьянскихъ участковъ) вызывала бурныя рукоплесканія въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ. Теперь нерѣдки рукоплесканія противоположному мнѣнію. Между тѣмъ, это именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые должны рѣшиться не статьями, не воспрещеніями и уничтоженіями, а по возможности освобожденнымъ отъ регламентаціи процессомъ самой жизни. Я не понимаю, напримѣръ, почему тамбовская администрація воспретила одному крестьянскому обществу переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному, какъ не понялъ бы и противоположнаго воспрещенія. Человѣкъ, нынѣ живущій въ общинѣ, имѣетъ въ этомъ вопросѣ преимуще-

ственное право голоса, и въ этомъ правѣ самоопредѣленія я вижу то существенно-человѣческое, что подлежитъ защитѣ со стороны печати, независимо отъ того или другого отвѣта спеціалистовъ относительно будущаго самой общины, какъ института.

Установленіе этой точки зрѣнія, какъ безспорной, не смотря на кажущуюся ея элементарность, можетъ опять таки способствовать устраненію многихъ недоразумѣній. Въ корреспонденціи изъ Казани (въ первомъ № „Сѣв. Курьера") приводится постановленіе казанскаго уѣзднаго земства — ходатайствовать о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ. Докладъ въ этомъ смыслѣ кн. Ухтомскаго былъ при этомъ разсмотрѣнъ предварительно гласными отъ крестьянъ, и эти гласные мужички предложили отмѣнить общинное владѣніе, но „чтобы при этомъ земли продавались только тѣмъ, *кто принадлежитъ къ данному сельскому обществу*, и ограничить покупку 50 десятинами земли". Новая газета, повидимому, склонна привѣтствовать это постановленіе, но намъ кажется, что тутъ есть тоже доля недоразумѣнія. Это не устраняется и тѣмъ, что это—постановленіе земства, принятое при дѣятельномъ участіи самихъ крестьянъ. Вотъ, напр., одно земство приняло было постановленіе почти равносильное ходатайству объ уничтоженіи самого земства, а „земскіе мужички" далеко не представители общихъ или даже преимущественныхъ интересовъ деревни. И когда я узнаю, что они считаютъ нужнымъ „не допущать" до покупки земли никого изъ стороннихъ, то, признаюсь, начинаю сильно сомнѣваться въ доброкачественности казанскаго рѣшенія. Ибо это очень похоже на стремленіе слопать „человѣка" своей округи безъ конкуррентовъ, и здѣсь явно привходитъ старая мымрецовская закваска („не допущать"!). А ужъ это несомнѣнно голосъ старой, а не новой русской исторіи...

Чувствую, что моя замѣтка разрослась свыше мѣры. А между тѣмъ, пришлось бы сказать еще много, — опять таки не для спора, а для разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній,— по поводу, напримѣръ, задорнаго утвержденія г-на П. М. о томъ, что у такъ называемой передовой русской печати нѣтъ экономической программы. О „программахъ" и „принципахъ" мы, можетъ быть, поговоримъ еще въ другой разъ. А пока скажемъ только, что эти два понятія нужно различать очень строго. Упрекъ въ отсутствіи „положительныхъ" программъ есть упрекъ очень старый, который „передовая русская печать" слышитъ тоже давно. Это обстоятельство имѣетъ мѣсто всегда, когда „основные принципы", отстаиваемые тою или

другою частію общества, слишкомъ еще удалены отъ тѣхъ теченій, которыя поставляютъ „дѣйственныя“ программы.

Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ берлинскій редакторъ (кажется, г. Дорнбургъ) объѣхалъ Россію и потомъ напечаталъ свои разговоры съ нашими выдающимися административными дѣятелями. Одинъ изъ видныхъ провинціальныхъ администраторовъ началъ свою бесѣду съ нѣмецкимъ публицистомъ съ фразы: „Si j'etais le gouvernement... это глупая фраза, но я всетаки употреблю ее. Итакъ, — si j'etais le gouvernement, моя программа была бы проста“... И администраторъ изложилъ „программу“ дѣйствительно очень простую: закрыть границы отъ всего иностраннаго. Ни ввоза, ни вывоза... Россія, довлѣющая себѣ и обходящаяся собственными средствами...

Къ счастію или несчастію,—эта программа не подверглась испытанію дѣйствительности. Но если бы таковое наступило,— мы скоро увидѣли бы, что это совсѣмъ не программа, а лишь заявленіе принципа. Чтобы стать „программой“, ей пришлось бы сильно обкарнаться, потерять свою цѣлостность, пріодѣться въ мундиръ данной минуты. Это судьба всякой системы взглядовъ, когда она стремится стать опредѣленной „программой“ въ узкомъ смыслѣ. Мы можемъ понять побужденія Мильерана, когда, принимая программу Вальдека-Руссо, онъ сѣлъ на министерской скамьѣ рядомъ съ Галлифе, старымъ своимъ противникомъ. Несомнѣнно также, что онъ сильно сократилъ практическія требованія данной минуты, сравнительно со всѣмъ объемомъ своихъ убѣжденій. Онъ зналъ, для чего это дѣлалъ, и имѣлъ въ виду — ввести въ жизнь, какъ фактъ, хоть часть своихъ desiderata... Русской передовой печати пока еще, какъ извѣстно, не представлялось такихъ искушеній, и вотъ почему она не очень торопилась одѣвать свои принципы въ мундиры программъ.

Можетъ быть, дѣйствительно, консервативная пресса легче удовлетворяетъ требованію г-на П. М. Въ первоначальномъ своемъ видѣ эти „программы“ принимали формы болѣе или менѣе широкихъ „проектовъ“, почтительно подаваемыхъ въ тѣ или другія руки и одновременно поддерживаемыхъ въ печати. Потомъ проекты стали появляться и какъ самостоятельныя литературныя произведенія. И совершенно понятно, почему это явленіе появилось прежде и продолжаетъ теперь являться чаще всего на правомъ флангѣ русской печати. Это именно потому, что „принципы“ этого лагеря частію дѣйствительно ближе къ бюрократической дѣйствительности, частію же обладаютъ достаточной гибкостью. Передовая же часть русской печати вынуждена довольствоваться „руководящими

началами“, съ точки зрѣнія которыхъ относится къ дѣйствующимъ „программамъ“ съ критическимъ эклектизмомъ, „отрицая“, въ предѣлахъ возможности, однѣ ихъ стороны и поддерживая другія. Въ этомъ отношеніи ей нельзя, по нашему мнѣнію, сдѣлать серьезнаго упрека. А если г-нъ П. М. дѣлаетъ, то это всетаки недоразумѣніе, истекающее изъ недостаточнаго знакомства съ исторіей предмета. Такъ, напримѣръ, г-нъ П. М. полагаетъ, что когда то крестьянскій банкъ считался „панацеей“. Этого никогда не было, и русская передовая печать, стоявшая за общину, съ самаго же начала указывала на ограниченное и одностороннее вліяніе этого фактора. И при этомъ она была настолько чужда узкаго доктринерства, что всетаки признавала полезность этого учрежденія, не взирая на то, что „киты“ (по выраженію г-на П. М.), какъ напримѣръ община — ничего въ сущности не выигрывали отъ его дѣятельности. И я смѣю даже думать, что и теперь, даже та самая газета, гдѣ г-нъ П. М. печатаетъ свои задорныя обвиненія по адресу „передовой печати“, не скажетъ ничего другого: не панацея, конечно, но нужно, чтобы крестьянскій банкъ дѣйствовалъ, даже просто въ интересахъ „все усложняющейся жизни“.

Этотъ вопросъ, во всемъ объемѣ, завелъ бы насъ, однако, слишкомъ далеко, и я предпочитаю закончить эти краткія замѣтки еще одной ссылкой. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты указываетъ на то, что еврейскій вопросъ при настоящемъ положеніи вещей „неразрѣшимъ“. „Нельзя, говоритъ онъ, разсчитывать на скорое уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ русской земли: слишкомъ ужъ много могущественныхъ матеріальныхъ интересовъ нарушила бы эта реформа“... „Намъ кажется, продолжаетъ онъ, что... выступленіе на историческую сцену новыхъ классовъ, только теперь создающихъ свое міровоззрѣніе,—можетъ, въ концѣ концовъ, привести къ полному сліянію прежнихъ враговъ въ одно цѣлое“.

Можно было бы сказать, при извѣстной строгости, что съ точки зрѣнія г-на П. М., у газеты нѣтъ „опредѣленной программы“ по еврейскому вопросу, потому что программа, опирающаяся на силу, которой еще нѣтъ и которая только теперь вырабатываетъ свое міровоззрѣніе—не есть программа. И даже отъ самыхъ этихъ строкъ вѣетъ какимъ-то холодомъ схематизма. Но въ тѣхъ же статьяхъ, не дожидаясь окончательной выработки новыхъ міровоззрѣній и появленія на сцену новыхъ силъ,—авторъ защищаетъ „человѣка“ старыми, но никогда не теряющими силу аргументами. Это значитъ, что руководящія начала газеты въ этомъ вопросѣ совершенно

тѣ же, какъ и въ остальной передовой прессѣ... И это уже не мертво и не схематично, а живо и сильно. Потому опять таки, что важны не „окончательные итоги“, а процессъ жизни. Новое выступаетъ не какъ актеръ, по режиссерской палочкѣ. Оно тихо просачивается въ жизнь и въ сознаніе, какъ весенняя влага изъ оттаивающей почвы. Новое рождается постоянно и ежеминутно, и элементы новаго міровоззрѣнія пробиваются всюду на живой почвѣ, которая остается одна на протяженіи всей сознательной исторіи человѣчества.

И это одно — „человѣчность“, постоянный ростъ человѣческой личности, съ ея усложняющимися потребностями, матеріальными и нематеріальными. Это то самое, что такъ сильно изображено еще въ статьяхъ Н. К. Михайловскаго— „борьба за индивидуальность“ и что, я увѣренъ, останется всегда *общей* задачей передовой русской печати. Мы увѣрены, что на этой почвѣ всѣ мы союзники. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы статью „Сѣв. Курьера“ въ № 10. Да, несомнѣнно, что въ нашей жизни есть еще очень много такихъ „благъ“, которыя нужны не одному какому-нибудь классу или сословію, а русскому „человѣку“ вообще, безъ различія сословій и состояній. Мудрено было бы вносить „классовую“ аргументацію въ вопросъ... ну хоть о народномъ образованіи... А вѣдь есть и другіе вопросы того же рода, которые можно, пожалуй, охватить терминомъ „раскрѣпощеніе русской жизни“, развитіе идеи самоуправленія, и которые еще болѣе важно провести и укрѣпить въ сознаніи русскаго „человѣка“ вообще... „Этого,—говоримъ словами газеты,—требуетъ высшій культурный интересъ всего народа, въ которомъ солидарно суммируются и интересы всѣхъ отдѣльныхъ классовъ“.

Литература при этомъ является одной изъ важныхъ дѣйствующихъ силъ. Пусть эта сила еще очень небольшая,—но вся она въ служеніи „человѣку“, ищущему своего мѣста среди усложняющейся жизни.

1899 г.

Г. Скабичевскій и „освобожденіе отъ журналовъ“.

Извѣстный критикъ г. Скабичевскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отзывъ о сборникахъ „Знанія“, въ которомъ, восторженно отзываясь о всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, считаетъ возможнымъ бросить косвенный, но тяжелый укоръ „толстымъ журналамъ“. „Прежде всего,—говоритъ почтенный критикъ,—подкупаетъ насъ достойная всякаго уваженія идея, лежащая въ основѣ изданія и заключающаяся въ томъ, чтобы *освободить беллетристовъ отъ тяготѣющаго надъ ними посредничества толстыхъ журналовъ*, стоящихъ между ними и читателями, и дать имъ возможность стать на свои ноги, завися *не отъ личныхъ усмотрѣній издателей и редакторовъ*, порой совершенно случайныхъ и произвольныхъ, а *исключительно* (sic) отъ вкуса и симпатій читающей публики“ *).

Въ этой цитатѣ курсивы принадлежатъ намъ. Ими мы позволяемъ себѣ отмѣтить тѣ части статьи г. Скабичевскаго, которыя способны возбудить значительное недоумѣніе. Г. Скабичевскій — человѣкъ, много поработавшій на литературномъ (въ томъ числѣ и „толстожурнальномъ“) поприщѣ. Какъ историкъ литературы, онъ знаетъ, кромѣ того, цѣну разнымъ ея факторамъ. Наконецъ, по разнымъ причинамъ въ послѣдніе годы онъ является для толстыхъ журналовъ человѣкомъ, такъ сказать, стороннимъ, что, конечно, ставитъ его въ положеніе лица безпристрастнаго и незаинтересованнаго. Мое положеніе менѣе выгодно: я — скромный журналистъ и, кромѣ того, участникъ того самаго дѣла, на которое г. Скабичевскій

---

*) „Русскія Вѣд.“, 31 августа 1904 г., № 242.

столь неожиданно обрушилъ свое обвиненіе (шутка сказать: чуть не поработители россійской беллетристики!). Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ проанализировать ходъ мысли почтеннаго критика и разсмотрѣть поближе это обвиненіе, предоставляя читателямъ сдѣлать то или другое заключеніе.

Итакъ, „достойная всякаго уваженія идея“, лежащая въ основѣ сборниковъ „Знанія“, состоитъ въ томъ, чтобы „освободить беллетристовъ отъ посредничества толстыхъ журналовъ“. „Освобожденіе“ — очень хорошее слово, но всетаки въ данномъ случаѣ невольно является вопросъ: кого предстоитъ освободить, отъ чего и въ какой мѣрѣ? Кого? Г. Скабичевскій говоритъ просто: „освободить беллетристовъ“. Итакъ, почтительно обращаясь съ текстомъ и принимая во вниманіе проникающій его восторженный тонъ, мы прежде всего должны принять эти слова въ ихъ полномъ значеніи: допустимъ, значитъ, что рѣчь идетъ объ освобожденіи (или хоть попыткѣ освобожденія) *всѣхъ* беллетристовъ. А такъ какъ дальше г. Скабичевскій говоритъ объ *исключительной* зависимости „отъ вкуса и симпатій публики“, то, очевидно, мы должны принять мысль почтеннаго писателя еще полнѣе: освобожденіе беллетристовъ отъ *всякаго посредничества* между ними и публикой.

Прекрасно! Разумѣется, столь обширная задача едва ли исполнима для одного „Знанія“, и, вѣроятно, его примѣру послѣдуютъ другія книгоиздательства. И тогда, когда это наступитъ, когда беллетристы будутъ уже совершенно свободны отъ усмотрѣнія редакторовъ толстыхъ журналовъ, „стоящихъ теперь между ними и вкусами публики“, — мы представляемъ себѣ такую картину. Въ помѣщеніе, занимаемое однимъ изъ такихъ „книгоиздательствъ“, является молодой (или хоть не очень молодой) человѣкъ съ толстою рукописью и заявляетъ категорически, что онъ беллетристъ, а его рукопись есть беллетристика. Что происходитъ дальше? Судя по всему, изложенному выше, представитель книгоиздательства долженъ болѣе или менѣе почтительно принять изъ рукъ беллетриста его рукопись и, не смѣя, вѣроятно, даже раскрыть ее, чтобы не соблазниться возможностью „случайнаго и произвольнаго усмотрѣнія“ и посредничества, отослать ее въ типографію. И вотъ ровно черезъ столько времени, сколько нужно, чтобы набрать книгу, оттиснуть ее и исполнить цензурныя формальности, произведеніе беллетриста появляется на судъ публики. Представители книгоиздательства пользуются при этомъ однимъ преимуществомъ: они имѣютъ возможность первыми ознакомиться съ новымъ талантомъ

или... съ новою, быть можетъ, безпримѣрною беллетристической пачкотней и гадостью...

Эта фантастическая картина до такой степени абсурдна, что г. Скабичевскій можетъ, пожалуй, обидѣться на насъ за то, что мы навязали ему такую нелѣпость. Но тогда мы окажемся въ большомъ затрудненіи, какъ иначе истолковать его привѣтствіе „освобожденію беллетристовъ“. Вѣдь несомнѣнно, что представитель всякаго книгоиздательства, принявъ рукопись, попроситъ автора придти черезъ нѣкоторое время за отвѣтомъ. Разумѣется также, что этотъ отвѣтъ можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ. Но если такъ (а это именно такъ), то, съ позволенія уважаемаго критика, мы спросимъ: человѣкъ, который сортируетъ подобнымъ образомъ рукописи, принимая однѣ и отвергая другія, не заслуживаетъ ли въ полной мѣрѣ названія *редактора*, и даже, если угодно, *посредника* между беллетристами и вкусами публики? Едва ли можно колебаться въ отвѣтѣ: да, конечно, это будетъ редакторъ и посредникъ... Гдѣ же въ такомъ случаѣ „исключительная зависимость отъ симпатій и вкуса читателей“? И что же собственно привѣтствуетъ уважаемый критикъ, если мысль его объ освобожденіи должна подвергнуться столь существенному ограниченію, что никакого освобожденія на лицо не оказывается?

То, о чемъ говоритъ г. Скабичевскій, есть простая замѣна одного посредничества другимъ, замѣна журнальныхъ редакцій редакціями книгоиздательскими. Что такое журнальныя редакціи, г-ну Скабичевскому, какъ историку литературы, хорошо извѣстно. Въ числѣ этихъ „посредниковъ между писателями и вкусами публики“ русская журналистика насчитываетъ имена А. С. Пушкина, В. Г. Бѣлинскаго, Некрасова, Чернышевскаго, Салтыкова, Михайловскаго... Г. Скабичевскій, безъ сомнѣнія, легко можетъ значительно продолжить этотъ перечень именами, быть можетъ, менѣе блестящими, но тоже почтенными и оказавшими несомнѣнныя услуги родной литературѣ. Мы же позволимъ себѣ только напомнить уважаемому писателю, что и самъ онъ (и, кажется, не однажды) принималъ участіе въ редакціяхъ толстыхъ журналовъ, именно по отдѣлу беллетристики... Что же, — все это были вредные посредники, нѣчто вродѣ перекупщиковъ беллетристическаго товара на перепутьяхъ къ непосредственной оцѣнкѣ публики?.. И почему г. Скабичевскій полагаетъ, что замѣна этого традиціоннаго посредничества другимъ,—посредничествомъ книгоиздательствъ,—должна быть привѣтствуема, какъ нѣкое освобожденіе?

Мы уже высказали наше мнѣніе о данномъ предпріятіи „Знанія“ и теперь не намѣрены возвращаться къ этому предмету по существу. Не можемъ, однако, не замѣтить, въ предѣлахъ даннаго разговора съ г. Скабичевскимъ, что его „привѣтствіе“ должно подвергнуться еще одному, тоже довольно существенному ограниченію. Это вовсе не попытка освободить *всѣхъ* беллетристовъ. Рѣчь идетъ о новой формѣ печатанія произведеній одной группы беллетристовъ, которые ни въ какомъ посредничествѣ не нуждаются, такъ какъ (въ значительной степени при посредствѣ журналовъ) уже пріобрѣли совершенно опредѣленную извѣстность. Они нашли болѣе удобнымъ и практичнымъ отрѣшиться отъ сотрудничества съ другими родами литературы... Это, конечно (говоримъ безъ всякой reservatio mentalis), ихъ право и ихъ дѣло, подлежащее оцѣнкѣ, какъ всякое практическое начинаніе въ области литературы. Но пока это только ихъ дѣло, а не дѣло русской беллетристики... Что касается до начинающихъ писателей, до тѣхъ незамѣтныхъ еще ростковъ на литературной нивѣ, которые дѣйствительно нуждаются въ посредничествѣ, которыхъ нужно еще замѣтить, отличить, дать возможность высказаться и быть услышанными,—то эту трудную и часто неблагодарную работу у русскихъ журналовъ пока не оспариваетъ еще никто... Такимъ образомъ, изъ тирады г-на Скабичевскаго приходится исключить и это „распространительное толкованіе“: его восторженное привѣтствіе должно быть отнесено въ концѣ концовъ не къ „освобожденію отъ посредничества“, а лишь къ замѣнѣ одной формы посредничества другою. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, и эта замѣна касается не *всѣхъ беллетристовъ*, а только опредѣленной группы.

Разумѣется tempora mutantur. Много уже писалось о соперничествѣ газеты и журнала. Теперь идетъ рѣчь о соперничествѣ съ журналомъ книгоиздательствъ. Можетъ придти время, когда наша гласность приметъ такія формы, въ которыхъ мы не узнали бы уже ни нынѣшняго журнала, ни нынѣшней газеты, ни, пожалуй, нынѣшней книги... Все это не только возможно, но и несомнѣнно. Даже и въ настоящее время въ европейскихъ странахъ формы печатнаго слова отличаются отъ нашихъ. Тамъ уже и теперь существуетъ до извѣстной степени обратное нашему отношеніе между книгоиздательствомъ и журналомъ: напримѣръ, французскіе журналы печатаютъ беллетристическія произведенія довольно рѣдко и при томъ почти исключительно произведенія писателей съ громкими именами. Что же касается до начинаю-

щихъ, то они должны, по большей части, съ величайшимъ трудомъ искать издателей, которые оцѣниваютъ новое произведеніе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія возможнаго успѣха на книжномъ рынкѣ. У насъ, наоборотъ, книгоиздательства (пока не исключая и „Знанія“) слѣдуютъ за журналами, издавая то, что уже замѣчено читателями и критикой, но что раньше было замѣчено редакціями журналовъ. И намъ кажется, что случайность и произвольность редакторскаго усмотрѣнія скорѣе на сторонѣ французскаго книгоиздательства, нежели русскаго журнала, уже потому, что книгоиздательство считается лишь съ шансами немедленнаго успѣха книги на рынкѣ, тогда какъ наши журналы даютъ возможность начинающимъ писателямъ шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу къ вниманію и оцѣнкѣ публики.

Итакъ, мы проанализировали тираду стараго журналиста, направленную противъ толстыхъ журналовъ, и надѣемся, что читатель согласится съ нашимъ выводомъ. А этотъ выводъ состоитъ въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ тирада почтеннаго критика является плодомъ недоразумѣнія. Могутъ быть, разумѣется, превосходныя книгоиздательства, какъ могутъ быть плохіе журналы. Но все же и „освобожденіе“ слишкомъ значительное слово, чтобы прилагать его къ данному явленію, и наши журналы, при всей неизбѣжности частныхъ ошибокъ, не подлежатъ огульнымъ обвиненіямъ въ порабощеніи беллетристовъ и во вредномъ посредничествѣ между ними и „вкусами читателей“.

1904 г.

О СБОРНИКАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ"

за 1903 г.

(Литературная замѣтка).

I.

Товарищество „Знаніе" выпустило въ теченіе первой половины 1904 года два сборника разсказовъ, появленіе которыхъ составило нѣкоторымъ образомъ событіе. Въ нихъ приняли участіе выдающіяся беллетристическія силы разныхъ возрастовъ и, пожалуй, разныхъ настроеній. Нельзя вообще сказать, чтобы обѣ книги, вышедшія подъ однимъ общимъ заглавіемъ, объединенныя нумераціей (первый, второй) и указаніемъ, что онѣ выпускаются „за такой-то годъ"—представляли что-нибудь и внутренне однородное, объединенное какимъ-нибудь общимъ мотивомъ, который выдѣлялъ бы данныхъ авторовъ въ цѣльную и явно отдѣльную группу, а читателю позволилъ бы сразу догадаться: вотъ чего они хотятъ, вотъ то *особенное*, только данной группѣ принадлежащее, чему до сихъ поръ не находилось мѣста въ литературѣ и что, поэтому, прокладываетъ свою особенную тропку среди обычныхъ литературныхъ путей. Обычный путь отъ писателя къ публикѣ пролегалъ и до сихъ поръ пролегаетъ черезъ журналы (а иногда и газеты). При этомъ, по особымъ условіямъ русской литературы и общественности, сложилось такъ, что уже самымъ выборомъ журнала беллетристъ до нѣкоторой степени выражалъ свою солидарность съ той или иной группой борющихся въ данное время литературно-общественныхъ взглядовъ и направленій. Даже покойный Чеховъ, какъ извѣстно, въ началѣ своей дѣятельности довольно безразличный къ направленіямъ, подъ конецъ жизни, когда его взгляды углубились, а симпатіи сдѣлались опредѣленнѣе,—совершенно отошелъ отъ „Новаго Времени", гдѣ часто появлялся ранѣе. Разсказы его пе-

чатались въ „Жизни“, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и уже затѣмъ выходили отдѣльными сборниками.

Теперь, повидимому, „Знаніе“ стремится нарушить эту традицію, и если бы опытъ „Знанія“ утвердился, то мы имѣли бы вмѣсто прежнихъ этаповъ отъ литературы въ публику (журналъ и сборникъ даннаго автора)—новые: сборникъ нѣсколькихъ авторовъ-беллетристовъ и отдѣльный сборникъ даннаго автора. Нетрудно видѣть, что „новость“ заключается лишь въ первомъ этапѣ: прежде беллетристика выступала въ союзѣ съ тѣми или иными широкими общественно-политическими теченіями, теперь она порываетъ эту связь. Беллетристы „Знанія“ какъ бы считаютъ для себя болѣе удобнымъ выступать самостоятельно, легкимъ строемъ, безъ обоза, тяжелой артиллеріи и другихъ родовъ литературнаго оружія. Что-жъ... У „Знанія“ могутъ быть на то свои основанія. Иной разъ простое „удобство“ указываетъ на какія-нибудь назрѣвающія новыя формы. Все это допущенія возможныя, хотя и довольно гадательныя. Будущее укажетъ степень ихъ основательности, а пока, глядя изъ своего журнальнаго лагеря на изолированныя эволюціи недавно союзной беллетристики, мы, журналисты, слѣдимъ за ними съ нѣкоторымъ сложнымъ чувствомъ: удобно ли это для самихъ беллетристовъ,—объ этомъ лучше всего судить имъ самимъ. Что это неудобно для журналистики,—охотно признаемъ, идя на-встрѣчу возможнымъ упрекамъ въ журнальномъ эгоизмѣ. Если это и эгоизмъ, то эгоизмъ, такъ сказать, групповой, эгоизмъ извѣстнаго „рода оружія“, въ которомъ стыдно заподозривать низменныя побужденія. Намъ просто пріятнѣе прежняя добрая традиція боевого союза и, если бы „Знанію“ удалось ее разрушить, то пока еще мы не видимъ основанія признать собственно въ этомъ особую заслугу передъ русской литературой...

II.

Всѣ эти соображенія, такъ сказать, формальнаго свойства не мѣшаютъ намъ, разумѣется, привѣтствовать два сборника „Знанія“, какъ чисто литературное явленіе выдающагося значенія.

Прежде всего, вѣроятно, большинство читателей открываютъ книгу на очеркѣ М. Горькаго „Человѣкъ“. На этотъ разъ, впрочемъ, это не художественный разсказъ, а лирико-философскій эскизъ, въ которомъ авторъ прославляетъ „Человѣка“ за его мысль. „Въ часы устал сти духа“... такъ начинаетъ авторъ свой очеркъ... И нужно сказать, что нѣкоторая печать усталости духа лежитъ на всемъ произведеніи. Тѣмъ не менѣе,

біографу Горькаго придется отмѣтить основной мотивъ „Человѣка“: прославленіе мысли и притомъ *одной мысли*, какъ двигателя человѣчества по пути „впередъ и выше“. До сихъ поръ, пожалуй, въ произведеніяхъ Горькаго можно было замѣтить скорѣе превознесеніе сильныхъ непосредственныхъ импульсовъ и темпераментовъ.

Со стороны чисто философской противъ концепціи „Человѣка“ можно возразить очень много: самъ авторъ нѣсколько разъ упоминаетъ о „гармоніи“, какъ цѣли стремленій сам й мысли. А съ этой точки зрѣнія безчувственный умъ, какъ и безумное чувство равно лишены значенія. И вообще, кажется, эту старинную тяжбу между „умомъ (мыслью) и чувствомъ“ пора бы бросить, какъ совершенно безплодную и ничего не дающую ни уму, ни чувству.

Самый образъ „Человѣка“ несовсѣмъ ясенъ. Когда-то Гёте сказалъ, что „великаго человѣка мы познаемъ только въ совокупности человѣчества“. Въ этой фразѣ, особенно характерной въ устахъ геніальнаго писателя, цѣлая философія, цѣлое направленіе мысли, чувства, настроенія, совершенно противуположное представленію о ницшеанскомъ „сверхъ-человѣкѣ“. Могутъ быть ничтожные люди, очень много ничтожныхъ людей, но человѣчество не ничтожно, передъ всѣмъ человѣчествомъ самый великій человѣкъ—только атомъ, только одна капля, лишь потому несущаяся на верхушкѣ волны, что ее вмѣстѣ съ волной подняла величайшая и самая могучая изъ стихій, вся состоящая изъ порывовъ мысли, изъ кипѣнія чувства, изъ милліардовъ стремленій, сливающихся въ безграничный океанъ и создающихъ *въ совокупности* представленіе о величіи все совершенствующейся человѣческой природы. Это представленіе глубоко демократично: все, что литература создала лучшаго, наиболѣе реальнаго и вмѣстѣ наиболѣе идеалистическаго, покоилось, сознательно или безсознательно, на этомъ представленіи, и самъ Горькій въ лучшихъ и наиболѣе жизненныхъ своихъ произведеніяхъ служилъ этой же идеѣ: въ „совокупности человѣчества“ участвуютъ не одни великіе, живущіе на освѣщенныхъ вершинахъ. На днѣ, въ глубокихъ трущобахъ тоже есть черты, нужныя для созданія великаго образа коллективнаго человѣка; заслуга реалистовъ-художниковъ состоитъ въ изученіи „человѣка“ всюду, гдѣ онъ проявляется. Среди нихъ заслуга Горькаго въ томъ, что онъ нашелъ черты „человѣчности“ еще въ одномъ темномъ и мало вскрытомъ до него закоулкѣ жизни. Человѣкъ же Ницше, или, какъ его принято называть, „сверхъ-человѣкъ“ есть понятіе глубоко аристократическое и

регрессивное. Онъ тоже — увы! — участвовалъ въ творчествѣ Горькаго, искажая порой его образы. Теперь, въ лирико-философскомъ очеркѣ нашего автора, онъ выступаетъ безъ художественныхъ прикрытій: „Человѣкъ“ г-на Горькаго, насколько можно разглядѣть его черты,—есть именно ницшеанскій „сверхъ-человѣкъ“: онъ идетъ „свободный, гордый, *далеко впереди людей* (значитъ—не съ ними?) и *выше жизни* (даже самой жизни), *одинъ*, среди загадокъ бытія....“

Это „величаніе“, но не величіе. Великій человѣкъ Гёте какъ Антей почерпаетъ силу въ общеніи съ родной стихіей человѣчества; ницшеанскій „сверхъ-человѣкъ“ презираетъ ее даже тогда, когда собирается облагодѣтельствовать. Первый—сама жизнь, второй—только фантомъ. И если всѣми своими сильными произведеніями Горькій обязанъ демократической, гётевской концепціи великой „совокупности человѣчества“, то всѣ искаженія его яркихъ и живыхъ образовъ должны быть, какъ намъ кажется, отнесены на счетъ ницшеанскаго сверхъ-человѣка, который воображаетъ, что капля, хотя бы и самая большая изъ капель, можетъ быть больше и глубже всего океана.

III.

Самымъ выдающимся произведеніемъ обоихъ сборниковъ безспорно является разсказъ Леонида Андреева „Жизнь Василія Ѳивейскаго“. Въ этомъ произведеніи обычная, уже обозначившаяся (напримѣръ въ „Мысли“) манера этого писателя достигаетъ наибольшаго напряженія и силы, быть можетъ потому, что и мотивъ, взятый темой для даннаго разсказа, значительно общѣе и глубже предыдущихъ. Это вѣчный вопросъ человѣческаго духа въ его исканіи своей связи съ безконечностію вообще и съ безконечной справедливостью въ частности. Свою задачу авторъ ставитъ въ подходящія условія, при которыхъ душевный процессъ долженъ развернуться въ наиболѣе чистомъ и ничѣмъ не усложненномъ видѣ. Его Василій Ѳивейскій, немудрый сельскій священникъ, не отличается особенной глубиной мысли. Онъ скорѣе человѣкъ туповатый, но за то является такъ сказать „геніемъ вѣры“, ждущимъ только подходящихъ условій для полнаго расцвѣта. Авторъ въ своемъ разсказѣ, съ нѣкоторой сухостью психолога и анатома, обставляетъ своего героя этими условіями.

На немудрую, крѣпкую и вихрастую голову Василія Ѳивейскаго обрушивается цѣлый потокъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій, источникомъ которыхъ не только Ѳивейскій, но, какъ кажется, и самъ авторъ считаетъ какую-то „зловѣщую и таин-

ственную преднамѣренность". Сначала у него случайно тонетъ единственный и страстно любимый сынъ. Его молодая жена начинаетъ пить, чтобы забыться, а затѣмъ у нея, пьяной и полубезумной, является мечта о новомъ материнствѣ, которое должно вернуть имъ прежнее счастье и прежній покой. Ребенокъ рождается, и его называютъ, какъ и перваго, Васей, но онъ, зачатый въ болѣзни и безуміи, оказывается слабоумнымъ уродомъ. Мечта о возрожденіи превращается въ настоящій кошмаръ, и ребенокъ является чѣмъ-то вродѣ олицетворенія „суроваго и загадочнаго рока", центромъ, отъ котораго на всю семью вѣетъ чисто мистическимъ ужасомъ. „Куда бы эти люди ни шли, что бы ни дѣлали, — говоритъ авторъ,—они ни на минуту не забывали, что тамъ, въ полутемной комнатѣ, сидитъ нѣкто неожиданный и страшный, безуміемъ рожденный".

Уродъ всецѣло овладѣваетъ настроеніемъ семьи, наполняя жизнь ея ощущеніемъ остраго кошмара, отравляющаго даже минуты досуга и развлеченія. „Иной разъ садились они играть въ веселую и смѣшную игру"... Но и при этомъ „страшно было смотрѣть на двѣ пары нѣмыхъ костлявыхъ рукъ, безшумно и медленно двигавшихся по столу, какъ будто только однѣ эти руки были живыя и не было людей, которымъ онѣ принадлежатъ... Два холодныхъ, два блѣдныхъ, два угрюмыхъ лица одиноко выдвигались изъ темноты и качались въ странной нѣмой пляскѣ, два холодныхъ, два угрюмыхъ лица" (23). Когда попадья въ первый разъ замѣтила, что идіотъ начинаетъ „двигать ножкой", то попъ въ невольномъ ужасѣ возражаетъ: „неправда"...

Молодая женщина опять начинаетъ пить, чтобы забыть и о мертвомъ ребенкѣ и о живомъ уродѣ, и однажды, въ припадкѣ запоя, сжигаетъ домъ, обгораетъ сама и умираетъ, а надъ Василіемъ Ѳивейскимъ продолжаетъ тяготѣть тотъ же „рокъ", таинственный и зловѣщій. Этого мало: роковая „преднамѣренность", преслѣдующая Василья Ѳивейскаго, какъ зараза переходитъ и на людей, съ нимъ соприкасающихся... Изъ желанія сдѣлать доброе дѣло онъ рекомендуетъ работника Мосягина торговцу Копрову,—и вскорѣ Мосягинъ гибнетъ, задавленный на работѣ обваломъ глинистаго обрыва. Въ глазахъ окружающихъ на суровой фигурѣ неудачника-попа явно лежитъ какой то перстъ карающей или просто преслѣдующей его таинственной силы, но самъ Ѳивейскій только крѣпнетъ отъ этихъ испытаній и все болѣе утверждается въ своей вѣрѣ. А вѣра эта состоитъ въ томъ, что цѣпь страданій, *преднамѣренно* обрушиваемыхъ на его голову, есть ре-

зультатъ сознательной и разумной воли, для которой самое страданье въ этомъ мірѣ есть благо, необходимое для равновѣсія съ блаженствомъ другого міра. Страницы, гдѣ г. Андреевъ рисуетъ это настроеніе Ѳивейскаго, мучительно разыскивающаго сокровенный смыслъ своихъ и чужихъ страданій, проникнуты большой силой изображенія. Смерть Мосягина, оставившаго большую семью, волею „случая“ обреченную на горе и бѣдствія, — завершаетъ въ глазахъ Ѳивейскаго „разумный“ процессъ его испытаній, и у него созрѣваетъ мысль, что все это послано лишь для того, чтобы закалить его вѣру и дать ей оправданіе: съ этихъ поръ его вѣра засіяетъ передъ всѣми, и бѣдный міръ, преступный, страдающій, смятенный, будетъ спасенъ. И именно потому, что всѣ его страданія озарятся вдругъ глубокимъ и разумнымъ смысломъ. И вотъ, во время заупокойной службы, когда тѣло Мосягина лежитъ въ церкви въ гробу, Василій Ѳивейскій, проникнутый непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своей идеѣ, говоритъ мертвецу:

— Семенъ! Тебѣ говорю, встань.

Мертвецъ, разумѣется, лежитъ неподвижно. Толпа въ ужасѣ бѣжитъ изъ церкви. „Было смятеніе и шумъ, и вопли, и крики смертельнаго испуга... Люди въ паническомъ страхѣ превратились въ стадо: они цѣплялись другъ за друга, угрожали оскаленными зубами, душили и рычали. И выливались въ дверь такъ медленно, какъ вода изъ опрокинутой бутылки...“

Василій Ѳивейскій остается одинъ со своей вѣрой и съ мертвымъ тѣломъ, которое онъ пытался оживить. „Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?—спрашиваетъ онъ.—Зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Все однимъ Тобою! Все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же, — я жду...“

Но на вопросъ нѣтъ отвѣта...

Между тѣмъ, надвигается буря, впечатлѣніе которой въ помраченномъ умѣ священника перемѣшивается съ впечатлѣніями его собственной несчастной жизни. „Внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздирается маска (о. Василію всюду видится лицо идіота сына), и хохотъ, подобный грому, наполняетъ всю тихую церковь. Грохочетъ, разгрызаетъ каменные своды, бросаетъ камни и страшнымъ гуломъ своимъ обнимаетъ одинокаго человѣка...“

Василій Ѳивейскій сходитъ съ ума.

Такова, въ сухомъ и блѣдномъ изложеніи, тема новаго разсказа г. Андреева. Впечатлѣніе всей картины глубоко и значительно: тема—одна изъ важнѣйшихъ, къ какимъ обращается

человѣческая мысль въ поискахъ за общимъ смысломъ существованія. Исполненіе суховато, сурово и полно нервнаго захвата: читатель какъ бы попадаетъ въ какой-то вихрь, палящій и знойный. Но въ концѣ-концовъ,—впечатлѣніе всетаки сложно. Во время чтенія читатель часто находится во власти напряженнаго авторскаго лиризма, но затѣмъ, особенно при перечитываніи разсказа, выступаютъ черты нѣкоторой неудовлетворенности, пожалуй, недоумѣнія. Настроеніе Ѳивейскаго типично даже въ своей исключительности, но въ фонѣ, на которомъ выступаетъ эта фигура, т.-е. въ собственномъ настроеніи художника, которое при лиризмѣ андреевской манеры то и дѣло проступаетъ наружу,—чувствуется нѣчто, такъ сказать, „родственно противуположное“ настроенію героя.

Въ этомъ выраженіи „родственная противуположность“— не случайный парадоксъ, а совершенно опредѣленное значеніе. Бываютъ идеи, бываютъ люди, связанные такой родственной противуположностью при видимомъ взаимномъ отрицаніи: тамъ, гдѣ одна сторона говоритъ *да*, другая говоритъ *нѣтъ*, но обѣ стороны не выходятъ изъ круга, очерченнаго этими положеніями и отрицаніями.

Такая именно взаимная связь невольно чувствовалась нами при чтеніи даннаго разсказа. Настроеніе Василья Ѳивейскаго глубоко и остро мистическое: во всемъ сцѣпленіи его злополучій и въ каждомъ отдѣльномъ ихъ звенѣ онъ чувствуетъ чью-то напряженно чуткую волю, безъ устали располагающую эти звенья въ одну цѣпь страданій, которыя должны и составить, и объяснить основной тонъ и смыслъ земной жизни. Но, признавая „преднамѣренность“ въ своихъ страданьяхъ, Василій Ѳивейскій говоритъ себѣ, что за ними скрыта чья-то воля, *разумная и благая*. Онъ хочетъ, чтобы побороть голосъ сомнѣнія, стать лицомъ къ лицу съ этимъ невѣдомымъ благомъ и потому вызываетъ его на чудо. Настроеніе, повторяемъ, типично при всей исключительности, и г. Андреевъ, съ суровостью анатома и психолога, вскрываетъ его передъ читателемъ. Но... въ конечныхъ результатахъ этого анализа нельзя не видѣть односторонняго противуположенія. „Того, что ищетъ этотъ бѣдный безумецъ,— нѣтъ“,—какъ бы говоритъ намъ авторъ своей заключительной сценой,—„и чудо не придетъ на самые страстные призывы“. Намъ кажется, однако, что отрицаніе не полно и узко. Или мы сильно ошибаемся, или—настроеніе самого художника *родственно* мистическому настроенію Ѳивейскаго.

Во всякомъ случаѣ художественные пріемы г-на Андреева даютъ много основаній для такого предположенія. Уже въ нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ разсказовъ молодого автора

чувствуется легкое вѣяніе мистики: припомните хотя бы превосходный и проникнутый глубокимъ юморомъ разсказъ „Большой шлемъ“, въ которомъ, однако, въ случайной игрѣ карточныхъ комбинацій какъ бы чувствуется уже чья-то таинственная сознательность, насмѣшливая и злая. Въ данномъ разсказѣ эта черта выступаетъ уже безъ прикрытія. „Надъ всей жизнью Василія Ѳивейскаго,—говоритъ авторъ въ самомъ началѣ,—тяготѣлъ суровый и загадочный *рокъ*“. И какъ бы для того, чтобы показать, что это не субъективное ощущеніе темнаго сельскаго попа, авторъ говоритъ нѣсколькими строками ниже: „Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, и *долго не замѣчалъ* той зловѣщей и таинственной *преднамѣренности*, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую, вихрастую голову...“

Итакъ, преднамѣренность является какъ бы объективнымъ моментомъ, еще даже не замѣчаемымъ ея пассивною жертвой, но составляющимъ основной фонъ дальнѣйшаго разсказа. Даже въ тѣ минуты, когда, повидимому, настроеніе Ѳивейскаго радостно и спокойно,—авторъ уже видитъ, что „ко лбу его, гдѣ-то между бровями, безмолвно прилегаетъ тѣнь великой скорби. Ибо и въ эти дни покоя и отдыха надъ жизнью его тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ“ (стр. 16). И это замѣчаютъ всѣ: торговецъ Копровъ, сослуживцы, мужики, бабы, даже... клопы: „они лѣзли изъ всѣхъ щелей, на глазахъ ползали по стѣнѣ, и ничѣмъ нельзя было остановить ихъ отвратительнаго нашествія“ (17).

Идіотъ-ребенокъ въ изображеніи г-на Андреева тоже не просто идіотъ, нецѣлесообразно реагирующій на впечатлѣнія дѣйствительности... Это—олицетвореніе и символъ. Мы почти не видимъ его, не представляемъ себѣ его наружности, онъ почему-то сидитъ „въ полутемной комнатѣ“ (?), наводя на всѣхъ ужасъ именно своей таинственностью и мистической сознательностью, которая опять чувствуется въ изображеніи г-на Андреева. Такъ, напримѣръ, уже послѣ смерти попадьи, въ минуту, когда Василій Ѳивейскій выковалъ въ своемъ тяжеломъ умѣ стройную систему своей вѣры, пріурочилъ ее къ грядущему чуду, и говоритъ съ одушевленіемъ: „Вѣрую, Господи, вѣрую!“—за нимъ раздается вдругъ смѣхъ идіота. „И тихо стало. И громкій, скачущій хохотъ прорвалъ тишину, ударилъ въ спину попа, и онъ со страхомъ обернулся... Идіотъ смѣялся. Безсмысленный, *зловѣщій* смѣхъ разодралъ до ушей неподвижную *огромную маску* *), и въ широкое от-

*) Курсивы, разумѣется, всюду наши.

верстіе рта неудержимо рвался пустой, прыгающій хохотъ“ (77)...

Теперь припомните заключительную сцену въ церкви, когда въ сгустившемся надъ разлагающимся трупомъ сумракѣ раздаются первые раскаты грозы: „внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздирается до самыхъ ушей *неподвижная маска*, и хохотъ, подобный грому, наполняетъ всю тихую церковь...“ Передъ Василіемъ Ѳивейскимъ раскрывается то самое, что, повидимому, было уже заранѣе извѣстно автору. Что кто-то таинственный *сознательно и преднамѣренно* обрушивалъ на голову бѣднаго попа цѣлые потоки бѣдствій—въ этомъ онъ, очевидно, не ошибался, въ этомъ авторъ готовъ съ нимъ согласиться. Но въ то время, какъ Василій Ѳивейскій угадывалъ за всѣми невзгодами чью-то разумную волю, чьи-то планы, которые должны были разрѣшиться въ *мистическое благо* явнаго чуда,—въ изображеніи автора чувствуется, что изъ мрачной пустоты за Ѳивейскимъ слѣдила только „зловѣщая маска“ идіота, олицетворяющая *мистически-злую* преднамѣренность природы...

Такова та „родственная противуположность“ настроеній Василья Ѳивейскаго и Леонида Андреева,—о которой мы говорили выше...

Таковы ли дѣйствительно *сознательные* взгляды г-на Андреева? Этого мы не знаемъ.

Имѣли ли мы право выдѣлить эту концепцію міра, какъ фонъ, сквозящій (быть можетъ и несознательно) изъ-подъ его художественныхъ пріемовъ? Несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что эта концепція, только полярно-противуположная міровоззрѣнію Ѳивейскаго, ничуть не шире и не выше его и глубоко ему родственна. Перечитайте этотъ (несомнѣнно сильный и значительный) разсказъ, и вы согласитесь, что весь онъ проникнутъ, часто до глубокихъ искаженій образовъ, этимъ мистическимъ тономъ. Вотъ, напримѣръ, описаніе ночи, которое невольно останавливаетъ вниманіе всякаго читателя своей трудно объяснимою странностью (стр. 72 и слѣд.). „Она бѣсновалась у дверей, мертвыми *руками* ощупывала стѣны, дышала холодомъ...“ „Безграничнымъ кольцомъ она облегала домъ, давила на него сверху, искала отверстія, куда бы пропустить свой *сѣрый коготь*...“ „А потомъ, бѣсноватая, отбѣгала въ поле, кувыркалась, пѣла и плашмя бросалась на снѣгъ, *крестообразно обнимая* закоченѣвшую землю“. Потомъ „поднималась, *садилась на корточки* и долго, и тихо смотрѣла на освѣщенныя окна, *поскрипывая зубами*. И снова съ визгомъ бросалась на домъ, выла въ трубѣ голоднымъ воемъ ненасы-

тимой злобы и тоски, и обманывала: *у нея не было дѣтей, она сожрала ихъ и схоронила* въ полѣ, въ полѣ, въ полѣ...“

И далѣе:

„Она играла. Она садилась на бревна покинутаго сруба, качалась и бахалась въ снѣгъ и тихо кралась въ уголъ, и рыла тамъ могилу—для чужихъ, для чужихъ... И пѣла: „для чужихъ, для чужихъ“. А еще далѣе „она играетъ съ колоколомъ. Она ловитъ его гулкіе, толстые звуки, обливаетъ ихъ шипѣньемъ и свистомъ, рветъ, разбрасываетъ—тяжело катитъ ихъ въ поле, зарываетъ въ снѣгъ и прислушивается, *склонивъ голову на бокъ*. И снова бѣжитъ на-встрѣчу новымъ звукамъ, неутомимая, злая и такая *хитрая, какъ бѣсъ*...“

Если вы всмотритесь со вниманіемъ въ это описаніе, которое мы значительно сократили, то легко увидите, въ чемъ именно заключается его основная нота. Многіе художники описываютъ природу терминами человѣческихъ ощущеній: буря стонетъ, плачетъ, злится, печалится, груститъ. Это и неизбѣжно, и правдиво: подъ условными выраженіями вы чувствуете связь, извѣчную, неразрывную, скажемъ даже, таинственную, между природой и душой человѣка, которая есть вѣдь тоже явленіе природы и потому тѣсно связана съ нею милліонами своихъ живыхъ ощущеній... Но въ этихъ художественныхъ описаніяхъ современныхъ намъ людей уже давно исчезла фетишистская концепція міра, сознательно или безсознательно превращаясь все болѣе въ пантеистическую. Для современнаго человѣка ночь всетаки есть лишь та же природа, т. е. тотъ же просторъ полей, та же даль, то же небо, тѣ же лѣса и рѣки, только прикрытые пологомъ тьмы и обвѣянные ощущеніемъ неувѣренности въ чемъ-то, догадки о чемъ-то, печали, которыя тьма навѣваетъ на человѣческую душу... И это та степень *художественной* правды, которую искусство проводитъ посредствомъ образовъ въ нашу жизнь, вѣчно ищущую познанія, на смѣну старымъ напластованіямъ давно отжившихъ міровоззрѣній.

Въ описаніи г-на Андреева ночь *совершенно отдѣляется* отъ реальной природы. Она—не природа, задернутая тьмою, не ночной вѣтеръ, не холодная мятель, не смѣсь этихъ явленій, рождающая общее ощущеніе и образъ,—а отдѣльное существо, не сливающееся съ природой ночи, а только живущее въ ея обстановкѣ своею особою жизнью. Свойства этого существа не имѣютъ даже ничего общаго съ нашими представленіями о ночной природѣ: г. Андреевъ сообщаетъ намъ объ ней очень подробныя „личныя“ и даже „посемейныя“ данныя: она сѣрая, у нея есть коготь, она сожрала и зарыла своихъ

дѣтей, или хочетъ кого-то увѣрить, что у нея были дѣти, она любитъ садиться на корточки и склонять голову на бокъ, она „злая и такая хитрая, какъ бѣсъ...“ И это странное описаніе опять не можетъ быть объяснено субъективными ощущеніями Василья Ѳивейскаго, потому что его міровоззрѣніе совсѣмъ другое,—по своему одухотворенное и по своему цѣльное... Ночь г-на Андреева даже не Nox древнихъ, ступавшая безшумными стопами среди темноты. Это—какое-то кувыркающееся злое животное, пробуждающее въ душѣ современнаго человѣка давно погребенные подъ другими психологическими напластованіями старые страхи фетишизма...

И отъ этого описаніе производитъ впечатлѣніе двойственное и странное, впечатлѣніе того художественнаго диссонанса и фальши, которое мы встрѣчаемъ на иныхъ картинахъ импрессіонистовъ, нарочно извращающихъ перспективу. Г-нъ Андреевъ настолько человѣкъ XX столѣтія, что, конечно, не можетъ вложить достаточно непосредственности въ образы темнаго фетишизма. Но онъ настолько художникъ, что подъ его образомъ порой какъ будто всетаки шевелится что-то давно и по достоинству забытое, отжившее, мы сказали бы даже, психически-реакціонное... А такъ какъ читатель—человѣкъ XX вѣка и не можетъ сколько-нибудь цѣльно перенестись на эту точку зрѣнія, то описаніе производитъ на него впечатлѣніе раздвоенности, мѣстами близкое къ сухой риторикѣ, съ условностями и неискренностью символической стилистики...

Итакъ, читатель стоитъ въ данномъ случаѣ передъ двумя родственными, хотя и полярно-противуположными концепціями міра. Василій Ѳивейскій зоветъ его къ признанію законности страданія и къ чуду, какъ къ проявленію неустанной преднамѣренности великаго и разумнаго личнаго начала въ природѣ. Г. Андреевъ жестоко смѣется надъ мечтой бѣднаго попа и при помощи своего крупнаго таланта и странныхъ символовъ—подставляетъ другую концепцію, гдѣ есть тоже сознательное начало, только оно неосмысленно злое и дикое... Но читатель, какъ человѣкъ XX вѣка, чувствуетъ съ большей или меньшей ясностью, что между этими полярными концепціями располагаются еще тысячи возможностей, весь безконечно разнообразный реальный міръ, какъ онъ позналъ его при помощи мысли безчисленныхъ поколѣній. И онъ легко можетъ сказать обоимъ, т. е. и Василію Ѳивейскому, и автору: „Ваши концепціи довольно закончены, но очень узки. Я знаю еще слишкомъ мало для того, чтобы на мѣсто вашихъ поставить свою систему, которая охватила бы всѣ частности жизни однимъ предчувствіемъ, одной міровой гипотезой, ве-

ликой, цѣльной и живой. Но, съ другой стороны, я знаю слишкомъ много для того, чтобы серьезно принять ваши олицетворенія. Поэтому ночью я испытываю самое большее— смутную неувѣренность, но не мистическій ужасъ, а при видѣ уродства или слабоумія мое сердце сжимается отъ жалости и боли, но не отъ мистическаго страха, какъ у дикарей первобытныхъ народовъ. И я знаю, что стою среди міра, въ которомъ наибольшее чудо—его устойчивые законы, подлежащіе познанію, а не чей-то фантастически злой и безсмысленный произволъ, а также, что страданіе есть то, съ чѣмъ мы и должны, и, главное, *можемъ* бороться... И потому я не признаю, съ Василіемъ Ѳивейскимъ, преднамѣренности страданія и не стану вымогать благого чуда, но я не вижу также основаній на мѣсто доброй преднамѣренности ставить преднамѣренность злую. Я просто буду жить и бороться за то, что уже теперь *сознаю* своимъ умомъ и ощущаю чувствомъ, какъ несомнѣнные элементы предчувствуемаго мною великаго, живого, безконечнаго блага. Эти элементы я вижу пока въ своемъ сознаніи, но мое сознаніе неотдѣлимо отъ всей природы... Значитъ они есть въ природѣ, хотя бы въ томъ ея углу, который называется „человѣческимъ духомъ...“ И потому долой злые фантомы отжившихъ міровоззрѣній и пугающіе призраки злой и бѣшеной ночи...“

И намъ кажется, что такой средній человѣкъ будетъ правъ и что концепція Л. Андреева, которую онъ сознательно, какъ мыслитель, или безсознательно, по художественному темпераменту, подставляетъ на мѣсто концепціи Василія Ѳивейскаго, сильно искажаетъ правдивость и „реальность“ его образовъ. Жизнь, та самая жизнь, въ которой Василій Ѳивейскій видитъ одно, а г. Андреевъ другое, —могла бы предъявить къ нашему автору искъ о клеветѣ и диффамаціи. Выводы, разумѣется, дѣло личное, но факты должны быть установлены правильно. А факты говорятъ, что жизнь въ сущности добрѣе ея изображенія въ данномъ разсказѣ. Для самыхъ глубокихъ несчастій у нея есть два смягчающихъ момента. Это, во 1-хъ, привычка и, во 2-хъ, любовь. Тотъ кошмаръ испуга при рожденіи урода, который г. Андреевъ растягиваетъ все въ той же первоначальной остротѣ на цѣлые годы,—въ сущности никогда годы тянуться не можетъ. И точно такъ же въ жизни, дѣйствительной, а не пугающей злою сознательностью, — матери не *боятся* своихъ дѣтей, хотя бы и слабоумныхъ. Материнское сердце можетъ истечь кровью, медленно и мучительно сочащейся цѣлые годы, и всетаки первое „движеніе ножкой“ у неподвижнаго урода-ребенка матери не испугаетъ, а доставитъ проблескъ радости и надежды...

И не только у матери: мы знаемъ, что попытки раздуть искру сознанія въ помраченномъ умѣ составляютъ теперь задачу даже общественныхъ учрежденій, проникнутыхъ трезвымъ знаніемъ и тѣмъ почти религіознымъ началомъ любви, въ которой г. Андреевъ отказываетъ даже материнскому сердцу. И это, конечно, потому, что современное человѣчество, еще далекое отъ окончательныхъ рѣшеній окружающей его безконечной міровой тайны, всетаки освѣтило ее настолько, чтобы не бояться ни мрака физической ночи, въ которой для него нѣтъ уже фетишей, ни ночи психической. Оно давно оставило позади мистическіе страхи „одержимости“ и „бѣсноватости“, и для него слабоуміе есть лишь отсутствіе цѣлесообразности, но не таинственно злая и цѣлесообразная въ этой злобѣ сознательность. Смѣхъ идіота для любящаго врача и учителя можетъ быть проявленіемъ умственной тьмы, но не „зловѣще сознательной“ насмѣшкой. Для любящаго человѣка этотъ смѣхъ нерѣдко перестаетъ быть даже безсмысленнымъ: тьма побѣждается и освѣщается любовью, которая только возрастаетъ при свѣтѣ трезвой мысли и трезваго познанія міра...

Мы сказали такъ много отрицательнаго по поводу разсказа г-на Андреева, что это можетъ подать поводъ къ невѣрному представленію о нашей оцѣнкѣ. Повторяемъ поэтому, что мы говоримъ не объ эстетической, а, такъ сказать, о философской подкладкѣ разсказа, о той основной формулѣ, которую художникъ развертываетъ въ частичныхъ образахъ. На вопросъ, который принято обыкновенно ставить относительно авторовъ — сдѣлалъ ли онъ шагъ впередъ или назадъ, — мы отвѣтимъ рѣшительно, что „жизнь Василія Ѳивейскаго“ есть несомнѣнно наиболѣе значительное изъ произведеній г-на Андреева, произведеніе, въ которомъ его художественная манера достигаетъ большой опредѣленности и силы. Въ немъ онъ смѣло берется за одну изъ важнѣйшихъ проблемъ человѣческаго духа, и страницы, гдѣ Ѳивейскій въ своихъ тяжелыхъ и тревожныхъ исканіяхъ пытается установить связь между своимъ горемъ и темнымъ горемъ исповѣдующихся у него мірянъ,—производятъ глубокое впечатлѣніе... Но именно потому, что это — самое значительное произведеніе молодого художника, — оно, какъ намъ кажется, даетъ матеріалъ для постановки тѣхъ вопросовъ, которые мы и пытались поставить въ этой бѣглой замѣткѣ. Цѣльность художественнаго настроенія, художественная искренность вся цѣликомъ зависитъ отъ гармоніи между образомъ и сознательно или безсознательно присутствующей въ душѣ художника концепціей при-

роды и міра. И потому разсказъ г-на Андреева силенъ односторонне и, такъ сказать, отрицательно: мы видимъ заблужденіе бѣднаго священника, но психическій и лирическій тонъ этой картины, составляющій принадлежность самого автора, производитъ впечатлѣніе тревожное, дразнящее, болѣзненное.

Разсказъ захватываетъ жгучимъ исканіемъ въ очень важной и возвышенной области. Но впечатлѣніе неровно, и порой несомнѣнно чувствуется, что для своей мистической, сухой и мрачной формулы авторъ приноситъ значительныя жертвы реальной правдой изображенія...

III.

Въ той же книжкѣ, гдѣ помѣщенъ разсказъ г-на Андреева, читатель встрѣчаетъ очеркъ г-на Гусева-Оренбургскаго: „По приходу“. Героемъ его является опять священникъ и опять передъ нимъ стоитъ,—только въ болѣе частныхъ и болѣе реальныхъ формахъ—коренной вопросъ его призванія.

Въ приходѣ, который объѣзжаетъ о. Викторинъ, — какъ всюду въ жизни, — есть сильные и слабые, притѣснители и притѣсняемые, грабители и ограбляемые, есть пассивно подчиняющіеся и протестующіе. И среди нихъ—стоитъ пастырь со своимъ служеніемъ и своей проповѣдью...

Пастырь г-на Гусева, какъ это и бываетъ нерѣдко въ жизни, человѣкъ обыкновенный, далеко не герой и довольно спокойно выбираетъ ту сторону, на которую ему приходится стать въ житейской борьбѣ. Г. Гусевъ рисуетъ свою картину съ грустнымъ юморомъ. Всѣ его фигуры набросаны, быть можетъ, слишкомъ бѣгло, но правдиво и жизненно, а нѣкоторые эпизоды,—напримѣръ, ночная встрѣча попа, благополучно возвращающагося со сбора, съ кузнецомъ Зосимой, деревенскимъ протестантомъ, пытающимся бороться съ притѣснителями деревенскаго міра, — производятъ сильное впечатлѣніе. Зосима—фигура трагическая: всѣ его попытки впередъ обречены на неудачу, и онъ отчасти предчувствуетъ свою судьбу. Онъ разсказываетъ попу сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ себя въ совершенно небываломъ положеніи: „И слезы... Плачу... Вдругъ пѣніе... Въ сердце, знаешь, такъ и ударило, какъ молотомъ! И побѣгъ я... бѣгу и плачу... скушно мнѣ... сердце рвется!“... Зосима приходитъ въ этомъ снѣ въ городъ, гдѣ его встрѣчаютъ криками: „Кузнецъ идетъ, кузнецъ идетъ“. И даютъ въ руки молотъ, а на наковальнѣ — золотая подкова. „Поднялъ я молотъ, ахнулъ и ударилъ... И все ахнуло кругомъ—земля и небо“... Но пока сбудется этотъ сонъ, бѣдный Зосима скитается бѣглецомъ по лѣсу, преслѣдуемый

сильною властью нѣкоего Флегонта, бывшаго лакея, а теперь деревенскаго воротилы. Зосима глубоко правъ въ своемъ заступничествѣ за міръ и въ своей борьбѣ, но средства осуществленія этой правды наивно неумѣлы и незаконны. Флегонтъ — явный грабитель и насильникъ, но онъ правъ юридически, и между этими двумя „правами“ или „правдами“ (какъ хотите) стоитъ о. Викторинъ, у котораго для деревенскаго мечтателя и борца не находится ничего, кромѣ совѣта покориться Флегонтовой силѣ...

Въ заключеніе ночного разговора о. Викторинъ проситъ:

— Ну, а ты вотъ что... Ты слушай-ка, Зосима. Ты тамъ никому ни слова, понимаешь?.. По настоящему-то я тебя представить долженъ, какъ бѣгуна... Смотри же.

— Не бойсь, батюшка, не выдамъ...

„О. Викторинъ тронулъ возжами и поѣхалъ дальше. Ему думалось, что въ самомъ дѣлѣ такъ жить нельзя, какъ живутъ курычанцы. На его глазахъ они совсѣмъ отощали! Бьется народъ... И ища причины этому, онъ со вздохомъ подумалъ, что пало древлее благочестіе, и Господь посылаетъ кары народу... Онъ даже подумалъ, что не дурно бы сказать проповѣдь на эту тему“...

Уже изъ этихъ коротенькихъ выдержекъ читатель видитъ, что въ разсказѣ г-на Гусева взята тоже своего рода трагедія. Въ жизни Василія Ѳивейскаго мы имѣемъ дѣло съ общей формулой,—здѣсь съ ея частнымъ примѣненіемъ, будничнымъ, обыкновеннымъ, пожалуй, избитымъ. Тамъ—большой вопросъ „духа“, здѣсь—частный случай маленькой житейской правды, и конечно, мы не сравнимъ этихъ двухъ разсказовъ по значенію и силѣ впечатлѣнія. Но намъ невольно приходитъ въ голову, что суровая сила изображенія и глубина въ постановкѣ вопросовъ, присущая г-ну Андрееву, не пострадали бы, а скорѣе бы выиграли отъ той простоты и непосредственной правдивости, какую мы видимъ въ „реалистическихъ“ пріемахъ г-на Гусева. Мы имѣли бы литературное явленіе того огромнаго значенія, на которое теперь лишь намекаетъ разсказъ г-на Андреева своими величавыми, но схематичными и не вездѣ правильными контурами. У г-на Андреева есть глубина и широта захвата. Пожелаемъ ему побольше простоты и реальности изображенія, т.-е. именно правды, правды и правды...

IV.

То же пожеланіе, но только еще въ гораздо большей степени, слѣдуетъ высказать по поводу произведенія г-на Юшкевича—„Евреи“.

Рамка, которую взялъ г. Юшкевичъ, очень широка, тема тоже интересна и значительна. Повидимому, авторъ имѣлъ въ виду изобразить пробужденіе самосознанія и человѣческаго достоинства въ страдающей и забитой средѣ своихъ соплеменниковъ-евреевъ,—болѣе страдающей и болѣе забитой, чѣмъ какая бы то ни была другая среда. Задача большая и важная, и, конечно, художнику, который за нее берется, слѣдуетъ пожелать всякаго успѣха.

Въ сборникѣ напечатаны пока только „отрывки изъ повѣсти“, которые представляютъ лишь матеріалъ для будущей широкой постройки. Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ главъ чрезвычайно неопредѣленно, и отзывъ еще затрудняется нѣкоторыми побочными обстоятельствами. Внѣшній, такъ сказать, топографскій видъ повѣсти г. Юшкевича рождаетъ въ умѣ невольное представленіе о полѣ, надъ которымъ промчался сильный вихрь. Нѣкоторыя страницы напечатаны разрядкой, мѣстами онѣ меньше другихъ. Повидимому, текстъ подвергался запоздалой и торопливой передѣлкѣ *)... Это, конечно, сильно затрудняетъ критическое сужденіе, которое мы и произносимъ поэтому съ оговоркой. Но и при всей вызываемой этимъ обстоятельствомъ осторожности,—намъ всетаки кажется, что автору можно сдѣлать упрекъ въ значительной неряшливости и неотдѣланности работы. Нѣкоторые періоды, особенно въ первой трети, производятъ впечатлѣніе элементарной небрежности, доходящей иной разъ прямо до неграмотности. „Ничтожнѣйшій товаръ какимъ-то непостижимымъ чудомъ оказывался нужнымъ, превращался въ хлѣбъ, и кусокъ стараго желѣза, отъ котораго кормились тысячи семей, вдохновлялъ мысль, вызывалъ свѣтъ надежды, и на его алтарь (алтарь куска желѣза!) бросались человѣческія жертвы“ (II. 176)... „Не было предѣла *своему* истязанію (ib). Лопалась кожа на рукахъ, на плечахъ, темнѣло въ глазахъ, терялось дыханіе, все шло въ желѣзный тюкъ вмѣстѣ съ алканіемъ лучшаго будущаго. Погружен*ные* по сердце въ трудъ, измучен*ные*, въ длиннополыхъ сюртукахъ, какъ армія безсмысленныхъ рабовъ, служившая хозяину,—*никто* не бросалъ на мигъ дѣла“... Или „Нахманъ еще не понималъ ясно, что случилось, что происходитъ съ нимъ, но одна искра обжигала его неустанно, шли дни за днями, и гнѣвъ его незамѣтно выдыхался. И то, что онъ начиналъ свыкаться съ неизбѣжностью безумнаго труда, который раздавилъ и раз-

*) Можно предполагать цензурное вмѣшательство (позднѣйшее примѣчаніе, въ свое время выкинутое цензурой. В. К.).

сѣкъ его, что со всѣхъ сторонъ чужая жизнь билась въ его душу и вызывала у нея участіе, онъ самъ пришелъ къ нормѣ, какъ приводится къ правильному бѣгу молодая лошадь, если перегрузить ее тяжестью“ (177).

Мы взяли эти безсвязные обрывки наудачу всего лишь на двухъ страницахъ. Но такими описаньями, въ которыхъ „алтари куска желѣза“ перепутываются въ шероховатыхъ періодахъ съ какими-то непрестанно обжигающими искрами (отъ которыхъ, однако, „выдыхается гнѣвъ“) или съ трудомъ, который „раздавилъ и разсѣкъ“ человѣка, чѣмъ и „привелъ его къ нормѣ“, авторъ наполняетъ цѣлыя страницы. Яркія, колючія и жгучія слова мелькаютъ въ какомъ-то безпорядочномъ изобиліи, оставляя впечатлѣніе взволнованной торопливости, но не давая представленія объ общей картинѣ этого загадочнаго труда (рѣчь, повидимому, идетъ о мелкой торговлѣ старьевщиковъ), ни о средѣ. За то, когда авторъ рисуетъ тотъ періодъ жизни своего героя, когда онъ былъ чернорабочимъ, то тутъ мы встрѣчаемся съ преувеличеніями уже въ другую сторону. Это время „казалось (Нахману) временемъ гигантовъ. Всѣ люди были сильными, здоровыми, насмѣшливыми, какъ будто не существовало страданій, и они не знали мученій. Тягота царила, но никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, въ которомъ солнце должно было быть большимъ, горячимъ, а работа широкимъ размахомъ души, бродившихъ силъ, радостью тѣла“... „*Чудно и упоительно* было работать съ партіей поденщиковъ... *Какъ сладокъ* былъ черный хлѣбъ послѣ труда! Разстегнутая косоворотка открывала крѣпкую молодую грудь, легко дышавшую. Сильныя челюсти съ зубами, подобными жерновамъ и топорамъ, чудно работали. И хороши были ночи въ небольшой комнатѣ, гдѣ въ повалку спали десятки людей, съ теплыми тѣлами, *которыя грѣли, какъ ласка*“ (!). „Вспоминалъ ли онъ время, когда ѣздилъ извозчикомъ, и въ тяжеломъ армякѣ съ твердой, какъ желѣзо, шапкой на головѣ, носился цѣлыя ночи до утра,—все теперь казалось въ пѣсняхъ (?) Пахнулъ армякъ, широкій и свободный, тяжелая шапка мнилась изъ золота, а холодныя ночи... были, какъ не отъ міра...

Повидимому, у г-на Юшкевича совсѣмъ нѣтъ на палитрѣ среднихъ тоновъ, а въ голосѣ среднихъ нотъ. Отъ этого авторъ впадаетъ въ постоянныя и крупныя противорѣчія, то увѣряя насъ, что среда, которую онъ изображаетъ, не думаетъ ни о чемъ, кромѣ хлѣба и хлѣба, то изображая людей, говорящихъ книжнымъ языкомъ объ однѣхъ высокихъ и отвлеченныхъ матеріяхъ.

Приблизительно со второй трети разсказъ становится болѣе живымъ, болѣе связнымъ и порой прямо интереснымъ. Но все же и здѣсь впечатлѣніе далеко не однородно: мотивъ сильный, изложеніе прони нуто яркимъ одушевленіемъ. Но фигуры кажутся взятыми не съ натуры. Нахманъ сильно напоминаетъ нѣкоторыхъ героевъ Горькаго. Неся, дѣвушка изъ бѣдной семьи, говоритъ, какъ героиня Ауэрбаха... Ее влечетъ городъ съ его огнями, блескомъ и развратомъ.

— Смотрите, Нахманъ, — говоритъ она: — оглядите меня... Не лгите. О, будьте смѣлы, хоть теперь! Подумайте, — продать это негодное тѣло, которое здѣсь никому не нужно, отдать живого человѣка, надъ которымъ издѣвается отецъ, преслѣдуютъ нищіе-бѣдняки, и на мигъ стать сильной, крѣпкой, какъ золото, ходить среди гордыхъ, богатыхъ людей и хоть одинъ разъ сказать „я“,—что можетъ меня удержать?..

И затѣмъ, когда ея паденіе уже совершилось, она говоритъ тому же Нахману:

— Вотъ я смотрю на городъ, и опять что-то бьется въ груди попрежнему, и хочется крыльевъ, чтобы полетѣть на огонь. Не городъ звалъ меня,—скажите, кто?.. И т. д.

Неся—дочь бѣдняка-торговца изъ полунищей семьи. Если бы намъ описали такимъ образомъ русскую дѣвушку изъ какого-нибудь предмѣстія, — мы сказали бы опредѣленно, что это описаніе неправдоподобно... Тотъ же, быть можетъ, психическій мотивъ сказался бы не такъ книжно, не такъ приподнято изысканно и искусственно. Но здѣсь рѣчь идетъ объ еврейской средѣ. Можетъ быть, думаетъ читатель, *у нихъ* это и такъ... Можетъ быть между ними и ведутся всѣ эти разговоры, и произносятся красивые монологи.

Мы теперь очень чутки къ проявленіямъ всякой новой силы, и намъ такъ хочется вѣрить, что эти новыя силы уже нарождаются, что онѣ уже есть и должны сказаться въ скоромъ времени. И потому мы чутки также къ мотивамъ, разработываемымъ, съ большой, повидимому, вѣрой и одушевленіемъ, въ разсказѣ г-на Юшкевича. Но одного одушевленія мало: намъ нужна жизненность и простота образовъ, такая жизненность, при которой не приходилось бы дѣлать предположенія— „такъ ли это дѣйствительно? и есть ли такіе люди“,—а оставалось бы только смотрѣть: вотъ они, живые, достовѣрные въ художественно правдивомъ изображеніи. Пока этого на основаніи работы г-на Юшкевича мы сказать не можемъ. Его герои и ихъ монологи производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто это не картина изъ жизни, а какая-то романтическая феерія при искусственномъ освѣщеніи...

Вообще, — „отрывки изъ повѣсти“ г-на Юшкевича представляютъ пока матеріалъ, возбуждающій интересъ, но надъ которымъ автору слѣдовало много и серьезно поработать прежде, чѣмъ отдавать на судъ читателя...

V.

„Вишневый садъ“ покойнаго Чехова вызвалъ уже цѣлую литературу. На этотъ разъ свою тоску онъ пріурочилъ къ старому мотиву—дворянской безпечности и дворянскаго раззоренія, и потому впечатлѣніе пьесы значительно слабѣе, чѣмъ отъ другихъ чеховскихъ драмъ, не говоря о разсказахъ. Главнымъ героемъ этой послѣдней драмы, ея центромъ, вызывающимъ, пожалуй, и наибольшее сочувствіе, является вишневый садъ, разросшійся когда-то въ затишьи крѣпостного права и обреченный теперь на срубъ, благодаря неряшливой распущенности, эгоизму и неприспособленности къ жизни эпигоновъ крѣпостничества. Въ драмѣ есть много чисто чеховскихъ черточекъ, и общій тонъ, обвѣянный знакомою намъ печалью, долженъ производить (особенно въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ и при томъ въ сценическомъ исполненіи) свое обычное обаяніе, но въ общемъ, всетаки, это вещь болѣе для сцены, чѣмъ для чтенія, и въ цѣломъ представляетъ что-то экзотическое. А фигура „облѣзлаго студента“, въ которомъ должны звучать ноты бодрости и надежды, производитъ впечатлѣніе невыясненности и недоумѣнія: почему надежда на будущее ассоціирована съ внушающей уныніе полинялостью и безнадежною тусклостью.

Въ посмертныхъ замѣткахъ, посвященныхъ глубоко-симпатичной памяти покойнаго писателя, мы встрѣтили между прочимъ упоминаніе, что ему очень нравились очерки г. Бунина, озаглавленные „Черноземъ“ и помѣщенные въ первомъ сборникѣ „Знанія“. Мы можемъ понять это: очерки г-на Бунина разработываютъ тотъ же запоздалый мотивъ и проникнуты той же печалью о призракахъ, когда-то жившихъ, радовавшихся и любившихъ среди уюта „дворянскихъ гнѣздъ“, которые мы встрѣчаемъ и въ послѣдней драмѣ Чехова. Къ сожалѣнію, намъ приходится сказать, что мы не раздѣляемъ этой оцѣнки по отношенію къ даннымъ очеркамъ г-на Бунина. Его „Черноземъ“ — это легкія виньетки, состоящія преимущественно изъ описаній природы, проникнутыхъ лирическими вздохами о чемъ-то ушедшемъ... Эта внезапно ожившая элегичность намъ кажется запоздалой и тепличной. Прежде всего,—мы уже имѣли ея такъ много и въ такихъ сильныхъ образцахъ. Въ произведеніяхъ Тургенева этотъ мотивъ, весь

еще трепетавшій живымъ ощущеніемъ свѣжей раны, жадно ловился поколѣніемъ, которому былъ близокъ и родственъ, но и тамъ онъ составлялъ всегда фонъ, а не содержаніе тургеневскихъ картинъ, полныхъ живыми образами. Потомъ на смѣну тургеневскаго поколѣнія художниковъ пришли люди, которые сами не имѣли ни дворянскихъ гнѣздъ, ни вишневыхъ садовъ, и потому могли смѣяться надъ этой элегіей „насмѣшкой горькою обманутаго сына“ или даже смѣхомъ совсѣмъ чужихъ людей... И они смѣялись то весело, то язвительно и горько въ произведеніяхъ Слѣпцова, Успенскихъ (Николая и Глѣба), Щедрина, Сергѣя Атавы и другихъ помельче. И не странно ли, что теперь, когда цѣлое поколѣніе успѣло родиться и умереть послѣ катастрофы, разразившейся надъ тѣнистыми садами, уютными парками и задумчивыми аллеями, насъ вдругъ опять приглашаютъ вздыхать о тѣняхъ прошлаго, когда-то наполнявшихъ это нынѣшнее запустѣніе. Но вѣдь съ тѣхъ поръ въ русской жизни проложили или пытались проложить столько новыхъ аллей и проспектовъ, насадили или пытались насадить столько садовъ... И столько ихъ запустѣло, заглохло или пало подъ ударами топоровъ, — что право намъ нужно экономить наши вздохи... „Вишневый садъ“ у г-жи Раневской, „Золотое дно“ у сестры разсказчика въ „Черноземѣ“ были и прошли, и Богъ съ ними, тѣмъ болѣе, что г-жа Раневская благополучно ѣдетъ за границу къ своему другу-альфонсу... Вотъ то, что г-нъ Бунинъ только намѣчаетъ среди своихъ элегическихъ картинокъ (второй очеркъ: „Сны“), тѣ толки угрюмымъ шопотомъ о старомъ и новомъ, которыми дѣлятся въ сумракѣ вагона III класса неясныя сѣрыя фигуры,—могло бы быть интересно. Но... случайно или не случайно, г. Бунинъ ихъ не дослушалъ...

VI.

Совершенно другое впечатлѣніе—живое, суетливое, довольно яркое, но и довольно пестрое — производитъ „деревенская драма“ въ 4-хъ дѣйствіяхъ Гарина. Драмы, собственно, нѣтъ или, вѣрнѣе — тутъ столько драмъ въ одно время, что эти бѣглые наброски едва ли можно считать одной драмой. Всѣ фигуры намѣчены талантливой и бойкой рукой, языкъ—живой, образный, подлинно народный. Но въ общемъ—всетаки впечатлѣніе получается пестрое и непрочное (не беремся судить, что вышло бы на сценѣ). Есть у г-на Гарина убійство, отравленіе женою мужа, иллюстраціи „разложенія общины“. Всякій эпизодъ въ отдѣльности — живая сцена, все въ цѣломъ—калейдоскопъ и мельканіе. И это потому, что картинки

г-на Гарина составляютъ какъ бы подражаніе „Власти тьмы“ Л. Н. Толстого. Но „Власти тьмы“ подражать нельзя. Это уникъ въ своемъ особомъ родѣ, огромное зданіе, воздвигнутое геніальной рукой въ литературномъ тупикѣ, откуда нѣтъ дальше хода для литературнаго подражанія и школы.

По поводу этого произведенія у г-на Гарина завязалась полемика съ критикомъ „Русскихъ Вѣдомостей“. Въ своемъ возраженіи на нѣкоторыя замѣчанія критика (г-на И.) авторъ говорилъ о темнотѣ народной среды, о необходимости вскрывать ея язвы и о вредномъ значеніи общины. Разумѣется, нельзя спорить съ тѣмъ, что народная среда темна, и съ тѣмъ, что язвы вскрывать необходимо. Но даже спорность вопроса о современномъ значеніи общины еще не говоритъ въ пользу художественнаго значенія данной драмы. Намекъ на дѣйствительную драму есть только въ эпизодѣ съ отравленіемъ молодой женой „гнилого“ мужа. Но, во-первыхъ, мотивъ этотъ далеко не новъ: мы можемъ указать, напримѣръ, прекрасный разсказъ г-на Мамина („Отрава“), гдѣ это явленіе народной жизни освѣщено во всемъ его простомъ и мрачномъ трагизмѣ. А, во-вторыхъ, этотъ эпизодъ лишь намѣченъ и идетъ параллельно съ другими, затронутыми такъ же бѣгло и такъ же „мимоходно“. И въ концѣ-концовъ — драма можетъ подать поводъ къ обмѣну мнѣній на извѣстныя „марксистскія“ темы о мужикѣ, деревнѣ и вредномъ вліяніи общины, и только. А это жаль, потому что, несомнѣнно, въ работѣ видна талантливая рука и бойкая умѣлая манера.

VII.

Наша замѣтка такъ разрослась, что теперь намъ остается лишь кратко упомянуть о другихъ разсказахъ двухъ сборниковъ „Знанія“. Во второй книгѣ г-нъ Чириковъ въ просто и безпритязательно написанномъ разсказѣ „На порукахъ“ затрогиваетъ старый вопросъ „Отцовъ и дѣтей“, въ тѣхъ новыхъ формахъ, которыя созданы особенностями нашей современной жизни и такъ широко популяризованы въ послѣдніе годы. По свойству своего дарованія г. Чириковъ беретъ вопросъ не въ самыхъ острыхъ и трагическихъ его формахъ. Его „ссыльный студентъ“, невольно пріѣзжающій къ родителямъ въ глухой городишко,—еще почти ребенокъ, и потому драма предстаетъ въ формахъ полукомическихъ и сравнительно благодушныхъ. Но вся картинка набросана задушевно и правдиво. Въ „Мирномъ житіи“ А. Куприна характерными чертами изображена фигура доносчика по призванію. „Въ пути“ А. Серафимовича—основной мотивъ (внезапное пробужденіе

зависти и вражды къ велосипедисту со стороны замученнаго труженика) нѣсколько загруженъ обиліемъ деталей. Разсказъ г-на Вересаева „Передъ завѣсой“ — интересная попытка изобразить смутное ощущеніе или вѣрнѣе предчувствіе чего-то, что должно освѣтить особымъ свѣтомъ явленія жизни... Но это „что-то“ не находитъ формы и исчезаетъ, какъ туманъ. Въ очеркѣ г. Телешова „Межъ двухъ береговъ“—путевой эскизъ съ попыткой нѣкоторыхъ обобщеній. Одинъ изъ пассажировъ сибирскаго парохода волею отечественныхъ судебъ поставленъ въ такое положеніе, что „можетъ присутствовать только на этой вотъ сторонѣ рѣки, а вонъ на той— не можетъ. Ѣдетъ хотя посередкѣ того и другого, межъ двухъ береговъ, но контрабандой“. И другіе собесѣдники находятъ, что его положеніе очень типично.

Пожалуй, это и правда...

1903 г.

Старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ

(герой повѣсти Л. Н. Толстого).

О старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, героѣ повѣсти Л. Н. Толстого, въ историческихъ журналахъ существуетъ цѣлая, небольшая, правда, литература, а въ послѣдніе годы личность таинственнаго отшельника стала предметомъ очень обстоятельнаго изслѣдованія. Было бы удивительно, если бы эта загадочная фигура не привлекла художественнаго вниманія Л. Н. Толстого, до такой степени она заманчива и колоритна именно въ толстовскомъ духѣ: какъ бы ни выяснилась въ дальнѣйшемъ дѣйствительная личность, скрывшая свое происхожденіе подъ кличкой Ѳедора Кузьмича, — но и теперь уже несомнѣнно, что подъ этимъ скромнымъ именемъ въ далекой Сибири угасла жизнь, начавшаяся среди блеска на высотахъ общественнаго строя. Итакъ—отреченіе и добровольный уходъ,—таково содержаніе этой загадочной драмы.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ то, что извѣстно о Ѳедорѣ Кузьмичѣ.

Осенью 1836 года къ одной изъ кузницъ около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ верхомъ неизвѣстный человѣкъ, въ простомъ крестьянскомъ кафтанѣ, и попросилъ подковать ему лошадь. Много, безъ сомнѣнія, всякаго званія людей проѣзжало по Красноуфимскому тракту, и многіе изъ нихъ подковывали своихъ лошадей, свободно отвѣчая на обычные вопросы любопытныхъ кузнецовъ. Но въ фигурѣ незнакомца было, повидимому, что-то особенное, обращавшее вниманіе, а обычные „придорожные“ разговоры онъ поддерживалъ, можетъ быть, неумѣло и уклончиво. Можетъ быть также, что и одежда была для него не совсѣмъ привычна, и въ окружающей обстановкѣ онъ оріентировался плохо. Какъ бы то ни было, — разговоръ съ кузнецами закончился

тѣмъ, что неизвѣстнаго задержали и, по россійской традиціи, представили для разрѣшенія недоумѣній „по начальству“.

На допросѣ онъ назвался крестьяниномъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ, но на дальнѣйшіе вопросы отвѣчать отказался и объявилъ себя бродягой, не помнящимъ родства. Послѣдовалъ, конечно, судъ за бродяжество и, „на основаніи существующихъ узаконеній“, приговоръ: двадцать ударовъ плетей и ссылка въ каторжныя работы. Не смотря на многократныя убѣжденія мѣстныхъ властей, относившихся съ невольной симпатіей къ незнакомцу, въ манерахъ котораго чувствовалось повидимому какое-то превосходство,—онъ стоялъ на своемъ, принялъ свои 20 ударовъ, и 26 марта 1837 г. непомнящій родства бродяга Ѳедоръ Кузьмичъ прибылъ съ арестантской партіей въ дер. Зерцалы, Боготольской волости, близъ гор. Ачинска *). Такимъ образомъ неизвѣстный, появившійся нивѣсть откуда и не съумѣвшій удовлетворить любопытство красноуфимскихъ кузнецовъ, смѣшался съ безправной массой арестантовъ и каторжниковъ. Здѣсь, однако, онъ опять сразу выдѣлился на тускломъ фонѣ преступниковъ, страдающихъ и угнетенныхъ.

Наружность этого человѣка всѣ, знавшіе его, согласно описываютъ слѣдующими чертами: ростъ выше средняго (около 2 арш. 9-ти вершковъ), плечи широкія, высокая грудь, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое; вообще черты чрезвычайно правильныя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, повременамъ, однако, проявлялъ легкіе признаки привычно сдерживаемой вспыльчивости. Одѣвался болѣе чѣмъ скромно: въ грубую холщевую рубаху, подпоясанную веревочкой, и такіе же порты. На ногахъ коты и шерстяные чулки. Все это очень чистое. Вообще старецъ былъ чрезвычайно опрятенъ.

Первыя пять лѣтъ „бродяга“ Ѳедоръ Кузьмичъ прожилъ на казенномъ Краснорѣчинскомъ винокуренномъ заводѣ, въ 15-ти верстахъ отъ дер. Зерцалъ. На принудительныя работы его, впрочемъ, не употребляли: и начальство, и служащіе завода относились къ благообразному старцу съ особой внимательностью. Поселился онъ сначала у пригласившаго его въ свой домъ отбывшаго срокъ каторги Ивана Иванова. Но потомъ, замѣтивъ, что старикъ тяготится совмѣстной жизнью въ избѣ, Иванъ убѣдилъ односельцевъ построить для Кузьмича отдѣльную келію, въ которой онъ и прожилъ одиннадцать лѣтъ. Пробовалъ старецъ и тяжелой работы: нанялся

---

*) „Русская Стар.“, янв., февр., мартъ 1892 г. Справка изъ экспед. о ссыльныхъ въ гор. Томскѣ.

на золотые пріиски, но скоро бросилъ. Жилъ послѣ этого на пасѣкахъ, въ лѣсныхъ кельяхъ, училъ по деревнямъ ребятъ. И всюду къ нему влеклись простыя сердца; къ Кузьмичу несли свои грѣхи и скорби, печали и недуги, простую вѣру и несложные вопросы. „Наставленія его всегда были серьезны, немногорѣчивы, разумны, часто мѣтили на сокровенныя тайны сердца“,—такъ говоритъ лично его знавшій и писавшій о немъ „Епископъ Петръ“.

Вскорѣ простая и богобоязненная среда почувствовала потребность снять съ Кузьмича всѣ житейскія заботы и его наперерывъ звали къ себѣ на жительство разные люди. Такъ жилъ онъ еще на пасѣкѣ у богатаго крестьянина Латышева въ Краснорѣчинской станицѣ, уходилъ въ лѣса, въ глухую деревню Карабейникову, „для большаго уединенія“, но затѣмъ опять вернулся въ Краснорѣчинскъ... Въ 1852 году томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, проѣзжая тѣми мѣстами по торговымъ дѣламъ, познакомился съ Кузьмичемъ и сталъ заѣзжать къ нему для бесѣды. Впослѣдствіи Хромовъ уговорилъ его переѣхать на жительство сначала на свою заимку подъ Томскомъ, а потомъ построилъ ему келью въ своемъ городскомъ саду. Здѣсь загадочный старецъ прожилъ до своей смерти, окруженный въ семьѣ хозяина настоящимъ культомъ. Даже среди прозаическихъ и скудно надѣленныхъ воображеніемъ сибиряковъ, — культъ этотъ распространился довольно широко. Отшельника посѣщали простецы-крестьяне, купцы, чиновники, представители духовенства. Упомянутый выше епископъ Петръ написалъ о немъ, на основаніи личнаго знакомства, воспоминанія, проникнутыя простодушной увѣренностью въ святости Кузьмича; онъ приводитъ случаи его сверхъестественной прозорливости и даже прямо чудесъ. Впослѣдствіи его высокопревосходительство Георгій Петровичъ Побѣдоносцевъ, во избѣжаніе соблазна, строгими циркулярами воспретилъ считать бывшаго арестанта за святого, но, конечно, достигъ лишь того, что благоговѣйные толки съ печатью офиціальнаго запрета—распространялись еще шире. Другой епископъ, посѣтившій старца во время его болѣзни, вышелъ изъ его кельи, объятый недоумѣніемъ и сомнѣніями. находя, что „старецъ едва ли не въ прелести“. До такой степени рѣчи его были невмѣстимы скромному званію.

20 января 1864 года старецъ умеръ въ своей кельѣ, послѣ короткой болѣзни, не пріобщаясь св. тайнъ, оставивъ послѣ себя загадку и легенду...

Легенда эта встрѣтилась съ другой. За 39 лѣтъ до этого, въ далекомъ окраинномъ Таганрогѣ, умеръ императоръ

Александръ I, неожиданно и при обстоятельствахъ, поразившихъ народное воображеніе. Нѣкій дворовый человѣкъ Ѳедоръ Ѳедоровъ собралъ и записалъ ходившіе въ его время „московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые“ *)... Слуховъ оказалось 51, и въ томъ числѣ были такіе: „Слухъ 9-й: Государь живъ. Его продали въ иностранную неволю. 10-й слухъ: Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море... 37-й слухъ: Самъ Государь будетъ встрѣчать свое тѣло, и на 30-й верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него“... 32-й слухъ гласитъ, что однажды, когда Государь въ Таганрогѣ пріѣхалъ въ строившійся для Елизаветы Алексѣевны дворецъ,—караульный солдатъ предупредилъ его: „Не извольте входить на оное крыльцо. Васъ тамъ убьютъ изъ пистолета“. Государь сказалъ: — Хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть? Ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ награжденъ. То солдатъ на оное согласился“ и т. д.

Кромѣ этихъ слуховъ, простодушно зарегистрированныхъ дворовымъ грамотеемъ, ходило, навѣрное, и еще много другихъ въ томъ же родѣ. И изъ всѣхъ этихъ фантазій складывалась легенда: царь Александръ I, вступившій на престолъ послѣ насильственной смерти отца, избѣгнувъ самъ той же участи, отрекается отъ короны, отъ земного величія и идетъ, въ самомъ низкомъ званіи, замаливать грѣхи могущества и власти...

Что же стало съ нимъ дальше?

Вотъ онъ, спустя 39 лѣтъ послѣ отреченія, завершаетъ подвижническую жизнь въ убогой кельѣ подъ Томскомъ.

Такъ стройно и цѣльно воплотилась обычная мечта русскаго народа, находившая такіе родственные отклики въ душѣ великаго русскаго писателя. Въ одномъ образѣ она соединила могущественнѣйшаго изъ царей и самаго безправнаго изъ его безправныхъ подданныхъ. Легенда держалась, крѣпла, разносилась по широкой Сибири, повторялась въ дальнихъ монастыряхъ, записывалась „епископами Петрами“ и сельскими священниками, попадала въ печать и, наконецъ, проникла, въ видѣ сдержанныхъ, но многозначительныхъ предположеній, на страницы солиднаго историческаго труда В. К. Шильдера. „Если бы—пишетъ этотъ историкъ (въ IV-мъ

---

*) Вел. кн. Николай Михаиловичъ: „Легенда о кончинѣ императора Александра I-го“. „Историч. Вѣстникъ“, іюль 1907 г.

заключительномъ томѣ своей исторіи Александра I-го)—фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собой самые смѣлые поэтическіе вымыслы... Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ „сфинксъ, неразгаданный до гроба“, безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости“.

Это еще очень сдержанно и по ученому осторожно. Шильдеръ допускаетъ только: „если бы это оправдалось“... Но вел. князь Николай Михаиловичъ въ своемъ изслѣдованіи*) говоритъ, что Шильдеръ въ разговорахъ съ нимъ и другими лицами высказывался гораздо опредѣленнѣе. Исторіографъ русскихъ царей раздѣлялъ простодушную увѣренность хозяина сибирской заимки и доказывалъ правнуку Александра I-го, что его прадѣдъ, „освободитель Европы“, провелъ вторую половину своей жизни, питаясь милостыней въ убогой кельѣ далекой ссыльной стороны, что его вели съ бубновымъ тузомъ по владимiркѣ и что царственную спину полосовала плеть палача...

Правда ли это? возможно ли, что въ лицѣ Ѳедора Кузьмича жилъ и умеръ Александръ I?

Вопросъ, казалось бы, странный, но вѣдь его допускалъ компетентный историкъ двухъ царствованій... Изслѣдованіе вел. князя Николая Михаиловича, использовавшаго всѣ доступные донынѣ источники, разрушаетъ эту сказку. Смерть Александра I-го въ Таганрогѣ не могла быть симуляціей, Александръ не встрѣчалъ „на тридцатой верстѣ“ собственнаго тѣла, и въ царской усыпальницѣ въ Петропавловскомъ соборѣ покоится прахъ не солдата и не адъютанта, а подлиннаго царя **).

Кто же въ такомъ случаѣ былъ таинственный отшельникъ Хромовской заимки?

Авторъ скептическаго изслѣдованія, разрушившаго легенду

---

*) „Легенда о кончинѣ императора Александра I-го“.

**) Послѣ работы вел. князя Николая Михаиловича появилось изслѣдованіе о томъ же предметѣ кн. В. В. Барятинскаго. Авторъ изслѣдованія разрѣшаетъ историческую загадку въ положительномъ смыслѣ. По его мнѣнію, Ѳедоръ Кузьмичъ былъ дѣйствительно императоръ Александръ I. Историческая критика довольно единодушно признаетъ аргументацію автора неубѣдительной.

объ его тождествѣ съ Александромъ I, не отрицаетъ, однако, возможности „высокаго“ происхожденія страннаго незнакомца. Отвергая положительныя утвержденія Хромова, который являлся съ ними даже ко двору, великій князь Николай Михаиловичъ сообщаетъ всетаки факты выразительные и наводящіе на размышленіе. Г. Лашковъ, помогавшій автору въ собираніи матеріаловъ къ біографіи Ѳедора Кузьмича на мѣстахъ, записалъ разсказы дочери Хромова, Анны Семеновны Оловянниковой, которые считаетъ вполнѣ достовѣрными. Такъ, однажды лѣтомъ, въ чудный солнечный день, Анна Семеновна и ея мать, подъѣхавъ къ заимкѣ Ѳедора Кузьмича, увидѣли старца, гулявшаго по полю по-военному, руки назадъ и марширующимъ. Поздоровавшись съ пріѣхавшими, старецъ сказалъ: ...„Былъ такой же прекрасный день, когда я *отсталъ отъ общества*... Гдѣ былъ, и кто былъ... а очутился у васъ на полянкѣ“...

Въ другой разъ, еще въ селѣ Коробейниковѣ до переѣзда къ Хромовымъ, та же Анна Семеновна, пріѣхавъ къ Кузьмичу съ отцомъ, застала у старца необычныхъ гостей: онъ провожалъ изъ своей кельи молодую барыню и молодого офицера въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красиваго. Онъ показался Хромовымъ „похожимъ на покойнаго наслѣдника Николая Александровича“... Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу кланялись. Проводивши гостей, Ѳедоръ Кузьмичъ вернулся сіяющій и сказалъ Хромову: „Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ“.

Итакъ, за всѣми ограниченіями хромовской легенды, авторъ изслѣдованія признаетъ, что въ сибирской тайгѣ подъ видомъ смиреннаго отшельника жилъ и умеръ человѣкъ, повидимому, добровольно спустившійся въ среду отверженныхъ ссыльныхъ съ какихъ-то значительныхъ высотъ общественнаго строя... Подъ сонный шопотъ тайги съ нимъ умирала неразгаданная тайна бурной и блестящей жизни... Только порой, какъ въ описанный дочерью Хромова „яркій солнечный день“, въ смирившемся и медленно угасавшемъ воображеніи вспыхивали вдругъ картины прошлаго, расправляя старые члены и заставляя быстрѣе обращаться холодѣющую кровь... Какіе образы населяли для него тихую поляну, какіе звуки слышались въ таежномъ шорохѣ, когда смиренный отшельникъ принимался маршировать съ выпяченной грудью и выдѣлывая старыми ногами затѣйливые артикулы павловскихъ парадовъ?..

Вел. кн. Николай Михаиловичъ, разыскивая на тогдашнихъ

аристократическихъ высотахъ возможнаго будущаго Ѳедора Кузьмича, тоже идетъ въ своихъ гипотезахъ довольно далеко. Онъ допускаетъ (отдаленную, правда) возможность принадлежности таинственнаго отшельника къ царской крови. По его словамъ, у Павла Петровича, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, была связь съ вдовой князя Чарторижскаго, урожденной Ушаковой. Отъ этой связи родился сынъ, названный Семеномъ, по крестному отцу Аѳанасьевичемъ. Фамилію ему присвоили Великаго. Семенъ Великій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и впослѣдствіи служилъ во флотѣ. О немъ извѣстно очень мало, и смерть его связана съ неопредѣленными и противорѣчивыми указаніями. По однимъ источникамъ — онъ умеръ въ 1798 году, служа на англійскомъ кораблѣ „Вангардъ“ въ Вестъ-Индіи, гдѣ-то на Антильскихъ островахъ. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ утонулъ въ Кронштадтѣ...

По матери, урожденной Ушаковой, Семенъ Великій былъ въ свойствѣ съ графомъ Дмитріемъ Ерофеевичемъ Остенъ-Сакеномъ, который былъ женатъ тоже на Ушаковой. Наслѣдники этого Остенъ-Сакена утверждаютъ, что покойный графъ велъ переписку съ старцемъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ и что самыя имена Ѳедоръ и Козьма были почему-то очень часты въ семьѣ Ушаковыхъ; встрѣчались также въ семейной генеалогіи и Ѳедоры Кузьмичи...

Этими, очень пока неясными намеками ограничиваются тѣ положительныя данныя, которыя удалось установить относительно таинственнаго старца, привлекшаго вниманіе Л. Н. Толстого. Когда вел. кн. Николай Михаиловичъ прислалъ Толстому оттискъ своего изслѣдованія, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ чрезвычайно интереснымъ письмомъ:

„Очень вамъ благодаренъ, любезный Николай Михаиловичъ, за книги и милое письмо. По теперешнимъ временамъ мнѣ особенно пріятна ваша память обо мнѣ.

„Пускай исторически доказана невозможность соединенія личности Александра и Козьмича, легенда остается во всей своей красотѣ и истинности.—Я началъ было писать на эту тему, но едва ли не только кончу, но едва ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться къ предстоящему переходу. А очень жалѣю. Прелестный образъ.

„Жена благодаритъ за память и проситъ передать привѣтъ.

„Любящій васъ Левъ Толстой“.

2 сентября 1907 г.

Итакъ, даже послѣ вскрытія чисто исторической невѣрности

гипотезы, которая легла въ основаніе „Записокъ Ѳедора Кузьмича“, — великій художникъ считалъ самый образъ прелестнымъ и внутренно правдивымъ. И дѣйствительно, кто бы ни скрывался подъ именемъ отшельника Ѳедора, — императоръ Александръ или незаконный сынъ Павла, разметавшій бурную жизнь по океанамъ и ушедшій отъ міра въ глушь сибирскихъ лѣсовъ... можетъ быть, еще кто-нибудь третій,—во всякомъ случаѣ, драма этой жизни глубоко родственна основнымъ, самымъ глубокимъ и интимнымъ стремленіямъ собственной души великаго писателя...

1912 г.

Процессъ редактора „Русскаго Богатства“.

Въ началѣ 1912 года въ „Русское Богатство“ были присланы въ рукописи „Записки Ѳедора Кузьмича“ Л. Н. Толстого. А. М. Хирьяковъ, одинъ изъ редакторовъ-распорядителей посмертныхъ изданій великаго писателя, предупреждалъ редакцію журнала, что этотъ разсказъ былъ уже на разсмотрѣніи „цензуры“ и что его „не посовѣтовали“ вводить въ посмертное изданіе. Иными словами: разсказъ не пропущенъ предварительной цензурой, которая, какъ извѣстно, въ Россіи уничтожена.

Мы понимаемъ побужденія издателей посмертныхъ произведеній геніальнаго русскаго писателя; они имѣли въ виду обезпечить изданіе, имѣвшее, какъ извѣстно, филантропическія цѣли, отъ конфискаціи. Намъ, однако, вопросъ этотъ представлялся въ другомъ видѣ: мы всегда держались взгляда, что русскіе писатели и русскіе журналы не въ правѣ, среди хаоса теперешнихъ цензурныхъ взглядовъ и порядковъ, слагать съ себя трудную и отвѣтственную задачу—отстаивать на свой страхъ и рискъ ту мѣру свободы слова, какая опредѣляется предѣлами,—неясными, правда, и спорными,—но все же предѣлами закона. И вотъ почему, когда намъ принесли „Записки Ѳедора Кузьмича“ съ предупрежденіемъ, что „полуоффиціально“ они уже „запрещены цензурой“, редакція „Русскаго Богатства“ не сочла себя въ правѣ считаться съ этимъ партикулярнымъ актомъ несуществующей цензурной инстанціи и стала разсматривать произведеніе Л. Н. Толстого исключительно съ *точки зрѣнія существующихъ законовъ*. Редакція знала, конечно, что разъ уже цензура опредѣлила степень „незаконности“ разсказа съ своей точки зрѣнія, то журналъ под-

вергается риску: книжка можетъ быть задержана, а редакторъ рискуетъ судомъ. При этомъ мы не могли разсчитывать даже на то, что русскій читатель именно отъ насъ получитъ произведеніе Толстого. Мы должны были предвидѣть, что издатели накинутся на „Записки“ и выпустятъ ихъ раньше, чѣмъ книжка „Русскаго Богатства“ прорвется черезъ цензурныя и судебныя преграды... Вообще, намъ предстояла неблагодарная роль библейскаго хлѣбодара изъ сна Іосифа. Какъ извѣстно, этотъ злополучный придворный сановникъ видѣлъ во снѣ, будто онъ несетъ на головѣ корзину съ хлѣбами. Птицы небесныя расклевали хлѣбы, а самъ хлѣбодаръ былъ вдобавокъ казненъ.

Все это такъ и случилось: цензура оффиціально поддержала свое партикулярно высказанное мнѣніе. Февральская книжка съ разсказомъ Толстого была задержана. Судебная палата утвердила арестъ и разрѣшила выпустить книгу лишь по исключеніи 18 строкъ, начинающихся словами: „Кто не имѣлъ несчастья родиться въ царской семьѣ“... Началась длинная процедура: иные почтовые чиновники вырѣзали шестнадцать строкъ, другіе всю страницу, третьи всю статью. Кое-гдѣ не выдавалась вся книга. Но уже изъ этого стало очевидно, что партикулярные „совѣты“ цензуры были (что естественно) гораздо суровѣе судебной репрессіи. Оказалось, что разсказъ Толстого можетъ всетаки появиться съ исключеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ, и мелкіе издатели, зорко слѣдившіе за опытомъ „Русскаго Богатства“, не выждавъ даже заключительнаго акта судебной борьбы, выпустили разсказъ съ этими купюрами.

Такова исторія появленія въ Россіи одного изъ замѣчательныхъ посмертныхъ произведеній Толстого, въ которое онъ вложилъ, кромѣ художественныхъ, еще и интимныя откровенія собственной души. Цензура встрѣтила его конфискаціей и запрещеніемъ. Судебная палата утвердила эту репрессію, и редакторъ „Русскаго Богатства“ былъ преданъ суду по обвиненію въ „дерзостномъ неуваженіи къ верховной власти“.

27-го ноября 1912 года судебная палата съ сословными представителями вынесла подсудимому оправдательный приговоръ, постановивъ снять арестъ съ февральской книжки „Русскаго Богатства“. Этотъ приговоръ имѣетъ двойное значеніе: онъ ломаетъ цензурную печать, наложенную на одно изъ значительныхъ произведеній русскаго генія. Это во-первыхъ. И, во-вторыхъ, закрѣпляетъ еще разъ, въ результатѣ судебной борьбы, за русской исторической и художественной литературой новую область, отведенную закономъ, но еще

упорно оспариваемую цензурой и отчасти судебной практикой.

Въ виду этого журналъ счелъ нужнымъ дать читателямъ отчетъ объ этомъ судебномъ засѣданіи.

По обвинительному акту дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Опредѣленіемъ С.-Петербургской судебной палаты отъ 20-го марта 1912 г. былъ утвержденъ наложенный С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати на № 2-й издаваемаго дворяниномъ Владиміромъ Короленко журнала „Русское Богатство“ за 1912 г. арестъ, при чемъ противъ самого Короленко было затѣмъ возбуждено уголовное преслѣдованіе по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 128 ст. Угол. Уложенія.

„Изъ дѣла усматривается, что основаніемъ къ наложенію ареста на упомянутый № журнала и къ возбужденію противъ Короленко уголовнаго преслѣдованія послужила имѣющаяся въ означенномъ номерѣ статья Льва Толстого подъ заглавіемъ „Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича, умершаго 20 января 1864 г. въ Сибири, близъ гор. Томска, на заимкѣ купца Хромова“, въ коей Толстой воспользовался создавшеюся легендой о тождествѣ старца Ѳедора Кузьмича съ личностью Императора Александра Благословеннаго; въ означенной статьѣ, приводя въ видѣ дневника старца Ѳедора Кузьмича личныя размышленія и впечатлѣнія Императора Александра I по поводу его жизни и причинъ, побудившихъ его оставить тронъ, Толстой, между прочимъ, приписалъ Государю слѣдующія выраженія: „Я одинъ со своими преступными воспоминаніями“... „Богъ оглянулся на меня, и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ“... „Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ жилъ эти послѣдніе 24 года. Я—величайшій преступникъ. Я всегда желалъ и желаю. Желалъ прежде побѣды надъ Наполеономъ, желалъ умиротворенія Европы, желалъ освобожденія себя отъ короны“... „Я чувствую это теперь, освободившись отъ большей части того, что скрывало отъ меня сущность моей души, ея единство съ Богомъ, скрывало отъ меня Бога“... Такимъ образомъ, по мысли автора, отреченіе отъ Верховной Власти являлось спасеніемъ отъ преступленія, отъ грѣха, отъ единенія съ Богомъ. Придерживаясь такого взгляда, авторъ видитъ несчастіе уже въ самой принадлежности къ царской семьѣ, въ рожденіи въ ней

и выражаетъ эту мысль буквально слѣдующими словами: „Людямъ, не имѣвшимъ несчастія родиться въ царской семьѣ, я думаю, трудно представить себѣ всю ту извращенность взгляда на людей и на свои отношенія къ нимъ, которую испытывали мы, испытывалъ я. Вмѣсто того естественнаго ребенку чувства зависимости отъ взрослыхъ и старшихъ, вмѣсто благодарности за всѣ блага, которыми пользуешься, намъ внушалась увѣренность въ томъ, что мы особенныя существа, которыя должны быть не только удовлетворяемы всѣми возможными для людей благами, но которыя однимъ своимъ словомъ, улыбкой не только расплачиваются за всѣ блага, но вознаграждаютъ и дѣлаютъ людей счастливыми. Правда, отъ насъ требовали учтиваго отношенія къ людямъ, но я дѣтскимъ чутьемъ понималъ, что это—только видимость и что это дѣлается не для нихъ, не для тѣхъ, съ кѣмъ мы должны быть учтивы, а для себя, для того, чтобы еще значительнѣе было свое величіе“.

„На вышеуказанной статьѣ поставлена дата 1905 г., и внизу ея напечатано: „перепечатка разрѣшается“. Изъ сообщенія Старшаго Инспектора типографій въ г. С.-Петербургѣ на имя Судебнаго Слѣдователя усматривается, что февральская книжка журнала „Русское Богатство“ была отпечатана въ 17.000 экземпляровъ, изъ коихъ конфисковано лишь 279 экземпляровъ, а остальные разошлись.

„При допросѣ въ качествѣ обвинямаго Короленко виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что въ инкриминируемой ему статьѣ въ художественной формѣ изображенъ созданный Толстымъ обликъ царя, отрекшагося отъ престола и разсказывающаго о происшедшемъ съ нимъ душевномъ переворотѣ.

„На основаніи вышеизложеннаго дворянинъ Владимиръ Галактіоновъ Короленко, 58 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что, состоя редакторомъ-издателемъ журнала „Русское Богатство“, въ № 2 этого журнала отъ 5 февраля 1912 г. съ намѣреніемъ, съ цѣлью оказанія дерзостнаго неуваженія Верховной Власти и порицанія установленнаго Законами Основными образа правленія, напечаталъ произведеніе Льва Толстого, озаглавленное „Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича“ и написанное имъ, Толстымъ, въ 1905 году, причемъ въ указанномъ произведеніи авторъ, воспользовавшись создавшейся легендой о тождествѣ старца Ѳедора Кузьмича съ личностью Императора Александра Благословеннаго, высказываетъ устами Ѳедора Кузьмича общую мысль о безуміи, преступности и грѣховности Верховной Власти, которой облечены

Русскіе Государи, подтверждая эту мысль разсужденіями Ѳедора Кузьмича (онъ же императоръ Александръ Благословенный) по поводу его личной жизни и, между прочимъ, отъ имени якобы Ѳедора Кузьмича, умершаго 20 января 1864 года, а на самомъ дѣлѣ гораздо позднѣе, въ 1905 году, въ моментъ написанія произведенія, т. е. отъ себя лично выражается: „Людямъ, не имѣвшимъ несчастья родиться въ царской семьѣ, я думаю, трудно представить себѣ ту извращенность взгляда на людей и на свои отношенія къ нимъ, которую испытывали мы, испытывалъ я“... (и т. д. Слѣдуетъ приведенная уже выше цитата, которую мы не повторяемъ. *Ред.*).

„Означенное преступленіе предусмотрѣно 128 ст. Угол. Улож.

„Вслѣдствіе этого и на основаніи 2 п. 1032 Уст. Угол. Судопр., названный Короленко подлежитъ Суду С.-Петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей“.

Засѣданіе суд. палаты 27 ноября происходило подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя сенатора Н. С. Крашенинникова.

Обвинялъ тов. прокурора г. Сергѣевъ. Защищалъ подсудимаго Короленко прис. повѣренный О. О. Грузенбергъ.

На вопросъ о виновности В. Г. Короленко отвѣтилъ отрицательно. Фактъ распространенія февральской книжки журнала со статьей Л. Н. Толстого призналъ.

Судебное слѣдствіе ограничилось просьбой защитника пріобщить къ дѣлу недавно вышедшій трудъ великаго князя Николая Михайловича объ императорѣ Александрѣ I и просьбой подсудимаго о разрѣшеніи ссылаться на номеръ 213 газеты „Русскія Вѣдомости“ со статьей проф. Кизеветтера, а также на брошюру г-жи Т. Богдановичъ „Александръ I“.

Затѣмъ начались пренія сторонъ.

Обвинитель, товарищъ прокурора г. Сергѣевъ, началъ съ заявленія, что изъ формулы „дерзостное неуваженіе къ верховной власти“ онъ готовъ въ данномъ случаѣ исключить эпитетъ „дерзостное“ и будетъ говорить только о неуваженіи. Этимъ, однако, не исключается составъ преступленія: по сенатскому разъясненію, всякое неуваженіе должно считаться дерзновеннымъ, независимо отъ формы, разъ оно направлено къ верховной власти. Форма можетъ лишь усилить степень преступности.

Затѣмъ обвинитель шагъ за шагомъ развиваетъ положенія обвинительнаго акта. Касаясь прежде всего личности, отъ имени которой ведется разсказъ, находитъ неудачнымъ самый пріемъ Толстого: старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, съ точки зрѣнія

закона, представляется бродягой; съ общечеловѣческой точки зрѣнія—это молчальникъ, ушедшій въ себя, отрекшійся отъ прошлаго. Такимъ людямъ менѣе всего свойственно писать воспоминанія и записки. Старецъ, разумѣется, и не оставилъ никакихъ записокъ. То, что напечатано въ „Русскомъ Богатствѣ“ отъ его имени, писано другимъ старцемъ Л. Н. Толстымъ, и не въ 1864 году, а гораздо позже, въ 1905 году. „Записки“ представляютъ поэтому не художественное изображеніе отшельника, а взглядъ самого Толстого, какъ извѣстно, отрицавшаго государственность. Это именно онъ судитъ Александра I-го съ своей точки зрѣнія. Это произведеніе не художника, дающаго собирательное лицо, а моралиста, изрекающаго суровый приговоръ надъ данной исторической личностью.

Обвинитель находитъ, что редакторъ „Русскаго Богатства“ долженъ чувствовать эту разницу, такъ какъ самъ является художникомъ. Послѣ нѣсколькихъ лестныхъ словъ по адресу В. Г. Короленка, какъ художника, обвинитель находитъ, что—„въ напечатанномъ имъ произведеніи Толстого, говорящемъ объ опредѣленномъ лицѣ,—лицо это выставлено тенденціозно и односторонне, только съ дурной стороны“.

Затѣмъ обвинитель касается изображенія императрицы Екатерины, отъ которой, по словамъ записокъ, шелъ дурной запахъ, и императора Александра, который называется „величайшимъ преступникомъ“ за то, что осуществлялъ верховную власть. Затѣмъ, останавливаясь подробнѣе на періодѣ, начинающемся словами: „Тотъ, кто не имѣлъ несчастья родиться въ царской семьѣ“, обвинитель видитъ здѣсь несомнѣнное неуваженіе къ верховной власти въ видѣ осужденія тѣхъ условій, въ которыхъ воспитываются ея будущіе носители. „Кто могъ бы — спрашиваетъ обвинитель дальше — остаться спокойнымъ, если бы объ его отцѣ написали, что онъ завладѣлъ достояніемъ дѣда путемъ насилія!..“ Обвинитель предвидитъ, что защита будетъ ссылаться на историческій трудъ одного изъ членовъ царственной семьи, великаго князя Николая Михаиловича. Но судьи примутъ въ соображеніе, что это, во-первыхъ, солидная научная работа, гдѣ одинаково находятъ освѣщеніе и отрицательныя, и положительныя стороны личности императора Александра I-го... И, во-вторыхъ, всегда легче услышать такіе отзывы отъ человѣка близкаго. То, что можно выслушать отъ близкаго, мы сочтемъ неумѣстнымъ и неуважительнымъ въ устахъ сторонняго, чужого человѣка.

Взвѣсивъ всѣ эти данныя, — обвинитель кончаетъ заявле-

ніемъ, что онъ поддерживаетъ въ полной мѣрѣ обвиненіе, предъявленное В. Г. Короленку, какъ редактору „Русскаго Богатства“.

Защитникъ О. О. Грузенбергъ — начинаетъ свою рѣчь съ заявленія, что тѣ минуты вниманія, на которыя онъ въ правѣ разсчитывать, онъ не хотѣлъ бы тратить на полемику съ представителемъ обвиненія.

„У меня—говоритъ О. О. Грузенбергъ,—впереди серьезная работа,—и я не могу долго останавливаться на счетахъ съ разсужденіями о томъ, что Толстой и Короленко невѣрно понимаютъ задачи художественнаго творчества, что понятіе историческаго романа не допускаетъ того, что допустилъ Толстой.

„Всѣ эти критическія сужденія такой же цѣнности, какъ и юридическіе доводы прокурора о томъ, что Толстой, въ порицаніе существующаго въ Россіи образа правленія, позволяетъ себѣ утверждать, что отъ Екатерины Великой скверно пахло.

„Но не разрѣшитъ ли г. прокуроръ моего недоумѣнія? Если утвержденіе Толстого, что отъ Екатерины Великой скверно пахло, составляетъ порицаніе существующаго въ Россіи образа правленія, то не надо ли отнести къ восхваленію существующаго образа правленія увѣреніе Толстого, что Александръ I былъ красивъ, изященъ и всегда благоухалъ? Я думаю, что на этомъ мы можемъ примириться и отдать Толстому и Короленку всю ту серьезность, которую они въ правѣ отъ насъ требовать.

„Императоръ Александръ I, Александръ Благословенный, монархъ неограниченный, баловень судьбы, спаситель Европы!.. И рядомъ съ нимъ—и онъ самъ въ немъ—бродяга Ѳедоръ Кузьмичъ, наказанный розгами за бродяжество и живущій изъ милости на заимкѣ сибирскаго купца Хромова. Великая, чисто-русская легенда,—легенда, въ которую одинаково любовно повѣрили и верхи Россіи, и самые глубокіе ея низы. Въ нее, легенду эту, вѣрили и въ семьѣ государя Александра III, ее много десятковъ лѣтъ лелѣяли и чтили и солдаты, и мастеровые, и простые крестьяне. Народъ хотѣлъ вѣрить и горячо вѣрилъ, что въ единомъ образѣ сочетался могущественнѣйшій изъ царей и безправнѣйшій изъ его безправныхъ подданныхъ. Для интеллигенціи, для высшихъ круговъ въ Ѳедорѣ Кузьмичѣ воплотилась идея искупленія Государемъ того великаго грѣха, который не долженъ быть никому прощенъ, грѣха убійства или причастности къ нему. И эта легенда смиренія, искупленія такъ близка, такъ родственна совѣстливой русской душѣ!.. Да, это — правда:

у Толстого Александръ I говоритъ: „я—величайшій преступникъ“. Но такимъ онъ былъ, такимъ его признаетъ и русская исторія, сказавшая въ прекрасномъ трудѣ по этому вопросу вел. кн. Николая Михаиловича свое рѣшающее, свое окончательное слово“.

Затѣмъ присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ шагъ за шагомъ разбираетъ инкриминируемыя прокуратурою мѣста произведенія Толстого и, сопоставляя ихъ съ соотвѣтственными выдержками изъ трудовъ вел. кн. Николая Михаиловича и проф. Шильдера, доказываетъ полную правдивость и историческую ихъ точность. Останавливаясь на наиболѣе опасномъ пунктѣ обвиненія, а именно на словахъ Л. Н. Толстого: „Людямъ, не имѣвшимъ несчастья родиться въ царской семьѣ, трудно представить себѣ всю ту извращенность взгляда на людей“ и т. д., защитникъ объясняетъ, что здѣсь имѣется въ виду не разъ навсегда установленныя неизмѣнныя условія воспитанія въ Россіи, а лишь тѣ условія воспитанія въ Россіи, которыя царили въ концѣ XVIII-го вѣка при дворахъ Екатерины II и Павла. Путемъ историческихъ справокъ защитникъ доказываетъ, что условія эти должны были выработать въ воспитанникахъ полное неуваженіе къ человѣческой личности и достоинству.

— И если можно простить обвинительной власти всѣ ея ошибки и отклоненія отъ текста Толстого, обусловившія цѣлый рядъ неосновательныхъ обвиненій, то нельзя безъ боли и досады пройти мимо полнаго извращенія одной изъ глубочайшихъ мыслей Толстого „о желаніяхъ царей“, столь же безсильныхъ, суетныхъ и тщетныхъ, какъ и всякое человѣческое желаніе. Описавъ вѣчныя желанія Александра I, его желанія побѣды надъ Наполеономъ, желанія видѣть Европу преклоненной, Толстой говоритъ: „И мнѣ пришло въ голову, что, если вся жизнь въ зарожденіи желаній и радость жизни въ исполненіи ихъ, то нѣтъ ли такого желанія, которое свойственно бы было человѣку, всякому человѣку, всегда, и всегда исполнялось бы, или скорѣе приближалось къ исполненію. И мнѣ ясно стало, что это было бы такъ для человѣка, который желалъ бы смерти. Вся жизнь его была бы приближеніемъ къ исполненію этого желанія, и желаніе это навѣрное исполнилось бы“. И вотъ, это единое не обманывающее человѣка желаніе, о которомъ такъ давно и долго думалъ Толстой, прокуратура сводитъ къ какой-то политической бутадѣ. Неужели прокуратура не знаетъ дивныхъ словъ Толстого въ письмѣ отъ 2-го сентября 1907 года къ вел. князю Николаю Михаиловичу? Благодаря его за присылку истори-

ческихъ его трудовъ объ Александрѣ, Левъ Николаевичъ писалъ: „Пускай исторически доказана невозможность соединенія личности Александра и Кузьмича,—легенда останется во всей своей красотѣ и истинности. Я началъ было писать на эту тему, но едва ли не только кончу, но едва ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться къ предстоящему переходу. А очень жалѣю: прелестный образъ“. И къ этой плѣнительной легендѣ, легендѣ искупленія царемъ своего грѣха цѣною самоотреченія и покаянія, рѣшаются подойти съ уголовнымъ уложеніемъ и карою... Такъ и хочется сказать г. прокурору въ отвѣтъ на обвиненіе словами Акима изъ „Власти тьмы“: „Тутъ, тае, Божье дѣло идетъ, кается человѣкъ, значитъ... А ты, тае, ахту“... т. е. въ данномъ случаѣ—„обвинительную ахту“...

Обвиняемый В. Г. Короленко проситъ позволенія прибавить къ тому, что сказалъ его уважаемый защитникъ, нѣсколько соображеній, съ точки зрѣнія литератора и редактора журнала.

„Я обвиняюсь,—говоритъ онъ,—въ дерзостномъ неуваженіи къ верховной власти, проявившемся въ напечатаніи разсказа Л. Н. Толстого. Я очень радъ, что г. прокуроръ устранилъ эпитетъ „дерзостный“ своимъ истолкованіемъ 128 статьи. Дерзость всегда унижаетъ того, кто ее допускаетъ. Правильнѣе было бы, можетъ быть, говорить о нѣкоторой смѣлости въ пользованіи новымъ закономъ... Но и этого въ данномъ случаѣ нѣтъ. И, если журналъ всетаки подвергся цензурной репрессіи, то дѣло, мнѣ кажется, объясняется довольно просто слѣдующимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ какое-нибудь огромное зданіе, допустимъ, дворецъ со множествомъ комнатъ. Нѣкоторыя изъ нихъ давно освѣщены и доступны обозрѣнію желающихъ. Другія тщательно заперты, и у дверей поставлены охранители... И вотъ въ одинъ прекрасный день эти двери тоже открываются и въ таинственные углы разрѣшенъ доступъ постороннимъ. У охранителей еще долго будутъ жить старыя привычки, будетъ являться почти инстинктивное стремленіе схватить тѣхъ дерзкихъ, которые въ числѣ первыхъ попытаются переступить завѣтный порогъ.

Нашъ журналъ и сталъ въ данномъ случаѣ жертвой такихъ застарѣлыхъ привычекъ цензурныхъ „охранителей входовъ“. Когда новый законъ открылъ возможность обсужденія, а, значитъ, и возможность осужденія дѣйствій русскихъ монарховъ до дѣда нынѣ царствующаго Государя, то цензурѣ кажется всетаки непривычнымъ, страннымъ и дерзкимъ, когда представители печати рѣшаются свободно воспользоваться этимъ правомъ.

Подъ такимъ запретомъ состояла правдивая исторія и настоящій реальный обликъ императора Александра I-го. Мы знали шаблонный, такъ сказать, одобренный цензурой портретъ этого монарха: „Благословенный“, „свѣтлый ангелъ“, освободившій Европу отъ апокалиптическаго звѣря, человѣкъ мягкій, обаятельный, великодушный, самыя ошибки котораго истекали изъ личной доброты, уступчивости, излишней довѣрчивости къ окружающимъ.

Но вотъ, какъ только позволили цензурныя условія,— сразу появились четыре книги, въ которыхъ читающее общество нашло историческое изложеніе переворота 11 марта 1801 года. При этомъ изъ свѣтлаго тумана выступили очертанія другого облика Александра I-го. Участіе въ заговорѣ дополнялось чертами вкрадчивой двойственности, лукавства, умѣнія пользоваться людьми и обстоятельствами въ своихъ видахъ, двоедушія, порой жестокости... Я ходатайствовалъ передъ судомъ о пріобщеніи номера „Русскихъ Вѣдомостей“ со статьей г-на Кизеветтера, а также брошюры г-жи Т. Богдановичъ „Александръ I“, въ которой, на основаніи историческихъ источниковъ, дана и широко распространена въ популярномъ изданіи эта вторая, исторически болѣе правдивая характеристика личности императора Александра I.

Наконецъ, въ самое послѣднее время вышла книга великаго князя Николая Михайловича, дающая еще болѣе рѣзкую и болѣе суровую характеристику. „Врядъ ли обликъ его,— говоритъ великій князь,—такъ сильно очаровывавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ“. „Двуличность,—говоритъ онъ далѣе на стр. 337,—хотя можетъ быть и была природнымъ свойствомъ его характера, но годы дѣтства и отрочества, несомнѣнно, оказали на эту склонность самое пагубное вліяніе“... „Александръ являлся въ своихъ отношеніяхъ къ Аракчееву,—читаемъ на стр. 278—9-й,—не жертвой безотчетнаго увлеченія личностью послѣдняго, а, наоборотъ, господиномъ, сознательно употреблявшимъ Аракчеева, въ качествѣ орудія... Когда Александръ I былъ наслѣдникомъ, Аракчеевъ былъ нуженъ, чтобы заслониться отъ отца; когда Александръ началъ царствовать, онъ приближалъ къ себѣ Аракчеева каждый разъ, когда считалъ необходимымъ заслониться имъ отъ своихъ подданныхъ“.

Наконецъ, участіе въ самомъ переворотѣ великій князь дополняетъ чертами суровой исторической правды. Въ брошюрѣ г-жи Богдановичъ, которую я представилъ суду, говорится еще: „Александръ могъ не знать, что переворотъ

будетъ стоить жизни его отцу". Великій князь Николай Михайловичъ на стр. 10-й говоритъ прямо: „Трудно допустить, чтобы Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность".

Обвинитель проситъ васъ, гг. судьи, представить себѣ тѣ родственныя чувства, которыя невольно вызываются отрицательными отзывами о покойномъ императорѣ, и видитъ въ указаніяхъ на дурныя условія воспитанія неуваженіе къ верховной власти. Но, гг. судьи, отвѣтъ на это готовъ: въ лицѣ Николая Михайловича мы имѣемъ именно члена родственной семьи... Но онъ также историкъ, и этотъ историкъ не остановился передъ самой суровой правдой. На стр. 12 онъ приводитъ даже фразу Константина Павловича: „qu'il ne voulait pas monter au trône souillé par le sang de son père".

Русская историческая наука и русская литература можетъ только поблагодарить августѣйшаго автора за эту книгу, которая устанавливаетъ съ такой правдивостью, на основаніи высоко авторитетныхъ источниковъ, историческій обликъ замѣчательнаго императора. Указывая на величіе борьбы и побѣды надъ Наполеономъ, признавая, что здѣсь онъ проявилъ черты генія, историкъ рядомъ съ прежними ставитъ новый портретъ личности Александра I, отмѣченный безпощадной правдой.

Что же даетъ Толстой?

Геніальный художникъ вводитъ въ эту портретную галлерею изображеніе подвижника. Ѳедоръ Кузьмичъ говоритъ о себѣ, о своемъ прошломъ: я—величайшій преступникъ. Да... Исторія можетъ разно оцѣнивать и самый заговоръ, и его результаты. Несомнѣнно, однако, что, субъективно, какъ человѣкъ и какъ сынъ, Александръ долженъ былъ чувствовать себя именно преступникомъ. Далѣе, царь-отшельникъ естественно, осуждаетъ всю прежнюю свою „свѣтскую" жизнь, полную всякихъ „соблазновъ". Обвиненіе уже въ этомъ предпочтеніи сибирской заимки коронѣ и трону видитъ оскорбленіе верховной власти. Правильно ли это? Исторія знаетъ настроеніе, которое можно было бы назвать царственной болѣзнью. Уже въ древности одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ Востока, Навуходоносоръ, съ вершины трона ушелъ въ пустыню и, по враждебному истолкованію еврейскихъ источниковъ, сталъ питаться, подобно животнымъ, травой. Легко разглядѣть подъ этой легендой тоску могущественнаго деспота по простымъ условіямъ жизни среди природы и простыхъ людей. Псалтырь, произведеніе царственнаго поэта, весь проникнутъ этимъ стремленіемъ къ смиренной долѣ. „Суета суетъ, всяческая суета!"—говоритъ съ горечью тоже царственный

Экклезіастъ... То же настроеніе видимъ мы въ книгѣ римскаго императора Марка Аврелія. Карлъ V уходитъ въ монастырь св. Юста. И, если бы у этого монарха спросили о причинахъ его „ухода“, очень вѣроятно, что онъ повторилъ бы многое, что теперь намъ ставится въ вину въ исторіи Ѳедора Кузьмича. Кто же, однако, захочетъ видѣть въ этомъ эпизодѣ что-нибудь оскорбительное для царственной фамиліи Габсбурговъ?

Въ русской литературѣ есть и другія произведенія, разрабатывающія тотъ же мотивъ. Въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина отшельникъ Пименъ говоритъ послушнику:

Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный.
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьи:
„Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму“.
И плакалъ онъ, и мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ страдающей и бурной.

И въ другомъ мѣстѣ:

Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился,
Они его мѣняли на клобукъ.

Въ этихъ нѣсколькихъ поэтическихъ строчкахъ почти вся психологическая исторія Ѳедора Кузьмича. Только клобука Александру въ изображеніи Толстого показалось мало: онъ взялъ долю не просто скромнаго подданнаго; онъ спустился въ низы, наиболѣе презираемые, считаемые преступными. Если эту легенду съ ея настроеніемъ считать оскорбленіемъ верховной власти вообще, то нужно выкинуть очень много мѣстъ изъ Псалтыря, изъ Экклезіаста, изъ твореній Марка Аврелія и просто изъ историческихъ учебниковъ.

Оскорбленіе верховной власти?.. Но вотъ что говоритъ историкъ Александра, Шильдеръ. Онъ считаетъ, что, если бы эту легенду можно было перенести на реальную почву, „то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собой самый смѣлый поэтическій вымыселъ... Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ „сфинксъ, не разгаданный до гроба“, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ въ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали

бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осіяннымъ лучами святости".

Обликъ человѣческій, господа судьи,—явленіе чрезвычайно сложное. Его нельзя охватить однимъ мгновеннымъ негативнымъ изображеніемъ; для этого нуженъ рядъ моментовъ и рядъ изображеній. И вотъ, за то, что въ портретной галлереѣ Александра I мы поставили, можетъ быть, иллюзорный и несогласный съ исторической дѣйствительностью, но возвышенный образъ кающаго подвижника, „осіяннаго лучами святости", — редакторъ „Русскаго Богатства" сидитъ на этой скамьѣ въ качествѣ подсудимаго.

Что касается центральнаго мѣста обвиненія, т. е. шестнадцати строкъ, начинающихся словами: „Кто не имѣлъ несчастья родиться въ царской семьѣ"...—то этотъ эпизодъ освѣщенъ уже моимъ уважаемымъ защитникомъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, считать, что это характеристика для всѣхъ временъ, для всѣхъ условій? Времена мѣняются и условія также. У Александра I воспитателемъ былъ „лукавый князь Салтыковъ и ворчливый дядька Протасовъ". Мы знаемъ, что воспитателемъ будущаго императора Александра II, напримѣръ, былъ уже приглашенъ поэтъ Жуковскій, написавшій замѣчательное стихотворное пожеланіе воспитаннику:

...Да славнаго участникъ славный будетъ
И на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.

Очевидно, этотъ воспитатель понималъ опасность для будущаго питомца отъ условій придворныхъ отношеній и придворной лести, о которой говоритъ въ отношеніи къ Александру I не только герой Толстого, но и великій князь Николай Михайловичъ... Всегда ли удавалась эта задача, поставленная поэтомъ-воспитателемъ, насколько и въ какомъ направленія измѣнились условія воспитанія,—объ этомъ скажетъ исторія, когда придетъ ея время и для послѣдующихъ царственныхъ поколѣній. Мы останавливаемся передъ этой задачей, еще недоступной сужденію литературы, и говоримъ только, что эти условія мѣнялись и что инкриминируемое журналу мѣсто разсказа Толстого не подлежитъ распространительному толкованію.

Гг. судьи! Если вы просмотрите напечатанную въ „Русскомъ Богатствѣ" статью Л. Н. Толстого, вы увидите, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ она испещрена многоточіями. Это мнѣ, писателю, и моимъ товарищамъ по редакціи выпало на долю... цензуровать разсказъ геніальнаго русскаго художника. И, если бы въ заграничныхъ газетахъ появилась телеграмма

о томъ, что редакторъ журнала преданъ суду за помѣщеніе съ купюрами разсказа Толстого, то очень вѣроятно, что заграничные писатели увидѣли бы преступленіе не въ томъ, что этихъ купюръ оказалось недостаточно, а въ томъ, что я осмѣлился посягнуть на произведеніе генія!.. У насъ другія условія. Для того, чтобы разсказъ могъ появиться, мы должны были провести его между Сциллой и Харибдой; нужно было принимать въ соображеніе суровые законы, ограждающіе верховную власть отъ проявленія „дерзостнаго неуваженія", но, съ другой стороны, предстояло сдѣлать это въ предѣлахъ необходимыхъ и достаточныхъ, не нарушая также уваженія къ правамъ народнаго генія. Мы были увѣрены, что выполнили эти условія, и всетаки журналъ наткнулся на препятствія, коренящіяся въ привычныхъ нравахъ русской цензуры. Законъ, о которомъ я уже упоминалъ, снялъ долго стоявшія преграды, и историческая истина хлынула уже многоводной рѣкой. Обвинитель говорилъ о разницѣ между объемистымъ, солиднымъ и спокойнымъ историческимъ трудомъ и художественнымъ разсказомъ, помѣщеннымъ въ книжкѣ журнала. Но, гг. судьи, эта разница исчезаетъ, если принять во вниманіе, что выводы автора становятся достояніемъ періодической прессы и популярной литературы.

И, тѣмъ не менѣе, нашъ журналъ остановленъ, редакторъ подвергается обвиненію. Это похоже на то, какъ если бы на срединѣ многоводной рѣки былъ поставленъ небольшой шлюзъ, среди ничѣмъ неогражденнаго теченія. Это не удобно для какого-нибудь отдѣльно плывущаго судна, которое, какъ нашъ журналъ, можетъ случайно на него наткнуться. Но теченія это остановить не можетъ. Цѣлая историческая эпоха, знаменательное царствованіе императора Александра I стало уже достояніемъ исторической и общей литературы, и мы ждемъ, что приговоръ суда сниметъ и эти послѣднія, ни для чего не нужныя, преграды на пути исторической правды, научной и художественной.

Судебная палата не нашла состава преступленія въ „Запискахъ старца Ѳедора Кузьмича" и вынесла В. Г. Короленку оправдательный приговоръ, постановивъ снять арестъ съ книжки „Русскаго Богатства", въ которой были напечатаны эти „Записки".

1912 г.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(М. О. Меньшиковъ: Совѣсть и знаніе. Русская Мысль, VII, 1895 г.).

Г. Меньшиковъ помѣстилъ въ „Недѣлѣ“ статью „Высшая цѣль“ *). Статья эта очень понравилась г-ну О. Т. В. (въ „Русской Мысли“), который находитъ въ ней „и бодрую мысль, и честное чувство“. „Ужасно грустно бываетъ видѣть,—говоритъ г. Меньшиковъ,—вдумчивыхъ честныхъ людей, которыхъ мучаетъ тайный недугъ сомнѣнія, неразрѣшеннаго вопроса: что дѣлать? Мы видимъ вокругъ себя, что добрые несчастны, что нѣтъ утѣшенія честнымъ“. Отчего это происходитъ? По собственной винѣ (этихъ) людей,—полагаетъ г. Меньшиковъ. „Добрые не были бы несчастными, если бы были *вполнѣ* добры. Честные не тосковали бы, если бы были *до конца* честными“. И г. Меньшиковъ доказываетъ, что „учитель, любящій дѣло и дѣтей, и самъ будетъ счастливъ, и внесетъ счастіе въ дѣтскій міръ; что преданный своей задачѣ докторъ... можетъ быть счастливъ сознаніемъ честно исполненнаго долга“... и т. д., и т. д., и т. д. Этихъ назидательныхъ примѣровъ можно набрать множество...

Статья очень понравилась г. О. Т. В.; поэтому мы ее цитировали въ собственномъ его изложеніи. Съ своей стороны, мы никакъ не можемъ понять, что собственно такъ прельстило автора изъ „Русской Мысли“. Намъ кажется наоборотъ, что это одно изъ тѣхъ благожелательныхъ словесныхъ утѣшеній, которыми тоскующаго человѣка, если его тоска не вымышлена, а искренняя и глубока, можно вогнать въ еще большее уныніе и при томъ уныніе совершенно безплодное... „Самосовершенствованіе есть высшая цѣль... Занимайтесь своей совѣстью...

*) Ноябрь, 1894 г.

Вы добры?... подбавьте еще доброты... Вы честны?... Усугубите эту честность"... Ахъ, уйдите, пожалуйста, невольно скажешь такому утѣшителю, дѣло тутъ не въ добротѣ и не въ честности, и сколько ни поднимай себя за волосы,—все самъ себя, этимъ способомъ, изъ болота, подобно барону Мюнхгаузену, не вытащишь... Да и не во мнѣ одномъ тутъ дѣло и не въ моей тоскѣ. Знаю, что нельзя сложа руки предаваться унылымъ размышленіямъ и даже шевелюсь по мѣрѣ возможности. Да бѣда въ томъ, что тутъ и самый веселый человѣкъ сдѣлаетъ такъ же мало, какъ самый тоскующій и печальный!

Какъ бы то ни было, г-нъ О. Т. В. съ одной стороны находитъ, что статья очень хороша, а съ другой совершенно разрушаетъ ея основанія. Это въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли" 1894 г. Въ іюлѣ г-ну Меньшикову почему-то показалось, что г. О. Т. В. обижаетъ совѣсть и проповѣдуетъ одно безсовѣстное знаніе. Въ виду этого, онъ напечаталъ въ VII книжкѣ „Русской Мысли" свое возраженіе, которое редакція помѣстила „въ виду важности вопроса". Намъ опять кажется, что никакой важности нѣтъ и что всѣ эти серьезные споры объ „умѣ и чувствѣ", о „совѣсти и знаніи", о сердцѣ и „хладномъ разсудкѣ", сильно напоминаютъ разговоры героинь Островскаго о томъ, что лучше—имѣть и потерять или надѣяться и не получить. Самымъ основательнымъ въ статьѣ г. Меньшикова намъ показалось ея окончаніе: „Споръ не нуженъ, нужна честная работа... Лозунгомъ плодотворнаго общественнаго движенія не можетъ быть ни „нравственность", ни „просвѣщеніе", а неразрывный союзъ ихъ—„*нравственное просвѣщеніе*"... Вотъ и прекрасно. Если бы г. Меньшиковъ написалъ эти слова въ началѣ своей статьи, то можетъ быть ему не пришлось бы писать продолженія, читателю не пришлось бы его читать, а г. О. Т. В.—доказывать въ сентябрьской книжкѣ „Русской Мысли", что онъ вовсе не сторонникъ безсовѣстности. И даже больше: г. Меньшикову не пришлось бы написать кое-чего такого, что поистинѣ уже производитъ „угнетающее впечатлѣніе" на страницахъ прогрессивнаго журнала и въ устахъ передового публициста.

Я говорю о весьма удивительной философіи г. Меньшикова, которая сквозитъ изъ-подъ его утѣшительнаго краснорѣчія. Не стану говорить о странной презумпціи *золотого вѣка назади*, которая сквозитъ по всей его аргументаціи, направленной на исчисленіе „преступленій" испытующаго разума, ведущаго къ знаніямъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Къ сожалѣнію, съ легкой руки Руссо, у насъ, да и не у насъ однихъ—еще не

мало людей, основывающихъ свое право на званіе глубокихъ мыслителей на этомъ доказанномъ заблужденіи великаго ума... Но вотъ, что поистинѣ придаетъ статьѣ г. Меньшикова характеръ весьма оригинальный и заслуживающій вниманія... „*Если развитіе знаній, необходимо*“ — пишетъ онъ на стр. 101.—то только въ качествѣ могущественнаго орудія, отъ котораго добро *не можетъ* отказаться, *разъ тѣмъ же оружіемъ вооружилось зло*“ (курсивы наши)... Ну а если бы зло не вооружилось физическимъ знаніемъ (каковымъ, по словамъ автора, стремятся сдѣлаться *всѣ науки*)... Что же тогда? Тогда... *добрые* отлично могли бы, очевидно, обходиться безъ знанія и были бы нравственны, а стало быть и счастливы, и можетъ быть даже не тосковали бы, и г. Меньшикову не приходилось бы понукать ихъ ободрительными словами: а ну, подбавьте еще доброты, будьте честными до конца.

Такъ, очевидно, выходитъ по этой „нравственной“ философіи. Астрономія есть, очевидно, знаніе физическое, Галилей, съ благоговѣніемъ передъ раскрывающейся тайной міровъ, смотритъ въ свою трубу и испытуетъ законы „физическаго движенія свѣтилъ“... Онъ даже думаетъ, пожалуй, что совершаетъ „нравственное“ дѣло, „познавая творца во твореніи“,— какъ наивно и сильно выражались наши предки. Но г. Меньшиковъ думаетъ иначе. Для него это физическое познаніе *безразлично* въ движеніи человѣчества къ великимъ цѣлямъ; даже болѣе: оно — еще новое излишнее бремя для добрыхъ овечекъ. Хитрый Галилей вооружаетъ зло новымъ физическимъ познаніемъ; нечего дѣлать, придется и добрымъ простякамъ напрасно ломать головы надъ безразличными истинами астрономіи... Думаю, что г. Меньшиковъ не одобряетъ и прелатовъ, угрожавшихъ Галилеямъ пыткой и кострами. Къ чему такія грубыя средства. Но если бы инквизиторы умоляли Галилеевъ, обнимали имъ колѣни (рецептъ г. Меньшикова для борьбы со всякимъ зломъ, стр. 193) и умоляли отказаться отъ „безразличной“ истины о движеніи земли, то г. Меньшиковъ обязанъ, послѣдовательности ради, одобрить ихъ настойчивыя просьбы. И кто знаетъ! Мы готовы допустить, что это средство было бы дѣйствительнѣе костра и пытки. Въ виду послѣднихъ, гордецъ Галилей всетаки еще строптиво топалъ ногами и говорилъ: „e pur se muove!“ Ну, а это нытье и клянченье могло бы пожалуй навести на него такое уныніе, что онъ бы махнулъ рукой. А ну васъ, тоска!.. И злые не имѣли бы новаго орудія, а для добрыхъ не было бы новой обузы! Какъ жаль, что въ прошлые вѣка не знали или не примѣняли новаго способа борьбы со зломъ. Однимъ ору-

жіемъ было бы меньше у злыхъ,—одной обузой—у добрыхъ...

По философіи г-на Меньшикова, ходъ міровой исторіи являетъ только борьбу „нравственно добраго съ нравственно злымъ“—и ничего больше. Знаніе—безразлично, побѣда надъ природой—не благо. Наука—что-то вродѣ сабли или дубинки. Если бы злые Ванечки этого міра не хватались за эту саблю и не придумывали разныхъ хитростей,—то добрые Митеньки и не подумали бы о „физическомъ знаніи“, и сабля лежала бы зарытая въ землѣ. И это было бы превосходно. Города „не высасывали бы, какъ помпы, самыхъ „талантливыхъ“ жителей деревни, послѣдніе жили бы въ своихъ дебряхъ, не изобрѣтали бы компасовъ, не шатались бы Богъ вѣсть зачѣмъ по морямъ-океанамъ, ѣздили бы себѣ „простымъ обычаемъ“ на волокушахъ, протаскивали бы роженицъ черезъ хомуты или подвѣшивали къ притолкамъ (физіологія, анатомія—знанія „физическія“, а стало быть безразличныя), отъ времени до времени топили бы вѣдьмъ, приколачивали бы колдуновъ осиновыми колами къ землѣ и въ простотѣ сердечной поклонялись бы до сихъ поръ быкамъ или коровамъ.

Впрочемъ, можетъ быть и во всемъ этомъ виновато „безсовѣстное“ знаніе?..

Поистинѣ удивительная философія!

1895 г.

Стереотипное въ жизни русскаго писателя.

(Къ некрологу гр. Е. А. Саліаса).

Когда умираетъ русскій писатель, какого бы калибра онъ ни былъ, то ему, какъ всякому подсудимому на судѣ, прежде всего, вѣроятно, предлагаютъ на томъ свѣтѣ вопросъ: „Былъ ли въ каторжныхъ работахъ? На поселеніи въ Сибири? Подъ судомъ? Въ тюрьмѣ? Ссылался ли административно? Или, по меньшей мѣрѣ, не состоялъ ли подъ надзоромъ полиціи, явнымъ или тайнымъ?“

И рѣдкій изъ нашей братіи можетъ, положа руку на сердце, отвѣтить: на каторгѣ не бывалъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не находился, подъ явнымъ и тайнымъ надзоромъ не состоялъ.

Такая уже преступная профессія. Съ первымъ лепетомъ россійской публицистики началась и эта исторія: уже Новиковъ и Радищевъ открыли скорбный мартирологъ. О Пушкинѣ и Лермонтовѣ извѣстно. Даже Грибоѣдовъ, видный чиновникъ и россійскій „полномочный министръ“ при персидскомъ дворѣ, не избѣжалъ путешествія на фельдъегерскихъ съ Кавказа въ Петербургъ. На память объ этомъ путешествіи онъ завѣщалъ намъ характерное четырестишіе, которое покойный Каратыгинъ, его личный знакомый, напечаталъ въ своихъ запискахъ:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово „рабъ“.
Меня и взяли въ главный штабъ
И „притянули къ Іисусу“ *).

Въ „главный штабъ“ потому, что въ тѣ древнія времена (1826 годъ) не было еще даже „корпуса жандармовъ“, и „привлекаемые“ по подозрѣнію въ ненависти къ слову *рабъ* помѣщались въ ордонансъ-гаузѣ при главномъ штабѣ.

---

*) „Р. Старина“, мартъ 1872.

Съ этихъ поръ система совершенствовалась, захватывала все шире, и теперь трудно сказать, найдется ли хоть одинъ русскій писатель, не заштемпелеванный хоть когда-нибудь, хоть однажды въ своей жизни печатью „неблагонадежности“...

Недавно умеръ графъ Е. А. Саліасъ-де-Турнемиръ, авторъ „Пугачевцевъ“. Онъ былъ графъ, аристократъ, цензоръ, вообще человѣкъ „вполнѣ благонадежный“. Даже „Новое Время“ и „Россія“ не нашли на его репутаціи пятна и упрека и посвятили ему самые благосклонные некрологи.

И, однако, въ жизни графа-писателя тоже былъ неблагонадежный эпизодъ, о которомъ, повидимому, забыли некрологисты. А между тѣмъ, онъ былъ оглашенъ самимъ Саліасомъ.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1898 года) были напечатаны воспоминанія гр. Е. А. Саліаса, въ которыхъ отмѣчена эта любопытная черта. Въ 1861 году происходили памятныя студенческія волненія въ московскомъ университетѣ, и графъ Саліасъ-де-Турнемиръ былъ избранъ въ числѣ трехъ студентовъ отвезти въ Петербургъ прошеніе на Высочайшее имя. Прошеніе было вручено флигель-адъютанту, а на другой день графъ явился за отвѣтомъ къ шефу жандармовъ, князю Долгорукову. Послѣдній,—человѣкъ уже пожилой и благосклонный,—принялъ юношу студента очень милостиво и произнесъ при семъ случаѣ назидательную рѣчь, суть которой заключалась въ слѣдующемъ: „Государю Императору, какъ отцу своихъ подданныхъ, крайне горько видѣть, что молодежь, вмѣсто того, чтобы усердно заниматься науками, волнуется и занимается предметами, до ея образованія не касающимися. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ справедливыя желанія студентовъ московскаго университета будутъ удовлетворены. Возвращайтесь тотчасъ же обратно въ Москву и постарайтесь, чтобы волненія въ московскомъ университетѣ тотчасъ же стихли“.

Графъ съ товарищами въ Москву вернулся, волненія стихли. Но... съ тѣхъ поръ на имени юнаго студента поставленъ штемпель: „неблагонадежный“, и онъ попалъ подъ негласный надзоръ полиціи.

Тѣ времена были много благодушнѣе нашихъ. Теперь этотъ роковой штемпель лишаетъ заклейменнаго огня и воды, преграждаетъ ему доступъ на всякую казенную службу, заставляетъ гг. губернаторовъ „не утверждать“ кандидата на службу земскую, а иной разъ даже гонитъ съ частной, оставляя торную дорогу только въ эмиграцію или въ нелегальные. Тогда служебная карьера отъ тайныхъ аттестацій не прерывалась. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ „въ чиновники“ въ новороссійскій край, Герценъ — въ Вятку, Салты-

ковъ былъ въ Вяткѣ же совѣтникомъ казенной палаты и т. д.

Служебная карьера графа Саліаса шла тоже довольно успѣшно. Онъ сталъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при тамбовскомъ губернаторѣ, потомъ „по личному желанію гр. Д. А. Толстого“ сдѣлался редакторомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Нужно замѣтить, что это „особое порученіе“ требовало нарочитаго довѣрія, такъ какъ это редакторство „по назначенію“ совпало съ отнятіемъ аренды „Петербургскихъ Вѣдомостей“ у либеральной редакціи Корша и Суворина. Графъ Саліасъ это довѣріе оправдалъ, былъ затѣмъ принятъ въ россійское подданство съ Высочайшаго соизволенія и затѣмъ однимъ почеркомъ пера (какъ выразился министръ Тимашевъ), не имѣя чина, получилъ сразу чинъ надворнаго совѣтника. Затѣмъ графъ былъ членомъ комитета цензуры иностранной въ Петербургѣ и наконецъ управляющимъ конторы императорскихъ театровъ, въ каковомъ качествѣ представлялся Государю.

Но вотъ, однажды ему случилось отправиться въ провинцію, гдѣ губернаторомъ былъ его пріятель. Графъ по пріѣздѣ въ городъ остановился у этого губернатора. Однажды послѣднему принесли секретную бумагу. Въ ней губернатору, какъ домохозяину, предлагалась нѣкая секретная анкета, относившаяся къ его гостю, какъ состоящему подъ тайнымъ надзоромъ полиціи!

Это было, по словамъ графа Саліаса, 19 лѣтъ спустя послѣ того, какъ юный студентъ московскаго университета выслушалъ благосклонныя назиданія шефа жандармовъ, добродушнаго кн. Долгорукова! Все это время за графомъ при всѣхъ его передвиженіяхъ слѣдовала, какъ тѣнь, репутація „неблагонадежности“, и полиція озабоченно отмѣчала его пріѣзды и отъѣзды, причемъ, конечно, росло соотвѣтствующимъ образомъ и „дѣло“ объ этомъ опасномъ человѣкѣ въ сыскныхъ учрежденіяхъ.

Впрочемъ, 19 лѣтъ — это еще не очень много. Пушкинъ былъ менѣе счастливъ и числился неблагонадежнымъ чуть не полвѣка спустя послѣ своей смерти. Заслуга освобожденія великой тѣни отъ негласнаго надзора полиціи принадлежитъ, по словамъ ген. П. Панкратова *), шефу жандармовъ, извѣстному ген. Мезенцеву. Назначенный шефомъ, Мезенцевъ потребовалъ къ себѣ списки поднадзорныхъ, въ числѣ которыхъ продолжалъ значиться „титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Мезенцевъ тотчасъ же, конечно, распорядился очистить списки неблагонадежныхъ лицъ отъ умершихъ литераторовъ, чтобы въ нихъ осталось болѣе простора живымъ.

1909 г.

*) „Р. Вѣд.“ 1889 г., № 99.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНДЪ.

(1859—1909 г.)

8 ноября 1909 г. „Литературный фондъ“ праздновалъ свой полувѣковой юбилей.

Пять десятилѣтій—это въ условіяхъ русской жизни срокъ для общественнаго учрежденія очень долгій, для учрежденія же, связаннаго съ литературой,—тѣмъ болѣе. У насъ теперь много говорятъ о „неприкосновенности личности“. Правда, только говорятъ. Кажется, стоило бы хоть „только поговорить“ о неприкосновенности общественныхъ учрежденій. Каждое общественное начинаніе у насъ на Руси рождается съ зародышемъ смертельной болѣзни. Въ каждомъ уставѣ, подлежащемъ утвержденію, непремѣнно присутствуетъ статья: общество можетъ быть закрыто (безъ суда и разслѣдованія, въ порядкѣ административнаго усмотрѣнія) губернаторомъ или градоначальникомъ, или министромъ, а то иной разъ и просто-на-просто любымъ полиціймейстеромъ. Да, въ сущности, пожалуй, и всегда судьба каждаго общественнаго начинанія зависитъ отъ господина полиціймейстера, докладывающаго по начальству. Безъ всѣхъ этихъ обывательскихъ затѣй полиціи много спокойнѣе... А закрыть такъ легко.

Мудрено ли, что у насъ нѣтъ сколько-нибудь устоявшихся, прочныхъ, хотя бы даже и совершенно нейтральныхъ въ политическомъ смыслѣ культурныхъ учрежденій. Сколько у нихъ шансовъ для скоропостижной смерти отъ „неизвѣстныхъ“ или малоизвѣстныхъ причинъ. Стоитъ одинъ разъ избрать составъ правленія, скажемъ,—нѣсколько неосторожный... Правленіе сдѣлало, допустимъ, дѣйствительно нетактичный шагъ и—кончено: общества нѣтъ. Подобно сарацину въ одной старой балладѣ, оно, подъ бурнымъ натискомъ какого-нибудь ретиваго административнаго рыцаря, теряетъ свою голову ранѣе,

чѣмъ успѣваетъ это замѣтить. Правленіе не успѣваетъ даже собрать общаго собранія для обсужденія своихъ дѣйствій, какъ ужъ собирать приходится развѣ для похоронъ.

Это одна возможность (и при томъ самая рѣдкая): дѣйствительная ошибка *одного* изъ многихъ смѣняющихся правленій. Но вѣдь есть и другія, гораздо болѣе распространенныя. Кромѣ неудачнаго состава выборныхъ правленій, можетъ вѣдь случиться и неудачный составъ мѣстной администраціи. Такъ часто встрѣчаются слишкомъ ретивые, склонные къ превышенію власти, а то,—скажемъ по человѣчеству,—и просто неумные губернаторы. Почудится такому господину „что-нибудь этакое подозрительное“ или не понравится личный составъ общества... Есть параграфъ, дающій ему власть пресѣчь предвидимую опасность. Онъ съ легкимъ сердцемъ и пресѣкаетъ. Даромъ, что его предшественникъ не только не считалъ данное общество вредоноснымъ, но даже поощрялъ его „полезную дѣятельность“. Можетъ быть и замѣститель тоже только пожметъ плечами, узнавъ о дѣйствительныхъ мотивахъ закрытія. Но... нельзя же колебать престижъ власти, отмѣняя „законное распоряженіе“ уважаемаго предшественника. И вотъ просвѣтительнаго, благотворительнаго или иного частнаго начинанія какъ не бывало...

Да, пятьдесятъ лѣтъ существованія для учрежденія частнаго почина, да еще обслуживающаго нужды русской печати—событіе, несомнѣнно, очень рѣдкое, можно даже сказать, единственное въ своемъ родѣ. Не мудрено, что торжественное общее собраніе, посвященное этому юбилею, въ Александровскомъ залѣ городской думы привлекло сочувственное вниманіе и общества, и печати. На эстрадѣ публика видѣла, между прочимъ, М. М. Стасюлевича, живого свидѣтеля перваго общаго собранія Литературнаго фонда, происходившаго ровно 50 лѣтъ назадъ. Его встрѣтили теплымъ привѣтомъ, на него смотрѣли съ сочувственнымъ интересомъ, какъ на живую связь между нашимъ временемъ и литературой 40-хъ и 50-хъ годовъ... Но долголѣтіе самаго фонда гораздо болѣе замѣчательно. Пятьдесятъ лѣтъ! И только одинъ разъ фондъ опасно хворалъ и былъ близокъ къ закрытію...

Исторія юбиляра обстоятельно изложена въ интересномъ „Очеркѣ дѣятельности Литературнаго фонда за 50 лѣтъ“, составленномъ А. А. Корниловымъ. Характерно, что прототипомъ для нашего фонда послужилъ англійскій „Literary fund“, а иниціаторомъ явился англоманъ А. В. Дружининъ. И составитель историческаго очерка, который я цитирую, и С. А. Венгеровъ, давшій въ собраніи яркую характеристику

Дружинина, отмѣчаютъ, что онъ былъ несомнѣнный „консерваторъ“, но консерваторъ во вкусѣ англійскаго тори, т. е. приверженецъ правового порядка и парламентарій. А русскій парламентарій въ николаевское время, это, конечно, консерваторъ болѣе чѣмъ сомнительный. Къ Дружинину примкнули: И. С. Тургеневъ, К. Д. Кавелинъ, П. В. Анненковъ, Н. Г. Чернышевскій, А. В. Никитенко, А. А. Краевскій, С. С. Дудышкинъ, А. Д. Галаховъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. П. Ковалевскій и др. Въ біографіи Л. Н. Толстого, изданной г. Бирюковымъ, есть выдержка изъ дневника: въ январѣ 1857 года Левъ Николаевичъ отмѣтилъ: „писалъ уставъ Литературнаго фонда у Дружинина“. Хотя уставъ фактически составленъ былъ Кавелинымъ и Заблоцкимъ-Десятовскимъ, но изъ этой выдержки видно, что Л. Н. Толстой принималъ въ учредительскихъ дѣйствіяхъ непосредственное участіе.

Средняя линія, проходящая черезъ эти имена иниціаторовъ фонда,—характерна для настроенія русской печати того времени. Здѣсь цензоръ Никитенко встрѣтился съ радикаломъ Чернышевскимъ въ присутствіи Кавелина, Анненкова, Тургенева. Впослѣдствіи въ комитетѣ или въ составѣ членовъ фонда участвовали: Ѳ. М. Достоевскій, А. Ѳ. Писемскій, И. А. Гончаровъ, М. Е. Салтыковъ, Н. А. Некрасовъ, Н. К. Михайловскій... Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы при основаніи фонда были еще живы Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь — ихъ имена были бы въ спискѣ учредителей, какъ нѣтъ также сомнѣнія, что въ немъ, навѣрное, не было бы Булгарина.

Въ очеркѣ А. А. Корнилова есть интересныя черты, характеризующія тогдашнее общество и правительство въ ихъ отношеніяхъ къ литературѣ. Фондъ былъ дѣломъ литературы, а литература признавалась дѣломъ общества. Высокопоставленныя лица являлись въ числѣ первыхъ жертвователей. Министры считали нужнымъ „оказывать возможное содѣйствіе“; въ провинціи вечера, устраиваемые въ пользу фонда, разсматривались, какъ дѣло благонамѣренное и похвальное. Былъ даже въ 1860 году случай, что такой вечеръ устроили... кадеты Воронежскаго кадетскаго корпуса, и директоръ, генералъ-майоръ Ватаци, препровождая комитету собранные на вечерѣ 154 рубля, отмѣчалъ въ препроводительной бумагѣ, что кадеты устроили вечеръ по собственной иниціативѣ...

Да, времена мѣняются... Что сказали бы нынѣшніе генералъ-майоры, если бы въ какомъ-нибудь кадетскомъ корпусѣ возникла подобная иниціатива!

Другая черта, быть можетъ, не менѣе любопытная. Лите-

ратурный фондъ прежнихъ годовъ охотно приходилъ на помощь декабристамъ. Такъ, по ходатайству М. И. Семевскаго, было выдано крупное пособіе М. А. Бестужеву (на возвращеніе въ Россію); нѣсколько разъ выдавалось пособіе барону А. В. Штейнгелю, а по смерти — его дѣтямъ; вдова Вильгельма Кюхельбекера, жившая въ Иркутскѣ, получала продолжительное пособіе по 180 рублей и т. д.

Это, конечно, вполнѣ понятно: эти декабристы принимали участье въ литературѣ. Интересно, однако, что никому тогда не приходило въ голову винить комитетъ фонда въ „тенденціозной поддержкѣ неблагонамѣренныхъ лицъ“. Даже болѣе: ходатайство о пособіи Бестужеву было поддержано генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, а о пособіи вдовѣ Кюхельбекера хлопоталъ другой генералъ-губернаторъ, М. С. Корсаковъ. Очевидно, тогдашніе „правители“ понимали, что литературныя заслуги и вытекающія изъ нихъ права не должны быть смѣшиваемы съ такъ называемыми „правами состоянія“ и что для признанія этихъ правъ нѣтъ надобности въ участковомъ свидѣтельствѣ о благонадежности. Декабристы совершили „тяжкое преступленіе“ съ точки зрѣнія государства и по приговору суда были лишены соотвѣтственныхъ правъ. Но тогдашнее государство еще не посягало на мысль и совѣсть общества и его учрежденій. Сочувствіе къ людямъ, уже понесшимъ кару за свои убѣжденія, не считалось преступленіемъ. Офиціальное лишеніе „всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ“ кончалось у предѣловъ, гдѣ начинались права ума и совѣсти. Писатель оставался писателемъ для писателей и образованнаго общества. И Муравьевъ-Амурскій, вѣроятно, съ удивленіемъ узналъ бы, что черезъ полъ-столѣтія литературное учрежденіе будетъ закрыто за помощь, оказанную амнистированному, какъ и Бестужевъ, писателю и ученому, платившему, вдобавокъ, взносы въ это общество взаимопомощи. А между тѣмъ такая именно „административная неожиданность“ постигла на нашихъ глазахъ „кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“, существовавшую при Литературномъ фондѣ. Да, на разстояніи этого полустолѣтія измѣнилось очень многое, и образъ Муравьева-Амурскаго изъ дали временъ удивленно переглядывается съ современнымъ намъ г. Крыжановскимъ...

Я не имѣю въ виду въ настоящей замѣткѣ возстановлять передъ читателемъ подробную исторію Литературнаго фонда, отсылая интересующихся къ работѣ г-на Корнилова, которой желаю широкаго распространенія. Русскому обществу не мѣ-

шаетъ познакомиться съ исторіей и характеромъ этого учрежденія, которые, къ сожалѣнію, не достаточно извѣстны даже многимъ писателямъ. Отсюда, между прочимъ, частыя, можно даже сказать, постоянныя нападки на дѣятельность фонда, которыя раздаются въ самой печати.

Организація фонда сложилась нѣсколько своеобразно. Духъ англомана Дружинина наложилъ на нее свой неизгладимый отпечатокъ. Можно бы, конечно, придумать уставъ раціональнѣе и лучше. Но едва ли можно было изобрѣсти организацію болѣе жизненную, которая, съ одной стороны, обезпечивала бы сохраненіе самаго общества въ условіяхъ той предубѣжденности къ литературѣ, какой все больше проникались административныя сферы, а съ другой—охраняло бы достоинство этой литературы, которой фондъ являлся долго единственнымъ офиціальнымъ представителемъ.

По уставу членами фонда могутъ быть и писатели, и сочувствующіе его задачамъ люди изъ общества. Но въ комитетъ, завѣдующій дѣлами общества, избираются только писатели. Члены фонда баллотируются на общихъ собраніяхъ. Общее собраніе лишь избираетъ комитетъ и провѣряетъ правильность его дѣйствій при помощи выборной ревизіонной комиссіи, а также даетъ руководящія общія указанія, устанавливающія направленіе дѣятельности комитета. Всего въ комитетѣ 12 членовъ. Избираются они на три года, при чемъ комитетъ обновляется частично. Ежегодно выбываютъ четыре члена по очереди и на ихъ мѣсто въ годичномъ собраніи избираются новые. Выборы эти до извѣстной степени ограничены: собраніе выбираетъ четырехъ членовъ изъ восьми кандидатовъ, намѣченныхъ самимъ комитетомъ. Этотъ способъ избранія, принятый также въ англійскомъ фондѣ, вноситъ въ учрежденіе струю нѣкотораго консерватизма. Благодаря, именно, вліянію комитета на выборы составъ его отъ начала до конца сохранилъ одинаковый характеръ и въ общемъ представлялъ какъ бы среднюю линію русской печати, которая всегда была въ огромномъ большинствѣ прогрессивна. И если за комитетскимъ столомъ часто встрѣчались люди, которые въ литературѣ шли разными дорогами и порой вели другъ съ другомъ рѣзкую полемику, то все же до конца въ ихъ средѣ не было Булгариныхъ, какъ не было ихъ и вначалѣ. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ Литературный фондъ сохраняетъ свою „односторонность“. Впрочемъ, пособіе много разъ получали и современные Булгарины...

Можно много сказать по поводу несовершенства самаго устава, который и вызывалъ уже въ русской печати живую

принципіальную критику. Г. Корниловъ приводитъ примѣръ Григорія Захаровича Елисѣева, который сначала нападалъ на самую организацію фонда, считая ее недостаточно демократической и раціональной, но впослѣдствіи, присмотрѣвшись ближе къ долголѣтней практикѣ учрежденія, совершенно измѣнилъ отношеніе къ нему и завѣщалъ фонду свое имущество. Очень можетъ быть, что современемъ, когда измѣнятся острыя условія, въ которыхъ протекаетъ все существованіе русской печати,—этимъ принципіальнымъ возраженіямъ противъ „не вполнѣ раціональнаго“ устава суждено будетъ возобновиться съ большимъ успѣхомъ. А пока характерно всетаки, что теоретическая критика искреннихъ людей (г. Корниловъ приводитъ еще кампанію противъ основъ фонда со стороны г-на Г. Градовскаго) склонялась передъ безукоризненной на практикѣ „традиціей“ англоманскаго учрежденія на русской почвѣ.

Нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать о нападкахъ, идущихъ со стороны ретроградной части печати. Отъ времени до времени въ ней выдвигается рядъ обвиненій уже не принципіальнаго, а чисто личнаго свойства противъ состава комитета. Такъ, шесть лѣтъ назадъ *) фонду пришлось возражать противъ фактическихъ искаженій, допущенныхъ въ этомъ отношеніи княземъ Мещерскимъ и подхваченныхъ родственными „Гражданину“ органами. Не касаясь здѣсь всѣхъ этихъ обвиненій, укажемъ на одну ихъ черту: опровергнутыя по пунктамъ съ категоричностью, не оставляющей никакихъ сомнѣній, — они затѣмъ повторяются вновь цѣликомъ, съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла.

И, между прочимъ, каждый разъ на сцену выдвигается легенда о Ѳ. М. Достоевскомъ. Какъ извѣстно, Достоевскій не принадлежалъ къ „либераламъ“, и его публицистическіе взгляды давали поводъ даже князю Мещерскому говорить о немъ, какъ о своемъ единомышленникѣ: „мы, люди мыслящіе и пишущіе во-едино“ (хотя это, къ счастью, крупное недоразумѣніе). Отсюда антагонисты фонда заключаютъ, что фондъ очевидно долженъ былъ отказать Достоевскому въ пособіи.

Басню эту кн. Мещерскій впервые пустилъ еще лѣтъ 15 назадъ. Фонду порой трудно бываетъ опровергнуть подобныя обвиненія, когда они дѣлаются въ общей формѣ. Для этого пришлось бы опубликовать имена лицъ, получающихъ отъ него пособія, на что онъ *не имѣетъ права по уставу*. Въ данномъ случаѣ облыжное указаніе имѣло конкретную форму,

*) Писано въ 1909 году.

и фонду ничего не стоило возстановить фактъ: Достоевскому не только не было отказано ни въ одной его просьбѣ, но, наоборотъ, два раза разрѣшалась ссуда въ 1500 рублей на поѣздку за границу для лѣченія, при чемъ комитетъ, въ виду серьезности обстоятельствъ и исключительныхъ заслугъ „не либеральнаго“ писателя, взялъ на себя отвѣтственность нарушить уставъ: по уставу члены комитета сами не могутъ пользоваться пособіями ни въ какой формѣ, а *Достоевскій былъ тогда членомъ комитета и секретаремъ его...* Это вызвало въ свое время замѣчаніе ревизіонной комиссіи по поводу нарушенія устава, но, конечно, это одно изъ тѣхъ „нарушеній“, которыя исторія фонда ему въ вину не поставитъ.

Интересно, однако, что, опровергнутая разъ, басня черезъ нѣсколько лѣтъ была повторена опять и при томъ... тѣмъ же кн. Мещерскимъ. Н. К. Михайловскій незадолго до своей смерти писалъ по этому поводу *): „Девять лѣтъ назадъ кн. Мещерскій впервые пустилъ клевету, которую нынѣ все въ томъ же свойственномъ ему грубо шутовскомъ тонѣ повторяетъ. Какъ тогда, такъ и теперь комитетъ фонда представилъ свое объясненіе, сдержанность и фактическую обоснованность котораго читатели, конечно, оцѣнили. Спрашивается, что дѣлать комитету, если, спустя нѣкоторое время, кн. Мещерскому опять вздумается бросить въ него своей клеветой. Неужели учрежденію, членами комитета и ревизіонной комиссіи котораго въ теченіе полувѣковой дѣятельности перебывали такіе представители литературы и науки, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Костомаровъ, Бекетовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Тютчевъ, Кавелинъ, Некрасовъ, Салтыковъ (мы теперь должны прибавить и имя самого Михайловскаго), неужели ему придется еще разъ парировать грязные намеки и обвиненія!“...

Къ сожалѣнію, пришлось. И именно къ пятидесятилѣтнему юбилею уже не кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ“, а извѣстный г. В. В. Розановъ въ „Новомъ Времени“ не усомнился съ легкимъ сердцемъ выдвинуть вновь старую, давно убитую легенду объ отказѣ Достоевскому. Г. Розановъ, конечно, не кн. Мещерскій, и дѣло свое дѣлаетъ нѣсколько тоньше, хотя едва ли опрятнѣе. Кромѣ указанія на то, что „фондъ ничѣмъ не помогъ Ѳ. М. Достоевскому—хотя и функціонировалъ въ его время“ и что „это историческій укоръ на его памяти“ (хороша, не правда ли, исторія г. Розанова!) — онъ рисуетъ

*) „Р. Богатство“, октябрь 1903

картину, которая должна вызвать въ читателѣ негодованіе противъ нынѣшняго комитета. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ г. Розановъ прочелъ въ газетахъ о готовящемся празднованіи 50-лѣтія Литературнаго фонда, онъ получилъ письмо, очень печально рисующее положеніе одного стараго писателя. „Лишившись заработковъ (въ такой-то газетѣ), бѣднята NN. совершенно палъ духомъ и впалъ въ какую-то прострацію: ему кажется, что въ его жизни все рухнуло, что ему грозитъ нищета, что онъ всѣми забытъ и заброшенъ, и понятно, что при такомъ положеніи перо валится у него изъ рукъ“...

„Всѣ вещи становятся понятны въ обстановкѣ своихъ подробностей,—продолжаетъ г. Розановъ.—Я вспомнилъ бѣдную, но до рѣдкости культурную квартиру этого писателя. Самъ хорошаго дворянскаго рода, великій поклонникъ императора Александра II въ его реформаціонную пору, онъ все оставилъ (?) для шутливаго разсказа и водевиля, а въ часы досуга бродилъ по Александринскому рынку и мало по малу собралъ рѣдчайшіе портреты нашихъ писателей... Все это можно было разсматривать, какъ въ музеѣ“...

„И вотъ не стало теперь возможности хранить даже „музей“: нечѣмъ натопить его“...

Да, картина очень печальная и, къ сожалѣнію, слишкомъ знакомая въ писательской средѣ во всѣ времена, а особенно въ наше время, когда положеніе печати стало менѣе устойчиво, чѣмъ во времена самой тяжелой реакціи. Органы печати и въ столицахъ, и въ провинціи по разнымъ причинамъ гибнутъ одни за другими, и десятки, сотни работниковъ выкидываются подобнымъ же образомъ на улицу... Фондъ ли, однако, виноватъ въ этомъ тяжкомъ положеніи многихъ литературныхъ тружениковъ?

Какъ будто нарочно, чтобы оттѣнить всю тенденціозную несостоятельность этого обвиненія, г. Розановъ въ той же статьѣ даетъ лирическій образчикъ въ другомъ, уже не обличительномъ, а хвалительномъ родѣ: „Объ Академическомъ фондѣ (фондъ Императора Николая II) приходилось слышать много добраго: онъ помогаетъ дѣятельно, молча, безъ шума и огласки“*)...

Это, конечно, очень интересно. Мы тоже не слышали ничего дурного объ Академическомъ фондѣ. Но... что, если бы кто-нибудь пожелалъ ту же печальную исторію „квартирки-музея“ примѣнить съ обличительными цѣлями къ фонду Академическому? Тому самому, который работаетъ „безъ шума“,

*) „Нов. Вр.“, 22 окт. 1909 г., № 12074.

между прочимъ, и оттого, что ему не приходится ни собирать общихъ собраній *по уставу*, ни устраивать спектакли и чтенія для усиленія своихъ средствъ. Средства эти, какъ извѣстно, отпускаются ежегодно въ количествѣ 50 тысячъ изъ государственнаго казначейства. 50 тысячъ—это гораздо больше того, чѣмъ ежегодно располагаетъ Литературный фондъ... И всетаки „квартирку-музей“ отапливать оказалось нечѣмъ „не смотря на то, что Академическій фондъ уже дѣйствовалъ въ то время“, и всетаки десятки тружениковъ печати нуждаются, выселяются изъ квартиръ, впадаютъ въ уныніе, голодаютъ. И всетаки у писателей нѣтъ обезпеченной старости, и передъ многими, очень многими стоитъ страшный призракъ нищеты и голода „подъ старость лѣтъ“... Что если бы на этомъ основаніи кто-нибудь обрушился на Академическій фондъ, выдумалъ бы что-нибудь въ родѣ легенды о Достоевскомъ, а затѣмъ прибавилъ: „А вотъ о Литературномъ фондѣ мы слышали много хорошаго“... Это былъ бы какъ разъ тотъ же пріемъ господина Розанова, только повернутый обличительной стороной къ учрежденію титулованному, а хвалебной къ обществу частной иниціативы.

Дѣло, очевидно, не въ томъ, что одно (частное) учрежденіе работаетъ хуже другого (титулованнаго), а въ томъ, во-первыхъ, что оба они еще слишкомъ слабы въ борьбѣ съ огромной нуждой... А во-вторыхъ, при условьяхъ, когда порой одинъ росчеркъ административнаго усмотрѣнія можетъ сразу ухудшить положеніе всей печати, когда не только газета, но и цѣлое профессіональное общество взаимопомощи можетъ быть уничтожено даже безъ предварительныхъ справокъ, по недоразумѣнію,—то всѣ усилія благотворительныхъ учрежденій не въ состояніи исправить послѣдствія одного такого удара...

Впрочемъ, это уже область печальныхъ трюизмовъ, очевидныхъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій... И противъ этого всякая благотворительность безсильна.

Это не мѣшаетъ, конечно, привѣтствовать скромное литературное учрежденіе съ его хорошей старой традиціей, которое честно и съ истиннымъ безпристрастіемъ дѣлаетъ, что можетъ, предоставляя охочимъ людямъ отъ времени до времени подновлять все ту же старую клевету...

1909 г.

Оглавленіе

V тома.

стр.

Въ голодный годъ. (Наблюденія и замѣтки изъ дневника).
Вмѣсто предисловія 3
I. Дорогой.—Тайное общество.—„Міръ“ и помощь . . . 13
II. Въ Арзамасѣ.—Земскій начальникъ.—Опять дорожныя впечатлѣнія.—Нѣчто объ оппозиціи и фантастическія размышленія на границѣ уѣзда. 20
III. Въ Лукояновѣ.—Лукинскіе номера и „конспиративная квартира“.—Злобы дня уѣзднаго города; исправникъ Рубинскій и предсѣдатель Валовъ.—Нѣчто о лукояновскомъ юморѣ, о земствѣ и о столовыхъ. — Еще одинъ недоумѣвающій земскій начальникъ 32
IV. Новые землевладѣльцы.—Мерлиновка и мерлиновская трагедія.—На Бѣлецкомъ хуторѣ.—Первые списки . 46
V. Бунтовщики-василевцы 55
VI. „Заштатный городъ“. — „Столовая“. — Опять „спокойствіе уѣзда“.—Базаръ и парадоксы голоднаго года . 59
VII. Наканунѣ сраженія. — Губернскій благотворительный комитетъ и уѣздное „попечительство“. 69
VIII. Губернская и уѣздная продовольственная комиссіи.—Законъ и практика. — Земство и администрація въ продовольственномъ дѣлѣ 74
IX. Засѣданіе уѣздной комиссіи. — Еще о спокойствіи уѣзда 94
X. Открытіе первыхъ столовыхъ. — Система въ 1-мъ участкѣ, и почему я не открылъ столовой въ Василевомъ-Майданѣ 105
XI. По пути въ лукояновскую „Камчатку“. — Еще о спокойствіи уѣзда.—Обуховскій земскій хуторъ.—О „зиждущей работѣ“ и о „трудно-больныхъ“. 114
XII. Въ Камчаткѣ.—Мадаевскій старшина.—„Изслѣдованіе“ Шутиловской волости.—Истощеніе населенія.—Опасность воображаемая и истинная опасность 123
XIII. Зараженная деревня. — Замѣчательный документъ. — „Какіе мы жители“.—„Вопросъ“ 131

стр.

XIV. Нелей.—Кирлейка.—О лѣсныхъ общественныхъ работахъ.—Кто правъ и кто виноватъ.—Въ Салдамановскомъ-Майданѣ 142
XV. Христовымъ именемъ 156
XVI. Интересная этнографическая группа. — Недоразумѣніе.—„На одно лицо“.—Малые надѣлы 171
XVII. Что иногда называется бунтомъ. — Кандрыкинцы. — Малиновка 180
XVIII. Пралевка.—Исторія Максима Савоськина.—Въ мятель. 189
Заключеніе.
„Новые люди“. — Антихристъ.— Выводы Нижегородск. губ. продовольственной комиссіи. — „Особое мнѣніе“. — Сильная власть. — 1892—1906. — Земство и администрація. — Барановъ и Фредериксъ.—Мораль голоднаго года 201
Въ пустынныхъ мѣстахъ. (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу).
I. Ветлуга 222
II. Свѣтлояръ 240
III. Пріемышъ 255
IV. На сѣжѣ 263
V. По Керженцу.—„Городинка“. 268
VI. По Керженцу. — Въ Оленевскомъ скиту и у „единовѣрцевъ“. 276
VII. Ночная буря.—Лѣсные люди 291
VIII. На кордонѣ.—Лѣсная пустыня.—Волга! 309

Двѣ картины. (Размышленія литератора) 318
Знаменитость конца вѣка. (Этюдъ) 329
„О сложности жизни“. (Изъ полемики съ марксизмомъ) 340
Г. Скабичевскій и „освобожденіе отъ журналовъ“. 358
О сборникахъ Товарищества „Знаніе“ за 1903 г. (Литературная замѣтка) 363
Старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ (герой повѣсти Л. Н. Толстого). 385
Процессъ редактора „Русскаго Богатства“ 393
Удивительная философія. 407
Стереотипное въ жизни русскаго писателя. (Къ некрологу гр. Е. А. Саліаса). 411
Литературный Фондъ (1859—1909 г.). 414

489678
LR
K8467
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собраніе сочиненій.
v.5
[Translit: Polnoe sobranie sochineny]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

BINDING LIST OCT 15 1949